

К.Н. Николаев

ЭКСПАНСИЯ РИМА В РОССИЮ

К.Н. Николаев

ЭКСПАНСИЯ
РИМА
В РОССИЮ

Восточный обряд
(Рим — Польша — Россия)

Москва
2005

К.Н. Николаев

Экспансия Рима в Россию. Восточный обряд. (Рим — Польша — Россия). — М.: 2005. — 360 с.

Книга рассказывает об экспансии католического Рима на территорию русского Православия. Главным оружием римо-католиков была и остается пропаганда подчинения Риму с помощью унии. Большую часть книги занимает работа «Восточный обряд», ее автор Константин Николаевич Николаев (1884–1965). Он состоял юрисконсультom Православной Церкви в Польше и боролся с агрессивной католической политикой в отношении Православия. Впервые его книга вышла под названием «Восточный обряд» в Париже, в 1950 году.

В книге «Экспансия Рима в Россию» даны так же и другие материалы по истории унии, в частности сочинение протоиерея Иоанна Наумовича.

*Священной памяти Великого Господина Святейшего Тихона,
Патриарха Московского и всея Руси, исповедника Правосла-
вия, сыновне посвящает свой труд автор*

*Берегитесь лжепророков, которые приходят к
вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищ-
ные.*

Мф. 7, 15

*И тогда объявлю им: «Я никогда не знал вас;
отойдите от Меня, делающие беззакония».*

Мф. 7, 23

*При том я старался благовествовать не там,
где уже было известно имя Христово, дабы не
созидать на чужом основании.*

Рим. 15, 20

Предисловие

Окончательный разрыв между Константинополем и Римом, известный под именем «разделения церквей», является, бесспорно, самым сильным потрясением, которое Христианство пережило за всю свою многовековую историю. Не надо забывать уроков прошлого и думать, что этот разрыв произошел неожиданно или что несогласия двух первоначальных престолов Востока и Запада возникли только в конце первого тысячелетия. Не следует упускать из виду все те исторические, канонические и политические подробности, которые постепенно подготовляли отделение латинства от Православия и создали невозможным дальнейшее общение.

Здесь не место перечислять все достаточно известные факты, которые накопляли в обеих половинах христианского мира взаимное непонимание, перешедшее потом в открытую неприязнь. Курс церковной истории может легко освежить в памяти весь этот длительный процесс, и при достаточной доброй воле и объективности историческая правда выявляется с неумолимой ясностью. Напомнить надо только одно, что так часто забывают на Востоке: самое явление папизма возникло ни в коем случае не в IX или XI вв. и выступило на поверхность исторического процесса далеко не неожиданно. Можно думать, что патриархи Фотий и Михаил Кируларий слишком поздно заметили нарастающую в истории тенденцию епископов Рима Древнего подчинить своему исключительному господству и Рим Новый, и вообще всю вселенную. Сам Восток неоднократно и бессознательно помогал Риму развивать в себе преувеличенное самосознание власти и примата в Церкви. Как бы то ни было, но столкновения обоих Римов при упомянутых патриархах были только заключительными патетическими аккордами в многовековой дисгармонии между этими двумя первосвятительскими кафедрами.

Со времени отъезда папских легатов из Константинополя домой фактически утвердилось то положение, к которому силой исторических обстоятельств и неизбежной внутренней диалектикой событий шли епископы римской церковной области, уверовавшие сами и заставившие поверить и весь западный мир в примат своей власти, далеко выходящей за пределы этой области.

Величайшее несчастье в истории христианства совершилось и повлекло за собой все последствия церковных разделений: разрыв нешвенного Христова Хитона, прекращение молитвенного общения, угасание жертвенного огня любви, носителем которого должен быть всякий пастырь в силу своего священнического служения, а особенно тот из них, кто в анаграмме имени своей кафедры хочет видеть начертание любви. «ROMA — AMOR» — знал еще Фотий (Ad Amphiloeh. qu. 134 — M. P. Gr. 101, 736 C.), и его слова не могли не звучать укором Риму и в те дни.

Все последующие попытки исправить ошибку не могли привести ни к чему. Ни о каком примирении или воссоединении не могло быть и речи, так как неправильным и шатким было основание, на котором пытались строить это воссоединение. В глазах римского первосвятителя оно представлялось исключительно как признание его главенства в

христианском мире, а не только как хотя бы первенство чести, «председательствование в любви», как писал древнехристианский писатель (св. Игнатий Антиохийский. Послание к Римлянам).

По своему историческому пути Запад шел независимо и отлично от Востока. Пути разошлись, различия культурные, племенные и богословские углубились, настроения обеих церквей становились все более и более чуждыми друг другу и непонятными. События и обстановка наложили свой отпечаток. Запад систематизировал и научно обосновывал богословское наследие прошлого, тогда как Восток оставался в более молчаливом преклонении пред преданием отцов. Запад строил свой земной град в то время, как Восток защищал Запад от полчищ нехристианских завоевателей. Запад стремился к централизованному единству управления из Рима, а Восток свободно предоставил многочисленным областным единицам самостоятельное право церковного самоуправления. Запад обвинял Восток в добровольном подчинении Церкви государственной власти («цезарепапизм»), а сам присвоил себе эту же государственную власть, сливая воедино царство мира сего с Царством Христовым, которое не от сего мира.

Властолюбивый централизм Рима явился и остался главным движущим фактором его жизни и миропонимания. Весь его пастырско-миссионерский пафос имел одну главную цель — подчинение всех христиан всего мира одному административному центру, воспрियाвшему на себя незначительное звание «викария Христова». Понимание церковной самодовлеющей полноты в виде общины, объединенной своей иерархией, как это сознавали христиане во времена Игнатия и Киприана Карфагенского, было заменено понятием централизованного единства Рима.

На почве созидания культуры латинское христианство мощно и умело руководило творческими силами. Иерархия и клир у них стояли во главе строительства и шли впереди исторического процесса. Это строительство им удалось, и в этом, конечно, заслуга их перед Церковью и человечеством. Это особенно заметно в деле богословского образования, где Западу принадлежит честь основания великих орденов ученого монашества, духовных центров просвещения и создание непревзойденных синтезов Аквината, Бонавентуры, Дунс Скота и др.

Они неумоимо разрабатывали богословскую науку и, обосновав ряд теологуменов и доктрин, придали им на всекатолических своих собраниях иерархов (так называемые «вселенские соборы») значение церковно-общеобязательных догматов. Эти канонизованные доктрины (Filioque, чистилища, непорочного зачатия Приснодевы, папской непогрешимости и др.) еще больше углубили различие латинского и восточного обликов христианства. Но центр тяжести все же не в них, а всегда в учении о примате Римского папы.

Для взаимного ознакомления с инославными и ради миссионерски-педагогических задач Рим готов идти на очень многое. Он проявляет, особливо за последнее время, большую гибкость и терпимость в обсуждении этих вопросов. Его интерес к Востоку и к Свв. Отцам дает часто повод римским богословам внимательно и миролюбиво прислушиваться к голосу нас, своих восточных собратьев. Изучая восточную патристику, Рим начинает углубляться в мудрость нашей аскетики и мистики. Он преклоняется перед сокровищницей наших песнопений и иконописи. В своей гибкости он готов признать ряд православных свя-

тых, канонизированных Церковью после отделения Рима от Православия (см. издания православных богослужебных книг в Гротаферратском аббатстве). Рим не настаивает даже на чтении Символа веры с прибавлением «и от Сына», когда он совершает византийскую литургию, мотивируя это словами папы Бенедикта XIV (1746 г.) о том, что в выражении «от Отца исходящего» не заключается обязательно исключительное понимание «от Отца только», а и не от Сына. Рим пошел по пути своего миссионерства еще дальше: он признал возможным совершение литургии и по так называемому «восточному обряду», т. е. легализовал для целей пропаганды православный тип богослужения, и даже в известных случаях особенно настаивает на этом, но... при обязательном условии признания главенства римского первосвященника. Это последнее является первым и безусловным основанием для «соединения церквей». Можно обсуждать любые доктрины римского богословия, кроме одной — примата власти Римского папы.

Следует отметить, что, как это ни странно, Рим не выработал однообразной и прочной терминологии по отношению к Православию. То из побуждений апостольской широты и миссионерской гибкости, казалось бы, категория церковности к нам могла быть вполне применима: переходящих в латинство православных клириков Рим не перерукополагает (что соответствует и нашей практике в отношении клириков римских), признавая таким образом действительность нашего посвящения; нечего говорить и о признании православного крещения; иногда и сам Римский первосвященитель считает возможным в отношении нас сказать, что «отколовшиеся части золотоносной скалы и сами по себе золотоносны» (папа Пий XI в обращении к итальянским студентам. «*Osservatore Romano*» от 24 января 1927 г.). Но гораздо чаще о нас говорят как о схизматиках: в целях миссионерства и «сближения» произносятся циклы проповедей о «грехе схизмы»; венчавшуюся в православной церкви католическую принцессу подвергают церковному прешению; католическому верующему народу запрещено присутствовать при православной литургии и т. д. И такое отношение вполне понятно и логично, ибо не из побуждений миссионерской широты, а вполне официально католический ученый историк употребляет выражение «православная церковь (*chiesa ortodossa*) **только** как технический термин», не придавая ему никакой богословской значимости. (Guglielmo de Vries, S. J. *Il cristianesimo nell'unione sovietica*. Roma, 1948). В глазах римокатолика мы только схизматики, непокорные Риму диссиденты. В таком случае в отношении к православному миру должна проводиться линия строгого прозелитизма, объясняемая чаще всего любвеобильными пастырскими заботами св. отца о находящихся вне единоспасающей римской церкви. Для этой цели устраиваются и недели молитвы о воссоединении нас с престолом св. Петра, страждущая русская Церковь поручается особому небесному покровительству св. Терезы, издаются журналы и книги, имеющие целью вернуть нас к Истине, переводятся наши богослужебные книги на европейские языки, в церквах больших центров западного мира устраиваются торжественные «показательные» литургические церемонии с целью все того же сближения; а главное, Рим систематически пропагандирует так называемый «восточный обряд».

Он в глазах Рима является сейчас самым мощным средством пропаганды. После неудавшихся попыток унии на соборах Лионском,

Флорентийском, Брестском пришли к иному способу миссионерства. Когда церковное соборное сознание православного народа не признало и не оправдало слабости и неумеренной гибкости некоторых восточных иерархов на этих соборах и предпочитало скорее лишения, гонения и даже смерть, чем измену вере отцов, Рим обратился к новым методам миссионерства. Понимая огромную власть внешних форм в религиозной жизни, решили при помощи этих именно внешних подробностей православного быта пытаться уловлять в латинство.

«Восточный обряд» кажется Риму огромной уступкой, великодушной любовью широкой римокатоличества. Внимание обращено не на отвлеченные теологические спекуляции, не на формальное подчинение католическим униатским прелатам, а на то, чтобы дать православным и сохранить даже при единении с Римом самое близкое, привычное, бытовое — т. е. унаследованный веками уклад богослужения.

Признать надо: имитировать и копировать литургические тонкости Православия римским миссионерам удастся очень хорошо. Их церкви «восточного обряда» украшены отличными иконами византийского письма, поют они прекрасно, служат их миссионеры совсем по уставу и, может быть, даже иногда правильнее и уставнее самих православных. Но интересно, что чаще всего это дает обратный результат. С особой силой отталкиваются и не принимают «восточного обряда» дети в католических интернатах. Непосредственному религиозному чувству резко бросается в глаза вся неискренность и опасность этого миссионерского метода. Нельзя не чувствовать, что тут что-то не то. И это «не то» обнаруживается при ближайшем внимательном наблюдении. За внешней приманкой наших облачений, бород, крестного знамения, распевов и самой литургии скрывается острое пропагандистской уловки: за всем «восточным обрядом» скрывается поминование имени Римского папы и в дальнейшем признание его примата, его власти, его викариатства Христова на земле. «Восточный обряд» есть не что иное, как замаскированное средство уловления простодушных, доверчивых и малоосведомленных людей во власть все того же папизма, который нельзя миновать, о котором нельзя рассуждать, которому должно покориться все на земле.

Возникновению, историческому развитию и отношению разных слоев христианского мира к «восточному обряду» и посвящена настоящая книга К.Н. Николаева. Книга эта заслуживает самого внимательного отношения. Ее надо не только прочесть, но и хорошо запомнить содержащиеся в ней уроки. Автор по своему прошлому и своему положению имел возможность наблюдать очень многое и составить себе ясное представление о работе римокатолических миссионеров в Польше и России. Юрисконсульт Варшавской митрополии в течение ряда лет, близкий наблюдатель всего совершавшегося в пределах Польши, свидетель разрушения многих десятков православных храмов (о чем, кстати, не принято вспоминать и неловко говорить в наше время компромиссов с разными видами зла), борец за гонимое Православие в той же Польше и благодаря всему этому прекрасный знаток всего дела, К.Н. Николаев зорко следил и за развитием любвеобильной попечительности римских апостолов в среде отколовшихся от Рима «схизматиков».

Книга Николаева «Восточный обряд» особенно ценна потому, что она составлена не из обывательских впечатлений и переживаний, всегда личных и потому небеспристрастных, а на основании документов.

Из накопленных в течение долгого ряда лет фактов, непосредственных впечатлений, вырезок из польских газет, итальянских католических журналов, официальных распоряжений Рима, разбросанных повсюду в повременных изданиях и потому уже забытых, К.Н. Николаевым восстановлен любопытный и очень поучительный исторический фильм, из которого выявляется вся сущность «восточного обряда», как пропагандистского средства Рима. Кроме того, книга воссоздает яркую картину нескольких печальных «обращений» православных священников в латинство и обратное затем их движение к Православию. Одной из интересных и поучительных подробностей этой книги является соревнование римских сторонников «восточного обряда» с польскими методами чистого обращения в католичество. Как оказывается, польские иерархи и администраторы боялись в «восточном обряде» средства русификации, что в глазах имперской политики Рима не могло не казаться мелочным провинциализмом.

Своей документированностью эта книга убеждает и заставляет помнить о непрекращающейся опасности обращения простодушных людей в католичество при помощи таких средств, как «византийский обряд», стилизация под русский быт, игра на национальном романтизме. Рим не забыл и никогда не может забыть своей главной цели — обратиться в латинство, подчинить себе, заставить признать первое и основное требование, предъявляемое к некаатоликам: прежде всего подчиниться римскому престолу.

Книгу К.Н. Николаева надо признать очень удачной и ценной именно как напоминание всем нам о непрекращающейся опасности римокатолических обращений всех растерявшихся, всех малодушных, всех малосведущих людей. Надо помнить, что за словами о любви Римского первосвященника скрывается желание подчинить себе; что за желанием «взаимного ознакомления» и «сближения» стоит единая цель — обращение в католицизм; что так называемый «восточный обряд» вовсе не есть какая-то незначительная внешняя ритуальная подробность. Здесь не может быть «все равно» или «это совсем не важно», «это только внешнее». «восточный обряд» — большая и реальная опасность для наших детей, наших простецов, наших малоцерковных людей. Опасность и потому, что он покоится на неискренности.

Профессор архимандрит КИПРИАН,
Сергиевское подворье,
ноябрь 1948 года

От автора

I

В ноябре 1933 года я получил предписание в двухнедельный срок вместе с женой покинуть Польшу, где я прожил тридцать лет, был семь лет юрисконсультom Синода и был хорошо известен правительственным верхам. Никаких поводов к высылке не было. Только что была закончена, при моем участии, большая работа по пересмотру Устава духовных консисторий. Удалось согласовать интересы Церкви с желаниями правительства. Четырехлетняя судебная борьба против требований католической иерархии о передаче православных святынь и имущества пришла к более или менее благополучному концу. Вначале в успех этого дела, кроме меня, никто не верил. Мы вели тяжелую борьбу за права духовенства и Церкви, за церковное достоинство. Положение было тяжелое, но не безнадежное. На митрополита Дионисия давили правительство, католическая иерархия, «восточный обряд», украинцы. Либеральные круги требовали «соборности». Тем не менее Церковь себя отстаивала и даже вела работу в Галиции по обращению униатов.

Моя высылка была актом террора. Не только в Варшаве, но и во всей митрополии поняли, что это было началом нового курса. Правительство по этому вопросу не желало разговаривать. Президент республики отказал митрополиту в приеме. Проводили меня с почетом, после молебна архиерейским служением, и на вокзал пришла буквально вся варшавская русская колония.

Отныне только виды правительства должны были быть основой деятельности чинов церковного управления. Митрополит Дионисий, переоценивая возможности власти, вскоре встал на путь уступок, с которого не мог сойти. Все это окончилось катастрофой.

Я беспрепятственно получил визу в Югославию. В Сремских Карловцах я впервые встретил митрополита Антония, этого «Отца Церкви» XIX века. Волянь жила его памятью, и я привез с собою воспоминания волянского народа. Лампада его жизни догорала. Ничто земное его больше не занимало.

II

Сербский патриарх Варнава, этот замечательный человек, был занят строительством обновленного сербского патриархата. Положение Православия в Польше и «восточный обряд» он считал явлением местным.

Ко мне он отнесся отечески, оказал значительную помощь, но места в сербской церкви я не получил. В Варшаве увидели, что ни Русская Зарубежная Церковь, ни Сербская Церковь не поняли того, что происходит в Польше, и, отказывая в поддержке мне, в сущности отказывают в помощи Православной Церкви в Польше. В Варшаве у многих опустились руки. Трудно бороться без надежды на помощь. В 1934 году я представил патриарху Варнаве план работы о «восточном обряде», вопрос этот его не заинтересовал. В марте 1937 года мои статьи о «восточном обряде» были напечатаны в газете «Голос России» (София). Они

встретили отклик в Америке и в католической печати. В 1938 году на Соборе в Сремских Карловцах было заслушано четыре моих доклада, освещавших общее положение Православия, в том числе и доклад о «восточном обряде». Собор постановил опубликовать послание и образовать при Священном Синоде специальный отдел для изучения материалов по «восточному обряду».

Постановления эти, как и многие другие, остались на бумаге.

Моя книга — первый опыт. Она изучает период около 18 лет, закончившийся смертью Пия XI и катастрофой Польши.

Я не останавливаюсь подробно на вопросе так называемой старой унии, на русском католицизме, а также и на вопросе о возвращении эмиграции. Это особые вопросы.

Моя книга имеет недостатки, проистекающие из условий работы в эмиграции, вне большого центра. Но я надеюсь, что моя работа даст толчок к изучению этого вопроса, весьма опасного для Православия и славянства.

Считаю своим долгом выразить благодарность протопресвитеру Стефану Цанкову, обратившему внимание П.Ф. Андерсона на мой доклад, Павлу Францевичу Андерсону, профессору Б.Вышеславцеву и американскому издательству, давшему возможность закончить работу и выпустившему книгу. Выражаю благодарность также и о. Я.Урбану, снабжавшему меня материалами, несмотря на мое враждебное отношение к «восточному обряду».

Появление в печати моей книги является радостью, которая заставляет меня забыть все тяжелое, связанное с церковной работой и со второй эмиграцией.

Надлежит иметь в виду, что труд этот был закончен в 1939 году и оставлен без изменений в смысле хронологическом.

Глава первая

Католическая церковь и власть в России

1

«До большевистского ига католическая церковь в многострадальной России была, можно сказать, в цветущем состоянии. Несмотря на соревнование Православия, пользовавшегося, как государственная религия, особой поддержкой правительства, католичество в России было достаточно сильно, богато и активно в своей внутренней жизни. Церкви отличались благолепием, общественно-религиозная работа была поставлена среди католического населения широко, духовенство было вполне обеспечено. Конечно, взаимоотношения с правительством оставляли желать лучшего, но и тут не так уж трудно было при доброй воле многое наладить»¹.

Это говорит прелат А.Около-Кулак, бывший секретарь барона Роппа, митрополита всех католических церквей в России, человек, в полной мере осведомленный о предмете и независимый. Слова эти сказаны в независимой Польше.

Он далее добавляет: «Достаточно указать для определения размеров понесенных потерь, что одни дома католической церкви Св. Екатерины в Санкт-Петербурге, с относящимися к ним площадями земли, оценивались до войны в 30 миллионов рублей золотом и давали возможность содержать великолепно устроенные, образцовые гимназии — мужскую и женскую, профессиональную школу и несколько начальных школ, в которых обучались тысячи католических детей»².

«Церковь католическая в России, — добавляет со своей стороны русский католик, ныне покойный священник Диодор Колпинский, — стояла на достаточно высоком моральном и культурном уровне со многих точек зрения, может быть, высшем, чем в других странах. Духовенство, не связанное на просторах огромной Могилевской архиепископии теснотой границ, могло проявить неизвестный в других местах размах. И это не могло не импонировать»³.

Можно указать и на такой факт, о котором свидетельствует польский нотариус в Радоме Рогусский, что перед войной, при постройке костела католического в Тамбове, земство ассигновало 15 000 рублей⁴.

Положение католической церкви в России осложнялось двумя обстоятельствами — католической пропагандой среди православных, особенно в Юго-Западном и Северо-Западном краях, и польским вопросом.

От пропаганды католическая церковь не могла отказаться, считая себя единой истинной церковью, обязанной всех привлекать в единую ограду и к единому пастырю — римскому первосвященнику.

Московская Русь прекрасно понимала это свойство католичества и охраняла свое национальное единство и покой религиозного православного русского народа, не допуская латинников в то время, когда к Лютеровой ереси было более снисходительное отношение. Лютеранскому духовенству так же чужды прозелитизм и церковный воинствующий национализм, как и Церкви Православной.

В конце концов пришлось открыть двери и католицизму, особенно с того времени, когда в составе Русского государства оказались области Западной России, долгое время находившиеся под католическим влиянием Литовско-Польского государства и включавшие в себя значительное число русских подданных польской национальности и католической религии.

Русская Империя предоставляла полную свободу в области религиозного культа всем не только христианским и нехристианским вероисповеданиям, но даже язычеству.

«Все, не принадлежащие к господствующей Церкви, — говорили Основные Законы, — подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также и иностранцы, состоящие в российской службе или временно в России проживающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обряду оной» (ст. 66).

И следующая статья 67 утверждала:

«Свобода веры присвоется не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по Закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи».

Действительно, на всем протяжении Императорского периода никаких препятствий к исповеданию какой-либо религии в России не ставилось — при условии отказа от «совращения», как говорил Закон, православных русских людей.

Екатерина Великая прекратила всякие неясности, бывшие при Петре Великом и после него. Екатерина I сама была по рождению католичка; Анна Иоанновна, а затем Анна Леопольдовна, в качестве регентши, равно как и Елисавета Петровна, по объяснению католического историка иезуита Андриана Буду, не занимались католическими вопросами.

«Благодаря этому католики могли избежать обращения к правительственным органам, как духовным, так и материальным. Все вопросы разрешала Пропаганда»⁵.

«По вступлении на престол Екатерины II, — говорит тот же историк, — такая независимость римско-католической церкви не могла удержаться». И далее добавляет: «Императрица воспретила вместе с тем всякий прозелитизм. Епископам, каноникам, белому и вообще всему духовенству было воспрещено проповедование католицизма явно или скрыто, ибо каждый ущерб, принесенный Православию католичеством, нарушал национальное единство и оказывал помощь усилению польского начала, которое Императрица обрела на уничтожение»⁶.

Во всей ясности перед государственным умом Екатерины II стоял вопрос о необходимости охраны православной веры как основания русского народного единства, и в этом направлении были ограничены всякие возможности католической пропаганды. Она запретила оглаше-

ние папских булл и иных распоряжений без согласия русского правительства, а монашеские ордены изъела из-под власти генералов, проживавших вне России.

Вместе с тем она совершенно не вмешивалась в чисто церковную, догматическую и каноническую область.

В вопросах администрации Рим должен был уступить. Это соответствовало общим отношениям Рима и национальных правительств, ибо каждый конкордат — это и есть уступка Рима в пользу национального государства в части своих административных прав.

Екатерина весьма удачно выбирала людей. Прелат Станислав Систренцевич, назначенный в 1773 году белорусским епископом, а в 1782 году — митрополитом Могилевским и всех католических церквей в России, на протяжении почти трех царствований исполнял свои обязанности. И хотя Ватикан усматривал в некоторых действиях митрополита нарушение своих прав, в особенности когда Систренцевич, по желанию Екатерины, не огласил в России папского распоряжения о закрытии ордена иезуитов, распоряжения случайного и позднее отмененного, в конце концов Ватикан должен был признать организацию католической церкви, установленную в России, не противоречащей каноническому праву и весьма полезной для церкви. «Никогда, ни прежде, ни после, — замечает Ю.Ф. Самарин, — русское правительство не относилось к римской церкви так самостоятельно и решительно, так логично, просто и в то же время так прямодушно, как при Екатерине II»⁷.

Сумбурные идеи Павла I создавали в Риме, в глазах Пия VII, «прекрасные перспективы воссоединения в мире и Христовом единстве Запада и Востока. Казалось, что наступит новая эпоха для католической церкви в России. Однако это были сны без будущего. 11/23 марта 1801 года Павел I погиб»⁸, — меланхолически замечает А.Буду.

Отношение Александра I к католической церкви было неровно и своеобразно, но на правительственной деятельности это мало отражалось.

Охрана религиозного единства русского народа от покушений католичества являлась совершенно здоровым государственным явлением, ибо Россия неразрывно связана с Православием.

Если в Европе можно было сказать: *cujus regio ejus religio* (чья власть, того и вера), то в России имело место иное начало. Власть могла быть только такой, какой была вера народа. Потрясения Смутного времени, трагикомедия Самозванца, окружившего себя панами-католиками и женатого на католичке, неудачная попытка польского королевича Владислава занять русский престол, оставаясь католиком, смуты при Петре Великом как результат сомнения в его Православии — все это говорило об одном: русская власть могла быть только православной.

В предоставленных Екатериной II границах католическая церковь в России развивалась и процветала, имея известное влияние в государственной жизни. Не было свободы прозелитизма, но было прочное и достойное положение, полное уважение со стороны власти, о котором в иных странах приходилось только мечтать.

Любопытен один из моментов сношений России с папским престолом в царствование Петра Великого (1697–1707 гг.), великолепно зарисованный покойным знатоком всего того, что касается отношений папской курии к России, историком Е.Ф. Шмурло.

По соображениям политическим, в связи с осложнениями Северной войны после поражения под Нарвой, произведшего на Петра Великого ошеломляющее и угнетающее впечатление, с трудностями в турецком вопросе, Петр Великий искал поддержки великой по тому времени политической силы — папского престола.

Не только беседами и лукавыми намеками, как это делал в свое время Иван Грозный, но своим внешним отношением к католической религии и князьям церкви Петр Великий давал Риму надежду на установление добрых отношений.

Расчетливые политики Рима обладают пылким воображением и за этими действиями видели надежду на подчинение себе «схизматической» России, т.е. всего православного мира. За частными вопросами пропуска через Россию католических миссионеров в Персию и права открытого исповедания католиками своей веры в Москве пред взором Рима возникал соблазнительный образ унии.

«Зимой 1704–1705 гг., — пишет Е.Ф. Шмурло в своей статье «Сношения России с папским престолом в царствование Петра Великого (1697–1707 гг.)»⁹, — предвиделось свидание Царя с Августом.

Польскому нунцию Пиньятелли представлялся случай встретиться с русским государем и лично переговорить с ним о делах. В предвидении этой возможности курия снабдила его особой инструкцией (29 ноября 1704 г.). Свидание не состоялось, но самая инструкция осталась любопытным памятником в истории римско-русских отношений того времени.

Инструкция, говорит автор, разработана весьма детально, и главным пунктом был вопрос о «посылке епископа к Московскому Двору». «Начните с похвалы царю, его качествам, талантам.

Если выпадет случай — а Ваше умение создать таковой, — укажите царю, что разницы между Русской и Латинской церковью по существу нет никакой: у той и другой основанием одинаково служат первые четыре Вселенских Собора, одни и те же Отцы Церкви: Василий Великий, Григорий Назианин, Афанасий, Кирилл, Хризостом. А если, даст Бог, состоится уния, то папа снабдит русских всеми привилегиями, какие даны униатам восточным; сама же уния избавит Россию от малочетной зависимости от Константинопольского патриарха».

Уния не состоялась. Петр справился и без помощи папы с турками и шведами, но в 1705 году произошла полоцкая трагедия и кощунство в униатской церкви. Петр Великий раскаивался в проявлении своего гнева, и «от полоцкого убийства Римская курия скорее выиграла, чем проиграла». Заглаживая свою вину, царь не только выразил сожаление и сам осудил свой поступок; не только возобновил свои прежние обещания, но и даровал католикам новые льготы, разрешил их капуцинам обзавестись в Москве своим домом, построить там себе церковь.

По существу, льготы эти давались не в силу особого отношения Петра Великого к Риму, а по просьбе поляков, во имя дружественных чувств к королю польскому Августу.

От поляков Петр потребовал взамен равенственного отношения к православному населению в Речи Посполитой. Этими уступками Польши Рим был возмущен, тем не менее полоцкое дело было забыто и в Рим к папе послом был отправлен князь Куракин с определенным поручением просить о непризнании королем польским Станислава Лещинского. Правда, были «достоверные» слухи о церковном соглаше-

нии, которое везет князь Куракин. Но это были только слухи. Во всяком случае, так или иначе, польские осложнения для Петра также закончились, и он сумел и в это время в своих сношениях с Римской курией «уберечь» себя от формальных обязательств. А засим времена изменились, и Петр Великий стал держать себя совершенно независимо по отношению к римскому престолу. В конце концов в этом вопросе Петр Великий остался сторонником господствующей Православной Церкви в России¹⁰.

Но если можно понять надежды Рима на Петра Великого, одевшегося в немецкое платье, посещавшего за границей католические храмы и бывшего в дружбе с польским королем Станиславом Августом, то совершенно непонятно, хотя и весьма характерно, отношение папского престола к московскому послу Ивану Ивановичу Чемоданову, которого царь Алексей Михайлович в 1656 году посылал за денежной и иной помощью к Венецианской Республике. Чемоданов ехал по делам, никакого касательства к Римской курии не имевшим, и проезжал через папские владения. Ему был оказан великолепный прием, приглашали даже захватить в Рим, от чего Чемоданов с ужасом отказался.

Рим всеми мерами стремился установить хотя какие-либо связи с Москвой.

«Но пути к этой цели, — говорит тот же неутомимый Е.Ф. Шмурло в другой статье¹¹, — казалось, совершенно были закрыты. Между Россией и папским престолом и без того всегда стояла стена отчуждения, а со времени Лжедмитрия I, после феерического появления на престоле православных государей тайного “латынника и папешника”, в компании иезуитов и поляков, этих, как их всегда в Москве считали, издавших врагов русской государственности, — с русской стороны тщательно захлопнули и ту единственную дверь, что была в этой стене проделана в предыдущие годы.

Повернувшись к Риму спиной, Москва пресекла в корне всякую попытку к сношению, упорно отказывалась переступить ту грань, что воздвигли между главою римской церкви и Православным Царем потрясавшие события смутных лет».

Вот в надежде приоткрыть эту дверь Римская курия схватилась даже за Чемоданова.

Кардинал-секретарь Роспильони поручил венецианскому нунцию Караффе оказывать всевозможное содействие и внимание Чемоданову со товарищи. Забавно читать о всех подробностях предполагаемого приема послов в Ферраре, Болонье и проч., о чем волновался кардинал-секретарь курии. Да и было о чем волноваться. Польша была разгромлена шведами, на Украине гремел Хмельницкий, а Литву захватила Москва. Судьба Речи Посполитой висела на волоске, а вместе с ней и судьба католической церкви в Польше, этого истинного, верного стража истинной веры на отдаленной окраине католической Европы.

А тут, ко всему этому, возник еще вопрос об избрании царя в преемники короля Яна Казимира на польский престол. Замена кандидатуры царя его сыном мало меняла дело.

Словом, неожиданно для себя Иван Иванович Чемоданов попал в большие люди. Кардинал-секретарь предписал нунцию устроить тайное свидание с Чемодановым, сделать ему подарок в 150–200 скуди и заявить ему «о надежде папы на то, что царь и в дальнейшем не изме-

нит своего милостивого отношения к католикам, тем более что расхождение Русской Церкви от римской не Бог весть какое».

Свидание, однако, не состоялось. Послы спешили домой. На выраженное нунцием сожаление, что папа не мог лично принять Чемоданова и поблагодарить царя за милости польским католикам, Чемоданов хотя и любезно, но довольно высокомерно ответил: «Мне известны высокие достоинства особы Александра VII» — и выразил уверенность, что, приехав в Рим, он был бы встречен с почестями даже большими, чем в свое время были приняты послы Ивана Грозного.

В дальнейшем отношении правительства к Римской курии было неравномерно и малопоследовательно.

С 1905 года открылись перспективы и для прозелитизма — правда, совершенно безнадежного — в центральных русских губерниях среди сплошного православного населения, но весьма опасного и вредного для русской государственной идеи на окраинах, в особенности в Юго-Западном и Северо-Западном краях.

Прозелитизм имел незначительный успех в столицах среди снобизирующего высшего общества.

2

Россия являлась существенным фактором европейской политики, а при Александре I даже господствующим; она была богата и таровата, русский двор импонировал Ватикану, вот почему Рим, традиционно считавшийся с силою, готов был идти на уступки и не имел никакого желания усложнять своих отношений с Россией

Все, однако, портил польский вопрос. С момента падения Польши польский вопрос был самым большим и самым ненужным осложнением в жизни Рима. Правда, римская политика на протяжении веков помогала, чем могла, чтобы привести королевскую Польшу к гибели, а когда это случилось и политическая гегемония в Восточной Европе перешла окончательно к России, Рим не знал, что ему делать с требованиями поляков.

Если церковная уния в Польско-Литовском государстве, провозглашенная и утвержденная на незаметном и неканоническом соборе в Бресте в 1596 году, явившаяся в результате уверенности иезуита А.Поссевины, что путем этой унии можно подчинить Риму Москву, и нашла яркого сторонника в Риме, то все же хозяевами дела были поляки. И вели они дело унии так, что после падения Польши, при первом соприкосновении с Россией, от унии не осталось и следа. По здравому рассуждению Рим не мог особенно обвинять русское правительство в этом печальном для него факте.

Вместе с тем Рим не обладал средствами ни для того, чтобы уладить польский вопрос, ни для того, чтобы от него отказаться, и этот вопрос в течение почти 125 лет в корне пресекал все возможности Рима в отношении России.

Католики в России были поляками. Духовенство было польское, и взаимное нерасположение под влиянием национальной борьбы, исторической и современной, этих двух народов переходило иногда в ненависть: на борьбу с ней (Польшей) в продолжение веков, по замечанию В.О. Ключевского, были обращены народные силы России¹².

18 | О каком прозелитизме среди русского народа можно было говорить при наличности того факта, что духовенство было польское?.

В России было твердое убеждение, что если русский — это православный, то поляк — обязательно католик. И в результате вселенские начала католической церкви свелись к польскому национализму, поскольку католицизм соприкасался с православной Россией.

Это предубеждение Рим мог попытаться ликвидировать только после разрешения польского вопроса.

И действительно, после восстановления независимой Польши Рим стал организовывать на польской территории, но уже вне польской национальной идеи, свои средства будущего религиозного наступления на православную Россию.

Однако в Польше Рим встретил препятствие. Рим пришел сначала в недоумение, а затем и в некоторое раздражение и принял свои меры.

Иностраннный наблюдатель, правочерный католик, капитан Мак Гуллах, будучи в Москве в 1923 году, сделал вывод, что Россия «наверное в скором времени станет доступной для миссионеров всех исповеданий»¹³. Забывая, что в России есть Православная Церковь, живущая тысячу лет славной жизнью, связанная всеми своими нитями с народом и омытая страдальческой кровью во времена большевистского лихолетия, этот иностранец убежден, что главная роль духовного просветителя русского народа будет принадлежать католицизму и что единственным осложнением является недостаток католических священников русской национальности.

«Сам Рим, — продолжает автор, — держится тактики принятия обращенных (русских) скорее на обряд униатский, чем латинский, имея в виду, что церковь католическая в России находится в руках польских священников, которые в массе чувствуют антипатию к русским; эти же последние, к сожалению, платят им во сто раз больше. Страшная взаимная вражда, которая существует, между русскими и поляками, препятствует в значительной мере успеху проектов Рима на Востоке, подобно тому как в свое время такие же причины сильно помешали папской политике на островах далекого Запада. Одним словом, в случае, если Ватикан начнет оказывать излишнее внимание русским католикам — оскорбит поляков, особенно светских, которые более шовинистичны, чем польское духовенство. К этому должен добавить, что сообщение большевистской печати о преследовании польским правительством православной церкви и даже униатов в колоссальной мере увеличило трудности в русском вопросе, осуществляемом Ватиканом» (с. 407).

К этой оценке, недалекой от истины, отношений польского духовенства ко всему русскому (исключения всегда и везде бывают) добавляет несколько осторожных, но еще более знаменательных замечаний покойный священник Диодор Колпинский, который, будучи католическим священником «восточного обряда», ввиду своего русского происхождения встретил такие осложнения в своей работе в Польше, что должен был ее покинуть.

«Мы имеем в виду скорее ограничения и стеснения, проистекающие из внутреннего содержания самого католицизма в России, который неразрывно был связан с польской идеей, являясь до известной степени ее оплотом. И не только простой народ, но и более просвещенные круги русской общественности в каждой католической церкви видели церковь польскую, в каждом католическом священни-

ке — священника польского, не говоря уже о так утвердившемся, к сожалению, в России термине, определяющем католическую религию “польской верой”. Существовало, правда, и не польское духовенство католическое, но кто об этом знал? Основной стихией была стихия польская, и ей должны были подчиняться иные национальности. Положение это могло еще так или иначе существовать до манифеста Государя Николая II о веротерпимости; после же манифеста должна была произойти какая-либо перемена, в противном случае нельзя было и говорить о каком-либо насаждении католичества среди русских... Нет поэтому ничего удивительного, что всякого, принявшего католицизм в России, считали изменником русской народности и культуры. Это обстоятельство, вредное для католической идеи, как-то не останавливало на себе внимания польского духовенства, занятого своими делами и думающего почти исключительно о сохранении и развитии религиозного и национального духа среди своих. Влияло на это в значительной мере и некоторое традиционно-пренебрежительное отношение подавляющей части польского духовенства от сближения с русской культурой, более глубоко и широко понятой. Довольствовались исключительно необходимым сближением с русской стихией в целях самосохранения и администрации. Вместе с тем знание языка, часто весьма относительное, сношения с властью, чтение газет, временами личные отношения с русскими — все это, естественно, ни на один шаг не могло приблизить священника поляка к пониманию русской культуры, психики, ее стремлений, порывов, падений, потребностей. Иное, однако, отношение ко всему русскому могло быть достоинством немногочисленных единиц среди клира, которые морально и культурно поднялись над уровнем масс и могли своим личным, напряженным трудом преодолеть как внутренние препятствия, так и внешние неудобства»¹⁴.

В 1870 году в России было издано распоряжение о совершении так называемых добавочных богослужений на русском языке. Епископ Станевский, управлявший Могилевской римско-католической архиепископией, писал Луцко-Житомирскому епископу В.Боровскому:

«Мы привыкли и сроднились с польским языком в религии, но если высшие соображения Государя, в общих интересах Его народа, повелевают нам пожертвовать им для общего блага, то мы должны это сделать с радостью»¹⁵.

Однако этот призыв католического архипастыря не имел никаких последствий. Через несколько лет из донесений виленского, гродненского и ковенского губернаторов оказалось, что по-прежнему никто русским языком не пользуется.

Таким образом, русское правительство, не покушаясь нисколько на латинский язык как язык богослужебный и не понимая, почему в России, рядом с латинским языком, в католической церкви должен быть исключительно язык польский, а не государственный, все же не могло принудить католическое духовенство пользоваться русским языком.

5 апреля 1869 года Луцкий епископ Боровский писал Пию IX: «Если Петербургская Коллегия является сетями, которые должны завлечь всех католиков России и Польши в схизму, мечом прерывая отношения с Апостолическим Престолом, то русский язык, который стремятся ввести в церковь, будет ядом, который отравит рыбу»¹⁶. Между

тем введение русского языка имело в виду приостановить полонизацию малороссов и белорусов, и в этом польское духовенство видело смерть католицизма, связанного именно с польской идеей. Выживая местные наречия из церкви, язык польский, по замечанию А.Буду, стал до известной степени языком церкви даже там, где он был для населения чужим¹⁷.

Таким образом, борьба с полонизацией непольского населения России была, по убеждению польского епископа, борьбой с католической церковью.

Тот же Боровский уверял Рим: «Утверждают, что нужно отделить польский национализм от католицизма будто бы для покоя в государстве, но в этом и есть обман, и чем сильнее выдвигается этот подлог, тем сильнее подрывается положение католических властей»¹⁸.

Историк А.Буду вынужден признать:

«Теоретически русский язык не мог ни в чем вредить ни вере, ни католическому благочестию, с другой стороны, было правильно также и указание, что вера не была так тесно связана с национальностью. Неудивительно поэтому, что этот вопрос, рассматриваемый абстрактно, создал затруднения для советников Апостолического Престола»¹⁹. Оказалась, как и следовало ожидать, «тысяча осложнений». Во всяком случае, Рим заявил, что этого вопроса нельзя решать без «предварительного заключения епископата Царства Польского и России», а для этого им должна быть предоставлена «полная и совершенная свобода обмена мнений с Римом»²⁰, т.е. должно не только возвратиться к конкордату 1847 года, но и пойти гораздо дальше. Таким образом, это основательное требование русского правительства было похоронено в 1873 году, ибо иначе это было бы действием «против польской национальности»²¹.

Совсем иначе отнеслось к подобному вопросу католическое духовенство, польское правительство и общество в современной Польше. В своем объединенном походе на Православие оно принудило православную иерархию стать на почву полонизации непольского населения путем перевода не только «добавочных» служб (молебнов, панихид и пр.), но и самой литургии на польский язык, путем преподавания на польском языке Закона Божия и церковной проповеди. Народ оказывает упорное сопротивление, но положение его становится все более трудным, так как все образование православного духовенства в Польше полонизировано от верха до низу.

Такая же борьба ведется в литовских областях Польши с литовским языком.

3

В 1596 году в Бресте западно-русский православный епископат изменил Православию и под песнопение «Те Деум», под пушечную пальбу перешел в унию с Римом.

В 1839 году в гораздо более скромной обстановке и более мирно униатский епископат, вместе с владыкой Семашко и всем духовенством, возвратился в Православие. Эта «несчастливая и навсегда прискорбная измена некоторых епископов» поразила Рим в самое сердце.

Папа понимал, что ликвидацию унии ускорило польское восстание 1831 года, но винить в этом русского Императора он не мог. Почему же, в самом деле, русский Император должен оберегать интересы той

церкви, духовенство которой приняло участие в восстании против власти.

Польское восстание 1831 года в Риме поддержано не было, скорее наоборот.

«Наследник Пия VIII, папа Григорий XVI, застал Европу в разгаре кризиса. От июльских дней шла гроза, возбуждающая людей, рушащая троны; все, что было искусственного и временного, в здании, построенном в Вене (Венский конгресс 1815 года), — грозило падением. Якобинизм, полный анархического чувства, часто скрывается под формой либерализма... Ирландия, Испания, Бельгия, Польша, Италия кипели в огне восстания... Часть папских провинций бунтует, а у папы нет войска, и он вынужден, использовав мирные средства, обратиться за помощью к непопулярной Австрии... Григорий XVI остался владыкой, который царствовал, но не управлял... Скорее теолог, чем правитель, он предоставил власть государственному секретарю Ламбускини, генуэзцу, стороннику абсолютизма»²².

Из этих фактических данных тот же католический историк Буду делает вывод в пользу Рима: Григорий XVI осудил польское восстание 1831 года потому, что «революция была вызвана людьми, безразлично или даже враждебно относящимися к католичеству, которые после совершения решительных шагов хотели привлечь к себе массы через духовенство»... Нет ничего удивительного, что новый папа видел в польском движении скорее революцию, чем крестовый поход, а революции, начиная с июльской 1830 года, были враждебны религии. Папа писал польским епископам 15 февраля 1831 года: «Церковь ненавидит шум оружия и бунты; все, что нарушает покой государства, — строго воспрещено Божиим слугам, ибо Бог — Творец вселенной и явился, чтобы принести на землю мир»²³.

Такое отношение вызвало в Польше угнетенное настроение, а во Франции аббат Ламене пламенно протестовал, однако Рим был тверд.

Установление порядка в Польше Николаем I не встретило возражений со стороны Рима, ибо Николай I был восстановителем законного начала, а этого с таким большим трудом добился папа в своих собственных владениях.

Кроме того, папа увидал, что католическое духовенство в России так занято вопросами политическими, что ему совсем нет времени заниматься вопросами церковными.

По словам русского исследователя графа Д.Толстого, «папа с прискорбием обязан был, наконец, сознаться в жалком состоянии епархий, находящихся в России, в развращении нравов и ослаблении чувства веры среди латинской паствы».

Польская оппозиция в России и польское католическое духовенство были поражены поведением Рима и с ужасом смотрели на сближение папы с русским царем. Дабы воспрепятствовать добрым отношениям, когда постепенно изгладилась память событий 1831 г. и ликвидации унии в 1839 году, и даже воспрепятствовать самому свиданию царя с папой, была изобретена, инсценирована и осуществлена поразительная даже для привыкших к этой работе поляков история самозванки Макрины Мечиславской.

Историю Макрины необходимо внести в учебники русской истории как пример тех трудностей, с которыми боролась Россия на путях своего утверждения в Европе.

10 сентября 1845 года приехала в Париж монахиня в одеянии базилианки. Она назвала себя Ириной-Макриной Мечиславской, игуменьей базилианского монастыря в Минске. Она привезла с собой наилучшие рекомендации, в том числе из Познани от знаменитого генерала-повстанца Хлоповского и других лиц.

Уже через 10 дней, 20 сентября, газета польских эмигрантов «Третье мая», издаваемая князем Адамом Чарторийским, рассказала о невестовых мучениях за веру, которым была подвергнута в России игуменья Мечиславская и ее сестры.

Пребывание Мечиславской и ее спутников в Париже и путешествие по Франции было сплошным триумфом «мученицы». Когда они прибыли в Лион, «экипаж кардинала архиепископа де Бональда уже их ожидал». Там ее окружила толпа почитателей. В Марселе епископ после торжественной службы посадил ее в закрестии рядом с собою, велел народу дефилировать и целовать его перстень и крест на Макрине.

Во всех городах, через которые они проезжали, происходило то же самое.

«Ее одежду разрывали на части, как реликвию, она получала множество писем с просьбой о молитве и о какой-нибудь вещи на память. Ее предупреждали не ехать на купеческом корабле, ввиду русских фрегатов, преобладающих на этом море».

Привез ее за границу Александр Еловицкий, участник восстания 1831 года на Подолии. В Париж он прибыл в 1832 году, организовал Общество научной помощи, был членом Литературного общества, созданного польской эмиграцией. В 1841 году он становится клириком, в 1842 году появляется в Риме и вступает в только что образованный польский монашеский орден Воскресения.

Это был польский патриот в сутане монаха. Несомненно, что именно он вывел Макрину в свет, служил этому делу за совесть. Это было служением польскому делу. Он был душой этой поразительной по тому времени мистификации.

1 ноября 1845 года Еловицкий появился с Макриной в Риме.

«В день приезда, т.е. в воскресенье, были мы у кардинала (статс-секретаря), который принял нас со святым одушевлением и предложил всяческую помощь, свободный вход во все монастыри и вообще все, чего мы только пожелали».

И тут же, повествуя о ее успехе в Риме, добавляет: «Она святая. Много от нее можно ожидать для Польши».

В Риме такому визиту весьма обрадовались. В Риме по поводу политики Николая I накопилось много горечи, но фактов преследования не было. И вообще необходимо было отношения с Россией урегулировать. И в этом смысле Макрина оказалась посланной самой судьбой.

Мало того, прием и внимание, оказанные этой «мученице», должны были явиться целительным бальзамом на раны, которые причинил Рим Польше своим отношением к восстанию 1831 года.

История Макрины стала европейской сенсацией. Известный политический деятель О'Конель внес запрос в английский парламент о религиозных преследованиях русского правительства. В том же 1845 году была издана французская брошюра о Макрине и вместе с газетами проникла в Рим.

5 ноября Макрина была принята Григорием XVI. Сопровождал ее в числе других Еловицких. Выслушав ее рассказы, папа со скорбью и удивлением воскликнул: «Семь лет, семь лет, столько выстрадала, а я ничего не знал. Была бы замечательная история, если бы государь встретился в моей передней со своей жертвой».

Еловицкий тоже не терял времени и устами Макрины просил папу установить юбилейный год в честь Польши. Папа просьбу отклонил, утешив просительницу, что «кровь мучеников с большим успехом вызывает к Богу о спасении отечества».

Однако рассказы Макрины были настолько поразительны, что папа поручил Еловицкому их записать. Была создана комиссия. Комиссия составила подробный протокол, и вот что оказалось.

Летом 1838 года епископ Семашко трижды обращался к минским базилианкам с требованием перейти в Православие. Монахини отказались даже подписаться в том, что получили такое требование. Тогда явился сам Семашко и вступил в спор с монахинями. Через три дня явился епископ Семашко вместе с губернатором Ушаковым и отрядом солдат и погнал игуменню, вместе с монашками, и они шли семь дней, пока не пришли в Витебск. В дороге их не кормили и над ними издевались.

В Витебске они были отданы под надзор некоего Михалевича, бывшего униатского священника, перешедшего в Православие. Они обслуживали мужской монастырь и питались вместе со свиньями. Через два месяца, по приказанию епископа Семашко, их стали сечь розгами, раздевая донага. Экзекуции были публичные, лилась кровь, висели куски мяса, но они были тверды в своей вере. Несколько сестер умерли от бичеваний, одну сожгли в печке, а другую монах убил, ударив поленом по голове.

Затем их выселили за город, где они должны были выровнять так называемую Лысую Гору, на месте которой предполагалось построить епископский дворец для Семашко. В течение работ, на протяжении нескольких месяцев, погибли 14 сестер. Однажды прибыл сам епископ Семашко и снова потребовал перехода в Православие; получив отказ, он собственноручно выбил игуменню девять зубов, а засим показал царский указ нижеледующего содержания:

«Все, что бы то ни было, что архи-архи-архиерей Семашко совершил, и все, что совершит для расширения православной веры, все это признаю и одобряю и все за святое и наисвятое признаю и приказываю, чтобы ему ни в чем не ставилось препятствий. А в случае сопротивления приказываю, дабы, по требованию архи-архи-архиерея Семашко, в каждое время и в количестве, в каком ему необходимо, были ему даны войска, а указ этот собственноручною рукою подписываю: Николай I».

Несмотря на явный вздор, указ этот был тщательно записан в протокол.

В этот вечер, повествует далее Макрина, их бичевали до полуночи и одна из сестер умерла. Так продолжалось несколько лет, их перегоняли с места на место и в живых осталось только четверо, которые, в том числе и игуменья Макрина, в ночь с 31 марта на 1 апреля 1845 года бежали. В последнее время они находились в маленьком местечке в Минской губернии, где, между прочим, православные монахи зашивали их в мешки, привязывали веревкой за шею и гатили по воде за своими

лодками, требуя отречения от креста. Таких купаний было шесть, и в них захлебнулось три сестры. Убежав, все разошлись в разные стороны, игуменья бродила около трех месяцев в холоде и голоде, пока не попала в прусские владения.

Допрос производился по-польски. Протокол составлен на польском, французском и итальянском языках. Допрос производился с 6 ноября до 6 декабря 1845 года и на протоколе значатся подписи ксендза Максимилиана Рылло — ректора Римской пропаганды, Александра Еловицкого, который доставил Макрину в Рим, и Алоизия Лейтнера — теолога из Римской пропаганды²⁴.

В Риме Макрина была источником живейшего интереса общества, которое ее весьма часто посещало. Всем этим в особенности интересовалась польская эмиграция в связи с предполагавшимся приездом в Рим Императора Николая I. Дело Макрины должно было быть весьма существенною палкой в колесах возможного соглашения Рима и России.

13 декабря нового стиля 1845 года Император Николай I прибыл в Рим.

При свидании с Императором папа о Макрине не сказал ни одного слова.

О всем этом деле Николай I знал еще до своего посещения папы, и оно вызвало в нем «бешенство».

25 октября (7 ноября) Император писал Паскевичу:

«Новое мошенничество, измышленное поляками в отношении монахини, вызвало в Риме такое впечатление, которого желали; женщина, которой указано играть роль, находится там, и ее подвергают формальному допросу. Никогда мы не избежим подобных авантур, ибо теперь борются только при помощи лжи».

23 ноября (5 декабря) он снова возвращается к тому же вопросу.

«Кажется, они сами стыдятся того, что обнаружилось при допросе монахини, и несомненно не верят этому мошеннику Еловицкому, который ее привез и всюду показывал в качестве “мученицы”. Какой каналья».

Русский представитель в Риме Бутенев сообщил Императору о допросе; сведения об этом он получил от австрийского посла Лютцова, который говорил ему только о сомнениях и недостоверностях, которые возникли в результате этого допроса²⁵.

Допрос Макрины был закончен 6 декабря 1845 года, за неделю до приезда в Рим Николая I.

В день свидания с папой, 1/13 декабря, Николай I пригласил к себе статс-секретаря кардинала Ламбускини. Император решил открыто пойти навстречу этой интриге.

Между кардиналом и Императором произошел живой обмен мнениями. Выводы можно было сделать не в пользу Рима.

Говоря о поляках, Император заявил: «Под маской веры они стремятся всегда интриговать и чернить мое правительство, дабы таким способом распространять свои революционные намерения... Знаю, что вы все здесь в Риме от этого весьма далеки; но поляки всюду вносят движение. И тут, даже в Риме, вы имеете польского ксендза, который, насколько только можно, враждебно к нам относится, а именно некоего Еловицкого, верного слугу князя Чарторийского. Он выявил здесь всю интригу игуменьи из Минска».

Кардинал ответил, что он не может сказать, есть ли во всем этом интрига и в чем она состоит. Если это правда, то апостолический престол не принимает в этом никакого участия. Что касается монахини из Минска, то сделано только то, что требовала христианское милосердие, ей представлено только убежище, дабы она могла спокойно жить; она даже не может ни с кем разговаривать, так как никто не знает ее языка.

«Но я знаю, — ответил Император, — что произведен ее допрос и записаны ее показания». «По чьему распоряжению?» — спросил кардинал. «Я это знаю», — сказал царь. «Я об этом не знаю, — ответил Ламбускини, — и могу уверить Ваше Величество с полным убеждением, что хорошо знаю, что никакого распоряжения, никакого приказа в этом деле не было дано»²⁶.

Кардинал по существу творил неправду. Было ли дано распоряжение или нет, но факт только тот, что сам папа поручил записать показания Макрины, о чем и обозначено на самом протоколе допроса, и когда 25 января 1846 года протокол был опубликован в печати, произошло замешательство. В это время шли переговоры о конкордате с Россией и папский престол всеми мерами стремился выпутаться из этой истории, от всего отрекаясь.

12 февраля было помещено в газете «l'Ami de la Religion» письмо из Рима, в котором апостолический престол снимал с себя всякую ответственность. Папа заявлял, что он даже не видел протокола, не знает ни его формы, ни содержания. Рылло, в качестве миссионера, оказался в результате этой истории где-то в Африке, где и умер в 1848 г. Принужден был покинуть Рим и Еловицкий. «В весьма непродолжительном времени, он отправился, по распоряжению своей духовной власти, в Париж»²⁷.

Русское правительство произвело расследование, и никакой Макрины Мечиславской обнаружено не было, такой игуменьи базилианского монастыря в России вообще не было, о чем в январе 1846 года и было официально объявлено.

«Нота была принята со скептицизмом», — говорит историк этого вопроса Я.Урбан.

По его мнению, не так было произведено расследование и что лучше было бы «поручить кому-либо из католической иерархии выяснить дело и заявить протест за границу». «Этого не было сделано, и европейское общественное мнение русской ноте не поверило, считая ее за новый обман петербургской дипломатии. Французский посол в Риме, Росси, прочитав ноту, будто бы сказал: “До сего времени сомневался в правдивости показаний Макрины Мечиславской, но теперь начинаю по-настоящему верить”»²⁸.

16 июня 1846 года престол занял Пий IX. Макрина оставалась в Риме и даже творила чудеса — вернула какому-то миссионеру утраченный голос²⁹.

20 октября ее посетил папа. Тут же оказался Еловицкий, снова вернувшийся в Рим.

Папа обратился к игуменьи монастыря: «Вот достойная мученица, вам дано счастье иметь ее в своем монастыре», посадил ее рядом с собой, много говорил о Польше и благодарил Бога, который в лице ее избрал особу, ставшую оружием наказания врагов церкви. В результате поручил себя молитвам Макрины³⁰.

Макрина отдала визит папе 4 ноября. Со времени прибытия в Рим Макрины возникла мысль устроить для нее монастырь. Ждали сестер, которые вместе с ней ушли из России. «Однако, — говорит Я.Урбан, — шли месяцы, а подруги Макрины не являлись. В конце концов их перестали ожидать и решили, что они погибли»³¹.

Устройством монастыря занялся Еловицкий. Монастырь оказался в ведении ордена Воскресения, и не униатский, а латинский.

В феврале 1848 года Макрина встретила в Риме с А.Мицкевичем.

В сороковых годах, под влиянием Товянского, А.Мицкевич порвал с католической церковью, которой руководили такие реакционеры, как папа Григорий XVI и кардинал Ламбускини.

Новый папа обещал быть либеральнее. В Европе начиналось революционное движение. Мицкевич мечтал организовать легионы для освобождения Польши и борьбы с Россией. В Риме встретил своего старого знакомого Еловицкого, с которым резко разошелся в 1842 году.

Однако в Риме Мицкевич не нашел того, чего ожидал. Пий IX только что заключил конкордат с Россией и сам боялся революционных настроений. Первое свидание вышло неудачное. Мицкевич вышел уничтоженным. Еловицкий устроил второе свидание. Папа ведет себя растерянно, благословляет «знамя и польских солдат», но быстро опомнился и отказался от занятой позиции «бойца за свободу». Мицкевич с горстью легионеров марширует по Ломбардии, везде объявляя, что несет специальное благословение папы. Папа вышел из себя. Произошел разрыв и с Еловицким. В таких обстоятельствах и настроениях Мицкевич встретился с Макриной, под ее влиянием вернулся к церкви и исповедовался у Еловицкого. Потом они остались врагами, и вражду эту Еловицкий хранил и после смерти Мицкевича.

Вскоре после устройства монастыря Еловицкий поссорился с Макриной и уехал на постоянное жительство в Париж, изредка только посещая Рим.

Очень скоро выяснилось, что Макрина не способна управлять монастырем и жестоко обращается с подчиненными, так что «Святой престол должен был вмешиваться в эти домашние споры и наводить порядок». Наконец, она была устранена от заведования монастырем. В 1850 году много лиц, в том числе кардинал и святой отец, разочаровались в Мечиславской. Начали сомневаться в ее прошлом.

Несмотря на это, Ю.Словацкий в 1861 году написал поэму «Макрина Мечиславская», бывшую ее апофеозом. Большое внимание уделял ей и знаменитый драматург Выспянский.

А между тем в душе самой Макрины шла борьба правды с ложью. Исповедники монастыря быстро сменяли один другого и о Макрине говорили уклончиво. 11 февраля 1869 года Макрина умерла, по словам официальных реляций, *in odore sanctitatis*, а по словам Я.Урбана, «Макрина в последние дни своей жизни испытывала угрызения совести — вокруг себя видела ад, не хотела исповедоваться». С ней много хлопот имел ее духовник и требовал особого благословения папы и особого разрешения ее грехов³².

И не удивительно.

Вот к какому выводу пришел ее историк иезуит отец Я.Урбан:

«Фамилия Мечиславской является такой же самой выдумкой обманщицы, как и другие ее выдумки. Настоящая ее фамилия Винчева».

Она была вдовой и служила кухаркой у сестер-бернардинок в Вильне. Она не была игуменией, вообще не была монахиней, и все, что она рассказывала — чистейшее вранье от первого до последнего слова. Просто и ясно.

Однако эта выдуманная история в течение долгого времени была одним из главных доказательств преследования католиков в России, обсуждалась в европейской прессе и в парламентах, и опровержениям русского правительства не верили. Свою роль мученицы Макрина исполняла 24 года и чуть-чуть не была канонизирована. И после смерти ее ложь почиталась одним из главных доказательств преступлений русского правительства против католицизма в России.

«Ложь, да еще такая, — восклицает Я.Урбан, — не заслуживает благоговейного отношения»³³.

Все это было в свое время разъяснено митрополитом Иосифом Семашко. В его записках под 1845 годом значится:

«Еще прискорбнее случай, описанный в письме моем к графу Протасову от 6 декабря. Это была бесстыдная клевета, напечатанная польской партией во французских газетах, о гонениях на униатских монахинь и претерпенных якобы мучениях одной из них (Мечиславской). Здесь все выдумано: и факты, и местности, и самые названия... А между тем мнимую Мечиславскую водили по всей Европе напоказ, как мученицу. Впоследствии разъяснилось, что Мечиславская никогда не была ни русской, ни униатской монахиней; что она была латинянка и даже неодобрительного поведения и что ее избрала, снарядила, отправила и руководила польская партия».

25 апреля 1855 года митрополит Иосиф Семашко отправил рапорт Святейшему Синоду о книге, изданной в Париже в 1853 году под заглавием «Рим», наполненной, как говорит митрополит, клеветой по делу воссоединения униатов. Книга эта написана какой-то французской путешественницей, довольно поверхностна по своему содержанию и написана в виде писем.

В письме от 28 марта автор книги описывает встречу свою в одном из римских монастырей с какой-то Марией Мечиславской, будто бы игуменией Минского униатского монастыря, которую превозносит как святую и мученицу.

В дальнейшем в этом письме повторены все рассказы Мечиславской, и дальше митрополит Иосиф Семашко пишет:

«Здесь все от начала до конца невежественное сплетение нелепостей и гнусной клеветы. Тут выдумано все — и происшествие, и само название.

Нужно знать, что женский базилианский монастырь существовал в Минске только по 1834 год, не имев даже особой церкви. Здание сего монастыря потребовалось для помещения госпиталя и, как взамен оных дан упраздненный Кармелитский монастырь, каменный с прекрасной каменною же церковью в местечке Мядзиолах, в 150 верстах от города Минска, то минские монахини с их настоятельницей Прасковьей Левшецкой в том же 1834 году переведены были в Мядзиольский монастырь. С того времени ни одна из сих монахинь не только не была переводима из Мядзиоля, но даже никуда временно не требовалась... Следовательно, я не мог посещать в 1838 году Минского женского монастыря, когда его вовсе в Минске не было, да и притом весь этот год я безотлучно по должности находился в С.-Петербурге. Следова-

тельно, не мог я тогда истязать и отправлять из Минска прежде в Витебск, а после в Полоцк игуменью Макрину Мечиславскую с 35 монахинями... Выдумав бессовестно небывалую игуменью Макрину Мечиславскую, небывалый в 1934 году Минский монастырь и небывалое число (35 монахинь) оного — сочинитель всей этой басни столь же бессовестно поименовал в примечании к письму целый ряд монахинь, подвергнутых якобы истязанию и замученных...

Вся эта гнусная выдумка, напечатанная в 1853 году, по-видимому, устремлена лично на меня одного, но самое содержание ее уже не ново. Еще в 1845 году разглашены были в иностранных газетах подобные клеветы, только в более пространным объеме и с явным намерением опорочить русское правительство... Еще позже доходили ко мне разновременные сведения, якобы Мечиславская была снаряжаема в одном из Виленских римско-католических женских монастырей.

Многие, в том числе, может быть, и Святейший Синод, подумают: зачем обращать внимание на эти гнусные выдумки, плод несправедливой и бессильной злобы?.. Однако ж честное имя должно быть драгоценно для честного человека, и я обязан пешись о нем, не только для себя, но и для Церкви Православной, которой я усердный сын и небесполезный деятель».

Однако всем разъяснениям как русского правительства, так и митрополита Семашко, европейское общественное мнение не поверило. Макрина Мечиславская в качестве мученицы триумфально прошла по Европе и чуть была не причислена к лику святых католической церкви в качестве мученицы русского изуверства. И вот, почти 100 лет спустя, иезуитский деятель подтверждает правильность всего того, что говорило по этому поводу русское правительство, обнаруживает клевету.

Однако ложь эта была разоблачена после того, как она принесла все свои злые плоды.

Несмотря на историю с Мечиславской, на польское восстание и на возвращение униатов в Православие, Рим заключил конкордат с Россией. Поставив крест на вопросе возвращения униатов в Православие, Рим получил новую Херсонскую епархию с викарным епископом в ней, а также духовную семинарию.

Конкордат этот был встречен православными людьми с большим сомнением. Московский митрополит Филарет заметил: «Мы вынуждены скорее обороняться против Рима, чем на него наступать». Конкордат был подписан 22 июля/3 августа 1847 г.

Рим во всяком случае понял, что с Россией нужно действовать какими-то иными способами.

4

Конкордат оставил в стороне вопрос о нунциатуре.

В русских условиях нунций мог только осложнять и без того трудное положение вещей. Правительство имело своего представителя при Ватикане и через него сносилось с курией. Само католическое духовенство не очень желало появления наблюдателя курии в России.

Митрополит Систрэнцевич всеми мерами препятствовал появлению нунция, и при Екатерине II это ему удавалось.

Павел I, увлеченный всемирными задачами, принявший на себя заботу о католическом мальтийском ордене, смотрел на вещи иначе, и в 1797 году без всяких условий в Петербург прибыл папский нунций

граф Литта — епископ Фивский. Пребывание, однако, продолжалось недолго. Граф Литта во все вмешивался, всех против себя вооружил и заявил протест против назначения Сероковского, избранного Императором на Каменецкую кафедру.

В результате 29 апреля 1799 года последовал именной, данный генералу от инфантерии Беклешову, указ о «нечинении исполнения по папским буллам без Высочайшего утверждения». Указ весьма краткий и энергичный.

«Нашед ненужным всегдашнее пребывание папского посла при дворе Нашем, еще менее правление его Католическою Церковью в Империи Нашей, рассудили мы за благо: окончив нунциатуру архиепископа Фивского, повелеть ему оставить владения Наши, начальство же над духовенством католическим препоручить митрополиту Систренцевичу, от коего во все епархии и послано будет о сем извещение. Вам через сие предписываю: впредь иметь наблюдение, дабы Папа, не взирая на изгнание его из престольного града и странствования по разным местам, не послал епископам или другим начальникам духовных католических властей в приобретенных польских губерниях булл, могущих произвесть недоумение и клонящихся на присвоение себе власти управлять оным краем. В таких случаях подобные повеления папские не допускать и не терпеть по ним никакого исполнения без предварительного утверждения нашего» (Полное собрание законов № 18949).

К этому надлежит добавить, что графу Литта было приказано оставить Петербург в двадцать четыре часа.

При вступлении на престол Императора Александра I была сделана попытка прислать нунция в виде специального посла для принесения поздравления. В суматохе правительство согласилось, потом спохватилось, но было уже поздно.

Назначенный послом Ареццо прибыл в Вену, но по совершенно случайной причине, по случаю выдачи папским правительством Наполеону I французского эмигранта Вернета, состоявшего на русской службе, поездка Ареццо в Петербург не состоялась.

На коронацию Николая I прибыл специальный посол папы, губернатор Рима монсиньор Бернетти. Однако его миссия никаких особых результатов не дала. Бернетти, по-видимому, в обстановке не разобрался и никакого плана действия не выработал.

Таким образом, приходилось обходиться без нунция. Это усложняло положение Рима, но во всяком случае положение было много лучше, чем в Англии, и не хуже, чем во Франции³⁴.

Дело шло и развивалось. Еще в 1807 г. по поводу войн с Наполеоном митрополит Систренцевич писал духовенству: «Мы исповедуем веру свою в России без малейшего стеснения и с такой свободой, как бы она была верою господствующей». Россия не все обещала, но то, что обещала, — исполняла. Бытовые условия сглаживали требования закона. Жилось широко и привольно, и среди этого укреплявшегося благополучия — неожиданный подводный камень, повлекший за собою катастрофу, которую, казалось, никто не предвидел, — польское восстание 1863 года.

«Что делают ваши ксендзы? Начальствуют над повстанческими отрядами?» — с грустью спрашивал Пий IX одного из священников, прибывших в 1863 году из Польши. «Отец святой, — ответил монах, — говорят только об одном из них (Мицкевиче), который добросовестно

решил быть в роли Маккавея». «Тем не менее, это печальное дело», — добавил папа³⁵.

«Было больше таких, которые не поступали согласно с правилами Церкви: многие из них позднее прибывали в Рим, чтобы получить прощение за нарушение норм канонического права, к чему с удивительной бессмысленностью подвинуло их чувство экзальтированного патриотизма», — строго добавляет католический историк Буду³⁶.

11/23 мая 1863 года гневно и сурово писал Александр II папе:

«Я уже обратил внимание Вашего Святейшества на недопустимое поведение и даже преступления значительной части римско-католического духовенства в Царстве Польском. Этот союз слуг алтаря с разрушителями общественного порядка является одним из наиболее возмущающих явлений нашего времени. Вашему Святейшеству, равно как и мне, должно лежать на сердце их укрощение»³⁷.

Что на это мог ответить папа?

Государство, защищая себя, должно было привести в порядок то духовенство, которое участием в восстании угрожало государственному и общественному порядку. Польское духовенство должно было получить то, что оно посеяло. И Риму надлежало уклониться от всякого вмешательства в русские дела. Произошло, однако, иначе.

После начала восстания 1863 года и в связи с конвенцией России и Пруссии по польскому вопросу от 8 февраля 1863 года Франция — тогда Империя Наполеона III — пыталась возбудить иностранные кабинеты против России и действительно 17 июля 1863 года выступила с предложением созыва международной конференции по польским делам. Францию поддержали Англия и Австрия. После знаменитого меморандума канцлера Горчакова Англия устами либерала Росселя заявила: «Ни обязательства Англии, ни ее честь не требуют от нас объявления войны России по поводу Польши». Неудачное выступление Франции вызвало разочарование самих поляков, ибо Франция «только обольщала вождей восстания для того, чтобы в последний момент их покинуть». Наиболее сомнительной во всей этой истории была роль Австрии, которая, хотя еще недавно была разбита при Сольферино, все же подстрекала Францию вмешаться в польский вопрос в России, не касаясь своего собственного польского вопроса. В 1863 году судьба папской области была в руках Франции, защищавшей ее и против Австрии, и против Савойского дома. Франция оказывала, какое могла, давление на Пия IX, требуя его выступления. Первоначально Пий IX, исходя из чисто церковных соображений, осудил всякое участие духовенства в борьбе. Однако папу уверили, что имеется только два выхода: или независимая Польша — или Польша станет жертвой православной схизмы. Папа, с одной стороны, писал примирительные письма к русскому Императору и в то же время принял адрес народного революционного польского правительства, подписанный князем Владиславом Чарторийским и доставленный Стефаном Любомирским. В денежной помощи папа Польше отказал. 28 августа в Риме было торжественное моление за Польшу.

Папа продолжал оказывать влияние на австрийское правительство. Против действий папы заявили протест послы русский и прусский. В России начались репрессии против католического духовенства, в особенности в Литве и в Царстве Польском. Рим вступил в длительный конфликт. «Его Святейшеству желательно, чтобы все молились о Польше... Католическая Польша служит оплотом против на-

шествтия ереси... нужно молиться, чтобы она, не изменяя своему характеру, оставалась верною данному ей от Бога назначению и сохранила неприкосновенным католическое знамя»³⁸. Дело окончилось тем, что конкордат, заключенный в 1847 году, был отменен указом следующего содержания:

«1866 год ноября 22 дня, именной данный Сенату, распубликованный того же ноября. О том, чтобы дела Римского исповедания впредь ведались установленными для того в государстве властями и управлениями на основании коренных законов Империи и Царства Польского.

Действиями Римского двора прерваны сношения оного и вследствие того заключенные сим двором 22 июля/3 августа 1847 года условия и состоявшиеся в дополнение оных особые соглашения, относительно управления дел римского исповедания в пределах Российской державы, утратили всякую обязательную силу и не могут более служить руководством по управлению означенными делами, а потому дела сии должны впредь вестись установленными для того в государстве властями и управлениями, на основании коренных законов Империи и Царства Польского» (Полное собрание законов, № 43879).

Шесть месяцев спустя после отмены конкордата, 6 июня 1867 года, в Париже поляк Березовский стрелял в Императора Александра II, гостя Императора Наполеона III.

Рим совершенно растерялся, ожидая самого худшего. Пий IX приказал принести поздравления Александру II по случаю неудачи покушения.

Все это, тем не менее, не побудило Рим поставить прямо вопрос об отделении католицизма от польских национальных стремлений в России. В этой неестественной связи католицизма с польской идеей Россия была неповинна, как неповинна и в том, что такая связь печально отражалась на судьбе католической церкви в России.

Заостря отношения с Россией, Пий IX канонизирует 29 июня 1867 года Иосафата Кунцевича, униатского епископа, жестокого врага православных, убитого выведенным из терпения народом в 1623 году в Витебске. Таким образом, с кафедры Петра борьба с Православием обозначается как путь к святости.

Порядок, установленный русским правительством, не касался догматической и канонической стороны, он предусматривал только такой способ администрации католической церкви, при помощи которого исключалась бы возможность участия католического духовенства в революционном движении в России. Духовенству оставалось или уйти, или стать лояльными гражданами России. Оно выбрало среднюю линию, и при этом неискренне. Внешняя покорность соединялась с внутренним сопротивлением. Оно было и оставалось врагом России. И этим самым пресекался всякий путь какого бы то ни было прозелитизма католической веры в России.

Россия ставила вопрос ясно и отчетливо. Известный о. Беда Дудик, моравский монах, неизвестно по чьей инициативе начавший переговоры с русским правительством, получив ответ, что апостольский престол получит полную свободу действий в России, если согласится заменить польский язык русским в добавочных богослужениях и устранил поляков из иерархии, заменив епископов-поляков славянами из Австрии — чехами, словаками, кроатами³⁹...

Это было признано неприемлемым.

А сейчас Ватикан дает равноправие русскому языку и желает обойтись без поляков. Епископ «восточного обряда» Н. Чарнецкий — малоросс, Евреинов — русский, Бучис — литовец.

Чем дальше, тем отношения Рима и России все более осложнялись. С обеих сторон допускались излишества, и таким излишеством, несомненно, была борьба с униатством на Холмщине с начала семидесятых годов. До некоторой степени это был ответ на отказ в допущении русского языка в церкви. Как бы ни были печальны события этой борьбы, где народ был жертвой борьбы между политической властью и агитацией католического духовенства, — они ни в какой мере не могут быть сравниваемы с теми трагическими событиями, которые польское правительство записало и записывает в историю Православия в наше время.

Казалось, что дело достигло крайней степени напряжения. Рим готовил новое выступление против России. В разгаре всей этой борьбы умирает Пий IX. Все вздохнули свободно⁴⁰.

На престол вступил Лев XIII. Для этого политика большого стиля было ясно, что борьба с Россией не по средствам Риму и что в конце концов многомиллионное население католиков в России должно как-то устроить свои дела, ибо жить ему нужно не с курией, а с русским правительством.

20 февраля 1878 г., в день своего избрания, папа Лев XIII пишет Императору Александру II:

«Сожалея, как мы это делаем, что взаимные отношения, существовавшие прежде между Св. Престолом и Вашим Величеством, не поддерживаются более, мы обращаемся к великодушию Вашего Императорского Величества, дабы исхлопотать покой и безопасность для многочисленных Ваших католических подданных. Они же не преминут, согласно с поучениями своей веры, выказать себя в духе повиновения, добросовестными и преданными Вашему Величеству. Полагаясь на Вашу царскую справедливость, мы просим Бога ниспослать Вам в изобилии небесное благословение, и молим Его, дабы Он соединил Ваше Величество с нами самыми тесными узами христианского милосердия».

18 марта 1878 г. Государь послал папе ответ:

«Мы разделяем выраженный Вашим Святейшеством желание видеть хорошие отношения между нами, вновь восстановленными. Религиозная терпимость является в России принципом, освященным политическими традициями и национальными обычаями. Вовсе не от нас зависит устранить могущие существовать затруднения, дабы Католическая Церковь оказалась в состоянии выполнять на основании равенства с другими Церквями, существующими в нашем государстве под покровительством законов, свою миссию, являясь в то же время чуждой политическим влияниям. Ваше Святейшество, можете быть уверенными, что в нашей стране все средства покровительства, могущие согласоваться с основными законами Государства, которые мы призваны защищать, будут применены к Церкви, являющейся для них духовным руководителем, и что мы будем с величайшим усердием способствовать всем усилиям, имеющим в виду гарантировать религиозные интересы римско-католических подданных».

И вскоре начались переговоры в целях выработки соглашений, которое в какой-то мере должно было заменить собою Конкордат 1847 года, о котором долго и горько сожалели в Риме.

Предварительное соглашение было подписано в Вене 31 октября 1880 года⁴¹, а 1 марта 1881 г. Император Александр II пал жертвой злодеяния.

Личным письмом от 2/16 марта папа выразил глубокое возмущение по поводу злодеяния и высказал несколько справедливых мыслей в связи с происшедшим.

В ответ на это 20 марта Император Александр III отправил личное письмо папе, уведомляющее о вступлении на трон. Письмо, по высочайшему повелению, доставил русский посол в Вене. Папа ответил собственноручным письмом от 22 апреля.

В это время в Рим прибыли Мосолов и Бутенев для выработки окончательного соглашения, которое и было подписано 24 декабря 1882 года.⁴²

Наступила новая эпоха.

На коронацию, которая состоялась 27 мая 1883 г., папой была отправлена особая делегация.

«В третий раз в течение XIX века папское посольство исключительного характера отправлялось в Россию, неся православному царю поздравления от верховного главы католического мира».

Выбран был член курии В.Ваннутелли, бывший апостольский делегат в Константинополе, и с ним свита.

Избегая участия в церковных торжествах, делегация прибыла с опозданием и 29 мая была принята в аудиенции Императором Александром III⁴³.

Начался новый период отношений Рима и России.

Курия постепенно отказывалась от чисто польских интересов России. Она по-прежнему имела много хлопот и беспокойства в связи с требованиями поляков в России, но понемногу все входило в разумные границы. Рим понял, что Россия слишком значительна, чтобы можно было ее подчинить частным интересам. Русские подданные-католики жили не только в Царстве Польском. Они могли требовать от Рима помощи без нарушения прав и достоинства России.

Положение значительно изменилось в пользу католицизма со времени законов 1904 и 1905 гг. о веротерпимости. Никаких препятствий свободному развитию римо-католической церкви в России не было, и она развивалась.

Вместе с тем величие и значение Православной Церкви в России, верность Церкви православного народа, самая русская культура и склад русской народной души делали бесплодными все мечты об обращении России в католичество.

Русская революция, захват власти большевиками, Голгофа Православной Церкви в России в корне изменили положение вещей.

Из хаоса и кровавого тумана пред взором Рима, устремленным на Восток, подымалось видение новой России, России католической.

Глава вторая

Борьба за светскую власть и со светской властью

1

Почти двухтысячелетняя история папства является собою картину непрерывной борьбы за власть.

Во время этой борьбы папство выковало замечательную организацию, переросшую свое содержание. Сложный по технике и совершенный по рутине административный аппарат управления Римской церковью ищет места своего применения. Поразительно то, что, совершенно отказавшись от всякой надежды на воссоединение протестантов, захваченный врасплох беспощадной антирелигиозной политикой советского правительства, столкнувшийся с испанской революцией и мексиканскими насилиями, Рим главное свое внимание в настоящее время обращает на Православную Церковь, как будто бы для полного завершения власти ключей ему не хватает только православной части христианского мира.

Сложная задача борьбы с окружающими католичество врагами оказалась подмененной устремлением на Восток. По-видимому, сама Римская церковь понимает, что для своего укрепления она нуждается в каком-то нетронutom источнике религиозных и национальных сил. Таким источником для нее может явиться только одна Россия. Вот почему вырабатывается особый взгляд на «восточный обряд» и Рим готов отказаться от всех своих вековых утверждений и возвратиться к тому положению, в котором находилась Западная Европа во главе с римским епископом перед конфликтом с Византией, окончившимся так называемым разделением церквей.

Это еще скрывается от католиков, но это в полной мере выявляется перед Православием. Начинается новая эпоха церковной политики Рима, совершенно иная по своим методам и задачам.

Основание борьбы за инвенституру Григория VII лежит в учении блаженного Августина о преимуществах духовного меча над светским. Борьба эта, по крайней мере в настоящее время, является проигранной.

В 1931 году, во время испанских событий, иезуит Я.Урбан писал:

«Католицизм повсюду должен защищать независимость своих религиозных и нравственных влияний на публичную жизнь и на души молодежи, а также бороться с чрезмерными притязаниями современных правительств, стремящихся подчинить государству даже человеческие души, принадлежащие самим себе и Богу»¹.

Между тем были другие времена и намечались другие пути, если взять исходным моментом хотя бы борьбу Григория VII с Генрихом IV.

«Рим никогда, — говорит русский исследователь профессор Е.Н. Трубецкой, — не был в большей степени, чем в те времена, мирообъем-

лющим центром, в котором узлом сходились нити западноевропейской истории, пружиною, все приводившей в действие².

Сам папа, «Раб рабов Божиих», хочет всех привести к единству стада Христова под властью вселенского пастыря, сплотить человечество во единое социальное тело, устроить на земле единое «божеское царство». И вместе с тем он сознает «несоответствия между идеалом католического единства и жизнью современной ему церкви», в которой уже тогда чувствовался дух реформаторства³.

Григорий VII вообще отрицательно относится к светской власти, которая не хочет понять его идеи спасения всего мира в лоне церкви. По поводу французских дел он в раздражении замечает, что цари ведут свою генеалогию от разбойников, узурпировавших власть над себе подобными.

Он считает себя вправе распоряжаться почти над всей Европой, ибо в силу легендарного «дара Константина» Италия является собственностью Св. Петра, Саксония принадлежит верховному апостолу в силу столь же легендарного дара Карла Великого. Права на Венгрию определяются мнимым даром венгерского короля Стефана I. В конце концов, папство желает стать всемирной империей, и папа утверждает, что вселенная, ради спасения своих душ, должна быть подчинена его власти⁴.

Вильгельм Завоеватель покорил Англию с благословения папы Александра II, переславшего ему священное знамя Петра, и потому он «должен владеть ею, как вассал, воин св. Петра». И, кроме всех этих стран, Григорий считает себя верховным сувереном также и в Киеве, который он «отдает в дар князю Изяславу Ярославовичу»⁵.

Для Блаженного Августина «мир всех вещей есть спокойствие порядка; порядок же есть расположение вещей равных и неравных каждой на своем месте». Точно так же и Григорий понимает мир вселенной как иерархический порядок — лестницу существ, в которой низшие ступени подчиняются высшим и единый владыка мира — папа — царит над князьями⁶.

По существу, между королем и папой шла борьба из-за Италии, «причем Григорий боролся за господство в ней независимого папства, а Генрих — за право Священной Римской Империи». Столкнулись две теократии. В феврале 1076 года Григорий отлучил Генриха и воспретил ему царствовать в Германии и в Италии. В ответ на это Генрих заявляет о своем праве замещать кафедру св. Петра. На Пасху 1076 года он требует, чтобы Григорий сошел с престола и чтобы его место занял такой папа, который помнил бы слова св. Петра: «Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр., 2, 19)⁷.

Григорий требует свободных церковных выборов в Германии и он заявляет, что Генрих может быть восстановлен в своих правах лишь в том случае, если он вообще перестанет рассматривать Церковь как подчиненную и рабу и вместо того признает в ней повелительницу и госпожу.

Папа вообще хочет присвоить себе духовную инвеституру по отношению к королевской власти. Для того чтобы папа мог распоряжаться царствами, королевская власть должна быть не наследственной, а избирательной. И это начало он проводит после низложения Генриха IV. Мало того, избирательная монархия должна носить такой характер, чтобы каждый раз избранный кандидат утверждался папой. Оказалось,

что папа может ограничить королевскую власть сверху, в союзе с теми, кто хочет ограничить ее снизу. Получается компромисс между боговластием и народовластием, своеобразное соединение клерикальных течений с идеей народного верховенства⁸.

В 1077 году Григорий был встречен Генрихом в Каноссе. Здесь папа остановился по дороге в Германию, куда он следовал по приглашению немецких князей, чтобы судить короля и решить дальнейшую судьбу королевства.

В Каноссе было снято отлучение с Генриха, но он не был восстановлен в своих царских правах. Папа сохранил за собой право судить короля с точки зрения несоответствия его правления благу подданных⁹.

Выдвигая против короля права народа, Григорий имеет в виду христианский народ, подчиненный церкви, «которая определяет и указывает те цели, во имя которых подданные должны повиноваться или сопротивляться своему королю».

Победа над Генрихом, казалось, надорвала силы Григория, и после смерти антикороля Рудольфа (1080 г.) папа, не отказываясь от принципиальной точки зрения, на многое смотрел иначе. Фактически удержаться на той высоте, на которую поднялся Григорий, не было возможности.

За всей этой политической и церковной борьбой стоял тот теократический идеал, на который только и мог опираться Григорий.

«Апостол Петр, “всемирный рыболов”, (*piscator communis*) представляет собою теократию, как деятельное в мире начало; поэтому сам Христос, высший Первосвященник, олицетворяет собою церковь преимущественно как царство не от мира сего. В том изображении папской теократии, которое дает нам Григорий, фигура св. Петра наполняет собою весь первый план; за ним, на втором плане, виднеется в облаках неясный облик Спасителя. Христос не наполняет собою настоящей земной жизни церкви Петровой. Он представляет собою преимущественно отдаленное палестинское прошлое и ее будущее, грядущее царство»¹⁰.

В формуле присяги, которую папа в 1081 году хочет продиктовать будущему германскому королю, преемнику низложенного Генриха и убитого Рудольфа, мы находим требование: король должен клятвенно обязаться «с помощью Христа (*adjuvante Christo*) воздавать должное служение и честь Богу и св. Петру».

«От имени верховного апостола он говорит как Папа, глава церкви; ко Христу он обращается преимущественно как частное лицо, с личной своей просьбой: ускорь мой конец, освободи меня ради любви к св. Деве и к св. Петру»¹¹.

Из всей теории и практики Григория не мог не родиться догмат папской исключительности, а засим и непогрешимости.

Указание Генриха IV на то, что ведь было же время, когда византийский Император утверждал римского епископа, прошло мимо внимания папы, однако уже при заключении Вормского конкордата в 1122 году папа Калликст II должен был признать права светской власти. Символы инвеституры были изменены, король должен был инвестировать не кольцом и посохом, а скипетром. Было также определено, что «предметом императорской инвеституры» является светское имущество церкви, через инвеституру избранный епископ или аббат должен был получить только регалии (но не духовную должность). Устанавли-

вался канонический порядок избрания на духовную должность. Но во всяком случае, несмотря на разные побочные обстоятельства, право замещения должностей, и до настоящего дня принадлежащее государственной власти, хотя и в различной форме, представляет собою, тем не менее, следствие королевских прав инвеституры, создавших когда-то средневековое право как в Германии, так во Франции и Англии и вообще в области романо-германских средневековых государств¹².

Это начало достигло своего апогея в праве апостолического австрийского императорского престола налагать свое «вето» на кандидатуру избираемого папы. Последний раз это право было применено в 1903 году, после смерти Льва XIII. Кандидатом был назначен кардинал Рамполла, считавшийся другом России и Франции. Краковский епископ, кардинал Пузына, от имени австрийского правительства, заявил «вето». Против Рамполлы был также и орден иезуитов, руководимый немцами. Был избран кардинал Сарто, под именем Пия X. При нем огромную роль играл статс-секретарь по иностранным делам, кардинал Мерри-дель-Валь, испанец, друг немцев и орудие иезуитов¹³.

2

Папство, которое воспиталось на политической борьбе, перенесло это и на католическую церковь, которая, по словам Е. Трубецкого, «не будучи в силах искоренять дурные страсти людей, вступает с ними в компромисс и пользуется ими для достижения своих целей». В конце концов, сама церковь становится игрой политических сил.

Французское духовенство так же, как и испанское в наше время, приветствовало великую французскую революцию. Революция сначала отняла церковные имущества, объявив их национальной собственностью. Имущества эти, стоимостью свыше 3 миллиардов франков, никогда не были возвращены духовенству. Затем было объявлено гражданское устройство духовенства, и папская власть потеряла всякое влияние во Франции. Францию, порядок и церковь спас Наполеон I. Но засим возник тот же спор, что и с Генрихом IV, только Наполеон был сделан из другого теста и обстановка была иная.

15 июля 1801 года был подписан конкордат Франции с Римом.

2 декабря 1804 года папа Пий VII короновал Наполеона в Париже, от принятия причастия Наполеон отказался, во время коронации вырвал из рук папы корону и сам на себя ее возложил. Папа лишь совершил миропомазание. Такого коронавания не было со времени Пипина Короткого. Кроме того, 26 мая 1805 года Наполеон короновался в Милане железной короной.

Папа вынужден был идти на уступки, принимая во внимание, что конкордат 1801 года был первым после конкордата 1516 года.

Затем начались осложнения. Под предлогом, что папская область может быть занята враждебными войсками, Наполеон 13 февраля 1806 года писал папе: «Вы — владыка Рима, я же Император: мои враги должны быть Вашими». В результате генерал Миолли вступил в Рим 1 февраля 1808 года. Рим оказался оккупированным. После 14 месяцев оккупации, в течение какового времени папа жил пленником, не имея возможности сноситься с кардиналами, из которых 24 были сосланы, декретом из Вены, от 17 мая 1809 года, Наполеон объявил папские владения присоединенными к Французской Империи, а Рим свободным

имперским городом. Таким образом, светская власть папы упразднилась; Наполеон взял назад у св. престола дар Карла Великого, «своего славного предшественника». Наполеон мечтал о водворении папы в Париже.

10 июня папа издал буллу об отлучении Наполеона. Наполеон напечатал в Мониторе, что, согласно принципам Галликанской церкви, папа не вправе отлучать французского государя.

В ночь с 5 на 6 июля жандармский генерал Рода окружил Квиринал и потребовал отречения папы от светской власти, грозя увезти его из Рима. Папа не подчинился и был увезен, вместе со статс-секретарем Пакка.

«Больше никакой пощады», — пишет Наполеон Мюрату.

Через Флоренцию, Турин, Гренобль папу отвозят в Саванну (20 августа 1809 г.), разлучив со статс-секретарем. Папа отклонил предложение поселиться в Париже с содержанием в 2 миллиона франков.

Император велит отправить всех кардиналов и папскую канцелярию в Париж, туда же думает переселить и папу, чтобы иметь его под рукою в полной власти. Впоследствии перевозят его и заточают в Фонтенебло, где заставляют подписать второй конкордат 25 января 1813 года, с отречением от светской власти.

В Фонтенебло он живет под надзором жандармского офицера. С 1810 года у него отняты секретарь, все бумаги, даже чернила и перья. Но он остается тверд: «Дело идет о нашей совести, и тут от нас ничего не получат, если бы даже с нас содрали кожу».

Папа выигрывает борьбу. Наполеона осуждает весь мир. Популярность Пия VII росла. Наполеон все свалил на Мюрата¹⁴.

Наполеон пал, и в Париже появился освободитель Европы, русский Император Александр I. Союзники, под главенством Императора Александра I, восстановили папу в его светских владениях, а папа восстановил старые порядки. Католическая реакция охватила папскую область, Испанию, Португалию, отдельные области Италии. Однако Австрия и Франция сохранили свободу веры. В Австрии продолжал господствовать иосифинизм, во Франции продолжал действовать конкордат Наполеона.

Остались в силе и так называемые органические статьи, опубликованные Наполеоном 18 апреля 1802 года без всякого соглашения с Римом.

«Эти правила, так же как старые галликанские правила, касались проверки актов курии и постановлений иностранных синодов. Даже постановления общих соборов подлежали "placet". Восстанавливалось со стороны Императора запрещение епископам собираться в пределах Франции на соборы, без разрешения правительства, а равно выезжать из пределов епархии, а также устанавливалось право апелляции по делам духовным Государственному Совету».

Отказ папы «ради сохранения мира» от конфискованных церковных имуществ остался в силе и при восстановлении Бурбонов. Папа вообще осудил конституционную хартию, данную восстановленными Бурбонами Франции.

Таким образом, папу спас от Наполеона «схизматик» Александр I. За это спасение Александр потребовал уступок в пользу России. Если могли быть сделаны уступки Наполеону, вплоть до участия в коронации, то почему в них должно быть отказано Императору? Папа был

удивлен, надеясь на личное свидание в Риме. Александр готов был встретиться, но встреча не состоялась.

Александр I восстановил Польшу в тех пределах и в тех формах, в каких можно было это сделать в 1815 году.

После непрерывного марша наполеоновских войск через Польшу и полного разорения Польши саксонцами, вюртембергцами и прочими союзными наполеоновскими войсками Варшава встречала Александра I в Мокотове на коленях и со слезами на глазах как своего избавителя. Поляки предложили соорудить триумфальную арку в память «на вечные времена».

Александр I от этого отказался. Поляков он знал лучше, чем они думали. Однако Рим не совсем давал себе отчет в происшедших событиях.

Папа продолжал разговаривать с Александром I, как будто за ним стояла какая-нибудь реальная сила. В таком же роде было отношение и к Николаю I, хотя здесь некоторым осложнением являлось подавление польского восстания 1831 года и воссоединение униатов с Православием в 1839 году.

Рим не мог установить правильной точки зрения на Россию и не понимал, что во всяком случае Россия ни в какой мере не зависит от Рима. В результате неосторожного вмешательства в польские дела папа поссорился с правительством Александра II. Папа оказался совершенно изолированным и в полном одиночестве смотрел, как 20 сентября 1870 года войска генерала Кадорны заняли Рим, последний клочок папских владений. Осуществлялась идея национального итальянского объединения и отодвигала в тень папу, ставшего ватиканским узником.

3

На Ватиканском соборе 1870 года был провозглашен догмат папской непогрешимости и окончательно уничтожена возможность соединения Западной и Восточной Церквей, ибо догмат примата римского епископа, в соединении с догматом непогрешимости, оставлял только один путь соединения: безусловное подчинение Восточной Церкви не только авторитету первенствующего римского епископа, но и всему содержанию догматической стороны Римской Церкви.

Восточная же Церковь в это время вылилась в Русскую Православную Церковь как естественное сосредоточие восточного Православия. Она стала защитницей и хранительницей восточных и славянских автокефальных церквей, и, разойдясь с ослабевшей Византией, Рим встретился с могуществом России.

Папа Лев XIII, великий политик, явился слишком поздно. Уже в 1848 году был провозглашен коммунистический манифест и явился новый пророк страждущего человечества — Карл Маркс.

То, что должна была провозгласить Римская церковь, как церковь земного устройства людей, провозгласил противохристианский Интернационал.

Силы народовластия, вызванные Григорием VII против Генриха IV, обернулись против церкви. Народ стал ниспровергать королей, но вовсе не в интересах папы.

Лев XIII сделал попытку попасть в ногу времени. Энциклика о социальных отношениях «*Rerum novarum*», изданная в мае 1891 года,

произвела беспокойство среди католической буржуазии и была встречена иронически социал-демократией.

Политические противоречия в Европе становились угрожающими. Протестантская Германия разбила католическую Австрию и стала центром немецкого объединения.

Вмешательство Франции в польские дела повлекло за собою нейтралитет России в момент нападения Германии на Францию, и Франция под Седаном была разбита.

В Версале родилась Германская Империя и угрожающе обернулась к Риму, требуя, чтобы он стал глашатаем ее национальных устремлений.

Своим военным шумом Германия наполнила всю Европу. Лев XIII сохранял то равновесие, без которого папский престол должен был стать игрушкой политических страстей.

Осложнения начались непосредственно после его смерти, когда кардинал Рамполло был устранен и папой был избран бесцветный Пий X.

Эпоха Пия X в настоящий момент получила некоторое освещение во французской печати.

В 1913 году Пий X почувствовал, что немецкая камарилья внутри ватиканских стен осуществляет над ним настоящую диктатуру. Он отстраняется от Мерри-дель-Валля, навязанного ему иезуитами, и приближает к себе Рамполло, доверенного Льва XIII и наследника его политики. Влияние Мерри-дель-Валля падает, ожидается его отставка, и вдруг внезапно кардинал Рамполло, пользовавшийся завидным здоровьем, заболевает. Его приближенный слуга имеет неосторожность лично бежать за знакомым врачом, но... когда появляется врач, он застаёт его уже мертвым.

Пропадает одновременно ларец с документами, доверенными Львом XIII кардиналу Рамполло, где имелось завещание папы Льва XIII и запись его беседы с Вильгельмом II, которую Рамполло имел опубликовать на случай войны.

«Война начинается. Пий X, пленник своих канцелярий, возмущается... хочет действовать, пишет личное письмо Императору Францу Иосифу... призывает к себе секретно кардинала Феррато, бывшего нунция в Париже, друга Франции. Однажды Мерри-дель-Валль, зайдя в кабинет папы, застаёт его в интимной и продолжительной беседе с Феррато. В тот же вечер с папой случается припадок удушья... он не поправляется, начинается агония, и он умирает спустя три дня 19 августа 1914 года».

Новым папой был избран кардинал Делла Кеза (Бенедикт XV), ставленник немцев и иезуитов. Он все же разговаривает с кардиналом Феррато.

Спустя несколько дней, 20 октября 1914 года, кардинал Феррато, в руках которого находились все секреты и папки с тайными бумагами, с которыми он не успел еще ознакомиться, после легкого ужина заболел. Начались рвоты. Он пал, как пораженный громом, агония продолжалась сутки, и он скончался 21 октября, как уверяют, от аппендицита, причем, однако, хирургической помощи ему не оказали. Разбитый бокал должен был пояснить, почему в его сахарнице нашли толченное стекло».

Сведения эти, взятые французским журналом «Le Grapillon» из книги «Le Baptême de Sang», были в 1931 году опубликованы в польской печати и вызвали необычайное возбуждение и возмущение католического агентства печати, которое резко все опровергло.

В ответ на это в варшавской газете «Kurjer Poglany» от 1 августа 1931 года, под заглавием «Заметание следов или корректирование истории», появилась статья графини М. Велепольской, в которой она, между прочим, пишет:

«В 1914 году началась великая война... Все борющиеся были заинтересованы в том, чтобы папский Рим высказался в их пользу, в особенности же этого желали центральные державы, ибо их союз с Италией стоял под знаком вопроса... Ватикан по понятным причинам не сочувствовал государствам согласия. Зато сверхкатолическая Австрия, которой правили иезуиты, и Бавария — были единственной опорой Ватикана. Во всяком случае, последнее слово было за иезуитами, и хотя в государствах, участвующих в войне, они вели себя прилично, осторожно и даже патриотически, но в нейтральных государствах вели политику явно в пользу Германии. Например, в Испании они были посредниками между королевой и Венским двором, а в Индии наиболее терпимое в религиозном отношении английское правительство должно было применить острые репрессии в отношении ордена иезуитов, столь активным стал этот, последний, в своей деятельности против держав согласия».

И далее автор приводит телеграмму от 26 июля 1914 года баварского посланника при Ватикане, М.Ф. Ригера, своему правительству:

«Апостолическая столица одобряет энергическое выступление Австрии против Сербии. Кардинал статс-секретарь надеется, что на этот раз Австрия не уступит. Ибо, по его мнению, когда же объявлять войну, если не теперь». В этих декларациях обнаруживается боязнь Римской курии перед панславизмом¹⁵.

26 июля была послана телеграмма, а 19 августа того же 1914 г. папа Пий X, не бывший сторонником немцев, умер.

4

Победа над немцами свела на нет политическую роль Ватикана. В Версале папы не было. С падением Австрии православные южные славяне освободились от католической и немецкой опеки. Наступление на Православие через Балканы прекратилось.

Казалось, все потеряно.

И в этот самый момент перед глазами Рима возникает великолепное видение России, без царской власти — хранителя Православия — и без всяких препятствий движению Рима на Восток.

Католическое духовенство в России приветствовало русскую революцию как в интересах Рима, так и в интересах Польши.

«Если бы когда-то, накануне войны, — замечает иезуит Я.Урбан, — нам кто-либо с полным ручательством предсказал падение связывающей религиозную свободу царской власти и восстание из гроба Польской республики, католического государства, то, наверно, с этим образом мы соединили бы в своих надеждах также образ напряженной католической работы над обращением восточных диссидентов к церковному единству. Несомненно, в нашем воображении рисовался бы также быстрый процесс этого обращения и заранее радовал бы предполагаемый результат. Если мы не лелеяли в душах наших таких картин, то единственно только потому, что не надеялись на такие радикальные политические перемены, какие неожиданно повлекла за собою мировая война».

«Однако, как оказалось впоследствии, «работа эта более трудна в осуществлении и гораздо скромнее по результатам»¹⁶.

Это говорил иезуит Я.Урбан в 1930 году на первой конференции духовных лиц по вопросам церковной унии в Польше. Конференция происходила в Пинске.

Если польский вопрос был разрешен, то оставалось разрешить вопрос обращения России в католичество.

Рим стремился договориться с большевиками, не веря в возможность договориться с православной иерархией.

Большевики шли навстречу, ибо считали Рим силой в смысле влияния на католические буржуазные правительства. Но весьма быстро большевики поняли, что за Римом никакой реальной силы не стоит. Они прервали переговоры. Надо сказать, что общее заключение большевиков было правильно.

11 февраля 1929 года между королевским итальянским правительством и папой Пием XI «был заключен так называемый Латеранский договор. Папа отказался от притязаний на земли папской области, «дар Константина». Он признал итальянское государство. Правительство признало образованное внутри стен Рима новое государство — город Ватикан.

Муссолини низвел папу с небес на землю и сделал его участником итальянской политической жизни. Папа снова стал римским епископом. Римскому престолу были сделаны уступки в делах школьных и брачных. Римская церковь была введена в общую систему строительства фашистского государства. Трудным и сложным путем пришло к этому соглашению папство. Было 110 встреч представителей папы и короля, Пачелли — нынешний папа Пий XII — с Барроне. Кардинал Гаспари имел 129 аудиенций у папы. Папа прекрасно понимал, что отныне он бесповоротно связывает себя с итальянской политикой. Однако он очень хорошо помнил, что благодаря Муссолини вообще было спасено положение папства от угроз римской черни, впитавшей идеи большевизма.

В Латеранском договоре установлен полный нейтралитет папы и его невмешательство в международную политику.

«Святой престол в силу суверенитета, который ему принадлежит также и на международном форуме, объявляет, что он желает оставаться и останется в стороне от преходящих споров между отдельными государствами и от международных конгрессов, созданных с такою целью, разве только спорящие стороны, по обоюдному согласию, обратились бы к его мирному призванию, оставляя за собою в каждом отдельном случае возможность использования своей моральной и духовной власти.

В силу этого Ватиканское государство всегда и в каждом случае остается неприкосновенной и нейтральной территорией» (ст. 24)¹⁷.

Что Латеранский договор знаменует собою такое соотношение политических сил, которое явно не в пользу Ватикана, это с полной очевидностью выявилось уже через два года, в связи с конфликтом Ватикана и Муссолини по вопросу о подчинении молодежи католическому руководству.

Несмотря на конкордат, Муссолини заявил, что идея фашистского государства выше католической идеи, и отказался предоставить Ватикану полную свободу в деле воспитания молодежи. Дело приняло довольно острый оборот.

2 мая 1931 года из Рима сообщали: сегодня произошли новые демонстрации, которые являются продолжением вчерашних.

Толпа демонстрантов ворвалась в помещение известной католической газеты, издаваемой орденом иезуитов, «Cicilica Catholica», сорвала со стены портрет папы и разорвала его на мелкие куски. Вытащив из библиотеки ряд книг, толпа выбросила их на улицу, где и уничтожила с криком: «Долой папу!».

В городе настроение очень напряженное. Группы студентов расхаживают по улицам и кричат: «Долой папу!» Полиции с трудом удается поддерживать порядок.

Муссолини отказался принести извинения, но прекратил демонстрации¹⁸.

Муссолини дал почувствовать Ватикану руку фашизма.

Возник вопрос о перенесении столицы римского епископа. Указывалось, в качестве примера, на факт семидесятилетнего пребывания пап в Авиньоне, во Франции. Было несколько проектов. Франция предлагала перенести столицу на Корсику. Это тем более было приемлемым, так как в это время уже происходили осложнения в Испании. Параллельно образовался особый комитет в Польше и возник проект о перенесении столицы в Краков на исторический Вавель. К тому же Польша обладает двумя величайшими католическими святынями — чудотворными иконами Божией Матери Ченстоховской и Остробрамской в Вильно. Попутно возник вопрос о перенесении папской столицы в Вену. Однако это серьезно не обсуждалось. В конце концов конфликт был улажен.

Весьма грозными оказались события в Испании.

Полторы тысячи лет католическая церковь вместе с монархией владела душами и сердцами Испании. С момента захвата страны маврами в течение восьми веков, до XV столетия, католическая церковь в Испании подчинила себе все. После освобождения страны положение ее стало исключительным, ибо, как замечает Бокль, характер испанского народа стал теологическим.

Испания дала св. Доминика, зажегшего костры инквизиции, она дала Лойолу, создавшего воинственный орден иезуитов, вернейших из верных слуг католической церкви.

Испанское духовенство разгромило без остатка все ереси, и не только в Испании. Оно уничтожило протестантизм в Нидерландах, оставив в памяти жестокость герцога Альбы. Заставив остатки мавров принять христианство, духовенство настояло на изгнании этих «морисков», ибо оно не было уверено в качествах их христианской души.

«Вся мыслящая часть населения, — говорит Бокль, — посвящала себя на служение или церкви, или военному делу. Часто даже соединялись оба рода занятий, и говорят, что обыкновение духовных ходить на войну сохранилось в Испании еще долгое время после того, как оно было оставлено в других странах Европы».

Веками Испания знала только два благородных класса — духовенство и рыцарство, военный и духовный меч.

Мало того, в эту эпоху вся интеллектуальная деятельность так или иначе была связана с духовным саном. Сервантес за три года до своей смерти сделался францисканским монахом. Лопе де Вега был священником и имел должность при инквизиции. Знаменитый поэт

Кальдерон был капелланом Филиппа IV и унизил свой блистательный талант до таких проявлений фанатизма, что его считали поэтом инквизиции. Поэт Заморра был монахом. Аргенсола был каноником Сарагоссы.

Усиление влияний испанской церкви в течение XVII века было исключительным. В Испании оказывается девять тысяч монастырей, не считая женских. В 1623 году доминиканский и францисканский ордены заключали в себе до 32 000 человек. В Севильской епархии было 14 000 капелланов, в Калабрской — 18 000.

Народ был в буквальном смысле пленником духовенства.

Монархия веками служила церкви и духовенству, жертвуя всем, останавливая развитие общественных форм жизни. Испания, величайшая держава в XVII веке, растратила все свое национальное достояние, и та страна, которая посылала Армаду для восстановления силою власти папы в Англии, стала второстепенной державой. Она потеряла все свои колонии и все свое влияние¹⁹.

Но в час испытания монархии духовенство все забыло и от всего отреклось.

Когда король, охранивший свою страну от участия в Великой войне, должен был ее покинуть, духовенство торопливо пошло навстречу республике. Еще не успела улечься пыль от королевского автомобиля, как клир отрекся от монархии и сделал это с такой свободой и непринужденностью, что стало вчуже страшно.

Пятнадцать веков испанскому духовенству совсем не все равно было, какой строй должен быть в Испании, и вдруг в один день оказалось, что в конце концов безразлично, какой строй и какое правительство, лишь бы все осталось по-старому для духовенства. Один только Примас, Толедский архиепископ, что-то прошептал в пользу исторических начал и сейчас же от своего шепота отрекся.

А через месяц можно было подвести итоги. В Мадриде было подожжено десять монастырей и костелов, среди них огромная иезуитская коллегия на Виа Гранде. В течение одного дня, 12 мая, в Севилье был подожжен монастырь капуцинов. Затем севильская толпа подожгла костел иезуитов, оставив пожарную команду и не допустив народную гвардию, которая пыталась разогнать толпу. В тот же день подожгли два монастыря в Триане, каплицу св. Иосифа — замечательный памятник XVIII века. В Алликанто террористы ограбили и подожгли резиденцию иезуитов, семь монастырей, две типографии, архиепископский дворец и здание школы. В Кадиксе — четыре монастыря, на Малаге — два монастыря и дворец епископа. Всего за это время было сожжено до 205 монастырей и костелов.

В Малаге женщины сбрасывали платья и нагие публично танцевали на пожарище. Толпы ходили со знаменами с надписями: «Да здравствует Ленин!», «Долой иезуитов!», «Долой церковнослужителей!»

Из захваченных зданий выносили на улицу иконы, статуи, литургические книги, часто бесценные предметы искусства, складывали в огромные кучи и поджигали. Причиненные убытки определяются в 300 миллионов песет.

По сведениям парижских газет от 15 мая 1931 года, за три дня в Испании было разрушено 205 церквей и монастырей. Из них 27 монастырей — в Севилье, 25 — в Малаге, 18 — в Кордове, 14 — в Валенции, 9 — в Гренаде и т.д. Словом, разрушение шло по всей стране²⁰.

Примас Испании уехал в Рим, а засим на Гибралтар. Иезуиты были выметены без остатка.

Неустойчивое равновесие в стране продолжалось до тех пор, пока не вспыхнула гражданская война, война невероятная по жестокости и количеству жертв. В той части Испании, которой владели красные, католическая церковь была уничтожена до основания.

Не осталось в буквальном смысле ни одного храма, ни одного священника.

Все, что сохранилось, — это спас генерал Франко при помощи Муссолини и Гитлера.

Такова ирония судьбы. Верные католицизму народы — Франция, которую так превозносил статс-секретарь Пачелли во время своего посещения Парижа, была по существу на стороне красных, Польша не двинула пальцем. Она была в это время занята разорением Православия у себя.

Русский народ, к православной религии которого католики относятся с таким пренебрежением, не прикоснулся ни к одной святыне. Все разрушения храмов и уничтожения святынь и церковных ценностей были произведены правительством. Со злой волей правительства православное духовенство, при поддержке народа, боролось и борется до последней возможности. Однако голод и современная техника вооружения сломили сопротивление. Только часть духовенства оказалась за рубежом с единственной целью вести церковную борьбу против богоборческой власти и организовать религиозную жизнь миллионов русских беженцев.

Стоит задуматься над отношением испанцев и русских к своей религии. Сравнение будет весьма поучительно.

К этим тяжелым урокам прибавилась трагедия в Мексике, где правительство применяет уже большевистские методы.

Насколько положение Римской курии оказалось шатким, видно хотя бы из того, что даже микроскопическая Литва, недовольная деятельностью папского нунция Бартоломи, позволила себе 7 июня 1931 г. выслать его из страны, отправив с полицейскими на немецкую границу.

Борьба национал-социализма с католицизмом в Германии приняла настолько беспощадный характер, что Пий XI счел необходимым обратиться к католическому миру с особой энцикликой от 18 марта 1937 года. Энциклика эта непосредственно связана с энцикликой о безбожном коммунизме от 19 марта.

Это совпадение весьма знаменательно. Рим как будто ставит национал-социализм и большевизм в отношении к религии на одну доску. Такая постановка вопроса свидетельствует о растерянности и бессилии Рима.

Какова бы ни была политика национал-социализма, в Германия не разрушено ни одного католического храма, не убито ни одного священника.

Голоса протеста, которые раздаются из Рима в сторону Москвы и Берлина, если они хотят быть услышаны, должны звучать по-разному.

Берлин ведет борьбу с клерикализмом, Москва — с Богом.

Лев XIII во всяком случае умел иначе разговаривать с Бисмарком.

Скала Петра со всех сторон окружена враждебными силами, и в такие исторические минуты, через бедствия настоящего, Рим пытается приуготовить будущее.

В этом будущем пленительным обликом стоит Россия, разоренная и духовно обнищавшая, нива, ждущая сеятеля, и стадо — пастыря, как думает Рим.

На Западе все кончено. Для католичества — холод и пустыня.

Восток — вот содержание жизни сегодняшнего дня для Рима.

И, конечно, Рим не слышит тех слов, какие Местоблюститель Патриаршего Всероссийского престола — митрополит Петр поместил в своем послании от 25 июня 1925 года:

«Много врагов у Православной Христовой Церкви. Теперь они усилили свою деятельность против Православия. Католики, вводя наш богослужебный обряд, совращают, особенно в западных, издревле православных церквах, верующий народ в унию и тем самым отвлекают силы Православной Церкви от более неотложной борьбы с неверием»²¹.

Русскими душами и русскими средствами, а в грядущем и силами национального русского государства, всегдашнего охранителя церкви, думает Рим восстановить свои силы и свое величие.

Иного источника нет и иных путей не видно. Только теперь он понял, какой умиротворяющей и создающей силой в Европе была Россия.

В этот страшный час Рим в тоске взывает к Промыслу Божию о спасении России... для себя. В этом все содержание политики Рима в русском вопросе.

Глава третья

РУССКИЙ КАТОЛИЦИЗМ

1

На известном московском процессе, проходившем с 21 по 25 марта 1923 года, на котором рассматривалось дело по обвинению в контрреволюции 16 католических духовных лиц во главе с архиепископом Яном Цепляком и прелатом Константином Буткевичем, между прокурором Крыленко и архиепископом Цепляком произошел нижеследующий диалог.

Крыленко. Обвиняемый Цепляк, как вы смотрите на октябрьскую революцию и советское правительство?

Архиепископ. Мы очень надеялись на революцию, которая дала нам свободу. При старом строе мы были связаны и была ограничена наша религиозная свобода¹.

Свобода, действительно, была полная: в декабре 1922 года и раньше в костеле св. Екатерины на Невском проспекте в Петербурге, «рядом со службами латинскими и проповедями польскими, совершались каждое воскресенье две униатские службы по-старославянски, с проповедями по-русски». Это удостоверяет очевидец, капитан Мак Гуллах, а издатели книги (книга издана орденом иезуитов) добавляют, что проповеди на русском языке имели место уже с 1909 года. Это при общем отвращении католического духовенства к русскому языку. Когда русское правительство требовало ввести русский язык в интересах народа и государства, тогда католическое духовенство оказало решительное сопротивление и не встретило никаких препятствий для пользования русским языком в целях ведения католической и униатской пропаганды.

«Архиепископ Ропп (митрополит Могилевский и всех католических церквей в России) и епископ Цепляк, по словам того же М. Гуллаха, вначале склонны были думать, что католицизм будет располагать большей свободой под управлением Советов, чем царской власти, ибо, хотя царское правительство имело своего представителя при Ватикане, но постоянно вмешивалось во внутренние дела католической иерархии в России»².

«Правительство Керенского, — меланхолически добавляет автор, — мало чем было лучше царского»³. Это неудовольствие католического духовенства проистекало, главным образом, в силу первоначального отказа Временного правительства признать «восточный обряд»⁴.

Католическая пропаганда в России, если и не достигла значительных результатов, то к моменту революции наметила кое-какие пути и установила методы.

Послушаем, что по этому поводу говорит арх. Каревич, бывший профессор Императорской Петербургской духовной римско-католической академии, а с 1914 по 1921 год — епископ Ковенский.

«Движение по привлечению русских к католицизму генетически связано с тем моментом, когда в только что открытую духовную семинарию в 1879 году был приглашен профессором и духовным руково-

дителем ксендз Константин Маевский, из виленской епархии, человек большой ревности и горевший Божьим духом»⁵.

В своих воспитанников К.Маевский всеял не только католический дух, но и отвращение ко всему, что является схизматическим или правительственным. В следующем году уже 26 священников-академиков присоединились путем выдачи временных обязательств к указанному «апостольству»⁶ или, проще говоря, совращению православных. Особенной ревностью отличался некий Жмудяк Ломсаргис, настоятель прихода в Нарве. Он часто приезжал в Петербург и своей «идеей апостольства» среди русских увлек между прочим священников Жыскара и Зельбу.

Жыскар особенно помогал Ломсаргису. Он был викарием в костеле св. Екатерины в Петербурге.

«Пользуясь, — эпически повествует арх. Каревич, — дряхлостью настоятеля костела св. Екатерины, Шкилондза, восьмидесятилетнего старца доминиканца, кс. Жыскар составлял акты браков и крещений новообращенных, вписывая их от имени кс. Шкилондза, будучи уверен, что даже русское правительство не станет применять суровых мер воздействия в отношении старца, стоящего на пороге гроба»⁷.

В результате такого пастырского делания правительство потребовало убрать Жыскара и Зельбу. В таком же роде действовали и другие лица.

Жыскар, однако, долго в провинции не оставался и отправился в Рим. Там он был принят Львом XIII, который оказывал большое внимание русским католикам. Кс. Ломсаргису с товарищами было разрешено в России причащать в частных домах и совершать браки вновь обращенных без оглашений. «Упросил Жыскар св. отца поручить тайную миссию в России иезуитам», а для Краковского епископа Пузыны получил бреве, дающее право назначить одного из краковских настоятелей для составления метрик браков и крещений для обращаемых в католичество православных. Все это делалось тайно, а когда открывалось, то не влекло никаких последствий, так как все эти проступки покрывались манифестом Императора Николая II, данным по случаю коронации.

Тайная миссия иезуитов тоже давала кое-какие результаты, и, например, иезуит Пыдынковский обратил кузину Столыпина Наталию Ушакову. Иезуит Урбан, работающий ныне на униатском поприще в Польше, обратил петербургского священника Медведева и его жену⁸.

После указа о веротерпимости ксендз-иезуит Я.Урбан продолжал работать открыто, но не как иезуит, а как священник Плоцкой епархии, в клире которой он состоял.

Ушакова наняла дом в Петербурге на Петербургской стороне, в котором была устроена церковь «восточного обряда» и жил священник. Униатских священников было три: Зерчанинов, Дейбнер и Сусалев, тайно принятый митрополитом Шептицким. На униатской службе Дейбнера был даже однажды, по поручению петербургского митрополита Владимира, его викарий Никандр, который после службы и проповеди признал, что «такие богослужения ударяют в самое сердце Православия».

Пий X произвел целую революцию. «Он разрешил принимать в унию православное духовенство с оставлением их на занимаемых местах при православных храмах, под юрисдикцией православных архи-

реев и петербургского Синода, в литургии разрешал не произносить Filioque, не поминал папу, разрешал молиться за Синод, словом, вполне согласовывался с православными формами⁹.

«Закончим настоящий очерк о предвоенном апостольском движении в России, — говорит автор, — заметкой об о. Михаиле д'Эрбиньи, иезуите, в настоящее время епископе и председателе Папской комиссии "pro Russia", который на средства митрополита Шептицкого готовил новообращенных русских к роли священников-миссионеров для России. Всех их поставил в священники митрополит Шептицкий во Львове в своей частной капелле. Из этих поставленных митрополитом священников — русских католиков, особенными способностями, энергией, ревностью и образованием отличался Л. Федоров, в настоящее время экзарх и узник на Соловках¹⁰.

Картина весьма колоритная, и это в стране среди миллионного православного населения, от самого принятия Христианства всей своей духовной жизнью неразрывно связанного с Православной Церковью. Не удивительно, что при захвате Львова русскими войсками правительство вывезло митрополита Шептицкого в глубь России.

Кое-что прибавляет и русско-униатский священник Диодор Колпинский, недавно скончавшийся на Дальнем Востоке.

Колпинский происходит из московской дворянской православной семьи, родился в Пскове в 1892 году и окончил 1-й кадетский корпус в Петербурге. В 1911 году принял, вместе с матерью, бабушкой и теткой, католичество. В Риме он окончил Папский Грегорианский университет со степенью доктора богословия и принял сан священника по католическому обряду в Петербурге, так как униатский обряд был воспрещен.

В 1917 году он окончил Петербургский университет по историко-филологическому отделению и в том же году перешел в «восточный обряд» и стал «хартофилаксом» русского католического экзархата.

С 1926 года жил в Польше и преподавал в Люблинском миссионерском институте. Он занимался также и живописью. В 1927 г., вместе с прелатом А. Около-Кулаком, он стал издавать русский католический вестник в Варшаве «Китеж». С поляками он разошелся на почве отношений к русскому католичеству и покинул Польшу в августе 1929 года, высказав полякам много горьких, но справедливых слов. Как видно — человек незаурядный¹¹.

Вот что рассказывает о. Диодор Колпинский:

«Чем-то совершенно новым было появление на сцене пока очень скромного русского католицизма. Первым явлением этого рода был облик седовласого священника Алексея Зерчанинова, некогда православного священника, а ныне католика еще до манифеста о религиозной свободе»¹².

2

«Патриархом» русских католиков является бывший православный священник Алексей Зерчанинов. Родился 8 марта 1848 года в селе Большом Мурашкине Новгородской губ., в семье священника. Окончил духовную семинарию и 15 октября 1871 г. был хиротонисан в пресвитера. Был приходским священником в нескольких местах, и последним его местом было село Борисово. Здесь он встретился с кс. Марианом Фульманом, который был сослан в Нижний

Новгород в связи с закрытием семинарии в Кельцах. Впоследствии Фульман оказался епископом люблинским.

9 января 1896 года А.Зерчанинов перешел в католичество, оставаясь в приходе. Принявший его втайне М.Фульман составил акт и отправил его римо-католическому митрополиту С.Козловскому в Петербург. Митрополит новообращенного в свою юрисдикцию принять не мог, акт же распорядился включить в дело о своей службе. А.Зерчанинов не скрывал своего перехода в католичество и был сослан в Суздальский монастырь, где находился с июля 1898 г. по январь 1901 г. Когда возвратился в Борисово, занялся писательством и воспитанием своих детей.

Между 1901 и 1907 годами происходит его встреча с иезуитом о. Генрихом Пыдынковским, о котором вспоминает арх. Каревич.

В 1907 году он свободно, в качестве католического священника, выезжает за границу, посещает во Львове митрополита Андрея Шептицкого, потом едет в Рим, где его принимает Пий X, посещает Лувр и в Закопане в Австрии служит у иезуитов литургию по «восточному обряду».

Осенью 1907 г. возвращается в Петербург, поселился на Петербургской стороне у некоей Варвары Тимофеевой, которая пыталась устроить какой-то католический женский монастырь, но из этого ничего не вышло.

В 1908 году ему удалось в том же доме устроить первую церковь «восточного обряда». Возле этой церкви находилось еще два священника — Иван Дейбнер и Сусалев из старообрядцев. Дело шло неважно. Самостоятельного прихода открыть нельзя было. Неизвестно, в чьей юрисдикции он находился. Зависел то от митрополита Шептицкого, то от римо-католического митрополита. Прихожан была горсть.

«Кроме того, развитию этого слабого растения, каким являлась группа восточных католиков в Петербурге, препятствовали внутренние трения и мелочные споры между работающими для нее священниками о разных подробностях обряда, об отношениях к католическому клиру и т.д.». В таких словах говорит об этом начинании Я.Урбан, который находился в числе «близких друзей» А.Зерчанинова¹³.

Дело изменилось в 1911 году благодаря Наталии Ушаковой, родственнице П.А. Столыпина, тогда председателя Совета министров, перешедшей в унию. Церковь была переведена на Бармалееву улицу, и священником при ней был назначен Иван Дейбнер, бывший чиновник, еще до Манифеста о свободе совести тайно посвященный митрополитом Шептицким за границей в «восточный обряд».

Сам А.Зерчанинов остался в клире церкви св. Екатерины на Невском проспекте, что имело большое значение для пропаганды католицизма среди православных, особенно после революции 1917 г. Он и проповедовал там по-русски.

«В 1921 году о. Алексей отпраздновал свой священнический 50-летний юбилей; служил в костеле св. Екатерины арх. Цепляк при большом участии клира и стечении многих любопытствующих православных священников. Тогда же он получил от св. Отца Пия XI титул прелата двора Его Святейшества».

После обычных в советской России испытаний он был сослан сначала в Екатеринбург, затем в Тобольск. В Тобольске он был встречен весьма холодно прихожанами-католиками, «не ориентирующими-

ся в католичестве «восточного обряда», но потом «привлек сердца всех».

А.Зерчанинову после больших хлопот удалось возвратиться на родину, и он в Нижнем Новгороде умер на руках своего сына 23 сентября 1933 г. 86 лет от роду¹⁴.

Наталья Ушакова, по словам Д.Колпинского, «имела возможность добиться некоторого молчаливого разрешения со стороны правящих сфер». И это было весьма удивительно, ибо «этот по виду незначительный факт был в действительности событием большого значения, ибо после ликвидации унии на западных землях славяно-католический обряд перестал существовать на территории Российской Империи и не был вообще предусмотрен в законодательстве»¹⁵.

Все понемногу развивалось, но произошло нечто вроде катастрофы, о которой повествовал и арх. Каревич.

Русские католики дело вели, опираясь на Наталью Ушакову, а через нее на П.А. Столыпина, открыто, и однажды службу посетил викарный епископ Никандр и каплица была закрыта, однако не надолго. Богослужения стали совершаться тайно.

По этому поводу в «Церковном вестнике», органе С.-Петербургской Духовной академии, появилась статья «Латинская пропаганда в России».

«Накануне блестящих юбилейных торжеств, к которым готовилась Россия для достойного прославления заслуг и деяний на пользу Отечества и Церкви Царствующего Дома Романовых, в Петербурге, благодаря неусыпному бодрствованию епархиальной власти, был раскрыт новый очаг латинской пропаганды. В храме, прикровенно устроенном на одной из удаленных от центра столицы улиц, ставленник известного врага Православия — униатского митрополита Андрея Шептицкого, совершал богослужения по униатскому обряду, путем определенных иезуитских приемов, организовал общину своих последователей и под покровом “католического православия” невозбранно творил всякие дела пропаганды латинства. Раскрытие в столице очага латинской пропаганды произвело сенсацию. Печать, и не только правая, забила тревогу. Правительство произвело детальное расследование относительно постройки униатского храма и распорядилось закрыть его. В Государственной Думе речь была и о формальном запросе правительству».

В дальнейшем в статье приводятся факты пропаганды католичества в России, указывается на книгу Пальмиери «Русская Церковь» (1908 г.), припоминается саксонский принц Макс, известный своими «лекциями» по восточному церковному вопросу, говорится о деятельности свящ. И. Дейбнера, припоминается одобрительное отношение католических кругов к деятельности В.Соловьева, которого известный боснийский католический епископ Штросмайер рекомендовал кардиналу Рамполло «как человека, всю душу положившего на то, чтобы привести Россию в лоно латинской Церкви».

«Пусть же не дремлет православное церковное общество, — так заканчивается статья, — во главе со своими руководителями и пусть противопоставит латинскому завоевательному походу необходимые средства защиты и взаимопомощи».

Нужно признать, что русское православное общество придавало мало значения этому вопросу и весьма беспечно смотрело на пропаганду русского католичества при помощи «восточного обряда» в России.

Совершались службы по «восточному обряду» и в других местах, в частности в так называемом Мальтийском костеле при Пажеском корпусе, где учились и католики. Служил там Глеб Верховский, а разрешал пользоваться церковью, вопреки закону, ныне покойный — тогда каноник — Зигмунт Лозинский, впоследствии епископ Пинский, двигатель новоуниатского движения в Польше.

3

Москва также стремилась не уступить Петербургу, несмотря на свои сорок сороков. Там священнодействовали Евстафий Сусалев и тот самый Николай Толстой, подпись которого значится на акте присоединения к католицизму Вл. Соловьева, позднее совсем иначе оценивавшего католицизм.

Сусалев привез из Рима признание силы за старообрядческими священническими поставлениями, с чем не мог согласиться Московский Собор 1917–1918 гг. «Признание Рима в старообрядческих кругах вызвало огромное положительное впечатление», — замечает о. Колпинский. Кто мог думать, что Рим найдет дорогу даже к русским старообрядцам?¹⁶

А между тем нашел:

«В 1916 и 1917 гг. происходили известного рода совещания русских католиков со старообрядцами по инициативе находящегося ныне в эмиграции епископа Иннокентия (Усова) Нижегородского и епископа Геронтия Петербургского, видных деятелей старообрядчества. Факт этот весьма знаменателен, если принять во внимание, что после первого, весьма, говоря в скобках, многолюдного собрания, как-то непроизвольно вырвался из уст епископа Иннокентия возглас: “А может быть, и наступит соглашение между вами и нами”.

Вообще, все наши встречи со старообрядцами были ознаменованы взаимной искренностью и сердечностью, причем старообрядцы стремились подчеркнуть пункты совпадения своего вероучения с католическим, в противовес учению официальной Русской Церкви. В особенности всегда обращали внимание на общность старообрядчеству и католицизму догмата непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии, не признаваемого, как известно, официальными русскими богословами.

Необходимо указать, что немалое во всем этом значение имел момент психологический: общая, до некоторой степени, судьба и общее настроение любви к русской древности. И если нельзя было после этих разговоров и диспутов строить надежды на какие-нибудь непосредственные результаты, то все-таки лед был до некоторой степени сломан»¹⁷.

Этот удивительный рассказ свидетельствует о широком подходе Рима к русскому Православию. Он готов захватить даже старообрядчество, т.е. признать обряд, который возник, как самостоятельное явление, только в XVII веке.

Можно все-таки думать, что признание Римом важности старообрядческих посвящений Риму никакой пользы не принесет.

Русские же католики пошли так далеко, что Сусалев, сам бывший старообрядец, и Д. Колпинский, «близкий к сферам старообрядческим», имели в виду приблизиться как возможно точнее к литургическим дониконовским обычаям.

Старообрядчество, признающее власть папы, — вот та высота, на которую подымается воображение Рима.

В Москве организатором русского католичества явилась Анна Абрикосова из известного богатого купеческого дома. После окончания гимназии в Москве она училась в Оксфордском университете и в Англии перешла в католичество. Замуж вышла она за своего дальнего родственника Владимира Абрикосова, который затем тоже перешел в католичество. Анна Абрикосова была женщиной образованной, знала иностранные языки, имела интерес к богословским предметам, была женщиной властной и в то же время экзальтированной.

Богатый и открытый дом Абрикосовых стал местом католической пропаганды в сердце православной Москвы. Бывало много православного народа из кругов высшего московского общества, бывали и люди бедные, студенты, курсистки. По-видимому, многие даже толком не знали, в чем дело и какую пропаганду ведет Абрикосова. Абрикосова часто ездила за границу и дважды была принята Пием X, который, вероятно, с любопытством смотрел на этих представителей богатой православной Москвы — третьего Рима. За границей она вступила в третий орден св. Доминика, и Анна стала Екатериной, отдав себя под покровительство Екатерины Сиенской.

Жизнь Абрикосовой в Москве изменилась. Свой дом она обратила в подобие монастыря. Собралось несколько молодых русских девушек — до десяти. Абрикосова и монахини принадлежали к латинскому обряду, к приходу католической церкви Петра и Павла. Так продолжалось до 1917 года.

После революции митрополит А.Шептицкий положил начало правильной организации русских католиков «восточного обряда» и посвятил Владимира Абрикосова. Екатерина тоже, вместе со своими сестрами, перешла в «восточный обряд». Екатерина отдала всю себя монашеской деятельности и пользовалась общим уважением. Засим они попали под колеса большевицкой противоцерковной политики.

В 1922 году Владимир Абрикосов был выслан за границу. Это был большой удар для Екатерины, хотя они и перестали быть супругами. Место Абрикосова занял Николай Александров, тоже принадлежавший к доминиканцам «восточного обряда».

До ноября 1923 года этот русский католический монастырь в Москве существовал более или менее благополучно, пользуясь церковью «восточного обряда», устроенной еще в 1917 году там же, в доме Абрикосовых. Засим все были арестованы и заключены на Лубянке. Большевицкий следователь весьма удивлялся этим русским католикам, не совсем понимая, в чем дело. В начале июня 1924 года Екатерина и сестры были высланы в Сибирь, Екатерина в Тобольск. Засим в 1929 году она была отправлена в Ярославскую тюрьму. Во время ссылки Екатерина выявила большую силу характера и смирения. Она оказывала возможную помощь окружающим в тюрьме и ссылке. В конце 1931 года заболела раком. В июне 1932 года была перевезена в Москву, некоторое время находилась на свободе, затем снова была арестована и умерла в Москве 23 июля 1936 г., пятидесяти лет от роду¹⁸.

Так самым причудливым образом на заре русского католичества столкнулись и перемешались православный священник Зерчанинов, молодой дворянин Колпашинский, родственница П.А. Столыпина Н.Ушакова, представители богатого московского купечества Абрикосовы, и все это скрепил своим авторитетом митрополит Андрей Шептицкий с особого благословения Рима.

Возникает вопрос: стоила ли игра свеч и могло ли это «слабое растение» вырасти в нечто, представляющее ценность для Рима?

«Что касается числа католиков в России в этой предвоенной и предреволюционной эпохе, то нелегко его определить. Единственно, что можно сказать, что было сотни две сознательных католиков, не считая тех, которые переходили в католичество в разных местах Империи, побуждаемые к этому внешними причинами, чаще всего вступлением в брак с католиками»¹⁹.

Таким образом, все католическое движение в России корней не имело и серьезных результатов не приносило. Редкие случаи действительного и искреннего перехода в католичество не могли иметь никакого значения, а часто бывали просто дворянской дурью.

Народа это ни в какой мере не касалось. Его душу разъедало скорее сектантство и пропаганда внецерковной интеллигенции. Католичество для него было мертво.

Интернированный в Ярославль митрополит Андрей Шептицкий по освобождении прибыл в Петроград. Возле него собрались русские священники «восточного обряда»: Леонид Федоров, Алексей Зерчанинов, Иван Дейбнер, Евстафий Сусалев, Глеб Верховский, Трофим Семяцкий, Владимир Абрикосов и Диодор Колпинский. Как видим, немного.

По мнению польских авторов, главным препятствием к развитию русского католицизма было русское царское правительство. По мнению же русских католиков, главным препятствием было то обстоятельство, что католицизм в России был связан с польской идеей и потому неприемлем для русских.

По словам Д.Колпинского, развитие русского католицизма возможно было только в том случае, если бы соединение католицизма с польской идеей в сознании русского общества потеряло свое господствующее значение.

Теперь наступили другие времена.

Митрополит А.Шептицкий, старый деятель русского католичества, в столице Российского государства, вероятно, к большому собственному изумлению, 29 мая 1917 года открыл Съезд или Синод «греко-католической церкви в России». Синод продолжался до 31 мая, проходил в здании католической мужской гимназии при костеле св. Екатерины.

Кроме перечисленных русских священников «восточного обряда» на нем присутствовали митрополит барон Ропп, архиепископ Цепляк, ксендз Иосиф Боцяно, каноник С.Лозинский, настоятель Мальтийского костела при Пажеском корпусе, и другие — С.Лозинский, впоследствии епископ Пинский, был одним из главных деятелей униатского движения в Польше. Епископ С.Лозинский умер накануне Пасхи 1932 года в г. Пинске. Независимо и вопреки своим личным качествам человека религиозного и преданного своей церкви и своему народу, он остался в памяти православного народа в Польше как один из организаторов судебной борьбы с православным народом, организовав предъявление от имени католической иерархии в Польше в 1929 г. 724 исков к Православной Церкви в Польше об отобрании святынь. Это ложится тенью на имя этого человека как христианского пастыря. К нашему глубокому удивлению, мы прочли в журнале «Slowo Katolickee» заметку об этом епископе с указанием, что это один из будущих польских святых.

Описывая его подвижническую жизнь и его христианское терпение во время болезни и спокойное ожидание смерти, автор заметки К. Беркан отсюда делает вывод, что епископ Лозинский обладает качествами святого.

Совершенно непонятно, каким образом католические церковные деятели могут надеяться на соединение Западной и Восточной церквей в любви и согласии, если Западная церковь высоко возносит таких гонителей Православия, как Иосафат Кунцевич, который уже признан святым, и таких соблазнительей и нарушителей церковного мира среди православных, каковым является епископ Лозинский, имеющий, по мнению католических общественных деятелей, право на особое внимание со стороны католической церкви.

Постановления Синода заключают в себе 68 параграфов и в общем сводятся к следующему: признается примат папы и отдельный обряд, причем воспрещается принятие какой-либо латинской формы. Догматических вопросов, кроме примата и непорочного зачатия Пресвятой Богородицы, Синод не касался. Изменения в культе могут быть допущены только по желанию подавляющего числа верующих. Следует почитать всех святых Западной церкви, и в особенности Иосафата Кунцевича. Что касается русских святых, то, признавая их долголетний культ формой канонизации, постараться получить разрешение св. престола на их литургическое почитание. Признаются обязательными канонические правила Восточной церкви, а правила Западной церкви после 7-го Вселенского Собора «необязательны». Дисциплинарные постановления Римского епископа обязательны постольку, поскольку прямо указано, что они распространяются и на Восточную церковь. Российской католической церковью управляет экзарх в сане протопресвитера, и его права распространяются на всю территорию России. На этой территории он обладает епископской властью. Впредь до особого распоряжения апостолического римского престола законы, издаваемые экзархом, утверждаются митрополитом Галицким Андреем. Русский обряд сохраняется без изменения, причем могут быть и формы старообрядческого обряда, но они не должны быть смешиваемы с обрядом русским. Сделаны также постановления, касающиеся пастырской деятельности, а также и церковной дисциплины. В частности, не разрешается духовенству курение табака, оставляется борода, но не требуется отпускание волос, согласно апостольскому предписанию. За священниками остается право ношения креста поверх рясы, — привилегия, дарованная русским Императором.

«Считаем для нас в настоящее время необходимым полную независимость церкви от государства.

Однако считаем нужным легализацию общим явочным порядком (§ 25 и 26)»²⁰.

Экзархом был назначен Леонид Федоров.

Любопытна личность этого экзарха. Леонид Федоров по рождению православный. Родился 4 ноября 1879 года в Петербурге. Мать гречанка. На Петербургской стороне они имели столовую, которую сами обслуживали. По окончании гимназии в 1901 году он поступил в Петербургскую Духовную академию. Это время совпало с пробуждением религиозных интересов среди интеллигенции, тогда было организовано Философско-Религиозное Общество. Начали говорить о соединении церквей.

В костеле св. Екатерины на Невском проспекте произносились проповеди на иностранных языках, и эти проповеди слушали православные, а в квартире ксендза Яна Сциславского, настоятеля прихода св. Екатерины, собирались и католики, и православные. Там оказался и Леонид Федоров. Его совратил Я.Сциславский.

В 1902 году Сциславский привозит его в Рим. 31 июля он принимает католичество и получает аудиенцию у папы Льва XIII. Папа его направляет в организованную им семинарию, а бывший в Риме митрополит А.Шептицкий добывает для него стипендию, и 20 октября 1902 г., под руководством иезуитов, он начинает свое образование.

В 1903 году он был в Риме на интронизации Пия X. Л.Федоров сохранял «восточный обряд» и в этом находил поддержку у Шептицкого. Ему приписывают слова, сказанные в то время: «Россия не обратится иначе, как пройдя через море крови своих мучеников и через великие страдания своих апостолов». Таким образом, оказывается в пророческом предсказании Л.Федорова, большевицкая революция — это путь соединения Западной и Восточной церквей.

В 1907 году он окончил иезуитскую коллегию. Там он уже мечтал о правах проповеди на Востоке и с грустью смотрел на обрядовые недоразумения в Церкви и на несправедливое отношение латинян к Востоку.

В ноябре 1907 года Федоров был принят в коллегию Пропagанды и принимает участие летом того же года в первом Велеградском конгрессе (в Моравии).

В том же году, в присутствии Пия X, по поводу 1500-летия со дня смерти Иоанна Златоуста, была отслужена литургия восточными иерархами.

В 1909 году он приехал во Львов, а в 1911 году был посвящен в сан священника в Константинополе болгарским епископом «восточного обряда» Михаилом Мирowym. Затем он вернулся во Львов, вступил в орден студитов и был пострижен в 1913 году и получил имя Леонтий. Новициат он проходил в монастыре Каменица в Боснии, который должен был оставить с началом мировой войны. В том же году он прибыл в Петербург, был арестован и отправлен на поселение в Тобольск. Оттуда он поддерживал переписку со священниками «восточного обряда» в Петербурге и работал в журнале «Слово правды».

После революции, накануне Пасхи, Федоров возвратился в Петроград и на Синоде в мае 1917 года был сделан экзархом²¹.

По поводу этого назначения современница событий, русская католичка София Лихарева пишет: «Мы, русские католики, чувствовали себя счастливыми, что можем начать новую страницу в истории Вселенской Церкви. Задачей нашей было показать в литургическом действии, что для нас путь к апостольскому Риму пролегает не через латинизацию, а путем сохранения духа и древних форм Восточной Церкви, которая дала России веру и культуру и которая в лице некоторых своих святых признавала верховенство св. Петра и его наследников».

Временное правительство пригласило, его, как представителя «восточного обряда», в комиссию по делам католической церкви в России, а в октябре 1917 года министр исповеданий А.Карташев легализовал греко-славянский обряд католической церкви в тех формах, какие были установлены на Синоде в 1917 году. В звании экзарха Леонид Федоров был утвержден папой Бенедиктом XV в марте 1921 года²².

На «московском процессе» Леонид Федоров, между прочим, заявил: «Вся моя жизнь была основана на двух началах — любви к Церкви, к которой я принадлежу, и любви к Родине, которую я чту». А в дальнейшем на вопрос председателя объяснил:

«Я хотел сказать, что мы не были поняты правительством. Преследовали нас во время царской власти, и при Керенском имели мы большие затруднения. Поэтому, когда произошла октябрьская революция, арх. Ропп и весь католический клир в конце концов свободно вздохнули. Но не менее были обрадованы и русские католики, ибо только при советском строе греко-католическая церковь была поставлена в равное положение с остальными исповеданиями. Поэтому я сам с восторгом встретил декрет об отделении Церкви от государства. Приветствовал с радостью человека, который ненавидел противную природе связь, какая существовала в России между Церковью и государством. Еще более был счастлив, когда в 1918 году арх. Ропп получил от Бонч-Бруевича приглашение принять участие в комиссии, которая имела в виду обработку исполнительного распоряжения к декрету об отделении Церкви от государства»²³.

Далее шел уже рассказ о всех тех осложнениях, какие получились на почве того самого декрета, об исполнении которого были совещания у Бонч-Бруевича. Нужно думать, речь идет о декрете от 23 января 1918 года, который установил начала, ничего общего не имеющие с понятием свободной церкви в свободном государстве, и создал обстановку, при которой никакая правильная церковная жизнь вообще не могла иметь место.

5

Католическое духовенство в России, по-видимому, было уверено, что при своих средствах, дисциплине и поддержке Рима оно извлечет все выгоды из октябрьской революции и обезвредит все вредное для католичества в большевицком законодательстве.

Лояльность католического духовенства к советской власти могла казаться заслуживающей внимания, ибо в отношении католического духовенства русская власть вообще не была властью национальной, исторически связанной с церковью, как это имело место в отношении православного духовенства. Советское правительство некоторое время весьма снисходительно смотрело на деятельность католического духовенства, полагая, что своим наступлением на Православную Церковь оно ослабит оппозицию Православной Церкви к советскому правительству.

«Московский процесс» является одной из величайших глупостей петербургского сатрапа Зиновьева, создавшего советскому правительству большие осложнения в среде весьма расположенного в это время к советскому правительству католического духовенства.

С другой стороны, арх. Цепляк, а главным образом прелат К. Буткевич, люди в стиле традиционного польского клира в России, создали без всякого видимого основания весьма большие осложнения для папского престола. Во время самого процесса было получено разрешение папы на принятие условий советского декрета об аренде церковных зданий и храмов для нужд культа, по каковому вопросу и возникло главное осложнение.

Радость, с которой русские католики встретили большевицкую революцию, окончилась катастрофой. Была разгромлена не только Пра-

вославная Церковь, но и католическая вместе с «восточным обрядом», и экзарх Л.Федоров умер 7 марта 1935 года в ссылке в Вятке.

«Через год после учреждения Всероссийского экзархата, во главе с экзархом, протопресвитером Леонидом Федоровым, — рассказывает русский католик, князь Петр Волконский, — прибыл в Петроград настоятель православного прихода села Богдановки Старобельского уезда Харьковской губернии иеромонах Потапий Емельянов и явился к экзарху с прошением принять его и всех его прихожан в общение с Апостолическим престолом. К прошению был приложен приговор сельского схода, собрания всех домохозяев села с восемью тысячами подписей мужчин-домохозяев, приговор постановлял принять унию и уполномочить настоятеля о. Потапия совершить этот акт от их лица у все-российского экзарха».

Из дальнейшего рассказа об этом замечательном происшествии мы узнаем, что о. Потапий родился в 1889 году в Уфимской губернии в крестьянской старообрядческой семье беспоповского толка, от отца начетчика Емельянова. Уфимский епископ Антоний Храповицкий все семейство обратил в Православие, а мальчика Петра взял с собою при переводе на Вольту в Почаевскую лавру в качестве послушника. Там же он был пострижен в монахи и засим был отдан на устроенные в Житомире пастырские курсы. 22 лет он был рукоположен во священники.

В 1916 году архиепископ Антоний забрал его с собою в Харьков и сделал настоятелем единоверческого прихода, а засим он после революции был послан в единоверческий приход в село Богдановку. В этой части рассказ князя П.Волконского вполне совпадает с рассказом В.Зайкина, молодого украинского ученого, бывшего делопроизводителем Епархиального совета в Харькове.

П.Волконский рисует о. Потапия монахом-самоучкой, посвятившим себя изучению патрологии и убедившимся в правде и превосходстве католичества. Он изображается замечательным проповедником русского католичества, увлекшим за собою почти 50 000 коренного православного населения и при этом в области, сохранившей истинную религиозность. Факт действительно потрясающий и открывающий широчайшие перспективы перед русским католицизмом в народной среде.

В.Зайкин, который лично знал о. Потапия, изображает его полу-грамотным монахом с большими претензиями. Переходом в католичество он желал ликвидировать свои недоразумения с церковной властью, а «свою проповедь унии» соединил с демагогической социальной пропагандой: «Земля — народу, помещичье добро — крестьянам», фактически поощряя и подстрекая крестьян к самочинному разделу земли и грабежу имений. Такая «проповедь» имела успех: униатским лозунгам Потапия крестьяне, конечно, значения не придавали, о католичестве и унии никакого понятия они, конечно, не имели, а все богослужение и все обряды оставались те же; зато открывалась возможность со спокойной совестью, с благословения «батюшки», не только завладеть помещичьей землей, но и расхитить помещичье имение. И действительно, богдановские крестьяне переходили в потапиевскую унию».

Особенного успеха Потапий достиг после прихода немцев на Украину весной 1918 года, ввиду порядков, установленных немцами, «проповедь» Потапия обратила на себя внимание и украинского правитель-

ства, и немецкого командования. Потапий пострадал. Он даже возвратился в Православие, но засим опять стал на путь авантюр и неоднократно подвергался арестам со всеми последствиями.

Всю эту довольно обычную в эпоху безвременья историю П. Волконский изображает подвигом новонародившегося миссионера. Надо заметить, что в таком роде весьма успешно действовали и действуют некоторые миссионеры «восточного обряда» и в Польше, соблазняя крестьян материальными выгодами.

«Этот случай в селе Богдановке — воссоединение со Вселенской Церковью 50 000 русских — показывает нам, — заканчивает свой рассказ П. Волконский, — что может сделать один православный священник, когда он, кость от кости и плоть от плоти своего народа, проникается вселенскою истиною».

Этот рассказ, помещенный, между прочим, и в «Возрождении», произвел впечатление на эмиграцию.

Вся же история, по словам В. Заикина, окончилась тем, что большевики освободили Потапия из тюрьмы как арестованного за пропаганду в пользу советской власти. Этим и завершился первый и единственный случай пропаганды русского католицизма среди народа²⁴.

Такова в общих чертах история русского католицизма, или «восточного обряда», в России.

Большевики похоронили все надежды.

«Вся работа, которая так много обещала, говоря по-человечески, — замечает Д. Колпинский, — разрушена».

Однако «не следует, по словам автора, «впадать в пессимизм: зерно все же было брошено в землю и где-то втайне созревает»²⁵.

Рим на дело смотрит трезвее, без сентиментальности.

Глава четвертая

На рубеже России

1

В мае 1918 года в качестве апостолического визитатора прибыл в Варшаву шестидесятилетний Ахилл Ратти.

Ахилл Ратти не принадлежал к политической группе курии. Это был ученый-библиофил, долгое время работавший в Милане, в знаменитой Амбросиановской библиотеке. Он был ее префектом.

«Имея дело с большим количеством русских книг, он должен был предпринять изучение русского языка»¹.

Русский язык он, по-видимому, знал только теоретически, по крайней мере нам неизвестны случаи пользования им русским языком в разговоре.

Засим он работал в Ватиканской библиотеке и был ее префектом.

Любовь к книгам сопровождалась любовью к альпинизму.

Это был человек, стоявший вне повседневных политических интересов Ватикана, доброжелательный ученый, политическим способностям которого курия не очень доверяла просто потому, что их не знала.

«В поисках кандидата в апостолические визитаторы в Польшу, — замечает иезуит Белов, — не находя лица, знающего польский язык, Бенедикт XV остановил свое внимание на А.Ратти, как “немного знающим русский язык”»².

По этому поводу Пий XI мог однажды сказать с улыбкой: «Русский язык помог нам стать папой»³.

Для Бенедикта XV А.Ратти был, по-видимому, также величиной неизвестной.

«Мы знаем, как он обращается с книгами, но еще не знаем, как он будет обращаться с людьми», — будто бы заметил Бенедикт XV при его назначении.

Ватикан в это время был весьма озабочен. Приближалось окончание войны, победа склонялась на сторону союзных держав, в отношении которых Рим допустил много ошибок.

Русская революция ставила на очередь русский вопрос. Захват власти большевиками впервые за всю многовековую русскую историю ставил Ватикан в сношения с таким русским правительством, для которого Православная Церковь не только не представляла никакой ценности, но являлась враждебной.

Этого никто предвидеть не мог, и к этому Рим не был подготовлен. Вопрос сразу же был поставлен весьма ясно — наступило время обратить Россию в католичество или, во всяком случае, поставить ее в зависимость от курии. Но как это сделать? Весь опыт и вся рутинная ватиканских канцелярий оказалась совершенно бесполезной, и началась та импровизация в русском вопросе, которая привела Рим к поражению со стороны большевиков и лишила его возможности быть действительной силой в борьбе с коммунизмом.

Это происходило в отсутствие А.Ратти, и он только издали наблюдал события.

«В конце июля 1918 года его права визитатора были распространены на Россию, где ему была дана миссия изучить созданное революцией новое положение религии»⁴.

А.Ратти был человеком искренним, и на него большевицкая революция произвела сильное впечатление. Кажется, что он сразу почувствовал, что эта катастрофа христианства отразится не только на России.

Он просит у Бенедикта XV разрешения ехать в Россию и пишет ему с некоторой экзальтацией:

«Я думаю, что для того, чтобы спасти эту обширную страну, нужна не только молитва, но нечто большее, нужна кровь, кровь католических священников, и не только местных, но также пришедших из Рима»⁵.

Ватикан на дело смотрел более трезво, и вместо разрешения поездки в Россию А.Ратти получил назначение нунцием в Варшаву.

Какие были даны инструкции нунцию, мы узнаем лет через сто. Можно только думать, что его внимание было обращено на Польшу как на страну, где уже однажды был сделан, правда неудачный, опыт подговления мер для обращения в католичество России.

«Варшава, ставшая передовым бастионом Римской церкви, была для него великолепным наблюдательным пунктом, где на его глазах сталкивались западные и восточные течения в это катастрофическое время»⁶.

В этом наблюдении помогало и истолковывало смысл событий католическое духовенство в Польше. Заслуги его перед польским народом велики. Оно умело бороться, страдать и ждать. Но велики и прегрешения его пред народом и прежде всего его нетерпимость, пренебрежение и высокомерие к православному и благочестивому соседу — России.

В польском кризисе XVIII века, который окончился утратой самостоятельности, одной из главных действующих сил было духовенство, которое вместе со шляхтой со времен Сигизмунда III, верного сына католической церкви и воспитанника иезуитов, поставило своей задачей борьбу с Православием. Этим была вызвана Москва на защиту своих единоверцев, и спор был решен в конце концов в пользу России. В утрате своей независимости виновата Польша, и никто другой.

Между тем не только до освобождения, но и после восстановления независимого государства польский народ и общество воспитываются в ложных взглядах о каком-то особом призвании Польши в Европе, и что это особое призвание возлагает на Европу обязанность охранять Польшу. Эти нездоровые взгляды с особой силой поддерживаются духовенством, и укрепляется дурного тона клерикализм, мешающий здоровому развитию Польши. Польша — государство разноплеменное и разноверное, и залог ее развития — в мирном сожительстве этих различных национальностей.

Ко времени появления А.Ратти католическое духовенство успело уже вполне распорядиться на землях русской Польши.

5 августа 1915 г. в Варшаву вступили немецкие войска. Вскоре германская и австрийская армия заняла все Царство Польское, то есть десять Привислянских губерний. Польское население встречало немцев, как врагов. Оно еще не забыло ужасов Калиша в начале войны. При наступлении немцев ушла не только русская администрация, но и православное духовенство, за немногими исключениями. Была эвакуирована и часть населения.

Польские легионы под начальством Пилсудского в составе австрийской армии в русской Польше встретили враждебное отношение. В ноябре 1914 года, при занятии русскими войсками Львова, ответственные польские политические деятели во главе со Станиславом Грабским, позднее министром в Польше, осудили легионы и обратились с призывом о их роспуске.

Немцы, занимая Варшаву, не допустили вступления легионов. Вообще, будущее Польши не было еще ясно, и этим определялась политика немцев.

Мало того, при оккупации не была сохранена целостность Царства Польского, и оно было разделено на две части: на большую — оккупированную немцами, с генерал-губернатором Безелером в Варшаве (с 4 сентября 1915 года) и меньшую — оккупированную австрийцами с генерал-губернатором Диллером в Люблине (с 1 октября 1915 года)⁷.

Католическое духовенство встретило немцев как своих друзей и сразу же проявило необычайную враждебную активность в отношении беззащитного Православия.

То, что происходило в начале войны, больше не повторялось. При первом занятии города Келец местный римо-католический епископ со всей энергией протестовал против обращения православного собора в конюшни. Он был впоследствии награжден орденом св. Станислава первой степени, причем ленту и звезду передал ему лично помощник варшавского генерал-губернатора Д.Н. Любимов⁸.

Через 18 лет, на глазах и по требованию того же епископа, тот же православный собор был разнесен по кирпичам.

На территории своей оккупации немцы не допускали насилий над православными и не позволяли по общему правилу захватывать и обращать в костелы православные храмы. Как могли, они сохраняли церковное достояние от расхищения. Благодаря этому удалось многое сохранить в Варшаве и почти все в Лодзи. Православный собор в Варшаве был обращен в гарнизонный костел, с него сняты были кресты и металлическая облицовка крыши на военные надобности, но ключи хранились у немецкого коменданта, и имущество, которое не было вывезено, оставалось в сохранности до самого ухода немцев.

Совсем иное наблюдалось на территории австрийской оккупации. Они отдали на поток и разграбление католическому духовенству достояние православного народа. На всей территории многострадальных Холмщины и Подляшья началась ликвидация Православия. Были захвачены храмы, никогда не бывшие католическими и даже построенные перед самой войной. Захвачен собор в Холме, в Люблине и в других местах. Немедленно после ухода немцев, 16 декабря 1918 г., правительство И.Пилсудского издало декрет, по которому забрало в государственное управление около 20 000 гектаров церковной земли с постройками и угодьями.

В 1939 году все это имущество обращено в собственность казны.

В общем, из 383 бывших до войны храмов к концу 1918 года было закрыто 111, разрушено 59 и обращено в костелы 150. Православным удалось сохранить только 63 храма.

В 1938 году разрушены все закрытые храмы, часть открытых и построенных за время с 1920 года — всего около 200 храмов.

Несмотря на захват храмов и имущества Православной Церкви, католическое духовенство встретилося с неожиданным явлением. Рус-

ской власти больше нет, и, казалось, Православие потеряло всякую опору, а между тем население оставалось православным. Не было никаких препятствий населению возвратиться в унию, но оно не возвращалось.

Словом, на территории Холмщины и Подляшья находилось 200 тысяч православных людей, и они не собирались менять веру. Наоборот, просили об открытии церквей и о присылке священников.

В такой обстановке прибыл в Варшаву накануне праздника Тела Господня апостолический визитатор А.Ратти. Он принял участие в процессии, которая в Варшаве привлекает массу народа. Это не могло не произвести на него впечатления. Он сразу же выявил свое знание церковных дел Польши.

Весьма интересен рассказ бывшего министра А.Пониковского о первых шагах А.Ратти, который тогда проживал у Варшавского архиепископа А.Каковского.

«Архиепископ рассказал мне, — повествует А.Пониковский, — что был весьма смущен, когда в первые моменты после появления у него кс. А.Ратти апостолический визитатор спросил архиепископа, был ли он в Пратулине. Архиепископ ответил ему: “Как вам известно, я родом из Плоцка и никогда не был на Подляшье”. Признаюсь, что в первый момент я не мог дать себе отчета, о каком Пратулине спрашивает кс. А.Ратти, засим я быстро сообразил, что идет речь о Пратулине, месте страданий униатов. Как происходящего из Седлеца, это вас больше заинтересует.

При этом случае апостолический визитатор рассказал архиепископу, что он еще мальчиком прочитал книжку о польских мучениках в Подляшье. Итальянская книжка говорила об «обращении униатов в 70-х годах прошлого века». Книжка на мальчика произвела громадное впечатление. Молодой Ратти сказал себе, что он должен когда-то быть в Польше, увидеть места мученичества и узнать людей, по характеру похожих на первых христиан. Поэтому апостолический визитатор спрашивал архиепископа о Пратулине. В памяти его навсегда остались мученичества униатов и ряд исторических местностей, и прежде всего Пратулин, где униаты отдавали жизнь за веру»⁹.

В октябре 1918 года Регентский совет объявил независимость Польши. Немецкие и австрийские войска ушли, а из Магдебурга прибыл И.Пилсудский, враг России.

11 ноября 1918 года — это дата, с которой начинается история возрожденной Польши.

На праздник Троицы 1919 г. «апостолический визитатор посетил Унию, — рассказывает тот же А.Пониковский, — с благоговением осматривал исторические места и благословил немногих живущих еще людей, на телах которых были следы мученичества 70-х годов».

Как ни старались скрыть от А.Ратти то обстоятельство, что в этих местах, несмотря на все, сохранилось Православие, он не мог не видеть, проезжая полями, православных храмов и православных людей. Внешнего различия не было никакого. Тот же народ, так же одетый и сожженный солнцем, ведет одинаковую трудовую земледельческую жизнь, несмотря на разницу религий. У православных и католиков одинаково золотятся поля рожью, и над теми и другими жаворонки поют свои песни.

64 | Впервые за свою долгую жизнь А.Ратти увидел православный народ, и при этом на польской земле. Что он мог думать, созерцая «схизму» не

как отвлеченное измышление самолюбивых греков, а как нечто, облеченное реальной и живой плотью Православия? И, может быть, взволнованный взор А.Ратти охватывал православный Восток, лежащий недалеко за горизонтом и раскинувшийся на широких просторах, этот бескрайний мир, загадочный и такой упорный в своих верованиях.

Об этом посещении рассказывает и о. Ян Урбан.

«Вспоминаю праздник св. Троицы 1919 года в Янове на Подляшье». Там восстанавливалась епархия. «На это торжество прибыл также визитатор Ратти и хорошо знал, что приходит на землю, орошенную кровью исповедников “восточного обряда”, пролитой в защиту Унии... Визитатор знал об этом из монографии кс. Прушковского, которую имел с собой... Можно догадаться, какие чувства наполняли сердце А.Ратти, когда после пламенной проповеди нового подляшского епископа Пшездецкого на тему об этих преследованиях униатов уделил собравшемуся народу благословение от имени св. Отца. В какой славе должна была стать перед его душой эта трагедия и эта восточная униатская церковь, которая воспитала таких мучеников.

На обратном пути из Янова в Варшаву я имел счастье сопровождать апостолического визитатора. На основании обрывков разговора о старой унии и ее преследовании, которые сохранились в моей памяти, о миссии среди униатов, — будет позволено мне высказать убеждение, что, если когда-либо “воспламенился” А.Ратти к делу Унии, то именно тогда, во время пребывания на Подляшье»¹⁰.

6 июня 1919 года А.Ратти назначается первым нунцием в Польше после векового перерыва и возводится в сан епископа.

После хиротонии, которую совершает арх. А.Каковский, впоследствии кардинал, 28 октября 1919 года в соборе св. Яна в Варшаве, на торжественном обеде А.Ратти, между прочим, сказал:

«Да будет забвенна десница моя, если я забуду тебя, Польша»¹¹ (псалом 136).

Так завязывались отношения между будущим папой Пием XI и католическим духовенством в Польше. Из этих отношений обе стороны извлекли все, что можно было извлечь.

2

Для Польши начались дни испытаний. Вызванная И.Пилсудским советско-польская война в связи с походом на Киев, чуть не закончилась катастрофой для поляков. Большевики были у ворот Варшавы, и Польшу спасло «чудо над Вислой». Значительную помощь оказали и французские генералы.

Нунций не желал покинуть Варшаву. Он решил встретить большевиков, истинное лицо которых еще ему не было вполне ясно.

Россия потеряла часть Волынской и Минской губерний и около 4 миллионов православного населения. В пределы Польши снова вернулась часть тех русских областей, на которые свои права заявлял еще Иван III. Эти области Польша считает своим «жизненным простором».

Православный вопрос принял совсем иное очертание. Между Польшей и Россией оказалась довольно широкая полоса сплошного русского православного населения, и нетрудно было Риму учесть выгоду этого положения. Рим получил территорию и население, где мог производить новые опыты воздействия на православный русский народ.

А. Ратти встретился с Россией, куда он предназначался, в Польше. «Он приобрел, по его собственным словам, непосредственный широкий опыт в познании дел и лиц Востока, переходя и проходя в течение трех долгих лет вдоль границы восточного мира, и в особенности мира славянского»¹².

Едва ли это справедливо. Настоящего опыта он не приобрел. Он утвердился в господствующем в Риме взгляде на православную Россию как на объект католического воздействия, который делает такой бесплодной политику Рима в русском вопросе.

Можно сказать, что, проявляя интерес к русским делам и имея полную возможность непосредственно познакомиться с Православием в Польше, А. Ратти этого не сделал. Больше того, он не почувствовал ни духа Православия, ни его внутренней силы, ни его огромной способности к сопротивлению.

Из Польши А. Ратти увез, в виде исторической истины, глубокое историческое заблуждение, что душой русского человека можно овладеть при помощи «восточного обряда» и ему подобных выдумок римских бюрократов.

Сознание А. Ратти в отношении Православия и Востока было отравлено в Польше на всю его жизнь.

Одновременно с подписанием Рижского договора (18 марта 1921 года) Законодательным сеймом Польской республики утверждена конституция (17 марта 1921 года).

Вокруг этой конституции, в особенности в связи с вопросом положения католической церкви, велась напряженная борьба между силами польского клерикализма, облеченного в национальные формы, и началами современного государства, равного в правах и обязанностях для всех граждан. Победил национализм и клерикализм. Речь Посполитая, в которой поляки и католики составляют только 60%, была построена как государство национально-польское.

«Римско-католическое вероисповедание, — говорит конституция, — будучи вероисповеданием преобладающей части населения, занимает в государстве первенствующее положение среди иных равноправных исповеданий» (статья 114).

Это преимущество чести практически было понято в том смысле, что католическая религия господствующая. Теперь в этом никто не сомневается.

«Римско-католическая церковь управляется по своим собственным законам», и каноническое ее право стало обязательным для государства.

«Церкви религиозных меньшинств», в том числе и Православная, говорит ст. 115, «управляются по их собственным законам», однако законы эти не должны «содержать каких-либо постановлений, противных государственному закону».

Иными словами, Кормчую книгу нужно рассмотреть с точки зрения ее соответствия польскому законодательству, и тогда «государство не откажет в признании» этих церковных законов.

Что это должно было означать — показало будущее. Польское правительство, основываясь на этой статье, признало такие «собственные законы» Православной Церкви, которые передали все управление церкви в руки правительства.

С апостолическим престолом Польша должна была заключить конкордат, отношение же государства к церквам меньшинства, в том чис-

ле и к Православной, будет установлено, говорит Конституция, «в законодательном порядке по соглашению с их законными представителями». Соглашение это выразилось в том, что Православная Церковь должна была принять все то, что ей предложило правительство¹³.

Какую долю участия в эту конституционную работу внес апостольский визитатор, мы не знаем, но победу Рим одержал полную, и А.Ратти в Польше нечего было больше делать.

Осенью 1921 г. А.Ратти покинул Польшу, назначенный архиепископом Милана и возведенный в сан кардинала.

Некогда сказанные им слова, что русский язык помог ему стать папой, можно расширить в том смысле, что большую ему помощь оказало пребывание в Польше. О нем стали говорить как о кандидате на папский престол.

В числе разных приятных воспоминаний А.Ратти увозил из Польши убеждение, что польское духовенство знает русский вопрос и что в этом вопросе на него можно опереться.

Бенедикт XV был тяжело болен. К концу его недолгого понтификата иезуиты могли считать свои позиции прочно закрепленными. В центре стоял русский вопрос. Вначале он не представлял особых затруднений. Временное правительство, после некоторого сопротивления, легализовало «восточный обряд», и в 1921 году экзархом с правами епископа этого обряда был утвержден Леонид Федоров.

Католики «восточного обряда» в России получили законную организацию. Рим мог считать себя удовлетворенным и за 1792–1794, и за 1839, и за 1875 годы. Уния, ликвидированная при Екатерине II, Николае I и Александре II, победоносно возвратилась в Россию и угрожает всей ее территории.

Мало того, Православная Церковь на Святой Руси оказалась гонимой. Для Рима было ясно, что это явление всемирно-исторического значения. Но, вообще говоря, смысл этого явления Рим не понял, ибо вообразил, что это начало свободного завоевания России католичеством.

Обращение России в католичество... Напрасная мечта — думаем мы. Как знать — говорит Рим.

У курии большой опыт сношений с Россией. У нее прекрасно сохраняются архивы. Достали старые акты времен Флорентийской унии, Софии Палеолог, Ивана Грозного, Смутного времени, Петра Великого и новых времен и пришли к выводу, что нужно еще раз попробовать договориться с Москвой.

Нашлись живые люди, такие как М. д'Эрбиньи, молодой, блестящий, самоуверенный, будущий чрезвычайный посол курии к Советам.

Что такое большевизм — Рим узнал позднее.

Пока казалось, что с большевиками договориться легче, чем с царским правительством!

Из России шли довольно утешительные вести. Конечно, есть затруднения, и большие, и их не стоит скрывать, но не с такими затруднениями приходилось бороться Риму.

Католичество интернационально, и это должны понять большевики. Борьбу большевиков с Православием необходимо отделить от борьбы с религией. Первая понятна с политической точки зрения, вторая — бессмысленна.

Борьба с Православием для большевиков есть борьба с русской национальной идеей, а так как католицизм никакой связи с русской

национальной идеей не имеет, то надлежало, показав большевикам политическую благонадежность католицизма, создать соблазнительную мысль утверждения вненационального католицизма как средства охранения народа от политической реставрации.

Это весьма странно, но не менее странно и то, что у таких выдающихся людей, как бывшего митрополита католических церквей в России барона Роппа и его заместителя архиепископа Цепляка создалось убеждение, что католическая церковь именно при большевиках может получить в России полную свободу.

Многое, что выявилось впоследствии, было еще в тайне. Многое останется в тайне навсегда.

Весной 1922 года Ватикан отправил миссию под руководством священника из Америки, Др. Вальха, для оказания помощи голодающим.

Тогда же проходила знаменитая Генуэзская конференция, и кардинал Гаспари вступил с Чичериным в переговоры по церковным делам. Весьма дипломатично были смешаны вопросы и православные, и католические, говорили вообще о гарантиях религиозной свободы, но все понимали, что дело касается католической церкви в России.

Во время завтрака на королевской яхте в Генуе архиепископ Генуэзский оказался рядом с Чичериным. На вопрос о свободе католической церкви в России Чичерин ответил, что она пользуется не меньшей свободой, чем в Америке. Это было похоже на то, о чем еще недавно доносили из России католические епископы.

Разговор между Чичериным и архиепископом носил самый изысканный характер, засим они чокнулись и выпили за здоровье друг друга.

Говорили еще о красной розе, которую архиепископ преподнес Чичерину, но вопрос этот остался невыясненным.

Перед этим, в связи с посылаемой в Россию миссией, монсиньор Пизардо, заместитель Гаспари, посетил Чичерина в С. Маргерит.

Как будто для Рима все складывалось наилучшим образом. Однако тактика католического духовенства, которая приносила свои плоды во время царского правительства, оказалась совершенно негодной при советской власти.

Как бы то ни было, Рим пытался осуществить какие-то проекты соглашения с Советами. Деятельность эта до известной степени становилась известной, и в этом чувствовалась угроза положению Православной Церкви в России.

Все это вместе взятое в минуту катастрофы и гонения на Православную Церковь производило такое впечатление, что пользующийся европейским авторитетом, ныне покойный, заслуженный профессор Н.Н. Глубоковский, заявил, что «Рим кружится, как изголодавшийся волк, и готов пожрать, как свою добычу, погибающее Православие».

Любезности курии к большевикам с особой силой выделяются на фоне хотя бы того Послания, которое Русский Всеаграничный Церковный Собор отправил Генуэзской конференции и в котором, между прочим, писал:

«Народы Европы! Народы мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать боль-

шевизм — этот культ убийства, грабежа и богохульства из России и всего мира».

С большим политическим предвидением послание заканчивается такими словами:

«Если поможете восстановиться исторической России, то скоро исчезнут те, пока неразрешимые, политические и экономические затруднения, которые по всему миру сделали жизнь столь тяжелой; тогда только возвратится на землю желанный для всех людей мир (Ефес. 8, 13)»¹⁴.

3

Таков был план соглашения. Но был еще и другой план.

Трудно сказать, думал ли Игнатий Лойола о России и знал ли он вообще что-либо об этой стране, когда в 1540 году организовывал Общество Иисуса, но уже в марте 1582 года, т.е. через 42 года, блестящий политик своего времени, иезуит А.Поссевин вел богословско-политический диспут в Москве с Иваном Грозным и соблазнял его выгодами подчинения папе.

А.Поссевин содействовал примирению Ивана Грозного со Стефаном Баторием и окончанию несчастной Ливонской войны. Он был принят любезно в Москве.

На все богословские аргументы, сам неплохой богослов, Иван Грозный возражал: «Антоний. Нам с вами не сойдется; вера наша, вера Христианская из давних лет была себе, а Римская церковь была себе... Нам мимо своя истинная христианская ни которых веры хотети нечего, ни учения ни которого мимо истинная христианская своя веры не требуем... А мы веру истинную христианскую веруем и с нашею христианскою Римская вера во многом не сойдется. Да только мы о том говорить не хотим для супротивных слов, что вам будут за досаду наши речи, и мы для того и говорити не хотим, чтобы розни меж нас с папою за то и гневу не было, и любовь бы наша, что почалась меж папы Григория и нами тем не порвалась; и ты, Антоний, о том перестани».

Но Антоний перестать не мог, и Иван Грозный ему весьма твердо заявил: «А что папу называешь, что он наместник верховного Апостола Петра, а Петр Апостол в Христово место; и Апостол Петр так не делал, как папу на столе носят и целуют в ногу, и то есть гордостная, а не святительская; а Апостол Петр на коне не ездил и на столе его не носили, а ходил пеш и бос».

Не помогли и соблазны.

«А коли будет вера одна, — говорил А.Поссевин, — то и церковь одна Греческая с Римскою совокуплена будет вместе. А ты, Великий Государь, будешь с папою и с Цесарем и все государи в любви и соединении; и Ты, Великий Государь, не токмо будешь на прародительской вотчине на Киеве, но и в царствующем граде (в Константинополе) Государем будешь; а Папа и Цесарь, и все государи великие о том будут стараться».

Потерпев неуспех в Москве, А.Поссевин писал 5 ноября 1582 года папе Григорию VIII:

«Поелику вера Московского государства прежде всего зависела несколько от той части России, которая ныне под державою Польского

короля, ибо и не очень давно Московские епископы поставляемы были митрополитом Киевским (город, королевской России принадлежащий): то весьма бы способствовал к обращению московского народа, если бы епископы или владыки королевской оной России присоединились к католической церкви»¹⁵.

Вот когда еще намечался путь Рима в Россию через Польшу.

«Увидав совершенную невозможность убедить, заговорить или обольстить Москву, — замечает Ю.Ф. Самарин, — Поссевин присоветовал папе круто повернуть атаку от центра к окружности и направить главные батареи не на Москву, а на Вильно и Киев, употребив в дело *ad majorem Dei gloriam* (к вящей славе Божией — *Ред.*) материальную силу и государственное владычество Польши. Один этот совет и план кампании, составленный Поссевиным, для отклонения Юго-Западной России от естественного ее тяготения к Москве и Византии, для систематического подкупа высшего православного духовенства и для введения латинства, не касаясь на первых порах обрядовой стороны Православия, — этот совет и этот план по широте и смелости замысла, по необыкновенной дальновидности и по истинно сатанинской злонамеренности в выборе средств ставит Поссевина наряду с первоклассными политиками XVI и XVII веков и нас, русских, заставляет отнести его к числу самых заклятых врагов России, наиболее ей повредивших»¹⁶.

Со времени А.Поссевина иезуиты больше не отрывали своего взора от России. Своей главной и, можно сказать, единственной задачей они поставили подчинение этой огромной страны и народа Риму.

Нужно сказать, что иезуиты с первых шагов поняли невозможность вести пропаганду на Востоке без сохранения «восточного обряда». Борьба за этот обряд внутри католической церкви — одна из почетнейших страниц церковной истории Запада.

В 1546 году И.Лойола был занят организацией миссии в Эфиопию в целях «отыскания для католичества этой древней церкви, зараженной ересью александрийских якобитов». Миссия была организована только в 1556 году, в год смерти И.Лойолы.

«Экспедиция в Эфиопию впервые поставила перед апостольской работой Ордена вопрос обряда. Из 12 участников миссии в Эфиопию трое по указанию св. Престола должны были принять епископский сан, а один из них, о. Баррето, был назначен патриархом, и, несмотря на это, все они сохранили латинский обряд. Это совпадало с канонически-богословскими взглядами того времени, и никто не допускал, в особенности после декретов Иннокентия IV и Пия V, чтобы латинский миссионер мог изменить свой обряд на восточный».

В Эфиопии выяснилось, что латинский обряд не мог быть применен. Начальник миссии Баррето это предвидел и указывал еще Лойоле, что «было бы глупостью уничтожать столь древнее христианство». Он требовал, чтобы Рим разрешил вопрос обряда. Рим этого вопроса не разрешил, «восточного обряда» не признал, и дело в Эфиопии окончилось катастрофой и кровавыми преследованиями.

Вскоре возникли осложнения в Польше в связи с развитием протестантизма. На Тридентском Соборе этот вопрос поднял известный кардинал Гозий.

«Он видел, что защита католицизма должна была быть разделена на два фронта: протестантский, с одной стороны, и православный — с

другой. Быстрое подчинение протестантизму Руси (Западной) может неожиданно привести к объединению двух противников в очень грозную для церкви силу».

Вот почему Гозий считал необходимым прежде всего объединить католицизм с Православием, этим пресечь наступление ереси на польском востоке, а засим общим фронтом стать на борьбу с протестантизмом, идущим с Запада. Дело это должно было быть возложено на иезуитов. Снова возникал вопрос о «восточном обряде». Хотя Поссевин и Скарга относились к «восточному обряду» без всякого расположения, так как для них идеалом было «единство во всем», тем не менее Поссевин в 1583 году обратился в Рим. Рим отнесся весьма скептически к этому вопросу, «не желая приложить руку к делу, о котором потом можно было бы жалеть».

Брестская уния сохранила «восточный обряд», тем не менее она требовала помощи со стороны монашеских орденов, и В.Рутский, будущий униатский митрополит, около 1600 года поднял этот вопрос в Риме. Рим как будто согласился и в 1625 году послал ему несколько кармелитов, которым было позволено принять «восточный обряд». «Однако, история не оставила никаких следов исполнения этого важного распоряжения».

«На новый призыв из Руси (Западной), — говорит исследователь этого вопроса кс. С.Лаский, — о восточных иезуитах нам придется ждать еще целый век».

Немного ранее, а именно в 1609 году, вопрос «восточного обряда» возник у миссионеров, работавших среди греков. Миссионеры эти ставили задачу широкой организации унии на всем Востоке, а для этого требуется «восточный обряд». Снова обратились в Рим, и вопросом этим занялся знаток Востока, кардинал Беллярмин. Несмотря на все расположения курии, к «восточному обряду» он отнесся отрицательно. Он нашел, что доводы в пользу обряда недостаточны, «чтобы рисковать столь деликатной и до сих пор небывалой импрезой».

«Дело обряда, поэтому, снова утихло на многие десятки лет». Однако иезуиты не сдавались.

Николай Пападополи, профессор академии в Падуе и ученик иезуитов, обратился к папе Клименту XI, своему другу, с длинным меморандумом, в котором, между прочим, писал, что «католическое движение среди православных греков так долго будет бесплодным, пока туда не будут посланы отцы Общества Иисуса, но греческого обряда».

В 1696 году, в связи с заключением Ардельской унии православными румынами, кардинал Колония желал, чтобы иезуиты приняли румынский обряд, т.е. восточный, пока не будет образован клир «восточного обряда». Конгрегация рассмотрела вопрос и, несмотря на сочувствие папы, отказала. Папа подчинился.

Кардинал Колонич получил бреве, восхваляющее его ревность, которая, однако, должна искать иных средств для осуществления унийных планов, чем принятие иезуитами «восточного обряда».

Затем происходили разные события, орден был ликвидирован, снова восстановлен, а вопрос обряда не двигался с места. В виде некоторого снисхождения на протяжении XVIII века некоторым маронитам и халдеям, которые, вступив в орден иезуитов, перешли из восточного в латинский обряд, было разрешено возвратиться в «восточный обряд».

Засим этим вопросом занялись русские иезуиты: князь Гагарин, вступивший в орден в 1843 году, затем Иван Мартынов (в 1845) и Евгений Балабин, все люди хорошего общества, а князь Гагарин — даже Юрикович.

При наличности иезуитов «восточного обряда», по мнению князя Гагарина, можно рассчитывать на широкое поле деятельности в Галиции среди русин, в Боснии, Болгарии и даже в некоторых местах России. В 1861 году возник у него вопрос об организации миссии «восточного обряда» в Иерусалиме для русских православных паломников. Засим он и Мартынов оказались в Константинополе и, ввиду церковных недоразумений между Болгарией и Вселенским Патриархом, опять возбудили вопрос о «восточном обряде» в целях подчинения болгар. Гагарин ставил вопрос очень широко:

«Мы находимся у порога великого кризиса, который, наверно, отверит нам двери в Россию, но ни в России, ни в Австрии мы не сможем организовать церковной группы восточных славян, переходящих в унию, если нам не удастся сделать это в современной Болгарии.

Болгарию нельзя удержать, если не будет прочно поставлен восточный обряд, и исключительно важным является то обстоятельство, чтобы в тот момент, когда Россия будет для нас открыта, уже существовала солидно организованная восточная Церковь того самого, что и в России обряда, способная готовить для нее апостолов».

Как видим, ничего нового нет. План, который сейчас осуществляется в Польше, есть именно создание «солидно организованной восточной церкви того самого обряда, как в России», но под главенством папы.

Планы Гагарина осуществлены не были. В общем, нужно было ожидать инициативы св. престола, и только тогда будет ясно выявлена «воля Божья».

Дело было внесено на Ватиканский Собор. Доклад представил Мартынов, но Собор не был закончен и «дело восточных иезуитов снова замерло».

Тем не менее Пропаганда разослала запросы монашеским орденам о принятии «восточного обряда». В конце 1870 года были получены ответы от францисканцев, капуцинов, босых кармелитов, доминиканцев, варнабитов, пассионистов, августинцев, лазаристов, асумпционистов и иезуитов. В общем, все соглашались, но с разными оговорками. С наибольшей осторожностью выразился генерал иезуитов. Он полагал, что, согласно дисциплине восточной церкви, епископы выбираются среди монашеского клира, а принятие иезуитами епископского сана противно традициям и духу ордена. Нахождение двух обрядов внутри одного ордена могло создать несогласие, и во всяком случае это могло бы повлечь за собою изменение правил Общества, что не может быть допущено. С этим согласилась Пропаганда, и дело снова замерло.

В 1884 году этот же вопрос возник в связи с работой иезуитов в Румынии и Галиции и, хотя Лев XIII отнесся к вопросу благоприятно, но ввиду оппозиции галицийского духовенства «осуществление проекта снова было отложено и при этом надолго».

Великая война и русская революция все изменили. Иезуиты увидели свои сны наяву. Однако и здесь их ждали разочарования. Уже в 1922 году «ввиду возрастающих предубеждений в отношении Ордена в России экзарх (Федоров) стал опасаться вредных последствий для

развития католической миссии в России, переживавшей очень критический период, от перехода иезуитов на восточный обряд. Он советовал им вести свою работу очень скромно и шаг за шагом¹⁷.

В 1923 году иезуиты одержали вековую победу. Епископ Пшездский нашел в Риме все готовым, короткий разговор с генералом Ордена Ледоховским — и оказалась налицо восточная ветвь Ордена.

Борьба велась 376 лет, и, хотя в рядах иезуитов не было согласия, дело закончилось в пользу «восточного обряда». Орден пошел дальше, чем это предполагали инициаторы унии. А.Поссевин представлял себе оставление Руси и Москве «восточного обряда» как некоторую уступку, носящую временный характер, которая после укрепления церковного единства окажется ненужной. Скарга мечтал «об единстве во всем».

Создавая «восточный обряд», независимый от Православной Церкви, и переходя в него, иезуиты стремятся создать такое положение, которого не было и до разделения церквей. Они хотят Православную Церковь возглавить папой, считая, что в настоящий момент нет ни Византии, ни России, и стало быть, нет той силы и того авторитета, который мог бы спорить и противопоставлять себя римскому епископу.

* * *

В начале 1922 года было ясно, что Бенедикт XV неизлечимо болен. Складывалось убеждение, что преемником ему будет А.Ратти. Это понимали и этого желали в Польше.

13 января 1922 года Иосиф Пилсудский наградил кардинала А.Ратти высшим польским орденом Белого Орла.

«В это время, — рассказывает А.Пониковский, — тяжело заболел папа Бенедикт XV. В качестве премьер-министра исповеданий и народного просвещения, немедленно отправляю в Рим представителя правительства, дабы вручить кардиналу Ратти знаки ордена, ибо папа никаких орденов принимать не может и потому нужно спешить. Кто знает, если в случае смерти Бенедикта XV выбор падет на кардинала Ратти, то будет поздно вручать орден не кардиналу, а папе. Кардинал любезно орден принимает, а Начальника государства благодарит за орден уже как папу».

20 февраля 1922 года папа благодарит личным письмом А.Пониковского, в котором, между прочим, пишет:

«С удовольствием принимаем эти отличия, и мы особенно тронуты этим новым доказательством благоприятного расположения, каким И.Пилсудский пожелал нас одарить. Это еще больше усилит нашу привязанность к Польше, которая уже и так дорога нашему сердцу»¹⁸.

6 февраля 1922 года папой был выбран кардинал Ратти, которого, по утверждению А.Пониковского, правильно называли «польским папой».

Глава пятая

Старые пути и новые средства

1

6 февраля 1922 года Ахил Ратти, кардинал, архиепископ Милана, был избран папой и принял имя Пий XI.

Он застал вполне выработанную программу действий в отношении России: соглашение с большевиками и «восточный обряд». Программу эту он принял.

Первое начинание проводил испытанный политик и дипломат статс-секретарь кардинал Гаспари. Здесь все шло по выработанному плану, и, как вообще в делах Римской курии, было немного места для личной инициативы нового папы.

Несколько иначе складывался «восточный обряд». Этого вопроса в прошлом касались Пий IX¹, Лев XIII², на энциклику которого Вселенский Патриарх отвечал посланием в августе 1895 года, и Бенедикт XV³. Пий XI берет инициативу в свои руки и проявляет особый интерес к восточным делам.

1 декабря 1922 года в консисторской речи он довольно подробно говорит о восточных христианах.

23 декабря того же года в интронизационной энциклике «*Ubi arcano Dei*» было сказано, что необходимо создать *Pax Christi in regno Christi* — ибо только одна церковь способна сблизить в чувстве любви все классы, сословия, всех людей и все народы.

«Только церковь способна защитить человеческое достоинство и так улучшить частную и общественную жизнь, чтобы все управлялось и руководствовалось законами Бога».

В ней сделано замечание о соединении церквей⁴.

19 июня 1923 года кардинал Гаспари от имени папы хвалит о. Жанена, асумпциониста, по поводу его книги «Восточные церкви и восточный обряд».

«Рим не одобряет, — пишет Гаспари, — необдуманных латинизаторских стремлений, напротив того, охраняет древние обряды с полным уважением и любовью, поддерживает развитие униатских иерархий, соединяющих в себе обрядовые различия с единством в догматах»⁵.

В Польше пришли к выводу, что наступило время действовать.

Подляшская епархия была восстановлена Бенедиктом XV в 1918 году. На торжественном ее открытии в 1919 году присутствовал апостольский визитатор А. Ратти.

Казалось, что восстановление этой епархии само собой должно ликвидировать Православие на Подляшье. Однако этого не произошло, вместе с тем, по словам епископа Пшездецкого, умершего в мае 1939 года, православные, которые просили в 1919–1921 годах и даже в 1922 году о соединении с католической церковью, ни слова не говорили о «восточном обряде» и просто переходили в католичество. Переходили единицы, и этим вопрос не решался.

«С 1923 года начинаются со стороны православных, ищущих соединения, разговоры о “восточном обряде”. Можно было думать, что идет речь о греко-католическом обряде, который существует в Малопольше (Галиции). Быстро, однако, выяснилось, что не хотят они того обряда и просят о том самом обряде, которым пользуются православные, или так называемом восточно-славянском».

Если расшифровать эти слова епископа Пшездецкого, сказанные на Велиградском съезде в 1927 году, и сопоставить с действительностью, то дело представлялось в таком виде. Власти Подляшской епархии, не замечая никакого движения со стороны православных в смысле перехода в католичество, решили восстановить унию, которая была ликвидирована в 1875 году.

«Для объяснения дальнейшего, — говорит епископ, — должно припомнить, что в 1919 году в Восточной Галиции разгорелась борьба между русинами и Польшей, откуда возникли трения между католиками латинского обряда и обряда греко-русинского или греко-католического»⁶.

Смысл этого заявления в том, что униатское население Восточной Галиции, во главе с духовенством, с оружием в руках боролось против поляков, которые силой захватили Восточную Галицию. Этот захват впоследствии был санкционирован союзниками, но с этим галичане не примирились и вели в той или иной форме борьбу до последних дней существования Польши.

Поэтому ясно, что восстанавливать унию на Подляшье при посредстве галицийского униатского духовенства было невозможно. Галицийская уния — это орудие украинского национализма, и насаждать этот национализм на Подляшье для епископа-поляка не было никакого смысла. Было решено создать новый, независимый от галицийского, тип унии в виде восточно-славянского, а по существу в форме православно-русского, или, как еще говорили, синодального обряда. С церковной точки зрения это объяснялось тем, что желающие перейти в унию требовали обряда не измененного, подобно галицийскому, и вообще не желали менять православного обряда. Проще говоря, для епископа Пшездецкого было ясно, что если можно рассчитывать на подчинение православного населения папе, то при условии полного сохранения православного обряда в его русской форме.

Таким образом, начало «восточного обряда» заключалось в том, что брался русский православный обряд в его чистом предвоенном виде и папа на него клал свою каноническую печать. В силу этого православные приходы переходили из юрисдикции православного епископа в юрисдикцию епископа католического. Не было никакой унии в смысле соединения, а было поглощение католической церковью «восточного обряда» вместе со всей той «схизмой», которую этот обряд собою осуществлял. Здесь нет никакого соединения православной иерархии с Римом, как это было на соборах Флорентийском и Брестском, вообще ни Православная Церковь, ни православная иерархия во внимание не принимаются. Нет никакого и перехода православных в католичество, ибо нет никакого нового исповедания веры, а две веры — православная и католическая — и два обряда, смешиваясь, но не соединяясь, подчиняются власти Римского епископа.

В основу соединения положен только один догмат Римской церкви, догмат конца XIX века — первосвященства и папской непогрешимости.

«К этому вопросу, — замечает Н.Ф. Степанов (Н.Свитков), — папа Пий XI многократно возвращается, ставя признание своей власти как основное условие для единения Церквей, почти умалчивая о различии других догматов, имеющих значение гораздо высшее».

По словам аббата Кольве, «в римском понятии единство есть поглощение. Прежде всего, ни от кого не требуют отречения, а лишь объяснений; никого не просят подчиниться, а войти в единение. И в этом созданном единении всякая церковь сохраняет собственное лицо». И дальше аббат Кольве сблизяет православных тем, что им оставляется все, им принадлежащее.

«И здесь мы не видим ничего нового, — замечает Н.Ф. Степанов, — лишь только некоторое уточнение: служите литургию, как вам угодно, охраняйте ваш церковный уклад, ваш епископ остается вашим иерархическим начальством, служите на любом языке, употребляйте какие вам более подходят миссионерские средства, организуйте и блюдите ваши церковные финансы, устраивайтесь с вашими гражданскими властями — все это, будто, Ватикан вовсе не интересуется; единственное “коренное”, по выражению аббата Кольве, условие: признайте Папу и его непогрешимость». Нет, это новое...

Такая постановка вопроса в его практическом осуществлении была сущей революцией в католической церкви. Но иного выхода не было.

2

В настоящее время «восточный обряд» не обладает ни силой, ни значительностью. По данным Восточной конгрегации дело представляется в таком виде:

I. Александрийский обряд: а) копты — униатов более 32 000; б) эфиопы или абиссинцы — около 30 000.

II. Антиохийский обряд: а) маланкарессы или малабарцы в Индии-униатов около 9 000; б) марониты у подножья Ливанской горы в Сирии — около 366 000; в) сирийцы — около 71 000.

III. Армянский обряд: армяне рассеяны в разных местах, в Армянской республике на Кавказе, в Турции, в Сирии, Южной России, в Польше около Львова. Всего униатов до 100 000.

IV. Халдейский обряд: а) малабарцы (отдельно от маланкаресов) в Индии — униатов около 530 000; б) халдейцы в Месопотамии — около 72 000.

V. Византийский обряд: а) болгары — униатов около 6000; б) албанцы в Италии, или итало-греки — униатов около 51 000; в) униаты в Югославии. Хорваты, сербы и русины, всего около 42 000; г) мельхиты в Сирии — около 166 000; д) униаты в Венгрии. Румыны и русины, обрусевшие венгры — 142 000; е) русины (малороссы) в Польше, в Восточной Галиции, в Прикарпатской Руси и эмигрировавшие в Америку, всего около 5 000 000.

К этому надлежит добавить небольшое движение в Албании и так называемую новую унию, или «восточный обряд» в Западной Европе, Польше, Маньчжурии и Китае — около 25 000 человек.

Всего униатов около 8 000 000. Из них большая часть — славяне, причем славяне, за небольшими исключениями, находились в Польше⁷.

76 | Считая общее количество православных в 150 миллионов, униаты составят немного больше 5%. Таков результат пятивековых усилий

Рима, начиная с Флорентийской унии (1438–1439 гг.). Результат, как видим, небольшой и при этом совершенно непрочный*.

Следует отметить, что христиане составляют 37% населения земного шара, 684 миллиона против 1 132 миллионов нехристиан⁸, и таким образом пред «всемирным рыболовом», наследником св. Петра, громадное поле деятельности.

Однако Рим устремляется на Православие, сначала греческое, а потом русское, и до сих пор на этом пути терпит только неудачи. Он торжествует только тогда, когда в своих объединительных стремлениях опирается на светскую власть.

Флорентийская уния дала совершенно неожиданный для Рима результат. Она укрепила Православие в Москве, и наследство Византии перешло в твердые московские руки. Униатский митрополит Исидор был изгнан из Москвы, греки себя скомпрометировали, а русская православная иерархия стала национальной.

В ином роде, но приблизительно то же произошло и в Византии.

«Император и большая часть двора стояли за унию, — говорит Пирлинг, — отныне она становилась государственной религией. Но ничего народного не было в том торжестве. Не водворился мир в душах, не сложили оружия враждебные стороны»⁹.

Народ еще сохранял в своей памяти насилия крестоносцев в Константинополе. Уния разбила единство народа и не дала помощи извне. Папа и не желал и не мог поднять Европу в защиту Византии. На защиту города Император едва нашел десять тысяч человек. 29 мая 1453 года Константинополь пал и на его стенах нашел смерть последний Император Константин.

Не лучше обстояло дело и с Брестской унией 1596 года.

Брестская уния была результатом соглашения большинства западнорусской иерархии, правительства и Рима. Громадное большинство русского дворянства ушло в католичество. Мнением народа не интересовались. Уния в Польско-Литовском государстве проводилась подкупом и насилием и имела чисто внешний характер.

Современный наблюдатель новоуниатского движения в Польше, поляк и католик Г.Лубенский подводит такие итоги унии старых времен в Польше.

«В столкновениях с Православием униатские епископы пользуются поддержкой короля и административных властей. Обе стороны борются с фанатическим упорством»¹⁰. Брат пошел на брата, Русь поднялась на Русь.

Сто лет спустя, после 1702 года, в результате этой борьбы «в границах Речи Посполитой не осталось ни одной православной епархии. Церковь униатская имела в это время 9 епархий.

Православные остались в небольшом количестве в восточных провинциях, в Белоруссии, в Литве около Слуцка, на Украине возле Смелы и Брацлавска. Оставались некоторые монастыри и братства, особенно Св. Духовское в Вильне»¹¹.

Строго говоря, Православия в Польше не было. Рим одержал полную победу. И, несмотря на это, никакого единства между католичеством и униатством не оказалось. Уния была и оставалась «верой мужицкой». Католическое духовенство в унию не верило и не понимало, для чего она нужна.

* Униаты, славяне и румыны ныне везде ликвидированы, кроме Америки.

27 лет спустя после Брестского собора папа Климент VIII и Конгрегация Пропagанды получили весьма тревожные сведения о положении унии.

«Здание, — говорит знаток этого вопроса Е.Шмурло, — возведенное Климентом VIII, еще не доведено было вполне до конца, а уже начинало шататься и впереди, очевидно, предстояло много усилий, прежде чем удалось бы излечить Польшу с Литвою от схизматической гангрены, превратить упорных дизунитов в послушную паству Римского пастыря».

На запросы Пропagанды Андрей Липский, епископ Луцкий, он же великий канцлер коронный, доносил: «Унию создали зря, необдуманно, не разузнав хорошенько, желает ли ее население, по легкомыслию и лишь бы удовлетворить честолюбие отдельных лиц; и духовенство, и шляхта, и простой народ — совсем не сочувствуют ей». Епископ Краковский Михаил Шишковский также не одобрял введение унии: по его словам, «она принесла больше хлопот и затруднений, чем пользы, осложнила жизнь, создала беспорядки в самой католической церкви».

«Уже в первых своих заявлениях, посланных в Конгрегацию Пропagанды, униаты начинают жаловаться на недостаток поддержки со стороны латинского духовенства... На униатов смотрели, как на добрых католиков, утверждали, что разница между ними и римско-католиками совсем пустая, в одном лишь обряде, простой форме, что сущность веры одна и та же и у них, и у других, — и между тем...

Дело в том, что так говорили и утверждали в одном лишь Риме — в Польше же думали совсем иначе. Польские римско-католики третировали униатов наподобие того, как в “порядочном” обществе третируют батардов. Как папа ни заверял, что это такие же католики, такие же близкие его сердцу сыны Римской церкви, потому что признают примат римского первосвященника, повинуются ему как своему верховному пастырю и действуют согласно его предначертаниям; но это плохо помогало: унию мало отгораживали от схизмы и за истинную, настоящую веру, не считали».

В сущности, католики терпели унию как переход к латинству. К этому переходу склоняли и доминиканцы, и иезуиты, усиленно работавшие в Польше, и «требовалось много характера, душевной устойчивости и крепкой веры, — говорит Е.Шмурло, — чтобы не поддаваться соблазну смыть с себя клеймо не то пария, не то приемыша, которого держат из милости и притом всегда в черном теле».

«Будь ты хоть раскатолик, посвящен в сан самым наизаконнейшим образом, — жаловался Пропagанде униатский митрополит Рутский, —... но раз ты униат, то священник — становись ниже латинского священника, епископ — становись ниже латинского епископа».

Кроме того, латинское духовенство видело в униатском духовенстве совершенно нежелательных участников в наследстве Православной Церкви. «Прекрасно, — говорили они, — пусть гибнет схизма, но при чем тут уния? Прямым переходом в латинство достигнуты будут сразу две цели: восторжествует истинная вера и выиграем мы, к нам целиком перейдет то, чем владеют или владели схизматики»¹².

Внешние успехи унии не могли покрыть собою ее внутреннюю слабость. Уния имела в виду оздоровить условия жизни западнорусской церкви, а через сто лет внутреннее состояние униатской церкви

вполне напоминало собою положение западнорусской Православной Церкви перед унией.

Все это развалилось при первом прикосновении Православия.

Между вторым и третьим разделом Польши, т.е. на протяжении неполных двух лет, на Подолии не осталось ни одной приходской униатской церкви, сохранилось несколько на Украине и несколько десятков на Волыни. Из полуторы тысячи священников едва только сто оставалось верными униии до 1796 года¹³.

От всего дела Скарги и Сигизмунда III до нашего времени сохранилась униия только в Восточной Галиции. Она является средством политической борьбы. Внутри ее идут раздоры между сторонниками латинизации обряда и сторонниками так называемого византийства. В политическом смысле она направлена и против России, и против Польши. Для того, чтобы было два государства — Россия и Украина, необходимо, чтобы было два народа. Малороссы и великороссы могут стать двумя отдельными народами только при условии, что они будут исповедовать две религии — унию и Православие. Тогда будут возданы две культуры — западная и восточная, и между двумя частями одного народа образуется водораздел.

«Окончательно наступило время, — говорит украинский историк С.Томашевский, — чтобы украинцы перестали раз навсегда повторять исторический idiotизм, полагая церковную унию польской интригой. «Прочную форму национальной церкви дала нам только Брестская униия. Если бы не казачество, которое пошло на службу противоуниатским движениям, направляемым из Москвы, то до половины XVII в. вся Украина за малым исключением имела бы одну национальную церковь, объединенную с Римом, а вместе с ней еще и белорусов. Национально-культурное обособление Украины уже тогда было бы положительно завершено, а сегодня мы были бы среди первых народностей Европы. К сожалению, этого не произошло как по нашей вине, так и по вине Польши, которая никогда не была другом униии». К этому выводу пришла и новейшая польская историография. «Без униии вся Украина до Днепра была бы колонизована»¹⁴.

Совсем иначе на этот вопрос смотрят современные униатские деятели.

О. Гавриил Костельник в своем докладе «Идеология униии», сделанном на униатском съезде во Львове в 1936 году, утверждает:

«И вот мы являемся свидетелями такого неестественного явления, что униия денационализировала “восточный народ” на пользу “латинского соседа”. В давней Польше денационализировала украинцев и белорусов в пользу поляков. В Венгрии — украинцев и румын в пользу мажар, в Хорватии сербов — в пользу хорватов, в Италии греков — в пользу Италии»¹⁵.

Как ни рассматривать отношение Польши к Брестской униии, совершенно ясно, что канцлер Замойский пошел на организацию униии не в интересах укрепления западнорусского народа, а для его национального ослабления.

Сербы боролись с униией главным образом в целях охраны своей национальности, в особенности пребывая в границах католической Австро-Венгрии.

«Над сербами, — замечает Тихомир Остоич, — от времени их поселения в этой земле постоянно висел дамоклов меч — униия. Поку-

шения принудить к унии составляют самые мрачные страницы нашей истории в Габсбургской монархии. Этим покушениям сербы отчаянно сопротивлялись и, благодаря этому, подвергались гонениям. Последствием этого постоянного насилия над совестью в народе создалась необычайная чувствительность в делах веры»¹⁶.

С точки зрения современных взглядов деятелей «восточного обряда», старая уния в Галиции, Буковине, Болгарии, Югославии и других местах — хотя и весьма почтенный, но все-таки не больше как пережиток прошлого. Это остатки большого, подававшего надежды, но неудавшегося движения. Уния оказалась какой-то третьей церковью и не только не объединила католиков с православными, но углубила расхождение Западной и Восточной церквей. Уния настолько хранит память о Православии, что без всякого труда возвращается в его лоно.

По словам Станиславовского униатского епископа Григория Хомишина, «дух византийства (в унии), как показывает опыт истории, всегда ведет к схизме и кончает схизмой». Поэтому будем далеки и будем остерегаться византийства, как главнейшего и опаснейшего врага». И вообще «восточно-славянский обряд» не больше, как «российская обрядовщина», и епископ не понимает, как эту «обрядовщину» польские круги сохраняют и ею чванятся.

И потому в униатстве должна быть сохранена латинизация «восточного обряда», установленная на Замостском соборе 1720 г. и на Львовском соборе 1891 г., который принял все решения Замостского собора¹⁷.

Кроме того, Рим не верит в отторжение Украины от России при помощи унии, и во всяком случае она не пригодна для России и, кроме того, ее не с кем заключать.

Тем не менее Риму приходится считаться с этой музейной вещью. Унию выдумали в XVI веке иезуиты. Теперь иезуиты от нее отказались, они нашли другие средства, но Рим не может так просто отказаться от того, что защищал так долго и с такими жертвами. Рим улыбается и «восточному обряду», и Галицийской унии, обоим пожимает руки и обоими желает воспользоваться.

3

«Восточный обряд» — это Россия. Все эти копты, эфиопы и малабарцы не больше как украшения папской тиары. Это одна сплошная бедность и примитивность, несмотря на свою древность. Эти униаты не могут дать ни влияния, ни доходов, а требуют только расходов.

Только одна Россия и интересует Рим. С падением императорской власти и крушением Православной Церкви уния, как соглашение равных с равными, потеряла всякий смысл. Договариваться больше не с кем. Русская церковь разбита и, по мнению Рима, не вернется к своему былому величию и единству. Вступать в соглашение с отдельными группами внутри России интереса не представляет.

В момент падения большевиков в России, а еще лучше на тот случай, если они откажутся от своей церковной политики, должна появиться новая организация, зрело обдуманная, во всех частях подготовленная, снабженная большими средствами и техническим аппаратом. Эта сила должна привлечь к себе усталые сердца русских людей и церковно их объединить под сенью Рима.

Такой силой и должен стать «восточный обряд». «Восточный обряд» это не больше, как новое возглавление старого Православия. Это окончательное подчинение Риму наследников Византии.

Рим не верит силе православного вселенского сознания, не верит соборному началу православных людей, с этими качествами Рим не умеет обращаться. В делах духовных он знает только принуждение, и он желает принудить православный Восток признать его распорядительные права.

Обряд — это есть форма, знаменующая собою определенное содержание. С действиями обряда связаны такие исключительные моменты, как пресуществление Святых Даров. В западной и восточной литургии это отнесено к различным моментам. Совершенно различно отношение Запада и Востока к литургическому языку. Восток построен на живой нации и живом языке. Западная церковь живого языка не выносит.

С другой стороны, примат римского епископа проистекает из примата самой римской церкви, и поэтому ясно, что «достоинство и первенство римского престола, с точки зрения его примата, было постепенно распространено и на его обряд».

Бенедикт XIV в конституции *Esti Pastoralis* от 1742 года категорически запрещает перемену западного обряда на иной. Латинский обряд «ввиду своих высших свойств, потому что это обряд св. римской церкви, матери и руководительницы всех церквей, превалирует над обрядом греческим, в особенности на итальянских землях, где греки подлежат юрисдикции латинских епископов. Поэтому не разрешается по каким бы то ни было основаниям переход с него на обряд греческий, и даже принятый греками без апостолического разрешения не может быть оставлен»¹⁸.

История борьбы иезуитов за «восточный обряд» лучше всего свидетельствует о том значении, какое Рим придавал обряду, и вообще категорически нельзя сказать, «что более трудно — смена восточного на латинский обряд или латинского на восточный» (Там же).

Так было, но все это нужна забыть.

«Вообще, о преимуществах латинского обряда в настоящее время никто серьезно не говорит» (Там же).

С переходом из одного обряда в другой по-прежнему возникали осложнения, и Конгрегация для Восточной церкви 6 декабря 1928 г. разрешила вопрос в том смысле, что переход из латинского обряда в восточный светским лицам разрешают на местах нунции, апостолические делегаты и т.д., духовным — только Конгрегация. Таким образом, перемена обряда подчинена строгому контролю.

12 января 1929 года Комиссия *Pro Russia* предписала, чтобы вообще дела соединения разрешались или комиссией, или представителями св. престола на местах. «Принятию должно предшествовать исследование побуждений и характера желающих воссоединиться и соответствующее наставление в основах веры».

Любопытно, что та же Комиссия в своей инструкции от 26 августа 1924 года предоставила полную свободу в выборе обряда переходящим из Православия в католичество, хотя «скорее надо поучать их о достоинстве и великолепии восточных обрядов, о том, как католическая церковь судит и учит о тех обрядах и как им благоприятствует». Если бы, однако, кто-либо из русских, «возвращающихся» в католичество, взве-

сивши все, пожелает принять латинский обряд, может к нему быть причислен¹⁹.

Всему этому причиной русская революция. Ибо, пока была православная монархия, не приходилось думать о подчинении России Риму. Не было никакой надобности заботиться о равноценности обрядов и воспевать православный церковный обряд. Теперь иное. Теперь не только оба обряда равны, но восточный выше, ибо он является тем мостом, по которому Рим войдет в Россию. От неприкосновенности обряда пришли к равноценности обрядов.

На эту сторону вопроса в свое время обратил внимание Вселенский Патриарх. Отвечая на обращение Льва XIII, Константинопольская церковь писала:

«Священное и искреннейшее желание Святой Соборной Православной Апостольской Церкви Христовой — чтобы отделившиеся от нее церкви опять соединились с ней в одном правиле веры; без такого единения в вере не может быть и вожделенного единения церквей. Если же это так, то мы поистине недоумеваем, как папа Лев XIII, признающий и сам означенную истину, допускает явное самому себе противоречие, с одной стороны, заявляя, что истинное единение заключается в единстве веры, с другой — что каждая церковь и после соединения может сохранить свои догматические и канонические определения, хотя бы эти последние и отличались от определений папской церкви, как это видно из позднейшей энциклики самого папы от 30 ноября 1894 года. Но какое это будет единение, когда в одной и той же церкви один станет веровать, что Дух Святой исходит от Отца, другой — что Дух Святой исходит от Отца и Сына, один будет крестить в три погружения, другой — обливать, один — употреблять квасный хлеб в Таинстве Божественной Евхаристии, другой — опресноки, один будет преподавать народу и чашу, другой — только святой хлеб, и т.п. Что побуждает папу допускать такое разногласие, уважение ли к евангельским истинам Святой Церкви Христовой, косвенная ли с его стороны уступка и признание этих истин, или что другое, сказать не можем».

И не хорошо еще делает папа, что «оставив путь убеждения и рассуждений, начал к общему изумлению и недоумению привлекать в свои сети более простых православных христиан через посредство “лукавых делателей” (2 Кор. 11, 13), посылает на восток, своих духовных лиц, носящих одежду православных иереев, и замышляет многие другие коварные меры для достижения своих прозелитских целей»²⁰.

Правильность этих соображений Вселенского Патриарха на наших глазах подтвердил опыт Православной Церкви в Польше.

1 июля 1926 года собор епископов рассмотрел прошение польской католической Национальной церкви, которая образовалась в 1923 году в фабричных районах юго-западной Польши и среди малоземельного крестьянства Западной Галиции. «Она считала своим непрременным верованием упование на мессианскую роль, предназначенную историей польскому народу в деле объединения всех славянских племен и выявления особенности славянского духа. Она не признавала власти папы и требовала службы Божией на понятном народу родном языке. Выражая желание присоединиться, эти религиозные общины согласились принять все догматы Православной Церкви и канонические начала церковной жизни этой церкви, но сохраняли западную литургию на польском языке с изменениями применительно к православным догма-

там веры и весь западный обряд, не противоречащий основам православной веры²¹.

Во главе национальной польской церкви стоял священник Гушно. Немногочисленный клир был принят в юрисдикцию Православной Церкви, вместе со своими приходами, после торжественного исповедания Православной веры в митрополичьем соборе в Варшаве. В Варшаве был образован приход западного обряда, во главе которого стоял очень культурный человек немецкого воспитания ксендз Филярский, носивший сутану католического священника. Его пребывание в православной консистории, в которой он был членом, производило странное впечатление. Он служил по западному обряду в собственной каплице. Обряды никогда не смешивались и когда он, а также и другие клирики, принимали участие в православных богослужениях, они облачались в православные фелони.

И тем не менее из этого ничего не вышло. Никакой общности не получилось, происходили постоянные трения, взаимные неудовольствия, дело совершенно не развивалось. Сначала был закрыт приход в Варшаве, между о. Филярским и митрополитом произошли неприятные осложнения на материальной почве. В конце концов 24 мая 1939 года ксендз Гушно возвратился в католичество и опубликовал письмо, в котором, между прочим, писал: «Всех, кого я ввел в соблазн, призываю, чтобы по моему примеру возвратились в родную церковь»²².

Католики такими осложнениями не смущаются. Для них руководящим является утверждение Пия XI, что «в церкви Иисуса Христа, которая не является ни латинской, ни греческой, ни славянской, а католической, нет никакого различия между ее детьми, латинянами, греками или славянами или иными национальностями; у апостолического престола все занимают одинаковое место»²³ и поэтому католическое духовенство без всякого стеснения пользуется православными церковными одеяниями и облачениями. Считая, что католическая церковь всегда имела «восточный обряд», она может пользоваться этим обрядом по своему усмотрению. Что касается одежд, то в Православной Церкви нет однообразия. В различных местах носят различные рясы и, например, черный клобук, которым пользуется восточное духовенство, был принят в Русской церкви только в конце XVII века, наперсный крест — только в XIX веке. Мало того, духовенство «восточного обряда» в Польше в самых мелких подробностях своего внешнего вида стремится походить на духовенство православное в Польше и в России. Ничего свойственного греческому духовенству оно в Польше не принимает и, наоборот, в Греции, Болгарии и в других странах оно стремится быть похожим на местное национальное православное духовенство. Оно называет себя «православным», вводя таким образом в заблуждение православное население. Все это осуждается Апостолом Павлом, ибо все это признаки «лукавых» делателей».

Вместе с тем католическое духовенство прекрасно умеет защищать свои права и отличать правду от лжи. В новом законе об отношении Православной Церкви к государству в Польше, изданном в 1938 году, прямо сказано, что Православная Церковь может вводить новый обряд только по соглашению с правительством. Это не что иное, как защита западного обряда. Административные власти и суды в Польше по требованию католических духовных властей преследовали те като-

лические религиозные общины, которые не признают папы, и воспрещали пользоваться католическими одеждами и облачениями.

Таким образом, вместе с «восточным обрядом», Рим утверждает, что до разделения церквей была единая церковь, и вовсе не Вселенская со своими многообразными церковными провинциями, а церковь Римская. И потому римская церковь есть законный распорядитель также внутри церкви православной.

4

«Желаем соединения православных братьев с нами в одной Церкви, под одним видимым вселенским пастырем, — так заявляет организатор «восточного обряда» в Польше, иезуит отец Я.Урбан. — Хотели бы, чтобы унию совершили сами православные пастыри, хотели бы “унии сверху”. Распространение унии “снизу” считаем, однако, необходимым, ввиду резко выраженной враждебности вождей Православия к делу соединения»²⁴. Это было сказано в 1938 году. Не об этом говорилось с самого начала.

Таким образом, «восточный обряд» как бы обходил Православную Церковь и православную иерархию.

Во всех случаях унии, какие знает история, «восточный обряд» приносила с собою православная иерархия, ибо «восточный обряд» почитался обрядом Православной Церкви. В настоящее время вопрос ставится иначе. «Восточный обряд» вовсе не обряд Православной Церкви, а один из обрядов церкви католической, и для того, чтобы его получить, нет никакой надобности входить к соглашению с Православной Церковью. Католическая церковь может предложить православному народу «восточный обряд» прямо от себя.

Таким образом, католическая иерархия, ввиду «резко выраженной враждебности вождей православия к делу соединения» решила поставить себя на место этих вождей и в таком смысле начать работу.

План был простой и, пожалуй, гениальнее, чем план А.Поссевина.

«В 1923 году он (епископ Пшездецкий) разработал план восстановления униатских приходов под юрисдикцией латинского епископа». План был, по-видимому, разработан при непосредственном участии иезуитов и, даже вероятнее, предложен иезуитами епископу. С этим планом епископ Пшездецкий отправился в Рим и так рассказывает о своем посещении.

«Хотя я стоял и нерушимо стою, что никому не позволено навязывать обряда, считал, однако, что я не должен этого вопроса разрешать лично, и потому в 1923 г. отправился в Рим. Св. отец Пий XI, который в качестве визитатора и нунция работал у нас (в Польше), нас хорошо знал и вник в условия нашей жизни. Во время милостиво предоставленной аудиенции выслушал мое сообщение о начинающемся униатском движении, о пожеланиях возвращающихся к церковному единству, о содействии монашеских орденов в унийной работе, которые многое могут сделать в этом направлении, если, чему св. отец положил начало, будут иметь, кроме западной, и восточную ветвь. Папа, после ряда вопросов, на которые я давал разъяснения, благословил меня и велел ждать окончательного решения».

Одновременно из-за кулис истории на свет Божий выходят братья ордена Иисуса.

После свидания с Пием XI епископ Пшездецкий обратился к иезуитам.

«Я разговаривал с генералом ордена иезуитов кс. Владимиром Ледохешским. Разъяснил ему, сколь полезна была бы работа отцов этого ордена “восточного обряда”, с полной откровенностью выяснил трудности, которые встретились бы на этом пути. О. генерал в принципе мысль одобрил. Впоследствии были обсуждены подробности этой работы. В обществе Иисуса возникла восточная ветвь. Первые деятели отправились на Подляшье в окрестности Владавы, а засим, с моего согласия, переселились в очень подходящую для этого местность — в Альбертин»²⁵.

Вопрос об образовании восточной ветви ордена иезуитов, как мы видели, разрешался триста шестьдесят семь лет, и, отправляясь в Рим, епископ Пшездецкий отлично знал, в каком положении дело. Требовалось только проявить инициативу, и она была проявлена.

12 ноября 1923 года была оглашена энциклика «Ecclesiam Dei» по случаю 300-летия со дня смерти Иосафата Кунцевича. Впервые вопрос ставился широко и принципиально.

«Пусть все верные хорошо поймут, что единение может быть достигнуто примерами и действиями святой жизни гораздо скорее, чем спорами и другими поучениями и прежде всего делами помощи в отношении наших славянских братьев и других жителей Востока. Мы уверены, что точное знание укрепит справедливые суждения о людях так же, как и доброжелательность, соединенная с добрыми делами, послужит, с помощью Божией, религиозному единению. Если следовать словам Апостола, то надлежит отбросить не только предубеждение, но и напрасные подозрения, соперничество, ненависть и вообще все чувства, противные христианской любви, которые разделяют между собою нации»²⁶.

Кроме того, нужно помнить, что «римская церковь всегда свято уважала и поддерживала различные обряды, предписывая их сохранить, делая себе из них как бы драгоценное украшение, подобно королю, в платье, затканном золотом и задрапированном в плащ различных цветов»²⁷.

6 декабря Пий XI произносит довольно длинную речь к собравшемуся католическому духовенству «восточного обряда», проживающему в Риме. Собралось более 250 священнослужителей при 2 патриархах и 4 епископах. Кардинал-секретарь Конгрегации для восточной церкви произнес приветственное слово. Отвечая на него, Пий XI сказал:

«Наша столь горячая любовь, наше особенное благоволение к Востоку проистекает не только из постоянного уважения, которое внушает всем Восток, откуда пришел Свет. Восток еще и ныне справедливо называется страной, которая молится, которая умеет молиться, которая чувствует обаяние молитвы...

Говорите, пишите своим, что, благословляя вас, мы хотели благословить всех, не исключая и тех, которые не находятся в единой овчарне, которые себя именуют или заставляют именовать раздирающим душу названием “диссидентом”».

Речь дальше принимает экзальтированный характер. Он просит «милости и счастья пролить даже нашу кровь и отдать нашу жизнь, если бы угодно было Богу удостоить нас этой великой чести и благодати, дабы способствовать хоть сколько-нибудь осуществлению пламен-

ного желания Святого Сердца Иисусова: и будет одно стадо и один пастырь. Эта воля любви Христовой есть в то же время и пророчество, ибо Христос подлинно сказал: “Будет”; на самом деле, будет одно стадо и один пастырь»²⁸.

Без особого удивления мы узнаем, что Пий XI слова Иисуса Христа относит к римскому папе.

Можно, кроме того, заметить, что в результате пламенной любви Рима к Востоку на землях Польши действительно стала проливаться кровь «диссидентов» православных.

На этом фоне 10 декабря 1923 года издается инструкция для ведения унийной работы в Польше, и в ней, между прочим, сказано, «что Св. Конгрегация (Восточная) впредь повелевает строго соблюдать все обряды и обычаи Греческой Церкви, исходящие от св. отцов... не вводить ничего нового, откуда чаще всего происходят только замешательства и соблазны... Конгрегация желает, чтобы каждый оставался в том обряде, в котором родился».

21 января 1924 года епископ Пшездецкий получил декрет и полномочия и на основании этого 19 июня издал инструкцию о ведении унийной работы в Польше:

«1) Священники должны иметь пред своими глазами единственно только заповедь Христа: «Идите и научайте» и, проповедуя Христово учение, ни в каком случае и ни под каким предлогом не должны вмешиваться в политические дела, национальную и партийную борьбу.

2) Во время богослужений должно учить правилам веры по такому плану, чтобы постепенно слушатели приобретали все то, что христианин должен знать, должны проповедовать в самых отдаленных от святынь местах.

3) При совершении богослужений и таинств запрещается что-либо изменять, должны только прибавлять молитву за папу и епископа»²⁹.

Одновременно с изданием этой инструкции в Польше появились иезуиты восточной ветви. Первым принял «восточный обряд» француз о. Пароль Василий Буржуа, засим поляк Михаил Малиновский. После временного пребывания во Владеве, 4 ноября 1924 года, был открыт монастырь в Альбертине около Слонима в имени, подаренном помещику графом Владиславом Пусковским. Права отдельного новициата «восточного обряда» были получены в 1926 г. Вскоре в Альбертине оказались бывший воспитанник Петербургской римо-католической духовной академии, иезуит Антоний Дюмбровский и ксендз Марцелий Высокинский. Довольно скоро Буржуа, как иностранец, был выселен из Польши и переехал в Чехословакию. Суперприором был назначен арх. Вл. Пионткевич. 24 июля 1925 г. при Альбертине был образован приход «восточного обряда».

«Некоторая часть православного населения Альбертина, — говорит «Oriens», — приходящая на богослужение из любопытства, пожелала формально присоединиться к католической церкви».

Альбертин замечателен тем, что в ограде его монастыря одновременно были построены две церкви — западного и «восточного обряда», расположенные одна против другой³⁰.

Каталог великопольско-мазовецкой провинции Общества Иисуса на 1938 год указывает, что восточная миссия в Польше насчитывает 49 членов, в том числе 14 священников, 26 клириков и 9 братьев. В Аль-

бертине 4 священника (один из них латинского обряда), 5 братьев, 5 клириков новициатов. В Дубно, в папской семинарии, — 6 священников, 2 клирика монаха, 2 брата. Воспитанников светских 28. В Вильне — 2 священника. Двое находятся во Львове, трое работают в Риме в «Руссикуме», два учатся в Риме, один в Люблине, 11 проходят курс философии в Кракове, 5 — в Пинске и 1 отправлен в Эстонию.

Пинские лицеисты в декабре 1938 года устроили выставку, посвященную «восточному обряду», где находился также и отдел антикоммунистический³¹.

Постепенно стали появляться в Польше и другие монашеские ордена в восточном обличии.

Редемптористы «восточного обряда» Бельгийской провинции, в числе нескольких человек, находились около Львова. Весной 1926 г. их пригласил на Волынь епископ Шелонзак «для спасительной работы над соединением церквей». Редемптористы привели с собою 4 православных иеромонахов и 1 диакона, которые перешли в католичество и слушали дополнительный курс под руководством самого епископа. Этим обращенным предполагалось передать бывший униатский монастырь в Загорове Гороховского уезда. «Накануне передачи монастыря» трое отпали от унии и возвратились в Православие. Дьякон, во избежание измены, был отправлен в Рим к Бучису. Николай Чарнецкий, редемпторист, позднее епископ «восточного обряда» и апостолический визитатор, стал воскрешать унию на Волыни. После разных обстоятельств редемптористы получили от военного ведомства православную церковь в Ковеле и там организовали монастырь. Монастырь очень небольшой, и говорят, что редемптористы неохотно и под прямым давлением образовали восточную ветвь³².

Появились и старые знакомые капуцины, которые пробовали работать среди православных еще при Петре Великом, но в латинском обряде. «Восточный обряд» приняли «по инициативе» Пия XI. В июне 1932 года в Польше появился Кирилл Тернеузен, принявший 16 декабря 1932 года «восточный обряд». Он и раньше работал в Польше в качестве профессора в Люблинском университете (1922–1926 гг.). Он принадлежал к Голландской провинции. Затем присоединились два брата Варшавской провинции и поселились в Любешове Пинской епархии. Позднее к ним присоединились два брата Голландской провинции, прибывшие в 1933 году из Ассиз. Они получили в свое распоряжение бывший свой монастырь в Любешове на Полесье в разрушенном виде. Он сгорел еще в 1817 году, а был основан в 1756 году. Они его отстроили и при нем соорудили небольшую униатскую церковь, которая была освящена 6 сентября 1935 года. На освящение, во главе с униатским епископом Н.Чарнецким и латинским Немирой, отправились участники униатского съезда в Пинске. Поезд потерпел крушение, и путешественники прибыли с опозданием. Наутро шел дождь, и на освящение церкви пришло «едва несколько лиц», но «уния вообще испытывает различные неприятности, недостатки и беды, которые ходят за ней, как тень за человеком». Приведены были, однако, дети гимназии, которую открыли капуцины, и униатского приюта, человек 25. Католический епископ и клир с любопытством наблюдали сложный обряд освящения храма по православному чину. В престол были помещены части мощей св. Франциска Ассизского, Кирилла и других. Во время литургии, после Евангелия, проповедовал Н.Чарнецкий «по-русски», вставляя от времени до

времени польские выражения. Перед причастием говорил латинский епископ Немира об едином стаде и об едином пастыре: «Нет никаких препятствий к этому единству, ибо каждый на своем языке и по своему обряду может молиться — у Бога нет различий». Из Любишова, замечает корреспондент, пошла радостная весть: «Там произошло церковное единение разных обрядов».

В действительности это есть не единение, а смешение обрядов, которое в конце концов является смешением догматов.

«Обряд — по прекрасному определению А.С. Хомякова, — это свободная поэзия символов или слов, которыми Церковь, единица органическая и живая, пользуется для выражения своего познания о Божественных истинах, своей безграничной любви к своему Создателю и Спасителю, наконец, любви, взаимно соединяющей христиан между собою на земле и на небе. Обряд по существу изменчивый, есть не более как прозрачное покрывало, которым облакается догмат, по существу неизменный»³³.

Здание монастыря в Любешове было отстроено благодаря помощи св. отца, ордена капуцинов, Апостолата унии в Голландии и помощи жертвователей из Голландии и Волыни.

«Любешов на Полесье должен был стать центром униатской работы в Пинской епархии так же, как Ковель на Волыни». Предположительно открыты новициат. Затем прибыли 4 сестры, которые также приняли «восточный обряд» и работают среди женщин и детей. Есть станция и в Эстонии около Нарвы.

Мало понятен тот интерес к «восточному обряду», который стал проявляться в Голландии, по существу протестантской стране. Капуцин о. Vogomeusz об этом рассказывает так: «В стране развивается усердная пропаганда единения церквей». Среди причин, которые вызвали интерес голландских католиков к «восточному обряду», одной из главных является посещение львовским митрополитом А.Шептицким в 1921 г. Голландии, «он всюду возбуждал интерес к этому делу». На международном евхаристическом конгрессе в Амстердаме в 1924 г. была совершена служба по «восточному обряду». Это усилило интерес голландских католиков. Во главе движения стал иезуит о. Г.Кольшатен. Амейцы из соседней Бельгии также «оказывали некоторое влияние», и в 1927 году возник Миссионерский апостолат «Apostolat der Hereeniging», во главе которого стал редемпторист Г.Ван-Кеулен. В состав президиума вошел капуцин о. О.Боромеуш и кармелит проф. Др. Тит Брандзина. Словом, сошлись иезуит, редемпторист, капуцин и кармелит. Дело, как видим, было поставлено широко и дало свои результаты.

«Благодаря непосредственному знакомству голландцев с великолепием восточной литургии в широких кругах общества углубилось знание дела унии». В приходах образовалось около 500 отделений Миссионерского апостолата с 50 000 членов. Издается трехмесячный журнал. Члены должны ежедневно молиться о соединении церквей и вносить ежегодно членский взнос в размере 1 флорина. «В последнее десятилетие было роздано более 100 000 флоринов отдельным приходам, институтам и обществам, работающим на Востоке». Кое-что получила и Польша. Едва ли голландцы догадывались, что их деньги идут на борьбу с Православием.

Голландские капуцины создали восточную ветвь своего ордена.

На 1 января 1938 года число членов Апостолата достигло 62 000.

«Великолепный пример для католиков других стран», — восклицает «Ogiens».

В 1925 году из ордена студитов в Галиции было выделено новое общество «Миссионерки — дети Марии». Была приобретена земля около Пинска, остров на реке около Заречья. Там они поселились в 1929 году и вели работу среди бедных полешуков. По впечатлению католического наблюдателя, их миссия похожа на миссию где-либо в Африке, Австралии или Азии среди масс огромного китайского народа³⁴. Китайский народ ныне поглотил миссию.

Еще в 1913 году один из членов ордена облатав, о. Ру, принял «восточный обряд» и работал в Канаде среди украинцев, но желающих последовать его примеру не оказалось. Этим занялась Польская провинция ордена, ведя среди молодежи пропаганду в пользу «восточного обряда». Особых результатов это не дало. Местом своей деятельности они избрали Кодень на Подляшье, где православных около 1000 человек. От православных отобрали 3 церкви, и они пользуются устроенным домом молитвы; несмотря на это, в унию перешло всего около 100 человек³⁵.

Кое-где на Холмщине работают базилиане (униатский орден св. Василия Великого).

Базилиан ни на Волынь, ни на Холмщину в сущности не допускали. Только в 1930 году Люблинский римо-католический епископ Фульман вызвал их из Галиции и поселил в Городло над Бугом. В половине XIX века они имели монастыри в Варшаве, в Беле-Людляшской, где были хранителями гроба Иосафата Кунцевича, в Холме при Св. Богородичском соборе, в Люблине и Замостье. Четыре монастыря были закрыты в 1865 году, а последний в Варшаве в 1878 г. Православная церковь в Городло, которая была передана базилианам, вскоре сгорела, и была построена новая. Кроме того, они организовали приход «восточного обряда» в Грабовце около Замостья. В общем, на Холмщине они не имели успеха.

До завоевания Абиссинии итальянцами Пий XI туда отправил цистеров «восточного обряда». Сейчас там ведется широкая католическая работа³⁶.

Таким образом, в Польше дело было организовано так. На Волыни работали редemptористы с монастырем в Ковеле, на Полесье — капуцины с центром в Любешове, в Виленском районе — иезуиты с монастырем в Альбертине. Они имели папскую семинарию в Дубно и низшую семинарию в Вильно. И кроме того, мариане. На Подляшье — базилиане, облаты и студиты. Кое-где работали небольшие группы членов женских монашеских обществ среди детей и женщин.

Иезуит ксендз Павел Мацевич организовал в 1925 г. в Варшаве женское Общество почитательниц Сердца Иисусова. Среди этого Общества возникла мысль об образовании монашеского женского ордена «восточного обряда» для работы в пользу унии.

В мае 1927 года было приступлено к организации ордена, и кандидтки собрались в Варшаве. Одна из них подарила небольшой дом, а Общество почитательниц Сердца Иисусова приняло на себя известные материальные обязательства.

21 сентября 1927 года 20 кандидаток отправились в Вильно, где образовали новициат, а в октябре 1928 года перешли в собственный дом, приобретенный на средства варшавского Общества.

В декабре 1927 года Виленский римо-католический митрополит Ялбржиковский, по возвращении из Рима, утвердил устав нового ордена по соглашению с конгрегацией для Восточной церкви. Была устроена каплица «восточного обряда», и в ночь под Рождество 1928 г. были совершены пострижения, засим собралась избирательная капитула и была избрана начальница и генеральный совет.

Альбертинские иезуиты предоставили для нужд сестер дом. Кроме того, в имении графини Браницкой «Рось» около Волковыска был устроен миссионерский пункт с приютом для униатских сирот и мастерской, изготовлявшей облачения. Был организован миссионерский пункт также и в Березно на Волыни. В папской семинарии в Дубно сестры вели хозяйство. Кроме того, образована станция в Риге. Деле развивалось медленно по недостатку средств.

В начале 1933 года миссионерок Сердца Иисусова было не более тридцати³⁷.

Совсем неудачно вышло с марианами в Друе над Двиной. Работа марианов на восточном фронте началась с 1924 г., когда в Друе был восстановлен монастырь и организована гимназия. Там был устроен также и приход «восточного обряда» среди белорусов, и мариане принимали какое-то участие в белорусском национальном движении. В 1938 г. в монастыре находилось 5 священников и был устроен новициат. Летом 1938 года четверем из пяти священников было предложено покинуть Друй. Они отказались и были 23 июня удалены силою. По этому поводу о. Я.Урбан язвительно писал, что все произошло потому, что поляки считают белорусов частью польского народа, а белорусский язык — ветвью языка польского. В таком случае непонятно, почему Польша при заключении Рижского договора оставила без внимания 6 миллионов белорусов — поляков, оставшихся в Советской России. К этому делу приложил руку некий ксендз Бороздич, который перед тем разгромил православное кладбище в Леонтполе на Волыни.

После этого происшествия мариане окончательно перенесли свою деятельность в Харбин³⁸.

21 марта 1924 года была образована восточнославянская ветвь ордена бенедиктинцев для унийной работы, а 4 июля 1928 года образован монастырь «восточного обряда» в Амей на Маасе в Бельгии. Это, так называемые ирениконцы, они издают журнал «Иреникон» (Мирный).

Бенедиктинцы принимают слова папы о познании Востока и о любви к Востоку по их буквальному смыслу. Их деятельность направлена к тому, чтобы трудами «медленными, мирными и братскими» привести к соединению с Римом всех христиан, и в особенности Россию. Главный способ — это «психологическое сближение без непосредственной цели прозелитизма». Они понимают, что не может быть церковного сближения без сближения культурного. Направление амейских монахов ничего, кроме иронии, у иезуитов вызвать не может. Амейцы искренно увлеклись Православием, и на этой почве у них возникли осложнения с Римом³⁹.

приблизительно о 200 000 человек и о ликвидации Православия на многострадальной земле св. Владимира. Задача частная и местная. Епископ Пшездецкий едва ли был заинтересован в обращении России и верил в это предприятие. Он вообще презрительно относился и к России, и к русской культуре.

На Подляшье наблюдалось одно явление, которое выводило из равновесия польских националистов. В некоторых селах говорили исключительно по-польски и горой стояли за Православие. В селе Старый Бубель около Янова население силой открыло запертую православную церковь, заставило священника участвовать в «сопротивлении властям» и говорило между собой в значительной мере по-польски. Таким образом, оказывались налицо поляки и при этом совсем не католики.

В особом положении находилось католическое духовенство, которое ушло из России в Польшу. После имперского русского размаха пришлось познакомиться с узостью польской провинциальной жизни.

В Варшаве оказался барон Ропп, митрополит могилевский и всех католических церквей в России, высланный большевиками в 1919 г. При нем находился прелат А.Около-Кулак и ряд клириков из России. Они поддерживали отношения с русским обществом. Возле них группировались поляки, которые вынуждены были покинуть Россию и решительно не знали, что им делать в Польше, иронически относились к великодержавным замашкам новосозданного государства и не скрывали своего желания вернуться в Россию.

Никакой близости между духовенством — беженцами из России и духовенством Царства Польского не было. Ко всему этому Рим радикально изменил свою точку зрения и пришел к выводу, что главное условие работы в России — это устранение польского духовенства. В этих условиях получились точки соприкосновения и некоторая близость у католического духовенства из России с иезуитами.

Умный и осведомленный прелат Антоний Около-Кулак еще в 1925 году говорил сотруднику польской газеты в Люблине:

«С точки зрения интересов католической церкви деятельность, направленная к латинизации свыше ста миллионов покорных подданных “белых самодержцев”, населяющих обширные плодородные, богатые пространства Европы, была много целесообразнее и разумнее, нежели обращение африканских негров и диких людоедов Австралийского архипелага. Европейские миссионеры погибали в этих последних странах десятками, а обращение немногочисленных и некультурных дикарей не оправдывало таких жертв».

Иезуиты это давно поняли. Обращение людоедов и опасно, и требует расходов, обращение русских всегда приносило прекрасные доходы.

«Поэтому идея направления главных миссионерских усилий на восток Европы имела всегда среди католического духовенства многих горячих сторонников».

События в России «сделали то, что надежды, питаемые католической церковью, приняли характер более оптимистический, а планы апостолитического престола — более реальные формы, обещающие успех».

Православная церковь во внимание совершенно не принимается, ибо дальше А.Около-Кулак говорит: «В связи с этим значительно усилился и оживился темп приготовлений к будущей деятельности насаж-

дения католичества на развалинах обанкротившихся лозунгов атеистической жизни в нынешней СССР».

Далее идут вопросы практические.

«Значение Польши как плацдарма для наступления очень велико в этих планах». Планы эти имеют значение не только для Рима, но и для Польши, и для последней «первостепенное», ибо «если католичество будет проникать туда от нас, воздействие польской культуры будет значительно облегчено, а вслед за ним пойдут влияния — политическое и хозяйственное».

Для этой цели организовано миссионерское общество, которое «ведет подготовку к будущей деятельности в России».

Главная задача — это «посылать соответственно подготовленных миссионеров в Россию», которые будут «создавать вокруг себя притягивающий центр, привлекая превосходством духовной, материальной и общественной культуры, и вести склоняющихся этим путем в Римско-католическую церковь». Ввиду этого миссионеры требуют особой подготовки.

Для этого в Люблине основан Миссионерский институт. Вместе с тем А.Около-Кулак вынужден признать, что «о массовом обращении не может быть сейчас речи. Миссионерская деятельность, в силу необходимости, должна будет ограничиться обращением единиц. В этом направлении настроение в России вполне благоприятно и все улучшается».

Обращаясь в сторону Польши, А.Около-Кулак еще раз пожаловался, что «польское общество недостаточно оценивает значение того факта, что Польша является опорным пунктом нашей миссионерской деятельности в России, что она является базой распространения католицизма на Востоке».

Все это совершенно понятно и ясно. Но вот что совершенно непонятно, это заключение А.Около-Кулака. Он полагает, что распространение католицизма в России при участии Польши обеспечит «искреннюю дружбу» со стороны России.

Совершенно правильно замечает г. Vox в «Воскресном чтении», что все это не больше, как подготовка — «разжечь пламя религиозной борьбы на Востоке»⁴⁰.

Миссионерский институт в Люблине был основан в 1922 году бароном Роппом с целью подготавливать «будущих работников на ниве Господней». Тихий Люблин был указан еще покойным папой Бенедиктом XV. Дом с церковью и садом предоставил епископ Люблинский М.Фульман, тот самый, который в свое время совратил в католичество А.Зерчанинова в Нижнем Новгороде. В институте преподается сравнительное богословие, русский язык, русская литература и история. Одно время предметы эти преподавал Д.Колпинский. При институте две церкви: св. Иосафата — латинского обряда и Софийско-Никольская — «восточного обряда».

Эта же группа деятелей издавала в Варшаве с 1927 по 1931 год «Русский католический вестник “Китеж”».

«Веруем, — говорится на первой странице журнала, — что Русская Церковь должна прийти к ней, Матери и Учительнице всех церквей православных — Церкви древнего Рима». В этой церкви только «и может успокоиться русская душа, найдя полноту Истины Божьей и себя в Боге»⁴¹.

Журнал издавался осторожно, стараясь не задевать русских чувств, особенного успеха он не имел и, по признанию редакции, был прекращен за отсутствием средств.

Нужно сказать, что между группой барона Роппа, скончавшегося в июле 1939 года в Познани, и польским духовенством было полное расхождение в оценке взаимоотношений католичества и Православия в Польше. Это очень ярко выразилось в той обстановке, при которой о. Д. Колпинский в октябре 1921 г. покинул Польшу. В письме редактору газеты «За свободу», «своему старому другу» Д. В. Философова, между прочим писал: «Больно видеть, что безответственными в католическом, в христианском смысле политиканствующими элементами создается на рубеже России и Запада — на “кресах” многострадальных новое средостение между католической церковью и русским православием. Неужели и так не довольно преград к соединению?»

За пределами Польши просто не знают еще всего, а то ужаснулся бы католический мир, ибо не католичество то, что там так часто перед православными демонстрируют... И молчать об этом не следует ни вам, ни нам. И вообще надо помнить, что здесь-то и таится корень той деморализации, которую вносило антиправославное пользование православием в целях русификации (хотя, конечно, многое и преувеличивается в этом теперь) и которую вносит антикатолическое пользование католичеством в целях колонизации и в целях дробления русского народа... И при этом высказывается злорадное пожелание, чтобы большевизм еще продолжался в России».

Это по существу трагическое письмо искреннего человека и русского католика еще с 1911 года, вскоре после отъезда из Польши умершего на Дальнем Востоке, было снабжено обширными замечаниями Д. В. Философова. Последний между прочим писал:

«Такая громадная сила, как католическая церковь, по существу своему вселенская, т.е. интернациональная, становится в Польше орудием колонизации, т.е. превращается в орудие чисто политическое. В этом смысле урон наносится не православным, а именно престижу католичества»⁴².

В самом деле, что мог думать Д. Колпинский, живя и работая в Люблине, преподавая русские предметы и рисуя иконы для церкви «восточного обряда», когда он наблюдал насилия поляков в отношении Православия?

В 1925 году была опубликована статья «одного из потомков тех русских, которые подписали акт Люблинской унии». Статья касалась разборки православного собора в Люблине, построенного в 80-х годах XIX века. Материал частью был продан с аукциона, а частью пошел на мостовую улицы Шопена.

«Четыреста с лишним лет тому назад, — замечает автор статьи, — предки нынешних властей клялись на той же площади в том, что обяжутся за себя и за будущее поколение уважать и ни в чем не стеснять веру литовцев и русских»⁴³.

Разобранный собор стоял на Литовской площади рядом с памятником Люблинской унии.

Глава шестая

Римская поэзия

и польская проза

1

24 марта 1924 года папа Пий XI в своей консисторской речи, между прочим, сказал:

«Так как причины взаимного непонимания находятся и по стороне восточных и по стороне западных христиан, то поэтому необходимо обоюдно искоренять предрассудки, рассеивать ложные теоретические понятия, исправлять исторические ошибки, тормозящие дело единения. Нельзя ожидать успеха в этом деле без соблюдения следующих трех условий. 1) Мы должны освободиться от создавшихся в течение веков ошибочных мнений, касающихся верований и устройства Восточных Церквей. 2) Восток же со своей стороны должен стремиться к более подробному и серьезному ознакомлению с тождеством веры своих отцов с верою отцов Западной церкви. 3) Наконец, обоюдный обмен мнений должен происходить в духе братской любви»¹.

6 апреля того же года при Конгрегации восточных церквей была организована комиссия «Pro Russia». Окончательно она была утверждена 20 июня 1925 года.

В связи с этим на первый план выдвигается организатор католического движения в России французский иезуит Михаил д'Эрбиньи, председатель Восточного института. Сравнительно молодой, блестящий, владевший языками, в том числе и немного русским, он, казалось, был поглощен созерцанием загадочного Востока и пламенел в желании его обращения. Он возбуждал старого Пия XI, только что провозгласившего новую политику Рима в отношении Востока. Всякому было свое место и своя задача. Папа должен был разогревать сердца католиков любовью к отделенным братьям. Курия разрабатывала практические планы подчинения России.

Старые способы действия были недостаточны. Грандиозные задачи требовали создания и соответствующих средств.

Совращение православных или, говоря деловым римским языком, дела «возвращающихся в Римскую церковь членов восточных церквей» требовали своего административного органа, и таковой создал Григорий XIII (1572–1585 гг.) под названием «Конгрегация по греческим делам». Брестская уния дела эти весьма увеличила, Конгрегация тоже была расширена и переименована Климентом VIII в «Конгрегацию для дел веры и религии католической». Она стала заботиться не только о греках, но и о других народностях.

В 1622 году Григорий XV создал знаменитую «Конгрегацию для распространения веры, Collegium de propaganda Fide, или, говоря просто, Пропаганду. В нее были включены все дела Конгрегации для дел веры и религии католической».

«Посадивши на папский престол своего питомца Григория XV, иезуиты основывают в Риме, в силу папского разрешения 1622 года,

Congregatio de propaganda Fide, которую обыкновенно кратко называют Пропаганд». Пропаганда самостоятельная власть в Риме, — раздраженно замечает исследователь истории Православной Церкви в Австро-Венгрии, — из каких-то 80 членов, которые заведуют всеми делами, касающимися присоединения разных народов, крещеных и не крещеных, во всех пяти частях света, к Римской церкви. Это орган, при помощи которого папа расширяет свою власть по свету в духе учения иезуитов. Власть Пропаганды велика. Распоряжения, которые издает председатель и секретарь Пропаганды, должны уважать и исполнять все власти римской церкви, наравне с папскими. Велика власть, но еще больше богатство»².

Более двухсот лет Пропаганда нераздельно владела делами обращения, однако дела Востока все разрастались, и в 1862 г. Пий IX создал вторую Пропаганду, но с добавлением «pro Negotiis Ritus Orientalis» — то есть «по делам восточного обряда». Обе Пропаганды помещались в одном и том же здании и имели общего префекта, которым долгое время был поляк кардинал Меч. Ледоховский. Получалась, некоторым образом, неловкость — униаты «восточного обряда» как будто на одну доску ставились с язычниками. На это, впрочем, мало обращали внимания. Революция в России все изменила. Язычники для Рима потеряли всякий интерес, на первом плане оказался русский православный народ.

1 мая 1917 года Бенедикт XV декретом «*Dei Providentis*» (в Риме прекрасные стилисты) создает новую Конгрегацию *Congregatio pro Ecclesia Orientalis*, «для восточной церкви», которая совершенно отделяется от Пропаганды и начинает действовать с 1 декабря 1917 года. Префектом становится сам папа и его наследники. Думая о России, нельзя думать о распространении веры. Вера в России распространена, и, по мнению самого д'Эрбиньи, гораздо больше, чем в Европе, несмотря на все гонения. Идет вопрос не столько о миссионерстве, сколько о политике, о подчинении России, которая обладает всей полнотой церковного быта, признаваемого и одобряемого Римом. В силу этого в восточной Конгрегации были сосредоточены все административные дела католиков «восточного обряда». Дела, касающиеся «чистоты веры», по общему порядку отнесены к *SW. Officium*, а с 1931 года были изъяты дела по организации и управлению высшими богословскими учебными заведениями.

Конгрегация эта весьма обширна. Она имеет кардинала-секретаря, несколько кардиналов и довольно большой штат консультантов разных народностей. От поляков были включены: кардинал-примас Хлонд и епископы Пшездецкий и Шелонзак. Конгрегация имеет ряд комиссий, среди них комиссию по кодификации канонического права Православной Церкви, литургическую, по делам брачным и проч. Секретарем состоял кардинал Синцери.

Чем больше углублялась русская революция, тем больше было хлопот у Рима.

«Революционный переворот в империи царей, — поясняет «*Oriens*», — эмиграция и рассеяние по свету миллионов русских, наконец, преследование католической церкви и вообще всякой религии большевиками, все это создало такое положение, что св. Престол обратил особое внимание на русские дела и стал его оказывать как преследуемым в России католикам, так и рассеянным по свету русским»³.

Хотя, собственно, между католиками в России и эмигрантами за границей нет решительно никакой связи, тем не менее А. Ратти, нунций в Польше, «думал об отдельной комиссии», которая занялась бы этими делами и «такую комиссию Pro Russia призвал к жизни в 1925 году, уже в качестве Пия XI».

Комиссия эта первоначально принадлежала Конгрегации для восточных церквей и никто на нее особого внимания не обратил.

Одновременно с образованием Комиссии Pro Russia созрел целый план новых учреждений, и так как идея «восточного обряда» принадлежала братьям Общества Иисуса, то естественно, что в руках иезуитов и были сосредоточены все учреждения, связанные с этим делом.

В Риме на все смотрят серьезно и делают основательно, иногда, правда, весьма вредное для церкви.

Занявшись русским вопросом и создав Конгрегацию для восточной церкви под своим председательством, Бенедикт XV положил основание учебному заведению, зависимому от этой Конгрегации, — Папскому Восточному институту. Это учреждение подобно Коллегии, которой располагает Пропганда. Срок учения — два года, принимаются окончившие теологи, предназначенные специально для «христианского востока». В него принимаются клирики латинского обряда, предполагающие работать на Востоке, клирики всех восточных обрядов, а также, что весьма замечательно, «студенты восточных церквей, не принадлежащие к церковному единству, которые пожелали бы глубже познаться с католическим вероучением и с его отношением к вероучению своего исповедания».

В 1922 году Пий XI передал институт в руки иезуитов, которые перевели его в свой Библейский институт, где имеется богатая библиотека. Ректором был сделан д'Эрбиньи, «известный своими научными трудами и интересом к Востоку». Институт стал издавать «Orientalia Christiana» — прекрасный научный журнал, вышло более ста томов. Была образована новая библиотека в 40 000 томов.

В 1926 году Институт перешел в новое помещение, реставрированное на средства какой-то испанской аристократии. В 1928 году он был сделан частью иезуитского Григорианского университета. Д'Эрбиньи был сделан почетным председателем, а фактическим — Емельян Герман. Преподавательский состав состоит из 20 человек. Слушателей 32—47 человек.

2

22 сентября 1922 года Пий XI отправил д'Эрбиньи в Россию*. Подробностей об этой поездке мы не имеем. Д'Эрбиньи принадлежал к тому течению курии, которое полагало, что советское правительство вполне подходяще для соглашения. Для этого прежде всего необходимо устранить поляков и, вообще, очистить католицизм от польского национализма.

* На это я указывал в статье «Ватикан, Советы и восточный обряд» (Голос России. София. 16.3.1937 года). Я.Урбан обратил внимание на мою неточность. «В действительности первое пребывание д'Эрбиньи приходится только на октябрь 1925 года в Москве». Между тем профессор Нехай в своей сводке прямо указывает на 22 сентября 1922 года. По-видимому, д'Эрбиньи до Москвы не доехал.

«Крайняя приверженность поляков к латинству не согласуется с тенденциями и нынешним направлением папской политики» — так в свое время оценил настроение Рима Морис Перно, автор исследования политики Ватикана за последние 25 лет⁴.

Поляки это довольно скоро уразумели. Иерархия в Польше должна была пойти на службу «восточному обряду», польское общество разделилось и часть его вступила в открытый и скрытый конфликт с курией. Это, впрочем, выявилось впоследствии.

Нужно признать, что католическое духовенство в России положение вещей оценило правильно. На процессе 1923 года имел место такой разговор:

«Крыленко. Как вы судите — советское правительство долговечно или нет?

Арх. Цепляк. Всегда был того мнения, что продолжится долго. Это мое неизменное убеждение»⁵.

Такое убеждение разделял и д'Эрбиньи. Ему казалось, что благожелательное отношение Ватикана к Советам, положение которых в Европе было очень неопределенно, будет встречено с радостью, и Советы пойдут на соглашение. Между тем д'Эрбиньи в Москве, попросту говоря, был обманут. Большевики вопрос поставили так: католическая церковь должна отказаться от своих прав на имущество в России, и тогда имущество будет ей оставлено. Кажется, после согласия д'Эрбиньи большевики уклонились от исполнения своего обещания, стали ставить новые условия, и тогда через нунция в Польше Лаури было дано распоряжение имуществ не передавать⁶. Возник процесс 1923 года. Уже во время процесса Рим дал согласие на передачу имуществ. Хотя прелат Буткевич был приговорен к расстрелу, в общем приговор был гораздо мягче, чем по процессу петроградского митрополита Вениамина в 1922 году. Вообще, силу репрессий в отношении православного и католического духовенства нельзя даже и сравнивать.

Процесс католического духовенства в Москве начался 21 марта 1923 года. Прелат Буткевич был расстрелян 31 марта. 12 апреля была торжественная служба о нем в Риме, а 10 мая 1923 года был убит в Лозанне агент советской власти Боровский и, по сообщению агентства «Гавас», было послано от имени папы выражение сочувствия советской миссии⁷. Арх. Цепляк еще некоторое время находился в тюрьме, а затем был выслан из России. Несмотря на все это, Рим не считал свое положение безнадежным.

При таких обстоятельствах в конце сентября 1925 года д'Эрбиньи отправился в Москву «без всякого поручения, как официального, так и официозного», тем не менее все трехнедельное его пребывание в Москве было посвящено весьма серьезным переговорам с советским правительством и православной иерархией. Он ехал «не для того, чтобы говорить, а чтобы слушать», и то, что он увидел и услышал в Москве, вполне совпадало с теми представлениями, какие были созданы в Риме.

Своей внешностью, манерами, открытым видом и великолепной бородой он произвел на православную иерархию сильное впечатление, хотя все сразу поняли, что он и для чего приехал. Патриарха Тихона в живых не было, и это очень облегчило его положение.

В Москве он пробыл три недели и, возвратившись, почти немедленно опубликовал книгу «Церковная жизнь в Москве». Книга блестяще написана. При всей своей поверхностности книга производит впе-

чатление весьма значительное. Смысл ее может быть сведен к немногим заключениям. Советское правительство не так плохо, как об этом говорят, и его политика в отношении религии не так беспощадна. Православная Церковь лежит в развалинах и заслуживает внимания только иерархия обновленцев. Православие совсем созрело для того, чтобы упасть в руки Рима.

Советское правительство не могло не быть довольным тем, что дало разрешение на приезд и предоставило д'Эрбиньи свободу действия в Москве. В сущности, никаких препятствий к установлению нормальных отношений Ватикана с Советами, по выводам д'Эрбиньи, не было.

Рассказывая о том, как ему какой-то мальчик настойчиво предлагал журнал «Безбожник», он замечает, что хотя «этот мальчик открывает и заключает пребывание в современной России, но в промежутке я вижу русский народ, который остается верующим, благочестивым, действительно религиозным на свой лад»⁸. Похвалив народ, д'Эрбиньи, говорит несколько приятных слов и власти. «Центральное правительство более мудрое, чем декатисты 1793 г., в новом своде законов установило отдых в воскресенье и в дни больших христианских праздников»⁹.

Далее мы узнаем, что «советские власти противопоставляют эту заботу о восстановлении старины вандализму французской революции: никакой богини Разума, никаких кощунственных вакханалий, как в Парижском соборе Богоматери, никаких иконоборцев, оскверняющих или разрушающих памятники искусства, никакого осквернения династических могил, как в Сен-Дени»¹⁰.

В Кремле, в храмах «все в полном порядке, за всем внимательно смотрят». «Если церкви были пощажены, то крепкие ограды больших и многочисленных монастырей не спасли их. Теперь в них ютятся тысячи новых жильцов. Монастыри эти не похожи на современные монастыри Запада — они скорее напоминают древние аббатства шартрезцев и траппистов», и хотя в Покровском монастыре «одна из внешних часовен превратилась теперь в залу Бухарина для пропаганды и кино», но все-таки «главный храм монастыря, в ограде, остается нетронутым»¹¹. Вообще все происходит, как в лучшем обществе. Когда производились «полицейские обыски, официальные визиты для составления инвентаря, свидетели единогласно признают, что начальники этих налетов обыкновенно были исключительно вежливы во французской церкви.

— Милостивая государыня, как должны мы поступить, чтобы исполнить данное нам приказание, не нарушая ваших религиозных убеждений? — спросил первый делегат, который, окружив церковь, пришел, чтобы объявить о ее национализации.

— Вы должны соблюсти три вещи: снять шапку, говорить тихо и не трогать престол.

Все было исполнено»¹².

«Человечество идет к всемирной централизации, которой благоприятствуют современные пути сообщения. Три великих течения ищут ее, три империализма, скажете вы, люди Запада, но, точнее, три универсализма: наш универсализм московский, материалистический, коммунистический, опирающийся на Азию, обслуживаемый пропагандистами всех наций; универсализм лондонский, также материалистический, капиталистический, опирающийся на Америку, обслуживаемый интернациона-

лом банков, и универсализм папского Рима, идеалистический, спиритуалистический, опирающийся на... Бога. Мы в Москве очень хорошо держим в руках оружие против лондонского капитализма, справиться с которым мы можем довольно скоро, тогда как Рим остается для нас загадкой, против Рима мы еще ищем оружие, без Рима все разновидности христианства капитулировали бы. Без Рима все религии умерли бы. Но Рим бросает на службу религии своих пропагандистов всех наций, более опытных, чем наши, и победа остается сомнительной, и борьба будет длинной»¹³.

Все это выслушал д'Эрбиньи в Москве из уст одного дипломата, которому все это рассказывал «один из наиболее важных советских персонажей».

Одним словом, есть только две реальных силы в мире — универсализм коммунистический и универсализм католический. Они должны столкнуться — таков был смысл визита д'Эрбиньи в Москву и таково его отношение к большевикам.

Затем мы читаем нечто, что является сутью всего. Говоря о восстановлении патриаршества, д'Эрбиньи замечает, что многие связывали с этим определенные надежды: как некогда патриарх Филарет помазал на царство и короновал своего сына Михаила, так и новый патриарх в недалеком будущем возложит императорскую корону на голову самодержца из той же династии¹⁴.

Это, несомненно, реальная опасность для большевизма, а рядом универсализм католический, который никогда и ни на кого не возложит короны в России.

Надо сказать, что со стороны Рима было сделано все, чтобы снискать расположение Советов.

С Православной Церковью этот тайный посол Ватикана обошелся весьма строго.

Патриаршая церковь, по его мнению, — это осколок прошлого, у которого нет будущего. Вообще он не понимает, как, несмотря на крушение империи, церковь все же устояла. Его отношение к памяти патриарха Тихона, к его преемникам, к самой идее патриаршества пренебрежительно. С патриаршей церковью Риму делать нечего: она не ощущает духа времени.

Патриарх Тихон был инспектором и ректором Холмской духовной семинарии, а с 1898 года — викарием Варшавско-Холмской епархии при архиепископе Флавиане. Вдумчивый и наблюдательный, он за время своего пребывания на этой древней Червонной Руси прекрасно изучил обстановку и взаимоотношения католичества и Православия.

Он знал все, что задумал Рим в отношении Православной Церкви в России, и занял в отношении католичества резкую позицию. «Соглашения с Ватиканом нет и не может быть», — говорил патриарх Тихон¹⁵. Вся политика Рима в отношении России создавала невероятную обстановку в Москве — гонимое Православие не имело ни средств, ни сил бороться еще и с интригами иезуитов.

Патриарх Тихон упорно отказывал Польше в предоставлении прав автокефалии Православной Церкви. Не имея возможности добиться положительного результата, польское правительство подослало к патриарху своего тайного представителя. В самое трагическое для патриарха время, 10 июля 1923 года, некий публицист — поляк Стародворский (псевдоним), вел беседу с патриархом. Он старался доказать пат-

риарху, что в Польше все в порядке и что не было такого случая и никто не в силах указать на факты незаконного присвоения чего-либо, что было действительно православным. Патриарх на это заметил, что он все знает. Сам Стародворский признает, что патриарх «прекрасно знает историю Православия в Польше»¹⁶.

Патриарх отлично знал, чего может ожидать Православная Церковь в ее положении от Рима, и не удивительно, что в своем первом пастырском обращении Местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр указывал на то, что «католики вводят наш богослужебный обряд, возвращают, особенно в западных, издревле православных церквях, верующий народ в унию и тем самым отвлекают силы Православной Церкви от более неотложной борьбы с неверием».

Д'Эрбиньи не мог не знать об этом послании, и тем не менее он желал вступить в переговоры с митрополитом Петром. Митрополит Петр от свидания уклонился.

Начиная обозрение отдельных частей Православной Церкви в России, он прежде всего останавливается на «той Православной Церкви, которая хранит память патриарха Тихона. Она воплощает в себе верность русскому прошлому. Очевидно, из всех религиозных организаций, именно она наиболее потеряла во время революции. Десять лет тому назад она была всемогуща, в настоящее время она очень стеснена»¹⁷.

Тем не менее он имел встречу с епископами патриаршей церкви, которые с ним были весьма осторожны.

«Тем временем один из епископов выражает опасение, не приехал ли я жать на покинутом поле русского Православия, или, может быть, стать миссионером, перейдя на сторону восточного обряда». Как видим, д'Эрбиньи встретил в России полное знание того, что происходит в Риме.

Засим происходил разговор на церковные темы, причем его собеседники весьма осуждали эмигрантскую иерархию, и затем они любезно простились, однако его собеседник, говорит д'Эрбиньи, «не дает мне того братского целования, которое мне давали другие епископы и русские священники, принадлежащие к разным партиям», и вообще «только Бог видит в сердцах, но снаружи они сухи и жестки».

К «живой церкви» д'Эрбиньи также относится отрицательно и проходит мимо. Совсем в ином виде представляются ему обновленцы. Обновленческая церковь напоминает ему католическую церковь во Франции во время конкордата 1801 года.

6 октября д'Эрбиньи присутствовал на диспуте о религии. Выступали Луначарский и обновленческий митрополит А. Введенский. «Очень молодой — ему только 36 лет, — безбородый, с орлиным носом, он стоял более часа на авансцене, не разгуливая, как его противник, и сперва не жестикулируя; простая и проникновенная речь его постепенно оживлялась и к концу зазвучала горячими тонами могучего и страстно-горячего красноречия. Аудитория была сразу зачарована и взята в руки»¹⁸.

А. Введенский — вождь обновленческого духовенства.

Оно «очень отличается от революционного духовенства, которое зовут то синодальным, то обновленческим. Оно называет себя православным и охотно сравнивает себя с епископами конкордата 1801 года: ни бунтовщики, ни присягнувшие, как красные, говорит оно, но канонически утвержденные патриархом Константинопольским, как епископы конкордата, папой Пием VII»¹⁹.

Обновленческий собор оставил также прекрасное впечатление. Он появляется на соборе 5 октября. «Я прибыл из Парижа без всякой миссии, просто для того, чтобы научиться чему-нибудь во время отпуска».

Деликатно осведомляются, не польский ли я ксендз, приехавший, чтобы шпионить, а затем сердечно принимают меня»²⁰.

Так «восточный обряд» твердо устраняет поляков от миссии в России.

После доклада А. Введенского на тему «Как охранять и развивать в настоящее время христианскую веру в душе», доклада, который имел место 7 октября и заслужил «огромный успех», один из делегатов, «мирянин из хорошего общества», сказал д'Эрбиньи по-английски: «Я очень счастлив, что митрополит изложил католическую мистику. Нам это очень нужно»²¹.

Таким образом, все складывалось как нельзя лучше. Обновленчество с его послушным Константинополю духовенством, широким пониманием канонов и «католической мистикой» — вот та новая православная церковь, с которой католичество может договориться.

Вечером 17 октября, возвращаясь дальней дорогой в одиночестве с Воробьевых гор в Москву, в своих размышлениях Михаил д'Эрбиньи подымается на необычайные мистические высоты.

«Три часа размышлений о том, какие желания и молитвы заставил бы Св. Дух родиться в душе св. Павла... Св. Павел пожелал бы быть в центре этой империи, более огромной, чем был некогда языческий Рим, он пожелал бы дать тут Христу свидетельство слова и крови, а людям — свидетельство любви в искупляющем милосердии Христа. Отчаялся бы ли он? Рим, когда Павел прибыл туда, был много дальше от Христа, чем теперешняя Москва. Христианское бродило отсутствовало в этом мире древнего язычества... Св. Павел свою задачу здесь нашел бы менее трудной, чем в Риме: труд колоссальный, конечно, опасный, но проникающий во все глубины Азии».

Какие перспективы рисуются перед Римом и какие видения посетили д'Эрбиньи в этот октябрьский вечер над Москвой?

«Азия, приведенная к церкви, ко Христу, скоро, через век или два, Москвой в соединении с Римом — не мечта ли это? Или, может быть, скорее это христианская надежда, которую внушает Бог? Неосуществимо это? Может быть, но — не для Бога. Ибо не сказал ли ангел Богоматери: "Non erit impossibile apud Deum omne verbum"?»

С такими ощущениями вернулся д'Эрбиньи из Москвы. Он привез из Москвы «двойное сокровище: более нежную привязанность к душам русского народа, более просвещенную надежду, что хотя бы для этого понадобился целый ряд чудес, те из этих душ, которые искренни и прямы, будут просить, придет день, у единственной Церкви, у св. Петра, благословить и освятить их во Христе Иисусе»²³.

3

В Польше события также шли своим чередом и весьма благоприятно для «восточного обряда».

10 февраля 1925 года был подписан конкордат Рима с Польшей, «который вызвал большое заинтересование во всех сферах и политических группировках в Польше»²⁴. Это было дело рук партии Народной демократии и клало начало тому, что, можно назвать клерикализ-

мом в самой крайней форме. Польское духовенство укрепляло все свои права за счет государства и остальных исповеданий. Конкордат был подписан с одной стороны кардиналом Гаспари, а с другой — Ст.Скшинским и Ст.Грабским.

При ратификации конкордата в Сейме возникли большие споры. Многое понималось не так, как это позднее обнаружилось. В частности, сторонниками конкордата говорилось, что Рим отказался от требований имущества от Православной Церкви. В 1929 году было предъявлено 724 иска о возврате святынь, монастырей и имущества на том основании, что население когда-то принадлежало к униатской церкви, — и требование опиралось на конкордат.

Конкордат устанавливал пять церковных провинций латинского обряда (5 архиепископий и 15 епископий), одну греко-католическую униатскую (1 архиепископия и 2 епископии) и одну армянского обряда.

Таким образом, не было больше отдельной униатской церкви, а была провинция греко-славянского обряда католической церкви. Епископы латинского и восточного обряда наконец были уравниены в своих правах, чего они добивались со времени Брестского собора 1596 года, но униатская церковь потеряла свою независимость. Правительство и Рим одинаково не доверяли Галицийской унии, ставшей национально-украинской и борющейся против латинизации. Это сказалось в том, что на территории унии установлено пять латинских епархий и всего три униатских. Вообще униатство было заперто в пределах Восточной Галиции. На одну латинскую епархию приходилось 750 000 человек, на униатскую — 1 500 000 человек²⁵.

Восточный обряд в конкордате не упоминался, хотя Альбертин уже действовал, и о нем много писали. Вместе с тем в конкордат была помещена ст. XVIII такого содержания:

«Духовенства и верующие всех обрядов, находящиеся вне своих епархий, подлежат власти местного епископа, согласно каноническому праву».

Статья эта, с одной стороны, закрывала доступ униатской иерархии и клиру Восточной Галиции на территорию Волыни, Полесья и Холмщины, а с другой — дело унии на этих территориях передавала в руки католической иерархии и лишало унию национально-украинского характера.

Это было естественно, ибо еще в 1921 году подляшский епископ Пшездецкий заявил, что на Подляшье народ не принимает униатских священников из Галиции и вообще не желает унии в ее галицийском виде²⁶.

Рим имел в виду создать особую иерархию «восточного обряда», которая не была бы связана ни с Православием, ни с унией старых времен и родилась бы из недр католической церкви. Насколько эта надежда была основательной — вопрос особый. Пока же пользовались так называемыми перелетами, т.е. православными священниками, переходившими в юрисдикцию Рима, и надзор за ними, как и все руководство «восточным обрядом», поручался католическому епископату латинского обряда. Ко времени подписания конкордата уже выяснилось, что среди православного духовенства не оказалось достаточного числа «перелетов» в «восточный обряд» и что те, кто переходит, немного стоят, но другого выхода пока не было.

Все в этом мире меняется. Переменились в корне и воззрения католического епископата на унию.

Непосредственно после Брестской унии польские епископы писали в Рим, что «уничтожение русского (восточного) обряда или во всяком случае облегчение русским принятия латинского обряда сильно укрепит вовне единство церкви и затруднит возвращение русского народа в дизию (Православие), ибо история учит, что уния восточных церквей недолговечна», и кроме того указывалось, что «разные обряды в одной Церкви создают споры и недоразумения». Наконец, обращалось внимание на то, что при растущем русском населении «восточный обряд» может стать более распространенным, чем латинский.

Папа Урбан VIII под давлением иезуитов все-таки 7 февраля 1624 года запретил без специального разрешения апостольского престола переменять «восточный обряд» на латинский²⁷.

Теперь уже сами католические епископы в Польше брали на себя заботу о «восточном обряде» и вынуждены были тратить силы на совершенно бесполезное занятие. Поддержка латинским духовенством восточного православного обряда есть гримаса истории.

Однако эта гримаса становится реальным фактом, ибо на Пинской конференции в 1930 году епископ Пшездецкий привел слова Пия XI: «Выступающий против этого дела — не католик»²⁸.

Впрочем, Рим имел на этот счет свой печальный опыт и принял свои меры. Ст. X дополнительного к конкордату с Россией протокола от 22 июля (3 августа) 1847 г. постановляло:

«В целях предоставления греко-унитам, которые еще остались в Империи, свободного вероисповедания их веры, уполномоченный папы предложил, чтобы до тех пор, пока они не будут иметь епископа собственного обряда, могли ими управлять латинские епископы в том смысле, как это установлено для армян»²⁹.

Положение это фактически было принято русским правительством.

Этих обязанностей латинские епископы не выполнили.

«В Риме осталось болезненное воспоминание о бывших унитах, — говорит А.Буду, — с болью думали о их печальной судьбе, и все, что было связано с их делом, являлось чувствительным местом; на основании бреве *Ubi inscuta bi li* от 3 июля 1848 г., Пий IX отдавал унитам во временную юрисдикцию латинских епископов и в горячих словах возлагал на них опеку над унитами. Слова папы оказались мертвой буквой. Они «были оставлены самим себе как в жизни, так и в смерти». 74 священника и монаха, которые остались верными своему обряду, принуждены были вести нищенскую жизнь светских людей. Рим обратился к римо-католическому епископу Жилинскому с суровым напоминанием, требуя быстро исправить ошибку»³⁰.

Теперь напоминать не нужно было.

Еще до ратификации конкордата, обсуждение которого в Сенате было закончено 23 апреля, папский нунций в Польше известил 4 апреля 1925 г. римо-католических епископов Виленского, Минского, Люблинского, Луцкого, что им даются те же полномочия, которые 10 декабря 1923 г. получил епископ Пшездецкий, и они должны пользоваться той же инструкцией.

В этой инструкции, между прочим, было указано, что католические епископы могут освобождать от церковных наказаний священников, возвращающихся из Православия в католичество, за исключением епис-

копов. Это значило прежде всего, что Рим считает всех христиан католиками и что пребывание в Православии, хотя бы от самого крещения, есть только недоразумение, и переход в католичество есть не больше как возвращение, и поэтому католическим епископам присвоены права юрисдикционной власти над православными, даже когда они пребывали в Церкви Православной. Вот почему католические епископы принимали и принимают православных ренегатов — запрещенных и расстриг — в их сущем сани, как будто они и не подвергались в законном порядке прещениям.

Это не что иное, как проявление со стороны Рима церковного нигилизма³¹.

Съезд этих епископов в том же 1925 году обратился в Рим с просьбой создать особую комиссию по руководству новоуниатской работой.

Восточная конгрегация приняла это к сведению и обещала организовать Комиссию, а пока рекомендовала епископам работать в согласии.

При обсуждении конкордата в польском Сейме много говорилось о миссионерских намерениях Рима в отношении России и замечали, что это может отразиться на интересах Польши.

В частности, социалист Чаплинский заявил:

«Когда, например, Рим имеет пред собою великую, со своей точки зрения, цель обращения православных еретиков Востока, то во имя этой великой цели он может пренебречь государственными интересами Польши так же, как он пренебрегал много раз»³². Вообще много говорилось о пагубном влиянии Рима на Польшу, но слова эти не имели никакого практического значения. На этом дело и кончилось. О Православной Церкви никто не думал, и казалось, что все это происходит не в XX веке, а в XVII веке, и на трибуне ораторствует не член Сейма — докладчик, а иезуит Скарга. Польша за время своего подчиненного положения ровно ничему не научилась и пожелала полностью продолжать ту религиозную политику XVII века, которая и привела ее, между иными факторами, к падению.

В иных обстоятельствах это и повторилось в 1939 году.

4

В 1929 году неожиданно был устранен за свои бывшие связи с архиепископом Евлогием Луцкий римско-католический епископ Дубовский, и на его место был назначен Шелонзак. Епископ Шелонзак сейчас же в начале своей пастырской деятельности на Волыни обратил внимание также на необходимость организации «восточного обряда»³³. К этим двум лицам — епископам Пшездецкому и Шелонзаку — присоединились митрополит Виленский Ялбржиковский и епископ Пинский Лозинский.

Последний вел униатскую работу в Петербурге перед войной. Эти лица собрались 9 ноября 1926 года в Вильно на съезд и, обсудивши вопрос о совращении православных, после совещания с теми православными священниками, которые перешли в унию, в том числе и с бывшим архимандритом Морозовым, признали, что:

«Польские епископы обязаны упорно стремиться к соединению православных с католической церковью: 1) оставляя им обряд, которого они хотят; 2) проповедовать на языке, на котором они желают слу-

шать проповедь, и 3) создавать приходы там, где будет находиться значительное количество обращенных.

С другой стороны, препятствия к объединительной работе и предоставление разлагающейся Православной Церкви в Польше своей судьбе может повлечь за собой для страны неисчислимый вред в виде наводнения наших восточных рубежей коммунизмом и безбожничеством». Конференции польских католических епископов по вопросам унии, кроме указанной, состоялись в 1925 г. в Варшаве, в 1928 г. — в Гнезно и во Львове и в Познани в 1929 г. Сведений о занятиях этих конференций мы не имеем³⁴.

Поэтому были установлены меры предосторожности при принятии православных священников в унию, а по вопросу о сохранении слова «православный» было разъяснено, что:

«В проповедях надлежит ясно подчеркивать, что обращенный становится членом католической церкви восточно-славянского обряда без прибавления слова “православный”. Слово “православный”, хотя само по себе и хорошее слово, но имеет специфическое значение, а именно православие противопоставляется католичеству.

Меры предосторожности ничего не дали, и уже в 1927 году с большим шумом архимандрит Ф. Морозов вернулся в Православие.

Так была намечена программа осуществления «восточного обряда» в Польше на территории сплошного почти четырехмиллионного русского православного населения.

В основу ее клалась любовь к «отделенным братьям», и все должно совершаться по чину, убеждению и доброй воле. Для насилья еще не наступило время. На первый план выдвигались лезть и соблазн. Налицо был лисий хвост, волчьи зубы были еще спрятаны.

Обстановка казалась благоприятной. Католическая церковь заняла «первенствующее положение». Православие должно бы понять, что на нем лежит ответственность за все неприятности, которые имело католическое духовенство от русского правительства. Была ли в этом вина римо-католического духовенства — над этим не задумывались.

Православие было подорвано. Россия плавала в революционном тумане.

Война все расшатала. После войны Волынь оказалась местом столкновения поляков с большевиками, большевиков с украинцами, украинцев с поляками. Гражданская война оставила на польской территории некоторый элемент, которому некуда было деться. Отдельные лица стали просачиваться в ряды сановитого и родовитого волынского кадрового духовенства и получили посвящение в эти смутные времена. Положение православного духовенства было и оставалось тяжелым, оно не было обеспечено ни в правовом, ни в материальном смысле и испытывало на себе все пренебрежительное отношение польских чиновников. Для некоторых слабых душ казалось соблазнительным перейти в ограду католической церкви; тем более, что не требовалось ничего, кроме «молитвы за папу и епископа». В унию шли просто авантюристы и влекли за собой морально ослабевшую крестьянскую массу, которая при помощи подачи заявления католическому епископу приобретала расположение полиции и мелких властей на местах, а иногда и некоторые материальные выгоды, ибо в таком случае возвращались отобранные приходские земли, открывались запечатанные храмы.

При помощи унии сводились счеты с нежелательными настоятелями приходов. Все это было, однако, непрочно и легкомысленно.

Католические епископы с распростертыми объятиями принимали в унию в сущем сани православных расстриг и не обращали никакого внимания на то, какие знаки духовного сана, вплоть до митры, возлагали на себя перешедшие в унию. Этот неустойчивый и авантюристический элемент без труда возвращался в Православие. Еще легче возвращались в Православие приходы, которые считали переход в унию «комедией» и просили православное духовное начальство не придавать этому никакого значения.

Так началось темное дело разложения православной приходской жизни в Польше при помощи «восточного обряда». Католической церкви это ничего не давало, но пока было достаточно и этого.

Православная церковь была бессильна против применения католиками всех форм православного культа, против недостойного маскарадного переодевания в православные одежды и облачения, профанации церковного чина и нарушения благочиния и пристойности.

Католическое духовенство теряло свой разум и проявляло исключительное легкомыслие, разрушая уважение народа к церкви. Рано или поздно это должно было отразиться и на самом католичестве, которое выявляло новую форму церковного нигилизма. Рим приносил в жертву политике церковность.

«Внутренними распрями в лоне схизмы могла бы воспользоваться католическая пропаганда», — говорил ксендз Ростворовский.

Эти «распри» создавал в Польше «восточный обряд» — источник осложнений. Иезуиты это отлично понимали пользовались этим совершенно сознательно.

Православный миссионер священник С.Дюков говорил в декабре 1926 г. на Полесском епархиальном собрании:

«Об унии в той форме, в которой она пропагандируется, пасомые и слушать не хотят.

Пропаганда унии («восточного обряда») привела лишь к иудиному греху среди пастырей; с этого, впрочем, она и началась, этого только пока и достигла.

Ведь ни для кого не тайна, что все эти предательства вызываются явно и исключительно мирскими мотивами.

Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что по общему правилу наши пасомые идут за пастырями-вероотступниками лишь до тех пор, пока не узнают о его предательстве»³⁵.

Началась в Польше эпоха разрушительной любви Запада к Востоку.

Глава седьмая

Разрушительная любовь

1

Познать и полюбить — вот пути единения Востока и Запада.

Заявив о своей любви к Востоку — России *ubi et orbi*, наговорив массу любезностей по поводу русского благочестия и возвеличив православный обряд, — Рим полагал, что главное сделано.

Оказалось, однако, что ничего не произошло или даже произошло нечто неожиданное и горестное.

Блестящий дипломат и тайный чрезвычайный посол Ватикана к Советам Монс-р д'Эрбиньи не только не достиг никакого успеха, но поставил Рим в весьма тяжелое положение. Советы не проявили никакого понимания тонкого обращения д'Эрбиньи. Воспользовались его визитом, поскольку это было возможно, и пошли своей дорогой. Обновленцы также никакой пользы не принесли. Власть явно переходила в руки м. Сергия, то есть патриаршей церкви.

Монс-р д'Эрбиньи был возведен в сан епископа и в 1926 году снова отправился в Россию, чтобы как-нибудь восстановить разрушения, произведенные большевиками в организации католической церкви. Поляки окончательно были принесены в жертву, и д'Эрбиньи кое-кого из других народностей поставил епископами. Все это было весьма печально и незначительно. К тому же авторитет Ватикана в глазах большевиков потерял всякое значение.

Не произошло никакого сближения и с Православной Церковью, и не могло произойти. Идти на подчинение Риму не было ни у кого ни желания, ни возможности. Рим в общем был бессилен, ни Православной Церкви, ни иерархии в России он ничем помочь не мог. Не мог папа помочь католикам, еще менее было возможностей в отношении православных. Патриарха Тихона освободил из тюрьмы авторитет Англии, совместное выступление английского правительства и архиепископа Кентерберийского. Это в России отлично все знали.

Ко всему этому присоединились наступления католического духовенства на Православие в Польше. Распространению сведений о насилиях в Польше большевики не препятствовали.

Иезуиты были убеждены, что православная иерархия в Польше, испытывая гнет правительства и ожидая худшего, пойдет на соглашение, как это было в XVI веке, тем более что Рим стал гораздо приветливее. Этого тоже не произошло. Наоборот, иерархия перешла в наступление. Появился очень способный, можно сказать блестящий, публицист *Vox**.

* Юрий Германович Рошицкий происходил из смешанной семьи — отец православный, мать католичка. Окончил гимназию в Варшаве и С.-Петербургский университет; готовился к научной деятельности. Он в совершенстве владел польским языком. Преданный Православной Церкви, он прекрасно вел работу секретаря Синода. Работать

и стал наносить на страницах «Воскресного чтения» сокрушительные удары не только по «восточному обряду», но и по претензиям самого католичества. Православие оказалось более жизненным и упорным, чем это предполагали инициаторы его подчинения Риму.

И в России, и в Польше православные уповали на милость Божью и полагали свою силу в верности вере отцов.

«Снизу или сверху?» — спрашивал в 1933 г. о. Я.Урбан, посевший в борьбе за соединение.

«Униинное движение в Польше направлено непосредственно к народу. Почему? Потому что православная иерархия остается глухой на призывы, приходящие к ней от католической церкви.

Огромное большинство православного епископата было и остается глухим на повторные призывы Рима. Пий IX даже послал православным епископам Востока приглашение на Ватиканский собор — ответили отсутствием. На энциклики Льва XIII и Пия XI ответили контр-энцикликами».

Но этого мало: «Участвуют в протестантских конгрессах ложно называемых всехристианским, их видел Стокгольм, видела Лозанна», а «когда речь идет о католиках, то православная иерархия избегает всякого с ними общения, как греха смертельного».

А между тем: «О призывах Рима к католическому единству православные епископы знают; знают они также и о том, как бы возросло их достоинство и авторитет, опирающийся на Петрову скалу, хотя бы в отношении внешних политических сил».

Вот почему не «пробуем унию сверху».

Дав эти прекрасные свидетельства стойкости, независимости и ответственности православной иерархии, о. Я.Урбан в дальнейшем меняет тон скорбного упрека и переходит к строгостям.

«Ватиканский собор установил, что папа является для всех непосредственным пастырем, независимо от существования иных пастырей-епископов».

И потому: «Мы имеем право непосредственно заботиться о тех, которые хотя и имеют своих пастырей, но они не ведут их на пастбище Христова дорогой, указанной Спасителем. Мы имеем право послать к ним других пастырей, которые не будут, как те, наемники. Папа и диссидентская иерархия — это не две равные и независимые силы, вроде политических владык двух соседних стран. Недобросовестно усиливать ирриденду среди чужих подданных в пользу своей страны, но Церковь едина, и нет страны, которая была бы чужой для единого наивысшего владыки, которого поставил Христос, его невидимый Глава»¹.

Постановка вопроса ясная и закрывающая путь к единению. Вместе с тем нельзя понять, как можно все это согласовать со всем тем, что говорилось и говорится с высоты римской кафедры. По-видимому,

с ним было легко. За семь лет совместной работы не было ни малейшего расхождения. В 1939 году он вынужден был покинуть митрополию и перешел на службу в городское самоуправление. После оккупации Варшавы немцами он вернулся к церковной работе. Вскоре, однако, произошло столкновение между митрополитом Дионисием и митрополитом Серафимом (Ляде), в связи с чем Рошицкий оказался в концентрационном лагере, где вскоре и погиб в полном расцвете сил. Его статьи по вопросам взаимоотношений католичества и Православия исключительны по выразительности и знанию дела. Они должны быть собраны воедино. Они печатались в журнале «Воскресное чтение».

практические деятели соединения за слова папы не отвечают и значения им не придают.

Рим ищет единения с Православием в духе любви. Миссионеры Рима прямо входят в чужую овчарню, не скрывая своих намерений. Этим они нарушают порядок и благочиние не только в ограде чужой Церкви, но вообще в христианском обществе. По слову Евангелия, это не пастыри, а волки.

История своим повторением только укрепляет истину. Всякое единение, которое начинает Рим, еще более углубляет разъединение.

Рядом с этими сухими угрозами всегда располагается сладкая лесть и соблазн.

А.Поссевин обещал Ивану Грозному византийскую корону в самом Царьграде.

Лев XIII обещает славянским церквям в случае соединения «благоденствие и великую славу». Окружное послание Вселенского патриарха на это с достоинством ответило:

«По милости Божьей они обладают сими благами, твердо пребывая в отеческом Православии и хвалясь о Христе своею правою верою»².

Иезуиты в Польше соблазнили иерархию возражением их «достоинства и авторитета». Власть папы освободит православных епископов от власти католического правительства. Нельзя не признать, что иезуиты большие реалисты, вот почему и не удается дело соединения; его можно создать совсем на ином основании.

Иерархия молчала. А между тем «апостольство на Востоке стало одной из важнейших забот Церкви», — замечает председатель Русской коллегии ксендз Ф. де Реги³.

«Представители церковных властей, — говорилось на VI Пинской конференции в 1937 г., — во главе с Апостолическим престолом и епископатам всего католического мира, считают дело единения православного народа с римо-католической церковью, в особенности проживающего в настоящее время в границах возрожденной Польши, одной из значительнейших задач, которую должна в текущее время выполнить церковь в круге своей миссионерской работы. Св. отец засвидетельствовал, что дело соединения Церквей настолько близко его сердцу, что он считает его не только за одно из своих дел, но делом, которое должно знаменовать его понтификат»^{3а}.

И не только для церкви. Еще раньше министр исповеданий сказал в Комиссии Польского сейма: «Усилиям восстановления церковного единства восточной и западной церковью правительство посвящает особое внимание, особенно на польском участке»⁴. «Усилия эти бесцельны, — заявляет в заседании миссионерского Комитета в Варшаве протопресвитер о. Т.Теодорович, побывав предварительно на докладе в Католическом доме, — Рим не обладает ничем таким, что могло бы обогатить Православие. В странах католических, в том числе и в Польше, падает религиозность и растет преступность»⁵. Это с религиозно-нравственной стороны. С точки зрения государственно-общественной дело обстоит не лучше.

«Католичество нисколько не гарантировало Западную Европу, — замечает Н.Бердяев, — от реформации, от французской революции, от просветительства XVIII в., от Маркса и Ницше, от религиозного индифферентизма, от активного безбожия и вражды к христианству»⁶; и от гражданской войны в Испании — можно добавить.

Все это в глазах католических миссионеров ровно ничего не значит. Апостолический престол раскрывает свои объятия, это обязывает. Рим знает путь спасения; если православные с этим не считаются, тем хуже для них. Упорство должно быть преодолено.

Во всяком случае, восточная ветвь ордена иезуитов образована, и она должна действовать.

4 ноября 1924 г. эта миссия обосновалась в Альбертине. Вместе с тем оказалось, что никаких «других пастырей», которыми она могла бы заменить православных «наемников», у нее не было. Не было их и у епископа Пшездецкого, и вообще ни у кого, кто проводил «восточный обряд». Тогда обратились к православным пастырям, которые пожела-ли бы изменить своей Церкви и иерархии. Пастырей не нашли, но обрели «наемников». И на этом фундаменте, на этой «скале Петра» стали создавать дело единения Церквей в любви и правде.

Образовался особый вид духовенства, который народ назвал «перелетами». В движение пришел православный народ. Поднялся православный на православного. Русь на Русь.

Рим выполняет свое призвание в отношении восточных церквей. Он, по словам профессора Нехай, «с достоинством открыто и сердечно реализует повеление Иисуса Христа о единой овчарне и едином пастыре»⁷.

2

Запрещенный в священнослужении за пьянство и другие проступки прот. Марк Ячиновский был послан осенью 1924 г. на должность псаломщика в приход Дikuшки Виленской епархии. В приходе он образовал вокруг себя небольшую группу прихожан, недовольных настоятелем. Засим он куда-то отбыл и вернулся в новой рясе, с деньгами и, как всегда, пьяный и стал таинственно собирать подписи прихожан. В результате, на основании распоряжения католической Духовной Консистории в Вильно от 17 марта 1925 г., он вступил в управление Дikuшским приходом. 22 марта в конце литургии М.Ячиновский ворвался в алтарь, схватил церковные ключи и передал их своим сообщникам. Сам облачился в фелюнь, вышел на солею и приветствовал народ с принятием унии. Православные покинули храм, а Ячиновский в присутствии немногочисленных новоуниатов стал служить молебен. Засим он запер двери храма и ключ унес с собою. 29 марта прибыли виленский протоиерей И.Дзичковский и ряд священников. Потребовали, чтобы Ячиновский открыл храм; после некоторого спора храм был открыт. Ячиновский вошел вместе с другими в епитрахили, но был удален. Была торжественная соборная служба. Народ плакал, исповедовался и приобщался, был крестный ход. Новоуниаты оставили своего руководителя и публично приносили покаяние. Был составлен приговор «ни за что на свете не отдавать своей церкви унии, держать свою св. православную веру» и быть в послушании своему епископу.

«Так, благодарение Богу, — заключает корреспондент, — закончилась неудачей дерзкая и святотатственная попытка, клонившаяся к полному уничтожению многолюдного православного прихода»⁸.

В этом столкновении православных возле родной церкви католических миссионеров мы не видим. Пока они в стороне — они весьма довольны беспорядком в приходе. Ячиновский — это как раз тот пастырь, который нужен Риму.

14 апреля 1925 года Евгений Слезко, священник из псаломщиков села Озеро Волынской епархии, со всей своей семьей, кроме двух младших, которые сбежали в пути, отправился в Луцк и был принят в католичество Луцким епископом Дубовским, к которому он прибыл из прихода. Епископ вручил ему антиминос и поручил организовать в селе Озеро приход «восточного обряда». Нужно было собрать 150 подписей; он стал объезжать свой обширный приход и разными обещаниями, скрывая, что он принял католичество, собрал 83 подписи в том смысле, что его желают и дальше иметь священником. Все это стало известно епархиальной власти; вероотступник был извержен из сана и на его место прибыл священник И.Таношевич. Слезко отказался передать церковь и дом. Ввиду этого в село Озеро прибыл ряд протоиереев из Луцка и собрали приходское собрание на погосте церкви. Когда выяснилось, в чем дело, все прихожане единогласно заявили, что они по-прежнему остаются православными. Слезко все-таки упорствовал и церкви не открывал, наоборот, повесил свой замок. По распоряжению митрополита Дионисия церковь была открыта и передана православному приходу.

И здесь католические миссионеры остались за кулисами. Им вполне достаточно было беспорядков в православном приходе и разговоров об унии. Это способ пропаганды⁹.

В дальнейшем выяснилась и истинная причина перехода Слезко в католичество. Он совершил ряд незаконных действий в связи с распоряжением приходским имуществом, и ему угрожала ответственность. После отобрания от него церкви он не успокоился; он все же приходский дом оставил за собой, утверждая, что он построен на его средства. Кроме того, он не возвратил части метрических книг и церковной утвари. Началась судебная волокита по поводу выселения Слезко из церковного дома.

Засим он перешел в наступление и, получив средства от католической миссии, 18 августа 1925 г., ночью, на церковной земле, поставил католический крест, а засим под охраной полиции приступил к постройке часовни «восточного обряда». Епархиальные власти пытались восстановить права прихода на собственную землю, но из этого ничего не вышло, и 18 октября часовню освятил римо-католический епископ Годлевский при участии воеводы и остальных властей и в отсутствие местного населения. Было небольшое число новоуниатов и любопытных; в торжестве участвовал оркестр музыки и привлек публику. Все-таки народу наглядно были показаны преимущества «восточного обряда». Слезко стал привлекать народ, между прочим, тем, что совершал браки, не обращая внимания на церковные правила; народ потянулся из дальних углов, узнав о таком замечательном священнике «почти» православном и вообще «кто его там разберет». Так как приход его «распространялся от Буга до Днепра», то он венчал всех, кто бы откуда не явился. Вообще трудно было найти кандидата на место священника в Озеро, так как власти не давали своего согласия. Дальше дело пошло еще бодрее. «Слезко стал разъезжать с хором певчих по соседним католическим костелам и совершать в них богослужения на славянском языке. Так было в Киверцах, Софиевке, Рожинцах и т.д. После богослужений Слезко поносил православное духовенство. Наконец, возмутились католики и Слезко перестали пускать в костелы, тогда он стал служить в частных домах и даже на улице.

По этому поводу г. Vox резонно заметил: «Конечно, подобные безобразия никого в католичество не совратят, но зато несомненно вызывают в народе соблазн и развивают индифферентизм к вере, неуважение к святыням и пренебрежение к пастырям Церкви Божьей¹⁰».

Дальнейшая судьба Слезко оказалась печальной. Он попал под суд, отбыл наказание, с покаянием вернулся в Православие и имел вид потерянного и разбитого человека.

18 августа 1925 года в виленских газетах появилось письмо архимандрита Филиппа Морозова, бывшего ректора Виленской духовной семинарии, окончившего Духовную академию, состоящего в братии исторического Свято-Духовского монастыря.

В письме архимандрит писал между прочим:

«После долгого размышления я решился на важный шаг: постановил стать членом той религиозной общины, которая подчиняется наивысшему пастырю, епископу Римскому. Этим актом я выполняю только веление собственной совести, убежденной, что лишь та истинная христианская церковь, где есть апостол Петр со своими последователями».

Далее он уверяет, что в его «поступке нет никакой измены тому, что всем нам должно быть дорого: подлинной вере и принадлежности к собственному народу», и сделана обязательная ссылка в таких случаях на В. Соловьева.

Письмо заканчивается весьма патетически:

«Любя Христа и Его Святую Церковь, буду и впредь в Нем любить вас, мои братья, и молиться буду о той милости для вас, которую Наивысший уделил мне, а именно: чтобы вас как можно больше пришло на ту высоту, на которой Избавитель наш построил свою Церковь и на которой только и можно сохранять истинную Православную христианскую веру в настоящее время смуты и разъединения. Ищите опоры для вашей церкви не в Москве и не в Константинополе, и не у протестантов, а только в Риме — в этом истинном центре христианского объединения».

Накануне, 17 августа, архимандрит Морозов между прочим писал Виленскому Владыке Феодосию, «что слухи об измене моей великой Православной Церкви ложны». Тем не менее он изменил.

И на православных, и на католиков факт этот произвел громадное впечатление. Польская печать отметила, что этот поступок архимандрита Морозова, являющийся новым доказательством разложения Православной Церкви, произвел в Вильне громадное впечатление». «Этот случай вновь подтверждает жизненность католичества, несравненная организация и учение которого привлекает к себе самые благородные умы».

Русская печать понимала дело просто:

«Архимандрит Морозов Филипп — не философ, а лишь один из тех иерархов, который мечтает о блестящей карьере, но, не оцененный высшей иерархией, обиделся и поторопился уйти, чтобы окончательно не упасть. Только и всего. Поэтому его призывы останутся висеть в воздухе, и никого он за собой не увлечет» («Сегодня»).

Морозов человек талантливый, образованный, оратор с представительной внешностью. Он предназначен к высокому посту, а поста нет. Православная Церковь в Польше организуется, и ему не отведено то место, которого он заслуживает. Он на «епископской» линии — однако его обходят. Так складывалось то настроение, которое привело Морозо-

ва в Рим. Он виделся с папой. В Риме были изумлены, но и не очень обрадованы, там и без о. Филиппа много претендентов на высокие места. Его приняли и послали в Вильно. Это была ошибка Рима. В Вильно его можно было послать только нареченным епископом. Этого не сделали.

Во всяком случае, Морозову приспособили августиановский храм для богослужений по «восточному обряду». Получился полный соблазн и для католиков. Ф. Морозов стал служить в сущем сани, а между тем на нем лежало запрещение православного епископа, которого в Вильно уважали. Он принес с собой архимандритский крест и великолепную митру, но весь блеск православного обряда остался в православном храме Св. Духовского монастыря. В новом месте все было примитивно, ново, раздражительно. Не с кем было соборно служить, некому петь и до его слуха доносились звуки великолепных православных песнопений.

Совершенно правильно тогда же заметил г. Vox, что «бывший архимандрит не был, а лишь казался большим человеком», и когда в том же Вильно загремела в православном храме ему, как отступнику, анафема, — он почувствовал, что «скала Петра» вовсе не такая прочная основа¹¹.

С большим достоинством Православная Церковь переносила этот удар. Ф. Морозов должен был «миссионерствовать» среди православных, где он вчера миссионерствовал как православный. Только иезуиты могли послать его на такую пытку.

Из миссионерства ничего не выходило. Вместе с тем возникли осложнения со стороны совсем неожиданной. По-видимому, предполагалось, что Морозов переходит просто в католичество, он остался в «восточном обряде» и по этому обряду стал служить в католическом костеле в Вильно.

«В этой пышной восточной обрядовой стороне часть католического духовенства усматривает теперь опасность и в польской клерикальной национальной прессе уже раздаются голоса с требованием прекратить эти богослужения «восточного обряда», в костеле и отвести о. Филиппу православную церковь». («Сегодня»).

Польская печать готова предоставить Морозову вести католическую пропаганду «среди русских, но исключительно эмигрантов»; что же касается местного православного населения, то оно предназначено не для «восточного обряда», а к «латинскому католицизму».

«Это — сфера нашей культурной экспансии, и здесь какие бы то ни было намерения униатского священника должны встретиться с самым решительным и резким нашим возражением» («Дневник Виленский»).

Мало того, боялись, что Морозов совратит католиков в «восточный обряд».

Овладеть положением Морозов не сумел — Рим его не поддержал. Он оказался ни там, ни здесь, повторилась старая история.

Так продолжалось полтора года.

В январе 1927 г. Филипп Морозов обратился с прощальным письмом к римо-католическому виленскому митрополиту Яблжиковскому и в нем писал:

«Время соединения церквей еще не приспело. После моей полуторагодовой самоотверженной работы на пользу соединения церквей для меня лично теперь совершенно ясно, что со стороны именно представи-

телей Западной Церкви нет евангельской подготовки для этого соединения. У католической иерархии отсутствует истинно католическое отношение к Православию, то есть в духе Вселенской Христовой Церкви, и наоборот: гордость, самомнение и недостаток христианской любви характеризуют это отношение.

После съезда польских кресовых епископов (9–10 ноября 1926 г.) не может быть и речи о нормальном соединении церквей. Пользование в деле католической пропаганды духовными лицами, изверженными из Православия, как отбросы, — пользование ими только потому, что они на все согласны и с удовольствием могут грязнить Православие, ясно свидетельствует о том, что католические иерархи не только не хотят зарывать вырытой человеческими руками пропасти между церквями, но с помощью наемных рабочих ее углубляют. Очевидно, Провидению угодно, чтобы Православная Церковь пребывала и далее в отдалении от католической и через это сохраняла свои вековые духовные ценности, до тех пор, пока католическая церковь не окажется способной к евангельскому единению с православной»¹².

Говорят, что митрополит Яблжиковский, прочтя это письмо, сказал: «Конец унии», и все это произошло в районе деятельности Альбертина. Иезуиты чего-то недосмотрели.

9 января по старому стилю 1927 г. в день памяти св. Филиппа, митрополита Московского, небесного покровителя архимандрита Морозова, он был воссоединен с Православной Церковью в Св. Духовском монастыре в Вильно. Чин соединения совершил архиепископ Феодосий. На Морозова была наложена епитимия, хотя и принят он был в сущем сане архимандрита. Присутствовала группа униатов Августинского костела, поздравляла его и обещала за ним последовать.

Митрополит Яблжиковский был вызван папой в Рим для объяснений¹³.

Так окончилась эта шумевшая история. Пережитое наложило на архимандрита Морозова неизгладимую печать. Он был подорван на всю жизнь. Продолжая служить по церковной администрации, неся обязанности миссионера, он производил впечатление человека, духовно отравленного и познавшего сущность вещей. Здесь он проявил себя поистине человеком большой души.

Тем не менее некоторое время борьба еще продолжалась, и архимандрит Морозов наносил жестокие удары своим соблазнителям.

В ноябре 1927 г. в Вильно был созван православный миссионерский съезд, между прочим для борьбы с пропагандой унии и католицизма среди православного населения. По этому поводу польский епископат обратился к министру исповеданий с просьбой запретить съезд, так как он «должен вызвать во всем католическом обществе сильное возбуждение и даже привести к нарушению общественного порядка в Вильне, а также в тех частях Польши, где проживают православные среди католиков, а равно вызвать напряженные и враждебные отношения между православными и католиками. Начало этой борьбы уже проявится в восточных епархиях Польши».

На это бесцеремонное требование, препятствующее самозащите православных, архимандрит Морозов ответил открытым письмом на имя секретаря католического епископата в Польше епископа Лукомского.

В очень обширном письме архимандрит Морозов говорит:

«Православие стремится к созданию Царства Божия “не от мира сего” (Иоан. 18, 31) и оно утверждается по вертикали — вглубь и ввысь, посему оно не может быть “агрессивным”, но, интуитивно и мистически ощущая свою истинность, оно, как обладающее полнотою Откровения, лишь оберегает свою чистоту и сущность».

И далее:

«Ваше Преосвященство! Обращаясь за помощью к светской власти, Вы хотите приставить к Православию “почетную стражу” (Мф. 27, 64). Стоит ли именно теперь это делать? Ведь Православие и так переживает Голгофу: оно висит на кресте, созданном европейским атеизмом. Мало того, наступил уже самый страшный час, выше разума тварного, момент даже из часов голгофских страданий. Представители нашей Церкви в чувстве “богооставленности” восклицают: “Боже мой! Боже мой! Зачем Ты Меня оставил?” (Мф. 27, 46), как некогда воскликнул и Сам Сын Божий. Разве известное послание митрополита Сергия, Местоблюстителя патриаршего престола в Москве, не есть подобный возглас? Деется ныне в истории страшная и кровавая тайна... “Да молчит всякая плоть человека“».

И заканчивает с большой силой:

«Подождите еще немного, Ваше Преосвященство! Скоро придет надобность для “стражи”. Близок уже и тот последний момент, когда наша Церковь воскликнет: “Свершилось! Отче! в руце Твои предаю дух Мой” (Иоан. 19, 30; Лук. 24, 46). Вот тогда-то и нужна светская стража: ведь неминуемо наступит для Православия — первый великий “день Пасхи”, после кровавой великой “Пятницы” и после тихой, спокойной до жуткости великой “Субботы”. Да, именно тогда нужно Вам, Ваше Преосвященство, скорее спешить со своей стражей, иначе — во гробе Православия останутся только одни пелены “Воскресшего Мертвеца”»¹⁴.

Съезд состоялся. Архимандрит Морозов еще долгое время оставался одним из самых тяжелых поражений, понесенных «восточным обрядом» в Польше.

В Дрогичинском уезде Полесского воеводства до великой войны в селе Тароканы существовала церковь. После войны приход был закрыт, а церковь в 1925 г. насильем занята католиками и обращена в костел. Ходатайства населения о восстановлении прихода отклонялись. В 1926 году там появляется священник «восточного обряда» Евгений Ружицкий, покинувший Православие будто бы по несогласию на введение нового стиля, который, кстати сказать, вскоре был отменен. Он заявлял, что остался православным, только не признает власти митрополита Дионисия.

Католики вернули церковь. Восстановлен иконостас, внесены прежние иконы, в том числе преподобного Серафима Саровского. Ружицкий служит по-православному, но в проповедях поносит православное духовенство и иерархию. Обещая выгоды, склоняет соседнее духовенство на переход в унию. Все это не остается «без результата». Православное население пользуется его услугами и не видит в этом отпадения от Православия.

Сам Ружицкий, офицер военного времени, оказался в украинской армии, был посвящен в 1921 году. Потом служил на Воляни. Был обвинен в совершении подложных метрик, оказался за штатом. Затем выехал в Чехословакию. Потом вернулся, служил в Виленской епархии, снова был отдан под суд и пока дело проходило в консистории — перешел в унию¹⁵.

Федор Чистовский тоже служил в Виленской епархии. По разным жалобам было произведено расследование и сделано представление об его удалении. Тогда Чистовский перешел в унию и вернулся в бывший свой приход Николово уже священником «восточного обряда», отказавшись передать церковь и дом вновь назначенному священнику¹⁶.

Бывший прот. Гапонович Виленской епархии перешел в «восточный обряд», имел успех, потому что служил по-православному в ордемах и провозглашал многолетие императору Николаю II и всему царствующему дому¹⁷.

Запрещенный свящ. Седельникской церкви Гродненской епархии П.Щенснович перешел в католичество и 10 августа 1925 г. был лишен сана. Никто из прихода за ним не пошел, и он вынужден был оставить приход. На этом дело не кончилось, а только началось. Он не только увез с собою церковные сосуды и утварь и уничтожил опись церковного имущества, но передал католическому духовенству приписанную к приходу Подороскую церковь, которая и была переделана в костел. И начался долгий спор и беспорядок в приходе. Дело «апостольства» было исполнено.

Однако особых результатов такие способы не давали, и тогда был избран другой путь. Администрация закрывала церковь, не соглашалась на назначение священника и фактически ликвидировала приход. Ходатайства церковной власти и народа не дают результата. В этот момент является «апостол», «действующий в обличи православного священника», и говорит народу, что стоит только написать прошение римокатолическому «бискупу» — и церковь будет открыта, приход восстановлен, и кроме того, за требы не нужно будет ничего платить. Пишут прошение «бискупу» — и церковь открывается. Католики не нуждаются в разрешении властей на открытие прихода, у «апостола» оказываются даже кое-какие средства и налицо успех «восточного обряда».

Так произошло в Делятичах Гродненской епархии, в Бубеле, на Холмщине и т.д.

«Быть может, католическая церковь от всех этих действий и возрастает численно, но у нее не прибавится чести», — замечает г. Vox, рассказывая все эти печальные примеры любви Рима к Востоку¹⁸.

Все это непрочно. Единение быстро расстраивается, народ видит, что это не больше как «комедия», и каются пред православной иерархией. Каются и «наемники». 12 декабря 1926 г. за литургией в Пинском кафедральном соборе было совершено воссоединение униатского священника П.Щенсновича с Православной Церковью¹⁹.

19 декабря 1926 года группа униатов во главе с ксендзом Оношко захватила церковь в селе Ольпин, приписанную к Велемичскому приходу Полесской епархии. Оношко совершил богослужение и запер церковь своим замком. На сей раз дело окончилось в пользу православных, воевода приказал церковь возвратить, а православные должны были организовать стражу²⁰.

20 декабря 1925 года Чистовский, священник Голомысльского прихода Виленской епархии, перешел в «восточный обряд». Прихожане за ним не только не последовали, но составили приговор, что унии не желают. Прибывшее духовенство потребовало от Чистовского ключи, было воскресенье, и Чистовский скрылся в католическом костеле. Когда церковь открыли, то выяснилось, что Чистовским похищены все цер-

ковные облачения, весь круг богослужебных книг, два напрестольных креста, св. Евангелие, два антиминса, крестильный ящик и много икон. Все это было перевезено в костел. Полиция отказалась составить протокол. 6 января 1926 г. Чистовский снова проник в церковь, сломав железный болт у двери, и заявил, что церковь ему передана правительством. При попытке служить прихожане его прогнали. 20 февраля в отсутствие вновь назначенного священника Чистовский и трое его единомышленников, сломав окно, проникли в церковь, забрали иконы, кресты, хоругви, паникадило, семисвечник и три колокола весом около четырех пудов и все это перенесли в костел. «Вероотступник и грабитель Чистовский, — говорит Vox, — пользуется украденным имуществом, причтовым домом, церковной землей, не отдает метрических книг и печатей».

На жалобы власти не отвечают и хранят «сочувствующий» нейтралитет. Прихожане собирают деньги на покупку утвари.

«Католические храмы в восточных воеводствах, — говорит господин Vox, — становятся привычными и надежными складами похищенного в православных церквях имущества, и никто — ни католическое духовное начальство, ни власть гражданская — не видят в этом ничего ненормального»²¹.

Несмотря на все свои художества и темперамент, Чистовский не сделал карьеры в «восточном обряде» и даже, по его утверждению, «еще не присоединился к католической церкви» и 17 января 1928 года слезно просит митрополита Дионисия «простить мои вольные и невольные прегрешения»²². Оказалось, что за это время он уже раскаялся, был прощен и снова отпал. Ходатайство Чистовского Синод отклонил и постановил: «Лишенных священного сана за отпадение от своей родной православной веры и перехода в унию или католичество» принимать обратно только как мирян²³. «Перелеты» должны были задуматься.

Весьма колоритна фигура «апостола» единения Вл. Леснобродского, лишенного летом 1926 года сана. Потерпев неудачу у Люблинского епископа Фульмана, Леснобродский отправился в Вильно «в обетованную землю всех вероотступников» и стал священником «восточного обряда». По-видимому, и здесь Леснобродский, бывший офицер, человек достаточно интеллигентный, но излишне развязный, не произвел надлежащего впечатления и был взят только на совершенно безответственную роль агитатора. Он стал разъезжать по Польше и делать доклады. Говорил он бойко и главным образом излагал мотивы своего перехода в унию и обличал «темные стороны» Православия. Власти, за исключением военных, оказывали ему полное содействие, а полиция охраняла его от «эксцессов» православной молодежи. Добрался он и до Варшавы. Особого успеха его доклады не имели, но кое-какую публику собирали. И католикам было как-то неловко слушать невежественный вздор, который излагал Леснобродский под видом богословских и канонических доказательств. Много приятнее для слуха католиков было поношение русским человеком Православной Церкви и иерархии²⁴.

Очень скоро в эту «миссионерскую» работу Леснобродского вмешался прокурор Люблинского окружного суда и привлек его к ответственности за подлог документов по бракоразводному делу некоего Чугалова, что имело место перед его переходом в «восточный обряд». Для дела миссии это была очень неприятная история²⁵, тем не менее он продолжал публично выступать и читал доклады даже по-польски, от-

вратительно владея языком. Мало того, 16 января 1927 г. в Вильно в Августинановском костеле призывал народ громить квартиру «отступника» архимандрита Морозова. Слушатели его не поддержали²⁶.

В конце концов не выдержали и католики, и архиепископская виленская курия 2 декабря 1932 г. объявила, что «Леснобродский временно был принят Ф. Морозовым для сотрудничества в деле унии», но был устранен, и «всякая ссылка на принадлежность к виленской архиепископской курии не отвечает действительности»²⁷. На этом карьера бравого миссионера и закончилась.

Моисей Каминский, бывший священник Ятвеской церкви, лишенный сана, в качестве священника «восточного обряда» 26 сентября 1926 года является в местечке Скидель. Предварительно были расклеены объявления на русском языке, что на площади будет совершено богослужение. В православной церкви совершалась литургия, а миссионер на площади, возле храма, под охраной полиции, стал служить обедницу тоже по православному чину. Таких историй еще не было, подошли любопытные и начался спор о вере, полицейский устранял вопрошавших и вообще был на стороне Каминского. После литургии вышел православный крестный ход, тогда Каминский скрылся, оставив на площади стол. По словам наблюдателя, это было «коверкание православного богослужения на площади».

Таковы привилегии «восточного обряда», а вот какова православная действительность.

21 марта 1927 г. православный священник Федорович в Рогачах получил извещение от уездного старосты, что, так как в Рогачах нет штатного прихода, то и служить Федорович не может, и староста «считает за лучшее его выезд из уезда». Происходило это на Холмщине в Вельском уезде²⁸.

В селе Старый Бубель, на Подляшье, церковь была закрыта во время войны, и, несмотря на все ходатайства, власти не давали разрешения на ее открытие. Православные молились на паперти, у дверей храма. 25 января 1927 года отступник от Православия, священник «восточного обряда», в обличье православном, прибыл в Бубель и стал соблазнять народ. На нем был крест с украшениями, он показывал какой-то благодарственный адрес и обещал открыть церковь. Ничего из агитации не вышло, и он уехал²⁹. Церковь оставалась закрытой. Так продолжалось до 1931 года. В июне этого года, в отсутствие прихожан, которые были в соседней церкви, явился униатский священник, открыл церковь, закрытую больше десяти лет, и стал служить. Сбежался народ, прогнал униата, церковь снова была заперта, и ключи забрала полиция³⁰.

Борьбу с православными из-за этой церкви епископ Пшездзецкий вел с 1925 г. без всякого успеха, Бубель унии не принимал. В соседнем селе Старый Павлов действовал миссионер-отступник А. Никольский, но и он ничего поделать не мог. В 1930 году прихожане обращались к самому маршалу Пилсудскому — ответа не было, и, наконец, прихожане открыли церковь, привели священника и отказались на требование полиции освободить храм³¹. Наконец, и власти махнули на все это рукой. В 1938 году храм был разобран. Уния не победила, победило насилие.

Насколько была острая потребность в «миссионерах», видно из того, что служитель интерната для православных студентов-богословов в Варшаве, 20-летний Яков Кравчук, составил подложное удостоверение от имени митрополита Дионисия в том, что он окончил Виленскую

Духовную семинарию и был рукоположен в диаконы. Затем было другое удостоверение от Синода в том смысле, что он увольняется из числа студентов за его сочувствие унии. Все это было составлено крайне неграмотно. Он имел успех среди униатских духовных властей, был принят митрополитом Шептицким, служил в качестве диакона, был у униатского благочинного Пилипенко на Волыни и, в конце концов, попал в тюрьму³².

В октябре 1926 г. священник Тиховский перешел в унию и был настоятелем прихода «восточного обряда» в Костомолотах. 31 декабря 1927 г. он обратился с письмом к министру исповеданий, в котором говорит: «За время моего пребывания в униии я присмотрелся к методам обращения православных на унию и пришел к выводу, что способ этот не христианский, потому что он не только не ведет к какой-либо вере, но, наоборот, деморализует народ, отталкивая его от всякой веры и бросает этот несчастный православный народ в объятия анархии и большевизма». Обращая на это внимание, он говорит, что «ни в Костомолотах, Полосках, Зоблоции, Янове, Бубеле, Голе, Докудове, Тересполе³³, ни в одном селе на Подляшье нет униатов» и лучше было бы открыть православные храмы.

Одновременно этот молодой и искренний священник возвратился в Православие, собственно в юрисдикцию Православной Церкви, так как никакого исповедания католической веры он никому не приносил³⁴.

На Волыни, возле Луцка, в Цегове, в «восточный обряд» перешел Алексей Пелипенко, предварительно незаконно продав церковную землю. Он был в некотором смысле опорой восточной миссии, привлекал народ и сделан первым и единственным благочинным «восточного обряда» на Волыни.

«Но тот же Пелипенко позорно нарушил оказанное ему доверие, — восклицает Ogiens, — допустил злоупотребления с метриками и разводами и вступил в конфликт с уголовным уложением». Сидел в тюрьме, потом переехал в Данциг и, кроме того, жаловался в немецком журнале «Ost-Deutsches Pastoral Blatt» на то, что будто бы пострадал за свои украинские идеи!³⁵

В таком же виде и роде представляются и остальные «перелеты». Сравнительно, с многочисленным православным клиром — не много. Десяток-два, худшие, переход которых в «восточный обряд» был некоторым освобождением для Православной Церкви. Дело не в них, а дело в том, что эта система привлечения к «восточному обряду» подобных людей подрывала дисциплину и вносила соблазн и замешательства в приходскую жизнь. Подрывалось уважение к церкви и духовенству не только православному, но и католическому. Вместе с тем колебался авторитет власти и закона, расшатывалась низшая администрация и, в общем, позорилось самое имя Польши.

Галерею портретов этих лиц, открываемую блестящим арх. Морозовым, нанесшим позже сокрушительный удар «восточному обряду», можно закончить протоиереем П. Табинским, искавшим удовлетворения своего самолюбия также в отступничестве.

Протоиерей Петр Табинский был ректором Кременецкой духовной семинарии и осенью 1930 г. освобожден министерством от этой должности. Епархиальная власть предлагала разные приходы и должность законоучителя, он все это считал для себя неподходящим и про-

живал в Кременце. Человек с академическим образованием, не без способностей, малообщительный, он принадлежал к сторонникам украинизации церкви на Волыни, но особенным весом в украинских кругах не пользовался. Он находился между двумя лагерями — русским и украинским, и это тяжело действовало на его непомерное самолюбие. Табинский уроженец Волыни, его знал покойный митрополит. Антоний, будучи архиепископом на Волыни, и склонял его, студента семинарии, к принятию монашества. Табинский поехал в академию и вернулся с женой. Он был крайне правых убеждений, тогда на Волыни это кое-что давало. Засим пришла война, революция, Табинский стал рьяным украинцем, вошел в резкий конфликт с епархиальной властью, и епископ Подольский Пимен сначала его запретил, а потом и лишил сана, но подошла эвакуация — и Табинский оказался в Польше. Он явился на Волынь, был принят епископом Дионисием в клир, принес клятву, что он сана не лишен и под запрещением не состоит. Засим получилось извещение от епископа Пимена о лишении сана, но сам Пимен стал «живоцерковником» и дела о Табинском не прислал. История эта повисла в воздухе. Материалист и карьерист, он карьеры все же не сделал и решил поискать лучшего в иной ограде³⁶.

20 октября 1931 г. он пишет митрополиту Дионисию: «Я отдал себя в распоряжение юрисдикции престола св. апостола Петра, а потому не могу принять назначение настоятеля Острожского собора». Последовало немедленное лишение сана, и 1 ноября в Богоявленском монастыре в Кременце епископ Симон совершил чин отлучения и предал П. Табинского анафеме³⁷.

В украинских львовских газетах П. Табинский опубликовал обширные оправдательные письма. Оправдания эти носят обычный характер возвеличения католической и унижение Православной Церкви. Иерархия обвинялась в том, что она оставалась «московской». Волынские украинские круги были растеряны, такой истории они не ожидали. Вообще было замечено, что среди «перелетов» больше всего было украинцев.

11 ноября в беседе с сотрудником газеты «Діло» П. Табинский говорил: «Мой шаг вызван целым рядом случаев, имевших место в жизни украинского населения в Польше, на которые русские иерархи отвечали только запретами, преследованием и усилением русификаторской политики». И далее: «Я буду действовать активно и бороться за воскрешение прежних традиций православной церкви, простирающихся от XII века и времен св. Владимира, когда церковь не была еще поработана Москвой, но поддерживала сношения с апостолическим престолом».

И наконец: «Я убежден, что раньше или позже широкие круги украинского населения и интеллигенции порвут связь с московскими иерархами и соединятся с апостолическим престолом». На стороне Православия останутся только «враги украинского народа»³⁸.

Как видим, ничего нового. П. Табинский карьеры не сделал, писал кое-какие брошюры, главным образом, против православной иерархии в Польше, участвовал на униатских съездах и потонул в том липком тумане, который окутал все неудачное дело «восточного обряда» в Польше. Несмотря на лишение сана, он продолжал носить рясу и православный наперсный крест.

Наблюдая новую унию католической церкви, построенную на «перелетах», — замечает газета «Украинская нива», — приходишь к выводу,

что католические деятели в Польше стремятся лишь к тому, чтобы обессилить Православие, которое до сего времени в Польше не пользуется полнотой всех прав ни внутри, ни вовне... Разумеется, что к этому элементу с презрением относятся и католические епископы... "Перелеты" компрометируют как православное церковное управление, так и римо-католическую церковь»³⁹.

3

Борьба с Православием при помощи «перелетов» и создание расколов внутри приходов, где появились рядом совершенно одинаковые по внешнему виду священники одного и того же обряда и двух юрисдикции, создавало иногда поистине глубокие драмы в душах православных людей. К радости клерикалов подымалась Русь на Русь, и народ переставал понимать происходившее. Он шел в сектантство и уходил от церкви. Польша теряла верующее население. Что приобрел Рим?

В селе Костомолотах, Вельского уезда, на Подляшье, до войны существовал православный приход. После войны, хотя храм сохранился, власти не разрешили восстановить прихода, приписав население к Кобылянскому приходу, церковь которого отстояла в 14 верстах. Затем произошла обычная история. В январе 1927 года, повторяя неоднократные попытки, снова стали собирать подписи на прошении об открытии прихода. Прошение на этот раз было направлено к «апостолу унии» епископу Пшездецкому. Уже в конце января было сделано распоряжение об открытии в Костомолотах униатского прихода и прибыл лишенный сана Ружицкий в качестве священника «восточного обряда». По внешнему виду и по способу совершения богослужения это был совершенно православный священник.

Епархиальная власть назначила в Кобыляны второго священника с пребыванием в Костомолотах. Прибывший иеромонах стал служить в частном доме и объяснил полиции, что если может служить униатский священник, то может и православный. Тем не менее 10 марта 1927 года иеромонах был удален силой⁴⁰. На протесты митрополита Дионисия Министерство внутренних дел ответило, что «церковь в Костомолотах еще во время войны была освящена в костел, засим в ноябре 1925 года передана в качестве униатской церкви римо-католическому Подляшскому епископу, который 10 февраля 1927 года открыл в Костомолотах приход восточнославянского обряда». Министерство добавляло, что в Православии осталось 45 человек, а в унию перешли 673 человека, и «в этих условиях церковь, вместе с приходским домом в Костомолотах, должна принадлежать большинству прихода — униатам, тем более что, как выяснило расследование, приходской дом прихожане в Костомолотах построили на собственные средства». К этому было добавлено, что иеромонах «выехал добровольно».

Между тем, в воскресенье, 5 июня, произошло необычайное событие.

В Костомолоты прибыл Антоний, православный епископ Люблинский. Его встретило духовенство с иеромонахом во главе, который к тому времени успел возвратиться, а униатский священник Чистовский пригласил Владыку в храм.

«На паперть храма навстречу Преосвященному вышел священник Ружицкий (униат) с крестным ходом и произнес приветственную речь, заявляя о твердом решении своем и прихожан быть впредь верными

святой Православной вере и прося Владыку совершить акт воссоединения».

Воссоединение состоялось. «Радость и восторг народа не поддается описанию.. Казалось, что это Светлая Заутреня... Многие обнимались и целовались, поздравляя друг друга с первым православным богослужением в родной церкви за многие годы».

Прихожане писали митрополиту Дионисию: «В унию совсем мы не переходили, никогда не перейдем и св. Православную веру не покинем... Мы только посещали свою родную церковь, на наши собственные средства построенную». В министерство также было послано прошение — отдать им церковь, так как они «были, есть и будут православными»⁴¹.

Этим, однако, дело не окончилось, Церковный Совет вынужден был обратиться с прошением к маршалу Пилсудскому, в котором объяснил, что 10 июня, то есть пять дней спустя после воссоединения, в Костомолоты прибыл редемпторист, позднее епископ и визитатор Чарнецкий с другими священниками «восточного обряда» и при содействии полиции отобрал церковь. 23 июня церковь вновь овладели православные, и тогда же состоялась служба. 24 июня народ из Костомолот ушел с крестным ходом в Яблочинский монастырь, взяв с собою крест, хоругви и иконы, а когда вернулся 26 июня, то оказалось, что церковь забрали униаты. Произошло формальное сражение, и комендант полиции «дал приказ стрелять, храбрые люди бросились к ружьям и не дали ими воспользоваться». Словом, отобрали оружие от полиции и вернули его только тогда, когда «была дана гарантия, что не будут стрелять», и вообще «полиция, вместо того, чтобы охранять порядок, сама бунтует людей».

Полиция вынуждена была отдать церковь православным. В результате четверо прихожан были арестованы и преданы суду, церковь опечатана, и к ней приставлен караул. «Она должна быть ничьей». Воевода, кроме того, потребовал отозвать и иеромонаха⁴².

В Костомолотах наступила тишина. Западная и Восточная Церковь, наконец, соединились «в любви».

В октябре того же года православная делегация была у министра исповеданий и получила обещание, что церковь будет открыта. Вместо этого пошли слухи, что церковь будет отдана «восточному обряду», к которому «принадлежит войт и трое ему близких лиц». Об этом прихожане писали тому же министру в декабре месяце и снова просили открыть церковь, «в которой мы могли бы возносить молитвы за себя и высокое правительство Польши»⁴⁴.

«Высокое правительство Польши» в этом надобности не встретило, и церковь открыта не была.

4 июня 1928 года Костомолоты посетил митрополит Дионисий. При встрече все плачут. «Помимо того, что церковь стоит запечатанная, недавно 16 человек полицейских, по приговору окружного суда, выбросили о. Евтихия из приходского дома, в котором он жил и совершал для православных богослужения. Теперь там водворился отщепенец, бывший православный священник Шиманский. Дом этот построен православными в 1913 году на собственные средства». Митрополит в мантии через село прошел к молитвенному дому. Молебен св. Никите служили на улице возле дома. Трапеза была предложена у настоятеля в крестьянской хате. В Костомолотах всего 4 униатских семьи⁴⁵.

Все было отобрано Римом через своего епископа на Подляшье в целях, по-видимому, тех, чтобы Восток в совершенстве узнал Запад.

Западные миссионеры обладают исключительным темпераментом. «13 июля 1927 года в 6 часов утра иезуитский миссионер, ксендз Иосиф Бородзич, — рассказывает газета «Волынское слово», — настоятель в Леонполе, с толпой в 200 человек, сняв с петель ворота православного кладбища в Леонполе, распорядился вырубить деревья на кладбище на том основании, что “тут похоронены католики, силой обращенные в православие”, а деревья нужны на постройку костела. На кладбище въехало 100 подвод, целая экспедиция. Безобразие было прекращено полицией, когда уже было вырублено 300 деревьев. “Четырехнедельное пребывание Бородзича в Леонполе возбудило страшный антагонизм между католиками и православными”⁴⁵.

Полезно было бы знать, для кого произносил свои речи о любви Рима к Востоку Пий XI.

В дальнейшем этот Бородзич оказался каким-то образом замешанным в деле высылки марианов «восточного обряда» из Друи. Иезуиты начисто от него отреклись⁴⁶.

21 июля 1927 года в мировой суд города Ковеля поступила жалоба Волынской Духовной Консистории, в которой излагается, что 26 июня прибывший неизвестно откуда и называющий себя «униатским священником и настоятелем Дубичанского прихода “восточного обряда”» Василий Грош в сопровождении 10 человек вошел самоуправно в алтарь церкви и потребовал от церковного старосты Никандра Мазурина ключи от церкви. Встретив отказ, повалили старосту на пол и отобрали ключи силой. Засим заперли церковь, «выбросив» из храма настоятеля, игумена Иоанна и псаломщика. Дело слушалось в селе Крымке 27 сентября. Обвиняемый Грош представил удостоверение Луцкого римокатолического епископа от 13 мая 1927 года за № 2504, в котором за подписью епископа Шелонзака сказано: «Настоящим поручаю Вам администрацию Дубичанского прихода восточного обряда» и изложен порядок администрации. Кроме того, Грош представил удостоверение епископской курии от 8 сентября, в котором дано разрешение «посвятить отремонтированную церковь в Дубечно». Мировой судья передал дело прокурору окружного суда⁴⁷.

Дело приняло затяжной характер. Грош захватил и дом, и в приходе начался ад. Грош встретил полную поддержку у местного ксендза. 14 июля 1928 года произошла драка на церковном сенокосе, семеро православных прихожан были избиты, косари разбежались⁴⁸. Прихожане продолжали судиться. Русь стеной стояла против Руси. Село Дубечно раскололось. Православные перешли в соседнее село Чевель, церковь в Дубечно осталась в руках униатов. Чем дальше, тем отношения все больше обострялись, и 29 мая произошло побоище между двумя группами. Особенно отличился ренегат униатский диакон Тишко, при содействии которого Грош завладел церковным домом. Власти во всем обвинили православных и одного забрали в тюрьму⁴⁹.

4 апреля 1930 года делегация от Дубечно была у министра исповеданий в Варшаве и просила вернуть храм, захваченный униатами в 1927 году. Храм не был возвращен. Борьба продолжалась, и любовь Запада к Востоку приносила все более обильные плоды⁵⁰.

В «Oriens» под рубрикой «Униятская работа на Волыни» читаем:

«Православные в Дубечно, которым был назначен новый настоятель, хотели отсудить церковь, находящую в руках униатов. Процесс проиграли. Тогда 26 января под конец богослужения совершили напа-

дение, желая ею завладеть. Православные были отбиты, а полиция арестовала 9 человек. 31 января кто-то поджег постройки униатского настоятеля, которые сгорели дотла с урожаем, 3 лошадьми, 8 коровами и проч. Церковь и дом уцелели только благодаря счастливому направлению ветра. Настоятель Грош, не уверенный в своей безопасности, уехал в Луцк просить епископа о переводе его в другое место. В результате Грош получил трехмесячный отпуск». Происходило это в 1936 году⁵¹.

Картина колоритная. Даже такой человек, как Грош, не выдержал созданной им обстановки и после девяти лет борьбы со своим народом во славу иезуитов бежал. Этим дело не кончилось. «Нападение» православных на свою собственную церковь нашло завершение в суде в Луцке, который приговорил 8 православных к 1 году тюрьмы каждого и 14 — к 8 месяцам⁵².

Эту эпопею борьбы православного народа в Польше с Римом достойно венчает история мирного села Жабчи на Волыни, поставленного иезуитами вверх дном.

«Трагедия в Жабче — трагедия всей Православной Церкви в Польше» — так назвала это событие варшавская газета «За свободу»⁵³.

Летом 1928 года часть соблазненных прихожан в Жабче заявила о своем переходе в унию. В результате этого 6 июля прибыл униатский ксендз Рудницкий, и через двадцать дней униаты завладели всем церковным имуществом и землей прихода.

«Напряженные отношения, — по словам польской газеты «Kurjer Warschawski», — грозили вспышкой своеобразной религиозной борьбы. Понятно, что такое положение вещей привлекло к себе внимание властей, так как борьба двух клиров становилась помехой на пути примирительной политики власти».

В ночь с 13 на 14 октября 1928 года приходская церковь в Жабче была занята православными, и они оттуда не выходили трое суток, непрерывно совершая моления. Вмешался воевода, депутаты сейма, православное духовенство, и дело было решено компромиссно. До выяснения юридической стороны спора церковь была опечатана.

Прошло 4 месяца. 21 февраля православное население сломало печать, открыло храм и вошло в него вместе со священником Сагайдаковским. 23 февраля в Жабчу был послан большой наряд полиции, который окружил церковь, не допуская в нее никого со стороны и не пропуская ни продовольствия, ни воды. В церкви было холодно, она не отапливалась. Прихожане не оставляли храма и непрерывно в изнеможении пели и молились⁵⁴.

В Варшаве произошло замешательство. Министр исповедания Свитальский, близкий человек к Пилсудскому, не шел ни на какие уступки. В Сейм был внесен запрос. Из Жабчи телеграфировал благочинный, что народ категорически отказывается оставить церковь. «Нет церкви — не жизни; умирает народ за веру, умрем и мы»⁵⁵. Правительство требовало от митрополита Дионисия повлиять на народ, митрополит требовал гарантий, что церковь будет возвращена православным. Оказалось, что в Жабче на 179 православных семейств униатских только семь⁵⁶.

Стали проникать сведения в заграничную печать. Английская газета собиралась посылать своего корреспондента. Правительство вынуждено было обещать возвратить церковь православным. Прибыла санитарная помощь, и 1 марта после 10 дней сидения в голоде и холоде

обессиленный народ силой был удален из храма. Храм был снова опечатан. Это происшествие правительство поставило на вид миссии «восточного обряда», и Жабча оказалась поворотным пунктом в истории новой унии на Волыни. Жабча добила то, что ранил Морозов.

Правительство дало понять Риму, что оно готово на насилие, но не во имя того же Православия, которое только иначе называется и зависит не от митрополита Дионисия, а от епископа Шелонзака.

Священник Сагайдаковский был награжден золотым наперсным крестом. Вместе с ним 5 человек прихожан были преданы суду по обвинению в сопротивлении властям и уничтожении печати. Правительство повело борьбу с населением, воспрещая богослужение в домах и на погосте. Униаты также не могли пользоваться церковью⁵⁷. Наконец, вмешался президент республики, и храм был возвращен. 5 апреля 1930 года было разъяснено, что приходская земля и постройки также принадлежат православным. Униаты пытались сопротивляться, но бесполезно⁵⁸.

Дело о сопротивлении властям слушалось в Луцком окружном суде 6 ноября 1930 года. Священник Сагайдаковский был приговорен к 6 месяцам тюрьмы, трое прихожан — по три месяца, двое оправданы. Люблинский апелляционный суд приговор утвердил, но условно и, таким образом, морально оправдал подсудимых⁵⁹.

Летом 1938 года во время вакханалии разрушения православных храмов исторический храм в Жабче был также снесен с лица земли.

В с. Курашеве Вельского уезда Гродненской губернии в 1900 году был образован приход, в котором числилось до 800 человек. Население, эвакуированное во время войны, вернулось в 1919 году. Прихода открыть не удалось, и Курашево было причислено к соседнему Чижевскому приходу. В 1924 году распространились слухи, что епископ Пшездецкий назначает также и православных священников. Так был понят «восточный обряд». Обратились к нему с просьбой, и он прислал сначала бывшего православного иеромонаха Савву, а затем бывшего священника в Данциге Миллера. Оба имели православную внешность, служили по-православному и о католичестве не вспоминали. Все было в порядке, но весной 1926 года приехал православный епископ, объезжая епархию, все разъяснилось и пришло в беспорядок. К этому прибавилось еще то, что в 1927 году, при объезде епархии, в Курашево заехал римо-католический епископ. Курашевцам стало ясно, что они римо-католики, и они обратились к Гродненскому преосвященному с просьбой о воссоединении. Воссоединение было совершено при большом стечении народа 31 июля 1927 года. Однако в «восточном обряде» осталось несколько семейств и возник спор из-за церкви⁶⁰.

Судебный процесс выиграли православные и потребовали в ноябре 1930 года передачу церкви. Католические духовные власти препятствовали, надеясь восстановить унию. 26 апреля 1931 года приехал визитатор епископ Н. Чарнецкий и после службы уговаривал народ вернуться в унию. В ответ на это православные подали ему прошение, в котором писали: «Вполне выяснена фикция унии в Курашеве, потому что мы были и останемся верными Православной вере наших предков». Просили отдать церковь и велеть уехать униатскому священнику. Церковь отдана не была⁶¹.

18 июня 1932 года курашевцы силою заняли церковь и оказали сопротивление властям. Священник К. Ржецкий и 24 прихожанина были

преданы суду. Дело слушалось в Беловеже 12 мая 1933 года. Защиту организовал юрисконсульт Синода К.Н. Николаев. На суде появился под видом священника «восточного обряда» православный ренегат и произвел удручающее впечатление даже на польский суд. К обвиняемым была применена амнистия, и дело прекращено.

На памятнике Пию XI следует поместить слова: «Дубечно, Костомолоты, Жабча, Курашево».

В заключение ничего лучшего нельзя сказать, чем то, что говорил литовский канцлер Лев Сапега униатскому Полоцкому архиепископу Иос. Кунцевичу в письме от 12 марта 1622 года:

«Вместо радости причинила нам Ваша столь блестящая уния скорбь, беспокойство и неустройство, и столь огорчительно, что лучше бы мы желали быть без нее, ибо по ее причине терпим мы всегдашние беспокойства, огорчения и досаду. Вот плоды Вашей хвалимой унии. Изрядная она поистине виновница стольких в людях и отечестве раздоров и нестроений, ибо (сохрани Бог) если отечество потрясется, чему Вы своею суровостью открываете столь удобный путь, не знаю, что в то время с Вашей унией будет».

Мы в лучшем положении, чем Лев Сапега. Наблюдая «восточный обряд» в Польше, мы отлично знали, что будет с унией, когда «отечество потрясется».

Глава восьмая

Удар 1929 года

1

В Риме продолжали и укрепляли начатое. Казалось иногда, что потеряно чувство меры, что вопрос идет не столько о присоединении православных, сколько о перевоспитании католиков в духе Православия. Вместе с тем все громче раздавались призывы к спасению России, и в этом была какая-то экзальтация.

Призывая «Спасителя спасти Россию» (*Salvator mundi, Salve Russiam*), Рим не терял надежды на заключение конкордата с Советами. Возлагались надежды на Америку, которая должна была включить в свое общее соглашение с большевиками вопрос о прекращении гонений на религию.

Создавалась какая-то нездоровая обстановка неопределенности и шатаний, и голос Рима в русских делах все больше терял свою ясность. Боролись две партии за и против соглашения с Советами. Во главе первой стоял орден иезуитов, возглавляемый д'Эрбиньи, знатком русских дел. Он не терял надежды, хотя все пока складывалось неблагоприятно. Католические епископы в России пребывали вне своей паствы. Тираспольский епископ Месслер жил в Берлине, Каменец-Подольский Меньковский — в Бучаче, в Галиции; Минский Лозинский — в Польше, Дальневосточный — в белом Харбине¹.

И все-таки Рим надеялся до чего-то договориться. Если в 1571 году Пий V писал о русских: «Не хочу иметь никаких сношений с этим диким племенем», то теперь Пий XI стремился иметь сношение с этим диким племенем, которое как будто перестало быть диким и весьма бы украсило римскую церковь.

24 марта 1927 г., принимая профессоров и студентов Восточного института, папа говорил:

«Ни для кого не тайна, с какой отеческой любовью наше сердце открыто Востоку в стремлении обнять весь обширный мир со всеми его детьми, находящимися в единении и отделенными, тех, которые связаны единством веры и дисциплины, именно за это единство, а тех, которые отделены, именно потому, что они отделены, и чтобы они приблизились, и чтобы все это громадное количество душ стало одним стадом, столь вожделенным Божественным Пастырем»².

Еще ранее того, 27 января 1927 года, Пий XI рекомендует итальянской студенческой молодежи изучение церковной истории:

«Таким образом, молодые студенты смогут лучше узнать их собственный дом, Дом Божий, Царство Христа, Корабль, который не может потонуть. Более того, они примут участие, по воле Провидения, в деле такого высокого значения, так подходящем к потребностям и веяниям настоящего времени, деле единения Церквей, или, как скорее следовало бы сказать, присоединения отдельных групп к истинной церкви.

Итак, чтобы действительно соединиться, нужно прежде всего друга друга познать и полюбить»³.

Пий XI при построении этих гладких фраз совершенно не чувствует вещей так, как они есть.

В церковном смысле Запад и Восток отлично друг друга знают. Можно сказать, что это знание, полученное на протяжении веков тяжелым и часто кровавым опытом, вроде захвата Константинополя крестоносцами и Брестской унии, и является главным препятствием к соединению. Проблема разделения церковей лежит совсем не в области обрядов, а в области духа и духовной культуры, а потому вопрос соединения гораздо сложнее и труднее. Познать друг друга в любви — это значит до известной степени духовно переродиться и, прежде всего, стать смиренными. О каком смирении можно говорить, соприкасаясь с «наместником Христа», ставящим свой примат краеугольным камнем всего церковного здания.

«Что разделение церковей есть зло со многих точек зрения, с этим, вероятно, каждый согласится, — заметил еще в 1909 г. иезуит Я.Урбан в связи с началом Велиградских конгрессов. — Что нужно стремиться к устранению этого зла — об этом не может быть двух мнений». Было сделано много усилий, и если усилия «не дают ожидаемых результатов», то потому, что рядом с иными причинами есть и та, что схизма не оканчивается на различии обрядов, а лежит глубже в различии культур, противоречии интересов, и старинной вражде. Эти обстоятельства не всегда принимались в расчет, а пренебрежение ими рождало не совсем приятные неожиданности⁴.

Пий XI, несмотря на всю глубину своей культуры, совершенно не ощущал этого различия духовной и церковной культур, и потому вся его постройка оказалась сооруженной на песке. Мало того, его усилия дали отрицательный и противоположный результат.

Соединение церковей может наступить не раньше, чем когда будет согласованы православное и католическое учение о церкви, соборность и папа, свобода и подчинение. Этот трудный духовный подвиг должна начать Западная церковь. Слова любви здесь ничему не помогут. Нужны дела.

Пий XI убедил себя в том, что Восток отделен потому, что он не знает, как он близок Западу и, прежде всего, самому Пию XI и что если Восток это узнает, то вопрос соединения будет разрешен.

«Каждый день, — говорит Пий XI 19 октября 1927 года, — каждый день, не пропуская ни одного, уже давно с самого начала, мы за св. литургией вспоминаем Россию, всех ее священников, всех исповедников веры, всех католиков и не католиков. И это не все. Мы идем с нашим Спасителем во время каждой литургии в Россию. И Христос каждый день проходит с нами от Минска до Владивостока и от Тифлиса до Соловков, мы благословляем, молимся, любим, надеемся и особенно страдаем вместе со всеми»⁵.

Все это очень трогательно, и это могло бы воздвигнуть русские сердца к Риму, если бы за всем этим не стояли практические задачи деятельности Рима, стремящегося отнять от России ее душу, побудить ее отказаться от своей духовной сущности.

6 января 1928 года, в связи с Лозанской конференцией, была опубликована энциклика «Mortalium animus». Этому документу в свое время дал исчерпывающую оценку о. прот. С.Булгаков⁶.

«Еще, может быть, никогда не преисполняло человеческих душ такое сильное желание укрепления и использования во благо общества тех братских уз, которые нас соединяют общностью происхождения и природы, какое мы видим именно в наше время». Энциклика далее

указывает, что «некоторые круги» «питают надежду, что несмотря на все различия религиозных взглядов, нетрудно достичь того, чтобы люди, исповедуя некоторые из принципов веры как некую общую основу религиозной жизни, соединились в братстве. «Католики никоим образом не могут сочувствовать подобным стремлениям», так как взгляд, что «все религии более или менее хороши и достойны похвал», ложен.

«Итак, ясно, дорогие братья, почему апостолический престол никогда не позволит своим верным участвовать в некаатолических съездах. Нельзя иначе содействовать единству христиан, как только действуя в том духе, чтобы отколовшиеся вернулись в лоно единой, истинной Христовой церкви, для всех зримой и во все времена остающейся по воле своего Основателя такой, какой Он ее основал для опасения всех людей».

И, наконец: «О, если бы нам дано было счастье, которого не дождалось такое множество наших первосвященников, чтобы мы могли с отеческой любовью обнять чад, об отделении коих глубоко скорбим»⁷.

Безнадежно. Совершенно правильно указал еще В.В. Болотов: «Общение (единой католической Церкви) прервало римское папство, старый непримиримый враг католической церкви, который, по всей вероятности, только тогда перестанет существовать, когда исчезнет последний враг — смерть».

И, несмотря на это, Пий XI продолжал постройку здания для «отделенных братьев», которые, в конце концов, должны понять удобство предлагаемой жизни в этом доме и отказаться от самих себя.

8 сентября 1928 года как бы в дополнение энциклики «*Mortalium animus*» публикуется основная по восточному вопросу энциклика «*Regum orientalium*».

Исходит она из утверждений, которые стали уже традиционными:

«Легко установить, что это великое несчастье и достойное скорби разделение, которое столько и таких цветущих церквей оторвало от источника единства, проистекало, прежде всего, из взаимного незнания и людской гордости, а также и предубеждений, которые родились в итоге длительного обоюдного обособления». Затем рассказана история попыток Рима сблизиться с Востоком и создания условий этого сближения и познания. Сделано, в общем, немного и без всякого положительного результата.

И вот Бенедикт XV создает Восточный институт. Это высшее учебное заведение дает докторские дипломы, всесторонне изучает Восток и готовит священнослужителей «для Божьего апостольства среди восточных христиан». Это заявление может вызвать со стороны восточных христиан только недоумение и заставить их подумать о необходимости «апостольства» среди западных христиан, глава которых до сих пор не соглашается признать, что восточное христианство создано Апостолами Господа Иисуса Христа и гораздо раньше, чем в Риме стало известно само имя Спасителя.

Энциклика далее устанавливает, что воспитанники католических семинарий «по большей части не обладают знаниями о восточных проблемах, литургических обычаях и обрядах, которые надлежит свято сохранить в католическом единстве. Эти важные вопросы требуют специального и очень тщательного изучения». И потому поручается «выбрать хотя бы одного из священников, соответственно подготовленного в вопросах Востока, который мог бы надлежаще преподавать воспитанникам семинарий».

В богословских католических учебных заведениях необходимо организовать отделы и кафедры по дисциплинам Востока. Это отлично повлияет на учащихся-католиков, которые «в самом разнообразии обрядов увидят более полный блеск истинной любимицы Христа» — церкви католической.

Деньги на развитие Восточного института получены из Америки от одного «благочестивого человека». Организуется библиотека и собираются восточные древности. Папа призывает верных жертвовать на это дело.

«В результате всего этого мы надеемся, что народы Востока, как скоро собственными глазами увидят знаменитые древности благочестивых предков своих из области науки и искусства, несомненно убедятся в том, с какой честью Римская церковь хранит истинное, вечное, правое» Православие и с какой тщательностью его охраняет, защищает и расширяет.

Можно, однако, заметить, что Рим на тысячу лет опоздал. Памятники православной древности хранит Восток, и если в России такие памятники расхищают большевики, как это делали в свое время якобинцы во Франции, то Рим здесь ничем помочь не смог. Все ушло в другие места и другие руки. Многое хранится на Востоке, и Западу для знакомства с восточной церковностью надлежит путешествовать по Востоку. Едва ли путешествие православных в Рим для знакомства с древностями Востока будет оправдано. То, что собрал Рим, имеет значение, но ни в какой мере оно не может заменить собою сокровища Востока. Собранное и собираемое в Риме даст католичеству возможность познакомиться с Востоком и оживить свой застывший дух.

Энциклика говорит также об издании «*Orientalia Christiana*», весьма ценного сборника трудов по восточному христианству, правда, не равноценных и иногда тенденциозных.

Во всяком случае, начинание это большое и новое, и поэтому «че сердце, глядя на громадный труд, начатый прежде всего для пользы Востока, не воспрянет, оживленное крепкой надеждой, что милостивейший Спаситель человечества Иисус Христос, скорбя над печальным падением стольких людей, блуждающих издавна вдали от правого пути, сочувственно отнесется к нашим начинаниям и в конце концов приведет свои овцы в единую овчарню, дабы ими управлял единый пастырь».

Нужно откровенно сказать, что и стилистически, и по существу энциклика написана плохо. Это особенно бросается в глаза при изучении последних слов. Иисус Христос вернет православных в ограду римской церкви, потому что она занялась изучением Востока и собирает его древности. Очевидно, хотели сказать что-то другое, но не сумели.

Во всяком случае, Пий XI просит католическую иерархию «всех вместе и каждого в отдельности, дабы они всеми средствами поддерживали изучение Востока и вместе с папой напрягли силы для великого дела»⁸.

Ничего нельзя возразить против изучения католиками Востока. Давно пора изучить Православие, которое совершило столько славных дел и так достойно потрудилося и трудится на ниве Господней.

25 ноября 1927 года ректору Восточного института было выражено одобрение по поводу издания «*Orientalia Christiana*».

11 февраля 1929 года в Риме состоялась закладка Русской коллегии «*Russicum*».

Ректор Восточного института д'Эрбиньи произнес при этом речь, в которой объяснил, что цель «Russicum» воспитывать работников, носителей евангельской веры которые будут утверждать в вере души ста сорока миллионов, населяющих Восточную Европу и Северную Азию, страну, составляющую шестую часть света. Д'Эрбиньи упомянул при этом о великих дарованиях русской души, залоге великого будущего в церкви, при условии признания Россией и Русской Церковью главенства Римской церкви, которой Христос поверил свое словесное стадо. При помощи России католичество просветит «язычники седого Востока». Мысль об этом родилась у д'Эрбиньи на Воробьевых горах в Москве. Он заметил, что несмотря на всю грандиозность начертанной программы, святейший отец Пий XI не устранился перед трудностями задачи. Коллегия поручается покровительству св. Терезы. «*Salvator mundi salve Russiam*», — закончил оратор.

Затем кардинал Синцери, секретарь конгрегации для Восточной церкви, в присутствии ряда кардиналов, в окружении духовенства, при пении русских студентов из «Russicum» освятил краеугольный камень, замуравав в него особый акт.

Материальную помощь оказала сестра св. Терезы, игуменья монастыря в Лизье⁹. Коллегия была открыта в 1931 году и подчинена Комиссии «*Pro Russia*»¹⁰.

Русская коллегия находится на углу площади S. Maria Maggiore. Это не столько учебное заведение, сколько общежитие. Воспитанники проходят курс учения или в Григорианском университете, или в Восточном институте. В самой коллегии изучают русский язык, историю, литературу. Издается собственный орган «Заметки». При коллегии имеется церковь св. Антония, являющаяся приходской церковью русских католиков в Риме.

Есть предание, что на этом месте был храм Дианы. В V веке святыня эта была переделана на христианский храм св. Андрея. Засим храм от времени разрушился и снова появляется в XII веке. Храм оказался в распоряжении регулярных каноников госпиталя св. Антония и стал носить его имя. Он был обновлен и в XVI веке украшен фресками из жизни св. Антония. В 1777 году орден каноников св. Антония был закрыт, и храм перешел к камедулкам. После взятия Рима итальянским войском монастырь и храм были обращены на светские потребности. Здание монастыря и церкви было возвращено Пию XI и церковь была переделана для нужд русских католиков и приняла православный вид. Фрески были сохранены, иконы в иконостасе писал Григорий Мальцев. В иконостасе находится икона Иверской Божией Матери. Одна из каплиц посвящена св. Терезе. Таким образом было смешано два стиля и «символически было представлено единство веры и католической церкви в разнообразии обрядов», то есть нечто противоцерковное.

Освящение церкви состоялось 30 октября 1932 года и совершено было генералом ордена марианов и титулярным епископом Олимпа Петром Бучисом. На освящении присутствовал среди известных лиц также и поляк, бывший епископ Луцкий М. Дубовский. Пий XI установил порядок пользования храмом и порядок служб. Храм принадлежит католикам славянского обряда, зависимым от комиссии «*Pro Russia*». Каждую пятницу совершается акафист Иисусу Сладчайшему. 17 мая должно совершаться храмовое торжество в честь св. Терезы¹¹.

«Russicum» и храм св. Антония находятся в ближайшем заведении, как и все учреждения «восточного обряда», иезуитов. В «Russicum» проживает епископ А. Евреинов, «епископ для хиротоний в византийском обряде», монсеньор А. Сипягин, профессор Восточного института. Там же находится миссия иезуитов, изучающая атеистическую пропаганду большевиков и издающая на итальянском, французском, английском и испанском языках специальное издание против безбожников «Письма из Рима».

В 1937–1938 гг. правление коллегии «Russicum» состояло из трех иезуитов — ректор Филипп де Реги, эконом Виктор Новиков и духовник о. Станислав Тышкевич. Воспитанников было 24: 4 священника (2 священника светских, 1 иезуит и 1 студит), 7 студентов богословия и 13 слушателей философского отделения. Кроме того, 5 молодых схоластиков иезуитов, которые знакомились с русской литературой и историей и восточной литургией. По национальности было: 7 русских, 5 словаков, 4 украинца, 4 немца, 3 француза, 2 голландца, 2 эстонца и по одному австрийцу, поляку, американцу, англичанину и итальянцу. Это будущие миссионеры для Православной Руси.

По окончании наук воспитанники «Russicum», пока доступ в Россию закрыт, расходятся в разные стороны. И. Гельвечек поехал в Ковно к епископу Петру Бучису, Ал. Кулик — в Лиль и прочие все в «восточном обряде».

8 ноября 1938 года иезуит о. Ст. Тышкевич, профессор Восточного института и писатель — он написал, между прочим, труд «Учение о церкви», (Париж, 1931) — перешел в «восточный обряд». «Russicum» — место собраний русских католиков в Риме, где ежемесячно устраиваются доклады на религиозные, философские и исторические темы, сопровождаемые дебатами за чаем. Там бывают и православные, встречаясь с католиками. Одно время там выступали поэт Вячеслав Иванов, принявший католичество, дочь Л. Толстого Татьяна Сухотина и проч.¹²

Года три тому назад Пий XI подарил «Russicum» виллу «Ровето» на Адриатическом море, между Анконой и Пескарой. Большой дом с садом, в 200 метрах от моря, где малопосещаемый пляж, которым пользуются только семинаристы. Одна из построек переделана в церковь «восточного обряда», в чисто русском стиле во имя св. Евангелиста Иоанна. Имеется колокол, и вокруг слышен русский благовест. Службы совершаются по синодально русскому обряду и привлекают местных жителей¹³.

Чтобы не было никому обидно, в январе 1929 года кладется основание семинарии для румын, а в феврале закладывается такая же коллегия в Софии для болгар.

В том же феврале 1929 года создается внутри Восточной конгрегации особая комиссия для модификации канонического права Восточной церкви. Восточная церковь не имеет того, что можно назвать *Codex juris canonici*. Канонические нормы рассеяны по разным источникам, так называемая Книга правил не является систематическим сборником, в ней есть противоречия, несогласованности, устаревшие и неприменяемые правила. Прекрасные комментарии Зонара, Аристина и Вольсамо-на не имеют по силе и ясности изложения и анализа себе равных в праве Западной церкви, но они также не приведены в систему. Кроме того, поместные церкви имеют каждая свое частное право, также не согласованное. Русская церковь имела все возможности положить начало систематическим работам в этой области, обладая такими кано-

нистами, как профессора Павлов, Суворов, Горчаков и др., но этого не сделала. И, несмотря на все, начинание Рима в этой области достойно сожаления. Это не дело Рима и внесет только новые осложнения и в без того сложные отношения между Западной и Восточной церквями. Каждому свое, и это простирает забот о том, чего Рим не знает и не способен знать так, как это знает Восток, — не более как претензии дурного тона. Какой канонический кодекс можно создать, не пользуясь архивами и практикой Константинопольского патриархата и других восточных церквей, в частности и церкви Русской?

Председателем Комиссии был назначен престарелый кардинал Гаспари, и тем утешили старого политика, удаленного с поста статс-секретаря.

Тем не менее работа была начата, и уже 14 июля 1933 года кардинал Гаспари представил Пию XI 10 томов, заключавших в себе «исторические канонического права Востока»¹⁴. По самой краткости времени ясно, что это не больше как видимость работы. Пий XI остался доволен, и работа продолжалась. В 1936 г. кардинал П. Гаспари умер 82 лет от роду¹⁵. Обязанности председателя Комиссии были возложены на секретаря Восточной конгрегации кардинала Синцера. 7 февраля 1936 г. умер и кардинал Синцера, и председателем кодификационной Комиссии назначен кардинал Максим Массими, родившийся в 1877 году, принимавший участие при выработке *Codexa juris canonici* Западной церкви под руководством кардинала Гаспари, изданного в 1918 году¹⁶.

Усиленная деятельность в области «восточного обряда» продолжалась и в этом году. По случаю тысячелетия св. Вацлава папа обращается к епископам Чехословакии, где говорит о соединении Востока и о работе Апостолата св. Кирилла и Мефодия, которые становятся не столько «учителями славян», сколько миссионерами Рима на славянских землях.

7 марта 1929 г. кладется основание унийному обществу в Риме под именем «*Pia Associazione di S. Nicola di Bari*»; пользуются именем святого, так дорогим православному, а особенно русскому миру. Св. Николай так сроднился с русским духом, принял такой русский облик, что пользование его именем совершенно бесполезно. Не поверят православные, а особенно русские, чтобы св. Николай мог благословить фальшивое дело современной унии.

25 апреля папа принимает студентов Восточного института. 1 мая издает декрет об организации греко-католиков в Америке, где уния понесла такие потери и переживает сильнейший внутренний кризис. 11 мая принимает членов «Общества св. Николая в Бари». 20 мая назначает греко-католического епископа в Канаду. 27 мая устанавливает специальное отпущение грехов католикам «восточного обряда» по молитве: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй», «Господи помилуй», и за целование образов Иисуса, Матери Божией и Святого дня. 15 сентября русская коллегия в Риме отдана под покровительство св. Терезы. 21 сентября унийная инструкция для Польши, 26 сентября инструкция комиссии «*Pro Russia*» о принятии в католичество из Православия. 28 сентября декрет Конгрегации семинарий и университетов о преподавании предметов, касающихся Востока; 26 ноября письмо к польским епископам, где говорится, между прочим, об унии. Наконец, 23 декабря юбилейная энциклика по поводу 40-летия священства Пия XI, где также говорится о восточных христианах¹⁷.

Папу очень тронули заявления «сыновей Востока», «которые явно и открыто засвидетельствовали о любви к церковному единству», как бы в благодарность за то, что мы, идя следами наших предшественников, непрерывно окружали народы Востока горячим расположением и любовью»¹⁸.

Кроме этой обширной деятельности в отношении славянского и, главное, русского Востока, Пий XI занимался также и делами настоящего Востока, Востока экзотического.

Можно сказать, что в эти и последующие годы было затрачено действительно много доброй воли, энергии и средств на дело соединения с Православием против воли и желания православных. В этом трагизм этого начинания и тот невероятный беспорядок, который внес Пий XI в отношения Западной и Восточной церквей и в жизнь славянских православных церквей.

В Риме, однако, ничего не замечали. Делали вид, что не видят, как православное море не только не приближалось к Петровой скале, но далеко от нее уходило, оставив на пустынном просторе знаки новых опустошений, произведенных Римом в ограде Православной Церкви.

2

Пока в Риме развивали эту разнообразную деятельность по организации дела единения Востока и Запада, в Польше также не теряли времени.

В 1929 году выяснилась полная неудача новоуниатской работы. В «восточный обряд» перешло около десятка ни на что не годных православных священников, которые только осложняли дело унии. Народ вообще не переходил, а только соглашался, чтобы в его присутствии поминали «папу и епископа», и за это требовал компенсаций. Пока была кое-какая церковная земля, которую администрация отдавала униатским приходам, дело еще кое-как шло. Но без житейских благ никто папу признавать не хотел. Католическая церковь тоже на это средств не имела. Папа присылал благословения, иногда немного денег, иногда икону в униатскую церковь (так было на Троицу 1937 г. при освящении униатской церкви в Городло — папа прислал образ Матери Божией непрестанной помощи)¹⁹.

Денег, которые давала польская казна, «не хватало даже на скромное содержание духовенства латинского обряда», — говорил на VI Пинской конференции прелат Станислав Мыстковский. И потому не много можно было отдать на потребности и расходы, связанные с устройством приходских пунктов «восточного обряда». Православное же население, соединенное с римской церковью, не могло платить за духовные услуги; в царское время казначейство выплачивало клиру достаточное вознаграждение. С 1 января 1924 г. по 1928 г. подляшская епископская римо-католическая курия израсходовала на нужды 10 настоятелей «восточного обряда» 93 тысячи злотых²⁰.

Дело, конечно, не в том, что платило казначейство в царское время, а в том, что народ прекрасно понимал, что он зачем-то нужен католическому духовенству, и из этого желал извлечь выгоду. Такова печальная правда. Кроме того, православный ничем никакого пиетета к Риму и папе не имел. От одного слова «папа» католик приходил в волнение, православный же крестьянин попросту на это слово не обращал внимания. Дело выходило так, что от нового духовного начальства

больше пользы, чем от своего старого. «Бискуп» Пшездецкий мог больше сделать, чем митрополит Дионисий, и поскольку он что-то делал, можно было его и поминать. Это была не уния душ, а уния интересов, и потому из нее ничего не выходило.

На Велиградском конгрессе в 1927 году епископ Пшездецкий насчитывал во всей Польше 20 000 обращенных в унию при 14 приходах и 7 организуемых, при 25 священниках, из них 16 бывших православных. Истрачено на это дело 150 000 злотых²¹.

В 1929 году оказалось 26 приходов, 22 церкви, 25 человек белого духовенства и 7 черного, а униатов 16 504 против 20 000 в 1927 году²².

А между тем во время войны в декабре 1914 г. в Галиции было около 50 приходов, перешедших из унии в Православие, в феврале 1915 г. — 152, а перед русским отступлением — 200. При отступлении в Россию ушло 60 униатских священников²³.

В Прикарпатской Руси с 1920 по 1923 г. из унии в Православие перешло, опираясь на сербскую церковь, 100 000 человек при 68 приходах²⁴.

В самой Польше, на Лемковщине и в Галиции в Православие с 1923 г. по 1929 г. перешло около 30 000 человек при отсутствии свободы и средств у Православной Церкви. Из унии ушло 11 процентов²⁵. К 1933 году перешло 60 тысяч.

На Волини в 1928 г. было четыре униатских прихода. Словом, по совести говоря, никакого результата и никакой надежды. Уния «снизу» так же не удавалась, как и уния «сверху». Полтора десятка приходов и около 20 000 прихожан на общее число почти 1 тысяча приходов на одной Волини и на 4 миллиона православных — эти результаты по справедливости можно считать ничтожными.

Душой всего этого неудавшегося предприятия был Пинский епископ Лозинский, человек сам по себе привлекательный, аскет, но увлеченный химерой обращения православных в унию. Он полагал, что долг его, как католического епископа, — спасти православные души, которым оставялся в полной неприкосновенности их обряд, которым сам папа манифестировал чувства своей любви и расположения, и что если православные остаются при своих заблуждениях, то это не больше, как упрямство, и они заслуживают иного отношения. Епископ Лозинский и его коллеги прекрасно понимали связь Православия с храмами, без которых нет жизни для православного человека. И тогда было решено поставить православных в зависимость от католиков в этом самом большом для православных вопросе. Было решено нанести такой сокрушительный удар, который заставил бы православных искать спасения в унии. Объективно обстановка как будто складывалась в пользу задуманного плана. Шел вопрос не о чем ином, как о восстановлении «исторической справедливости», и не было оснований сомневаться в том, что католический, польский, суд окажет полное содействие. Так был подготовлен удар 1929 года.

Летом 1929 года православная иерархия стала получать тревожные сведения о предьявлении римо-католическим епископством многочисленных исков к Православной Церкви в Польше. Обстоятельство это тем менее было ожидаемо, что к исходу десятилетнего существования возрожденной Польши взаимоотношения двух исповеданий — католического и православного — как будто установились. Католическая церковь возвратила себе все то имущество, которое в свое время ей

принадлежало и было передано русским правительством православному населению. Вместе с тем римо-католические духовные власти почти разорили приходские организации на землях Подляшья и Холмщины — этих многострадальных землях, где веками велась борьба православными за сохранение веры своих предков, принявших Православие еще во время св. Владимира. Громадное количество храмов в этих областях, построенных православным населением и для православного населения, главным образом в последней четверти XIX века, было захвачено католиками.

В целях распространения новоуниатской пропаганды восточные области Польши, в которых Православие существовало около тысячи лет, объявлены миссионерской областью и поручены особому вниманию иезуитов. Неудача широкой пропаганды «восточного обряда» к 1929 году вполне выяснилась, и для того, чтобы принудить православное население более серьезно отнестись к этой пропаганде, римо-католические духовные власти заявили требование о передаче им того церковного имущества, которым пользовалось население в то время, когда перешло из Православия в унию. Более ста лет тому назад население вернулось к вере отцов, и теперь оно должно отдать это имущество только потому, что когда-то здесь была уния.

В конце августа 1929 года было выяснено, что к Волынской епархии предъявлено 144 иска, к Виленской — 71, к Полесской — 248 и к Гродненской — 159. Наиболее угрожаемыми оказались епархии Полесская и Гродненская. В первой на 320 приходов, основных и приписных, предъявлено было 248 исков, а во второй — на 174 прихода — 159 исков. В Волынской епархии число исков было сравнительно невелико, но были заявлены требования об отобрании всех православных монастырей, в том числе и Почаевской Успенской лавры, кафедральных соборов в Кременце, Луцке и Пинске.

В дальнейшем при окончательном подсчете оказалось 724 иска²⁶.

Иски были предъявлены от имени Виленского митрополита, Пинского епископа, а также епископом Луцким, в окружных судах в Бресте, Белостоке, Вильне, Гродне, Луцке, Новоградке, Ровно и Пинске.

В исковых прошениях было изложено:

«После ликвидации ноябрьского восстания (1831 года) русское правительство насильем уничтожило унию. Костелы униатские ликвидировало, передав их, вместе со всем принадлежащим им имуществом, православному духовенству, с целью перестройки их на православные церкви, что в скором времени и было осуществлено.

Приняв во внимание, что ликвидация русским правительством униатских церквей не может быть законным основанием для приобретения права собственности русским правительством и что такая ликвидация остается навсегда актом насилия и беззакония, нужно прийти к выводу, что и права православного духовенства в отношении отобранных униатских церквей и недвижимого имущества в виде земли и построек, принадлежавших тем церквам, есть порочное и не создает права собственности. Незаконно отобранное имущество подлежит возврату»²⁶.

К этим соображениям было добавлено еще следующее:

«Во время существования русской власти католическая церковь не могла отыскивать свои права в отношении униатских церквей. Не подлежит, однако, сомнению, что права католической церкви в отношении силой забранного имущества не утрачены, а православное духовен-

ство никаких прав не могло приобрести, и потому взятое у католической церкви имущество подлежит в настоящее время возвращению»²⁷.

Сразу бросается в глаза то, что здесь народ подменен православным духовенством. Эти соображения противоречат известным всем историческим фактам. Уния на русских землях Польши была введена незаконным собором в Бресте в 1596 г. и осуществлена мерами насилий как королевского правительства, так и католического и униатского духовенства. Население против своей воли в своем большинстве стало униатским и оказалось в юрисдикции папы, однако римский престол сохранил за униатской церковью ее права на имущество. По первому и второму разделам Польши к России отошли Белоруссия и Волынь с Подолией, то есть коренные русские земли. В течение двух лет — с 1794 по 1796 г. — почти все униаты Подольской губернии большая часть Волинской, а также и в Белоруссии, возвратились в Православие, всего более полутора миллиона душ. Никаких данных о насилиях русского правительства не имеется, и никаких протестов Римская курия русскому правительству не заявляла. Это имело место более чем за тридцать лет польского восстания 1831 года. Однако униатская церковь в пределах России продолжала существовать, и хотя значительная часть духовенства перешла в Православие, но продолжал действовать Базилианский орден, который составлял три провинции: Белорусскую, Литовскую и Русскую. В начале XIX века базилиане еще владели обширными населенными имениями и капиталами. На одной Волыни им принадлежало более 20 тысяч крестьян. Монастыри были очень малолюдны — по 2–6 монахов и по существу являлись лишь конторами по управлению имениями. Униатское духовенство находилось в бедности и не пользовалось уважением со стороны католического духовенства. Белое и черное духовенство в унии было разобщено и враждебно друг другу, и как только отпала поддержка унии со стороны польского правительства, как только эти области перешли к России, уния стала клониться к упадку и постепенно вымирала²⁸.

Польский историк епископ Ликовский говорит:

«Мнение, что только революция 1830 года побудила Николая I заняться уничтожением унии из-за участия известной части униатов в восстании, абсолютно неверно и ошибочно»²⁹.

Уния была установлена на соборе в Бресте в 1596 году, а ликвидирована на соборе в Полоцке в 1839 году. Папа потерял свою юрисдикцию над населением, перешедшим в Православие, и это бывшее униатское население сохранило за собой то имущество, которое всегда ему принадлежало и никогда не принадлежало католической церкви.

Предъявление этих массовых исков произвело ошеломляющее впечатление на православное население.

В Рождественском послании 1929 г. митрополит Дионисий между прочим писал:

«Нашу Святую Православную Церковь в Польше посетил Господь в истекшем году бедствием, равным избиению Вифлеемских младенцев, ибо клир Римский хочет отнять от нас половину святых храмов наших и тем лишить более 2 миллионов верующих младенцев наших духовного окормления и церковной жизни».

Послание было отправлено и католикусу Грузинской церкви Христофору и было в этой части опубликовано советским агентством ТАСС с комментариями, не лестными для католического духовенства.

В польских газетах подняли шум. Но, впрочем, дело дальше этого не пошло, ибо все, что писал митрополит Дионисий, была правда³⁰.

Православная иерархия первоначально даже не считала возможным вести судебную борьбу, но засим дело защиты было сосредоточено в Варшаве, главное руководство возложено на митрополита Дионисия, а техническое ведение дела — на юрисконсульта Синода К.Н. Николаева. Польское общество раскололось, и часть считала, что создается международный скандал без всякой пользы для государственных интересов. Католическая иерархия вынуждена была оправдываться, и уже 23 ноября 1929 года было опубликовано письмо Виленского митрополита Ялбжиковского, в котором он писал, что он не начинает войны с Православием, не желает его уничтожения, а только отыскивает справедливость. Его требования весьма умеренны, и в пределах Виленской епархии на 464 объекта он требует возвращения всего 113 храмов, которые для католиков совершенно необходимы. «Католическая церковь не желает на насилие отвечать насилием, а отыскивает свои права лояльным способом и с полным спокойствием ожидает справедливого судебного решения». Кроме того, митрополит объяснил, что его основания разделяются и другими заинтересованными католическими епископами. Одного только не объяснил митрополит, на каком основании католическая церковь требует отобрания храмов и имущества, которое принадлежало Православной Церкви, засим церкви униатской, потом снова возвратилось к православным и никогда не принадлежало церкви католической.

По расчету В.Косоноцкого, который исследовал этот вопрос с точки зрения интересов православного и католического населения, оказалось, что требуется отобрание святынь в 65 местах, где нет ни одного католика, в 73 — где не более 3 и в 76 — где не более 20³¹.

Сразу же в это дело вмешался папский нунций в Варшаве Мармаджи. Возник вопрос о праве католических епископов защищать интерес униатской церкви и в особенности права монастырей, которые ведению епископов не подлежат.

Мармаджи выдал 23 апреля 1930 г. такое удостоверение: «Нижеподписавшийся апостолический нунций настоящим официальным письмом, на основании инструкций, полученных от апостолического престола, разъясняет, что наидостойнейшему Зигмунду Лозинскому, в качестве Пинского ординария, принадлежит право управления всем церковным имуществом, принадлежащим католической церкви в пределах его епархии, равно и защищать, где встретится надобность, в порядке гражданском также и то имущество, которое некогда принадлежало католическим монашеским общинам или католическому духовенству всех обрядов».

Апостолический престол перестал быть нейтральным в споре двух исповеданий и всем своим авторитетом поддержал наступление на «отъединенных братьев», «любовь» к которым требовала отобрания от них монастырей и святынь. Авторитет Рима был подорван. Польское духовенство по-прежнему усложняло работу Рима в отношении Православия.

Вмешался и архиепископ Ропп, и он положил, как говорят поляки, «свои два гроша» в общее дело. В журнале «Китеж» за сентябрь-декабрь 1929 г. появилась его статья «По жгучему вопросу».

Оказалось, «что в настоящем деле представители католицизма действовали по духу христианской любви» — ведь в одной Виленс-

кой епархии местный архипастырь обратился в суд об отдаче ему лишь 167 церквей из забранных 464, да и в других епархиях поступили так же. Однако «улаживание этого вопроса через посредство судов является фактом неприятным и разрушающим взаимную и так необходимую между католиками и православными любовь». Поэтому должно вмешаться государство, а главное — «сами несправедливые владельцы» должны пойти навстречу в отдаче имущества». Народ, по мнению Роппа, не прочь отдать святыни. «В народе сильно понятие собственности и справедливости». Мешает русская пресса, которая «эти процессы использует для возбуждения народных масс, православные же духовные власти, привыкшие к долголетнему пользованию чужим имуществом при царском режиме, явно лишены сознания справедливости».

Почтенный бывший митрополит всех католических церквей в России сомневается даже в том, была ли когда-либо Почаевская лавра православной, так как «трудно точно определить момент, когда в Польше «восточный обряд» фактически отделился от западного». И вообще, Православие появилось чуть ли не в конце XIV века.

Иными словами, Западная Русь до конца XIV века была в единстве с Римом и ссылка на св. Владимира «совсем неуместна».

Впрочем, «преждевременно говорить о будущем Лавры» и вообще виновата православная сторона, которая «буквально ничего не делала», чтобы дойти до соглашения³².

Выступление архиепископа Роппа никого не удовлетворило и во всех смыслах было неудачно.

Совсем иначе выступил митрополит А.Шептицкий и спутал игру католических епископов.

Он беседовал с сотрудником польской газеты «День польский», и беседа его была опубликована.

Митрополит говорил весьма ядовито:

«Мы имеем на Воляни значительное количество наших греко-католических выходцев. До настоящего времени, увы, они были почти совершенно лишены религиозной помощи по нашему обряду». Иными словами, «восточный обряд» не «наш» униатский. Между тем «еще не так давно Волянь была католической страной нашего обряда».

— Значит, Ваше Высокопреосвященство, признаете справедливость и полезность ревиндикаций?

— Именно, я хотел сказать нечто совершенно обратное, однако я не желал бы, чтобы меня плохо поняли. Я не касаюсь здесь вопроса о бывших латинских костелах. Это меня не касается... но среди этих храмов весьма многие — это старинные прежние греко-католические церкви, — как Вы их называете, униатские».

По этому поводу многие спрашивали митрополита.

«Я, однако, до сих пор не выявил моей точки зрения. Я не мог, впрочем, примкнуть к искам, ибо нынешние отношения не предусмотрели моего участия... и, — во всяком случае, принимая во внимание различные обстоятельства, я не мог бы заявить о моем при соединении к искам».

Далее митрополит весьма дипломатично говорит о Православии и заявляет:

«Я полагаю, что народу не следует даже внешне дать почувствовать, что над ним совершается новое насилие.

Ибо, ведь, согласно восточному праву, эти деревенские церкви принадлежат именно этому народу. В них он крестился и молился! Около них хоронил своих умерших. В их стенах сосредоточено то, что в народе сильнее всего, а часто более всего спасительно перед лицом разнужданной агитации, это вера отцов».

Довольно ясно и для Рима нравоучительно, а дальше еще тверже: «Здоровое суждение народа, вера отцов, которая простирается дальше, истиннее и глубже, нежели нынешнее положение вещей, терпение церкви... выведут его на лучшие пути, нежели всякие судебные иски, в которых он будет усматривать только враждебные себе начинания. Я слышал уже, что он готов реагировать на них враждебно...»

Засим митрополит дополнил:

«Не так давно апостолический престол предлагал откупить конфискованную большевистскими властями православную церковную утварь, дабы ее вернуть в пользование православным верующим в России».

И в заключение:

«Духовные круги греко-католические не принимают никакого участия в ревиндикации. Я рад, что это могу сказать. Мне кажется, что наша позиция отвечает римской умеренности. И вообще даже с латинской точки зрения, это простая юридическая демонстрация»³³.

Это было жестокое возмездие митрополита Шептицкого за все пренебрежение, которое католический епископат оказывал унии в Галиции за последние годы. Была нарушена церковная дисциплина, и греко-католическая церковь отмежевалась и от римо-католиков, и от «восточного обряда». Выступление А.Шептицкого многое предрешало, и все начинания латинского епископата повисали в воздухе. Униаты не требуют бывшего униатского имущества, при чем же тут католики? Понятно, что глава национальной украинской униатской церкви не мог требовать отобрания имущества у украинского населения на Волини. Вообще, митрополит Шептицкий показал, что без него это — счет без хозяина.

Польская печать заговорила разными голосами, и все смешалось. Украинская и русская — резко против. Тот же «День Польский» писал, что предварительно нужно аннулировать акт соединения 1839 г.; аннулируя же этот акт, следовало бы последовательно силой ревиндцировать в пользу католицизма не только церкви, но и самых верных совместно с духовенством, что является совершенно немислимым³⁴. Иные органы искали разных решений. Газета «Rzeczpospolita» предлагала устроить особую комиссию из «ученых историков с участием представителей обеих церквей» для изучения вопроса и разрешения спора.

Заграница тоже не молчала. В Чехословакии было организовано собрание протестов против отнятия церквей, и в Лигу Наций были отправлены десятки протестов из разных мест Европы, Америки, Азии, Японии и т.д.³⁵.

В Японии этому не удивились и писали: «Здесь, в Японии, у Православной Церкви отношения с протестантами — добрососедские, с англиканами — дружественные, с буддистами и синтоистами — взаимно почтительные, всегда корректные, и лишь с католиками — никаких отношений, до неснимания шляпы включительно»³⁶.

Наконец, польская печать увидала, что ничего хорошего из этого для католицизма не получается, и замолчала.

Во время всего этого возбуждения, 3 декабря 1929 года, появился весьма странный документ, а именно обращение Пинского епископа С.Лозинского к православному населению, то есть к населению, принадлежащему к другой церкви. В этом обширном письме, весьма сентиментально написанном, епископ старается оправдать то, чего оправдать нельзя. Он приводит такое соображение: «Если полушубок своего ближнего оказался в твоём владении несправедливо, а собственник требует его возвращения, то хотя бы ты сто лет носил этот полушубок, ты должен его отдать». Все это отлично, но только православное население никогда не пользовалось католическим имуществом, а перешло в унию, имея свой собственный «полушубок». Дальше епископ обещает, что если даже православные храмы будут присуждены католикам, то он все-таки будет думать об интересах православных. В конце концов, он не может не признать, что «все находится в руках Божьих». Епископ предлагает вместе молиться, чтобы «все окончилось к Божьей славе и на пользу наших душ, за которые умер Иисус Христос». Обращение епископа Лозинского свидетельствовало о том, что дело обстоит для католиков весьма неблагоприятно. Началась судебная волокита, потребовавшая большого морального напряжения и средств со стороны православного населения. Не подлежало ни малейшему сомнению, что отобрание от православного населения в Польше всех монастырей и более чем 700 храмов повлечет за собой народное восстание и потребует большой вооруженной силы для того, чтобы сохранить за католиками переданные им храмы. На такой риск не могло пойти польское правительство, и польский суд должен был с особой тщательностью исследовать основания требований католиков. Католическая иерархия поняла, что дело является не таким простым, как она первоначально предполагала, и уже при первом рассмотрении дела в Наивысшем суде поверенные Пинского католического епископа заявили, что они не настаивают на присуждении им церковных имуществ, но требуют лишь признания за католической церковью права на эти имущества. Вопрос окончательно был рассмотрен 20 ноября 1933 года, и Наивысший суд вынес принципиальное постановление, в силу которого, на основании особого распоряжения Генерального комиссара восточных земель от 22 октября 1919 года, передача святынь от греко-русского духовенства духовенству римско-католическому может иметь место в каждом отдельном случае, на основании распоряжения гражданского начальства. Отыскание же судебным путем права собственности на указанные святыни отклонялось. Постановление же Генерального комиссара от 22 октября 1919 года касалось передачи бывших католических храмов, обращенных в свое время в православные, и не касалось бывших униатских храмов. Таким образом, умывая руки в этом споре, Наивысший суд ликвидировал тот удар, который был занесен над Православной Церковью в Польше в 1929 году. Надежда получить православные храмы для надобностей «восточного обряда» была утрачена, и положение самого обряда стало весьма затруднительным. Нелишне заметить, что накануне рассмотрения дела в Наивысшем суде юрисконсульт Синода К.Н. Николаев получил предписание покинуть Польшу. Польшу К.Н. Николаев покинул 27 ноября 1933 года, получив, однако, большое нравственное удовлетворение за понесенный труд: 20 ноября он выслушал резолюцию Наивысшего суда, отказавшего католикам в их требовании. Это был сокрушительный удар новоуниатскому движению. Суд

признал, что вопрос о передаче святынь может быть разрешен только административной властью и в пределах того распоряжения, которое ни в какой мере не касалось храмов, которые когда-то были храмами униатскими. С 1933 года по день польской катастрофы администрация могла отобрать только один храм в Вышгороде на Волыни, который был в свое время храмом католическим. В остальном же все действия администрации по разборке и закрытию православных храмов носили характер произвола, и результатами этого произвола униатское движение воспользоваться не могло.

Предъявление исков в таком масштабе и так плохо обоснованных было непоправимой ошибкой. Лицо новоунии было открыто, и на нем, вместо любви, прочли звериную злобу. Поляки опять портили игру Рима.

Однако все это обнаружилось несколько позднее. В 1930 году «восточный обряд» вступал в жизнь, полный надежды на скорую победу на всех фронтах, и прежде всего на польском.

Русская политика Ватикана к этому времени потерпела окончательное крушение. С Советами произошел разрыв. Большевики пришли к выводу, что Рим им дать ничего не может.

Наступление на большевиков и окончательная ставка на русский народ везде, где бы он ни находился, — таково было решение Римской курии. Она была полна надежды и стремилась забыть свои неудачи с Советами.

Поражение в одном месте должно быть искуплено победой в другом.

Глава девятая

Разрыв

I

2 февраля 1930 года Пий XI огласил послание, которое знаменовало собой окончательный разрыв Ватикана с советской властью. У Рима не было больше никаких надежд. Политика курии в русском вопросе дотерпела полный крах. Иначе, впрочем, и не могло быть, но на этот раз у курии не хватило политического чутья. Не приходилось больше думать о подчинении русского народа Риму, приходилось заботиться о сохранении жалких остатков церковной организации среди полутора миллиона католиков, проживавших в России. Таких неудач Рим давно не испытывал. Методы работы, в которых Рим был воспитан в сношениях с императорской властью, оказались неприемлимы. Иных не было.

«Мы испытываем глубочайшее волнение при мысли об ужасных и святотатственных преступлениях, которые умножаются и усиливаются с каждым днем и которые направлены как против Господа Бога, так и против душ многочисленного населения России, дорогого нашему сердцу, хотя бы уже в силу величия его страданий, и к которому принадлежит столько сынов и великодушных служителей святой, католической, апостольской церкви, богобоязненных и благородных вплоть до геройства и мученичества».

Папа далее рассказывает о своих усилиях повлиять на правительства европейских народов, которые не дали результатов «по соображениям мирских интересов, которые были бы гораздо лучше сохранены, если бы различные правительства превыше всего уважали права Бога, Его царства и Его справедливость». Он далее говорит о помощи России, скорбит о разращении молодежи в ней. Для борьбы со столь великим злом была учреждена специальная Комиссия по русским делам. Русский народ поручается «попечению благостной чудотворицы из Лизье, св. Терезе Младенца Иисуса».

«Но рост такого зверства и безбожия, поощряемый государственной властью, требует всеобщего и торжественного возмещения и ответа».

Рассказывается дальше о всех кошунствах в России, которых, кстати сказать, митрополит д'Эрбиньи совершенно не заметил.

«Ввиду этого мы сами стремились возможно лучшим образом совершить искупительный акт за все надругательства и кошунства, а для того, чтобы призвать к этому всех верующих всего мира, постановили отправиться в день св. Иосифа, 19 марта сего года, в нашу базилику св. Петра и совершить на гробе первоверховного апостола св. литургию для умиловления и искупления стольких преступных оскорблений, нанесенных Сердцу Христову, для моления о спасении стольких душ, подвергнутых тяжелому испытанию, и об облегчении участи любимого нами русского народа, дабы кончились наконец его великие муки и народ, и отдельные люди вернулись возможно скорее во единое стадо Единого Спасителя и освободителя Господа нашего Иисуса Христа».

Исполнение этого было возложено на кардинала, викария Рима Помпили, которому и было адресовано послание.

19 марта, в 9 часов утра, Пий XI проследовал в базилику св. Петра «без обычной пышности папского церемониала, облаченный в красный омофор поверх белой сутаны, без тиары; над Sedia gestolia не было ни балдахина, ни опахала».

Во время литургии пели по-латыни, по-славянски и по-русски. По-русски пели: «Спаситель мира, спаси Россию». Пели: «Господи помилуй, Господи воззвах, Иже Херувимы, Отче Наш, антифон — не имамы иныя помощи».

Словом, было смешано два обряда.

Потом служили особый молебен. Были пропеты 58 и 78 псалмы. Произнесена ектения со специальными прошениями о спасении России, с призывами свв. Георгия, Кирилла и Мефодия, Владимира, Ольги, Николая, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста. Потом следовал 69 псалом. Засим народу возносили священные реликвии — святое копие, частицу древа Св. Креста, плат Вероники с нерукотворенным образом Спасителя.

Со ступеней папского алтаря Пий XI «ясным и торжественным голосом преподал благословение народу»¹.

Католическая церковь отозвалась повсюду. В Англии были некоторые препятствия со стороны правительства рабочей партии Макдональда, запретившего военному духовенству участвовать в молениях. Были осложнения в Литве.

Еще ранее того, 16 февраля, в Вестминстерском аббатстве служили моление митрополит Евлогий и греческий митрополит Герман при большом стечении народа.

Православная Церковь и до послания папы непрерывно молилась за гонимых в России братьев, и присоединяться специально к молению 19 марта не было ни внутреннего, ни внешнего повода. В Риме, по видимому, рассчитывали, что Православная Церковь признает особое значение этого шага Пия XI и этим как бы утвердит руководящий авторитет Рима.

Этого не произошло. И почему не произошло, совершенно откровенно пояснила русская газета «Наша жизнь» в Вильно: «Благородный призыв папы Пия XI сопровождался молитвой о совращении православных в католичество православными же пастырями. Это обстоятельство, по крайней мере на 90%, уменьшило “заслугу” папы и настолько же уменьшает ценность его выступления»².

В Польше же произошло нечто худшее. Хотя в энциклике «Ecclesia Dei» и сказано: «представители Востока не должны... сваливать на Римскую церковь все проступки, которые находят осуждение, которые церковь старается покрыть противоположными деяниями», но все же «проступок» польских епископов, позвавших Православную Церковь в суд, пока еще ничем не был «покрыт» и трудно было молиться вместе с католиками об облегчении участи любимого папой «русского народа», когда этот же любимый русский народ подвергался в Польше гонению со стороны римской церкви. Наконец, папа не призван «устанавливать дни молений для православных». Так, совершенно правильно, православная иерархия рассудила в Польше.

Русская газета «За свободу» подняла неуместный и вредный для Православия шум. «Омраченная радость», — писал А.Хирьяков по по-

воду того, что православная иерархия за рубежом не отозвалась на послание папы³. Д.В. Философов поместил статью «Письмо папы Пия XI и Польша», где, правда, не столько осуждал, сколько извинял православную иерархию в Польше за ее молчание по поводу послания.

Большевики ответили 6 марта статьями в «Правде» и усложнили и без того сложное положение. «Правда» привела несколько документов об отношении польской власти и католического духовенства к Православной Церкви в Польше в 1919 году и добавила: «В высшей степени любопытно, что в этот период времени папа Пий XI, в те времена папский нунций, монсиньор Ратти, представлял Ватикан при варшавском правительстве и что травля православной церкви и меры грубого принуждения в отношении ее проводились, бесспорно, не только с его ведома, но и под его непосредственным руководством»⁴. Засим, пользуясь неуместной критикой сенатора В. Богдановича, сделанной в Сенате, действий церковной власти, не назначившей моления 19 марта, советские газеты сделали вывод, что «православная церковь и все православные организации в Польше отказались от всякого участия в антисоветских молебнах и митингах»⁵.

Таким образом, мнение «За свободу» и советских газет совпало. Между тем иерархия и клир Православной Церкви в Польше постоянно свидетельствовали свое резко враждебное отношение к советской власти, но вместе с тем ни иерархия, ни клир не чувствовали ни малейшей симпатии к Риму, причинявшему столько огорчений.

Мало того, правые круги в Польше посланием папы были испуганы. Они находили, что это вмешательство во внутренние дела России, а «люди, политически мыслящие, знают, что интересы Польши советуют ей искать добрых отношений с Россией и не вмешиваться в ее дела». Тем более, можно добавить, что дела Православной Церкви в самой Польше по вине правительства таковы, что в них тоже следовало бы вмешаться.

Позднее Синод Православной Церкви в Польше установил день всеобщего моления за гонимых в России.

Митрополит Дионисий, ввиду наступления польской печати, вынужден был написать благодарственное письмо папе. Письмо было отправлено 17 апреля 1930 года. Митрополит Дионисий довольно удачно вышел из положения.

«Посему, — писал митрополит Дионисий, — пока с той стороны границы советской не может прийти к нам правдивый голос благодарности, я полагаю своим долгом и правом от имени безвинных страдальцев и вынужденных молчальников принести самую сердечную искреннюю благодарность за отраду и утешение исстрадавшимся братьям нашим». Таким образом, была принесена благодарность от имени советских «молчальников», и православные в Польше остались как бы в стороне.

Через шесть месяцев, 25 ноября 1930 года, статс-секретарь Пачелли ответил на письмо митрополита Дионисия. Ответ этот начинается так: «Среди писем, присланных на имя святейшего отца по поводу установления молений о преследовании религии в России, пришло также письмо, в котором Ваше Блаженство от имени своей паствы выразили искреннюю благодарность Его Святейшеству».

В ответе не имеется никаких указаний, что письмо было сообщено папе, и никакой признательности, даже чисто условной, за полученное

письмо ни со стороны папы, ни Пачелли не имеется. Ловко же вставленные слова «от имени своей паствы», изменяя смысл письма митрополита Дионисия, указывают на то, что в Польше все благополучно, ибо иначе не могла бы поступить благодарность

Это был урок, данный без всякой кардинальской вежливости православной иерархии в Польше.

Однако и в этом случае, как и во многих других, польская политика портила начинания Рима.

Нельзя призывать гнев Божий на большевиков — гонителей Христа в России и молчаливо наблюдать, как разрушаются и отымаются православные храмы в Польше не в меньшей степени, чем у большевиков.

2

Итак, с большевиками было покончено, тем большее внимание было обращено на «восточный обряд». Польша, Балтийские государства и русская эмиграция — вот то поле, на котором приходилось сосредоточивать внимание. Это было опытное поле. Здесь нужно подготовить кадры, выработать методы работы, приучить клир «восточного обряда» к обращению, войти в сущность Православия так, чтобы не было заметно, что делается это не во имя Православия, а во имя Рима. В Польше создавалась практическая школа, в Риме — центральный аппарат управления. Из Рима же велось воспитание католиков в иных взглядах на «восточный обряд».

Католики всего этого дела не понимали.

Нельзя было спорить против того, что папы признавали и поддерживали «восточный обряд», но как обряд Православной Церкви, вошедшей в унию с католической. Православный же обряд, хотя его и называют восточным, как обряд католической церкви, — этого еще до сих пор не было, и такого поворота римской политики никто не понимал. Процессии, которые устраивались в Риме, и церковные службы по «восточному обряду» были иногда интересными зрелищами, но ничего они не говорили ни уму, ни сердцу католиков. Католические монахи и даже кардиналы стали чаще носить бороды, и это также оставалось неясным и загадочным.

А между тем оказывается, что «восточный обряд» крайне необходим католикам и римской церкви.

Иезуит «восточного обряда» А. Домбровский объясняет это дело так:

1. «Католическая церковь должна показать, что “восточный обряд” в глазах верховно-апостолического Римского престола в глазах всей католической церкви столь же свят, как и западный латинский обряд».

2. Католическая церковь желает полнее, ярче выразить свою вселенность, исправить слишком узкое, неправильное понимание католичества лишь как латинства, западничества, понимание, совершенно не допускающее даже возможности единения Востока с католичеством.

3. Видя, кроме того, что монахи «восточного обряда» не уступают по глубине и полноте духовной жизни монахам западного обряда, — католики «мало-помалу убедятся в том, что они до сих пор слишком узко, даже не по-католически, понимали католичество, отождествляя его с западничеством и латинством»⁶.

Все это весьма удивительно, но в конце концов малопостижимо. Католики через почитание православного обряда должны стать настоящими католиками, и об этом вспомнили почти тысячу лет спустя после разделения церквей.

В подтверждение этой мысли 5 апреля 1930 года издается незначительное, но весьма показательное распоряжение о признании первенства греческого прихода перед латинским в Сицилии в Palazzo Adriano⁷.

6 апреля публикуется знаменитое «Motio proprie inde ad initio» о выделении Комиссии «Pro Russia» из конгрегации для восточных церквей. Комиссия во всех смыслах папская, нечто вроде конгрегации. Это была полная победа иезуитов, решивших русский вопрос поставить во всем его значении без русской власти и без русской церкви. Это был личный успех д'Эрбиньи, к которому он пришел, несмотря на все свои неудачи⁸.

Не без основания полагают, что энциклика «Mortalium animus» была делом д'Эрбиньи. Смысл ее в том, что католичество и Православие вовсе не стороны в историческом споре, что нет ничего самостоятельно христианского вне католичества, что никакие собрания представителей разных религий никакого значения иметь не могут, ибо есть только одна Западная церковь, которой все должны подчиниться. Не хотят добровольно — будут подчинены без их воли. И, прежде всего, православные. Рим зовет православных на единение и подчинение. Иерархия не соглашается, она мешает народу получить спасение. Он будет спасен без иерархии. Католичество вмещает в себе и Православие, его нужно только организовать по образцу отделившихся церквей — и тогда иерархия останется без народа. Из Православия, которое есть схизма, народ перейдет в Православие, которое есть католичество. Создать внутри католичества Православную Церковь с иерархией, культом, школой, монашеством, правом — вот дорога, которую поставили перед собою иезуиты, и для ее осуществления призвана папская комиссия.

Так вопроса еще не ставили. И осуществить эту задачу, которая кажется многим просто нездоровой фантазией, должен великий реформатор — тайный иезуит Михаил д'Эрбиньи. Успех обеспечивает бессмертие, неудача — тоже кое-какую известность. Д'Эрбиньи родился 8 мая 1880 года в Лилле. В общество иезуитов вступил в 1897 году, посвящен в иереи в 1910 году. Учился в Бельгии, в Сорбонне. В 1911 году путешествовал по Галиции, Буковине, Румынии, Хорватии, Боснии, Герцеговине, изучая местную церковную жизнь. В 1911 году опубликовал работу о Владимире Соловьеве, одобренную Французской академией. В 1912 г. назначается профессором иезуитской семинарии в Бельгии и несколько позднее печатает двухтомный труд «De Ecclesia». Там же организует небольшой конвикт для русских, желающих стать католическими священниками. После войны в 1921 году перемещен в Григорианский университет в Рим, продолжает издавать богословские труды, в том числе работу «Англиканство и православие». В 1922 году отправляется в Россию, но возвращается с пути из Риги. Возвратившись в Рим, ввиду передачи иезуитам Восточного института, назначается его председателем. В 1925 году назначается специальным советником комиссии по делам церкви в России при Восточной конгрегации, а в 1930 году — председателем самостоятельной комиссии. Россию посещает дважды — в 1925 и

1926 г. В этом году в Берлине тогдашний нунций Пачелли хиротонисует его в епископа Илио. В последнюю поездку в Россию посвящает несколько епископов, и при этом ни одного поляка. Вообще резкий противник пополнения католической иерархии в России поляками.

Обманутый большевиками, резко выступает против них; в 1932 году делает в Риме доклад о пропаганде большевиками безбожия во всем мире и публикует свой доклад в «Revue de deux Mondes»⁹ и в отдельных брошюрах на нескольких языках.

По случаю его назначения председателем Комиссии Pro Russia «Китеж» писал: «Преосвященному Михаилу открывается широкое поле для оказания христианской любви и попечения глубоко страждущему русскому народу»¹⁰.

Между тем поле оказалось совсем не широкое.

Компетенция Русской комиссии была определена довольно оригинальным способом. В нее вошли дела католической церкви латинского обряда в России, где еще оставалось около 1,5 миллиона католиков, в том числе около 1 миллиона поляков. В юрисдикцию этой комиссии были включены также католики армянского и византийского обрядов в России. Затем ей были поручены заботы о русских католиках-эмигрантах, а равно и организация соращения эмигрантов в католичество, и, наконец, к этой комиссии были отнесены дела миссионерского характера в областях, соседних с Россией, где православный народ принадлежит не к эмиграции, а к данному государству, причем, поскольку эта миссионерская работа ведется в византийско-славянском обряде. Таким образом, в Русской Комиссии оказались не только Россия, Западная Европа, Маньчжурия и некоторые части Китая с русским населением, но и Польша. Это вызвало раздражение в Польше. Оказалось, что православные граждане в Польше подлежат ведению той же комиссии, которая занимается католиками в России, и комиссия к тому же называется Русской.

Униаты в Галиции остались по-прежнему в ведении Восточной конгрегации. Униаты на восточных землях Польши — в ведении Комиссии. Словом, выходило так, что православное население Польши Рим связывает неразрывно с населением русским, с Россией.

Название этой комиссии создало большие осложнения для Рима. Как ни толковать название этой комиссии, выходило так, что весь русский народ миссионерски связан воедино, независимо от государственных границ. Само собой напрашивалась мысль о том, что восточные границы Польши, отделяющие ее от России, для Рима как бы невидимы¹¹, Польша оказалась главным местом действия Комиссии. Польша была сделана миссионерской областью, плацдармом для разворачивания сил по наступлению на Россию, потому что Россия была закрыта, и никакой иной территории не имелось. Православная церковь в Польше вполне была церковь русская, со всеми ее особенностями и бытовыми чертами, и на ней лучше всего было учиться и производить опыты подчинения православного русского народа Риму. Что церковь в Польше была автокефальной и внутри нее шли национальные споры, этому не придавалось никакого значения. Все-таки это было русское опытное поле.

Не было учтено только то обстоятельство, что польское правительство, католическое духовенство и общество имели свои виды и совсем другие на Православие в Польше.

И как это ни странно и маловероятно, польский шовинизм и клерикализм столкнулись в самой Польше с римской постановкой вопроса, и в результате пострадал в первую очередь д'Эрбиньи. С высоты, на которую поднимались мечты д'Эрбиньи о будущем католичестве в России, подчинение этой обширной, на двух континентах лежащей страны, населенной удивительным народом и обладающей неслыханными богатствами, не казалось столь недостижимым, чтобы не затратить на эту цель силы и средства. Это тем более казалось возможным, что к услугам была испытанная армия иезуитов. При таком понимании вещей польские претензии не могли иметь никакого значения. Поляки между тем начинали раздражаться.

В Русской комиссии оказался Петр Бучис. Он родился в Литве в 1872 году и окончил католическую Духовную академию в Петербурге, где был преподавателем, а с 1912 года — инспектором. Учился он, кроме того, во Фрейбурге в Швейцарии. После большевистского переворота он уехал в Америку, где издавал литовскую газету. С 1921 года он находится в Литве, организует университет и в 1924 году становится его ректором. Он был ярким литовским националистом, но засим разошелся с правительством, отправился в Рим и в 1927 году стал генералом ордена марианов. В это же время он перешел в «восточный обряд». В доме ордена он устроил общежитие для русских католических священников и работал среди эмиграции. В 1929 году он оказался в Русской комиссии, еще не выделенной, а в 1930 году был сделан епископом «восточного обряда» «для русских католиков в Риме». Хиротонию совершил униатский болгарский епископ Куртев. В России, еще будучи в латинском обряде, он принимал участие в русском католическом движении и был одним из создателей униатского журнала «Вера и жизнь»¹².

Поляки не могли переварить того обстоятельства, что литовский националист, заклятый враг Польши, ведает делами обращения православного народа в Польше в католичество. Его присутствие в самостоятельно организованной Русской комиссии являлось для поляков нестерпимым.

Все, что происходило в Риме в связи с «восточным обрядом», поляки осуждали и выступали довольно резко.

Депутат сейма С.Стронский писал: «Назначения католических епископов в последние годы в епархиях, находящихся в России, должны были возбудить в нас беспокойство... Из новоназначенных, кроме хиротонии для центральной России епископа Невена француза, а для Саратовской епархии немецкого епископа Цэра, что случалось и раньше, бросается в глаза назначение в Могилевско-Минской епархии епископа латыша Слоскана, в Харбин белоруса Абрантовича». Поляки же Скальский в Москве и Свицерский в Виннице назначаются только администраторами. «Это для нас вопрос весьма важный, так как здесь лежит путь польского влияния среди польского населения в католическом деле, построенном польским трудом».

В корреспонденции из Рима по поводу хиротонии Бучиса некто ксендз доктор А.З. писал, что Ватикан знает, что поляки лучше всего подходят для дела обращения России и что поляки «как бы самим Богом исторически и юридически поручена эта миссия. Между тем, с тех пор, как во главе акции обращения России стал о. д'Эрбиньи, Польша совершенно устранена от этой миссии, а ее место заняли немцы и литовцы».

А между тем за эту миссию в течение ряда веков Польша заплатила морем польской крови¹³.

В Риме на это мало обращали внимания, и распоряжением Ватикана Могилевская архиепископская курия, находившаяся в Польше, с 31 декабря 1931 года была ликвидирована и дела ее переданы в Комиссию «Pro Russia», в которой нет представителя Польши, а есть князь А. Волконский.

По этому поводу известный публицист г. Харкевич писал в июльской виленской газете «Slowo»: «Оканчивается период польской борьбы за католичество в России. Не подлежит никакому сомнению, что в случае перемены положения в России и возможности восстановления Могилевской архиепископии во главе этой епархии станут чужеземцы. Ликвидация могилевской курии несомненно укрепит позицию Комиссии «Pro Russia», где нет ни одного священника поляка»¹⁴.

Варшавский католический орган А. В. С. в связи со скандалом А. Дейбнера в комиссии «Pro Russia» приводит историческую справку, из которой оказывается, что возникновение этой комиссии относится еще ко времени Великой войны. Во время немецкой оккупации в Вильно прибыл иезуит баварец ксендз Муцкерман, который занялся подготовительными мерами для католической пропаганды в России. Во время же занятия Вильны большевиками он был арестован и вывезен в Смоленск и там будто бы начал переговоры с советской властью о соединении Православия с Римом. Преермником Муцкермана был ксендз Вальхе, прибывший в Россию с американской миссией помощи голодающим. Он не поддерживал никаких отношений с поляками и вошел в близкую связь с немецким посольством. Вместе с тем немецкие иезуиты стали доказывать в Ватикане, что поляки служат препятствием к обращению России в католичество и что работу на территории России нужно вести помимо поляков. После смерти Бенедикта XV на место Вальхе был назначен тоже немецкий иезуит ксендз Герман из Врацлавка.

Д'Эрбиньи, будучи в России, также сознательно избегал сношений с польским посольством и когда из Восточной конгрегации была выделена комиссия «Pro Russia», в ней решающее влияние имеют немецкие иезуиты.

Что католики-поляки вследствие своего национализма не способны вести работу по совращению православного населения России и лимитрофов — об этом писал еще известный исследователь отношений России и Рима епископ Пальмиери. Указывая на это, виленский публицист Testis меланхолически добавляет:

«В глазах Ватикана польский епископат, настроенный преимущественно националистически, не является подходящим орудием для проведения католической акции в России»¹⁵.

Однако от России поляки отказаться не могут. Они желали бы быть там «апостолами» католицизма, укрепляя себя и политически, и экономически, ибо, несмотря на все свое ослепление, поляки понимали, что ключ польской самостоятельности — в русских руках. Поэтому газета «Ilutrowany Kurjer Godzienny» заявляла, что «мы не должны проиграть в Ватикане чудо над Вислой», то есть победу над большевиками в августе 1920 года. В сентябре 1939 года «чудо» было проиграно, и к этому Ватикан приложил свою руку.

Пий XI, однако, стремился возместить причиненный полякам ущерб и, организуя комиссию «Pro Russia» без поляков, по-прежнему полякам

оказывал свое благоволение. 17 мая 1931 года, принимая польских пап-паломников во главе с примасом Хлондом, папа сказал:

«Заботы Польши — мои заботы. Длинная граница вашей страны постоянно открыта и подвержена мощным атакам большевистских идей, враждебных религии и христианству. Вы достойно отражаете эти атаки, но ваша миссия будет лишь тогда закончена, когда, как в блестящие прошлые времена, вы сможете сказать: "Каждый поляк — католик"»¹⁶.

Поляки не замедлили из этого сделать надлежащий вывод.

3

Пред «восточным обрядом» стоял больной вопрос клира. Его не было. Православный клир в Польше дал около двадцати отступников, и при этом мало пригодных, к тому же некоторые возвратились в Православие. Это только компрометировало католическую церковь. Русские священники «восточного обряда» из эмигрантов были на счету, доступа в Польшу не имели и должны были собирать убогую жатву в Европе. Необходимо было создать свой собственный католический клир «восточного обряда», и при этом совершенно похожий на православный. Для этого нужны были духовная семинария и епископ «восточного обряда» для хиротоний.

Хиротония П.Бучиса оказалась неудачной, и не стоило даже делать попытки о назначении его в Польшу.

Хотя «Китеж» и писал: «Дай Бог, чтобы назначение о. Бучиса стало началом новой эры для русского католичества и двинуло его на должную высоту» и «поручает себя пастырскому благословению первого католического славянского архиерея для русских»¹⁷, но это не встречало сочувствия, и из Рима тот же ксендз А.З. сообщал «три факта, а именно: назначение епископов — неполяков на территории Советской России, передача русской семинарии в руки о.о. марианов и назначение теперь о. Бучиса является великой неправдой для Польши»¹⁸.

Нужно было искать другое лицо, которое имело бы возможность работать в Польше в качестве апостолического визитатора и посвящать клир. Таким лицом оказался редемпторист малоросс-галичанин Николай Чарнецкий, работавший на Волыни с 1926 года. Хиротония Н.Чарнецкого, назначенного 20 января 1931 года визитатором в Польшу, состоялась в Риме 8 февраля в церкви редемптористов св. Альфонса. Он получил титул епископа Лебеда. Хиротонию совершали униатский епископ Хомишин из Станиславова, епископ Бучис и латинский епископ Меле из Лунгра. Сослужали русский католик Сипягин и ректор украинской коллегии Головецкий.

Н.Чарнецкий родился в украинской семье в Галиции 14 февраля 1884 года, образование получил в коллегии Пропанды, сан иерея в 1909 г. и был преподавателем и духовным отцом высшей Духовной семинарии в Станиславове. В 1919 году вступил в орден редемптористов.

«Чуждый политических несогласий, о. Чарнецкий проникнут сверхнациональным духом Вселенной церкви и скрупулезным исполнением предписаний св. престола о сохранении греко-славянского обряда» — так его рекомендовал «Китеж»¹⁹.

Он был сделан апостолическим визитатором «восточного обряда» в Польше, как бы викарием католических епископов на восточных землях, и поставлен вне зависимости от митрополита Шептицкого.

Во время своей работы на Волыни с 1906 года он служил по православному, делая «мысленную оговорку», на основании которой «все несогласное с правоверным учением» имело значение только *pro foro externo*, что же касается внутренней сущности, то *in foro interno* «еретические отклонения значения не имели и правоверия служащего священника не уменьшали»²⁰.

Православный наблюдатель так передает «своеобразное впечатление», которое производит епископ Н. Чарнецкий: «Этот католический иерарх, носящий рясу с широкими рукавами, в православном облачении: митра у него митрополичья с крестом, клобук заслуженного архиепископа с бриллиантовым крестом, сан, как известно, епископский, юрисдикция викарного епископа, крест во время священнослужения золотой, протоиерейский, без украшений», и делает справедливый вывод: «понемному вносится хаос в обрядовые формы»²¹.

Польское общественное мнение к назначению визитатора отнеслось отрицательно, но воспрепятствовать этому не было возможности, так как оно было основано на каноническом праве.

Православный депутат Сейма Богуславский, между прочим, говорил: «Известно, что апостолический престол назначил епископа, администратора для византийского обряда вне пределов униатской епархии. Не знаю, как это можно согласовать со ст. 18 конкордата». Впрочем, не это важно, а важно то, что «уния восточного или византийского обряда с момента назначения и хиротонии епископа администратора приобретает облик самостоятельной организации, что дает ей возможность дальнейшего распространения и что за этим следует ослабление Православия» и, кроме того, «это методы партизанской войны»²².

Депутат Стронский усматривает в этом обход конкордата, который знает восточный обряд только в Галиции. Министр иностранных дел Залесский заметил, что правительство разделяет опасения, что переговоры правительства с Ватиканом «на эту тему еще не закончены» и что будет найдено решение, которое «согласует интересы Церкви и государства».

Печать также выступила довольно резко. Виленское «*Slowo*» заявило, что в «восточном обряде» есть стремление приблизить католичество к Православию. В 30-х годах XIX столетия в России стремились приблизить унию к Православию. Против этого боролся папа Григорий XVI. Газета спрашивает: «То, что, по мнению папы Григория XVI, было хитростью и изменой, то сегодня считается спасительным миссионерским делом. Где же правда? Или, быть может, существуют две правды, взаимно друг друга исключают?»²³

Была нанесена обида также униатскому митрополиту А. Шептицкому тем, что униатское движение в Польше было подчинено двум учреждениям и «восточный обряд» оказался вне униатской иерархии. Между тем митрополит А. Шептицкий созвал в 1917 году в Петрограде синод русских католиков и, на основании полномочий Пия X, он перед войной ведал униатским движением в России и не мог согласиться с тем, что иезуиты устранили его и галицийское духовенство от всякого участия в новоуниатском движении, которому, кроме того, придали характер, не одобряемый митрополитом.

Тем не менее в пастырском послании, опубликованном в начале 1931 года, митрополит Шептицкий, в связи с назначением епископа Чарнецкого, писал, что в этом он усматривает «новое расположение к

нам папы», он признает, что «галицкую обрядовую форму нашли узкой и не подходящей для работы среди православных», и, в конце концов, назначение епископа Чарнецкого «является событием, заставляющим нас проверить те условия, при которых мы будем способствовать делу унии».

Престарелый иерарх счел за лучшее примириться с этим фактом.

Вместе с назначением апостолического визитатора возник вопрос и о правильной постановке духовного образования клира «восточного обряда». Дело вообще стояло плохо.

Первоначально кое-какую помощь оказывала Луцкая католическая семинария. В 1928 году в Дубно, в бывшем монастыре бернардинов была устроена отдельная семинария «восточного обряда», как бы третья часть Луцкой семинарии. Однако из этого ничего не вышло, и в июне 1929 года семинария в Дубно была закрыта. Так продолжались до лета 1931 года, когда появился епископ Н. Чарнецкий. По его докладу папа постановил открыть в Дубно Восточную семинарию, и таковая была поручена иезуитам.

Семинария называлась папской, и для того, чтобы не нарушать правил конкордата, считалась третьей частью Луцкой семинарии. Ректором был назначен А. Домбровский, бывший воспитанник Петербургской Духовной академии. Духовником оказался о. Сакач, бывший ректор семинарии в Сараево. Хозяйство вели сестры-миссионерки Сердца Иисусова из Вильно. Помещение было отремонтировано, и в 1931 году на 70 кандидатов приняли 16 воспитанников. Впоследствии число их возросло до 26. Язык преподавания — латинский, польский и украинский. Разговорный, вне рекреаций, — латинский. Средства на содержание отпускал Рим, а также польские епископы, которые имели своих стипендиатов. Церковь «восточного обряда» была освящена 12 июня 1931 года²⁴. Для всего клира «восточного обряда», создаваемого Римом, установлен целибат.

В 1939 году семинария получила новый устав и стала называться «Папская Междупархиальная Восточная семинария в Дубно». Она являлась как бы собственностью пяти восточных епархий, и эти пять католических епархий должны были о ней заботиться и доставлять ей воспитанников. Специальные права имел епископ Луцкий, на территории которого она находилась²⁵. Галичан в семинарию не принимали²⁶.

4

Образование самостоятельной комиссии «Pro Russia» и присвоение ей прав почти конгрегации, и при этом такой, которой сам папа посвящает особое внимание, и вознесение ее председателя, епископа д'Эрбиньи, почти на высоту кардинала, явилось совершенной победой «восточного обряда» в том виде, в каком его оформили иезуиты.

Это сейчас же отразилось в Польше. Нельзя было в скором времени ожидать результатов предъявления массовых исков в смысле получения церковных имуществ. Судебные дела имеют свои сроки, и довольно длинные. А между тем положение новой унии в «миссионерских областях» Польши было весьма не блистательно. По ироническому замечанию Станиславовского униатского епископа Хомышина, двое переходило в унию, а трое уходило из унии. По счету иезуитов, за пять лет в унию перешло около 20 000 человек, то есть приблизительно

0,5 % православного населения, и при этом количество перешедших явно преувеличено. По счету православных на Лемковщине и в Галиции из унии перешло более 30 000 человек. «Перелетов» было мало, и настоящие православные пастыри в унию не переходили.

Возникал вопрос: что же делать? Рим требовал не только активности, но и результатов. Решено было для выяснения дела создать конференцию священников по делу церковной унии. Инициаторами были иезуиты, организатором — епископ С.Лозинский в Пинске.

Первая конференция состоялась в Пинске 23–24 апреля 1930 года. К этому времени при епископской курии в Пинске был образован восточный отдел, руководителем которого являлся ксендз Казимир Кулак, душа всего предприятия.

Начинание это явилось и смелым и дерзким. Открыто собиралась конференция для обсуждения методов совращения в католичество православного населения в Польше, которое пользовалось равными с католиками правами. Населенные православные области открыто объявлялись миссионерскими, вроде Суматры или Борнео. В порядок дня ставился вопрос о лучших способах совращения при посредстве православного обряда. И все это сопровождалось молитвой.

Ничего подобного в Польше еще не было.

Открывая конференцию, епископ Лозинский заявил: «Хотя весьма немногочисленно, более малочисленно, чем я ожидал, собрание наше», но желание епископа, чтобы конференция была не простой беседой, а «серьезным делом». На конференции из епископов присутствовал только Лозинский. Митрополиты А.Шептицкий и Виленский Ялбржиковский, а также епископы Подляшский со своим суфраганом и Люблинский прислали только приветствие. Председатель комиссии «Pro Russia» д'Эрбиньи свое «благословение» выразил «в частном письме на имя кс. К.Кулака». Рим и иерархия в Польше пока отнеслись к этому делу весьма осторожно.

Всего присутствовало, кроме епископа, 35 человек. Среди них 3 иезуита, 1 капуцин, один марианин, один базилианин «восточного обряда», 4 представителя белого духовенства того же обряда — всего 10 человек, и 22 представителя латинского клира. Присутствовало, кроме того, 22 семинариста иезуитской семинарии в Пинске. Собрание было не только малочисленное, но и случайное.

Между тем то, что произошло на этой конференции, заслуживает глубокого внимания, так как здесь католиками была вскрыта вся ложь «восточного обряда». Ложь двусторонняя и для католиков, и для православных. Поводом к этому послужил, казалось бы, совершенно теоретический доклад о. Я.Урбана «Значение выражения “соборная” в славянском Символе Веры». Вопрос сводился к тому, следует ли заменить слово «соборная» Церковь словом «католическая» или нет. Сам вопрос об изменении Символа Веры не мог не показаться странным, но то, что обнаружилось во время прений по докладу, было просто невероятно. Богословский вопрос был поставлен на практическую почву, и здесь выявились две точки зрения. Каноник Ф.Щербицкий «сильно» подчеркивает, что «при миссионерской работе среди православных должно ясно ставить вопрос об обращении в католичество», ибо последствием неясной постановки вопроса явится «возвращение в схизму при первой оказии, как это было в Галиции при московском наступлении».

Зенон Каленюк, профессор восточно-славянской литургии в духовной семинарии, визитатор приходов восточно-славянского обряда и секретарь восточного отдела Пинской епархии «в сильных выражениях» указывает, «что на практике не полезно сильно подчеркивать» название «католик», и это потому, «что у нас слово “католик” часто приравнивается к слову “поляк”. Православные скажут, что мы хотим сделать их поляками, и отойдут от нас». И лучше «оставлять в стороне это название». То же подтвердил о. Пионткевич из Альбертина. К. Кулак пытался смягчить эти заявления, но все же признал, что «нужно считаться с психикой и идти на некоторые уступки». Н. Чарнецкий полагает, «что нет основания что-либо изменять в символе веры», «нужно только народ надлежаще учить об этих истинах». Ксендз Свирский «в словах, полных остроумия и юмора» указывает, «что восточная психология привыкла к слову «православный», и что с этим «нужно считаться и весьма», «мы не сможем из души православного народа вырвать это слово, да и нет основания это делать». И кроме того, «у нас в Галиции слово “католик” еще не такое страшное, но в России?» Каноник Кретович полагает, что православным нужно выяснить потребность единства власти, вместе с тем им нужно «оставить всю их религию». Прелат Шуман возвращает вещи на свое место. «Откровенность прежде всего. Не нужно скрывать и заслонять от униатов, что они католики». Смысл всех этих прений был тот, что православных нельзя сделать католиками, а можно подчинить папе, оставляя православными. Это особенно было ясно из второй речи кс. Свирского, в которой он «заявил снова, что можно оставить название “православный”, выяснив, что есть две православные церкви — одна католическая, а другая схизматическая».

Епископ Лозинский понял, что в таком виде дела оставить нельзя, ибо это значит не только похоронить унию, но и достоинство католической церкви. Он заявил: «Уже св. Павел осудил симуляцию в миссионерской работе, и мы ведь не применяем симуляции, не скрываем от конвертистов, что они католики, скорее стремимся это подчеркнуть. Выражение “православный” можем оставить в литургии, но в практике будем держаться ясной постановки дела и просто говорить, что, принимая католицизм, “изменяют веру”. Будем стараться выяснить правду во имя правды, полагаясь на милость Божию, а не на людские усилия. Пользуясь в обход правды какими-то компромиссными выражениями, мы будем православных вводить в заблуждение, чего делать не имеем права. Оставлять кому-либо “всю его религию”, хотя и ложную, — это ересь»²⁷.

Несмотря на все это, вопрос остался открытым, никакой резолюции не вынесено. Пришлось примириться с «ересью» и оставить православным «всю их религию»

Такой же острый спор возник и по докладу ксендза К. Кулака «Двойное направление униатского движения на Руси в XVI в., или унианизм истинный и ложный». Истинный унианизм не признает унии как самостоятельного исповедания. Требуется безоговорочное подчинение Риму — и снова вернулись к вопросу о методах совращения. Ксендз Домбровский из Альбертина утверждает, что нет необходимости требовать от православных ясных заявлений об обращении в католичество, перемене своей религии и проч., достаточно говорить только о «соединении православных» с католической церковью. Никакой резолюции не вынесли.

В докладе о. И.Скрутения был осужден ксендз Королевский за его труд «L'uniatisme». Француз Chagnon, консультант конгрегации, для Восточной церкви писал под псевдонимом Королевский.

Затем иезуит А.Домбровский защищал «синодальную» форму «восточного обряда». Вообще «восточный обряд», если им пользуются католики с таким самым правом, если не большим, может быть назван католическим, и он считает, что латинянам «трудно признать компетенцию в реформировании восточного обряда». Доклад А.Домбровского был дополнен докладом св. З.Каленюка «Полицейская форма греко-славянского обряда». Доклад очень резкий, в нем установлено около 100 уклонений от обряда православного, и потому галицийская форма совершенно не годна для пропаганды среди православных.

После доклада св. З.Каленюка, эпически повествует отчет, наступило довольно печальное замешательство, ибо докладчик, вместо того, чтобы установить права галицийской формы «восточного обряда», согласно объявленной теме, «в резких словах осудил ее, а в некоторых местах даже способом, обидным для многих из присутствующих»²⁸.

В последнем докладе «Некоторые препятствия для унийной работы в наше время» о. Я.Урбан всесторонне защищал «восточный обряд». Весьма решительно его поддержал протоигумен Альбертина ксендз Вл. Пионткевич:

«Ошибаются те, кто видит в нас тех, кто хотят облегчить латинизацию и полонизацию восточных народов. В Божьих руках — будущее народов, но даже если бы Польше была дана свобода поглощать (съедать) народы, то пусть она этого не делает, потому что все равно не переварит, а только получит много ран, как это было в прошлом. Идем во имя святой любви — и тогда зарубцуются язвы и прекратятся недоумения, ибо, что было когда-то, тому нет места сегодня»²⁹.

В итоге победили иезуиты — были признаны все права «восточного обряда» и решено не пугать православных словом «католик». Словом, победило Православие — победила жизнь. Резолюции оказались весьма бледными: нужно устроить семинарии, нужно издавать учебники богословия, нужно издать специальный журнал, посвященный унийным вопросам. Нужен епископат «восточного обряда».

1–3 сентября 1931 года проходила II конференция. Это было пышное собрание. На ней присутствовало 5 епископов: Н.Чарнецкий — (желание первой конференции было удовлетворено) оказался епископом «восточного обряда». Митрополит Ропп, епископ Пшездецкий, Луккомский из Ломжи, Лозинский. Были получены приветствия от папского нунция Мармаджи, секретаря конгрегации для Восточной церкви, кардинала Синцера, председателя Русской коллегии д'Эрбиньи. Кроме епископов присутствовало 52 человека и 33 семинариста. Было оглашено большое письмо д'Эрбиньи.

Доклады общего характера сделали: о. Я.Урбан «Современное состояние православия». Ксендз И.Свирский «Главные различия католичества и православия в системе нравственного богословия». Ксендз Т.Галушинский «Права целибата в восточных церквях». А.Ишак «О способах оживления евхаристического культа в восточном обряде». Кроме того, о. Я.Урбан говорил на тему «Метод миссионерской работы среди православных». Все это было, в общем, повторением того, о чем и ранее много писалось и говорилось.

После конференции пришло приветствие из Рима через статс-секретаря Пачелли³⁰.

В резолюции главное внимание было обращено на оживление практики евхаристии, хотя и способами «строго приспособленными к “восточному обряду”», но постановили просить св. Престол о восстановлении «особого праздника Св. Евхаристии». Митрополитальное «Слово» правильно заметило, что это — первая ласточка надвигающейся на «восточный обряд» латинизации³¹.

Засим резолюция говорит: «Конференция считает необходимым сущность слова “православный” так объяснять католикам, чтобы пользование этим словом в литургии и вне литургии не давало повода к какому-либо смешению понятий». Что это значит — неизвестно. Затем было высказано нечто в защиту языков меньшинства и осуждено выступление польской печати, считающей себя католической, против “восточного обряда”.

Снова напомнили о необходимости издания учебников по богословию догматическому, моральному и т.д. Польская печать к конференции отнеслась и критически, и иронически.

22 октября в газете «*Slowo*» появилась статья W.Ch., в которой автор попросту разводит руками: на конференции решили — «польским православным» противопоставятся «римские православные». Что за странный проект! Какая смесь понятий!

Далее иронизирует автор:

«О. Оношко высказывается за то, чтобы не опасаться преподнести народу слово “католик”; нужно убедить верующих, что они являются католиками, а тогда не будет массового отпадения после приезда к ним латинского епископа».

«В конце концов, — говорит автор, — было принято компромиссное решение: название “православный” сохранить, но выразительно толковать, что католический православный является более православным, нежели православный, который не является католиком, но который принадлежит к “кафолической церкви”. Коротко, ясно, совершенно понятно. И что из всего этого поймет наш крестьянин — один Бог ведает».

И вообще, что это за явление — «поляк, молящийся в католическом храме по синодально-русскому обряду и на церковно-славянском литургическом языке»³².

Как видим, резолюция II конференции не подействовала на польскую печать.

В такой обстановке, под неодобрительный аккомпанемент польской патриотической печати собралась III конференция, самая большая, 30 и 31 августа и 1 сентября 1932 г.

В это время наступление на «восточный обряд» шло по всему шовинистическому фронту в Польше. Это наступление в то же время подготавливало прямое нападение на Православие.

Конференция была многолюдна. Присутствовало пять епископов: митрополит Ропп, Ялбриковский, епископ Пшездецкий, Чарнецкий, Букова, заменивший С.Лозинского, который умер 26 марта 1932 года. Печальна судьба этого чистого человека и аскета. Увлеченный химерой обращения православных, он был использован в целях вульгарной политики. На него легла ответственность за предъявление исков, он был создателем того боевого настроения, которое привело к катастрофе и «восточный обряд», и Православие.

Присутствовало 84 человека, 28 семинаристов. Была почтена память С.Лозинского. Были получены приветствия от Пия XI через Пачелли, от нунция в Варшаве — Мармаджи.

Первым произнес слово епископ Пшездецкий, который почти накануне — 22 августа — был принят папой. Пий XI ему разъяснил, что Комиссию «Pro Russia» учредил еще Бенедикт XV, что возражения и споры в связи с этой Комиссией имеют место только в Польше, что иерархию в России создал не д'Эрбиньи, а Апостолический престол и вообще не может быть никаких споров о миссии Церкви, данной ей Иисусом Христом.

И вообще Пий XI «один и другой раз категорически заявил, что, выступающие против этого дела — не католики». Пшездецкий уверил папу, «что они не дадут себя победить препятствиям» в Польше, и передал благословение конференции от Отца Христианства³³.

Пришло приветствие и от д'Эрбиньи на бланке Восточного института.

Доклады ксендза проф. М.Кривицкого «Апелляция Востока к апостольскому престолу после Ефесского разбоя и примат папы»; ксендза И.Свирского «Таинство исповеди в русской православной церкви»; ксендза А.Ищака «Filioque Фотия и его преемников»; священ. Р.Кремера «Дух любви в унийном движении согласно выступлениям двух последних пап» имели академический характер.

Боевыми были доклады о. Я.Урбана «Унийная акция и религиозная миссия Польши», священ. Б.Пачонка и о. Неманцевича «Изображение нашей унийной работа» и священ. В. Оношко «Что нужно для нашей унийной работы».

О. А.Неманцевич пояснил, что в Виленской митрополии 4 прихода, 7 священников и около 3000 униатов. В Пинской епархии — 12 священников, 1 диакон и 6 066 душ. В Луцкой — 25 священников и 11000 душ и в Подляшской — 9 священников, 2 диакона, униатов 3210. В Люблинской — 3 священника, 500 душ. Всего 46 священников, 4 диакона и 23 866 душ «восточного обряда». Это за 10 лет. Кроме того, «беря в общем этих свежее обращенных, можно их назвать скорее грубой и недостаточно обработанной материей, как сырьем, из которого постепенно выработаются католики по жизни и правде. Более подходящий материал — молодежь и дети. Более благоприятная обстановка на Холмщине, ибо новоуниаты получают закрытые православные храмы. Со дня ликвидации унии прошло 57 лет, она сохранилась в памяти, но «вымрут старшие, изменятся условия, и тогда трудно будет присоединять, детей бывших униатов»³⁴. Много есть препятствий, и больше — со стороны католического клира.

Нет епархий, одного визитатора недостаточно. Нет канонического кодекса. Трудно с языком — русским нельзя пользоваться К этому белорус В.Оношко добавил: «Наша унийная работа, если посмотреть на нее с общей точки зрения, представляется весьма слабой». Это островки в четырехмиллионном православном море. Нужно создать целую миссионерскую армию. Но нужно быть осторожными. «Посещение славянского прихода латинским епископом может иногда принести больше вреда, чем пользы», ибо это возбуждает в народе сомнения относительно унии.

И дальше «словом, для работы нужны нам деньги», и нужно собирать их по всей Польше. Кроме того, нужно быть очень осторожными с

введением католических особенностей, даже таких, как процессия Божьего Тела. Словам, еще раз подтверждено, что для успеха обращения православных их нужно оставлять православными³⁵.

И опять раздается голос западника-латинника. Новогрудский декан кс. Венцкевич в длинной и путаной речи пришел, в конце концов, к выводу, что обращение в «восточный обряд» с католической точки зрения ничего не стоит и что уния не имеет ни влияния, ни авторитета и, в конце концов, «сейчас» православным всего больше импонирует церковь католическая именно как римская, в своем латинском виде и потому не следовало ли бы удовлетворить это их желание войти в состав того Христова общества?³⁶

Нет, не так обстоит дело, — твердо и властно заявил Урбан в своем докладе «Унийное движение и религиозная миссия Польши». «В чем исторический смысл существования и призвания Польши? Она должна создать Царство Божие, и она должна его расширять. Она вообще призвана расширять христианство. Нашей миссионерной областью от самой зари христианства были Восток и Юг, непосредственно к нам примыкающие». И потому Брестская уния была истинным делом осуществления исторического посланничества Польши и дальше. «Польша потому пала, что не довела до конца дела единения Церквей». И хотя обращение в латинский обряд вещь прекрасная, но это не больше, как мечта, и не лучше ли эту мечту заменить на реальность «восточного обряда»? Латинизация — это разрыв с национальностью и родным языком, присоединение к народности, которую до сих пор считали для себя чужой.

Унийное движение есть осуществление великой религиозной миссии Польши, то есть миссии среди тех народов, которые находятся в ее границах, среди поляков, украинцев, белорусов. И кроме того, как вести миссию и что делать — это знает верховный пастырь Церкви, и он указывает пути. Критикам нет места³⁷.

Резолюция указывает ряд мер к развитию пропаганды. В самом византизме необходимо отделять добро от зла, как, например, цезарепапизм. И снова конференция вернулась к вопросу издания журнала.

В начале 1933 года вышел первый номер двухмесячного журнала *Oriens**, посвященного религиозным вопросам Востока, в издательстве «Восточной миссии о.о. иезуитов в Польше». Редактор — о. Я.Урбан. Выходил сначала в Кракове, а с 1 декабря 1935 года — в Варшаве.

Журнал опоздал своим появлением. Его появление совпало с кризисом комиссии «Pro Russia» в Риме, с отходом Ватикана на другие позиции. Он не мог помочь Риму в это трудное время, но он принял на себя всю тяжесть борьбы в Польше и хотя боролся за безнадежное и плохое дело, но боролся умно и мужественно. Это тип научно-популярного журнала, стоящего на довольно высокой ступени. Он дает много

* «Восточный обряд» обслуживается следующими изданиями на русском языке: 1) «Католический вестник» русской епархии в Маньчжурии. Выходит с 1931 г.; 2) «Заметки русской духовной академии в Риме». Печатаются на шапирографе и выходят нерегулярно, издаются при Русской коллегии в Риме; 3) «Наш приход», бюллетень русско-католических миссионерских центров в Берлине и в Вене; 4) В Париже выходили «Вера и Родина», несколько номеров «Благовеста» и три довольно обширных выпуска «Католического временника». С 1 января 1938 года стал выходить журнал «Беседа», очень небольшого размера, в качестве вестника русских католиков во Франции.

полезных и для Православия сведений. О. Я.Урбан — талантливый и остроумный писатель. Он прекрасно ведет хронику и полемику. Он разъяснил православным многое, чего они не знали и о чем не думали, и окончательно убедил католиков в том, что «восточный обряд» — негодный путь к церковному единению. Православные люди, расходясь с о. Я.Урбаном в самом основном — в понимании путей христианской любви, не могут не быть признательны за те слова правды, которые он говорил польскому обществу по поводу безобразий, чинимых в Польше в отношении Православной Церкви.

Последующие Пинские конференции: IV — 7, 8 и 9 сентября 1933 года, V — 5, 6 и 7 сентября 1935 г. и VI — 1, 2 и 3 сентября 1937 г. — уже не имели такого значения. Они стали собираться через два года. В 1939 году была созвана уже в Вильне. Пинск потерял свое значение «польского Велиграда». Все изменилось, и все пошло своей дорогой. Под предлогом полонизации и латинизации правительство стало громить Православие. О любви к «отъединенным» братьям перестали говорить даже иезуиты. Священника «восточного обряда» заменил капрал пограничной стражи, к нему присоединился ксендз. Польская история восстановила прерванную традицию. Конечный результат избранного пути не заставил себя ожидать.

5

Епископ д'Эрбиньи шел к своей цели, решительно ни с чем не считаясь. Энциклика «Mortailium animos» в корне пресекала какую бы то ни было возможность разговоров католиков с православными и другими исповеданиями по общецерковным делам. Все определит Рим, которому во имя спасения надлежит оказать послушание. Вот и все соединение в любви и познании.

Однако в самом католическом мире оказались силы, враждебные такому взгляду на вещи.

21 марта 1924 года была образована восточная славянская ветвь ордена бенедиктинцев в «целях унийных», а 4 июля 1928 года декретом Конгрегации для Восточных церквей был образован монастырь бенедиктинцев «восточного обряда» в Амее в Бельгии. Бенедиктинцы со свойственной им серьезностью отнеслись к порученному делу, принимая слова папы и акты курии по их словесному содержанию, а не скрытому смыслу. Они стали издавать журнал «Irenikon» и вести работу действительно в духе любви и познания. Душой этого начинания был знаменитый кардинал Мерсье.

Работа, которую ведет эта организация, по словам ее члена, свящ. Андрея Лилиенфельда (русского), может быть охарактеризована так: «изучать, чтобы узнавать друг друга, узнавать, чтобы полюбить, и полюбить, чтобы соединиться». «Через жизнь, сродную основным принципам восточной теологии и аскезы», «Moins de L'Union» жаждать познать все самое возвышенное в религиозной православной душе. «Если на протяжении прошлых веков слишком указывались взаимные вины и слишком подчеркивались допущенные ошибки, ныне, чтобы избежать опасности прошлых неудач, необходимо всем забыть горькие упреки и обиды». «Если истина имеет свои права, то любовь, со своей стороны, имеет обязанности». В результате «прошел только год, и мы уже можем благодарить Бога за плодотворную работу — во многих отношениях она превзошла наши надежды»³⁸.

Но уже в 1928 году В.Вилинский в статье «Пути католической пропаганды» писал, что есть, кроме амейцев и А.Шептицкого, еще и иезуиты в Альбертине, которые «как бы надеются методом персональных конверсий обратить в католичество весь 150-миллионный русский народ». Главной ставкой этих лиц «является создание конкурирующей с Православной Церковью русской католической церкви «восточного обряда», которая должна принимать в свое лоно всех конвертистов поодиночке, так чтобы сама Церковь Православная была бы оставлена в стороне и вопрос о соединении был бы разрешен фактически без нее». Однако если бы все перешли в эту церковь альбертинцев, то Православная Церковь все же осталась бы — «это была бы церковь ангелов и святых и всех прежде почивших отцев и братьев». Во всяком случае, «мы должны сказать нашим католическим братьям, что не все дороги ведут в Рим, и поэтому надо тщательно и осторожно выбирать правильную дорогу»³⁹.

В январе 1932 года в статье католика, напечатанной в русском журнале, мы читаем, что создание церкви «восточного обряда» есть подделка. «При помощи этой подделки под Восток они надеются подменить Православие в душах тех, кого они желают поглотить». Это дело ведется в ударном порядке. Но «если взглянуть на положение дела так, как оно, к несчастью, сложилось сейчас, то нужно прямо сказать, что новая политика Рима не имела у православных ни малейшего успеха» и вообще «вне пределов Православия богослужение мертво и не может ничему научить». «Кто не понимает того, что богослужением нельзя пользоваться для какой-то религиозно-психологической вивисекции, те не должны и не могут касаться вопроса о соединении с Востоком». И, в сущности, латиняне, замаскированные под греков, — «вдвойне латиняне». В заключение «только когда Римская церковь признает существование Православия так, как оно существует само по себе... только тогда можно будет думать о соединении». Единение — это «в существенном единство, — в пререкаемом и спорном — свобода, во всем — любовь»⁴⁰.

Ничего этого комиссия «Pro Russia», не желала знать, и в конце 1932 года произошла катастрофа амейцев.

В феврале 1928 года деятельность амейцев была ограничена только одной Россией. В Польше господствовал Альбертин. Вынужденно ушел в отставку первый игумен о. Ламберт, и, вопреки традиции ордена, его заместитель не был выбран, а назначен. Журнал подвергся «драконовской цензуре», были сменены редакторы о. Фома Бек, Андрей Лилиенфельд, Ф.Мерсенье. Амейская община раскололась, Рим заставил подчиниться более сговорчивых. «Остальные представители “героического времени” присутствовали взволнованные, но бессильные, созерцая гибель собственной инициативы». Они надеялись, что вихрь пройдет. Но их надежда скоро рассеялась. Амейцев решили подчинить идеологии «восточного обряда» альбертинцев. Великого кардинала Мерсье уже не было. Они остались беззащитными. Часть из них просто ушла в Православие: о.о. Лев Жилле, Арсений (Михей) Ордынцев-Кострыцкий, Мавр (Алексей) Ван-Менебрюке и Владимир Лиминг (1927–1928 гг.). Другие вернулись в свои монастыри. Комиссия «Pro Russia» монастырь временно закрыла. О. Ламберт вынес два процесса в Риме и пересмотр всех своих сочинений, был изгнан из Бельгии и заключен в монастырь строгого устава Анкалька-Пиринеи. Были разогнаны и

другие. О. А.Лилиенфельд занялся благотворительной работой среди русских в Бельгии. В сентябре 1932 года перешел в Православие о. Давид Бальфур, известный своими хрониками в «Ирениконе». «Разочарования должны послужить к спасительному пересмотру нашего внутреннего содержания». Чтобы добиться единения, «недостаточно движения, созданного по указанию церковной иерархии... необходимо, чтобы оно вытекало из глубины вселенской совести». Так рассказывает об этой трагедии в недрах католичества иеромонах Александр. Рим желает любовь сочетать с жестокостью. Православия устранить нельзя — этого следовало бы Риму не упускать из виду⁴¹.

6

Несмотря на все эти внешние успехи д'Эрбиньи, дело и в Польше принимало опасный характер не только для «восточного обряда», но и для Православия.

Новоуниатское движение признает «восточный обряд» с церковно-славянским языком богослужения и с проповедью также на русском языке. Иронией судьбы и стечением трагических обстоятельств иезуиты на Волыни охраняли те ценности Православия, которых не смог охранить митрополит Дионисий. По этим соображениям новоуниатское движение встретило сопротивление со стороны украинских политиков, впрочем, не столько с точки зрения церковных, сколько политических интересов.

На такой же точке зрения стояли польское правительство и польское общество. Уния — вещь неплохая, но если эта уния укрепляет славянский язык богослужения и проповедь на местных языках, в том числе и на русском, то это совсем не то, чего желает правительство. Оно согласно терпеть Православие, но в облике польском. Оно хотело бы, чтобы и богослужение и проповеди были на польском языке. Повидимому, против этого ничего не имеет иерархия, и не только потому, что она охотно согласилась на перевод богослужебных книг на польский язык, но, главным образом, ввиду ее согласия на полную и абсолютную полонизацию образования православного духовенства в Польше. Православие станет польским именно тогда, когда духовенство станет польским по духу. Между тем новоуниатское движение является препятствием этому. Папа упорно и довольно, по мнению поляков, бестактно заявляет о том, что не следует денационализировать православное население и что, во всяком случае, уния не должна быть к тому средством. Польское общество держится как раз обратного мнения: в интересах государства следует полонизировать православное население, и удобнее всего эти сделать как раз при помощи Церкви. По этому вопросу возникла большая газетная и книжная литература, и защитники унии оказались в весьма трудном положении. Пытались затушевать вопрос разными побочными соображениями, но все это не приносило пользы.

Выступая против «восточного обряда», польское общество как бы защищало Православие и при этом совершало акт мужества, ибо шло против ясно выраженной воли Рима. Судьба Православия в Польше, однако, была предрешена. Польские политики пока показывали лисий хвост, волчьи зубы были еще спрятаны.

Это выступление польского общества было для иезуитов неожиданностью.

В мае 1932 г. д'Эрбиньи дал интервью краковской газете «*Ilustrowany Kurjer Godzienny*», довольно распространенной, хотя и вульгарной. Она резко выступала против «восточного обряда». В интервью д'Эрбиньи заявил, что задача комиссии «*Pro Russia*» «не политика, а спасение душ», действие ее распространяется «на все земли, бывшие когда-то под властью Русской империи». Он подчеркнул, что употребление термина «православный» неправильно и нужно говорить обращаемым «вы римо-католики». Указывал на успехи католической пропаганды среди эмигрантской молодежи. Пребывание 160 студентов в Бельгии в католическом интернате в Лувене отрывает «от влияния русского православия». Интервью не произвело впечатления. Гораздо большее впечатление произвело заявление 47 помещиков-католиков, поданное 5 мая Виленскому митрополиту Ялбжиковскому. В этом заявлении указывалось, что никаких результатов пропаганда иезуитов не дает. «В деревнях, в которых о.о. иезуиты считают своих прихожан десятками и сотнями, почти все они во время переписи заявили себя православными». «Русификаторская» работа «восточного обряда» приносит сомнительную пользу римо-католической церкви и большой вред государству. При восстановлении нормальных условий отпавшие возвратятся в Православие. «Перелеты» опасны, среди них может найтись и преемник Семашко. Авторы заявления рекомендуют иезуитам отправиться в Россию и просят митрополита Ялбжиковского ходатайствовать перед Ватиканом о запрещении иезуитам пропаганды «восточного обряда» и предоставлении заботы над желающими перейти в католичество священникам латинского обряда⁴².

Иезуиты перешли в контрнаступление. Тому же митрополиту было представлено два мемориала в пользу Альбертина, в которых просили митрополита, чтоб он «всею силой своего авторитета выступил против этих письменных обманов и стал в защиту истинных наших опекунов, благодетелей наших мест», то есть иезуитов. На одном мемориале, по утверждению Ogiens'a, было собрано 2800 подписей⁴³.

В печати поднялся шум. Появилась брошюра В.Пиотровича «Уния или демонстрация». (Пиотрович — чиновник воеводского управления в Вильне, ведавший вероисповедными делами.)

«Вековая тенденция апостолического престола, — говорит автор, — к церковному единению с русским Востоком была всегда осуществляема через Польшу». В концепциях Ватикана ее государственная территория всегда была мостом в Россию, но «государство не может допустить нарушения своих интересов во имя привлечения будущей России к католичеству».

Интересы же государства нарушаются тем, что «короче говоря, современное неуюнийное движение стремится, может быть, не вполне сознательно, к сохранению культурно-политической связи Украины и Белоруссии с русским Востоком, в то время когда польская политика должна стремиться к совершенному разъединению этой связи. В этом именно пункте наши пути расходятся в противоположные стороны». И, наконец, говоря о комиссии «*Pro Russia*» и ее компетенции, с горечью замечается, что «последовательный, но вместе с тем изумительный отсюда вывод таков, что поляк, украинец или белорус, возвращающийся к вере своих отцов, когда то силой “обращенный” в Православие, совершать это должен под эмблемой «*Pro Russia*», для России или с Россией, которая в делах веры и исповедания, как и в других, оставила в нашем

краю такие болезненные и печальные воспоминания, такой грустный результат, такую насильственную историю». И такое оскорбительное название дано комиссии, «которая является высшей после папы властью» для католиков «восточного обряда»⁴⁴.

От этого блеска государственных способностей польского чиновника д'Эрбиньи мог только руками развести

Дальше было еще хуже.

Уже с конца 1926 года консервативная Виленская польская газета «*Slowo*» открыла свои страницы для обсуждения «восточного обряда». Продолжалось это 5 лет, и со 2 декабря 1926 г. по 3 декабря 1931 г. было помещено 62 статьи. Статьи эти частично были собраны в особой книжке и изданы в Слониме в 1932 г. под заглавием «Новые формы церковной унии в Польше». Очень жестокая для «восточного обряда» книга.

Оказывается, прежде всего, что «за работу на наших землях взялись люди, не знающие народа, среди которого действуют, не ориентирующиеся в опыте нашего прошлого и не считающиеся ни с государственным интересом Польши, ни с психологией обращаемых».

Ксендз В.Мейстович находит, что слишком далеко на Восток ушли ныне применяемые формы. «Нужно ли в действительности ксендзу, идущему в православную хату в Слонимском или Слуцком уезде, иной язык, кроме польского с его местным оттенком, иная одежда, кроме сутаны?». И дальше тонко замечает: «Разрешение этого вопроса может иметь решающее значение и для церкви, и для государства». Словом, о чем говорить, когда под рукой обращения в чистое католичество.

Тем более, говорит Мацкевич, что «восточный обряд» «русифицирует наши окраины, одновременно ссоря нас с Православной Церковью. Уния создала народность. Кроме того, в наших областях наибольшим камнем оскорбления, брошенным в Православную Церковь, есть существование славянского обряда». А самое главное, если старый Франц Иосиф говорил: «Понимаю войну для приобретения провинции и не понимаю для ее утраты», то и мы можем сказать: «Понимали бы борьбу с церковью для колонизации края и не понимаем ее для русификации»⁴⁵.

Но это мало. К довершению всего появилась книга графа Генриха Лубенского «Дорога Рима на Восток», создавшая сенсацию скандала. Книжка по существу малоценная и совсем не оригинальная. Ее смысл в том, что уния ни исторически, ни в наше время себя не оправдала, что все, что делает Ватикан в Польше, — это вредно для государства, а дело совсем в другом.

«Движение “восточного обряда” должно затем оценивать как приводящее к русификаторству восточных земель и охраняющее русскую культуру на восточной территории», и автор резко против этого восстает, так как «все мы без различия национальности протестуем против русского языка». «Вопрос идет не о запрещении принятия в католическую церковь в “восточном обряде”, а о запрещении пропаганды “восточного обряда”», и это не потому, что охраняются права православной церкви, а в силу, того, что неудача «восточного обряда» возбуждает понятную радость в православной церкви, которая, выходя из этой борьбы победительницей, усиливает свою сопротивляемость пропаганде католичества не только восточного, но и латинского.

Эта русификация со вторжением «восточного духа и византизма» происходит в то время, когда в медленном, быть может, но зато совер-

шенно свободном и естественном процессе «подвергаются» деруссификации восточные земли Речи Посполитой. Никто не станет «отрицать развития польских элементов и польской культуры в этой части страны»⁴⁶. Граф Лубенский был сотрудником министра Бека и проявил равную ему государственную дальновзорность*.

Словом, все готово к полонизации и переводу в католичество, а тут какой-то «восточный обряд» с его охраной национальности. В охране национальности, и особенно русской, обряд не повинен, но что Рим против насильственного ополячивания — это верно. Ибо слишком дорого за такую политику Польши приходилось Риму платить.

Здесь нелишне вспомнить слова Ю.Ф. Самарина, который польскую стихию постиг до конца.

«Во имя своей народности она (Польша) требует для себя политического господства над другими, равноправными с ней народностями и оправдывает это притязание обетом служить орудием просветительному началу, который губил и губит ее внутреннюю силу».

Новый пророк польской миссии на русской земле Г.Лубенский попал в указатель запрещенных для чтения католикам книг.

4 октября 1932 года кардинал, архиепископ Варшавский и примас царства Польского А.Каковский издал декрет, в силу которого книжка Лубенского была включена в список книг, запрещенных для чтения; запрещается хранение и распространение католикам не только самой книги, но и мыслей, в ней заключенных, ибо «автор резко выступает против восточного славянского обряда, или греко-католического, легкомысленно выражается о методах деятельности католической церкви в деле восстановления церковного единства с Востоком, причем высказывает мысли, оскорбляющие чувства католиков, понижая достоинство церковное и в особенности достоинств Апостолического престола». 21 октября выступление А.Каковского получило «благословение, признание и горячую благодарность» от папы Пия XI.

Вокруг книжки Лубенского и декрета кардинала А.Каковского поднялся большой шум в печати. В специальном издании было собрано 54 газетные статьи, посвященные этому вопросу. В.Гельжинский в «Эпохе» писал: «Папство построило мост в Москву через Польшу. Между тем этим воспользовалась Москва для захвата половины Речи Посполитой. Сейчас Ватикан начал ту же самую работу» «Express Rozanpu». «По восьми годам унийной работы баланс равен нулю». «В результате унии, — говорит «Утро пруда», — католицизм потерял присоединенную Польшей Русь и не присоединил Россию к единству с Римом». «Kurier Warschawski» пытался спасти положение, объясняя, что объектом церковной унии является ни Польша и ни Россия, а католическая и так называемые православные церкви⁴⁷, и что опасность русификации окраинного населения грозит не со стороны унии, а Православия.

7

Всего этого натиска «восточный обряд» не выдержал. 3–7 октября 1933 года в Риме происходили совещания епископов восточных епархий Польши по делам унийным на креслах. Прини-

* Книжка эта, по-видимому, была инспирирована Министерством иностранных дел.

мали участие в качестве председателя Виленский митрополит Яблжиковский, епископ Подляшский Пшездецкий, Люблинский — Фульман, Луцкий — Шелонзак, Пинский — Букраба, преемник покойного С.Лозинского, его викарий Немира, апостолический визитатор Н.Чарнецкий и нунций в Польше — Мармаджи.

Члены съезда были приняты папой. Пий XI сердечно благодарил епископов за их труды и неприятности, испытываемые в связи с препятствиями, чинимыми делу унии, которые он хорошо лично узнал, будучи нунцием в Польше. Он благодарил за связь, которую они установили между ним и душами, во имя которых Спаситель принес богатую искупительную жертву.

И если св. отец еще не имеет средств, дабы все предложения совещания провести в жизнь, но их имеет Божественный Промысел, который в свое время использует их для спасения бессмертных душ. Был поднят вопрос об отдельной иерархии «восточного обряда» в Польше.

25–28 октября в Риме состоялось собрание русских священников «восточного обряда» под покровительством иезуитов и в их доме. Это уже не первое собрание. В октябре 1930 года состоялся «съезд русского духовенства Вселенской Церкви» в Риме под руководством епископа П.Бучиса.

«С увеличением числа принявших католическое исповедание возросло, однако, в некоторых кругах русского общества неодобрительное отношение к этому движению», — замечает П.Бучис.

Поэтому решено было обратить внимание эмиграции на «сущность русского католического движения» и «рассеять некоторые предубеждения».

Поручено это было сделать священнику «восточного обряда» кн. Александру Волконскому. В этой родовитой семье было особенно сильно влечение к католицизму. Перу матери о. Александра принадлежат два исследования: «О церкви» (1-е издание, Берлин, 1888; 2-е издание, Петербург, 1909) и «Церковное предание и русская богословская литература» (Фрейбург, 1898). Работы эти апологетического, в пользу католицизма, характера.

А.Волконский родился в Петербурге в 1866 году, в конце войны был военным агентом в Риме. После революции он там остался, и в 1930 году, 64 лет от роду, принял католицизм, стал священником «восточного обряда» и начал работать в комиссии «Pro Russia».

Во исполнение поручения съезда он стал выпускать отдельными выпусками исследование, которое в 1933 году вышло в Париже под заглавием «Католицизм и священное предание Востока» с предисловием епископа П.Бучиса (436 с.).

Особенных богословских знаний и литературного таланта автор не обнаружил.

Мысль, что русский должен быть православным, он считает ложной (с. 16). Православную Церковь считает более правильным называть «греко-российской», более подходящего названия не нашлось (с. 40) и думает, что спасение России «прежде всего в религиозном возрождении». Это возрождение мы не чаем иначе, как под благодатным водительством Наместника Христова (с. 38).

Определяя примат св. Петра, а стало быть и папы, он пишет:

«Велико значение Петра, но непостижимо, каким образом оно может принижать величие Христа. Обширность прав вице-короля Индии и

блеск его двора отнюдь не уменьшают величие короля Великобритании, а, напротив, свидетельствуют о таковом: оно лишь его отражение и осуществление воли монарха». Для католиков это звучит весьма странно. В православных кругах книга прошла незамеченной.

О. А. Волконский умер в Риме 18 октября 1934 г. Его братья, Петр и Сергей, и сестра Мария также католики.

Покойный «был достойным представителем семьи, в которой всегда жили большие симпатии к католицизму», — замечает епископ П. Бучис.

В совещании 25–28 октября 1933 года присутствовали: Сипягин — из Рима, Евреинов — из Парижа, ныне епископ «восточного обряда» для эмиграции, Волконский — из Рима, Артемьев — из Братиславы, Кузьмин-Караваев — из Намюра (Бельгия), Жеденов — из Лиона, Цебриков — из Парижа, Святославский — из Марселя, Рихтер — из Намюра, Длуский — из Берлина, Братко — из Русской комиссии, Веригин — из Рима, новопринятый Гречишкин — из Бельгии, Лазаревич-Шепелевич и дьякон Костюк — из Рима. Кроме того, участвовали миряне Георгий Маклаков, профессор католического института из Парижа, и граф Георгий Бенигсен из Лондона. В этом съезде принимал участие также епископ Николай Чарнецкий и католический епископ Шлоскан, недавно прибывший из России.

Духовные упражнения закончились торжественной мессой в воскресенье, 29 октября, в церкви св. Антония. Служил епископ Чарнецкий в сослужении 13 священников. Потом, по случаю юбилея, отслужили в семи базиликах специальные службы. 2 ноября все эти лица были приняты папой, который выразил свои чувства к ним и русским эмигрантам и дал указания, как исполнять эту трудную и деликатную миссию среди своих земляков.

На этом совещании д'Эрбиньи не присутствовал. Польские епископы, по-видимому, настояли на уступках общественному мнению в Польше и части (и при этом большей) самого епископата. Был другой план «возвращения» православных в католичество. Он еще созревал, но и в стадии первоначальных идей показал богатую жатву. Рим уступил. Уступки были не маловажны.

Связь «восточного обряда» с русской идеей не подлежит сомнению.

В начале октября того же 1933 года д'Эрбиньи вынужден был оставить Рим, чтобы «подвергнуться серьезной операции в Брюсселе». Его место занял помощник секретаря Конгрегации для особо важных дел Тардини. За два месяца до этого П. Бучис был освобожден от обязанностей генерала о.о. Марианов и был отправлен в Америку в целях визитации русских католиков. «Эта визитация будет продолжаться, наверно, долгое время», — добавляет журнал «Ориенс» (№33). П. Бучис и до сего времени в Рим не возвратился, а находится в Ковно.

Приближался конец и Комиссии для России.

Отставка д'Эрбиньи обратила на себя внимание европейского общественного мнения. Отставка эта совпала с приездом Литвинова в Рим. Муссолини повел свою линию, совершенно не считаясь с Ватиканом. Литвинов был принят итальянским королем, династия которого непосредственно связана с крестоносцами. Мнения французских газет разошлись. «Echo de Paris» полагало, что д'Эрбиньи устранен как сторонник согласия с Советами, несмотря на преследования христианства.

«Le Temps» полагало, что устранен д'Эрбиньи именно за то, что он против этого согласия. «Ogiens» увидел в этом противоречие и неосведомленность. Ни того, ни другого нет⁴⁸. Д'Эрбиньи из приятелей Советов перешел в лагерь врагов, потерпел личную неудачу в России. Ввиду возможных переговоров Ватикана с Литвиновым д'Эрбиньи мог только мешать. Он возбудил, кроме того, Польшу, неблагоприятно было с А. Дейбнером. В Ватикане не любят таких историй, и потому по совокупности причин была прервана карьера этого одаренного и энергичного, но мало осведомленного в русских делах человека. Виленское «Слово» полагало, что уход д'Эрбиньи и изменение политики Ватикана — «милый новогодний подарок» папы⁴⁹.

8

Все это происходила в Польше и в Риме, а вот что происходит, можно, сказать, на другом конце континента, в недавно образованном государстве — Маньчжу-ди-го.

В 1925–1926 гг. была образована католическая епархия во Владивостоке и первым епископом был назначен Сливовский, который, однако, не мог осуществлять свою власть на всем протяжении епархии, куда входил и Харбин, и в Харбине его замещал Герард Петровский, апостольский викарий для Сибири, который в Сибирь не мог уехать и оставался в Харбине. Местный настоятель кс. поляк Островский обратил внимание на возможность совращения православных.

В 1923 году к католицизму присоединился харбинский православный священник Константин Каронин, который в этом же году и умер. Через несколько лет, в 1925 г., присоединился его отец, харбинский протоиерей Иоанн Коронин, но и он вскоре скончался. Кроме смерти этих первых униатских священников, препятствием, по словам Д. Колпинского, было то, что католицизм в Харбине «отождествлялось с иноземщиной», то есть с поляками.

При таком скромном начале 31 мая 1928 года был организован ординариат, нечто вроде епархии «восточного обряда» для Китая, с пребыванием курии в Харбине, а управляющим этой епархией был назначен архимандрит Ф. Абрантович, белорус, который вступил в новициат марианов в Польше в 1928 году, специально в целях миссии «восточного обряда» на Дальнем Востоке. Он прибыл 6 ноября того же года, и вся его епархия состояла из нескольких русских католиков, бывшего архимандрита Николая Алексева, священника Захария Ковалева и дьякона Георгия Гица. Бывший арх. Николай вскоре уехал в Шанхай, где основал маленькую церковь. Ватикан предоставил епархии дом в Харбине. В 1929 году приезжает из Польши о. Д. Колпинский. Он налаживает отношения с русским обществом и печатью и вообще придает пропаганде мягкий характер.

Абрантовичу было поручено управлять также и польским приходом. Из этого, однако, ничего не вышло, и в 1931 году он должен был от этого отказаться. Урсулинки также в 1930 году разделили свой интернат на два: латинско-польский и восточно-русский, причем последний остался в ранее построенном доме, средства на постройку которого дала Русская комиссия. Польский интернат переселился в нанятое помещение. В этом случае произошло резкое расхождение между латинским и восточным обрядами и между поляками и русскими. Поляки боялись русификации, русские — колонизации.

Православное духовенство в Харбине отнеслось к этой миссии сначала со вниманием, полагая, что идет вопрос о соединении церквей в истинном значении этого слова, но засим, когда выяснился характер католической пропаганды, православное духовенство вступило в решительную и открытую борьбу, и успехи «восточного обряда» оказались весьма незначительными, так как никакой поддержки у местных властей он не нашел. До народа, в широком смысле этого слова, обряд этот вообще не дошел. Каплицы «восточного обряда» ни в какой степени не могли идти в сравнение с многочисленными православными храмами, а Харбинская епархия сумела вознести церковное дело на надлежащую высоту. Общее число русских католиков «восточного обряда» в Харбине не превышает 200 человек, из интеллигентного и среднего слоя. Пропаганда ведется главным образом при помощи приютов и школ.

В Харбине работают монахи мариане, белорусы, высланные из Друи (Польша), а также сестры урсулинки и францисканки.

Мариане ведут мужской лицей св. Николая для мальчиков. Лицею помогают и китайцы, так как св. Николай пользуется у китайцев большой популярностью. Воспитанников около 160, все в интернате. «Лицей и дальше борется с разными трудностями». Но вообще «маньчжурские государственные власти относятся к католической миссии в общем доброжелательно».

Одна треть в лицее — католики, остальные православные. При лицее имеется церковь «восточного обряда», которая является как бы кафедральным собором для восточного епископа в Китае.

Урсулинки, по преимуществу польки, ведут интернат при средней школе на 100 воспитанниц, из них 25 католичек «восточного обряда», несколько западного (польки), остальные православные. Три сестры принадлежат к «восточному обряду», остальные чистые католички. Имеются восточные каплицы. Урсулинки участвуют в службах по обоим обрядам.

Францисканки ведут также школу для девочек практического характера. В 1934 году было 200 детей, в том числе 50 католичек. Имеется восточная часовня.

Преподавание во всех школах ведется по-английски. По-русски преподается, кроме русского языка, Закон Божий, история и география России.

«Все было бы хорошо, дети переходили бы в католичество, — сообщает один из марианов, — но родители не позволяют, а на родителей влияет православное духовенство».

Вообще детей восстанавливают «православные попы». «Иногда наблюдается острая борьба между детьми на религиозной почве». Православных детей в эти школы загоняет нужда, а начало любви Запада к Востоку как-то трудно для осуществления у католических миссионеров. В конце концов не хватает средств.

Кроме того, в Чан-Чуне (9 часов езды от Харбина) францисканки ведут приют и школу для русских девочек. Есть их там около 50.

В 1938 году был десятилетний юбилей лицея св. Николая и гимназии урсулинок. Два воспитанника лицея — Аполлон Котков и Глеб Брянчанинов, окончившие лицей один с золотой, а другой с серебряной медалями, 4 декабря 1938 г. приняли монашество и вошли в орден марианов «восточного обряда».

Таким образом, католическая пропаганда ведется весьма осторожно через школы, в которых обучаются как православные, так и католики обоих обрядов, и апостолический администратор, по внешнему виду православный архимандрит, Фабиан Абрантович, считает, что это хотя и медленный, на правильный путь пропаганды, так как этим уничтожается прежде всего предубеждение православных против католицизма.

Архимандрит Абрантович заведует также миссией «восточного обряда» и в Шанхае, которая состоит приблизительно из 200 человек и одного архимандрита Николая Алексеева, перешедшего из Православия. Работа в Шанхае не удовлетворяла инициаторов «восточного обряда», и было решено в 1939 г. передать шанхайскую миссию иезуитам.

Теперь миссией управляют иезуиты — Яворка, по происхождению словак, и Вильцоцк, англичанин. Восточная часовня находится в частном доме. Предполагалось открыть школу для православных, но помешала война.

Организаторы «восточного обряда» обвиняют православное духовенство в Маньчжурии в том, что оно расходует больше средств на построение храмов, чем на воспитание молодежи, которая находится в Харбине в тяжелом положении; об этом говорилось в одном воззвании по привлечению средств на нужды лица св. Николая, с ссылкой на русскую поговорку «Не строй семи церквей — пристрой семь детей». Указывают они на недостаток благотворительной деятельности Православной Церкви, что не соответствует действительности. Выясняется также, что одним из препятствий развития «восточного обряда» являлось предубеждение местного польского общества, которое сначала на все это дело смотрело подозрительно и недоброжелательно, но затем все уладилось, уладились также отношения между апостолической администрацией и польским консулом.

Миссия «восточного обряда» в Харбине издает на русском языке ежемесячник «Католический вестник», равно книги и брошюры специального характера. Вся работа, естественно, ведется на русском языке⁵⁰.

Позднее всего было обращено внимание на Америку, и пропаганда «восточного обряда» началась приблизительно в 1936 году. О. прот. Г. Прозоров рапортом от 3 октября 1936 года доносил митрополиту всей Америки и Канады Феофилу об освящении в Лос-Анджелесе первой на территории США русской католической церкви во имя св. Апостола Андрея Первозванного. Освящение было совершено 27 сентября католическим епископом Иоанном Кентвел.

«Новый русский храм очень красив и уютен по внутренней чисто русской отделке. Очень изящен иконостас с иконами школы Васнецова.

В отдельном киоте поклонению верующих выставлена часть от подлинного древа Креста Господня.

Настоятель храма свящ. о. Михаил Недточин, русский, петербуржец, бывший офицер, успешно кончил Римский грегорианский университет со степенью доктора философии.

Глубоко преданный родине, — замечает местная газета, — о. Михаил превратил свой дом в уголок национальной России, в маленький русский музей.

По мысли о. Михаила, целью создания русской католической церкви в гор. Лос-Анджелесе является взаимное изучение и посильное

сближение между местными христианами славянских народностей, католического, православного и инословных исповеданий на основе русской церковности и в духе взаимного уважения и любви».

По поводу этого сообщения митрополит Феофил высказал следующее суждение:

«Какое недостойное отношение к Православной Церкви этих русских людей и какое враждебное действие со стороны католиков к нам, православным людям.

В Лос-Анджелесе имеются две русские православные церкви, сербская и греческая, но католики идут на Православие разными способами: строят храмы, по внешности русские, и службу служат нашу, а духовенство — от папы, вербуют детей наших в школы, пользуются тяжелым положением нашей Церкви от большевиков и своей пропагандой наносят ей смертельные удары.

Однако Церковь Христова наша имеет много исповедников в среде своей, честных русских людей, которые поддерживают ее честь и славу, а бесчестным, продающим первенство за чечевичную похлебку, стыд и позор.

Господь же истину Православия соблюдет».

Освящение церкви, по словам о. Г.Прозорова, носило малоторжественный характер. Епископ тотчас после освящения уехал и не остался на молебне, совершенном по «восточному обряду». Из русских присутствовало только двое, зато было налицо человек 35 американцев, любителей всяких развлечений. Вид священника Недточина был жалок, как у провинившегося школьника.

Надо признать, что развитие «восточного обряда» в Америке носило очень слабый характер, так как среди самих американских униатов идет борьба на почве внутреннего развития униатства в сторону латинизации, а также и на почве перекрещивающихся национальных течений.

«Восточный обряд» в Америке не может иметь успеха, потому что сама существующая уния, сохранившаяся от старых времен, переживает внутренний кризис.

К тому же и соблазн материальными выгодами в Америке не может иметь того значения, как в Европе, среди бесправной и малообеспеченной русской эмиграции.

Вне же русских эмигрантских кругов «восточный обряд» в Америке не имеет никаких точек своего приложения⁵¹.

Глава десятая

Будни «Восточного обряда»

1

Исполняя принятое на себя обязательство, «Oriens» в первый же номер поместил статьи арх. Маньковского, пребывавшего на покое, «Возле унийного движения» и проф. О. Галецкого «У польских источников предубеждений против унийного движения».

Арх. Маньковский говорит, что католики хотели бы обращения православных, но возражают против «восточного обряда», «в этом обряде видят опасность для польской идеи, опасность утраты поляками национальности и, может быть, не имеют доверия к самому обряду». И даже по этому поводу обращаются к св. престолу. Автор тут же отбрасывает всякую мысль о национальном характере движения, утверждая вместе с тем, что католическая церковь всегда была защитницей угнетенных народов, и довольно откровенно указывает на судьбу Польши и заботу о ней Рима.

«Мы должны согласиться с тем, — продолжает автор, — что установление внешней формы публичного богочитания принадлежит исключительно церкви, церковь же оба обряда — восточный и западный — полагает в равных правах и ни одному из них не дает преимущества перед другим. Добавим к этому мимоходом, что в то время, когда мы, поляки, были еще язычниками, то на славянских землях уже разнилось католическое “Господи, помилуй”».

И, обращаясь к противникам унии, автор заключает:

«Такие противники унийного движения, проявляя удивительную непоследовательность, в конце концов, согласились бы на религиозную пропаганду где-либо в Африке или на островах Полинезии, но не в Польше? Почему? Как будто бы польские обыватели имеют меньше прав к познанию истины, всей истины, чем готтентоты и малайцы».

Таким образом, с католической точки зрения православный народ в Польше, праздновавший 950-летие Крещения Руси, оказывается в смысле христианском наравне с готтентотами.

Такие оскорбления у православных вызывают только чувства глубокой жалости в отношении духовной нищеты Рима.

Польский ученый Оскар Галецкий не советует критиковать «восточный обряд», ибо этим портят отношения с таким могущественным фактором и столь важным для Польши, независимо даже «от религиозных взглядов», каким является св. престол. Кроме того, нужно иметь в виду, «что св. престол утверждает теперь, так же как и в прошлые века, что достаточно принятие католических догматов, всякие же обрядовые различия не существенны»¹. Из всех догматов в конце концов требуется признание только одного — примата папы.

Сущность расхождения заключается в понимании назначения «восточного обряда». Он рассчитан вовсе не на Польшу. Польша является только миссионерской областью, на которой должны быть выработаны

методы работы, подготовлены кадры и технические средства, изучены практика «восточного обряда» и психология Православия и на живом опыте проверены теоретические построения. Обращение православных в Польше было бы большим достижением, но главная задача в ином: войти в православную религиозную жизнь, приучить народ к себе и дать «восточному обряду» живое дыхание. И на этом пути Рим переходит все границы. В Альбертине одновременно строятся церковь и костел друг против друга, и на реальном опыте православным показывают, что нет разницы между обрядами и что оба эти храма в ограде одной и той же католической церкви.

По случаю закладки этих двух церквей, это имело место 12 июля 1936 года, журнал «Oriens», замечает: «Можно смело сказать, что это единственный случай в католической жизни вообще», и это является «символом единства католической церкви при различии обрядов; символом равноценности этих обрядов пред лицом Бога и Церкви». Главным жертвователем на постройку явился собственник имения, граф В.Пулсовский. На торжествах был сделан доклад о. Яном Урбаном «о религиозном посланничестве Польши»².

Католики недоумевали больше православных, но их недоумение заглушается требованием церковной дисциплины. Однако одной дисциплины все-таки в наше время недостаточно, пришлось подумать и о других средствах. Энергичная политика в «восточном вопросе» д'Эрбиньи оказалась столь же неудачной, как его русская политика. Собственно, русская политика и прервала блестящую карьеру этого незаурядного человека.

В недрах комиссии «Pro Russia» оказался весьма подозрительный по своим большевицким симпатиям русский католик, священник «восточного обряда» Александр Дейбнер, секретарь д'Эрбиньи.

В один прекрасный день он бежал из Рима, не повидав епископа и захватив документы.

Александр Дейбнер — сын русского католика Ивана Дейбнера, священника «восточного обряда», бывшего петербургского чиновника, тайно посвященного митр. Шептицким еще до манифеста 1905 г. о свободе совести. С 1910 г. он издавал ежесемесный журнал «Слово Правды» в духе воззрений Вл. Соловьева. Ив. Дейбнер играл значительную роль в Петербурге при организации русских католиков. Участвовал в съезде 1917 г. и в создании экзархата.

А. Дейбнер крещен был по католическому обряду, получает богословское образование в Константинополе и здесь рукополагается в священники «восточного обряда». Потом он возвращается в Православие, снова переходит в католичество и получает назначение в Рим. В Риме он приближается к д'Эрбиньи и завоевывает его доверие. Он становится личным секретарем последнего и сопровождает его в Россию в 1926 году, где д'Эрбиньи вел секретную работу, посещал католические приходы, имел совещания с католическим клиром, посвящал епископов, в том числе латыша Слоскана. Д'Эрбиньи всюду сопровождал А. Дейбнер, который и организовал поездку. Поездка благополучно закончилась, большевики дали возможность д'Эрбиньи спокойно вернуться в Рим, вернулся и Дейбнер и занял крупное положение в комиссии.

«Большевикам нужно было знать о планах Ватикана, касающихся католической пропаганды в советах, — говорит газета «Новое вре-

мя», — для них важна была скорейшая ликвидация законспирированных католических организаций и лиц, их возглавляющих... Поэтому архиепископу и его личному секретарю ГПУ предоставило все возможности пребывания на территории Советской России и возвращения».

«Почти семь лет кс. А. Дейбнер “работал” в комиссии “Pro Russia”, осведомляя ГПУ о планах Ватикана. Он несколько раз приезжал в Польшу по поручению комиссии и в июле 1932 года был гостем митрополита Шептицкого во Львове.

Епископ д’Эрбиньи неоднократно предупреждал о подозрительной деятельности А. Дейбнера, но тот не придавал этому никакого значения. В Риме стали замечать о прекрасной осведомленности ГПУ по делам католической церкви в России, происходила ликвидация весьма законспирированных учреждений и проч., и Дейбнер, по-видимому, опасаясь разоблачений, бежал из Рима, предполагают, через Берлин в Советскую Россию»³.

Скандал с Дейбнером совпал с осложнениями среди бенедиктинцев в Амее, в Бельгии. В результате изучения «восточного обряда» несколько бенедиктинцев перешли в Православие. Это повлекло за собою репрессии со стороны Рима, и приор монастыря письмом в польские газеты вынужден был отрицать бесспорный факт перехода.

Епископ д’Эрбиньи в интервью с римским корреспондентом краковской газеты «Иллюстрированный курьер» дал пояснения, из которых выходило, что в деле Дейбнера действительно что-то не в порядке. Кроме того, он сказал, что Дейбнер является бедным больным человеком и что он временно заблуждается. Два провинциала иезуитского ордена поместили в польских газетах туманное разъяснение, из которого выходило, что Дейбнер сам с себя сложил духовный сан. Между тем редакцией журнала «Воскресное чтение» было получено следующее письмо:

«Берлин. 7 марта 1933 года.

С последнего времени некоторые газеты и журналы распустили обо мне фальшивые слухи против моей чести. На основании закона Польской республики я требую, чтобы редакция опубликовала в ближайшем номере и на том же месте, где были помещены касающиеся меня неправильные утверждения, следующие пункты:

1. Никогда я не был секретарем ни Папской комиссии, и никакого епископа, хотя и работал при епископе д’Эрбиньи.

2. Никаких документов я не брал и не крал.

3. Поэтому я никаких документов советским властям передавать не мог.

4. Я не агент и не был агентом ГПУ.

5. Я не был причиной новых арестов духовенства в России.

6. Я не женат, поэтому неправда, что я с какой-то русской коммунисткой вступил в гражданский брак.

Если редакция откажется опубликовать эти вышеуказанные пункты, то я прибегу к суду.

Александр Дейбнер,

русский православно-католический священник».

«Признаться, — замечает «Воскресное чтение», — получив приведенное выше письмо, редакция усумнилась: уж не мистификация ли? Ведь как-никак Дейбнер, судя по его биографии, происходит из интеллигентной семьи и якобы получил в России высшее образование, а меж-

ду тем письмо написано крайне неграмотно и с многочисленными ошибками», а кроме того, «с такими неправильностями, которые могли быть свойственны человеку, сбивающемуся на украинский или польский языки, между тем Дейбнер лишь незначительную часть своей разнообразной и бурной жизни провел в Польше». Сомнения редакции «Воскресного чтения» вскоре были рассеяны, так как такие письма были получены и другими польскими и русскими газетами и вообще письмо исходило от Дейбнера⁴.

О. Я.Урбан к этому вопросу возвращался дважды. Рассказывая эту все-таки весьма для римской дисциплины печальную историю, о. Я.Урбан замечает: «Мы не ведем (пишем) здесь специальной защиты кс. Дейбнера, которому многое можно поставить на вид». Однако его связь с большевиками не установлена. Засим, никакого отношения ни к Русской комиссии, ни к д'Эрбиньи он не имел⁵. Между тем этого не отрицает сам д'Эрбиньи, и потому защита бьет дальше цели.

В другой статье о. Я.Урбан сообщает, что «А.Дейбнеру был указан некий монастырь для жительства, ввиду нарушения им дисциплины. По дороге в монастырь он заехал в Любляны (Югославия) к профессору богословия в университете кс. Гривецу, домашнему прелату папы, и при его посредничестве стал опровергать возводимые на него обвинения». Вообще, о. Я.Урбан полагает, что вся эта история была выдумана в Варшаве «в целях более чем ясных».

Во всяком случае, А.Дейбнер до предначеченного монастыря не доехал и совершенно исчез с лица земли.

«Может быть, когда-нибудь историк проникнет в истину источников этой “дейбнериады”», — замечает о. Я.Урбан. Вероятно, Ватикан и сейчас знает, в чем дело.

Дела «восточного обряда» складывались в Польше настолько неблагоприятно, что распространились слухи о переводе Альбертина в Эстонию, а папской семинарии — из Дубно в Югославию. Это не осуществилось, но по поводу слухов о. Я.Урбан заметил: «Само собой разумеется, что от св. престола всегда зависит существование и дальнейшая судьба этих учреждений»⁶. Оказалось, что судьба этих учреждений зависит не только от св. престола.

IV Пинская конференция 7–9 сентября 1933 года прошла вяло, хотя присутствовало пять епископов, во главе с митр. Ялбржиковским. Епископ Пшездецкий прислал приветствие — он был занят в другом месте.

«Восточный обряд» защищал иезуит А.Домбровский, наговоривший много горьких слов латиникам. Вы говорите, что «восточный обряд» не гарантирует прочности перехода в католичество, от него легко возвращаются в православие. Ну, а латинский?

«Разве не больше за время так называемой Реформации отпало от католической церкви католиков западного обряда, чем во время Керулария и позднее восточных католиков»? А в наше время разве сотни тысяч латинских чехов не порвали с католической церковью? И вообще, разве мало в католичестве «разных народовцев и сектантов»? Ну а если — не дай Бог — «революционный коммунизм затопит нашу землю? Разве можно быть уверенным, что латинский обряд окажет большее сопротивление? Слышал от весьма серьезных латинских священников, что они не только боятся за своих верных, но убеждены, что, если бы у нас захватило власть противорелигиозное правительство и нача-

ло открытую и жестокую борьбу с церковью, пожалуй бы, половина верных отпала от церкви». И, наконец, в России, несмотря на весь гнет, богатырски держится «горсть» «свежеобращенных католиков».

«Ну и что же, — заканчивает свой доклад А. Домбровский, — восточный или латинский обряд. И один, и другой. Где не достигает цели один, пусть церкви служит другой. Латинские братья имеют право и даже обязанность трудиться над осуществлением завета Христа Спасителя об одном пастыре и об одном стаде, но равно такие же права и обязанности имеют и униатские священники. Нет надобности, и мы не должны друг друга исключать, наоборот, мы должны взаимно друг друга восполнять. Мы желаем трудиться для того же самого Христа, для той же самой католической церкви. Идемте же, в таком случае, на работу согласно, в духе любви и единства, в духе взаимного доверия и взаимной помощи. Без этой братской католической Христовой любви и взаимопомощи дело унии не пойдет»⁷.

2

Рим вскоре, по-видимому, убедился в том, что наступление «восточного обряда» поведено было слишком решительно и без надлежащей подготовки. Православие оказало неожиданные для Рима твердость и силу и, что самое главное, Рим не предвидел сопротивление Польши, своей верной дочери. Пришлось кое в чем уступить.

В апреле 1935 г. «Oriens» поместил довольно исклюющую статью под безразличным заглавием «Новое разделение компетенций».

«Появилось новое распоряжение св. Престола, имеющее большое значение для нашего края и в особенности для униинного движения на кресах» (восточные земли Польши). *Motu proprio* Пия XI под заголовком «О комиссии для России и об издании литургических книг славянского обряда» было подписано 29 декабря 1934 года, но вошло в силу лишь 1 марта 1935 года. Смысл этого распоряжения таков. Комиссия для России изменяет свое назначение и отныне будет обслуживать только католиков в России и при этом исключительно только латинского обряда. Она теряет то назначение, для которого была создана. комиссия «Pro Russia», кроме того, перестает быть самостоятельной и включается в конгрегацию для особо важных дел, связанную с государственным секретариатом, то есть становится политическим органом. Дела в России к этому времени приняли для католиков такой оборот, что пришлось думать не столько о «восточном обряде» среди православных, сколько о спасении латинского обряда. «Скала Петра» со всех сторон была охвачена большевицким морем. Православие оказалось более гибким, более упорным и более жертвенным, чем католичество.

«Восточный обряд», как это имело место до 1930 года, возвращается в конгрегацию для восточной церкви и снова соединяется с делами остальных греко-католиков, в том числе и галицийских. Конгрегация для восточной церкви, таким образом, объединяет в себе всех униатов, где бы таковые ни находились.

В этом же распоряжении дается лестная оценка деятельности д'Эрбины, без которого работа комиссии оказалась бы невозможной. Было высказано, кроме того, расположение по адресу эмиграции. Печать обозначила это распоряжение как доказательство сохранения традиций католической церкви, в которой «в свете правды различных обрядов дивным способом выявляется гармония голосов, восходящих к небу».

Кроме того, конгрегации для восточной церкви поручено издание литургических книг византийско-славянского обряда, которые, таким образом, различаются от книг, употребляемых в Восточной Галиции. Еще ранее того во Львове была организована комиссия для пересмотра и издания книг греко-католического обряда.

Конгрегация для восточной церкви чрезвычайно обширна, она включает в себе около 20 кардиналов под председательством папы. В нее входил кардинал-примас Польши Хлонд. Консультантами были епископы Пшездецкий и Шелонзак. В нее проник также и П.Бучис. Русская комиссия была более или менее прилично похоронена⁸.

Засим произошла перемена и на посту секретаря конгрегации для восточной церкви. Ее секретарь, кардинал Синцери, умер, и четыре месяца спустя старый сотрудник папы, помощник ватиканского библиотекаря Евгений Тиссеран был назначен секретарем конгрегации, об этом появилось официальное сообщение 19 июня. 18 июня Е.Тиссеран был введен в коллегия кардиналов. Папа так мотивировал честь, оказываемую будущему секретарю конгрегации для восточной церкви:

«Пусть увидят и осознают все глубокий и пронизательный интерес папы к Восточной Церкви, занимающий всю его душу и на всю жизнь, поскольку Господу будет угодно продлить последнюю».

Кардинал Тиссеран родился в 1884 году в городе Нанси, — в Лотарингии. Нанси — город клерикальных традиций. 24 мая 1871 года здесь был расстрелян коммунарами парижский архиепископ Георгий Дарбуа.

Е.Тиссеран получил образование в лицее св. Сигизмунда и духовной семинарии. В 1904–1905 гг., то есть 21 году от роду, он совершает свою первую поездку в Палестину при поддержке доминиканцев и изучает там рукописи. Он окончил затем Католический институт в Париже со знанием восточных языков — еврейского, сирийского, арабского, эфиопского и ассирийского. Он получил сан священника в 1907 году, был вызван в Рим и оставался там до 1913 года, преподавая в университете св. Аполинария ассирийский язык и состоя хранителем восточных рукописей Ватиканской библиотеки. В 1910 году он был командирован в Миланскую библиотеку и там встретился с А.Ратти, директором библиотеки — будущим папой Пием XI.

В 1911–1912 гг. Тиссеран снова совершил путешествие по Палестине, Сирии, Месопотамии и там «имел случай часто входить в сношения с еще не отделенными от Рима христианами».

Наступила война, его призывают, он получает ранение и последние два года войны состоит офицером Генерального штаба.

В 1919 году он возвращается в Ватиканскую библиотеку и снова встречается с будущим Пием XI, тогдашним префектом библиотеки. В 1923 году он совершает новое путешествие в ближнюю Азию, в Афины, где приобретает библиотеку римского архиепископа Пети и снова отправляется в Египет и Сирию. В 1929 году Пий XI отправляет его в составе миссии в Абиссинию к негусу Тафари. Совершал он путешествие и по Западу, был в Америке, а перед последним своим назначением — в Польше, на съезде библиотековедов. Е.Тиссеран, знает около 20 языков, в том числе немного и русский.

«Многая лета кардиналу Евгению Тиссерану, — заканчивает свою статью священник «восточного обряда» А.Сипягин, — новому соратнику папы единения церквей и печальника обездоленных русских»⁹.

25 июля 1937 года статс-секретарь Пачелли хиротонисал Е.Тиссерана во епископы.

Назначение это обращает на себя внимание. Е.Тиссеран не принадлежит к ордену иезуитов. Вместе с тем он путешественник и лингвист, знаток Востока, но России не знает. В «восточном обряде» он человек новый и, до некоторой степени, независимый. В его руках сосредоточено все дело униатской церкви, «восточный обряд» и галицийская уния объединилась.

Постановление 1 марта 1935 года и последовавшие в связи с этим перемены в составе направляющих органов «восточного обряда» указывали на то, что Рим учел не совсем благоприятный опыт прошедшего времени. Однако польское общество и униаты Галиции переоценили значение этих перемен. Иезуиты не только делали хорошее лицо при плохой игре, но и не собирались игры бросать. Игра, рассчитанная на столетия, не могла зависеть от капризов и неудовольствия Польши.

Бюрократизм римской курии имел свои традиции, и новый секретарь конгрегации для восточной церкви пошел по пути той же политики. В то время, когда поляки думали, что «унии восточного обряда уже нет места», а галицийские униаты собирались расположиться на освобожденных местах, 27 мая 1937 г. была опубликована новая инструкция для ведения унийной работы — «Pro incenso Studio». Это уже третья инструкция. Первая была дана епископу Пшездецкому в 1923 году, вторая была издана в 1929 году.

Вновь изданную инструкцию «Oriens» назвал Charta Magna унийного движения на восточных землях Польши. Издана она была неожиданно, выработана втайне, без ведома польского общества и правительства, и она возрождает тенденции комиссии «Pro Russia», но в ином виде.

Униаты византийско-славянского обряда, так же как греко-католики, проживающие вне Галиции, подлежат юрисдикции католических епископов до тех пор, пока на этой территории не будет образована собственная иерархия «восточного обряда». О необходимости создания иерархии «восточного обряда» было вынесено постановление на совещании польских епископов 3–7 октября 1933 года. Время, однако, еще не наступило.

Инструкция обращает внимание на необходимость развития и укрепления «восточного обряда» путем издания и распространения популярных книжек, брошюр и листовок, благотворительной деятельности, и «не должны быть оставлены в пренебрежении, в меру возможности, секретные отношения с православным духовенством».

В каждой епархии должен быть назначен генеральный викарий для дел «восточного обряда» или особый чиновник «для установления однообразной дисциплины и лучшего удовлетворения потребностей и поддержки восточного клира».

Самостоятельные приходы образуются там, где более ста душ, а в иных местах организуются миссионерские станции, подчиненные, как и приходы, латинскому епископам. При отсутствии каплиц «восточного обряда» в латинских костелах должны быть установлены алтари «восточного обряда», и если нельзя назначить постоянного священника, то должен быть разъездной священник для церковных служб и исполнения треб.

Заботы о материальном обеспечении клира «восточного обряда» возложены на местных католических епископов, которые должны «с отеческой и великодушной любовью» выполнять эти обязанности. Они должны доставлять предметы культа и церковную утварь, привлекать состоятельных католиков, латинский клир и католические общества к жертвам на содержание клира и святынь «восточного обряда».

Епархиальные епископы, в целях поддержания унии, по своей должности будут заботиться о том, чтобы латинский клир «надлежаще чтит «восточный обряд», столь прекрасный и возвышенный». «Ни при каких условиях недопустимо, чтобы кто-либо из латинского духовенства словом или действием оказывал сопротивление унийному апостольству и относился к этому легкомысленно». Стремиться же нужно к тому, «чтобы люди стали хорошими католиками, а вовсе не к тому, чтобы они оставляли свой обряд и переходили на латинский».

Клир должен получать образование в папской семинарии в Дубно. Молодежь другого обряда, желая получать там образование, должна перейти в обряд восточный, и к этому, особенно среди славянской (не польской) молодежи, епископы должны приложить усилия.

Дубно расположено на Волыни, и образование духовенства «восточного обряда» должно было происходить в более благоприятной обстановке, чем образование православного духовенства в Варшаве.

Инструкция идет еще дальше. Члены монашеских орденов «восточного обряда», призванные к миссионерской работе, могут быть «иногоязыка и национальности», и в нарушении общих начал канонического права во время этого «посланничества» они подчиняются своим монастырским властям только «в делах монашеской дисциплины», в остальном они находятся в подчинении местных епископов. И наконец, при недостатке священников «восточного обряда», их миссия может быть поручена латинским священникам, причем «такое посланничество соединяется, по крайней мере, на определенный срок с переходом в восточный обряд». Сохранение двух обрядов, так называемый биритуализм, в случае необходимости разрешается св. престолом. Инструкция возлагает особые надежды на монахинь как восточного, так и латинского обрядов.

Францисканки в Харбине пользуются правом двух обрядов.

«Епархиальные епископы пусть будут крайне осторожны с допущением православного духовенства» к принятию католичества. Во всяком случае, устанавливается четырехмесячное испытание на так называемых «Курсах обучения и перевоспитания клира, обращенного из схизмы». Такая же осторожность должна быть соблюдаема и при поручении бывшим православным священникам пастырских обязанностей. Надлежит пользоваться народным языком, избегая всяких политических и национальных столкновений.

В целях успеха миссии необходимо углублять культ св. евхаристии, Сердца Иисусова. Необходимо организовывать братства св. евхаристии, Матери Божией постоянной помощи и другие и главное воспитывать уважение к св. престолу. «Новообращенные должны хорошо знать, что они отличаются от своих православных братьев и, несмотря на одинаковый обряд, принадлежат к другой церкви».

В целях ознакомления католиков с унийным движением нужно в латинских костелах поучать народ о церковном единстве и «восточном обряде». Об этом надлежит писать в католических журналах и

поддерживать общества для развития унии. «Клир обоих обрядов должен быть в тесных между собою отношениях», участвовать взаимно в церковных торжествах, процессиях и т. д.

Епископы не менее одного раза в год должны совещаться с папским нунцием в Польше по делам унии при участии апостолического визитатора и ежегодно представлять отчет св. престолу.

Пий XI инструкцию утвердил 1 мая 1937 года. Ее подписал Тиссеран. Она предназначена для Виленской митрополии и для всех соответственных епархий, за исключением Галиции¹⁰.

В рамках Конгрегации для восточной церкви, то есть постоянного учреждения Римской курии, кардинал Тиссеран явился продолжателем традиций комиссии «Pro Russia» и работы д'Эрбиньи.

Таким образом, все, что говорилось и писалось в Польше противниками «восточного обряда», прошло мимо внимания Рима. Рим продолжал вести работу в том же направлении.

Инструкция эта, по мнению «Oriens», клала конец слухам, которые распространялись в течение двух лет в некоторых кругах, «будто бы св. престол отказался от мысли привлечения православных в Польше к церковному единству с оставлением ими «восточного обряда», и будто бы надлежало поддерживать исключительно обращение их в латинский обряд. Эти слухи производили на работников унии угнетающее впечатление, парализовали их энергию и разочаровывали их в работе». Теперь этому положен предел. Инструкция эта еще раз подтверждает «постоянное расположение Рима в отношении древних и чтимых восточных обрядов и твердую волю их сохранить». Инструкция эта вызовет новую энергию в апостолах единения, уверит наших отъединенных братьев в том, что их обряду не грозит никакая опасность. И в заключение: «Все добрые католики примут ее с уважением и в соответствии с ней будут вырабатывать свое отношение к унии»¹¹.

Инструкция эта, действительно, имеет большое значение. Рим заставляет католическое духовенство признать законность и равноправность двух обрядов в западной церкви. Православному же населению дается еще небывалая возможность получить все, чем обладает западная церковь, — единство, дисциплину, влияние и богатство, — в сущности, без всяких видимых потерь. Даже *filioque* становится незаметным в Символе Веры. Восточный обряд — это не уния, это нечто совершенно новое. Так же, как до разделения церковью папские легаты молились в храме Св. Софии в Константинополе, так ныне католическое духовенство принуждается войти в храмы «восточного обряда». Если западная церковь владеет двумя обрядами, то для простого народа разделение церковью остается непонятным и не имеющим значения. Он не может быть критиком догматов веры, ибо для него эти догматы заключаются в его обряде, а обряд остается тем же. В этом особенность идеи «восточного обряда», он является как бы некоторой реформацией самой Западной церкви и несет в себе большие соблазны для православных.

Инструкция эта должна улучшить дело унии, хотя и прежние распоряжения себя оправдали, ибо «с Божьей помощью», как оказывается, достигнута довольно значительная польза».

Таким образом, вся сложная игра польского общества и правительства при участии группы польских епископов и галицийских униатов не дала никаких результатов. «Восточный обряд» и его практика в Польше остались неприкосновенными «Рим сказал», и все окончено.

Остались некоторые мелочи и между ними законность «восточного обряда» с точки зрения конкордата в Польше.

Этот вопрос был разъяснен без труда. «Св. престол создает отдельную обрядовую иерархию там, где признает это необходимым или полезным для блага душ. Так Бенедикт XV создал епархию в Северной Америке и Канаде для русских униатов, которые до этого принадлежали католическому епископу, Пий XI для итало-греков — в Италии», — объясняет Я.Урбан. И если на Воьлини этого не сделано, то потому, что не наступило время, а когда наступит, Рим сумеет этот вопрос уладить с правительством. Пока же на основании статьи XVIII конкордата «духовенство и верные всех обрядов, находящиеся вне своих епархий, будут подлежать ведению местных епископов, согласно каноническим правилам». Таким образом, «восточный обряд» на русских землях в Польше правильно оказался в ведении католических епископов, так как на этих землях греко-католические епископы Галиции не имеют своей юрисдикции.

Что же касается самого названия обряда, то он совсем не русский обряд, ибо выкристаллизовался он в Византии между V и XV веками. Ученые его называли византийско-славянским. Это название попало в акты курии, а оттуда в практику «восточного обряда» в Польшу. Обряд этот действует у русских, русинов, болгар, сербов. Таким образом, и этот вопрос разрешен без труда, а по существу:

«Почему восточный католический обряд, — спрашивает Я.Урбан, — должен быть вреден для Польши, а тот же обряд, сохраняемый православыми, нет?»¹² На это можно ответить: только по одной-единственной причине: «восточный обряд» в Польше — это есть символ религиозной борьбы православных и католиков. Кто будет победителем — сказать трудно. Польша во всяком случае проиграет. И это произошло гораздо ранее, чем можно было ожидать.

Организационная работа не остановилась на внутренней реформе Конгрегации для восточной церкви и на издании инструкции от 27 мая 1937 года. 8 мая 1938 года опубликовано новое *Motu proprio* Пия XI *Sancto Dei Ecclesia*, подписанное 25 марта и озаглавленное «О юрисдикции Св. Конгрегации для Восточной Церкви».

В начале этого документа папа указывает, что его предшественники защищали Восток перед лицом тех католиков, которые, «руководимые ревностной любовью к единству и соглашению и недостаточно понимая восточные дела и их дух, старались исказить святой «восточный обряд» или восточным христианам навязать западный обряд». Римские папы это преследовали и выразили свою волю, чтобы восточные обряды были сохраняемы без всяких изменений. Папы понимали, что разница обрядов, «которая возникла на основе характера и духа разных народов, не только не препятствует, но способствует единству прославления Бога». Разнообразие обрядов убеждает в том, что «одна и та же католическая религия вполне отвечает духу и обычаям народов, хотя бы и весьма различных, и всюду производит богатые и разнообразные по красоте плоды».

Засим припоминается история учреждений, которые занимались делом восточной церкви. При Бенедикте XV была образована под председательством папы Конгрегация для восточной церкви, которая совершенно отделена от Конгрегации Пропанды. При этом было установлено, что католики восточных обрядов, а в смешанных делах и католи-

ки латинского обряда подлежат Восточной конгрегации. Там, где организована правильная католическая иерархия, католики латинского обряда подлежат ведению Консистоориальной Конгрегации, а в остальных местах, как, например, в бывших турецких владениях, оказалось, что католики «восточного обряда» зависят от Восточной конгрегации, а католики латинского обряда — от Конгрегации Пропаганды, и, таким образом, получалось двоевластие.

Кроме двоевластия создавалось впечатление, что католики восточного и западного обрядов суть две категории католиков. Такое положение имело смысл при унии, но лишено смысла при «восточном обряде». По-видимому, в силу этих соображений и последовало изменение в разграничении компетенций Конгрегации Пропаганды и для восточной церкви, с явным расширением полномочий последней.

В Египте, на Синайском полуострове, в Эретрии и северной части Абиссинии, в Албании, Болгарии, на Кипре, в Греции, Додеканезе, Ираке, Иране, Ливане, Палестине, Сирии, Трансиордании, Турецкой республике в Азии и в части Фракии, принадлежавшей Турции, все дела, за небольшими исключениями, касающиеся католиков обоих обрядов, подлежат Конгрегации для восточной церкви. Дела из Конгрегации Пропаганды должны быть переданы с 1 июня 1938 г. по 1 июня 1939 г. Распоряжение касается передачи архивов, разделения капиталов и средств, предназначенных и которые будут предназначены на дела миссии. Таким образом, вековая власть Пропаганды на указанных землях внезапно прекращается.

«Ogiens» этот документ называет исключительно важным, и ясно, в чем его важность. Это новый этап «на пути, по которому следует религиозная политика св. престола в отношении восточной церкви».

«Печальное разделение XI века как бы заключило понятие католической церкви в пределах латинского обряда. С этой связанностью понятия католичества сроднилось воображение как католиков, так и диссидентов, так что, когда части оторванного от Рима восточного христианства возвращались к церковному единству, некоторые встречали затруднение в признании их католичества и считали их за некоторый нарост на церковном теле, другие (диссиденты) в восточном католичестве усматривали интригу и неискренность со стороны Церкви, сами же соединенные чувствовали себя как бы низшими и подчиненными в общем католическом доме».

Расширение компетенции Конгрегации для восточной церкви на некоторые земли указывает на то, что там «восточный обряд» занимает как бы преимущественное положение, этим устраняется всякое предположение о том, что восточный обряд ниже латинского, и это распоряжение св. престола устраняет всякие опасения восточных диссидентов, что «возвращение в католическую церковь грозит им утратой собственных обрядов и вековых родимых традиций».

На польские земли это распоряжение не распространялось, но, говорит журнал, все-таки это распоряжение «дает непосредственный показательный урок для наших католиков, которые все же не могут избавиться от умственного порока признания тождественности католицизма с латинским обрядом». Этим католикам предлагается совет старательно изучить последнее распоряжение папы, равно как вообще все отношение св. престола к Востоку, это выровняло бы их понятие и сделало бы их католицизм «истинным католицизмом»¹³.

Рим не только дает католикам совет старательно изучать «восточный обряд», но изучение это облегчает возможным способом и с большой широтой пропагандирует эту идею.

Закрывая глаза на все безобразия солдатского миссионерства в Польше, Рим все же понимал, что даже в Польше недостаточно одной полиции для воссоединения «отделенных» братьев. При этом Польша не более как опыт. Необходимо идею «восточного обряда» сделать близкой католикам и убедить их в спасительности начинаний Рима. Полесский мужик говорил просто: «Зачем мне быть католиком, если я православный?» Европейский католик вправе спросить себя: для чего ему нужен восточный обряд, если у него есть западный? Рим, однако, не может открывать своих карт.

Еще Тютчев, думая о судьбах европейского католицизма, был убежден, что его спасет лишь воссоединение церквей и проистекающий из этого союз с несокрушимым православным царством¹⁴.

Что Россия несокрушима, в этом убеждает русская революция, будущее России полно надежд, русский народ по-настоящему еще не жил, и это соблазняет Рим.

В начале 1933 года в «Костельной» (церковной) газете кн. Ч. Лукасик довольно откровенно писал: в Вене в 1919–1927 гг. изменило веру 119 318 католиков, в Чехии ушло из католицизма 1 400 000, во Франкфурте порвало с католицизмом 80 000 человек, во Франции кардинал Ришар говорил, что «Парижская епархия — миссионерский край». Испания показала, что католицизм в народе корней не имеет. Словом, Запад для католицизма — гниющий труп.

А засим этот доморощенный философ обращается к Апокалипсису.

«Кто разберется в Апокалипсисе и по размышлении сознательно отвернется от Запада и через Восток посмотрит на будущее, тот поймет, что католической церкви не угрожает гибель или уменьшение, но медленное продвижение с латинского Запада на славянский Восток; этим у нас уже занимается униатская пропаганда». И это сделает, по завету св. Иоанна Богослова, «польский реформатор»¹⁵.

В Риме и без Апокалипсиса прекрасно понимают, что Восток может возродить и укрепить католицизм. Мало того, для Рима ясно, от какой огромной опасности его на время спасла русская революция. Победа России в войне, а с ней и полное торжество православного славянства было бы косвенным поражением католицизма. Необходимо поэтому принять меры, пока Россия еще не возвратилась к православной государственности, к тому, чтобы не произошло повторения чего-либо подобного в будущем.

Католики Запада этого не понимают просто по своему невежеству, несмотря на все свое образование, и Рим занялся их просвещением.

Особое внимание было обращено на Велиградские конгрессы. Конгрессы эти, в общем, не удались, православные на них перестали появляться, и Рим старается оживить работу конгрессов.

На IV конгрессе в 1924 году папа благословляет Оломуцкому епископу Пречану богослужение по «восточному обряду». В послании к V конгрессу в 1927 году особенно подчеркивается идея конгрессов «восстановление былого церковного единства на славянской почве, где раскол ощущается наиболее остро». На нем присутствуют несколько

русских католиков. «Во всех речах участников постоянно с любовью повторялось имя России»¹⁶. VI конгрессу в 1931 году и VII в 1936 году, в связи с 1050-летием со дня смерти св. Мефодия, Пий XI посылает свои письма. Св. братья Кирилл и Мефодий, учителя славянства, старательно преображаются в западных миссионеров. Рим утверждает, что он защищал от греков церковную свободу славян. На этом конгрессе, к большой радости католиков и удивлению православных, оказался православный епископ Леонтий из Америки. Он произнес даже приветственное слово, но, по-видимому, сам был смущен и торопливо уехал¹⁷. Епископ Чикагский Леонтий имел большие неприятности от православной паствы по поводу посещения конгресса.

Ввиду неблагоприятных слухов, распространившихся о выступлении преосвященного Леонтия, епископа Чикагского, на Велиградском униатском конгрессе в 1936 году, он счел необходимым опубликовать то, что сказал на заседании конгресса¹⁸.

«Я сказал приблизительно следующее.

Ваша Эксцеленция, Преосвященные Владыки, духовные отцы и все достопочтенное собрание... Имею честь приветствовать вас. Вы собрались здесь для серьезного обсуждения условий о возможности единства Церквей Западной и Восточной. И эта мысль весьма близка и дорога каждому православному христианину. То обстоятельство, что святые братья, будучи по рождению и воспитанию греками, работали для блага Церкви Христовой среди славян и не боялись по делам церковным ходить в Рим и там даже св. Кирилл закончил смертью свой жизненный путь — это обстоятельство служит для нас примером благотворной деятельности на пользу Христовой Церкви. Вопрос этот, несомненно, очень трудный, но не безнадежный. Если со стороны Рима придет авторитет, а со стороны Православия — соборность, то обе церкви взаимно усилят себя. Точнее, они смогут создать могучий единый фронт против надвигающегося на Церковь Христову напора со стороны коммунизма и атеизма — неверия. Времена сейчас настолько изменились, что со стороны православных раздаются смелые голоса, что Восток может даже признать Римского Первосвятителя первым епископом Христовой Церкви. До войны это было бы невозможно. Повторяю, что я присутствую на сем конгрессе, дабы выразить приветствие его составу, а также твердую уверенность, что некогда осуществятся евангельские слова нашего Спасителя: «И будет едино стадо и один пастырь». Таковым, по всей вероятности, и будет признан Первосвятитель Римский.

Такова была моя речь. Принята она была благожелательно. Мне показалось, что собравшаяся молодежь особенно сочувственно приняла ее. Слава Богу за все»¹⁹.

«И это пишет, — замечает г-н Касьянов, автор статьи «Наши духовные вожди» в американской газете «Карпато-русское слово» — православный епископ, умалчивая о том, что св. Кирилл был в Риме задолго до разделения Церквей, не желая знать и того, что московский митрополит (Исидор), самовольно выразивший мысли, подобные изложенным епископом Леонтием, — в Москву уже не вернулся и извержен из Православной Церкви навсегда и до сих пор, несколько уже столетий, клеймится Церковью как изменник и предатель св. веры»²⁰.

И в этом есть правда.

Пий XI в 1929 году также обратился к архиепископу Праги по поводу бывшего там Восточного конгресса. На конгрессе оказался про-

фессор православного богословского факультета в Варшаве М.В. Зызыкин. Он также произнес приветствие, указал, что слово Рим (Roma) в обратном направлении читается как любовь (Апог), и имел по этому поводу большие неприятности.

Вследствие появившихся в печати сообщений о имевшем место на католическом съезде в Праге Чешской выступлении с приветствием от имени русских католиков профессор Православного богословского отдела Варшавского университета М.В. Зызыкина Его Блаженство, Блаженнейший владыка митрополит Дионисий распорядился поместить в прессе сообщение от Синодальной канцелярии о том, что названное выступление г-на Зызыкина произошло без ведома и благословения Его Блаженства.

Одновременно по распоряжению Его Блаженства профессору Зызыкину был послан Синодальной канцелярией по сему поводу запрос с предложением дать объяснения.

К сожалению, из присланных г-ном Зызыкиным объяснений оказалось, что он действительно выступал на съезде, от своего имени, в качестве лица, якобы научно интересующегося католицизмом, а не от «имени русских католиков», как сообщалось в прессе. При этом профессор Зызыкин, говоря об оказанной папой Римским помощи русским, сказал: «Если Рома (Рим) читать наоборот, то получится апог (любовь)». Кроме приветствия съезду профессор Зызыкин выступил также с выражением благодарности за выраженное устами Монсиньора д'Эрбиньи сочувствие русским по поводу разрушения большевиками Иверской часовни.

Осведомившись обо всех этих обстоятельствах, Его Блаженство сделал проф. Зызыкину письменное внушение, в котором указал на полную неуместность его выступления, породившего недоумение и возбуждение среди православного общества в Польше.

Блаженнейший владыка митрополит выразил при этом ту мысль, что профессор Зызыкин в качестве лица, научно интересующегося католицизмом, имеет в Польше полную возможность широко наблюдать католичество и его чуждую заповедям христианской любви нетерпимость, причиняющую своими проявлениями страдания тысячам православных польских граждан. Его Блаженство указал при этом на то, что если бы на Пражском съезде действительно царил атмосфера христианской любви, то члены его, вероятно, не преминули бы выразить свое негодование по поводу того, что воинствующий католицизм творит над Св. Православием в Польше, где фанатики-католики, побуждаемые к тому своим духовенством, разрушают православные святыни, а не предпочли бы возмущаться действиями заведомых безбожников в СССР. Его Блаженство поставил при этом на вид профессору Зызыкину, что тот не должен был выступать без ведома и разрешения Его Блаженства, как профессор Высшей Богословской Школы, а следовательно, непосредственно Его Блаженству в церковном отношении подчиненное лицо²¹.

11 июля 1924 года в письме к Евхаристическому конгрессу в Амстердаме было указано на необходимость организовать отдел «восточного обряда». На всех последующих Евхаристических конгрессах такие отделы были образованы, но что они делали и какую они принесли пользу пропаганде «восточного обряда» — остается неизвестным.

В Италии начали устраивать Восточные недели: первую — в 1930 году в Палермо, вторую — в 1932 году в Сиракузах. Это были местные торжества для так называемых итало-греков.

В Риме в 1931 году организуется общество *Cattolica Italiana per L'Oriente Christiano*.

В дальнейшем устройству Восточных недель принимает на себя это общество. Местопребыванием этого общества является Палермо, и во главе его стоит Палермский архиепископ Лавитрано. Общество имеет отделения во многих местах Италии. Оно посвящено не только св. Николаю, но и Божией Матери, икона которой «Одигитрия» находится в Бари. В 1937 году патронат над обществом приняла итальянская королева Елена, православная по рождению, дочь покойного черногорского короля Николая.

Третья Восточная неделя была устроена в Венеции в 1934 году. Статс-секретарь Пачелли обратился по этому поводу с письмом к Венецианскому патриарху. Присутствовал представитель Сербского патриарха Варнавы.

С особенной торжественностью была проведена четвертая Восточная неделя в Бари в 1936 году. В письме к архиепископу Бари и примасу Апулии, кардиналу Мимми, Пий XI писал: «Печальные условия, в которые погружена столь большая часть Востока под современным тираническим господством идеологии и общественной системы, враждебной христианству, с одной стороны, будят в нас сочувствие и создают дело помощи для братьев, столь дорогих, ибо они столь испытаны и столь давно от нас отделены, с другой стороны, это позволяет надеяться, что в них легко проснется глубокая тоска по одной овчарне, за отеческим домом и восстановлением единства». «Уничтожение стены, воздвигнутой в Господней ниве, может произойти только в любви, которая приносит плод и в практических делах». Неделя проходила под лозунгом «*In veritate et charitate* (2 Иоан. 3).

Были устроены восточные богослужения, «имеющие целью познакомить народ с красотой тех обрядов, с выяснением отдельных частей обряда, молитв и песнопений». Моления происходили перед чудотворным образом Матери Божией «Одигитрия» и у мощей св. Николая. Потом происходили собрания с докладами.

Некая группа посетителей привезла на гроб св. Николая символическую лампаду. Лампада состоит из двух резервуаров масла — западного и восточного — и имеет одно пламя. 16 сентября в Кастельгандольфо лампаду эту зажег Пий XI, и в тот же день она была привезена в Бари. С большой торжественностью, в особой процессии, с участием властей лампада эта была поставлена над мощами св. Николая. О культе св. Николая говорил русский католический прелат Сипягин. Кроме того, была служба в кафедральном соборе, где Евангелие читали также и по-гречески. Резолюция призывала всех людей «доброй воли» способствовать «восстановлению единства», причем были приняты во внимание условия итальянской жизни.

Архиепископ Флоренции кардинал делла Коста особым письмом просил следующую неделю назначить во Флоренции, в связи с 500-летним юбилеем Флорентийской унии.

Пятая Восточная неделя состоялась с 27 апреля по 1 мая во Флоренции. По желанию Пия XI, ввиду того, что «православный Восток с нерасположением вспоминает Флорентийское дело», торжества по по-

воду 500-летнего юбилея носили скромный характер. Церковные восточные торжества происходили в соборе Santa Maria Novella, где заседал Флорентийский собор. Здесь же находится могила Византийского патриарха Иосифа, умершего во Флоренции и, по-видимому, отравленного. Посреди собора был устроен православный алтарь, причем иконы для иконостаса дал православный священник, князь Куракин. 29 апреля епископы Чарнецкий и Евреинов отслужили византийско-славянскую литургию «строго по обряду русскому, называемому синодальным». Пели хоры украинский и русский. Архиепископ кардинал Флоренции сидел на своем троне, для восточных епископов была устроена кафедра посредине.

В другие дни служили литургии по-гречески, румынски и по обряду эфиопскому. В конце недели кардинал служил латинскую мессу, затем была процессия и 4 священника «восточного обряда» несли голову св. Иоанна Златоуста.

Был организован концерт церковных и народных песен русской, украинской, румынской и эфиопской коллегиями. Состоялся ряд докладов, и А.Л. Сипягин, между прочим, говорил об иконографии на Востоке²².

По общему впечатлению слабой стороной «восточного обряда», поскольку не служат бывшие православные священники, является само богослужение по «восточному обряду». Запад к ним не привык. Они длинные, своеобразны, гармоничны и требуют того внутреннего настроения от служащих, которое не делается, а приобретает в обстановке церковного культа и быта православной и особенно русской жизни.

В целях пропаганды папы от времени до времени весьма редко и скрепя сердце принимали в них участие. Насколько эти службы были чужды Риму, видно из того, что 8 апреля 1861 года епископ «восточного обряда» для Болгарии при Пии IX был хиротонисан по латинскому обряду. 2 мая 1865 года в канун канонизации Иосафата Кунцевича Пий IX присутствовал на восточной литургии в церкви греческой коллегии в Риме. 12 февраля 1902 года по случаю 1500-летнего юбилея св. Иоанна Златоуста Пий X присутствовал на восточной литургии, которую служил в зале Ватикана греко-мельхицкий патриарх Кирилл VIII. «Верую» читали по-латыни и пели по-гречески. На ней присутствовал русский католик, будущий экзарх «восточного обряда» в России Леонид Федоров.

15 ноября 1925 года впервые служили восточную литургию у св. Петра, и не в притворе, как это допускалось, а у самого алтаря. Служил румынский униатский митрополит В.Суцю. Папа Пий XI читал Символ Веры по-гречески. Служили по случаю 1600-летнего юбилея Никейского Собора.

19 марта 1930 года была служба у св. Петра «за Россию» в связи с религиозными гонениями советской власти. Хор пел по-церковно-славянски²³. 21 мая 1939 года была служба у св. Петра, в связи с юбилеем Крещения Руси²⁴. (Пий XII не присутствовал.)

Церковь св. Афанасия «восточного обряда» в Риме устроена по православному русскому образцу. В ней часто служат епископы Н.Чарнецкий и А.Евреинов. Службы эти, несмотря на все усилия, носят чуждый характер для православных людей.

Любопытно отметить, что 13 ноября 1934 года в церкви св. Антония ректор Русской коллегии служил восточную литургию, на которой

присутствовал бывший испанский король Алфонс XIII со своим сыном и двумя дочерьми. Все причащались под двумя видами²⁵. 28 января 1936 года в той же церкви была отслужена по восточному обряду заупокойная служба по князе Радзивилле, на которой присутствовал также бывший испанский король Альфонс XIII с детьми²⁶.

Рядом с пропагандой «восточного обряда» среди католиков при помощи конгрессов, Восточных недель и богослужений нужно поставить декрет Конгрегации семинарий и университетов от 28 августа 1929 года об организации во всех католических духовных учебных заведениях преподавания предметов, связанных с Востоком и Православием. При посредстве той же Конгрегации 27 января 1935 года папа Пий XI поручил епископам всего мира, чтобы во всех семинариях и духовных коллегиях был организован день, посвященный восточному христианству. Кроме устройства академий, докладов и проч., на первом месте должна быть молитва к Богу, Отцу милосердия, через непорочную Богородицу, могущественную Помощницу всех христиан, дабы находящиеся вне церковного единства «в конце концов возвратились в овчарню пастыря душ Иисуса Христа»²⁶. Выходит, что православные «братья» находятся вне Иисуса Христа.

В целом ряде стран организован ряд обществ для пропаганды «восточного обряда». Апостолат в Велиграде, издающий «Вестник св. Кирилла и Мефодия», Общество св. Иоанна Златоуста в Лондоне. 7 апреля 1935 года, по случаю 1050-летия со смерти св. Мефодия, в Риме в церкви св. Клементя, где погребен его брат, св. Кирилл, была отслужена литургия по «восточному обряду». Это было «славянское торжество». Присутствовали «поляки, украинцы, русские, чехи, хорваты». Папу представлял секретарь Конгрегации для восточной церкви кардинал Синцеро. Присутствовал краковский митрополит Сапега, бывший Луцкий епископ И. Дубовский, генерал иезуитов поляк Вл. Ледоховский и Яглович из польского ордена Воскресения. Был представитель польского посольства. Проповедовал по-итальянски А. Сипягин, который изобразил «значение святых славянских апостолов для католической церкви и славянских народов». Он указал при этом на все, что делает св. престол для славянского Востока, и сослался на кодификацию восточного церковного права. Затем сошли ко гробу св. Кирилла, где кратко служил по-латыни кардинал Синцеро. Славянский клир с учениками славянских коллегий были приняты папой Пием XI, который, отвечая на приветствие ректора Иллирийской (югославянской) коллегии прелата Магерца, указал «славянским сыновьям на ту работу, которая лежит перед церковью и католичеством в тех краях».

14 апреля в Восточном институте было устроено собрание в присутствии кардинала Синцеро, посвященное памяти св. Мефодия. Украинцы, между прочим, спели «песнь Матери Божией Почаевской». Пели чехи, поляки и русские. Решено такие общеславянские торжества устраивать в Риме ежегодно в июле месяце, в день св. Кирилла и Мефодия. Собрания эти должны иметь воспитательное значение: «В Риме можно убедиться, что в обширном католическом доме достаточно места, и в нем все могут поместиться со своими местными особенностями, при уважении особенностей других и любви, обнимающей всех»²⁷.

В начале мая 1937 года в Риме заседал Международный конгресс Pro Oriente Christiano. Пред этим съездом стояла весьма оригинальная задача. Он должен был обсудить практические методы и способы, ка-

кими можно привлечь католиков латинского обряда к делу присоединения Востока, как распространять между ними интерес к Востоку, знакомство с ним, устранять предубеждения и в конце концов вовлечь в общую унийную работу.

Организаторами этого съезда были две итальянские ассоциации: Католическая итальянская ассоциация для христианского Востока и Ассоциация св. Николая в Бари (Associazione Catholica Italiana per L'Oriente Cristiano (A.C.I.O.C), Pia Associazioni di S. Nicola di Bari). В конгрессе участвовали представители Италии и находившиеся в Италии иностранцы. Были представители газет и периодических изданий, а также указанных ассоциаций из Германии, Австрии, Югославии, Чехословакии, Голландии. Была представлена также организация доминиканцев для русских — «Истина».

Перед открытием съезда восточную литургию отслужил униатский епископ Евреинов. Съезд совпал с выставкой католической печати в Ватикане.

Секретарь Конгрегации для восточной церкви кардинал Тиссеран приветствовал съезд. Первый докладчик, архиепископ Мимми из Бари, отметил, что мир никогда не был одновременно так объединен и разъединен, как в наше время. Титанические усилия сеяния ненависти между народами и возрастающая с каждым днем борьба с Богом принуждают к соглашению и соединению всех христиан под водительством единого вождя — папы. «Если бы папства не было, то нужно было бы его создать». Эти слова имеют в наше время особое значение. Нужно писать, говорить, делать, молиться и любить.

«Нужно в согласии со словами св. отца прежде всего взаимно познать друг друга, отстранить взаимные предубеждения, ибо, если у отдельных христиан Востока часто господствует поражающее предубеждение в отношении католической церкви, то и католикам иногда не хватает справедливости в оценке наших отъединенных братьев, недостает братской любви и только потому, что нет достаточного знания их. Не знают того, что драгоценно, хорошо, христиански в этих обломках древней католической веры. А между тем, оторванные от златоносящей скалы, они сами в себе несут золото».

В дальнейшем, между прочим, было указано на необходимость вести пропаганду среди католического клира, в духовных семинариях и в монашеских орденах в целях ознакомления их с Востоком. Плохое знание того, что можно назвать «греческой верой», создает среди католического клира скептическое отношение ко всякому унийному движению как «святой утопии».

Польшу на съезде представили проф. М.Нехай из Люблина, П.Бурзак из Дубно, какой-то капуцин о. Кирилл и от Oriensa — иезуит Вашинский.

В результате съезд постановил образовать с одобрения Конгрегации для восточной церкви постоянный международный Совет в Риме Pro Oriente Christiano, состоящий из представителей отдельных народностей. Задача этого Совета будет: 1) проведение в жизнь пожеланий настоящего съезда; 2) подготовка новых международных съездов; 3) ответы на вопросы отдельных обществ, органов периодической печати и сообщение им сведений, касающихся этого движения; 4) издание периодического органа для сообщения редакторам периодических изданий сведений о всем том, что касается христианского Востока.

На всех евхаристических конгрессах должны быть также и восточные отделы. Было указано также на необходимость реорганизовать издание *Orientalia Christiana*...

Секретарь Конгрегации для восточной церкви обратил внимание всех тех, кто занимается вопросами Востока, на необходимость в своих исследованиях соединять правду с любовью, делать точные сообщения и не быть в своих суждениях односторонним. Члены конгресса были приняты папой римским²⁸.

Однако все эти обширные, разнообразные средства, связанные с тратой громадных сумм для привлечения внимания католиков к «восточному обряду», не давали ожидаемых результатов.

Католики относились ко всему этому делу достаточно равнодушно, а в Польше имели свой определенный взгляд на Православие вообще.

Развитие русского католицизма в Европе среди бесправной и обездоленной русской эмиграции, несмотря на все соблазны Рима, не могло не огорчать Рим. Дело являлось, по-видимому, безнадежным. В сентябре 1937 года на V Пинской конференции иезуит А. Домбровский подвел итоги униатского движения за границей, и вот что оказалось. В бывшей Австрии — один приход. В Бельгии, в Брюсселе, организуется приход, в Лувене — «группка» студентов русских католиков, человек тридцать. В Болгарии униатская работа не ведется, имеется около 6000 униат-болгар. В Праге работы нет, «должен быть организован миссионерский пункт», в Эстонии — условия неблагоприятны. Во Франции, в Лилле — «небольшой приход», в Лионе на 3000 эмигрантов — 180 русских католиков. В Париже есть приход, собственный дом, библиотека, но приход «скромный». В Югославии обстановка сложилась так, что новициат из Загреба выехал в Италию. В Ковно, в Литве, работа только начинается, хотя там находится епископ «восточного обряда» П. Бучис. В Берлине — около 100 человек. Даже в самом Риме русских обратилось около 30 человек. В Америке работа среди русских эмигрантов еще не начиналась, и на успех там нет никакой надежды. Печальная история с посещением чикагского епископа Леонтия Велиградского конгресса свидетельствует об отношении православных к «восточному обряду» в Америке. В Харбине около 200 человек, в Шанхае несколько десятков²⁹. Вот и все. В сравнении с сотнями православных приходов и храмов, которые создала русская эмиграция по всему Божьему миру от Аляски до Явы, вся работа «восточного обряда» не больше как бесполезная трата сил и средств. Не лежит на этом деле Благословение Божие.

Если бы на карте мира, кроме коммунистической России, отметить святыми точками православные храмы, где в канун каждого праздника поют «Свете Тихий», а на литургии «Единородный Сыне и Слове Божий», то увидал бы Рим, что Свет Христов, просвещающий всех, столь ярко горит в душах православных русских людей, что незачем и не для чего идти католикам во ограду чужой овчарни, где иной свет и иные голоса, так в конце концов мало понятные Риму, которого заботят больше вопросы о земном.

Борьба подсоветской России за свободу исповедания Веры Христовой свидетельствует о таком исповедничестве, которое не нуждается ни в каком прозелитизме со стороны Рима.

На Пасху 1937 года Пий XI канонизировал борца с Православием иезуита А. Боболу. Это был подарок обществу Иисуса и Польше и удар

по Православию. Что это значило, обнаружилось в Польше в 1938 году. Знал ли Рим, какое оружие он дает для борьбы с Православием в Польше? С уверенностью можно сказать, что знал.

«Восточный обряд» в Польше стал трагической насмешкой над словами Пия XI о любви к отделенным братьям. Когда-то Ю.Словацкий воскликнул: «Польша, твоя гибель — в Риме». Теперь и Рим мог сказать: «Восточный обряд, уния, твоя гибель — в Польше».

Глава одиннадцатая

Накануне катастрофы

I

За римскими словами стояли польские дела. Поляки, как всегда, портили русскую политику Рима. Перед Польшей и Римом лежало два пути. Старый — путь насилий, борьба с Православием и полонизация православного народа, и новый — терпимое отношение к Православию и русской народности в Польше как средство к укреплению государства и создания новых польско-русских отношений.

Подготовка на польской территории средств к будущему продвижению католичества в Россию, казалось бы, требовала отношения к Православию в духе речей Пия XI. Нужно было попытаться убедить православных в том, что Рим перестал быть их врагом. Борьба с активным безбожием большевиков была той почвой, на которой могло произойти сближение с Православием. Поддержка его в тяжелое время гонений являлась залогом будущих успехов Рима. Оказанная помощь не была бы забыта.

Эта политика исключала прозелитизм, «восточный обряд», всякое насилие и даже стеснение.

В Польше были все возможности начать новую страницу польско-русских и католическо-православных отношений, повести политику большого стиля и большой будущности. Этого не произошло. Не хватило ни государственного смысла, ни политической интуиции.

Все пошло по старому пути.

В конце XVI века, после Люблинской унии, Польша решила завершить свое политическое объединение с Литвой и Западной Русью и согласилась на предложенную иезуитом А.Посевином церковную унию. Однако вместо объединения католической и православной церквей произошло разделение Православной Церкви и русской народности. В тяжелых условиях, легальными и революционными средствами, силою слова и силою оружия боролся православный народ за свою веру.

Отношение королевской Польши к этому вопросу нашло свое отражение в собрании польских конституций.

«Понеже люди Греческой религии основательнейшего примирения веры своей, и изъяснения статьи на прошедшем сейме о том учиненной требовали: то поелику ныне за множеством дел сего учинить не можем, отлагаем оное до другого сейма, вскоре будущего» (1609 г.); «Понеже для множества важных дел Речи Посполитой не пришло бы успокоения совершенного веры Греческой на нынешнем сейме; того ради сие отлагаем до будущего вскоре сейма, а до того времени люди веры Греческой духовные и мирские да пребудут в покое при свободном и обыкновенном своем богослужении, которому они не имеют быть принуждаемы ни приказными позовами волочимы» (1618 г.); «Примирение людей, в Греческой вере разделенных, для множества дел Речи Посполитой на пребудущий сейм отлагаем: а ныне обещаем тишину с

обеих сторон и мирским людям, какова ни есть они чина и состояния» (1623 г.); «Понеже на нынешнем сейме, для скудости времени, вера Греческая не могла получить примирения, того ради сие на другой сейм отлагаем» (1627 г.); «Касательно же людей Греческого вероисповедания успокоить непременно одолажаем» (1632 г.)¹.

Для этого была созвана Пинская конгрегация. На созыв конгрегации Польша решилась только накануне своего падения, на Четырехлетнем сейме (1788–1792 гг.). Конгрегация состояла из 24 монахов, 21 представителя белого духовенства и 51 светского лица. Православных епископов не было, но зато присутствовали униатские епископы Булгак и Дашкович-Горбатский, латинские ксендзы, несколько францисканских и бернардинских монахов и 4 представителя сейма и короля.

Это собрание лиц разного звания и состояния с участием католиков должно было изображать православный Поместный собор.

Этим «собором», как традицией свободы Православной Церкви, поляки гордятся и до сего времени. В рескрипте президента Польской республики от 30 мая 1930 года о созыве поместного собора в Польше говорится:

«4–15 июня 1791 года попечением и старанием правительства пресветлой республики Польской в г. Пинске был созван Собор православной церкви в Польше. По воле Провидения автокефальная православная церковь в Польше может восстановить ныне свою связь с историческим прошлым».

Пинская конгрегация, ввиду отсутствия на ней православных епископов и присутствия латинян, никакого канонического значения не имеет. Тем не менее она объявила автокефалию Православной Церкви в Польше и сделала ее по характеру управления вполне государственной. Однако проекты, выработанные Пинской конгрегацией, встретили возражение в сейме, и только через год, 21 мая 1792 года, было издано два закона: «Организация постоянной церковной иерархии греко-восточного неунитского обряда в государствах Речи Посполитой польской» и «Удовлетворение требований польских граждан греко-неунитов и диссидентов»². Слово «Православие», как соединенное с понятием «русский», было окончательно устранено.

Законы эти осуществлены не были, так как Польша прекратила свое политическое бытие. Уния была ликвидирована на соборе в Полоцке в 1838 году. Остатки ее сохранились в пределах России на Подляшье и вне пределов — в Восточной Галиции. Львов, который дольше всех сопротивлялся унии, сохранил ее до наших дней.

Вернувшись к государственной самостоятельности в 1918 году, польская интеллигенция решительно ничего не заметила в происшедших за последние 125 лет переменах. Она подписала в Версале в 1919 году договор, по которому обязалась охранять права национальных и религиозных меньшинств. Такое же обязательство она приняла по договору, заключенному с Советской Россией в Риге в 1921 году. Пользуясь русской революцией, Польша сразу же вернулась к практике XVII–XVIII веков и для того, чтобы не было никаких сомнений, ее министр иностранных дел Бек 13 сентября 1934 года заявил в общем собрании Лиги Наций, что Польша отказывается от соблюдения условий Версальского договора в смысле права Лиги Наций разрешать жалобы меньшинств, так как права последних достаточно охранены польской конституцией³.

В Риме произошло раздвоение. Пий XI весь был в будущем, его нунций, кардиналы, епископы и клир в Польше были в прошлом.

«Восточный обряд» в его русской форме казался помехой в деле поглощения Православия католичеством в его латинской форме. Ничего лучше латинской формы в Варшаве не могли желать. Таков был «государственный интерес» Польши.

Терять Россию из-за интересов Польши для Рима тоже не было ни малейшего смысла. Принуждение же к принятию католицизма и полонизация православного населения в Польше — это такой вызов национальной России, который сделает навсегда невозможным соглашение Рима с Россией.

Католическая иерархия в Польше этим обстоятельством была до некоторой степени смущена. Впрочем, если целью является соединение православных с апостолическим престолом в смысле поглощения Православия католичеством, то в общем все средства хороши, если только ими умело пользоваться.

Одним из серьезных способов воздействия на иерархию было раздувание национальных несогласий в ограде Православной Церкви.

Польское правительство так же хорошо, как и советское, понимало, что залог победы над Православием — это ослабление Церкви внутри. Национальный вопрос являлся вернейшим к этому средством. Отдавая Православную Церковь украинским шовинистам на Волыни, правительство сразу достигало нескольких целей. Оно удовлетворяло национальные требования там, где интересы правительства менее всего были задеты, отрывало Волынь от Галиции, настроенной противоположно, и, кроме того, разбивало единство Церкви.

Несмотря на официальный оптимизм, митрополит Дионисий должен был признать, что обстановка складывается для него неблагоприятно, и решил опереться на народ. Он мог надеяться, что в этих трудных обстоятельствах церковные люди забудут прошлое и помогут укреплению Церкви.

Синод постановил созвать собор на 12 февраля 1930 года. Была опубликована программа собора, избирательный закон и назначены сроки выборов. Собор созывался с участием клира и мирян.

Временные правила об отношении Православной Церкви и правительства в Польше (30 января 1922 года) вопрос созыва собора разрешали неясно. Правительство считало, что оно должно дать согласие на созыв собора до начала производства выборов и что избирательный закон и программа также зависят от соглашения с ним. Правительство не желало допустить Собора в обстановке, благоприятной для иерархии.

Но и на этом правительство не остановилось и решило воспользоваться идеей собора в своих целях. Закулисные переговоры закончились тем, что в митрополичьем соборе в Варшаве 30 мая 1930 года в весьма торжественной обстановке был оглашен декрет президента республики о созыве собора без указания срока такового. Одновременно с декретом была опубликована программа собора, избирательный закон и наказ, а равно состав Предсоборного собрания, которое должно было подготовить материалы для собора. Торжественное оглашение декрета завершилось завтраком в большом ресторане «Полония», устроенном Министерством исповедания и народного просвещения членам Предсоборного собрания. Польские чиновники в визитках разливали вино

православным русским мужикам. Эта любезность дорого обошлась православному народу в Польше.

Предсоборное собрание оказалось не больше как ширмой, а за ней была помещена Смешанная комиссия из представителей иерархии — митрополита Дионисия и архиепископа Гродненского Алексия, позднее к ним был присоединен архиепископ Полесский Александр, и представителей правительства — директора департамента исповеданий графа Ф.Потоцкого, чиновника Министерства иностранных дел Т.Голувко, доверенного лица И.Пилсудского, и чиновника департамента полиции Г.Сухенек-Сухецкого, человека, ни пред чем не останавливавшегося. Т.Голувко вскоре был убит украинцами и заменен волынским воеводой Г.Юзефским, личным недругом митрополита Дионисия. Они привели с собой технических помощников.

Началась работа по реорганизации церковного строя от верху до низу в направлении «соборности», то есть широкого допущения клира и мирян по расчету двух мирян на одного клирика и полного контроля церковного управления со стороны власти⁴.

Иерархия оказалась бессильной и беспомощной. Изредка собиралось Предсоборное собрание, которому рассказывалось о том, что делала Смешанная комиссия, и поручались дела маловажного значения.

Во время этих занятий правительство убедилось во многих вещах. Оно познакомилось с каноническими правилами и увидало, что правила эти можно толковать по-разному и что нет препятствий для вмешательства в дела Церкви. Оно близко узнало иерархию, лишенную твердости и веры в свое дело, и, что самое главное, поняло полную изолированность Православных Церквей. Никакой и ниоткуда Православная Церковь в Польше не могла ожидать помощи, и потому с ней можно было не считаться. Чем дальше шла работа Смешанной комиссии, тем яснее становилось для правительства, что все реформы можно устроить по соглашению с иерархией и нет надобности в созыве собора. Вместе с тем решили приступить к некоторым практическим мерам.

Дали знать украинским шовинистам, и 28 августа — 10 сентября 1933 года, в день преподобного Иова, в Почаевской лавре была устроена демонстрация против митрополита Дионисия. Ему кричали «Геть!» («Долой») с волынской кафедры, которую он занимал 20 лет, сначала в качестве викария в том же Кременце. Полиция отсутствовала, и демонстранты чувствовали себя свободно. Они устроили митинг в местечке Почаеве и требовали правящего архиерея на Волынь — украинца.

В этом же году митрополит Дионисий праздновал свой юбилей 10-летнего пребывания на митрополичьей и 20-летнего на Волынской кафедре, и на публичном юбилейном собрании присутствовал министр исповеданий. Это, однако, не помешало 23 сентября тому же министру Ендржиевичу, опираясь на «волю народа», которая проявила себя в Почаеве, потребовать от митрополита Дионисия освобождения им Волынской кафедры. Налицо имелся и кандидат на его место — архиепископ Гродненский и Новоградский Алексий (Громадский).

Архиепископ Алексей, уроженец Холмины (сын псаломщика), деятельный сотрудник архиепископа Евлогия и правый русский националист, оказался украинским националистом. Митрополит Дионисий не столько сопротивлялся, сколько колебался. В ноябре из Польши был выслан юрисконсульт Синода К.Н. Николаев, проживавший в Польше

более 13 лет и в течение 7 лет являвшийся ближайшим участником борьбы. Митрополиту Дионисию прямо сказали, что это только начало и что будут удалены все его сотрудники русского направления.

Было составлено синодальное определение, и оказалось, что никакого вмешательства власти не было, а произошло перемещение иерархов по желанию последних и в интересе Церкви. Правительство никак не рассчитывало на получение канонического акта и дало митрополиту Дионисию некоторую передышку. Кстати, еще не были закончены работы Смешанной комиссии.

2

В мае месяце 1934 года умер И.Пилсудский. Он оставил страну экономически подорванную, политически и общественно расшатанную. Он успел произвести радикальный пересмотр конституции, и новая конституция от 23 апреля 1935 года передавала легально всю власть в руки президента республики, обладавшему законодательными правами. Рядом с ним стоял генеральный инспектор армии, фактический диктатор. Таковым был назначен, по воле И.Пилсудского, генерал Эдуард Смиглый-Ридз, человек совершенно бездарный. В 1936 году он был сделан маршалом Польши.

И.Пилсудского похоронили в королевской гробнице на Вавеле в Кракове, как верующего католика. В действительности к религии он относился совершенно равнодушно, и католическая иерархия это прекрасно знала. В 1937 году Краковский митрополит Сапега, исходя из того, что гроб И.Пилсудского был помещен в королевской крипте временно и для него подготавливался мавзолей в башне «Серебряных колоколов», самовольно переместил туда гроб до окончания работ.

По поводу этого происшествия пилсудчиками, легионерами и прочими был поднят большой шум. Требовали вмешательства Ватикана, отставки Сапеги, разрыва конкордата, но дело кончилось ничем⁵. Это было весьма показательно.

Католическая иерархия почувствовала полную свободу. И.Пилсудский никому не позволял вмешиваться в основные вопросы политики. Теперь было другое. Клерикализм стал в порядок дня. Монашеские ордена во главе с иезуитами со всех сторон собирались в эту обетованную страну. Иерархия опиралась на Пия XI, который выявлял особую симпатию к Польше. Духовенство заявляло, что оно владеет народной душой, и требовало удовлетворения своих притязаний. Военные круги не возражали против союза с клерикалами. Наступила темная ночь католической реакции, которая всегда являлась предвестником национальной катастрофы.

В этой новой, опасной и угрожающей для Православной Церкви обстановке иерархия не могла ничего нового придумать, кроме продолжения «тесного сотрудничества» с властью. Единственным разумным объяснением этого непонятого поведения могло быть только одно — иерархия решила переждать.

Польский публицист А.Гурский заметил: «Полонизация, так легко введенная, и автокефалия церкви — это солома, которой закрывают русские корни на время польской зимы, для того чтобы ее выбросить, когда наступит ожидаемая весна»⁶.

Митрополит Дионисий шел двумя параллельными путями — полонизации и поддержки правительства во всем, всегда и везде.

15 апреля 1934 г. Волинскую кафедру занял архиепископ Алексий. Деревня его встретила равнодушно, города — враждебно. Во время его проповеди по-украински в Луцке из собора стали расходиться молящиеся. Началась украинизация.

В начале 1936 г., по сведениям украинских газет, дело на Волини представлялось в таком виде: исключительно по-украински служили в 124 церквах, по-украински от времени до времени — в 126, по-славянски, но с чтением Апостола, Евангелия, «Верую» и «Отче наш» — по-украински в 99, по-славянски, но с украинским произношением — в 26 и попеременно по-украински и славянски — в 407.

Просясь со своей паствой, в конце своего обращения митрополит Дионисий поставил слова «Слава Богу за все», но большая горечь осталась в его душе, и на украинизацию он ответил полонизацией.

Украинизация внесла полный беспорядок в приходскую жизнь и весьма скоро вызвала реакцию в смысле возврата к церковно-славянскому языку, особенно среди женщин. Это еще больше усилило беспорядок. Полонизация окончательно все спутала.

25 ноября 1934 г. было опубликовано распоряжение митрополита Дионисия об образовании комиссии для перевода богослужебных книг на польский язык «ввиду возможности присоединения к Православию лиц польской национальности, а также следуя примеру других православных церквей, имеющих перевод православного богослужения на язык своей страны». Председателем комиссии был назначен викарный епископ Савва (Советов), не знающий польского языка⁶.

27 ноября комиссия была принята митрополитом Дионисием, и ее член, профессор Богословского факультета, архимандрит Илларион (Васдекас) (грек) выразил от имени комиссии удовлетворение и радость по поводу образования самой комиссии и порученного ей дела⁷.

17 октября 1936 года Синод благословил пользование одобренными им переводами на польский язык литургии св. Иоанна Златоуста, панихиды и благодарственного молебна на дни государственных праздников в «тех местностях, где это будет вызвано действительной потребностью и необходимостью»⁸.

10 ноября текущего года Смиглый-Ридз получил маршалский жезл, а 11 ноября, в день государственного праздника, к большому удивлению православных, митрополит Дионисий впервые служил благодарственный молебен по-польски. К собору был прислан почетный караул, и митрополит в мантии под звуки «генеральского марша» отбирал рапорт⁹.

Еще 1 октября архимандрит Илларион (Васдекас) был назначен директором государственного интерната для студентов-богословов, а епископ Савва в конце декабря получил в управление Гродненскую епархию¹⁰.

Военное духовенство решительно перешло на польский язык и начало на нем служить литургии православным русским солдатам. В Белостоке некий Савицкий образовал группу «православных поляков» и потребовал церковных служб на польском языке¹¹.

Полонизация богослужения вызвала большое возбуждение среди православных в Польше и за границей и беспокоество в католических кругах, особенно среди деятелей «восточного обряда». Правительство делало вид, что это его совершенно не касается. В феврале 1937 г. Синод разъяснил, что богослужение на польском языке зависит от желания населения, заключения епархиального архиерея и разрешения

Синода. Однако административные власти на местах стали требовать богослужения на польском языке в интересах государственных¹². Митрополит Дионисий протестовал, ссылаясь на речь министра иностранных дел Бека в Женеве об охране прав меньшинств конституцией. Но должен был протестующую статью изъять из газеты и принести извинения¹³.

Ректор Виленского университета, большой друг русских, профессор М.Здеховский назвал полонизацию «сумасшествием», полезным только коммунизму. О. Я.Урбан тоже заявил, что «полонизация компрометирует церковь и открывает дорогу коммунизму»¹⁴.

Тем не менее дело продолжалось. Внутреннее делопроизводство консисторий, кроме Волыни, где оно велось по-украински, было переведено на польский язык. Без особого труда и протестов стали переводить на польский язык также и преподавание Закона Божия в начальных школах.

В полном объеме было полонизировано все образование православного духовенства. Хотя с самого начала преподавание на Богословском отделении Варшавского университета велось по-польски, но власти смотрели сквозь пальцы на пользование русским и украинским языками. Теперь этому был положен предел, и выдающийся русский профессор Николай Арсеньев устранен. Научный журнал «Элпис» стал печататься только по-польски.

В связи с общей школьной реформой были назначены к закрытию духовные семинарии в Вильно и Кременце. В Варшаве приступили к организации богословского лицея с трехлетним курсом и с преподаванием на польском языке. Для поступления в него нужно было окончить 4 класса правительственной гимназии в Варшаве, пребывая в то же время в особом государственном интернате, где дополнительно преподавались славянский и греческий языки, церковный устав. Языком преподавания, администрации и сношений воспитателей с учениками был польский¹⁵. При открытии интерната митрополит Дионисий выразил удовлетворение по поводу того, что духовенство будет получать образование в Варшаве, в центре польской культуры.

Украинцы таким оборотом дела были ошеломлены, но все их попытки удержать учебные заведения на Волыни результата не дали.

Это новое направление требовало и новых людей, и, по указанию правительства, в ноябре 1938 г. военные священники Шретер и Семашко получили сан епископа, с наречением Тимофеем и Матвеем. О. Тимофей при своем наречении заявил, что «эпоха развития могущества Польской республики является одновременно эпохой развития Православия в Польше», которое является светочем для славян Востока и даже Запада, а о. Матвей вспомнил митрополита С.Косова, «энтузиаста православной польской культуры», и удостоверил, что между церковью и польской государственностью нет и не может быть коллизий и разделений.

Все это говорилось в центре Православия, в Почаевской лавре, по-польски. Епископ Тимофей направился в Варшаву и стал ректором интерната студентов-богословов, а епископ Матвей проследовал в Вильно. Там он прежде всего посетил католические святыни, а потом в Духовном монастыре обратился к собравшимся по-польски. Слушатели, не дождавшись конца речи, пожав плечами, разошлись.

О. Я.Урбан из всего этого сделал соответствующий вывод:

«70 лет после смерти Иосифа Семашко прибывает в Вильно иной Семашко, православный епископ Матвей, считающий себя поляком и приветствующий верных по-польски. Не является ли это искуплением грехов Семашко первого потомком той же династии? Если это так, то полагаем, что искупление неполное и начато не с лучшего конца. Православие в Польше должно пройти весь путь Иосифа Семашко, но в обратном порядке. Оно и прошло.

7 декабря 1938 года в Гродно под председательством епископа Саввы, при участии епископов Тимофея и Матвея был открыт Православный научный институт для «организации жизни православных поляков в церковных рамках». Директором оказался священник Я.Касперский. Институт связан с Обществом православных поляков. Такие же общества священник Я.Касперский организовал в Вильно и Новогородке. Таким образом, Православная Церковь давала возможность православным людям вернуться к польской культуре.

Юрисконсультом Синода был назначен поляк и католик Вацлав Сухенек-Сухецкий, брат члена Смешанной комиссии, чиновника Министерства внутренних дел. Юрисконсульт довольно быстро попался в желани подкупить какого-то чиновника и оказался в тюрьме. На этом окончилась карьера и его брата¹⁷.

С 23 февраля 1936 года газета «Слово» завела польскую страницу.

На этом дело не окончилось. Митрополит Дионисий продолжал благоволять решительно все действия правительства.

Новая конституция встретила полное его одобрение. В восторженной статье, написанной по-польски, «Воскресное чтение» сравнивало ее с конституцией 3 мая 1791 года. «Сейчас еще не все дают себе отчет в благодетельности результатов, которые повлечет за собою в жизни новое устройство»¹⁸.

Иерархия не знала, как выразить свою печаль по поводу смерти И.Пилсудского. Выходило так, что он был опорой Православия. 15 января 1936 года митрополит Дионисий посетил президента и министров и вручил им копии постановления Синода о включении имени Иосифа Пилсудского в диптихи церквей и монастырей и о заупокойных службах ежегодно 19 марта и 12 мая¹⁹.

Католическая иерархия только руками разводила.

Казалось, все идет как нельзя лучше, но в это время раздается протестующий голос из Америки. 8 марта 1936 г. в Нью-Йорке на большом собрании русских церковных и общественных организаций, при участии епископов Виталия, Макария и Адама, была вынесена резолюция, протестующая против полонизации и украинизации и насилий над Православием в Польше. Архиепископ Виталий хорошо знал поляков и понимал, что это только начало. Протест 8 марта был оправдан всей последующей трагедией Православия²⁰.

Протест был опубликован, текст его сообщен митрополиту Дионисию, римскому папе, президенту республики и проч. Митрополит Дионисий сразу же назвал протест инсинуацией, довел об этом до сведения правительства и созвал экстренное заседание Синода на 20 июня. Синод заявил, что обвинения ни на чем не основаны, что Православная Церковь в Польше благоденствует и что американский протест не больше, как следствие зависти к успехам Православия в Польше. Это можно было понять как злой сарказм. Правительство приняло за чистую монету²¹.

Униатская греко-католическая церковь в Галиции переживала тяжелые времена. Латинизация как будто побеждала. Станиславовский епископ Хомышин вел открытую борьбу с «византизмом». Перемышльский епископ Коциловский настойчиво проводил требование celibата от духовенства. Все униатство в целом было проводником и опорой украинского сепаратизма и было направлено и против Польши, и против России. На этой почве произошло расхождение между старорусинами-москвофилами и украинцами.

Вообще, униатство «раздирается внутренней борьбой между консервативным восточным направлением, возглавляемым митрополитом Шептицким, и реформатским западничеством во главе с епископами Хомишиным и Коциловским». Раскололись и украинские историки, и один из них — Андрияк, вопреки мнению Томашевского, Чубатого и других, «не признает вообще за унией ни в прошлом, ни в настоящем безусловной пользы для Украины, не считает унию ни национальной украинской религией, ни национальной ценностью», — замечает В.Зайкин²².

Правительство требовало от иерархии осудить саботаж в Галиции, иерархия уклонялась. В свое время Пилсудский не пожелал принять А.Шептицкого²³.

Старорусины старались сблизиться с Православием. 31 мая 1934 года во Львове во время ежегодных торжеств в память жертв австрийского террора в Телергофе, в нарушение запрещения *communicationis in sacris*, униатское и православное духовенство в общей процессии прошли на кладбище²⁴.

Латинизация и украинизация унии в Галиции являлись причиной того, что галицийское духовенство было устранено от работы в «восточном обряде» и послужило вместе с тем причиной успеха пропаганды Православия.

Все, что было сделано в Галиции во время русского наступления, после окончания войны исчезло и вновь началось только в 1926 году, когда в Православие перешло село Телява. Засим Православие ширилось, особенно в Западной Галиции, на Лемках, где народ враждебно относился к украинству и пользовался своеобразным говором русского языка. Православие оказалось у ворот Кракова, этого «польского Рима». Правительство смотрело на это с некоторым одобрением. На Волыни оно помогало украинизации Православия, в Галиции помогало Православию как противнику украинства. Центром движения являлся Львов. Движение встречало препятствие со стороны местных властей, поддерживавших униатство, и со стороны униатского духовенства, оставлявшего в своем распоряжении храмы без прихожан и чинившего всяческие придирки. У Православной Церкви не хватало средств, миссионеров, богослужебных книг, церковной утвари. Тем не менее в 1936 году на одной Лемковщине в Православии оказалось 17 577 человек, перешедших из унии, или 11% униатского населения этой области²⁵. Всего в Галиции перешло из унии около 30 000 человек. 5 августа 1934 года был воссоединен знаменитый княжеский город Галич.

Положение становилось угрожающим, и Рим принял срочные меры. Лемковщина была выделена из Перемышльской униатской епархии (121 приход из 769, 128 000 душ из 1 244 000 населения епархии) для особого апостолического визитатора. 10 января 1936 года администратором

был назначен Н.Наторянский, который отказался, и его заменил В.Мацук, через год умерший, и, наконец, Я.Медвецкий²⁶.

Это не удовлетворило старорусинов и вызвало раздражение у украинцев, так как дробление епархии было направлено против них. Результатов администрация не дала, никто в унию из Православия не вернулся.

Наступали разные юбилейные сроки, связанные с унией. В 1936 году — 300-летие со дня смерти униатского митрополита В.Рутского. В связи с этим, 22–25 декабря 1935 года во Львове был созван униатский съезд. На нем присутствовало около 150 человек, в том числе 18 мирян. Прибыли епископ «восточного обряда» Н.Чарнецкий и 3 викарных украинских епископа. Были базилиане, редемптористы. Иезуиты и католическое духовенство отсутствовали, и это объяснялось тем, что за краткостью времени их не успели пригласить. Из общего числа 8 миллионов греко-католиков съезд представлял 5 миллионов.

«Еще 10–15 лет тому назад, — говорил митрополит А.Шептицкий в своем приветствии съезду, — западные богословы и те, кто хоть немного занимался церковными вопросами, удивлялись нам, восточным католикам, как некоему экзотическому явлению, которое не имеет и не будет иметь большого значения в церкви».

Теперь все изменилось, и этому содействовало много причин:

«Прежде всего падение царизма. Пока существовал абсолютный царь, властелин 1/6 части света, большей половины Азии и Европы, до тех пор никто не мог надеяться на расширение унии». Надежда возросла с восстановлением Польши, и, кроме того, этим вопросом занялся папа.

«И случилось так, что уния еще 20 лет тому назад, самый забытый из всех забытых вопросов во вселенской Церкви, выдвинулся на первое место церковных интересов».

Не без горькой иронии престарелый иерарх продолжал:

«Те самые, которые оценивали нашу католическую веру с точки зрения обрядовых изменений, теперь эти изменения считают признаком того, что мы являемся не надлежащими работниками в деле соединения»²⁷.

Епископ Н.Чарнецкий приветствовал съезд от имени «восточного обряда», от имени юго-западных земель, на которых в прошлое время пышно расцветала уния, где была надежда победоносного ее возрождения после падения «царизма». Там епископ Чарнецкий нашел только жалкие следы наследства митрополита Рутского. На землях первой унии погибли славные монастыри и лавры в Вильне, Бытене, Жировицах, Почаеве, Супрасле, Холме. Погибли храмы, но самым тяжелым было то, что погибли и души. Миллионы душ оторваны от источника правды и жизни — Римского престола. Полтора века спустя он видит в душах православных великую духовную Сахару, их до конца убил коммунизм, религиозный индифферентизм, сектантство. Новая уния там очень слаба, как бедный Лазарь, она пока надеется только на милость Господа Бога. Однако есть кое-что радостное. К западной церкви принадлежит уже новосоединенных 50 приходов, 70 священников... «Могло быть много больше, есть много заявлений, но разные трудности препятствуют надлежащему расширению дела». Православные священники только официально отрицают унию, в действительности 50–60% готовы стать на сторону унии.

«Перелет», бывший прот. П. Табинский, к этому добавил, что «только путем унии можно прийти к соглашению на Волыни, ибо и католики и православные требуют друг от друга капитуляции»²⁸.

«До великой войны Православие в России и уния в Галиции и Буковине были разделены государственной границей. Теперь униатская Русь оказалась под одной государственной крышей с дезунитской Россией так же, как во время старой Речи Посполитой», — замечает Я. Урбан по поводу съезда.

«Однако, — продолжает он, — сама уния охвачена тем, что называется униатизмом», излишне латинизирована и потому становится скорее «препятствием, чем помощью в осуществлении великого дела соединения разорванного христианства». Мертвым остается погребать своих мертвецов. Местные интересы делают галицийских униат как бы безразличными в отношении великой всекатолической проблемы соединения церквей»²⁹.

С этим съезд не согласен. Он заявил, что греко-католическая церковь есть церковь восточная, находящаяся в единении со св. престолом и, сохранивши восточные традиции, она должна стать образцом, притягивающим к себе несоединенные восточные церкви. Католичество «восточного обряда» в прошлом наиболее отвечало духу украинского народа и обладает силой вывести в будущем весь украинский народ из религиозно-морального распада после несчастного времени безродности ее на Украине. Украину должна спасти уния и духовно отделить ее от России.

Уния, однако, по убеждению иезуитов, погружена в сон и мешает делу объединения церквей. Иезуиты думают о покорении всего русского народа, греко-католики только об Украине, о разделении единого русского народа.

Съезд пришел к выводу о необходимости вернуться к традициям XVII века и, осуществив мысль митрополита Рутского, создать униатский патриархат. «Отчего же не образовать, — иронически замечает Я. Урбан. — Если есть патриарх маронитов, то почему не быть патриарху украинцев?» Эта мысль весьма взволновала митрополита Дионисия, думавшего о патриаршем звании для себя.

Съезд нашел, что должны быть охранены права Галицкой митрополита, наследника Киево-Галицкой митрополии, ибо это основа крепости греко-католической церкви. Обряд нужно обновить, унию оживить, и потому съезд признал необходимым заняться изучением обряда и истории восточной церкви, и это спустя 342 года после введения унии.

От этих благочестивых воспоминаний и надежд на будущее съезд, переходя к существу дела, постановил:

«Собравшиеся полагают, что греко-католическое духовенство Галицкой земли, национально и обрядово связанное с несоединенными братьями, живущими в Польше, прежде других имеет право на труд по соединению своих братьев. Поэтому, выражая свое глубокое сожаление, что именно этому духовенству прегражден доступ к унийной работе среди родных братьев, съезд обращается к апостолическому Престолу, дабы во имя успеха среди несоединенных братьев: 1) греко-католическое духовенство было допущено к унийной работе на тех землях Польши, которые занимают православные, и 2) чтобы была установлена отдельная иерархия византийско-славянского обряда на территориях унийной работы с полной юрисдикцией»³⁰.

Иными словами, съезд хочет устранить с Волыни и Полесья иезуитов и католическое духовенство и заместить его духовенством греко-католическим. На эти странные притязания Я.Урбан ответил указанием, что пожелание об отдельной иерархии «восточного обряда» было заявлено папе еще в октябре 1933 года съездом католических епископов. Во всяком случае, галичане здесь ни при чем.

Съезд повторил всем надоевшие слова о любви в унийной работе и заявил, что православная миссия в Галиции продиктована не религиозными требованиями. При переходе в Православие униаты в Галиции теряют имущество, приобретенное веками, и становятся изменниками католической церкви. Спрашивается, по каким, кроме религиозных мотивов, они это делают?

Оценивая в общем благоприятно работу съезда, Я.Урбан указывает на неправильную замену выражения «русский» «украинским», ибо старая уния охватывала не только Галицию, Волынь и Полесье, но также Вильно, Новоградок и Полоцк, и покрывать всю эту территорию выражением «украинский» противоречит здравому смыслу и задачам «восточного обряда»³¹.

Во исполнение пожеланий съезда 17 февраля 1939 года митрополит А.Шептицкий образовал Украинский католический институт церковного единения, который поручил студитам. Протоигумен Клеменс Шептицкий, открывая 19 июня институт и говоря о необходимости изучать Восток, можно сказать, спиной поворачивается к Западу.

«Мы будем брать у нашего западного соседа только тогда, когда нам не хватает чего-либо существенного, и даже в том случае делаем это так, чтобы не становиться в противоречие с духом Востока»³².

Таким образом, и галицийской унии пришлось стать на путь «восточного обряда».

4

В январе месяце 1937 года в Ченстохове собрался первый и последний Генеральный Синод католических епископов возрожденной Польши. Обширные постановления этого высокого собрания были утверждены в Риме и частично опубликованы. Католический епископат полагал, что Польша вполне созрела, чтобы стать теократическим государством на манер Града Божия блаженного Августина, и православные в этом граде были совершенно ни к чему.

Пока Синод предписывает общую молитву и деятельность для осуществления на польских землях дела единения Православия с католичеством. В этих целях 18–26 января 1938 года была устроена неделя молитвы в Варшаве и был прочтен ряд докладов, выяснявших восточный религиозный вопрос в Польше. Делом этим занимался Кружок католического единства. Выводы не были благоприятными. «На польских землях, — заметил ксендз А.Павловский, — нет до сих пор достаточных указаний, которые могли бы обещать близкое соединение нашего родного Востока с римской матерью»³³.

В этом направлении Синод тоже кое-что решил, но это не было опубликовано и было выявлено иным способом.

Православная иерархия чувствовала беспокойство, несмотря на проявляемое правительством внимание. Совершенно неожиданно, при открытой поддержке правительства, митрополит Дионисий отправился

с визитом к румынскому патриарху Мирону. Действительная цель поездки неизвестна.

Во время одного обмена речами митрополит Дионисий подтвердил, что «польская Православная Церковь самостоятельно руководит своею жизнью в согласии с законами Речи Посполитой, пользуясь ее заботами, опекой и помощью». Здесь обращает на себя внимание то, что Православная Церковь названа польской и это сделано совершенно сознательно.

К этому митрополит Дионисий добавил, что он с особым умилением вспоминает свою поездку в Румынию в 1925 году на интронизацию патриарха Мирона, «что содействовало укреплению достоинства Православной Церкви и возвышению великодержавного авторитета Румынии»³⁴.

Митрополит Дионисий давал понять польскому правительству, что возведение «польской церкви» на степень патриархата содействовало бы укреплению «великодержавного авторитета» Польши. Слова эти, однако, не нашли отклика.

Советник польского посольства граф А.Понинский со своей стороны добавил, что «правительство Польши всегда поддерживало эту религиозную гармонию и получило возможность зарегистрировать прекрасные результаты в этой области, консолидируя сим путем нацию и государство. В сфере христианского обновления оно вдохновлялось той же идеей, которая неоднократно выражена Вашим Августейшим Монархом, королем Карлом II, высказывавшимся за живое христианство, тесно связанное с идеалом национальным»...

Польша тоже вскоре высказалась «за живое христианство, тесно связанное с идеалом национальным» в том понимании, что поляк по самой природе своей католик.

Все это происходило в конце сентября в Бухаресте, а вот что произошло в Польше в декабре того же года.

23 января 1938 года на так называемой польской странице газеты Варшавской митрополии «Слово» напечатана редакционная статья, рядом с описанием путешествия в Румынию, — «Новый способ “обращения” православных».

«Громким эхом отозвался в печати случай перехода несколько недель тому назад в католичество 35 православных семейств в селе Гринки Кременецкого уезда (Воынской губернии), принадлежащей Грибовскому приходу».

На основании сообщений с мест, развитие всего движения, начатого католическим духовенством в православных селах и деревнях, в пограничных с СССР гминах Лановцы и Белозерка, проходило таким образом.

В октябре 1937 года в селе Гринки пограничная стража организовала свой праздник. Перед иконой Матери Божьей, помещенной на наружной стене школьного здания вместе с портретами государственных лиц, местным священником с дьяконом было совершено богослужение. Вечером в школьном помещении был устроен праздник, а портреты остались до утра на наружной стене здания. Утром была обнаружена гнусная профанация повешенных и оставленных на ночь портретов.

В связи с этой профанацией было арестовано несколько лиц — среди молодежи, а на всем селе Гринки в повседневной жизни болезненно отразились результаты этой профанации. У крестьян были ото-

браны паспорта, без которых нельзя передвигаться в пограничной области, разрешено уезжать только в Лановцы, и при этом один раз в неделю, запрещено пользоваться в помещениях светом, выходить из домов с наступлением сумерек. Бывали случаи, что стража выбивала окно тому, кто зажигал в доме свет. Различные агитаторы стали распространять по деревне слухи, что всех выселят из пограничной области и таким образом они будут лишены земли и имущества, и что единственным спасением является переход в католичество, что сделает их поляками.

Так, 19 декабря 1937 года в Лановецком костеле была принята в католичество первая группа из 116 лиц.

За Гринками пришла очередь и иных сел с православным населением.

Из деревни Краснолука на гминное собрание в Лановцах пришло около 70 человек, к которым держал речь войт Стадницкий, уговаривая их, как «потомков поляков и католиков», перейти в католичество. Перешло 15 человек. В Белозерках «миссионерскую работу» вели унтер-офицеры Дурава и Мураковский, которые обходили дома хозяев с «польскими фамилиями», уговаривали их отказаться от Православия, «навязанного бывшим московским правительством», обещая при переходе в католичество землю, освобождение от натуральных повинностей и прочие льготы, а в случае непослушания угрожали выселением и другими репрессиями. Признано в том местечке в качестве кандидатов в католики около 225 лиц из 36 семейств.

Ввиду того, что дело обращения в католичество православного населения в селах Кременецкого уезда, граничащих с СССР, ведется при действенной помощи корпуса пограничной стражи, гминных управлений, солтысов и т.д., каковой административной помощью пользуется римо-католическое духовенство, митрополит Дионисий обратился к министру исповеданий и народного просвещения, прося об «активном вмешательстве».

Активное вмешательство административной власти выразилось прежде всего в том, что номер «Слова», в котором была напечатана приведенная выше статья, был конфискован³⁶.

26 января с. Гринки посетил архиепископ Волынский Алексей. Во время Божьей службы были слышны стоны людей, народ плакал, многие стояли на коленях. Архиепископ выяснил в своей проповеди, «что в делах веры не может быть в нашем государстве какого-либо принуждения, потому что свобода веры обеспечена основным законом — Конституцией Речи Посполитой, и чтобы народ не верил, если будут говорить иначе».

Владыка во время проповеди спросил: «Может быть, тут есть кто-либо из обращенных?». В ответ громко разнеслось: «Нас таких тут много»³⁷.

Это произошло 26 января, а 15 марта жители с. Гринки Киприан Дубовой, Гавриил Цимбалюк, Моисей Зыска, Остап Зыска и Ефим Гаврилюк уже обратили на себя внимание административной власти. В ночь с 20 на 21 марта полиция им вручила распоряжение волынского воеводы от 15 марта, в силу которого они немедленно выслались, и им воспрещено пребывание в пограничной сфере в течение трех лет. Распоряжение это, в силу закона, не мотивировано и подлежит немедленному исполнению ввиду «важного общественного интере-

са». «Такое распоряжение, — пишет газета “Русский голос”, — произвело на население угнетающее впечатление»³⁸. Можно себе представить, что собою значит для крестьянина высылка из родного дома и родной земли.

1 февраля депутат Скрипник сделал запрос в пленарном заседании Сейма. Депутат, описывая происшедшее, между прочим сказал, что распространяются слухи, что все население приграничной сферы должно перейти в католичество и что при предстоящей земельной реформе православные будут совершенно лишены земли и выселены или полуют худшую землю.

Премьер-министр, он же министр внутренних дел генерал Славой-Складковский, отвечая на запрос, заявил, что население переходит в католичество добровольно и что никаких насилий административные власти не совершают³⁹.

Размах намеченного обращения был весьма значителен, предполагалось в самый короткий срок перевести в католичество 350 000 человек. Для этой цели воеводские власти расширили пограничную сферу, включив в нее ряд уездов Волынской губернии. Однако весьма быстро выяснилось, что намеченный план не по силам и не по средствам. Тогда цифру эту сократили до 140 000, пока же записанных в метрики новых католиков, которые при всякой возможности продолжают ходить в Православную Церковь, оказалось около четырех тысяч.

5

Одним из неудобств пользования «восточным обрядом» являлся старый стиль в церковной жизни. Реформа календаря, произведенная папой Григорием XIII в 1562 году, отразилась в Польше в том смысле, что католики стали принуждать православных к принятию нового календаря. Борьбу эту прекратил Стефан Баторий распоряжением от 18 мая 1585 года, в силу которого «католики должны держаться нового календаря, православные могут пользоваться старым»⁴⁰.

5 марта 1924 года Вселенский патриарх предложил ввести в Польше новый стиль. Собор епископов согласился, но встретил решительное сопротивление народа, и 16 августа того же года собор епископов вернулся к старому стилю. Однако Варшава и города на запад остались при новом календаре, в силу чего митрополит Дионисий праздновал все праздники, кроме Пасхи, отдельно от народа. В 1917 г. Станиславовский униатский епископ Хомышин ввел новый стиль, но вскоре вынужден был от него отказаться⁴¹.

В 1935 и 1936 гг. «Oriens» дважды поднимал вопрос об установлении однообразного календаря. Правительство, однако, этого желанья не поддержало, и только накануне распада государства местные власти непосредственно от приходских священников требовали пользования новым стилем.

Обострение отношений между православными и католиками на почве «восточного обряда» и тот беспорядок, который вносил этот обряд в приходскую православную жизнь, создало благоприятную почву для общего религиозного упадка, расширения пропаганды коммунизма и сектанства. Это стало беспокоить и католиков. «Восточный обряд» решил предложить создание общего фронта для борьбы с враждебной религии пропагандой. Я.Урбан выступил с передовой статьей «Во имя общей задачи», указывая на ту общую почву, на которой могут и долж-

ны работать католики и православные. «Слово» также заговорило об установлении некоего «пакта» между исповеданиями, но основным условием считало прекращение прозелитизма принятыми методами⁴².

Был поднят также вопрос о пополнении святцев «восточного обряда» именами западных святых⁴³.

Рим продолжал идти по намеченному пути.

Монсиньор д'Эрбиньи, будучи председателем Русской комиссии, познакомился в Риме с четой Браиловских, русскими художниками, принявшими католичество. В 1932 году была устроена выставка сорока картин кисти Браиловских, изображавших памятники русского религиозного творчества. Коллекция эта была подарена Пию XI, и последний решил организовать особый отдел русской живописи в Ватикане. Поступили приношения от княгини Радзивилл и других лиц, и 14 февраля 1935 года, в присутствии статс-секретаря Пачелли и других сановников, а также четы Браиловских, была открыта секция памятников церковной живописи в России, в количестве 100 картин и 20 планов, изображавших памятники церковной живописи и архитектуры Киева, Новгорода, Москвы, Ростова, Суздаля и т.д.⁴⁴.

Насколько Рим придает значение русской изографии, видно из того, что в 1939 году из Югославии был приглашен известный изограф из старообрядческой семьи Пимен Сафронов, который одно время руководил школой живописи в православном монастыре Раковица около Белграда⁴⁵.

6 декабря 1936 года состоялась хиротония русского католика «восточного обряда», Александра Евреинова в титулярные епископы Пионии. Хиротонию совершал епископ Чарнецкий, Мельхицкий митрополит из Бейрута Максим Сайха и Итало-Албанский епископ из Лунгра в Калабрии Меле, в церкви св. Антония, в Русской коллегии в Риме. Вручая жезл, Н.Чарнецкий говорил по-русски. На той же литургии епископ А.Евреинов хиротонизал священника и диакона «восточного обряда». Присутствовал секретарь Конгрегации для восточной церкви, кардинар Тиссеран. Среди высоких лиц присутствовали посланники Франции и Бразилии, представитель иезуитов и другие. Это был первый «родовитый и по рождению русский» епископ «восточного обряда».

А.Евреинов родился в 1877 году в Петербурге. Окончил Александровский лицей и поступил в Министерство иностранных дел. Будучи секретарем посольства в Константинополе (1900–1906), он в 1905 году принял католичество. С 1906 по 1909 год был секретарем посольства при Квиринале в Риме. Засим он оставил службу, поступил во французскую семинарию и в 1913 году стал священником. Пачелли пригласил его в статс-секретариат, и в 1921 году, в качестве секретаря нунциатуры, он был отправлен в Париж, где организует русский католический приход. В конце октября 1936 года он переводится в Конгрегацию для восточной церкви и делается епископом для хиротонии священников «восточного обряда».

«Ogiens» видит в этом «новое свидетельство расположения св. отца к русским» и желает новому епископу «дождаться времени, когда свобода будет возвращена его отечеству и позволит ему работать в нем над религиозным возрождением соотечественников».

Еще большее расположение св. отец оказал иезуитам.

В арсенале средств, которыми располагали иезуиты для борьбы с Православием, для его разложения и ликвидации путем «восточного

обряда, не хватало имени мученика, святого, которому можно было бы отдать под покровительство все это начинание.

Иосафат Кунцевич, иезуит, епископ и враг Православия, в свое время канонизированный, для этой цели оказался неподходящим. Хотя он и родился во Владимире-Волынском, но там о нем не сохранилось никаких воспоминаний в народе. Униатская церковь в Галиции к канонизации Иосафата Кунцевича отнеслась отрицательно, и никакой популярностью имя это не пользуется среди униатов.

Тогда вспомнили про другого иезуита, Андрея Боболу, личность малозаметную. В известном труде епископа Эдуарда Ликовского «Брестская уния» его имя не упоминается.

А.Бобола был убит казаками в Якове около Пинска 10 мая 1637 года, 14 лет спустя после убийства И.Кунцевича. И.Кунцевич сразу оказался в центре внимания Рима, и 16 мая 1643 года Урбан VIII положил начало его канонизации декретом о признании его благословенным. О Боболе никто тогда не вспоминал.

И.Кунцевич был канонизирован Пием IX 29 июня 1867 года. Об А.Боболе опять-таки никто не вспомнил и лишь при большевиках, подготавливая новоуниатское наступление на Православие, о нем вспомнили. Ценой каких-то уступок его гроб удалось перевезти из России в Рим, и 17 апреля 1938 года, в день католической Пасхи, он был канонизирован. Гроб его передали иезуитам для перевозки в Польшу, куда он и был доставлен с большой торжественностью и помещен в каплице Общества иезуитов в Варшаве впрямь до сооружения особого храма в его честь.

Примас Польши, кардинал А.Хлонд, говорит по этому поводу в своем послании к народу:

«По примеру св. Боболы мы должны поддерживать работу для единства костела среди потомков героических униатов всенародно, искренне, бесстрашно. Фатальной ошибкой было бы создание польского православия на пепелище унии, орошенной кровью католических мучеников.

Нужно идти следами Боболы и стольких потерявших чувство самосохранения апостольских безумцев для поддержания на восточных рубежах церковного единства».

Газета «Слово» по этому поводу заметила:

«Не ради богобоязненных, благочестивых настроений готовятся грандиозные торжества. Их прямая цель — удар по Святому Православию». И это торжество назвала антиправославным⁴⁶.

По прибытии в Польшу гроб А.Боболы был перенесен в кафедральный собор св. Яна. Во время литургии, 25 мая, Варшавский епископ суфраган, профессор А.Шляговский, человек образованный и культурный, в своей проповеди, между прочим, говорил, что на Польшу приходит вместе с А.Боболой возрождение. Но «на Польше оно не остановится. С тобою, мученик, и через тебя станет она источником возрождения Востока, спасет Восток в будущем, так же как спасала в прошлом Запад от наездов турецких и большевицкой мерзости. С тобой, «небесным вождем», спасет апостольским оружием. Так, по-Божески, отомстишь ты своим преследователям». При А.Боболе Польша будет тверда и «не поколеблется в своих убеждениях, не изменит своему посланничеству». «Веди нас к высшему предназначению на земле»⁴⁷.

Прибавил свое слово и о. Я.Урбан.

«Канонизация А.Боболы действительно звучит новым призывом к воскрешению унии, похороненной царской властью»; «Канонизация св. Боболы беспокоила наших сограждан православных. Что делать?»

«Мы не отказываемся легко от воли Божественного Основателя и Главы Церкви “Да будут все едины” — и считаем своей религиозной обязанностью работать над осуществлением этого единства», и никогда не скрывали, что «церковное единство понимаем только как опирающееся на Скале-Петре... В борьбе мы не прибегаем к материальному оружию... Чистый католицизм желает бороться, ибо он есть воюющая церковь, бороться с тем, что считает ошибкой и сопротивлением Христовой воле»⁴⁸.

6

Деятели «восточного обряда» почувствовали во всем этом все-таки какую-то неловкость, и Я.Урбан вынужден был высказаться по вопросу о «волинских ревиндикациях», каким именем он назвал миссионерскую работу польских капралов. Он указывает, что «о какой-нибудь строгой церковной миссии, организованной для этой цели, ничего не было слышно», и что «понятное дело, что при обращении такими способами идет речь о достижении политических успехов, хотя бы сам акт обращения совершался как обряд религиозный». Далее автор замечает: «Одно обстоятельство дает некоторый материал для размышления в этом деле, а именно, что ревиндикационное движение, прежде всего, дает результаты в пограничной сфере, где действует исключительный закон об охране государственного порядка». Он отводит от католической церкви обвинения в насилии и замечает, что «если такие случаи и произошли, в них нужно винить другие органы, внецерковные, и такие происшествия надлежит сурово осудить и скорее над ними скорбеть, чем радоваться», ибо «такое апостольство есть весьма несовершенное»⁴⁹.

Не успело, однако, улечься изумление и возбуждение по случаю волинских «обращений», как стали поступать не менее тревожные сведения из Холмщины и Подляшья.

Волинские мужики заняли позицию, по-видимому, для правительства неожиданную. Они приходили в костел, совершали какие-то обряды, их имена записывались в метрические книги и католическое духовенство «Te Deum» пело, а мужики возвращались домой, приносили раскаяние своим священникам и при первой возможности шли в церковь.

Вековая история Волини, полная трагических столкновений религиозного и политического характера, выработала в народе особый род скептицизма, который сводится к тому, что правительства приходят и уходят, а народ остается, и народ на Волини, сопротивляясь, как возможно, чинимым насилиям, жил в полной уверенности, что польская власть недолговечна.

С апреля месяца 1938 года сведения стали поступать из западных уездов Люблинского воеводства о насилиях над православным населением.

К моменту провозглашения автокефалии в 1925 году на Холмщине картина была такова. Из 383 храмов, бывших до войны, 59 было разрушено, 111 — закрыто и 150 — обращено в костелы. В распоряжении православного населения осталось только 63 храма. За протекшие

20 лет часть населения вернулась из России. При громадной затрате нравственной энергии и материальных средств чрезвычайно бедное местное население все же сумело кое-какие храмы возвратить, кое-какие заставить силою открыть и построить некоторое количество молитвенных домов.

Несмотря на это плачевное состояние Православной Церкви в Холмщине и Подляшье и несмотря на то, что уния здесь существовала дольше других мест, «восточный обряд» не привился. За 15 лет работы общины «восточного обряда» оказались, по счету католиков, в девяти местах. В них числилось 1905 человек, то есть менее 1 % населения, составлявшего почти 250 000 человек.

В апреле месяце было закрыто 23 церкви без всякого повода и основания.

Все это было сделано накануне Пасхи. «Благодаря закрытию храмов, — пишет “Слово”, — православное население всех этих сел вынуждено молиться как в праздники Пасхи, так и теперь, под открытым небом»⁵⁰. В ближайшем будущем и «открытое небо» оказалось для православного населения запрещенным.

В этих трагических обстоятельствах 20 мая последовал ответный визит румынского патриарха и председателя Совета министров Мирона митрополиту Дионисию.

Патриарх Мирон в одной из своих речей сказал:

«Я с удовольствием констатирую, что Православная Церковь в Польше имеет идентичную автокефальную организацию и что в Польском государстве она пользуется полнотой прав и защитой». Он выразил признательность руководителям Польской республики за справедливое отношение к Православной Церкви в Польше⁵¹.

Дальше пошло еще хуже. То, что происходит в Холмщине, спокойно описать уже трудно. Народ вопит. С мест несетя одно: «Ратуйте нас!» Старые, давно закрытые церкви разрушаются, «чтобы своим видом не портили пейзажа и не напоминали советской России», а скромные молитвенные дома — потому, что они «нелегальны»⁵².

Разрушительная энергия с западных уездов перешла на восточные, опечатаны церкви, молитвенные дома, и священникам предложено оставить приходы.

Помимо закрытия храмов, вообще запрещены богослужения в православных нештатных приходах, число которых достигает несколько десятков.

К 12 июля разрушено было и сожжено 60 церквей, к 18 июля — 108⁵³.

Собор епископов опубликовал 16 июля 1938 года послание «для утешения и укрепления в вере и любви».

«Понимаем, — говорит послание, — как тяжело вам ныне, ибо ничего нет на земле более тяжелого, как собственными очами видеть разрушение и поругание не только своей, но и прадедовской святыни. Но зато как чисто и спокойно сознание ваше христианское, что пострадали вы не как убийцы, воры, злодеи и посягающие на чужое, а как верные своему добруму исповеданию христиане».

Иерархия заявляет о своей верности Православию и устраивает трехдневный пост с покаянием.

Иерархия совершенно растерялась. Митрополит Дионисий тщетно обращался к властям. Он имел свидание с президентом республики

в Спале. Разговор продолжался два часа и не дал никаких результатов. Обращался к маршалу Ридз-Смиглому, к председателю Совета министров, и тоже без результата⁵⁴.

Впрочем, результат был. Пастырское послание было конфисковано. Все эти несчастья обрушились на украинский народ, и митрополит А.Шептицкий не мог остаться равнодушен. Он также огласил послание, осуждающее действия правительства, и послание его было конфисковано.

Всего на Холмщине и Подляшье была разобрано самым варварским образом, а частично сожжено 150 православных храмов. Была разобрана также каменная военная церковь Александра Невского в Гродно и недостроенное здание собора в Белостоке, о котором велся судебный процесс.

На Волыни продолжалось при помощи полиции обращение православных в католичество. На Холмщине стали наблюдаться налеты католических банд, которые, в буквальном смысле, разоряли села, требуя отказа населения от Православия. Власти конфисковали суммы, собранные в помощь изгнанному из разоренных приходов духовенству*.

Этот разбой совпал с заключением 20 июня 1938 года соглашения между Ватиканом и Польшей о так называемых «поуниатских имуществах», землях, церквях и часовнях «некогда униатских, коих католическая церковь была лишена Россией». По этому соглашению в собственность католической церкви перешло около 10 000 гектаров земли, отобранной от православных приходов, и дополнительное вознаграждение в размере около 2 миллионов злотых. Соглашение это любопытно тем, что, вопреки условиям, заключенным православным духовенством с Римом перед унией 1596 года, униатские имущества, которые навсегда должны оставаться собственностью униатской церкви, ныне признаны собственностью католической церкви. В связи с этим депутат Сейма униат Баран требовал передачи этой земли и денег униатской Галицийской митрополии. Из этого ничего не вышло, и католическая печать разъяснила, что интересы униатства нарушены не будут, так как эти средства пойдут на дело новой унии.

Я.Урбан вынужден был на этом вопросе остановиться. На его счету разрушено 120 храмов в тех местах, где были ликвидированы приходы и не предполагалось их восстановление. «Эти факты относятся к прошлому, можно только спросить о их результатах. Несомненно, пейзаж Холмщины, характерный своими многочисленными церковками, часто заброшенными и покрытыми мохом, изменился»... Однако, кроме этого, «ликвидация дала эффекты, наверно, не ожидаемые ликвидаторами». Украинцы примирились с русскими, иерархия сблизилась с народом, причем эти действия отнесены на счет католиков, во всяком случае, это происходило на глазах нунция и польского епископата и в действительности «можно опасаться, что дело привлечения православных к католической церкви будет затруднено на долгое время»⁵⁵.

* Подробности всего этого погрома Православия изложены в докладе К.Н. Николаева «Гонение на Православие в Польше», представленном Всезарубежному Собору в 1938 г. в Сремских Карловцах. См.: Деяния II Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви 1938 г. Белград, 1939. С. 541–682; отдельно в кн.: *Николаев К.Н. Судьбы Православия*. Белград, 1939.

Так все запуталось в ограде римской церкви.

Чтобы сгладить хоть в какой-либо мере явления «любви» Рима к отделенным «братьям» в Польше, в июле того же года нунций Филипп Гортези, вместе с примасом Хлондом и другими епископами, посетил приходы «восточного обряда» на Волини, Полесье и Холмщине и присутствовал на богослужениях по этому обряду. Особенное внимание было оказано папской семинарии в Дубно. Эти посещения, говорит летописец, «будут иметь безмерно большое значение для будущего униатского движения на кресах», и это тем более, что «неизвестно кем распускаются слухи, будто Рим отказался от начатого движения, стал к нему равнодушен»⁵⁶.

Встречное движение тоже шло своим путем. 3 мая епископ Савва торжественно освятил в Гродно фундамент будущего храма для «православных поляков». Администрация решительно требовала от настоятелей приходов преподавания Закона Божия и произнесения церковных проповедей только на польском языке.

Народ отходил от церкви. Сектантство и коммунизм, для которых польский язык не был обязательным, ширили свою пропаганду.

Созыв собора Православной Церкви в этих условиях был немислим. 9 ноября Архиерейский Синод представил, явившись в полном составе, министру исповеданий проект Внешнего статута Польской автокефальной Православной Церкви, одобренный Синодом. Комедия была разыграна в серьезных тонах, и статут был, в виде закона, опубликован президентом республики 19 ноября. Затем были опубликованы Внутренний статут, устав духовных консисторий и целый ряд законов, регулирующих устройство Православной Церкви в Польше от выбора митрополита до прихода. Верховным руководителем всей церковной организации оказалось правительство. Иерархия принесла благодарность, министерство устроило прием, а митрополит Дионисий пожаловал бриллиантовые кресты на клобуки архиепископам Алексею и Александру.

Пий XI, поднявшись на такую высоту, с которой плохо видны очертания действительности, принимая очередную группу паломников из Польши, говорил:

«Польша в особенности всегда должна быть достойна своего старинного, почетного титула защитницы христианства»⁵⁷.

Во время понтификата Пия XI этот свой титул Польша оправдала сверх всякой меры.

Однако ответственные деятели «восточного обряда» понимали, что в конце концов все это ничего не стоит.

И вот 27 января 1938 года известный епископ «восточного обряда» Петр Бучис является к экзарху Московской патриархии, митрополиту Елеферию в Ковно и начинает с ним разговор о соединении церквей. Вообще, христианству нужно объединиться перед лицом пропаганды безбожия, и Римская церковь обращается к Православной Церкви, потому что она к ней ближе других. Бучис напоминает обо всем том, что сделал папа для русской эмиграции и русских вообще. Он вспомнил попытку привлечения к делу единения митрополита Евлогия, но последний отозвался такими словами, которые «здесь не повторяются». Были попытки самого Бучиса войти в сношение с русскими епископами в Америке, но из этого тоже ничего не вышло. Сочувственно отнесся митрополит Кедровский, но он оказался женатым, а этого Рим не допускает. Митрополит Елеферий заметил, что без единства веры

нет почвы для соединения. П.Бучис отводит обвинение от Рима в том, что он равнодушен к вопросам веры. Он подчеркнул терпимость пап к обряду и указал, что папы защищали дело Кирилла и Мефодия от греков, отрицавших право за славянским языком. П.Бучис подчеркнул, что он постоянно спорит с латинскими священниками относительно обращения православных в латинский обряд. Продолжая свою мысль, митрополит Елеферий отметил, что не может быть соединения, пока папство будет претендовать на главенство, и назвал Флорентийский собор еретическим, что вызвало возмущение со стороны П.Бучиса. И начался бесконечный, бесплодный спор на тему о примате папы, и выяснилось, что в данной обстановке говорить о соединении невозможно. П.Бучис предложил «штатское содружество» в деле борьбы с безбожничеством. Наконец, наступил драматический момент. Епископ Бучис спросил: «На что же рассчитывает Православная Церковь, предоставленная своим силам?» — и получил ответ, что «кроме слабых людей Сам Господь Иисус Христос ведет борьбу за Свою Церковь и что Он Сам и защитит ее». Это вызвало у епископа Бучиса усмешку: «Христос? Я не могу задать этого вопроса Христу и задаю его Вам, Ваше Высокопреосвященство». Епископ Бучис прибавил, что он сомневается, чтобы Христос помог тем, кто не осуществляет Его заповеди об единстве. Попутно был поднят вопрос об объединении православных со старообрядцами, но не был обсужден, так как вся встреча оказалась неудачной⁵⁸.

П.Бучис ведет в Литве и практическую работу. У редакции «Голос Литовской православной епархии» оказалась копия любопытного ответа П.Бучиса на письмо некоего православного от 7 апреля 1938 г., пожелавшего стать католиком «восточного обряда». В своем ответе П.Бучис указывает, что один Петр управлял Церковью и должен и теперь один ею управлять, «признавая это и подчиняясь Пию XI, преемнику св. Петра, вы уже становитесь католиком».

Дальше идут дела, относящиеся к устройству прихода, и заканчивается письмо весьма знаменательно. «На денежную помощь со стороны Рима нельзя и не надо рассчитывать, ибо Спаситель, посылая апостолов проповедовать Евангелие, велел не брать с собою денег. И их нет у верховного пастыря Вселенской Церкви»⁵⁹.

Надежда на материальную помощь — вот истинный двигатель «восточного обряда». Рим как будто этого не понимает, но те, кто возносит «молитву за папу», об этом напоминают.

Кроткий лик Христа снова, и в который раз, встретил строгий облик Римского первосвященника. Спокойствие и покорность воле Божией и верность церкви православного мира — вот что мешает римскому церковному аппарату, которому революция в России открыла такие перспективы, осуществить свои желания.

Глава двенадцатая

Катастрофа

Пий XI умер 10 февраля 1939 года.

Папа миссии, папа Запада и Востока сделал все, чтобы оторвать Восток от мысли соединения с Западом и скомпрометировать миссию Рима.

Смерть Пия XI нанесла сокрушительный удар клерикализму в Польше и «восточному обряду». Это в Польше прекрасно поняли, и уже 6 марта иезуит ксендз Ст.Беднарский, поддерживая настроение, писал в краковской газете об особом отношении Пия XII к Польше, которое он выявил 24 сентября 1936 года при открытии II Международного конгресса католических журналистов в Риме. Он говорил: «Нам кажется, что в намерениях Промысла Польша призвана к защите истинной европейской культуры» и призывал «великодушный народ стать стеной против тех, которые уничтожили частную собственность, смеют бунтовать против самого Бога и топчут и отбрасывают все святое!».

Однако, статс-секретарь Пачелли, который стал папой Пием XII, принадлежал к иному роду людей. Ни Польша, ни «восточный обряд», ни вся сложная и, в конце концов, бесполезная работа возле вопроса о воссоединении православных этого политика чистой воды не интересовала так, как Пия XI. Надвигалась опасность войны. Европейский горизонт был темен, как ночь, и нужно было думать не об обращении православных, а о сохранении католичества, ибо в общей катастрофе может все погибнуть.

Хотя все это было ясно с первого дня, но секретарь Конгрегации для восточной церкви кардинал Тиссеран поспешил успокоить епископов «восточного обряда», указав на то, что Пий XII будет продолжать дело своего предшественника. Действительно, в своей первой речи по радио Пий XII обратился также и к восточным христианам, «соединенным и несоединенным». Восток поспешил выразить ему свои чувства. Однако это был экзотический Восток — Антиохийский патриарх сирийского обряда кардинал Тапуни, миссия маронитов, делегаты мельхитов. В результате о. Я.Урбан вынужден был напомнить и остальному Востоку, особенно византийско-славянскому обряду, о необходимости выявить свои чувства².

Дело, столь энергично проводимое Пием XI, не могло сразу остановиться. 12 мая Пий XII обратился к кардиналу Тиссерану по поводу 950-летнего юбилея Крещения Руси. Столь значительное событие было, однако, отмечено не энцикликой, а простым письмом. Пий XII благодарит Бога за милосердие христианства, оказанное русскому народу, и выражает уважение «благородным душам, которые этот дар выпросили». Русский народ окружен славой, ибо он верен Иисусу Христу. Скорбя по поводу гонений в России, Пий XII обращается с молитвой к Богоматери, «которая этот народ так охраняет и любит», дабы была возвращена свобода веры и чтобы вообще правители народа были исполнены чувствам справедливости.

Кроме ранее намеченных трехдневных торжеств по этому поводу в Риме, Пий XII назначил еще службу по «восточному обряду» в соборе св. Петра на 21 мая, на которой сам папа не присутствовал.

Торжества были организованы украинской и русской коллегиями при участии польской коллегии. Службы происходили в церкви Al Yesu, причем 19 мая была впервые исполнена латинская месса Гречанинова. Торжества закончил кардинал Пеллегринетти 21 мая вечером большой речью. Речь оказалась весьма умеренной. Выразив сожаление, что пути России и папского престола впоследствии разошлись, кардинал говорил о значении принятия христианства Россией, которое совпало с тяжелой эпохой успехов мусульман на православном Востоке. Он отметил особенность христианства св. Владимира, которое было лишено исключительности Византии и Москвы. Не было высказано никаких сомнений в истинности христианской веры на Руси³.

Корреспондент «Oriensa» значение этого торжества отметил двумя обстоятельствами. В соборе св. Петра служил восточную литургию русский епископ А.Евреинов в сослужении священников-украинцев, в присутствии значительного числа поляков. Всех их примирила «нейтральная почва римского космополитизма». Служба была, по желанию папы, у св. Петра, что свидетельствует о том значении, какое придает папа «вступлению Руси в семью христианских народов».

16 мая 1939 года архиепископ Лаодикийский, апостолический делегат А.Чиконьяни, уведомил секретаря Собора епископов в Америке, преосвященного Макария, в связи с протестом Собора епископов от 30 ноября 1938 года по поводу гонений на Православную Церковь в Польше, что Святейший Престол предпринял шаги, чтобы «выразить свое глубокое сожаление об этих событиях», и «что эти печальные события никаким образом не являются следствием соглашения между Святейшим Престолом и Польшей от 20 июня 1938 года, касательно «земель, церквей и часовен, некогда униатских, коих католическая церковь была лишена Россией»⁴.

6 июня Пий XII принимал группы русских и украинских паломников и русских эмигрантов во главе с епископом Евреиновым. Присутствовали Татьяна Сухотина, дочь Толстого, княгиня М.Волконская, Андронникова (урожденная графиня Шереметева), поэт В.Иванов и другие. Ничего специфического в отношении русского католицизма сказано не было⁵.

Другое время и другие если не песни, то тональности.

В Польше все шло по старой дороге к бесславному концу.

10–12 марта гроб Андрея Боболю возили в Дубно, где были устроены большие торжества, там «при свете факелов апостол кресов восходил на приготовленный себе трон»⁶.

В мае был уволен долголетний секретарь Синода Ю.Г. Рошицкий, которому припомнили талантливую борьбу в печати с католической пропагандой и который не подходил к новым обстоятельствам. Его заменил епископ Матвей, готовый решительно на все. Уволили и ректора интерната для гимназистов, архимандрита Феофана, несмотря на все его стремления соответствовать новому курсу.

9 мая умер Подляшский епископ Пшездецкий, инициатор «восточного обряда» на Подляшье, неудача которого уже ясно обрисовывалась.

9 июня под председательством митрополита Дионисия и при участии неизменных епископов «Матеуша и Тимотеуша», Матвея и Тимофея, состоялось первое заседание комиссии для перевода книг Св. Писания на польский язык. В этом митрополит Дионисий видел миссионерскую задачу Православной Церкви в Польше⁷.

18 июня был отпразднован 40-летний юбилей пребывания в священном сане униатского митрополита А.Шептицкого. Однако на нем не было «представительства другого католического обряда — латинского», ввиду «обострения национальных отношений» между поляками и украинцами⁸.

23 июня опубликован закон об урегулировании имущественного положения Православной Церкви. Ей оставлено только то, чем она фактически владела до 19 ноября 1938 года. Все, взятое государством в управление и захваченное католиками, было потеряно. Можно было поблагодарить и за это⁹.

25 и 26 июня в Вильне состоялся конгресс Союза миссионерского духовенства в Польше, а 27–29 июня — продолжение Пинских конференций. Это была VII конференция духовенства по делам «восточного обряда», связанная с 600-летием Флорентийской унии и 100-летием воссоединения униатов с Православием. Избрали Вильно потому, что здесь в свое время велась особенно напряженная борьба между католиками и православными и, по-видимому, предполагалось Вильно сделать центром работы иезуитов в области «восточного обряда». Присутствовал Виленский митрополит М.Ялбржиковский, 5 епископов, а также приехавший из Литвы епископ Матулонис, бывший соловецкий узник. Священников «восточного обряда» было около тридцати человек, всего же присутствовало 150–158 человек. Из Галиции прибыло только двое молодых редемптористов и письмо от митрополита Шептицкого. Галиция явно поворачивалась спиной к «восточному обряду».

В день св. Петра и Павла была устроена процессия из собора к Острым Воротам, где помещается икона Остробрамской Божией Матери. В процессии участвовало и духовенство «восточного обряда» и, хотя оно двигалось молча, так как пело только духовенство западное, но все же это свидетельствовало о «братстве в вере разных народов и обрядов».

Свидетельствовал об этом и опечатанный православный храм св. Троицы, мимо которого шла процессия. Проходили и мимо исторической православной святыни, монастыря св. Духа, «крепости Православия» и участники процессии молились о том, чтобы в этой святыне «зазвучало “Те Деум” в благодарность за восстановление единства веры»¹⁰.

Одним словом, все устраивалось как нельзя лучше. Правительство в конце концов организовало Православную Церковь по своему вкусу и пониманию. Новую форму церковности должна была наполнить содержанием иерархия типа епископов Матвея и Тимофея. Внутреннее разложение иерархии было налицо. История повторилась. Галиция отвернулась от «восточного обряда», и митрополит Шептицкий осудил погром Православия, — тем свободнее располагался «восточный обряд» на русской земле. Преград больше не было никаких, и «воссоединение» было только вопросом времени.

В этот момент германские войска вошли в беспечную Польшу и разгромили ее в две недели. В разгромленную страну вошли советские отряды, а Вильну заняли литовцы.

Повторяя слова французского иезуита Буду о надеждах католичества в России при Павле I, можно сказать: сон о воссоединении православных в Польше с «матерью всех церквей» оказался не только без будущего, но и весьма кратким.

* * *

Пий XI оставил тяжелое наследство.

Осуществляя с необычайной откровенностью планы иезуитов о подчинении России Риму и утверждая форму этого подчинения в виде «восточного обряда», он надолго пресек всякую возможность сближения Православия с католичеством. «Православие» католической церкви — это форма, лишенная содержания. Еще никогда Рим так откровенно не ставил примат власти, игнорируя догматическую сторону, пренебрегая добрыми нравами, вводя подделку под чужой обряд. Плохие средства служили дурной цели. «Восточный обряд» должен был быть голосом Православной Церкви, которым Рим стремился обмануть стадо в чужой овчарне. Это осуждено Евангелием и потому не имело успеха. Римские слова к тому же были опозорены польскими делами и на долгий срок потеряли всякое обаяние для православных. Так Божие дело не делается.

И совершенно правильно замечает такой доброжелательный и сдержанный человек, как профессор Н.Арсеньев:

«А пока мирные договоры и даже мирные споры и прения с братьями нашими из католической церкви затрудняются еще более гонениями на Православную Церковь в Польше, где насильственными мерами крестьянское население переводят в католичество (с декабря 1937 года в пограничной полосе Волыни), где православные церкви разрушаются с удвоенной силой (особенно в Холмщине, начиная с апреля 1938 года в течение двух только месяцев разрушено более 100 церквей) при поддержке и усиленном сочувствии местной католической церкви, и при сочувственно-дипломатическом молчании Рима. В результате пробуждается в ответ ненависть, которая ведь есть очень плохая помощь при междуцерковных разговорах и прениях, но которая раз уже была вознесена со всей силой: именно через поругание латинянами святынь Константинополя (4-й “крестовый” поход!). То, что делается в Польше, не только разжигает ненужную совсем, давно уже долженствующую быть похороненной ненависть между двумя народами, но и является одним из самых ярких в наши дни нарушением свободы религиозной совести (после, конечно, Советской России, Красной Испании и Мексики). Никакими прежними преступлениями против религиозной совести эти новые преступления, делаемые сознательно, по холодному, истинно “фельдфебельскому”, расчету, без искорки истинного государственного смысла, оправданы быть не могут.

При этом нужно сказать, из чувства справедливости, что польский народ, в своем целом, ответственным за это сделан быть не может. Он даже мало об этом знает. И вместе с тем это, конечно, и великое преступление против того братского духа, который должен царить даже при спорах и вероучительных прениях между христианскими церквями». («Православная Церковь и западное христианство в наши дни»).

Все это послужило отчасти на пользу православным. «Восточный обряд» стал совершенно ясным. Он направлен на внутреннее разложение Православия и при этом в такое время, когда Православие переживает гонение в России. Несмотря на это, Православие даже в Польше оказалось сильнее и тверже, чем это представлялось Риму. Нужно признать, что орден иезуитов, который более трехсот лет стремился к тако-

му способу пропаганды, потерпел жестокое поражение. Сопrotивление, которое в течение столь долгого времени оказывал Рим иезуитам в этом вопросе, исторически оправданно.

Ясно, однако, что от этого дела его инициаторы не откажутся. Разгромленные в Польше, они станут собирать свои силы в другом месте для грядущего наступления на Россию.

Борьба с «восточным обрядом» — это не только борьба за независимость Православия, но для славян — это борьба за национальность.

Пока это, к сожалению, немногие понимают. Покойный Афинский митрополит Хризостом это прекрасно ощущал.

«Восточный обряд» в Греции появился в 1923 году, в связи с переселением греков из Турции. Епископ «восточного обряда» Калавасси прибыл с частью своей паствы в Афины. Всего оказалось около 2000 униатов на 6 миллионов православных. Имелось около 10 священников и 10 монахинь, и была устроена в Афинах малая семинария.

Митрополит Хризостом повел широкую агитацию против «восточного обряда», доказывая отсутствие у него права, оставаясь католическим, обряжаться в православную форму. 10 сентября 1930 года министр внутренних дел предписал униатам изменить свой внешний вид таким образом, чтобы они отличались от православных. В январе 1931 года распоряжением президента республики была установлена форма одежды православного духовенства, пользование которой другим исповеданиям воспрещалось.

Униаты не подчинились, и были привлечены к суду за «нелегальный прозелитизм среди православных».

Возник спор между православными, униатами и властью о том, кто имеет исключительное право на пользование одеждами и облачениями Православной Церкви. Униаты выдвинули положение, что язык богослужения, богослужебные облачения и проч. не являются собственностью отдельного народа или церкви, но общей собственностью христиан.

27 марта 1931 года Государственный совет отменил распоряжение министра внутренних дел и декрет президента, как не основанные на законе. Борьба на этом не прекратилась.

В проекте конкордата между Югославией и Ватиканом от 25 июля 1935 года, который вызвал такое возбуждение в Сербской Православной Церкви и сербском народе и не был утвержден Сенатом, в статье I было дано право католической церкви миссионерствовать во всех обрядах. Сербская церковь устами патриарха Варнавы, который во время борьбы Православной Церкви с правительством, в связи с проектом конкордата в Югославии, умер в Белграде в ночь с 23 на 24 июля 1937 г., заявляла неоднократно, что никакой католической миссии среди православных сербов она не допустит. В этом Церковь была подержана всем народом.

Католическая церковь прекрасно понимает значение обрядов, и в закон о правовом положении Православной Церкви в Польше от 18 ноября 1938 года по требованию католиков было внесено правило, запрещающее вводить какой-либо новый обряд без разрешения правительства.

* * *

Катастрофа Польши, в частности, сопровождалась тем, что древнейшее русское Галицкое княжество возвратилось в состав наследства князя Владимира. Произошло это в смутный период Русской истории. Во всяком случае, пять миллионов униатов вошло в состав православного русского народа, переживающего ныне и внутренний, и внешний кризис. Это обстоятельство будет иметь значение в той церковной обстановке, которая сложится в России.

Греко-католики — это не «восточный обряд». Это историческая форма, в которую вылилось соглашение западнорусской православной иерархии и Рима в конце XVI века, с ней необходимо считаться как с историческим явлением. Ее будущее определится развитием духовной и религиозной культуры в России. Останется ли греко-католическое исповедание и далее отдельной формой церковности или сольется с Православием или католичеством — это покажет будущее.

Несомненно одно — национальная власть православного русского народа должна будет ясно сказать Риму, что вопрос воссоединения Западной и Восточной церквей — необходимейшее и неотложнейшее дело христианства. К этому ведут различные пути и имеются разные средства. Из этих средств, безусловно, должно быть устранено только одно — «восточный обряд», ибо «восточный обряд» — это средство не воссоединения, а окончательного разъединения.

«Восточный обряд» должен быть устранен из католической церкви в интересах общественного порядка, добрых нравов, религиозной свободы и религиозного мира в стране.

*Югославия, Белград — Сремские Карловцы.
1934–1940 гг.*

Заключение

После катастрофы

1

1 сентября 1939 года Германия объявила войну Польше, совершив налеты на ее города. Необычайно стремительное наступление немцев ураганом прошло по Польше, и все было сметено. Президент Республики, правительство, верховный вождь армии маршал Ридзе Смиглы уже 17 сентября перешли румынскую границу и, по существу, были интернированы. Маршал Ридзе Смиглы вернулся позднее в Варшаву и умер в ней, скрываясь под видом учителя. Мечты о великодержавии рассеялись как дым.

Несмотря на все насилия на религиозной почве в 1938 году, православное население оставалось лояльным. Поляков впоследствии терроризировали, и с ними посчитались галицийские украинские шовинисты.

Митрополит Андрей Шептицкий последние годы занимал позицию, которая не могла быть приятна Риму. Как мы видели, он осудил попытку судебного отобрания святынь от православных, сделанную католической иерархией в Польше.

Он выступил также с протестом против насилий, совершаемых над украинским населением на Волыни в 1938 году.

В своем пастырском воззвании от 20 июля 1938 года, которое было конфисковано правительством, он заявил:

«Печальные факты последних месяцев на Холмщине заставляют меня открыто выступить в защиту наших братьев, неуниатских греко-православных христиан Волыни, и призвать вас к молитвам о них и покаянию, призывая милость Божию с небес.

События в Холмщине рождают в душах наших православных, неуниатских братьев сомнение о возможности соединения церквей. И католическая церковь, таким образом, выступает как враждебная и для православного народа небезопасная сила. В глазах нескольких миллионов населения Польши святой престол является соучастником насилий. Создается новая пропасть между католической и православной церквами»¹.

Митрополит А.Шептицкий — личность своеобразная, одаренная и цельная. Он отдал свои большие духовные силы на укрепление и развитие униатской церкви в Восточной Галиции, но вместе с тем укрепил украинский национальный шовинизм, направленный против России. Это было хорошо при Австрии, но это создало осложнения уже при Польше, которая стремилась оградить своих волыньских украинцев от галицийских влияний. Вот почему униатский клир Галиции не был допущен к участию в действиях «восточного обряда» на Волыни и Полесье. Польское правительство требовало от митрополита А.Шептицкого создания благоприятного настроения к Польше среди галичан. Это ставило митрополита в тяжелое положение, и он оказался чуждым как Риму, так и польскому правительству. Рим, оказывая ему всяческое внимание, несмотря на его более чем сорокалетнее пребывание в сане Львовского митрополита, тем не менее кардинальской шляпы ему не

дал. Между тем в 1856 году униатский митрополит Левицкий был сделан кардиналом.

Роман-Александр Шептицкий был вторым сыном графа Ивана Шептицкого. После долгого сопротивления отца он в 1886 году вступил послушником в только что реформированный орден св. Василия. В 1892 году он был посвящен в сан пресвитера в Перемышле, в 1899 году он был назначен австрийским императором Станиславовским епископом, суфраганом Львовской митрополии, а через год он был возведен в сан Львовского архиепископа-митрополита.

Митрополит А.Шептицкий стремился к оживлению униатской церкви, восточных церковных традиций и препятствовал ее сближению с латинской церковью, в чем видел гибель своей церкви. Он был противником неженатого духовенства, что практиковалось в Станиславовской и Перемышльской епархиях.

Митрополит был сторонником умеренного пуризма и дожил до того времени, когда Рим, который в XIX веке выступал против самого слабого намека на пуризм, соглашается на абсолютный пуризм и просто навязывает украинской церкви московский обряд².

В этом было также расхождение с Римом, как и в том, что в 1938 году Варшавский митрополит Каковский и Рим отказались заявить протест против насилий в Польше, несмотря на обращение униатской интеллигенции.

Митрополит А.Шептицкий, обладая значительными средствами, тратил их на дела униатской церкви и церковного просвещения. Он был внуком знаменитого польского писателя А.Фредры и происходил из семьи польской поместной шляхты. На школьной скамье он являлся польским патриотом и, собственно, имел мало соприкосновения с украинскими идеями. Он обновил монашеские ордена базилианов и студитов, во главе которого поставил своего брата-поляка и католика, который перешел в унию.

Польские политики не весьма одобряли все то, что он сделал в развитие украинского национализма, и даже здесь, в эмиграции, писали об этом: «Чтобы снискать доверие украинцев, он сделался убежденным защитником их национальных и политических стремлений, смотрел одобрительно на крайние гайдамацкие выступления священников и неоднократно попадал, благодаря этому, в конфликт с интересами и правами польского государства. Под конец своей долгой жизни, потрясенный злодеяниями украинской молодежи, которая под охраной немецкой армии уничтожала польское население на Волыни и в Малопольше, вынужден был в специальном пастырском послании призвать, к сожалению безрезультатно, своих соотечественников опомниться»³.

В результате соглашения Молотова с Риббентропом от 23 августа 1939 года сферы влияния в бывшей Польше были разделены между Германией и Советской Россией и советские войска в сентябре месяце 1939 г. заняли Волынь и Полесье, которые по Рижскому договору 1921 года вошли в границы Польши, а также Восточную Галицию со Львовом.

Советское правительство вначале вело себя в Восточной Галиции сдержанно и осторожно и не причиняло особого беспокойства митрополиту А.Шептицкому, которого окружило даже известным вниманием. Несомненно, однако, что тот неожиданный поворот истории, в результате которого Восточная Галиция оказалась в пределах России,

должен был заставить митрополита задуматься над правильностью того пути, по которому он вел народ Галиции. С одной стороны стояло около 4 миллионов униатов, с другой стороны — многомиллионная масса православного народа всех трех ветвей, которые в течение последних десятилетий переживали необычайные гонения на Православие в России, результатами которых стремился воспользоваться Рим при помощи «восточного обряда».

«Восточный обряд» в результате немецко-польской войны исчез без остатка, не оставив даже каких-либо достойных внимания воспоминаний в памяти народа. Какова же судьба униии? Этот вопрос, несомненно, стоял перед дряхлеющим митрополитом, который уже потерял способность передвижения и, сидя в кресле, мог с беспокойством смотреть на все то, что надвигалось на унию в Восточной Галиции.

Согласие между Гитлером и Сталиным продолжалось недолго, всего один год и девять месяцев. И 22 июня 1941 года Россия подверглась внезапному нападению Германии — во второй раз на протяжении первой половины XX столетия. Уже 30 июня Львов оказался свободным от советской администрации, 30 июня 1941 года небольшие части украинских повстанцев заняли Львов и провозгласили обновление украинской самостоятельности. На этом факте необходимо вкратце остановиться.

Четвертый универсал украинской Рады в Киеве 22 января 1918 года провозгласил независимую и самостоятельную Украинскую народную республику на землях России. В мирном договоре, который был заключен советской властью с центральными державами в Брест-Литовске 9 февраля 1918 года, Украинская народная республика была признана Германией, Австрией, Болгарией и Турцией. Однако вне границ этой республики оставалась в пределах Австро-Венгрии Восточная Галиция. Представители Галиции добились того, что Восточная Галиция и Западная Буковина должны были образовать особую коронную землю Австро-Венгрии с особым сеймом во Львове и с отдельной украинской администрацией. Все это оказалось построенным на песке, так как в сентябре 1918 года капитулировала Болгария, и это было началом капитуляции центральных держав.

В связи с этим в ночь с 31 октября на 1 ноября во Львове произошел государственный переворот. Этому предшествовало Учредительное собрание 18 и 19 октября 1918 года, в котором приняли участие митрополит А.Шептицкий, бывший членом палаты господ Австро-Венгрии, а также епископ Станиславовский Гр. Хомышин и Перемышльский Иосафат Коциловский. Председательствовал председатель украинской парламентской фракции Евгений Петрушевич, который впоследствии и был избран президентом Западно-украинской народной республики, которая имела желто-голубой флаг и герб — на желто-голубом поле золотой лев. Одним из главных вопросов при образовании Западно-украинской республики был вопрос об ее объединении с Украинской державой, во главе которой тогда стоял гетман Скоропадский. Учредительное собрание решило этот вопрос отложить, так как гетман Скоропадский стремился к федерации с Россией, что и было объявлено актом от 14 ноября 1918 года, и, кроме того, его положение было неопределенно, так как назревало восстание под предводительством С.Петлюры, которое и вспыхнуло 15 ноября 1918 года. В результате этого восстания Киев был занят войсками С.Петлюры, под коман-

дой полковника австрийской службы Е.Коновальца 1 декабря того же года. В Киеве была образована Директория, а в январе 1919 года был созван так называемый Трудовой конгресс, ввиду угрозы со стороны наступления большевиков. Актом Национальной рады в Станиславо-ве от 3 января 1919 года и актом Трудового конгресса в Киеве было 22 января 1922 года на Софийской площади провозглашено объединение Западной Украинской Народной Республики с Украинской народной республикой в Соборную независимую и суверенную украинскую республику⁴.

Все это продолжалось недолго. 21 ноября Львов, после ожесточенных боев, был занят польскими войсками, а засим Восточная Галиция, под традиционным названием Малопольши, вошла в состав Польской Республики, утвержденной в Версале и в дальнейшем, несмотря на протесты украинцев, страны-победительницы признали Восточную Галицию составной частью Польши. Поляками при заключении Версальского договора была обещана автономия, но засим Восточная Галиция стала Львовским воеводством, и началась борьба между поляками и украинцами, вносящая большие осложнения в жизнь новорожденной Польской Республики.

Восстановление Украинской народной республики, которое имело место во Львове 30 июня 1941 года, в сущности, не имело никаких последствий, так как уже 31 июня вступили германские войска, и началась сложная и трагическая игра немецкого правительства с украинским народом и его интеллигенцией в Галиции.

1 июля 1941 года митрополит А.Шептицкий обратился с пастырским воззванием, которое начиналось словами:

«Волею Всемогущего и Всемилоостивого Бога в Троице Единого началась новая эпоха жизни Державной Соборной Самостийной Украины.

Национальное Собрание, которое состоялось вчерашнего дня, утвердило и провозгласило этот исторический факт.

Извещая тебя, украинский народ, о том, что услышаны наши молитвенные просьбы, призываю тебя проявить верность Всевышнему, верность Его Церкви и послушание власти». Находилась также фраза: «Приветствуем немецкую армию как освободительницу от врага»⁵.

Это воззвание было перепечатано в эмиграции газетой «Час» 29 июня 1947 года, но последняя фраза выпущена.

Таким образом, митрополит А.Шептицкий вместе с народом Восточной Галиции стал на сторону немцев. Это было продолжение той традиционной политики, которая влекла деятелей Восточной Галиции искать поддержки у немцев. Галицийская интеллигенция, воспитанная австрийцами и поляками, считала себя интеллигенцией западной и этим гордилась. Униатская церковь объединяла ее с Римом и отделяла от православного народа на землях России, над Днестром. Униатская интеллигенция Галиции как-то не давала себе отчета о последствиях наличия двух исповеданий в одном и том же народе. В момент вступления немцев во Львов и несомненной уверенности в германской победе интеллигенция Восточной Галиции очертя голову бросилась в неизвестность. Под прикрытием немецкой армии и тогда еще нераскрытых тенденций Германии в отношении славянских земель галицийская интеллигенция сочла себя господином положения и распорядителем на землях так называемой Великой Украины. Вслед за оккупацией

немцами ближайших губерний Волынской, Киевской и даже перехода за Днепр за немецкими войсками шла масса галичан в качестве администраторов оккупированных земель. Считая себя высоко стоящими как в смысле общей культуры, так и политического развития, галичане в высшей степени не только пренебрежительно, но и презрительно стали относиться к сплошной массе украинского населения, которую они считали несознательным элементом.

2

В результате раздела Польши между Германией и Советами из польских областей было сделано Варшавское генерал-губернаторство, во главе которого был поставлен Франк. Впоследствии к генерал-губернаторству была присоединена Восточная Галиция. Франк в первое время вел себя сдержанно и, по-видимому, не разделял основных взглядов национал-социализма в отношении метода управления оккупированными областями. Франк знал, что предстоит поход Германии на Россию, и, по-видимому, считал себя кандидатом на пост возглавителя немецкой администрации на Украине. Впоследствии все сложилось совершенно иначе, и оккупированные земли Украины поступили в ведение Розенберга.

Автокефальная Православная Церковь в Польше, возглавляемая митрополитом Дионисием (Велединским) потеряла Волынскую, Полескую и часть Гродненской епархии, то есть, в сущности, все. Она сохранила небольшое количество приходов по ту сторону Вислы, в Варшаве и некоторую сплоченную массу православных на Холмщине и Подляшье. В связи с этим митрополит Дионисий 23 ноября 1939 года обратился с письмом к архиепископу Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде), которое заканчивалось словами:

«В связи с вышеизложенным я сообщаю Вам, что со дня вступления Вашего в управление я отказываюсь от дальнейшего управления названной церковью»⁶.

Архиепископ Берлинский и Германский Серафим прибыл в Варшаву и застал Митрополита Дионисия удаленным от дел, но вместе с тем обнаружилось, что намечаются новые пути Православной Церкви в генерал-губернаторстве, и эти пути сводились к пополнению иерархии украинцами. Архиепископ Серафим покинул Варшаву, и приходы в генерал-губернаторстве не были объединены с приходами Германской епархии. Была образована Автокефальная церковь генерал-губернаторства, во главе которой оказался тот же Митрополит Дионисий, который и принес присягу Франку. Закулисной стороной этого, с церковной точки зрения, весьма странного обстоятельства было то, что, по-видимому, митрополит Дионисий произвел благоприятное впечатление на Франка и последний, надеясь в будущем получить в свое управление оккупированные земли с Киевом, желал иметь при себе митрополита Дионисия как будущего возглавителя Православной Церкви и Киевской митрополии.

В развитие этих проектов в октябре 1940 года профессор И.Огненко был хиротонисан во епископы Холмские и Подляшские с возведением в сам архиепископа и наречением Илларионом. Ему был возвращен собор Рождества Богородицы в Холме, отобранный от православных иезуитами в 1918 году. В феврале 1941 года архимандрит Паладий Видибидида-Руденко был хиротонисан во епископы Краковские и Лем-

ковские с возведением в сан архиепископа. Впоследствии ему был прибавлен еще и титул Львовский. Таким образом, совершенно ничтожная по размерам Варшавская епархия была в генерал-губернаторстве разделена на три епархии: Варшавскую, Холмско-Подляшскую и Краковско-Лемковскую. Во главе стоял митрополит Дионисий при двух архиепископах. Что это значило — это выяснилось из письма митрополита Дионисия, как митрополита Православной автокефальной церкви в бывшей Польше, на имя немецких властей от 15 июля 1942 года. В этом меморандуме митрополит Дионисий пишет:

«Я никак не могу согласиться с утверждением, что будто бы то обстоятельство, что я принес присягу и был признан господином генерал-губернатором Франком главой автокефальной церкви в Генерал-губернаторстве, уменьшает границы моей церковной юрисдикции только до границ этой области. Такое утверждение я считаю канонически совершенно неоправданным. Здесь смешивается понятие канонической юрисдикции с понятием гражданской компетенции. В момент моей присяги у генерал-губернатора ныне освобожденные восточные земли, что входят в мою митрополию, еще не находились в сфере немецких интересов... Я никак не могу признать правильным тот взгляд, что я не имею канонических и церковно-практических оснований совершать те или иные действия за границами Генерал-губернаторства в вопросах моей церковной юрисдикции и соединенных с ней прерогатив и полномочий, которые мною, как главой поместной автокефальной церкви, понимаются и которые вытекают из тех обязанностей, которые возлагает на меня достоинство, которое я несу»⁷.

Однако все это не отвечало тем тенденциям, какие устанавливала оккупационная немецкая власть, совершенно отделяя земли, прилегающие к Днепру, от генерал-губернаторства. Вскоре выяснилось, что вообще духовенство бывшей Варшавской митрополии не допускается в области, лежащие за Бугом, и что немецкое правительство желает управлять украинскими землями при помощи своей администрации и в своих целях. Надежды митрополита Дионисия на кафедру Киевского митрополита и даже смутные мечты о кафедре Московского патриарха, в случае занятия Москвы немцами, были только мечтами, свидетельствами о непонимании действительного положения вещей*.

Церковная жизнь пошла иными путями, и на этих путях было много трагического.

По вступлении советской власти в Польшу Волынская епархия вошла в состав Московской патриархии. В Москву ездил архиепископ Алексей, в Москве был хиротонисан во епископы Львовские архимандрит Пантелеймон (Рудык), и Экзарх Украины со стороны Москвы архиепископ Николай посетил как архиепископа Алексия (Громадского), так и остальных — архиепископа Александра (Иноземцева), епископа Поликарпа (Сикорского), епископа Симона (Ивановского), епископа Антония (Марценко), и все они дали письменное заявление о вступлении в юрисдикцию Московской патриархии. Епископ Поликарп неоднократно сослужил епископу Николаю и вместе с ним хиротонисал

* С.Раневский в брошюре «Украинская автокефальная церковь» утверждает, что митрополит Дионисий даже приказал отпечатать в Синодальной типографии бланки с титулом: «Смиранный Дионисий, Патриарх Московский и всея Руси». Брошюра изд. тип. Иова Почаевского при Св.-Троицком монастыре (1948. С. 10).

в Луцком соборе секретаря Духовного Собора Почаевской лавры Вениамина (Новицкого) во епископы⁸.

Война немецко-советская все изменила. Перед самой войной архиепископ Алексей был советской властью арестован и с большим трудом сохранил жизнь. После ликвидации советской властью на территории бывшей православной церкви в Польше организацию церковной жизни принял на себя архиепископ Алексей, так как о допуске к управлению митрополита Дионисия не было речи. Образовалась так называемая автономная Украинская церковь, состоявшая из достойных иерархов. Церковь эта была в номинальной связи с Московской патриархией. Во всяком случае, ничего другого в это переходное время сделать нельзя было. Церковная жизнь с трудом налаживалась, но вмешались галицийские националисты-униаты. Первые два месяца после провозглашения самостоятельной украинской власти во Львове 31 июня 1941 года немецкие власти не препятствовали устраивать всевозможные гражданские и церковные торжества по этому поводу, но засим появилась немецкая администрация, и все было прекращено.

Митрополит Дионисий разошелся с архиепископом Алексием, который на соборе автономных украинских епископов в Почаеве 19 июля 1941 года получил титул митрополита. Не имея возможности самому возглавить украинскую церковь, митрополит Дионисий выдвинул архиепископа Луцкого Поликарпа. 24 декабря 1941 года митрополит Дионисий издал декрет, в котором архиепископ Поликарп назначается «временным администратором Православной Автокефальной Церкви на освобожденных землях Украины». Надо отметить, что никакой автокефальной украинской церкви на Украине в это время не существовало. Автокефальная украинская церковь получила свою организацию 1 января 1919 года от директории Украинской народной республики, но фактически этот закон осуществлен не был. Засим автокефалия была утверждена всеукраинским православным церковным «собором» 14 октября 1921 года, когда был возведен в митрополиты протоиерей, и при этом лишенный сана, Липковский в прямое нарушение всех канонических правил и церковных традиций Православной Церкви. В грамоте от 12 (25) марта 1922 года Св. Патриарх Тихон подробно осведомил Вселенскую Патриархию об этом происшествии. По выражению Патриарха, лица, желающие организовать украинскую автокефальную церковь, добивались этой цели, действуя самочинно с дерзновенным попранием при этом освященных веками древних апостольских правил, отвергая преемственность неоскудевающей в св. Церкви Божественной Благодати и глумясь над верой православных людей и святостью церковных установлений. Таким действием и было «поставление» через возложение рук пресвитеров, некоторого числа мирян, в том числе и женщин, на лишенного сана бывшего протоиерея Липковского и возведение в звание всеукраинского архиепископа и Киевского митрополита. К этому нужно добавить, что Киевская митрополия никогда не была автокефальной, так как вначале она являлась епархией Вселенского патриарха, а после 1686 года вошла в состав Московской патриархии.

Митрополит Дионисий, иерарх с высшим образованием, прекрасно понимал, что никакой автокефальной украинской православной церкви нет и что, кроме того, он не имеет никаких канонических полномочий назначать администратора несуществующей автокефальной церкви. Тем

не менее выработанный план приводился в действие. В начале февраля 1942 года в Пинск к архиепископу Александру приехал архиепископ Поликарп со словесным разрешением митрополита Дионисия на хиротонию двух протоиереев — Никанора Абрамовича и Ивана Губы — во епископы*. 9 и 10 февраля протоиерей Никанор Абрамович при пострижении получил имя Никандра и был хиротонисан во епископы Чигиринские, а протоиерей Иван Губа, получив имя Игоря, — во епископы Уманские. Тогда же был хиротонисан архимандрит Георгий (Коренистов). Все эти иерархи образовали собор украинских епископов. На этом соборе архиепископы Поликарп и Александр получили права митрополитов, и, кроме того, состоялось роковое постановление:

«Считаясь с 68-м правилом Св. Апостолов, запрещающих епископу, пресвитеру и диакону от кого бы то ни было принимать вторичное рукоположение, и имея в виду 52-е правило Св. Апостолов о принятии кающихся — принимать священников и диаконов (епископов не осталось) украинской автокефальной церкви, рукоположенных иерархией 1921 года, в сущем сане»⁹.

Таким образом, независимо от того, правильно или неправильно хиротонисаны епископы Никандр и Игорь, которые в дальнейшем в Киеве хиротоносали ряд других епископов и из которых некоторые не отвечали каноническим правилам, признание действительными липковских посвящений, а равно признание церковной организации 1921 года автокефальной украинской православной церковью, делало все построение в Пинске лишенным всякого канонического основания, самопроизвольным действием, не влекущим за собой никаких канонических последствий.

В результате оказалось две церковные организации — правильно канонически образованная Автономия Украинской Православной Церковью, возглавляемая митрополитом Алексеем, и церковное общество, неправильно себя называвшее автокефальной православной украинской церковью во главе с митрополитом Поликарпом. Обе эти церковные организации были признаны немецкими властями, причем в Киеве преимущество было отдано автономным епископам, и епископ Пантелеймон был сделан управляющим Киевской епархией. Большинство святынь, вместе с Софиевским собором, в Киеве оказались в руках Автономной иерархии, за которой шел народ, поняв недопустимость тех действий, какие были совершены в свое время прот. Липковским и которые подорвали авторитет Автокефальной украинской церкви. Церковная организация во главе с митрополитом Поликарпом оказалась в круге интересов украинского национального объединения, во главе которого стояли так называемые бандеровцы. Митрополит Поликарп вместе со своим духовенством оказался послушным орудием очень сложной политической игры, которая в результате украинско-немецко-польских отношений внесла большие осложнения в жизнь населения. Митрополит Алексей оказался в исключительно тяжелом положении, так как против него велась агитация, как против врага Украины, и он вынужден был пойти на соглашение с митрополитом Поликарпом, которое выразилось в особом акте от 8 октября 1942 года в Почаеве. В этом акте любопытно указать, что «Украинская Автокефальная Пра-

* Об этом покойный митрополит Александр рассказывал автору этого труда в 1944 г. в Мариенбаде.

вославная Церковь имеет общение со всеми Православными Церквями через Его Блаженство, Блаженнейшего Митрополита Дионисия, который, до времени созыва Украинского Поместного Собора, является местоблюстителем Киевского Митрополичьего Престола»¹⁰. Нужно признать, что в это время не было предела церковно-каноническим импровизациям. Это соглашение, которое признавало благодатным липковские посвящения, не было принято автономными украинскими епископами и народом за пределами территории бывшей Варшавской митрополии. При этом надо заметить, что епископ липковского посвящения в сане архиепископа Иван Теодорович управлял украинской епархией в Америке и Канаде. Это соглашение не только не прекратило, но обострило борьбу украинских националистов с автономной церковью. Посредником между автокефалистами и бандеровцами являлся автокефальный епископ Платон (Артемюк) в Ровно, который два раза ездил в их штаб и был встречен с почетом. В результате этих церковных осложнений 7 мая 1943 года по дороге из Кременца в Дубно был из засады убит митрополит Алексей вместе со своими спутниками. Немного времени спустя, в августе того же 1943 года, ночью из соборного здания во Владимире Волынском неизвестные люди забрали автономного епископа Мануила (Терновского), который и был повешен в лесу. Бандеровцы издали листок, в котором писали, что «казнили» епископа Мануила за измену своему народу. В соответствии с распоряжением немецких властей был созван собор автономных епископов, который главою избрал епископа Дамаскина.

Автокефалисты считали митрополита Дионисия создателем их церкви, и ему был поднесен титул «Украинского патриарха», который впоследствии был аннулирован.

Поражение немцев ликвидировало все эти трагические явления в церковной жизни на Украине, и как автономные, так и автокефальные епископы оказались в эмиграции. Автономные епископы, отказавшись от всяких прав на свои бывшие кафедры, соединились с епископами Русской Зарубежной Церкви под главенством митрополита Анастасия, автокефалисты продолжают свое самостоятельное существование, не имея признания ни одной поместной церкви. Русская Зарубежная Церковь также отказала в признании автокефальной организации.

Архиерейский собор Русской Православной Церкви за границей 25 апреля (8 мая) 1946 года признал: «Все изложенное вынуждает рассматривать церковную организацию так называемых автокефалистов как безблагодатное общество, от общения с которыми надо всячески оберегать православную паству»¹¹.

Автокефалисты сами усложняют свое положение. Они отправили в Америку епископа Мстислава Скрипника, который возглавил собою Канаду, вступив в литургическое общение с самосвятским архиепископом Иоанном Теодоровичем, который, признавая свое неестественное положение, даже склонен был подвергнуться вторичной хиротонии, будучи правильно поставленным пресвитером¹². В самой автокефальной организации произошел раскол, так как крайние группы стремятся вернуться к практике 1921 года и тех «канонов», которые установил липковский «собор» и которые противоречат каноническому праву. Раскольники образовали отдельную церковную общину в Ашафенбурге (Бавария), причем к ним присоединился епископ Григорий (Огийчук).
228 | Вся эта группа исключена из церковного общения, а епископ Григорий и

семь пресвитеров лишены священного сана и отлучены от церкви. Кроме них отлучены также семь мирян¹³. Однако это раскола не прекратило, и этот раскол поддерживается некоторыми левыми группами, связанными с униатами.

Закончилась и церковная деятельность 74-летнего митрополита Дионисия, который без всяких канонических оснований вмешался в жизнь Православной Церкви на русских землях во время немецко-советской войны и создал большие осложнения, подорвав канонический авторитет так называемой Украинской автокефальной Православной Церкви. Он устранен от управления православной церковью в Польше и изолирован, вопрос идет о соединении этой епархии с Москвой, так как при наличии тесной зависимости Варшавы от Москвы нет никаких возможностей удержать небольшую православную епархию в Польше вне зависимости от Московской патриархии¹⁴.

3

1 ноября 1944 года в то время, когда Восточная Галиция снова была занята советскими войсками, умер митрополит А. Шептицкий. В похоронах приняли участие представители советской власти в лице Хрущева, и был даже венок от Сталина. Похороны носили вполне церковный характер, и советское правительство не делало никаких препятствий для производства выборов нового униатского митрополита. Митрополитом был избран Иосиф Слипый.

Политика Советской России в церковном вопросе представляет собою глубокий интерес для социолога, как и все, что совершается в Советской России. Идеи Ленина и его продолжателей, на основе которых должно быть создано не только новое общество, но и новый человек, связь которого со всей русской духовной традицией должна быть прервана, несмотря на все усилия пропаганды, на приспособление для этой цели всей системы образования, перестройки быта и прямых насилий, развиваются, однако, в двух направлениях. С одной стороны, действительно, создаются новые формы жизни и вырабатываются новые духовные навыки, создается почва для новой психологии, а с другой стороны, жизнь властно поворачивает на такие пути, которые являются продолжением путей общественного и государственного развития России. Предоставление некоторой свободы Православной Церкви в России и поддержка церковного канонического строя является вынужденным отклонением политики Советов в церковном вопросе. Произошло это под влиянием событий военной катастрофы и желания сгладить установившиеся в Европе мнения о положении Церкви в России, ибо насилие над совестью — наиболее чувствительный нерв европейского общественного сознания. Но независимо от этого, ослабление и затушевывание религиозных насилий и переход на иной путь соблазна является победой русской национальной традиции, которая в этих условиях, пока мнимой свободы, свидетельствует о такой линии общественного развития в России, которая не только не укрепляет советскую идеологию, но действует против нее.

Церковная уния, которую с конца XVI века с такими осложнениями на землях Западной России насаждал Рим, вместе с правительством королевской Польши, а затем Австрии, должна была полонизировать православное население в Польше и завершить собою польско-литовскую государственную унию 1569 года, которая предшествовала унии

церковной. Однако эта сохранившаяся в Восточной Галиции, после раздела Польши, уния стала воспитательницей украинского национализма, острие которого оказалось направленным не только против России, но и против Польши. Польша испытала это в полной мере в момент своего восстания из гроба после Первой мировой войны и при этом в обстановке, когда Россия перестала быть на время фактором мировой политики. Трудно сказать, на что рассчитывали идеологи унии в XIX веке. Если австрийские политики мечтали об оторвании от России Юго-Западного края по Днепр, то ведь этот край, который стали называть «Украиной», являлся православным. Для него в XX веке уния являлась совершенно чуждой и непонятной. Встреча двух исповеданий — православного и униатского — при наличии католического прозелитизма, стоящего за спиной унии, дала бы такие же осложнения, какие дал «восточный обряд» в Польше. Это повлекло бы за собой религиозную борьбу католичества с Православием, чего в России не было.

Таким образом, оказывается, что 360-летнее существование унии на землях Восточной Галиции являлось одним из препятствий объединения украинского народа, несмотря на то, что, по утверждению украинских историков и политиков, именно уния развила и укрепила национальное самосознание украинского народа. Униатские историки идут еще далее. Они утверждают, что уния являлась единственным способом включить украинский народ в рамки западной культуры, отделить его от того, что является в России наследием Византии и, по словам историка С.Томашевского, это сделало бы Украину передовой нацией среди государств Европы. Даже в наши дни представители той же галицийской идеологии утверждают, что «падение Киевской державы произошло не только благодаря суздальским или татарским нападениям, но в не меньшей мере благодаря долголетней подрывной работе Византии». И дальше: «Если огромная часть народных масс стала на сторону чужого царя Петра Первого, а не своего гетмана Мазепы, то корни этого несчастья покоятся в том, что Византия уничтожила идею собственной, родной украинской законной короны, благодаря чему украинский народ видел в польской или московской короне законченную, Богом данную и тогдашней церковью, общественным мнением и психологией освященную власть»¹⁵.

Украинский народ галицийскими политиками поставлен перед неосуществимой задачей. Для того чтобы образовать независимую государственность, он должен освободиться от последствий тысячелетней своей связи с общерусской восточно-византийкой православной традицией и всецело подчинить себя западной традиции и западным церковным влияниям. Можно думать, что культура — это платье, в которое народ может переодеться в любой исторический момент.

Ныне всеми признано, что разделение церквей — результат не столько церковных споров и недоразумений, сколько того, что народы пошли разными путями и были воспитаны в началах романо-германской и византийской культуры.

Малороссы должны стать одним целым. Малороссия должна включить в себя и Восточную Галицию и в этом случае уния является большим осложнением. Осложнение было бы еще и в том, что, если бы на освобожденной от большевиков территории открылась возможность инославной пропаганды, то эту пропаганду Рим вел бы не для

униатской церкви, а для себя. Минувшая война при встрече интеллигенции Восточной Галиции с интеллигенцией Малороссии обнаружила расхождение бытовых привычек и различие психологии внутри одного и того же народа, причем униатская интеллигенция невольно возрождала традиции королевской Польши, когда Православие являлось мужицкой верой. Если бы мечтания галицийских националистов осуществились, то правящим слоем оказались бы униаты, под которым лежал бы громадный пласт православного народа, являющийся большим соблазном для пропаганды Рима через унию. Вот почему ликвидация унии в Восточной Галиции являлась предпосылкой объединения малороссов и как бы исторической необходимостью. Уния, являясь проводником украинского национализма, сама себя обрекала, ибо формы развития малороссов за пределами Восточной Галиции давно переросли галицийский провинциализм. Политическая свобода и духовная независимость малороссов связаны с сохранением того исторического объединения народов Восточной Европы и Азии, которое совершено общими тяжкими усилиями народов России. Идея, стремящаяся разбить это единство, — есть идея, подрывающая основы бытия украинского народа. Немцы были побеждены только потому, что русское государство не кончалось на Волге. Стоит ли говорить о силе и значении государства, которое кончается даже не на Волге, а где-то на Донце. Уния по своему содержанию провинциальна и узка в сравнении как с Православием, так и католичеством. Узка и ее национально-государственная программа.

Вместе с тем ликвидация унии в Восточной Галиции обычными методами насилий советской власти явление трагическое, лишним бременем отягчающее историю русского народа. Образование Инициативного комитета соединения греко-католической церкви с церковью православной и деятельность этого комитета несколько не оправдывают насилий советской власти, но все же должны остановить на себе внимание. Группа духовных лиц, во главе которых стал униатский священник, известный богослов доктор Гавриил Костельник, изменила своей церкви. Не так давно, в 1932 году, доктор Г.Костельник был одним из главных деятелей на униатском съезде во Львове, где председательствовал митрополит А.Шептицкий, куда не были приглашены иезуиты. Съезд этот имел своей задачей противопоставить старую унию формам нового «восточного обряда» и указать, что старая уния является ценностью для будущей судьбы малороссов. Доктор Г.Костельник в своем докладе «Идеология Унии» утверждал, что уния всегда была средством денационализации, являясь политическим фактором. Между тем для будущего России уния не имела никакой политической программы. В прошлом и настоящем Речи Посполитой польская уния должна была объединить польскую и русскую крестьянскую массу, а дворянство и правящий класс должны были перейти в католичество, что в свое время и произошло. Какая же задача стояла перед унией в России? Серьезно говоря — никакой, если не считать ее средством католической пропаганды. Сама галицийская уния была раздираема борьбой двух тенденций — восточной и западной. Станиславовский епископ Гр. Хомышин в своем чрезвычайно резком пастырском обращении о византизме в 1931 году прямо утверждал, что сохранение восточных форм в униатской церкви есть прямой путь ее ликвидации. Он и епископ Перемышльский И.Коциловский стремились к возможному приближе-

нию униатского обряда к обряду римскому. С необычайным упорством и против всех народных привычек старались ввести целибат среди духовенства. Не трудно себе представить, каким странным явлением была бы униатская церковь в ее латинском облике на просторах Малороссии. Помимо всего она была бы соблазнительным средством католической пропаганды. Вот почему советская власть нашла опору в некоторой части униатского духовенства и тем освобождала себя от некоторой части упреков в насилии. Нужно определенно сказать, что Брестская уния 1696 года разделила и духовенство и народ, подняла Русь на Русь. Ликвидация ее в 1839 году народ объединила. Уния в Восточной Галиции украинский народ разъединяла. Это бесспорный исторический факт. Трагизм только в том, что выполнение задачи объединения народа совершено в путях насилия и при помощи безбожной власти, что компрометирует все дело.

Ликвидация унии в Восточной Галиции имела место на церковном Соборе, который состоялся 8 марта 1946 года во Львове, в историческом храме Св. Юра. Перед этим, 24 февраля, в Воздвиженской церкви Киево-Печерской лавры была совершена хиротония униатских священников — о. А.Пельвецкого во епископы Станиславовские и о. Михаила Мельника во епископы Перемышльские, каковую епархию переименовали в Самборско-Дрогобицкую. Львовским епископом оставался епископ Макарий. На Соборе присутствовало 216 священников. Собор был открыт о. Г.Костельником*, перед тем награжденным митрой. Это свидетельствовало о внутреннем распаде в самой униатской церкви.

«Навсегда прискорбная по выражению папы Пия IX, «измена» митрополита Иосифа Семашко в 1839 году, когда уния была ликвидирована на Соборе в Полоцке, нанесла очень тяжелый удар Риму. В настоящее время, после насилий над православным народом в Польше в 1938 году, каковые насилия совершались не только при равнодушии католического духовенства, но до некоторой степени возбуждались последним, трудно Риму протестовать против насилий советской власти в Восточной Галиции в 1946 году. Трудно потому, что советская власть является врагом религии, а Польша утверждала и утверждает себя оплотом христианства на Востоке. Рим сам себя связывает в борьбе с властью враждебной религии. Поведение епископа д'Эрбиньи в Москве в 1925 году укрепило собою не христианство против безбожия, а советскую власть. Рим давно поставил крест на Галицийской унии как на средстве обращения православных в католичество. В результате иезуитами был создан «восточный обряд». Папа Пий XI так и не постиг глубокой пропасти между своими чистыми побуждениями и сомнительной практикой иезуитов, которые считали старую унию совершенно негодным средством для католической миссии в России.

Вторая мировая война смела без остатка все, что было создано «восточным обрядом» в Польше. Перекроив географическую карту Европы, она ликвидировала унию в Восточной Галиции. Здесь опять оказалась налицо «прискорбная измена» высоко стоящих и видных представителей униатского духовенства. Без этой измены советская власть оказалась бы в большом затруднении. Эта потеря для Рима весьма

значительна потому, что ликвидирован последний центр славянской унии в Европе. Будущее можно определить или как решительное столкновение католичества с советским безбожием, или как встречу католичества и Православия в освобожденной от безбожной советской власти России. Ни «восточного обряда», ни унии между Православием и католичеством в России в складывающейся исторической обстановке представить себе нельзя. Никогда не было так ясно, что соединение церквей должно быть осуществлено иными средствами.

Рим как будто бы этого еще не понимает.

Центр униатства переносится за океан.

4

Украинская униатская церковь особенного значения за океаном не имела, теперь она должна такое приобрести. Значительное количество беженцев из Восточной Галиции оказалось в оккупированной американцами и англичанами части Германии. Беженцы эти являлись польскими подданными, и потому на них не распространялись условия Ялтинской конвенции о репатриации советских граждан. В силу этого вся масса украинцев — советских подданных пошла под высокую руку галичан, которые своим иммунитетом охраняли последних. Все управление эмиграцией и все ее средства оказались в руках галичан. Все они владели немецким языком, и в рядах галицийской эмиграции оказалось значительное количество старых политических деятелей. Духовная жизнь украинской эмиграции оказалась в полной зависимости от галицийской интеллигенции. Она по-своему понимала пути развития украинской нации, ставила свои особые задачи с необычайной резкостью и грубостью. Основная задача — это расчленение и ликвидация России, независимо от борьбы с советской властью. Ликвидация советской власти является только этапом на путях ликвидации России. Это очень смело, но совершенно нереально с точки зрения недавнего русского опыта, когда Россия, как народ, разгромила немцев силой своего национального единства. Это противоречило общемировым интересам и тенденциям развития мира, который стремится не к разъединению, а к объединению. Галицийская идея вывести украинский народ из огромнейшего здания величайшего государства в мире, выходящего на все моря и океаны, и поселить его в староукраинском доме с окнами на Днепр и Вислу — идея столь же маленькая, как мала сама Восточная Галиция. Судьбе угодно, чтобы эти разрушители России и общего дома народов, населяющих Россию, оказались вне Европы. Они стремятся за океан. Рим прекрасно понял, что в Европе галицийские политики глубоко провинциальны и никакого значения иметь не могут. Но за океаном они являются силой, достаточной для укрепления и развития погибшей в Европе униатской церковной традиции. Уния, существовавшая в Галиции 350 лет, закончила свое существование, и этот конец на фоне грандиозных мировых событий, в сущности, не произвел никакого впечатления. За океаном нужно, на всякий случай, сохранить унию в качестве источника возможного влияния в будущем на тот украинский народ, который, по мыслям галичан, должен явиться составной частью какой-то страны народов между морями — Балтийским и Средиземным.

Это будущее украинское государство средних размеров после церковной катастрофы при советской власти, почем знать — может явиться

достаточно подготовленным для восприятия унии, которую нужно укрепить и наново оборудовать после разгрома ее в Восточной Галиции.

Оставшийся вне Галиции единственный униатский епископ Иван Бучка оказался в Европе. Перед самой войной он по поручению митрополита А.Шептицкого был послан на визитацию украинских греко-католиков в США, в Канаде и Южной Америке. Он возвратился после войны в Рим и был сделан апостольским визитатором в Западной Европе для униатов в Германии, каковыми оказались униаты исключительно из Восточной Галиции.

По статистике украинского информационного бюро, среди украинской эмиграции в американской зоне оккупированной Германии, числится 68,6% униатов, православных 30,4%. В британской зоне 65% униатов и 35% православных. Таким образом, преобладающим исповеданием явилось исповедание униатское, ликвидированное в Галиции, и теперь в эмиграции униаты считают Православие орудием советской политики. В Америке униатская церковь особого значения не имела.

Основателями униатской церкви в Америке явилась карпато-русская эмиграция, которая после 1880 года, в связи с насилием венгерской власти, стала покидать Карпатскую Русь, в особенности из Мукачевской и Пряшевской епархий. В Америке карпатороссы организуют свою епархию. К ним присоединяются прибывающие униаты из Галиции. В 1907 году в Америке униатским епископом был назначен Сотер Ортинский, который пытался объединить карпатороссов и галичан. Из этого ничего не вышло, так как карпатороссы были русофильского настроения и вообще имели склонность к Православию. В результате произошел раскол между галичанами и карпатороссами, и 10 000 карпатороссов перешло в Православие. В 1916 году епископ Сотер Ортинский умер, и для Рима было ясно, что эти две группы карпатороссов — сторонников России и галичан — врагов России — необходимо разъединить. В 1924 году были назначены отдельные епископы: К.Богачевский — епископом галичан с центром в Пенсильвании в Мингале и Василий Такач — с центром епархии в Филадельфии. Несмотря на то, что Василий Такач у себя на родине поддерживал тесные связи с католическими духовными властями, он, сделавшись епископом тех униатов, которых в Америке называли «русинами», под давлением своей паствы отделился от галичан. Карпатороссы и до сего времени, по словам украинской газеты, «и слышать не хотят заверений о том, что они украинцы». Епископ В.Такач умирает в мае текущего года. На место его епископом назначен Данило, посвященный еще в 1946 году. На будущее галицийские националисты смотрят без особых надежд.

«При новом епископе Даниле, — утверждает “Українська трибуна”, — или наступит полная, национальная гибель “русинов”, а вместе с тем и греко-католической церкви в чужом море, или разгорится присыпанная пеплом граница, в которой еще тлеет украинское национальное сознание прикарпатского народа».

«Настало время, — продолжает газета, — чтобы между “угро-русинами” в Америке зажглось ясное солнце. Без национального сознания нет силы в церкви, гибнут язык, традиции, обряд, народность. Необходимы сознательное украинское духовенство, украинское печатное слово, дабы спасти греко-католическую церковь и народность закарпатских украинцев в Америке»¹⁶.

К этой задаче — спасти греко-католическую церковь закарпатских украинцев в Америке — присоединяется необходимость вообще укрепить униатскую церковь после ее ликвидации в пределах самой Галиции. В связи с этим центр ее переносится в Канаду, куда стремятся направить главную массу украинской униатской эмиграции. Канада и до сего времени являлась сосредоточием украинской эмиграции, между прочим, также и из Киевской и Волынской губерний эмигранты стремились также в Канаду, страну просторную и земледельческую. Однако канадская униатская церковь особого значения не имела. В настоящее время Канада является центром униатства.

21 июня папа Пий XII при посредстве апостолического делегата на Канаду уведомил, что епархиальный архиерей экзархата Средней Канады Василий Ладика возведен в сан архиепископа за свои заслуги перед украинской униатской церковью в Канаде и перед украинским народом. Таким образом, греко-католическая церковь в Канаде стала архиепископией или митрополией, и она обнимает две епархии: одну на востоке, а другую на западе Канады.

27 мая текущего года в импозантном соборе Св. Михаила в Торонто была хиротония двух униатских епископов: Исидора Борецкого во епископа экзархата Восточной Канады и Андрея Роборецкого — в епископы-суфраганы экзархата Средней Канады. В хиротонии принимали участие униатский епископ Ладика и епископ, бывший суфраган в США, Амвросий Савишин, который еще 13 апреля стал епископом Западной Канады с центром в Эдмонте. К этому нужно добавить, что история униатской церкви в Канаде начинается всего лишь с 1912 года, когда, по ходатайству митрополита А.Шептицкого, был создан украинский униатский экзархат в Канаде, во главе которого первоначально стоял епископ Никита Будка, впоследствии возвратившийся в Галицию и ныне вывезенный советской властью¹⁷.

Таким образом, в Канаде образуется центр униатской церкви.

Образуется в Канаде и центр украинского православия. Как было уже отмечено, православной епархией в Канаде с 1924 года управлял архиепископ Иоанн Теодорович (Самосвят), который в оправдание благодатности иерархии, созданной в Киеве в октябре 1921 года, даже написал небольшой труд, который свидетельствует о богословских познаниях автора, в силу чего его утверждение, что указанная иерархия является благодатной, в высшей степени странно. В Канаду был командирован собором так называемой украинской автокефальной церкви, во главе которой стоит митрополит Поликарп, ныне проживающий в Германии, епископ Мстислав Скрипник, которому был дан титул архиепископа. 22 и 23 ноября в Виннипеге состоялся собор, и на этом соборе главою православной церкви в Канаде был избран указанный епископ Мстислав. На соборе этом не произошло объединения с так называемой украинской автокефальной церковью, а означенная церковь названа «церковью-сестрой родной по духу и стремлению»¹⁸. К этому нужно добавить, что в Канаде оказался и митрополит Илларион (Огиенко), который именует себя «Митрополит Холмский и Подлянский, Архиепископ-Элект Киевский и Переясловский». Он обращается к «всечестному духовенству и всем боголюбивым верующим» и в своем обращении, с одной стороны, опровергает, как он выражается, «оскорбительные сплетни» в том смысле, что он «будто бы приехал в Канаду обращать украинцев к Московскому Патриар-

ху и что будто бы его направили советофилы». Он заявляет, что с Московским Патриархом он не имел и не имеет ни малейших отношений и что в Канаду он приехал только для того, «чтобы послужить украинскому народу и его церкви и помочь ей соединиться в единую, чисто православную церковь»¹⁹. Таким образом, в Канаде, в том же самом Виннипеге, оказались архиепископ Мстислав, опирающийся на чрезвычайный собор, и митрополит Илларион, который подписался: «Смиренный богомolec за лучшую судьбу украинского народа. Украинский митрополитальный православный собор в Виннипеге». Что из всего этого выйдет — сказать трудно, но несомненно только одно, что в украинской православной церкви нет единства и намечаются тенденции, для нее опасные.

В самой оккупированной Германии униатская церковь, опираясь на Рим, заняла более влиятельное положение, чем Церковь Православная. С самого начала в Мюнхене оказался апостолический визитатор и администратор украинцев-униатов в Германии о. Николай Вояковский. Засим прибыл епископ Иван Бучко. Все это указывает на то, что украинской униатской церкви за границей в настоящее время придается особое значение. Вместе с тем галичане понимают, что наличие двух вероисповеданий является препятствием к действительному объединению украинского народа, и поэтому со стороны униатов выдвигается мысль об объединении двух вероисповеданий. Вопрос ставится довольно просто.

«Если западные католики и протестанты находят общий язык и место общей работы для обороны против наступающего врага, который для достижения своей цели в противовес христианской вере создал для себя красное московское лжеправославие, — то тем паче оба украинских вероисповедания должны создать национальное объединение украинской соборной церкви. Различия абстрактно-догматического значения должны отойти на дальнейший план, чтобы освободить место для конкретной задачи — общей обороны нашего народа — перед опасностью национальной гибели.

Владыкам наших обоих вероисповеданий принадлежит решительное слово для разрешения этого ныне жизненного церковного украинского вопроса. Украинские верующие низы уже действуют сообща»²⁰.

Все это весьма примитивно и наивно. Это свидетельствует о необычайном падении церковного сознания и ответственности среди современных галицийских деятелей. Газета «Час», которая поместила эту статью, является влиятельным органом галицийских униатов. И несомненно, в Канаде будут делаться попытки к этому церковному «объединению», к стремлению отодвинуть на второстепенный план «абстрактно-догматические различие» обоих вероисповеданий.

Рим усиливает униатскую церковь в Канаде и этим стремится восстановить те потери, которые понесены в Восточной Галиции. Делается попытка в этом направлении и в Европе. Так, греко-католическая семинария, во главе которой стоят ксендз-инфулат Василий Лаба и ксендз-администратор Александр Малиновский, по оставлении Львова в течение некоторого времени находилась в Гиршберге под Вайльгаймом в Баварии, ныне эта семинария перенесена в Голландию в Куленборг. Открытие семинарии происходило в очень торжественной обстановке. Освящение совершил апостолический визитатор для униатов в Западной Европе епископ И. Бучко, в присутствии делегатов кардина-

ла да Йонга, архиепископа Утрехта и апостолического нунция в Гааге, монсиньора Гиоба. Были делегаты также от вице-премьера и министра юстиции. Были получены телеграммы от папы и кардинала Тиссерана, секретаря Конгрегации восточной церкви, известного деятеля «восточного обряда»²¹.

С другого конца света сообщают, что в Шанхае имеется специальная миссионерская организация, которая подготавливает миссионеров для России на тот случай, когда это станет возможным. Эта организация состоит из 11 священников «восточного обряда» и возглавляется английским иезуитом священником Вилсоцким. Эти миссионеры прибыли в Шанхай из Англии. Они получили специальную подготовку. Знают не только русский язык, но русскую историю и традиции. Они должны находиться в постоянном общении с повседневной русской жизнью и понимать русский характер. Большинство из них — русские. В последнее время в Китай бежала значительная группа жертв советского террора, и среди них работают миссионеры²².

Одним словом, для Рима все остается по-старому. Несмотря на то, что «восточный обряд» в Польше уничтожен до корня, что ликвидирована униатская церковь в Восточной Галиции после 350-летней истории, несмотря на то, что весь мир потрясается назревающими событиями, которые требуют усилий защитников европейской христианской культуры, Рим продолжает оставаться на старых позициях миссионерской работы среди православных, укрепления униатской церкви в Канаде, подготовки будущих миссионеров для России, освобожденной от советской власти, несмотря на то, что все эти методы осуждены историей и кроме страданий народа и огорчений для того же Рима ничего на протяжении длинных веков не дали и дать не могут.

Единение христианского мира и единение христианских церквей повелительно диктуются всем ходом всемирной истории. Православный мир это давно ощущает, но он считает, что это единение может произойти только в путях взаимного понимания и любви.

В настоящий момент нет места для чьей-либо гордости, а есть место для сознания взаимных ошибок и поисков истинного пути для возвращения к церковному единству. Это церковное единство явится духовным единством всего человечества западной культуры, к которой принадлежит и Россия за ее оригинальным и глубоким содержанием духовной жизни. Вместе с тем должно быть покончено с теми утверждениями, которыми до сих пор пользуются униатские писатели. В небольшой брошюре по поводу 350-летнего юбилея Брестской унии некий Петр Исаев утверждает:

«Будущее церковной унии вообще зависит от политического будущего Украины. Если Украина окажется под влиянием Западной Европы и западная культура там постепенно восторжествует, то вместе с этой культурой постепенно и добровольно восторжествуют и западные церковные влияния. В случае же, если Украина останется в сфере московско-азиатской культуры на долгое время, то там вообще уничтожат всякую церковь, всякую Украину, оставивши, в крайнем случае, на карте ее имя»²³.

Этой мысли можно противопоставить иную, и эта иная мысль является и творческой, и созидательной.

Русская культура не является культурой московской и азиатской. Это есть культура, где преломились и выявились начала и Запада, и

Востока. Борьба с безбожием и с коммунизмом есть общая задача человечества, и в этом залог того, что в полной мере возродится после общих страданий западноевропейская христианская культура, которая обнимает собой и Россию, и тогда Украина станет реальностью, опираясь на украинский народ, общего этнического корня с народом русским, на Православную Церковь, которая в течение веков не только духовно окормляла народ, создавший величайшее государство в мире, но и утвердила величайшую по богатству и разнообразию общерусскую культуру.

*Июль 1948 года.
Бавария*

Примечания

Глава I

1. Священник *А.Около-Кулак*. Крестный путь // Китеж. Русский католический вестник. Выходил в Варшаве с июня 1927 по сентябрь 1931. 1929. № 1–3. С. 16.
2. Там же. С. 19.
3. Ks. dr. *D. Kolpinskij*. Początki katolicyzmu wschodniego obrządku w Rosji. usg. Kocیی katolicki w Rosji Poznań, 1932. 124.
4. В Польше в Радоме до войны было 4 православных церкви, из них одна бывший костел, одна домовая гимназическая. После войны из двух оставшихся одна разобрана, другая занята под клуб резервистов. Местный нотариус Рогусский выступил в защиту православных и рассказал о Тамбове // Воскресное чтение. Варшава: Синод. канц., 1928. № 35.
5. Ks. *Adrian Boudou* (иезуит). Stolica Swięta a Rosja. Kraków. 1928. Пер. с франц. Т. I. С. 18.
6. Там же. С. 23.
7. *Юрий Самарин*. Современный объем польского вопроса // Газета «День» (И. Аксакова), 1863. № 38, 21 сент., Москва.
8. *A. Boudou*. Цит. соч. Т. I. С. 33.
9. Труды IV Съезда русских академических организаций за границей. Часть I. Белград, 1929. С. 104 и сл.
10. Там же. С. 111.
11. *Шмурло Е.Ф.* Посольство Чемоданова и Римская курия. Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. С. 13 и сл.
12. *Ключевский В.* Курс русской истории. Ч. III, изд. 2-е. С. 64.
13. *Kapitan Tr. Mac. Gullach*. Przeladowanie chrzecіjactwa przez bolszewizm rosyjski // Пер. с англ. Kraków: Изд. Иезуитов, 1924. С. 415.
14. Ks. dr. *D. Kolpinskij*. Цит. соч. С. 25.
15. На страницах печати // Слово (газета Варшавской митрополии). Варшава, 1934, № 68 (18 ноября).
16. *A. Boudou*. Цит. соч. Т. II. Краков, 1930. С. 412.
17. Там же. С. 416.
18. Там же. С. 441.
19. Там же. С. 455.
20. Там же. С. 469.
21. Там же. С. 458.
22. *A. Boudou*. Цит. соч. Т. I. С. 188–189.
23. Там же. С. 197.
24. Ks. *Jan Urban* (иезуит). Makryna Mieczyslawсka w wietle prawdy. Kraków, 1923. С. 1, 12, 25, 26, 27, 40 и др.
25. *A. Boudou*. Цит. соч. Т. I. С. 443.
26. Там же. С. 462–463.
27. Там же. С. 465.
28. Ks. *Jan Urban*. Цит. соч. С. 59.
29. Там же. С. 71.
30. Там же. С. 73.

31. Там же. С. 74.
32. Там же. С. 82.
33. Там же. С. 117, 139.
34. (*Николаев К.Н.*, анонимно). Воссоединение униатов с Православной Церковью в 1839 г. Конкордат Рима с Россией в 1847 г. — Варшава. Синод. типогр. (64 с.), 1931, С. 14–15.
35. *A. Boudou*. Цит. соч. Т. II. С. 259.
36. Там же. С. 260.
37. Там же. С. 261.
38. Там же. С. 267.
39. Там же. С. 572.
40. Там же. С. 561.
41. Там же. С. 624.
42. Там же. С. 634.
43. Там же. С. 644.

Глава II

1. Воскресное чтение. 1931. С. 256.
2. *Кн. Евгений Трубецкой*. Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке. Идея Божеского Царства в творениях Григория VII и публицистов его современников. Вып. I. Киев, 1897. С. 100.
3. Там же. С. 103.
4. Там же. С. 141.
5. Там же. С. 144.
6. Там же. С. 146.
7. Там же. С. 235.
8. Там же. С. 236–237.
9. Там же. С. 309.
10. Там же. С. 286.
11. Там же. С. 287.
12. *Рудольф Зом*, проф. Очерк истории церкви. Пер. с 18-го немецкого изд. Варшава, 1914. С. 89, 91.
13. Воскресное чтение. Варшава, 1931. С. 470 и сл.
14. *Николаев К.Н.* Цит. соч. С. 8 и сл.
15. Воскресное чтение. Варшава. 1931. С. 470 и сл.
16. *Ramikiniki I Konferencji kaplanskijej w sprawie unji kocielnej w Piesku*. Piesk. 1931. С. 109–110.
17. *Ks. dr. Jan Wilicki*. Umowy Lateranecskie. Lublin. 1930. С. 33. (Там же и Конкордат с Италией.)
18. Слово (Варшава). 1931. № 3; Воскресное чтение. 1931. С. 310.
19. *Бокль*. История цивилизации в Англии. СПб., 1895. С. 366 и сл.
20. *К.Н. (К. Николаев)*. Дьявол на улицах городов Испании // Воскресное чтение. 1931. № 26.
21. Церковные ведомости. Ср. Карловцы (Югославия). 1925. № 21–22.

Глава III

1. *Kapitan Tr. Mac Gullach*. Цит. соч. С. 256.

2. Там же. С. 142.
3. Там же. С. 143.
4. Там же. С. 306.
5. *Karewicz T.* Z dziejow rçay unijnej w Rosji. Kosciyi katolicki w Rosji. Warszawa, 1932.
6. Там же. С. 44.
7. Там же. С. 46.
8. Там же. С. 47.
9. Там же. С. 53.
10. Там же.
11. Китеж. Варшава, 1929. С. 65.
12. Ks. dr. *D.Kolpinskij.* Цит. соч. С. 26.
13. Oriens. 1934. С. 107 и сл., ст. о. *J.Urban'a.*
14. Там же.
15. Ks. dr. *D.Kolpinskij.* Цит. соч. С. 27.
16. Там же. С. 29.
17. Там же. С. 30.
18. Oriens. 1936. С. 171 и сл., ст. *А.Новицкой.*
19. Ks. dr. *D.Kolpinskij.* Цит. соч. С. 29.
20. Богословия. Науковий тримисячник. Львив, 1931. Т. IX. Кн. 4. С. 290 и сл.
21. Oriens. 1935. С. 65, ст. *Лухаревой.*
22. Там же.
23. Каритан *Mac Gullach.* Цит. соч. С. 316–317.
24. Вера и народ. Журнал русских католиков. Париж, 1924. № 8–9, ст. *П.Волконского;* Слово. Варшава, 1935. № 19, ст. *В.Заикина.*
25. Ks. dr. *D.Kolpinskij.* Цит. соч. С. 33.

Глава IV

1. *P.-M. de Belloy.* S.J. Pie XI et le retour a l'uniti de l'Orient separi. Orientalia Christiana. ? 55, 1929. С. 6.
2. Там же. С. 6.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. С. 7.
7. *Stanislaw Kutrzeba.* Polska Od rodzona (1914–1928) wydanie 3. Варшава, 1928. С. 33, 41, 45.
8. Возрождение (Париж) от 11 ноября 1935, ст. *Д.Н. Любимова.*
9. *A. Ponikowska.* Wizytator — Nuncjusz — Kardynai — Papieі // Kurjer Warszawski. 12 февраля 1939 г.
10. Oriens. 1939. С. 35.
11. Там же.
12. *De Belloy.* Цит. соч. С. 6; Речь. 6.12.1923.
13. Акты Польской Республики за 1918–1921 гг. / Пер. под редакцией сенатора Н.М. Рейнке со статьями Ю.П. Кистера и К.Н. Николаева. Изд. Русского комитета в Варшаве. 1921. С. 39 и сл.
14. Церковные ведомости. Ср. Карловцы (Югославия), 1922. № 3.
15. *Бантыш-Каменский.* Исторические известие о возникшей в Польше унии. М., 1805. С. 18, 19–20, 27, 32.
16. *Самарин Ю.Ф.* Газета «День». Москва, 1863, 21 сент.

17. Ks. *Stan. Laski*. Jezuci a obrzudek wschodni // Oriens, 1935. С. 38–43, 74–79, 99–103.

18. Kurjer Warszawski. 12 фев. 1939.

Глава V

1. Pisma Stolicy Apostolskiej. T. V. Lublin, 1938.

2. Там же.

3. Там же.

4. Китеж. 1928. С. 68.

5. *Домбровский*. Пий XI и униатское движение. Вильно, 1930. С. 29.

6. Przeglud Katolicki. Warszawa. 1927. С. 450.

7. Oriens. 33/14.

8. Воскресное чтение.

9. *Пирлинг*. Россия и папский престол. Т. I. М., 1912. С. 116.

10. *H.J. Lubienski*. Droga па. С. 17.

11. Там же. С. 25.

12. *Шмурло Е.* Римская курия на русском православном Востоке в 1609–1654. Прага, 1928. С. 30, 31, 32–38.

13. *Lubienski*. Op. cit. 37.

14. *Томашивский С.* Про идеи, героив и политику. Львов, 1929. С. 75–76.

15. *Костельник Г.* о. Идеология унии. Унийни з'изд. у Львови, 1938. С. 95.

16. *Тихомир Остоич*. Захарија Орфелин. Београд, 1923. С. 103.

17. *Гр. Хомишин*. Еп. Станиславивски. Про византийство. Пастирский лист. Станиславив. 1931. С. 27, 35.

18. *Парвов А.* Папские буллы по греко-униатскому вопросу. СПб., 1888. С. 58.

19. Acta apostolis sedis. Т. XX. С. 416.

20. Окружное Патриаршее и синодальное послание 1895 г. // Воскресное чтение. 27/669.

21. Воскресное чтение. 26/4761.

22. Ilustrowany Kurjer Codzienny. Кракув, 29 мая 1939 г.

23. Oriens. 38/65.

24. Oriens. 33/129.

25. Oriens. 33/37, 38.

26. *De Belloy*. Цит. соч. С. 12.

27. Там же. С. 17.

28. Вера и Родина. Париж, 1924, март. С. 42.

29. Przeglud katolicki. 1927. С. 451, Варшава.

30. Oriens. 33/44.

31. Oriens. 38/30.

32. Oriens. 33/23.

33. Oriens. 34/23, 35, 183.

34. Oriens. 37/76.

35. Oriens. 36/61.

36. Oriens. 36/48.

37. Oriens. 33/29.

38. Oriens. 38/118.

39. Вестник русского христианского движения. 1933, январь. С. 20.

40. Воскресное чтение. 1925/494.

41. Китеж. 1927, № 1.
42. Воскресное чтение. 29/757.
43. Воскресное чтение. 25/167.

Глава VI

1. *Домбровский А.* Альбертинская обитель о.о. иезуитов восточного обряда. Китеж, 1929. № 9–12. С. 14.
2. *Манујло Грбич.* Карловачко Влодичанство. Карловац, 1890. Т. Б. С. 220.
3. Oriens. 33/16.
4. Воскресное чтение. 25/388.
5. Кар. *Mac Gullach.* Цит. соч. С. 258.
6. Pisma Stolicy Apostolsk. Т. V. Люблин, 1938. С. 6.
7. Кар. *Mac Gullach.* Цит. соч. С. 250.
8. Церковные ведомости. Ср. Карловцы, 1923. № 9–10. С. 12.
9. *М. д'Эрбиньи.* Церковная жизнь в Москве. Париж, 1926. С. 12.
10. Там же. С. 13.
11. Там же. С. 16.
12. Там же. С. 20.
13. Там же. С. 100.
14. Там же. С. 106.
15. *Жевахов К., кн.* Воспоминания. Т. II. С. 323.
16. *Antoni Starodworski.* Tragedija Cerkwi Prawoslawnej w Z.S.R.P. Варшава, 1934. С. 85, 86.
17. *М. д'Эрбиньи.* Цит. соч. С. 23.
18. Там же. С. 39, 41, 57.
19. Там же. С. 51.
20. Там же. С. 69.
21. Там же. С. 78.
22. Там же. С. 115.
23. Там же. С. 109.
24. Konkordat Polski ze Stolicy Apostolski. Biblioteka religijna. Львов, 1925. С. 5.
25. Там же. С. 169.
26. Przegląd Katolicki, Warszawa, 1927. С. 450.
27. Кс. *E.Likowski.* Unia Brzestra. 2-е изд. Варшава. 1907. С. 267–268.
28. Oriens. 33/142.
29. *A.Boudou.* Op. cit. С. 590.
30. Там же. Т. II. С. 117.
31. Pamiętnik VI konferencji. Pisk. 1939. С. 44.
32. Konkordat etc. С. 298.
33. Oriens. 33/76
34. Pamiętnik VI konf. С. 39 и 46.
35. Воскресное чтение. 27/157

Глава VII

1. Oriens. 33/129.
2. Окружное патриаршее и синодальное послание 1895 г. // Воскресное чтение. 30/700.

3. Oriens. 35/3.
4. Oriens. 33/95.
5. Oriens. 38/61.
6. «Путь». Париж, № 51. С. 75, рецензия.
7. Oriens. 38/41.
8. Воскресное чтение. 25/32.
9. Воскресное чтение. 25/23.
10. Воскресное чтение. 25/835.
11. Воскресное чтение. 25/617.
12. Воскресное чтение. 25/718.
13. Воскресное чтение. 27/51.
14. Воскресное чтение. 27/101.
15. Воскресное чтение. 27/622.
16. Воскресное чтение. 26/91.
17. Воскресное чтение. 26/90.
18. Воскресное чтение. 28/314.
19. Воскресное чтение. 25/800.
20. Воскресное чтение. 27/101.
21. Там же.
22. Воскресное чтение. 26/291.
23. Воскресное чтение. 28/119.
24. Воскресное чтение. 28/148.
25. Воскресное чтение. 26/490, 755.
26. Воскресное чтение. 26, № 16, облож.
27. Воскресное чтение. 27/5, облож. 6.
28. Oriens. 33/32.
29. Воскресное чтение. 26/691.
30. Воскресное чтение. 27/306.
31. Воскресное чтение. 31/328.
32. Воскресное чтение. 31/356.
33. Воскресное чтение. 28/271.
34. Воскресное чтение. 28/148.
35. Воскресное чтение. 28/119.
36. Oriens. 33/123.
37. Воскресное чтение. 31/721.
38. Воскресное чтение. 31/632.
39. Воскресное чтение. 31/678.
40. Воскресное чтение. 31/661.
41. Воскресное чтение. 27/169.
42. Воскресное чтение. 27/283.
43. Воскресное чтение. 27/578.
44. Воскресное чтение. 28/13.
45. Воскресное чтение. 28/555.
46. Воскресное чтение. 27/471.
47. Oriens. 38/120. 48; Воскресное чтение. 28/149.
48. Воскресное чтение. 28/516.
49. Воскресное чтение. 30/391.
50. Воскресное чтение. 30/279.
51. Oriens. 36/63.
52. Oriens. 37/31.
53. За свободу. Варшава. 16.03.1929.
54. За свободу. Варшава. 04.03.1929.

55. За свободу. Варшава. 01.03.1929.
56. Воскресное чтение. 29/564.
57. Воскресное чтение. 30/344.
58. Воскресное чтение. 30/164.
59. Воскресное чтение. 27/651.
60. Воскресное чтение. 31/469.
61. Воскресное чтение. 33/40.

Глава VIII

1. Воскресное чтение. 25/395.
2. *De Belloy*. Op. cit. С. 11.
3. Там же. С. 18.
4. *Jan Urban*. *Welehradzkie utopie*. Краков, 1909. С. 4.
5. *De Belloy*. о. с. С. 11.
6. Путь (журнал). № 13. Париж.
7. Китеж. 1928. С. 22 (№ 1–2).
8. Энциклопедия «*Regum Orientalium*» по-польски // *Pisma Stolicy Apostolskiej*. Т. V. Люблин, 1938.
9. Китеж. 1928. С. 63.
10. *Oriens*. 33/20.
11. *Oriens*. 33/19.
12. *Oriens*. 38/27.
13. *Oriens*. 39/57. Полный текст см: Деяния Второго Всезарубежного Собора. Белград 1939. С. 337 и след. Пер. Н.Ф. Степанова.
14. *Oriens*. 33/127.
15. *Oriens*. 35/29.
16. *Oriens*. 36/60.
17. *Pisma Stolicy Apostolskiej*. Т. V. Люблин, 1938. С. 13 и сл.
18. Там же.
19. *Oriens*. 37/27.
20. *Pamitnik VI Pieskiej Konferencji*. С. 45.
21. *Przeglud Katolicki*, 1927, Warszawa. С. 451.
22. *H.Lubienski*. Цит. соч. С. 70.
23. Там же. С. 42.
24. Там же. С. 46.
25. *Oriens*. 36/159.
26. *Косоноцький В.* Процес за православні церкви. Варшава 1930.
27. Там же. С. 5.
28. *Толстой Д.*, граф. Римский католицизм в России. Т. II. С. 361 и сл.
29. *Ks. B.Likowski*. *Dzieje Koscioia unickiego na Litwie a Rusi*. Варшава, 1906. Т. II. С. 44.
30. Воскресное чтение. 30/237.
31. *Косоноцький В.* Цит. соч. С. 49.
32. Китеж. 1930. № 9–12. С. 3–4.
33. *Dzies Polski*. Warszawa, 1930. С. 32.
34. Воскресное чтение. 31/235.
35. Там же.
36. Там же.

Глава IX

1. Китеж. 1930. № 1.
2. Наша жизнь. 8 марта 1930 г.
3. За свободу. 22 февраля 1930 г. и 19 марта 1930 г.
4. Воскресное чтение. 30/204.
5. Китеж. 1930. С. 141.
6. Китеж. 1929. № 9–12. С. 12.
7. Pisma Stolicy Apostolskiej. T. V. Люблин, 1938. С. 16.
8. Там же. С. 16.
9. Oriens. 34/25.
10. Китеж. 1930. С. 79.
11. Oriens. 33/19.
12. Китеж. 1930. С. 101.
13. Воскресное чтение. 30/501.
14. Slovo. Wilno, 1932. С. 3.
15. Воскресное чтение. 30/519.
16. Воскресное чтение. 31/310.
17. Китеж. 1930. С. 31.
18. Воскресное чтение. 30/503.
19. Китеж. 1931. С. 39.
20. Воскресное чтение. 31/77.
21. Ст. *Н. Добрянского* // Слово. 1934. № 40.
22. Воскресное чтение. 31/733.
23. Воскресное чтение. 31/134.
24. Oriens. 33/25.
25. Oriens. 39/62.
26. Воскресное чтение. 31/599.
27. Pamietnik 1-ej Konferencji Karianskiej w sprawie uniji kocielnej w Piesku. Piesk, 1931. С. 20, 26 и сл., 47.
28. Там же. С. 93, 100.
29. Там же. С. 122.
30. Pamietnik II Konferencji. Piesk, 1932.
31. Слово. 1931. № 15.
32. Воскресное чтение. 31/648.
33. Pamietnik III Konferencji. Piesk, 1933. С. 19.
34. Там же. С. 116.
35. Там же. С. 124, 126, 128, 134.
36. Там же. С. 140.
37. Там же. С. 74 и сл.
38. Вестник Русского христианского движения. 1927. № 11. С. 19.
39. Вестник Русского христианского движения. 1928. № 4. С. 30.
40. Вестник Русского христианского движения. 1932. № 1. С. 17, 18.
41. Вестник Русского христианского движения. 1933. № 1. С. 21, 22.
42. Слово. 1932. № 21.
43. Oriens.
44. *Wiktor Piotrowicz*. Unja czy demonstracja. Wilno, 1931. С. 23, 33, 34, 64.
45. Nowe formy unyi kocielny w Polsce. Sionim, 1932. С. 32, 63, 86.
46. *Henryk Ignacy Lubecski*. Droga na Wschyd Rzymu. Warszawa, 1932. С. 84, 102, 103, 109.
47. Dyskusja prasowa wokyi ksikki // Droga na Wschyd Rzymu. Warszawa, 1933. С. 24, 30, 65.

48. Oriens. 34/27.
49. Там же.
50. Китеж. 1931. № 1; Oriens. 34/110.
51. Русско-американский православный вестник. Нью-Йорк, 1936, октябрь.

Глава X

1. Oriens. 33/9–10.
2. Oriens. 36/124.
3. Воскресное чтение. 33/108–109.
4. Воскресное чтение. 33/206.
5. Воскресное чтение. 33/58.
6. Oriens. 34/61.
7. Pamietnik IV Piesk. konferen. С. 107.
8. Oriens. 35/35.
9. Католический вестник. Харбин, 1936. С. 178 и сл.
10. Pisma Stolicy Apostolskiej. Т. V. Люблин, 1938.
11. Oriens. 37/163.
12. Oriens. 38/45.
13. Oriens. 38/67.
14. Вейдле В. Тютчев и Россия // Русские записки. Париж. Июнь 1939. С. 144.
15. Слово. Варшава. 33/46.
16. Китеж. 1927. С. 53–56.
17. Oriens. 36/15.
18. Oriens. 34/156.
19. Oriens. 37/19 Русские поля. Сеаттль, 1936. № 42.
20. Карпато-русское слово. 1936, 15 марта.
21. Воскресное чтение. 1929. № 37.
22. Oriens. 36/19.
23. Там же.
24. Oriens. 35/81.
25. Oriens. 37/81.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Pamietnik VI Konferencij. Piesk, 1939. С. 110.

Глава XI

1. *Бантыш-Каменский*. Исторические известия о возникновении в Польше уни. М., 1805. С. 67, 68, 69, 102.
2. Volumina legum. Т. IX.
3. Последние новости. Париж, 14.09.1934.
4. Воскресное чтение от июня до конца 1930 г.
5. Hustrwany Kurjer Codzienny, 28.06.1937 и сл.
6. Слово. 25.11.1934.
7. Слово. 9.10.1934.
8. Слово. 1936. № 39.
9. Там же.
10. Слово. 1936/47.

11. Oriens. 37/24.
12. Oriens. 37/50.
13. Слово. 11.04.1937.
14. Oriens. 37/25.
15. Воскресное чтение. 1935. № 7, прил.
16. Oriens. 39/9.
17. Сегодня. 11.10.1937.
18. Воскресное чтение. 35/105.
19. Слово. 1936. № 3 и 9.
20. Россия. Нью-Йорк, 14 марта 1936.
21. Слово. 1936. 28.06.1936.
22. Слово. 1934. № 57.
23. Воскресное чтение. 30/663.
24. Oriens. 37/178.
25. Oriens. 36/159, 286.
26. Oriens. 34/53.
27. Унійний з'їзд у Львові. Матеріяли зібрав і упорядкував о. В.Кугабський. Львів, 1938. С. 16–18.
28. Церква і нарид. Кременец, 1938. С. 89.
29. Oriens. 37/14.
30. Унійний з'їзд. С. 259.
31. Oriens. 37/14.
32. Oriens. 39/120.
33. Kurjer Warszawski. 16.01.1938.
34. Воскресное чтение. 1937/620, 634.
35. Воскресное чтение. 1937/648.
36. Слово. 1938. № 3.
37. Церква и нарид. 1938. С. 119.
38. Русский голос. Львов, 38/13.
39. Церква и нарид. 1938. С. 140.
40. *Chodynicki*. Kociyi prawosiawni w Rzeczpospolitej Polskej. Варшава, 1934. С. 188–192.
41. Oriens. 36/34.
42. Oriens. 36/11.
43. Oriens. 35/55.
44. Oriens. 37/12.
45. Время. Београд, 14 мая 1939.
46. Слово. 38/13.
47. Kurjer Warszawski. 19.04.1938.
48. Oriens. 38/65.
49. Oriens. 38/69.
50. Слово. 1938. № 22.
51. Меч. Варшава, 1938. № 21.
52. Слово. 1938. № 28.
53. Слово. 1938. № 24.
54. Русский голос. Львов, 1938. № 32.
55. Oriens. 38/150.
56. Oriens. 38/134.
57. Слово. 1938. № 23–24.
58. Новая Заря. Сан-Франциско, 26 марта 1938.
59. Свет. Пенсильвания, 12.05.1938.

Глава XII

1. Ilustrowany Kurjer Codzienny. Краков, 6 марта 1939.
2. Oriens. 39/65.
3. Возрождение. Париж, 20.06.1939.
4. Наша газета. София, 11.12.1939.
5. Oriens. 39/100.
6. Oriens. 39/120.
7. Wiadomości. 1939. С. 24.
8. Oriens. 39/120.
9. Wiadomości. 1939. С. 28–29.
10. Oriens. 39/103.

Заключение

1. *Винтер Эдуард*. Византия та Рим у боротьби за Україну. 1906–1939 гг. / Пер. с нем. на украинский. Прага, 1904. С. 205–206.
2. Там же. С. 179.
3. Пласуька. Май 1946. № 9. (Издавался во Франции.)
4. Календар-альманах на 1948 рік. Аугсбург, 1948. С. 122 и след.
5. *Senex*. Українська православна церква в часи другої світової війни. 1939–1945. Мюнхен, року Божого 1946. (Ротаторное издание.) С. 11.
6. Там же. С. 8.
7. Там же. С. 10.
8. *Раневский С.* Украинская Автокефальная Церковь. Типография пр. Иова Почаевского в Свято-Троицком монастыре. Jordanville, 1948. № 4. С. 10 и 11.
9. *Senex*. Українська православна церква в часи другої світової війни. 1939–1945. Мюнхен, року Божого 1946. (Ротаторное издание.) С. 11.
10. Там же. С. 40.
11. Церковная жизнь. Издается ежемесячно при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. Мюнхен, 1947. № 3–4. С. 4.
12. *Раневский С.* Цит. соч. С. 20.
13. Украинская трибуна. Мюнхен, 9 ноября 1947.
14. Неделя. Ашаффенбург, Бавария, 20 июня 1948.
15. Проблемы. Журнал национально-державной думки. Грудень 1947 года, Мюнхэн, С. 30.
16. Украинська трибуна. Мюнхен, 1 июля 1948.
17. Украинська трибуна. 17 июня 1947.
18. Неделя. 18 января 1948.
19. Неделя. 1 февраля 1948.
20. Час. 9 мая 1948. Фюрт (Бавария).
21. Express. Мюнхен, 17 июля 1948.
22. Slovo Polskie. Мюнхен, 31 января 1948. № 4/145.
23. *Петро Исаив*. Брестейська Унія 1596. В 350 роковини. Мюнхен-Миттенвальд, 1946. С. 32.

Источники

Русский язык

Бантыш-Каменский. Исторические известия о возникновении в Польше Унии. М., 1805.

Бокль. История цивилизации в Англии. СПб., 1895.

Вера и Родина. Журнал русских католиков. Изд. Общества Св. Иоанна Златоуста. Лион, 1924.

Воскресное чтение. Еженедельный журнал. Изд. Варшавской Митрополии. Редактировал митрополит Дионисий. Выходил с 1920 до 1938 г. До 1934 г. имел церковно-политический отдел.

Вестник Русского студенческого христианского движения. Париж, 1927 (№ 11); 1928 г.; 1932 (№ 17 и 18); 1933 (№ 1).

Вейдле В. Тютчев и Россия. Русские записки. Париж, 1934. июнь.

Прот. С. Булгаков. Лозаннская конференция и папская энциклика // Путь. Париж, 1928. № 13.

Домбровский А. Пий XI и униатское движение. Вильно, 1929.

о. М. Д-Эрбиньи. Церковная жизнь в Москве. 1926.

Кн. Н. Д. Жевахов, товарищ обер-прокурора Св. Синода. Воспоминания. Том второй. Новы Сад (Югославия).

Католический вестник. Харбин, 1936.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3. Изд. 2.

Китеж. Русский католический вестник / Под ред. прелата Антония Около-Кулака. Варшава, 1929–1933.

Пирлинг. Россия и папский престол. Т. 1. М., 1912.

Степанов. Отношение Ватикана к экуменическому движению. Деяния II Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей. Белград, 1939.

Самарин Ю. Ф. Иезуиты и их отношение к России. 3-е изд. М., 1870.

Труды I Съезда русских академических организаций за границей. Белград. Изд. Русского научного института. Вып. 7. 1929.

Трубецкой Евгений, князь Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке. Вып. 1. Киев, 1897.

Толстой Д., граф. Римский католицизм в России. Том 2.

Шмурло Е. Римская курия на русском православном Востоке 1609–1654 г. Прага, 1928.

Шмурло, Е. Посольство Чемоданова и Римская курия. Труды Русского научного института. Белград. Вып. 7.

Хомяков А. С. О Церкви. Берлин, 1936.

Анонимно (*К. Н. Николаев*). Воссоединение униатов с православной церковью в 1939 году и конкордат Рима с Россией в 1947 году. Варшава, 1931.

Латинский, французский и польский языки

Akta Apostolis Sedis, t. t. XX и XXI.

P. M. de Bellov S. S. Pie XI et le retour a l'unité de l'Orienté suparu. Orientalia Christiana, vol. XVI, I.

Ks. Adrian Boudou. Stolica wikta a Rosja. Т. I. Krakyw, 1928; Т. II. Krakyw, 1930.

I. Chodyniecki. Kociyi Prawosiawny w Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1934.

Dyskusja prasowa okoio ksiniĳi «Droga na Wschyd Rzymu». Warszawa, 1933.

Kapitan *Mac Goulach*. Przejadowanie chrzesciacstwa przez bolszewizm rosyjski. Krakow, 1924.

Kociyi Katolicki w Rosji. Warszawa, 1932.

Kutrzeba Stanisiaw. Polska Odrodzona. Warszawa, 1928.

Konkordat Polski z Stolici Apostolski Biblioteka Religijna. Lwyw, 1925.

Ks. Edward Likowski. Nnia Rzeska. Warszawa, 1907.

Ks. Edward Likowski. Dzieje Kocioia Unijackiego. Warszawa, 1909.

C. I и II.

Henryk I. Zubiecki // Droga na wshyd Rzymu. Warszawa, 1932.

Nowe formy Unji ocielney w Polsce-Sionim, 1932.

Pamietniki Pieskiej Konferencji Kapiacskiej w sprawie unji. T. I–VI.

Piesk, 1932–1939.

Piotrowicz Wiktor. Unje czy demonstracja. Wilno, 1931.

Pima Stolicy Apostolskaj. T. V. Lublin, 1938.

Starodworski Antoni. Tragedia Cerkwi Prawoslawnej w Z.R.S.R.

Warszawa, 1934.

Ks. I. Urban. Makryna Meczyslawska w switle prawdy. Krakow, 1923.

Ks. I. Urban. Welihradzkie utopije. Krakow, 1909.

Wolumina Legum. T. XI.

Oriens. Журнал двухнедельный. Орган восточной ветви ордена иезуитов. 1933–1939 гг. Krakow, Warszawa.

Украинский язык

Богословія. Науковий тримісячник. Вид. Богословське наукове Товариство. Львів, 1931. Том IX. Ч. 4.

О. Гавриїл Костельник. Ідеологія Унії. Збірник. Унійний З'їзд у Львові. Львів, 1932.

Володимир Косоноцький. Процес за православні церкви. Варшава, 1930. Видання Української Парляментарної Репрезентації.

Пастирський лист Гр. Хомишина, Єпископа Станиславівського, про Візантійство. Станиславів, 1931.

Томашівський С. Про ідеї, героїв і політику. Львів, 1929.

Унійний З'їзд у Львові. Матеріяли. Львів, 1938.

Гр. Хомишин, Єпископ Станиславівський. Пастирський лист про Візантійство. Станиславів, 1931.

Церква і нарид. Крем'янець. 1934–1938.

Сенекс. Українська Православна Церква в наси другої світової війни. 1939–1945 р.р. Мюнхен, Року Божого 1946.

Сербский язык

Остоич Тихомир. Захария Орфелин. Београд, 1923.

Грбич Мануйло. Карловачко Владичанство. Т. I и II. Карловац.

К.Н. Николаев

На ложном пути

Долго искали главную причину, породившую раскол в западнорусской Церкви в XVI веке, каковой раскол почему-то и до сего времени называют унией, и главного виновника этого раскола. И наконец нашли. Нашли, как это ни странно, русские историки, а польские историки эту находку очень быстро оценили и использовали в своих видах.

Причина раскола или унии — невежество и низкий нравственный уровень тогдашнего православного духовенства, а главный виновник — это сельский «поп», тот батюшка, на которого и до сих пор готовы сваливать всяческое неустройство в Церкви.

Открытие это сделал киевский историк, добрейший и всеми, кто его помнит, любимый Орест Иванович Левицкий, а по свету это открытие распространил весьма тонкий и умный основатель научных работ по этому вопросу среди поляков, польский историк, Познанский епископ Эдуард Ликовский.

В наших статьях мы весьма часто пользовались его трудами. Человек осведомленный и добросовестный в немецком стиле, но от специфической односторонности католического духовного лица отрешиться не мог. Свои тенденции проводит настойчиво, но делает это с таким научным достоинством и с таким спокойствием, что человек, слабо осведомленный и не продумавший вопроса, может легко сойти с правильного пути.

Весьма тонко и почти незаметно он обходит все те вопросы, освещение которых бросило бы невыгодный свет на политику Рима и польского правительства в отношении Православной Церкви в Западной Руси, и весьма выпукло рисует все, что бросает тень на самую западную Русскую Церковь.

В своем труде «Брестская уния», появившемся в 1896 г. (второе изд. 1907 г.), в самом начале он сразу же привлекает к своему предмету и делает выписки из труда О.И. Левицкого «Внутреннее состояние западнорусской Церкви в Польско-Литовском государстве в конце XVI века и уния». Труд этот послужил предисловием к шестому тому первой части «Архива Юго-Западной России», а засим вышел отдельным оттиском (Киев, 1884). Труд небольшой, всего 108 страниц. Мы пользовались этим отдельным выпуском.

О.И. Левицкий пересматривает исторические причины, вызвавшие Брестскую унию, и главное свое внимание останавливает на внутреннем состоянии Западно-Русской Церкви в XVI веке.

Что и говорить, состояние весьма печальное.

«Приписывать исключительно козням и проискам иезуитов совершение столь громадного церковно-общественного переворота, каким была в сущности уния, — говорит автор, — было бы очень мелко; ссылка же на систематические преследования польским правительством представителей тогдашней православной иерархии не состоятельна, ибо невозможно прежде всего доказать существование таких систематических преследований. Напротив, можно утверждать, что юридически

положение западно-русской Православной Церкви при Стефане Батории и в первые годы правления Сигизмунда III было ни хуже, ни лучше, чем и в другое, более раннее время» (с. 4). «Главный источник и корень этого зла лежал в беспорядках тогдашней церковной иерархии и в крайней деморализации большинства ее представителей... На самом же деле, значение этого печального явления столь велико, что без него все другие внешние причины были бы бессильны породить унию, и наоборот: оно одно таило в себе столько опасных элементов, что и помимо влияния этих причин, раньше или позже, должно было неминуемо привести западнорусскую Церковь если не к унии, то к иным столь же опасным потрясениям... Невежество, и, как тогда говорили, «великое грубиянство и небалость» низшего духовенства, упадок монастырей и полное забвение лучших преданий древнерусского отшельничества, в особенности же те неслыханные и по нашим теперешним понятиям просто невообразимые злоупотребления, какие творились тогда в сфере Высшей Церковной иерархии... стоит, говорим, вникнуть во все это, чтобы убедиться, что такое хаотическое состояние западнорусской Церкви должно было неизбежно разрешиться каким-нибудь крупным и опасным потрясением» (с. 5–6).

«Все люди единогласно говорят, — писали львовские православные братчики Константинопольскому Патриарху в 1592 году, — если не исправится в Церкви беззаконие, то вконец разойдемся, отступим под римское послушание и будем жить в безмятежном покое» (с. 8).

Все это совершенно верно, но на этом нельзя останавливаться, а на этом как раз и останавливается епископ Ликовский и утверждает далее, что выходом из этого внутреннего маразма западнорусской Церкви и была уния. Он проходит мимо деятельности как литовских великих князей, так и польских королей в отношении Церкви и ее духовенства, и совершенно не выясняет, каким же образом этот раскол или уния в западнорусской Церкви отразилась на духовенстве, как благочестивом, так и униатском, и от этого весьма ценный и прекрасно написанный труд «Брестская уния», как и предыдущая двухтомная работа того же автора — «История униатской Церкви в Литве и России в XVIII и XIX веках» — дают неясное и ответственное освещение всему вопросу.

Прежде всего, внутреннее положение латинского духовенства в это время не только в Западной Руси и Литве, где его роль была мало-значительна, но и в коронной Польше было не лучше православного. Внутренние качества его были таковы, что бурный расцвет протестантизма на польских землях чуть не опрокинул всего здания римо-католической церкви, и дело пришлось спасать при помощи иезуитов, которые и помогли латинскому духовенству прийти в себя.

Достаточно остановиться на личности киевского бискупа Николая Паца, которого весьма колоритно рисует тот же историк О.Левицкий, чтобы понять в чем дело.

«А этот Пац был самым типичным представителем тогдашних латинских прелатов: аристократ по рождению, блестяще образованный, он получил бискупство за гражданские заслуги, вел жизнь роскошную, любил музыку, потом увлекся протестантизмом, сложил сан, женился и получил от короля почетную должность — каштелянство Мстиславское. Конечно, ренегатство Паца было фактом исключительным, но во всем остальном он был совершенно похож на других прелатов, вельможное положение которых и не стесняемая никакими требованиями

долга жизнь не могли не действовать заманчиво и на православных иерархов. Все, что было выше сказано нами о частной жизни западно-русских архиереев — об их сибаритстве, алчности и страсти к обогащению, все это было лишь копией с католического оригинала, а усвоенный владыками обычай отдачи в аренду церковей можно считать прямо перенятым у латинских прелатов» (с. 59).

Любович в своем труде «Начала католической реакции» приводит весьма любопытные данные, рисующие положение католического духовенства в Польше в момент разгара реформатского движения.

«В 60-х годах XVI века католическая церковь в Польше представляла очень жалкую картину, — говорит автор. — Среди него (духовенства) господствовала крайняя распущенность и безнравственность, которые оно даже не старалось скрывать. Визитация церковей, предпринятая в Краковской диоцезии во второй половине 60-х годов по распоряжению епископа Филиппа Падневского, раскрывает в этом отношении такие факты, которым с трудом бы верилось, если бы они не сообщались официальным источником, не в интересах которого были всякие преувеличения... В деревне Бобы, в Люблинском архидиаколате, визитатор застал викария, который, как оказалось по собранным сведениям, торговал водкою вместе со своей кухаркою, как в будние, так и в праздничные дни. Занимался он этим даже во время обедни... Кроме того, он держал молодую женщину, отличающуюся крайней распущенностью. В присутствии прихожан он не стеснялся богохульствовал. В м. Казимирже ксендз держал молодую кухарку и посещал иногда с нею кабаки... Не стесняясь в образе жизни, духовенство не стеснялось и догматами своей Церкви. Встретить в настоящее время женатого католического священника не составляло редкости...

Такая распущенность и крайне низкий уровень развития католического духовенства, такой хаос и беспорядок, царствовавший в церквях, невольно должны были приводить современников к мысли, что дело католицизма проиграно в Польше...

Взглянем теперь на жизнь, деятельность и интересы высшего духовенства», — продолжает автор.

Во второй половине XVI века оно уже всецело состояло из шляхты. Последняя добилась, что рядом статуты конца XV века и начала XVI века, доступ к высшим духовным местам был воспрещен лицам не шляхетского происхождения. Только в виде исключения допускалось, что доктора богословия, невзирая на их происхождение, могли быть избираемы канониками, но, однако, во всяком случае не более двух в каждом капитуле.

Епископы этой эпохи в такой мере поглощены своими личными делами, что не только не были расположены объезжать свои епархии, но случалось даже, что надолго отлучались из них. Епископ Краковский Андрей Зебржидовский, известный своим стремлением к наживе, постоянно оставлял епархию по делам покупки и устройства своих имений... В заседании капитула 5 февраля 1560 года было постановлено написать Зебржидовскому, чтобы он возвратился в свою епархию и занялся ее делами, а в случае это не подействует на него, то жаловаться Папе.

Епископский сан был нужен Падневскому лишь затем, чтобы иметь возможность жить пышно и богато. Польские прелаты, как и все польские паны, удивляли иностранцев своим богатством и роскошною жизнью,

но Краковский епископ выделялся даже среди них блеском своего двора. Подобно другим епископам, он не забывал, однако, и своей родни. Он скупал имения, пользуясь своим влиянием, отнимал у монастырей земли, давал под залог деревень деньги, так что мог оставить своим племянникам значительное наследство.

...В первой половине XVI века большинство польских монастырей было наполнено иноземным элементом. Некоторые же цистерцианские монастыри считали своей привилегией принимать к себе в монахи только немцев.

Благодаря установившемуся взгляду на монастыри как на источник наживы, благодаря тому, что шляхте всячески был облегчен доступ к занятию мест аббатов, в ограду монастырей ворвалась чисто светская жизнь. Монашеские обеты, предписания правил орденов, строгая монастырская дисциплина — все это было оставлено и забыто. Монастыри стали приходить в совершенный упадок».

Если к этому добавить деятельность знаменитого Куявского епископа Иакова Уханского, разрыв которого с римской церковью с большим трудом и ценою больших уступок удалось предупредить нунцию Бонжиованни, то картина положения католической церкви в Польше в XVI веке будет совершенно ясной (*Любович*. Начала католической реакции. С. 2, 3, 7, 10, 12, 19 и 22. К сожалению, год издания книги Любовича не обозначен).

Однако несмотря на то, что и латинское и православное духовенство одинаково соответствовало низкому культурному уровню того грубого времени, пострадала от этого главным образом Церковь Православная, среди которой образовалось весьма опасное движение в унию, создавшее раскол. Католическая же церковь удержалась на своем уровне, довольно быстро перешла в наступление и против протестантизма, и против Православия, и в течение 40-летнего царствования Сигизмунда III католическое духовенство в Польше сумело без остатка уничтожить все реальное содержание начал веротерпимости, установленных последними Ягеллонами, Сигизмундом Старым и Сигизмунтом II Августом.

Причины этого были установлены еще ранее появления труда Ореста Левицкого Макарием, архиепископом Литовским и Виленским, позднее митрополитом, который в 9-м томе своей знаменитой «Истории Русской Церкви» (1879) выявил главные причины положения Церкви в XVI и XVII веках.

«Во всем же Великом княжестве Литовском около половины XVI века, по свидетельству самих латинских писателей, было до 700 парафий или приходских костелов, тогда как Православных Церквей в одном лишь Новогрудском воеводстве было более 650, и во владениях одного князя Константина (Василия) Константиновича Острожского — более 600, по свидетельству латинских же писателей». А перед введением унии в Литве числилось 8 епархиальных архиереев и «попов русских одиннадцать тысяч», следовательно, немногим менее церквей.

«Но не своею древностью, не числом своих чад, не количеством костелов и епископских кафедр сильна была в Литве церковь латинская, во всем этом она уступала Церкви Православной, а была сильна и несомненно сильнее Православной по другим условиям... Во главе латинской церкви в Литве стоял папа, имевший могущественное влияние не только на местную иерархию и народ, но и на самое правительство.

Ничем, однако ж, столько короли эти не наносили вреда Православию в своем государстве, как злоупотреблением усвоенного ими себе права “патронатства” по отношению к Православной Церкви, и в частности — права “подавания” архиерейских кафедр, монастырей и церквей» (Макарий. Т. IX. С. 4, 5, 10).

Эту главнейшую причину разложения Православной Церкви в Западной Руси и Литве, которую впервые столь резко оттенил архиепископ Макарий, не мог не заметить и Орест Левицкий.

«Но в руках польско-литовских государей было одно опасное оружие, которое совсем не было предназначено для причинения вреда Православию, но злоупотребление которым впоследствии принесло страшное зло для западно-русской Церкви и привело ее к крайнему расстройству: то было знаменитое их право “подавания” столиц духовных и всех хлебов духовных”, то есть права жалования Архиерейских кафедр, монастырей и церквей. Право это, во многом сходное с инвеститурой немецких императоров, всецело вытекало из феодального литовско-государственного строя, по которому великий князь признавался верховным господарем всех земель на территории княжества, а следовательно, и всех находившихся в нем имений и земель церковных, которые принадлежали епископским кафедрам, монастырям и церквам. Так как почти все церковные должности в Литовской Руси были сопряжены с правом распоряжения церковными имениями, часто весьма значительными, то на этом основании, при замещении митрополичьей и архиерейской кафедр, а равно настоятельских мест в монастырях и некоторых церквах, требовалось, сверх избрания, еще и согласие или утверждение великого князя, каковое утверждение называлось “подаванием”. Таким образом, “подавание” не было собственно задачей церковно-иерархических должностей, а лишь пожалованием новоизбранному кандидату права распоряжения церковными имениями, с которых отбывалась в пользу государства военная служба и другие повинности; и в этом смысле литовские государи именовались “подавцами хлебов духовных”» (Левицкий О. С. 125).

Как в дальнейшем увидим, это право подавания оказалось значительным источником личных доходов как короля, так высших чинов правительства.

С этой точки зрения несколько иной характер принимают выводы, сделанные знаменитым киевским профессором, знатоком русского права, Владимирским-Будановым в отношении положения церковных имуществ в Западной Руси, каковым выводом воспользовался новейший историк Казимир Ходыницкий, специально изучавший вопрос равноправия схизматиков в Великом княжестве Литовском (*Kazimierz Chodyncki. Geneza gwnouprawnienia schyzmatykw w Wielkim Ks. Litewskim. Przegląd historyczny, Warszawa, 1919–1920, tom 22*).

По мнению этого историка, вопрос представляется так, что даже русские историки изменяют свой взгляд на положение Православия в Западной Руси и рисуют это положение благоприятным.

Действительно, проф. Буданов в предисловии к VIII–IX тому Архива Юго-Западной России пишет:

«Сила прав гражданских для всех лиц, столь крепких в Литовском государстве и делающих ему великую честь, в особенности ясны в применении к церковным имуществам. В **благоверной Москве** князя и цари мало стеснялись древним началом неотчуждаемости

имущества, но ни **великие князья Литовские, католики**, которых так часто выставляют гонителями Православия, ни шляхетский Польский Сейм, ни могущественное католическое духовенство, не следовало Московскому примеру, конечно, не по уважению чуждых для них византийских традиций, а по уважению незыблемости гражданских прав вообще» (*Ходыницкий К. С.* 96, примеч.).

Тут же необходимо заметить, что «незыблемость гражданских прав вообще» в Польше имела применение только к шляхте, а народ сам был объектом этого незыблемого гражданского права, и что шляхта не столько защищала «незыблемость гражданского права», сколько незыблемость своих привилегий, и, сохраняя за королем право «подавания», а за собою права «патроната» в отношении Православной Церкви, шляхта и король защищали свои привилегии.

Описывая применение этого королевского права подавания, новейший исследователь Вячеслав Заикин на основании весьма обширного материала пишет:

«Бесцеремонность Сигизмунда I простиралась до того, что он переступал свое право “подавания” Киево-Печерского монастыря другим лицам; так, например, он дал князю Юрию Семеновичу Слуцкому “привилей”, гласивший, что “гды теперешнего архимандрита Генадия в животе не станет, тогда мает князь Юрий оный монастырь к рукам своим взяти и **дати его тому держати, кому воля его закона греческого будет**”. “По-видимому, — говорит В. Заикин, — Бона прямо таки торговала епископиями и богатыми архимандриями” (Заикин К. Участие светского элемента в церковном управлении // Воскресное чтение. 1930. С. 398). По словам историков, королева Бона привезла в Польшу свои итальянские привычки.

«Наиболее раннее указание о злоупотреблениях правом подавания встречаем в актах известного Виленского собора, бывшего в 1509 году. Некоторые в нашем законе, — жаловались отцы Собора, — презирая отеческое предание и заповеди ради мирской славы и власти, покупают себе, еще при жизни епископов, их кафедры и принимают эти кафедры без совета и согласия митрополии и епископов и без осмотрения и избрания от князей и панов нашего греческого закона... Гораздо труднее было бороться против покупки святительских кафедр и других духовных степеней, так как продавцом их является не кто иной, как сам “верховный подавца хлебов духовных”, то есть король. Все, что мог предпринять собор против этого страшного злоупотребления выразилось в следующем определении: “Никому не подкупаться под живыми епископами, архимандритами и священниками; если же кто дерзнет на такое дело, архимандрит ли, или игумен, или священник, или мирянин, то да будет на них церковное неблагословение и отлучение”» (*Левицкий О. С.* 30, 31).

Короли распоряжались епископскими кафедрами, помещики — священническими должностями.

«И в обществе, и в среде самого духовенства скоро выработался принцип: **чье подавание, тому и послушание попов**. На этом основании помещики или даже их урядники весьма часто судили священников, сажали их в свои тюрьмы, брали с них судебные пошлины, приказывали им по произволу венчать или расторгать браки и т.п. Неудивительно, что при таких условиях быта сельского духовенства самое звание православного пресвитера низошло до того, что, по свидетель-

ству известного православного писателя Захария Копыстенского, порядочный человек стыдился вступать в него» (*Левицкий О. С.* 48).

И что самое замечательное, что происходило все это при Сигизмунде I и Сигизмунде II Августе, из коих последний, можно сказать, отличался отсутствием всякого фанатизма и полной веротерпимостью.

«Последние Ягеллоны на польском престоле Сигизмунд I и Сигизмунд II Август (1501–1572) были равнодушны к религиозной борьбе, завязавшейся в их соединенном государстве. Сигизмунд Август, мягкий и праздный гуляка, воспитанный среди новых веяний, по словам русского историка В.Ключевского, под рукой, насколько позволяло государственное его положение, даже покровительствовал новым учениям, сам выдавал для чтения протестантские книги из своей библиотеки, в придворной церкви допускал проповеди в протестантском духе; ему было все равно, при выезде из дворца, в праздник куда ехать, в костел или в кирху. Покровительствуя протестантам, он благоволил и к православным» (*Ключевский В.* История. Т. III. С. 125).

Такое же мнение о нем и аббата Руджиерро, который, в своем донесении о состоянии Польши писал папе в 1568 году о Сигизмунде II: «Что касается его религиозных убеждений, то, по-видимому, он не жаркий ревнитель Апостольской столицы» (*Niemcewicz J.U.* Zbiór pamitnikuw. Т. 3. S. 10. Warszawa, 1822).

Сигизмунд I ревнивей других относился к своему праву верховного патроната католической церкви в пределах своего государства и строго преследовал так называемое тогда кортезанство, т. е. искательство духовных должностей и достоинств непосредственно у самого папы. При нем впервые было сделано постановление, чтобы уплачиваемые папе епископами и прелатами, при вступлении в должность, аннаты были впредь вносимы в государственную казну. Этот взгляд на свои права в отношении римо-католической церкви Сигизмунд I с еще большей настойчивостью распространял на Церковь Православную, которой причинил более значительный вред, ибо она не имела такого защитника, как папа. С прекращением династии Ягеллонов наступила эпоха постоянной борьбы за королевский престол, и даже такому одаренному человеку, как Стефан Баторий, не было охоты бороться за свои прерогативы с католической церковью, а засим пришел ставленник иезуитов Сигизмунд III. Католическая церковь в Польше заняла свое господствующее положение, епископат оказался главным сотрудником короля. Католическая церковь не только вышла из-под всякого королевского давления, но сама стала давить на короля.

И в то же время прежнее право подавания незыблемым осталось в отношении Церкви Православной. Оно дало возможность предшественникам Сигизмунда III, в особенности Стефану Баторию, который прочно держался за эту привилегию, **подготовить тот личный состав православной иерархии, который частью по своекорыстным побуждениям, а частью от отчаяния махнул на все рукою и отпавился на поклон в Рим.**

Самое замечательное, что не только в сознании современников, но и в наше время не усматривалось никакого противоречия между теми началами веротерпимости, которые постоянно утверждала польская конституция, и между той фактической властью польских королей, которая давала возможность им наполнять жизнь Православной Церкви тем содержанием, какое им было угодно. Насколько это вмешатель-

ство, путем подавания и патроната, в жизнь Православной Церкви стало плотью и кровью польской государственной мысли, видно из того, что следы эти сохранились до сего времени и попали в такой странный для них документ, как «Временные правила об отношении правительства к Православной Церкви в Польше». Правда, там они носят несколько иной и зачаточный характер. Наподобие старинной инвентуры кольцом и посохом, скромный современный уездный староста должен вручать настоятелю прихода должностную печать. Стремление администрации сохранить и присвоить себе право ставить в зависимости от себя распоряжение всеми церковными должностями является до некоторой степени отзвуком старого королевского права подавания, которое принесло такой замечательный и пышный плод в смысле разложения Православной Церкви в Польше. Ту раздачу «хлебов духовных», которую с большой выгодой для себя и с большим ущербом для Православной Церкви упорно защищала королевская власть, современная администрация желает сохранить за собою в формах более новых, но носящих тот же характер внедрения во внутреннюю жизнь совершенно чуждого и, в конце концов, враждебного католическому сознанию организма Православной Церкви. Хотя этим попыткам и противостоит Конституция Польской Республики, признающая полную внутреннюю свободу жизни Православной Церкви, но, если Конституция королевской Польши не помешала даже королеве Боне распоряжаться внутренними церковными отношениями, то и современная Конституция является лишь бумажным препятствием к этому чрезвычайно опасному стремлению современной государственной власти явиться вновь хозяином раздачи «хлебов духовных». Правда, нет сейчас тех огромных имений и тех колоссальных богатств, которыми обладала Православная Церковь. Все теперь убого и бедно, но и масштабы ныне иные, и даже 50 золотых государственного пособия в условиях современной жизни часто для сельского священника являются поистине «хлебом духовным».

Это значение права подавания признается в полной мере и новейшими историками, которые стремятся в интересах настоящего облагородить прошлое и представить его в более приемлемом виде. В этом смысле любопытна работа К.Ходыницкого, о которой мы уже говорили. Его работа, по-видимому, писана в России, в ней также затушевывается все то, что неблагоприятно освещает политику литовских князей и польских королей в религиозном вопросе в отношении православных. Он желает изобразить преследование православных в смысле преследования элементов сепаратистических, он подчеркивает заботу польских королей о внутреннем положении Православной Церкви, но он не может скрыть, что чем больше польские короли заботились о Православной Церкви, тем положение Православной Церкви становилось тягостнее:

«Иное дело, что в действительности сама передача имущества влекла за собою и получение сана, что решающим моментом было не посвящение митрополитом, а передача имущества».

Сигизмунд Август не считался совершенно с желаниями общества, наоборот, он полагал его совершенно некомпетентным в вопросе, кому занимать епископскую кафедру. Управлял совершенно самодержавно». В ответ на пожелание шляхты, заявленное в 1565 году, чтобы на духовные должности были выбираемы надлежащие лица, король ответил: «Только королю надлежит знать, кому следует давать, в силу

ласки королевского величества, как духовные звания, так и иные должности своим подданным слугам, согласно заслуг каждого».

«Резюмируя вышеизложенные доводы, можем сказать, что влияние короля на иерархию наибольшим образом выразилось в назначениях высшего духовенства. Согласно собственному заявлению Сигизмунда Августа, право подавания епископий принадлежит исключительно королевской власти».

И все это на фоне полной необеспеченности правового положения духовенства и в то время, когда все покоилось на голой силе.

«Владыки и низшее духовенство не были уверены ни в своей безопасности, ни в своих имущественных правах. Опасность грозила им одинаково от сильных магнатов, так и от мелкой шляхты. Насилия совершали одинаково и католики, и православные» (*Chodyncki K. S. 71, 72, 73, 76 i 79*).

Такова, несмотря на все прикрасы, на всю лирику, действительность. Положение Православной Церкви оказалось еще более трудным с момента Люблинской унии 1569 года. Это замечательное дело Сигизмунда II перемешало между собой земли Западной Руси, Литвы и Польши. Она явилась соблазном для католической шляхты захватить просторы западнорусских земель, а для шляхты русской — получить привилегии шляхты польской в отношении народа. Народ проиграл, дворянство выиграло. Литовско-Русское государство до Люблинской унии не знало того рабского положения народа, той обезличенности, в котором польская шляхта держала польское крестьянство. Польская шляхта стала бросать родные места и двинулась в поисках за лучшим на Волынь, в Подолию, в Киев. Она несла с собою свои привычки, свои взгляды на холопа, свое стремление к шляхетской вольности.

Здесь, в Люблине, были посеяны семена будущих казацких войн.

О.И. Левицкий последствия Люблинской унии изображает в таких словах:

«Приближалась знаменитая Люблинская уния (1569 г.), окончательно объединившая Литовское княжество с Польшей и открывшая эпоху полного господства в нем польского влияния. Успех этого дела, задуманного еще при Ягелле и с особенною энергией подготовляемого правлением обоих Сигизмундов, был рассчитан на поддержку и сочувствие многочисленного в Литве и Юго-Западной Руси сословия земян и бояр — потомков дружинников русских князей или рыцарей литовских и иноземных, хотя и владевших поземельной собственностью, но лишь на ленном праве, а не на праве собственности, и поставленных не только в полное подчинение по отношению к великому князю, но, сверх того, находившихся в известной зависимости от более крупных ленников, бывших удельных князей и других литовско-русских магнатов. Действительно, польский сословно-общественный и политический порядок, с его пресловутою шляхетскою вольностью и равноправностью, действовал на членов этого сословия с непреодолимою заманчивостью. Они хорошо понимали, что водворение того же порядка в Литовском княжестве и соединенных с ним русских землях сулило им ряд таких важных выгод, как юридическое уравнивание их с потомками удельно-княжеских родов и другими магнатами, приобретение прав полной земельной собственности, закрепощение живших на их землях до того времени лично им совсем не подчиненных и, наконец, ограничение зависимости от великокняжеской власти и приобретение влияния на ход

политических дел в государстве... Она положила конец существованию древнерусских сельских общин с их правом самосуда и свободно-землевладения, уничтожила прежнее разнообразие сословных групп, дотоле чуждых строгого разграничения и взаимно друг с другом сливавшихся, и разбила все население на две резко отделенные одна от другой сословно-общественные категории: шляхтичей и людей посполитых... Новые сословно-шляхетские идеи столь интенсивно действовали на умы западнорусских дворян, что даже как бы затмевали в них сознание национальной их индивидуальности: в юридических актах и других памятниках тогдашней письменности все реже встречается прежнее противопоставление “Руси” и “Ляхов”, их племенное различие как бы игнорируется и они обыкновенно сливаются в одном сословном термине: “шляхта и рыцарство закону греческого и римского”. Но на деле и это последнее, вероисповедное, различие постепенно теряет свою прежнюю силу...

Сообразив все вышесказанное, — говорит О.И. Левицкий, — не трудно представить, как все эти печальные последствия общественного перелома, связанного в истории Юго-Западной Руси с эпохой Люблинской унии, должны были отразиться на положении и судьбе западнорусской Православной Церкви. Прежде всего, сословная исключительность окончательно разрушила прежнее единение клира и мирян — представителей всех слоев западнорусского общества — и парализовала их совместное служение интересам Церкви. Самый клир, под влиянием сословной идеи, распался теперь на две резко разграниченные группы: высшая иерархия вместе с немногими представителями белого духовенства образовала из себя “шляхту духовного стану” и скоро совершенно слилась во всем с “панами шляхтою станов светских”; а низшее духовенство зачислено было в ряды “посполитого стану” и вместе с ним обречено на жертву самовластию и полному произволу со стороны “станов шляхетских”, в руках которых оставалось прежнее право “подавания”; только теперь это право было развито в целую систему» (*Левицкий О. С. 39–42*).

Вот те причины, которые подготовили такой легкий переход иерархии в церковную унию. Казалось, что она, эта церковная уния, завершит собою дело политического уравнивания высших слоев, в том числе и духовных, на землях бывшего Великого княжества Литовского и Короны и уничтожит ту разницу в положении, которая была между духовенством римского и греческого закона.

В действительности, идя на эту унизирующую унию и создавая раскол в западнорусской Церкви, православная иерархия не учла соотношения политических сил в тогдашней Речи Посполитой. Она допустила ту же ошибку, которую допустило дворянство западнорусских и литовских областей, согласившееся на Люблинскую унию.

Положение Православной Церкви после Брестской унии оказалось таким же печальным и в той части, которая перешла в унию, как и в той части, которая осталась в благочестии. Но все же можно спросить себя: что же получила в результате унии, уступив в этом требованию польского правительства, Православная Церковь, ее иерархия и клир?

Послушаем, что по этому поводу говорит правоверный и всеми признанный авторитет, кс. Валериан Калинка, в своем знаменитом труде «Четырехлетний Сейм» (*Ks. Walerjan Kalinka. Seim Czteroletni. Wyd. 4. Kraków, 1895*).

Во втором томе труда кс. В.Калинки находится параграф 150, посвященный униатским делам. Все, что там описано, происходило в 1790 году, то есть почти двести лет спустя после введения Брестской унии, и вот что говорит автор.

12 июля 1790 года был поднят в сейме вопрос униатства, сразу же последовало предложение обычное и трафаретное, оставив вопрос без разрешения, ибо «Речь Посполитая не погибнет, если мы не закончим этого проекта рассмотрением». Так говорил, между прочим, некий Суходольский, представитель холмский. Однако более благоразумные заметили, что «пока не будет введен лучший порядок в русские отношения, ни одно правительство не спасет Речи Посполитой». Таково было мнение еп. Нарушевича, Немцевича, Чапского, маршалка Малаховского и других.

Первым пунктом предложенного проекта было предоставление униатскому епископу места в Сенате; об этом еще в 1595 году просил папа Климент VIII польского короля Сигизмунда III. Автор при этом отмечает, что, когда после Флорентийского собора польский король Владислав Варненчик признал в своих государствах унию и соборные постановления, то он по соглашению с кардиналом Збигневом Олесницким издал диплом, в силу которого все привилегии латинского духовенства были признаны также и за духовенством русским до тех пор, пока оно будет оставаться в единении с Римом. Имело это место в 1443 году. Однако оказалось уже тогда неудобным русскому владыку садить рядом с «латинским епископатом, светлым, европейски воспитанным». А о воспитании этого «светлого» епископата мы говорили немного выше.

Автор сам удивляется тому факту, «что в течение четырех веков духовные начальники Руси не имели никакого участия в советах и в правительстве Речи Посполитой даже тогда, когда стали католиками». Сделать ничего нельзя было, хотя этого хотел Сигизмунд III и об этом просит папа. Этот «расположеннейший приятель Польши прекрасно понимал, какую огромную силу приобретет уния путем такого уравнивания в правах епископов обоих обрядов». Дело шло о месте в Сенате, однако сейм этого не допустил.

«Не желали видеть латинские епископы русских владык рядом с собою и приходили в негодование от самой мысли, что некоторые из них могли бы сесть ниже русского (русина)». «История унии на каждой почти странице печально выявляет, что латинские епископы, за весьма незначительными исключениями, ей не помогали, оставаясь во вредном безразличии и не один раз ей вредя. Чувствуя, что они покинуты своими братьями, русские владыки, поистине, должны были обладать доблестью, чтобы оставаться верными Апостольской столице».

Словом, как один современник, по словам автора, заметил: «Не может это соответствовать Речи Посполитой и не отвечает христианской любви, если греческому обряду при полной тождественности с латинским награда обещана только на том свете».

Станислав Потоцкий говорил в сейме: «Допущение в Сенат русских епископов не является какой-либо уступкой с нашей стороны; это предоставление им того, что давно им принадлежит, затем это повлияет на греческое духовенство, которое до сего времени чувствует себя среди нас чужим, а увидев, что мы его уважаем и просьбы его принимаем во внимание, иначе будет влиять на народ. Уравняем в

правах греческий клир с нашим, тогда и русский народ перестанет обочиваться на восток».

Мы видим, какими способами нужно было доказывать 200 лет спустя после унии право униатского митрополита на место в Сенате. Оно было дано накануне падения Речи Посполитой, и даже в этот момент все же униатскому митрополиту дали место ниже католических епископов. Соответствующее определение сейма говорит:

«Осуществляя обещания наших предшественников, мы, король, вместе с заседающими сословиями, признавши большую чем когда либо потребность оказания расположения нашего в отношении русского обряда соединенного с Римской Церковью, а равно и для духовенства того обряда, выявившего верность королю и отечеству, предоставляем архиепископу митрополиту Киевскому и всей Руси и преемникам его, в унии находящимся, место в Сенате после бискупов и обязываем его к даче сенаторской присяги».

Такое положение униатской иерархии не могло не отразиться и на самом духовенстве. «Без школ и семинарий масса приходского духовенства на Руси оставалась в самом печальном запустении и, можно сказать, что его уровень мало возвысился за 200 лет в сравнении с тем моральным упадком и темнотою, в каком уния в конце XVI века получила его от схизмы».

Вина в этом падает на орден базилианов.

«Чем в Речи Посполитой была шляхта в отношении крестьян, тем был он в Русской Церкви в отношении светского духовенства. *Ordo praelaticus*, как его называли, захвативши в свои руки все власти, все должности и церковные имущества, не проявляя никакой заботы о светском духовенстве, оставлял его умышленно заброшенным, держал его в темноте и унижении, как это утверждают авторитетные исследователи, для того, чтобы не встретить в нем опасного конкурента».

Вот общая характеристика приходского духовенства 200 лет спустя после унии, каковая уния должна была как раз укрепить нравственно и возвысить умственно это духовенство.

«Простой священник, грубый, сомнительной веры, скорее суеверный, чем верующий, дрожащий от страха перед епископом или его заместителем, от которых не получает никакой заботы и при каждой встрече должен их оплачивать; терпящий пренебрежительное отношение от помещика, высокомерное от комиссара, во многом зависящий от жида; бедный и в постоянных заботах, как прокормить свою семью, как своих сыновей освободить от холопства, хитрый и униженный, какими всегда бывают люди, которых судьба угнетает в течение длинных поколений, и в конце забывающий свои печали в водке — вот образ современного приходского духовенства на Руси с весьма редкими исключениями. Не нужно говорить, что такой священник не мог быть привязанным к Церкви, которой не знал, не имел основания любить Речь Посполитую, от которой ничего доброго не видел, и что рад был слушать всякие нашептывания, которые обещали ему лучшую судьбу под властью иностранного правительства. Широкий посев злого дал, естественно, и буйный плод».

Меланхолическими словами заканчивает автор свое исследование:

«Было перед Ростоцким от времени возникновения Брестской унии пятнадцать митрополитов в сей Руси, соединенных с церковью като-

лической, но кресло сенаторское занял лишь тот, кто оказался последним католическим митрополитом всей Руси. От начала до конца фатальное “**поздно**” тяготело на этих делах; в каждом столкновении и при каждой возникавшей потребности не хватало времени именно потому, что не умели этим временем распорядиться» (*Kalinka*. Т. II. С. 396–426).

И можно ли после всего того, что говорит правоверный католик кс. Валериан Калинка, говорить о каком-то культурном значении унии в жизни православного народа в Польше и об унии как средстве вывести православное духовенство из того состояния темноты и невежества, в котором оно находилось в XVI веке? Общий голос, как русских, так и польских историков, приводит к несомненному выводу, что никакого положительного значения уния не имела, что раскол, ею вызванный, ослабил нравственность народа и самым печальным образом отразился на судьбе польского государства.

Нужно ли после этого удивляться, что, как только изменились политические и культурные условия, как только с униатским духовенством заговорили человеческим языком, как только иерархия перестала стремиться к уравниванию себя в пороках с польской шляхтой и занялась действительной заботой о вверенном ей населении, население пошло за иерархией и вместе с духовенством, без всякого труда, освободилось от искусственного образования унии. Дело не в насилиях русского правительства, а дело в насилиях католического клира и ордена базилианов, которые двести лет угнетали униатское духовенство, которое при первой возможности вырвалось из душных тисков.

Посмотрим же теперь, во имя же чего, каких задач, государственных и народных — православная иерархия пошла на тот трагический раскол, последствия которого и сейчас отражаются на судьбах возрожденной Польши, создавая соблазны и угрожая ослаблением государственного организма.

К.Н. Николаев

Воссоединение униатов с Православной Церковью в 1839 году и Конкордат Рима с Россией в 1847 году

Конец XVIII и первая половина XIX столетия были для папской власти эпохой особенно тягостных испытаний, и к этим испытаниям, в сущности, мало что прибавило даже взятие Рима войсками генерала Кадорны 20 сентября 1870 года. Тогда была утрачена только светская власть над папской областью, а бедствия, открывшиеся великой французской революцией, грозили самому существованию власти римского папы, как главы католической церкви.

Французское духовенство так же, как испанское духовенство в наше время, приветствовало великую французскую революцию. Революция сначала отняла церковные имущества, объявив их национальной собственностью. Имущества эти, стоимостью свыше 3 миллиардов франков, никогда не были возвращены духовенству. Затем было объявлено гражданское устройство духовенства, и, казалось галликанизм навсегда утвердился во Франции, и папская власть, в сущности, потеряла всякую связь с этой страной.

Что вообще произошло во Франции в это время в религиозной области, очень красочно рисует английский историк Маколей:

«Наконец произошла революция. Погибла древняя Церковь Франции, со всем своим блеском и богатством. Некоторые из ее священников купили себе содержание отпадением от Рима и произвели новый раскол. Некоторые, радуясь новому своеволию, сбросили с себя священнические одежды, объявили, что вся жизнь их была обманом, оскорбляли и преследовали религию, которой были служителями, и отличались даже в якобинском клубе и парижской общине своею наглостью и жестокостью. Другие, более верные своим убеждениям, были убиваемы без суда десятками: их топили, расстреливали, вешали на фонарных столбах. Тысячи покидали родину, ища убежища под защитой вражеских алтарей. Церкви были запорты; колокола смолкли; мощи подверглись грабежу; серебряные распятия были сплавлены. Шуты, одетые в ризы и стихари, являлись, танцуя карманьолу, у решетки Конвента. Бюст Марата заменил статую христианских мучеников. Непотребная женщина, восседающая на богатых креслах в алтаре собора Notre-Dame, прини-

мала поклонение нескольких тысяч людей, которые восклицали, что наконец-то в первый раз древние готические своды огласились звуками истины. Новое безверие было столь же нетерпимо, как и древние пред-
рассудки. Показать почтение к религии значило возбудить подозрение в нерасположении к современному порядку. Не без страшной опасности священник крестил дитя, соединял руки любящих или слушал исповедь умирающего (*Маколей. Собрание сочинений. Т. IV. 1862. С. 131*).

Можно подумать, что описываются события в большевицкой России или еще недавно имевшие место в Испании.

Нужно признать, что революция повторяется и что выдумки революции весьма бездарны и однообразны.

Во всяком случае, выход Наполеона на историческую дорогу, в составе пока Директории, открывал новые пути и для католической церкви, для восстановления ее покоя и традиций. Приводя в порядок пореволюционную Францию, убирая мусор революции и сохраняя то, что имело свою ценность, Наполеон пришел к выводу, что пора ему сговориться с Римом, ибо он тогда уже предчувствовал, что Римский первосвященник понадобится ему для его собственных целей. Попытка восстановления католической церкви во Франции была не столь легкой, хотя Наполеон понимал, что «самый страшный враг сейчас атеизм, а не фанатизм».

Насколько было трудно вернуться к нормальным взаимоотношениям государства и Церкви, видно из собственного утверждения Наполеона: «Мне было труднее восстановить религию, чем выиграть сражение».

В конце концов Наполеон, уже будучи первым консулом, заключил конкордат с Римом в 1802 г., при некотором недоумении своих политических друзей. Заключен был этот конкордат Наполеоном не столько для папы, сколько для себя, в целях придания прочности своей собственной власти.

«15 июля 1801 года был подписан конкордат — соглашение Франции со святейшим престолом.

18 апреля 1802 года, в Светлое Христово Воскресение, на первом после революции торжественном богослужении в соборе Парижской Богоматери, объявлен Ямьенский мир и конкордат — мир с людьми и Богом. Снова, после девятилетнего молчания, зазвучал над Парижем соборный колокол, и ему ответили колокола по всей Франции “Христос Воскресе”» (*Мережковский Д. Наполеон I. Т. 2*).

Однако конкордат 1802 года вовсе не являлся восстановлением дореволюционного положения католической церкви во Франции.

«Из старого церковного строя Наполеон восстановил только внешние формы и власть светского правительства над церковью. От революции он удержал основной принцип — упразднение всякой общественной власти духовенства, свободу и равноправность вероисповеданий».

Наполеон I вернулся к «просвещенному деспотизму» и галликанской церкви. В силу конкордата, заключенного с папой, он признал церковь учреждением официальным; он официально восстановил иерархию духовенства и предоставил ему все официальные почести, содержание от государства, изъятие из военной службы и право иметь свои семинарии. Но этому восстановленному духовенству он не вернул ни-

какой власти над мирянами, не вернул ему ни заведования метриками, ни права цензуры, ни надзора за школами, никакой материальной власти над своими членами, ни обязательных обетов, ни средств к понуждению. Он не предоставил ему даже внутренней свободы, признаваемой за каждым частным обществом при разделении Церкви и государства. Он подчинил его светскому государству, как сословие должностных лиц, и присвоил себе старую власть короля над галликанской церковью» (*Сеньобос Ш*. Политическая история современной Европы. СПб., 1897. Т. 2. С. 632).

Уже в момент опубликования Наполеоном конкордата для понимающих людей было ясно, в чем дело. В ином масштабе и в иной исторической обстановке происходило то, что сейчас происходит между папой и Муссолини.

«Таков был достопамятный договор, коим Пий VII предоставлял солдату, неизвестному за пять или шесть лет перед сим в Европе, те права на первенство в духовных делах, за которые предшественники его столь многие века состязались со всеми европейскими государями. Пуританин мог бы сказать о державе Семи Холмов: «Пал Вавилон! Пал великий град». Строгие католики были того же мнения. «Конкордат, — говорили они, — скорее показывает унижение Римского престола, чем восстановление Французской церкви» (*Скотт Вальтер*. Жизнь Наполеона Бонапарта. СПб., 1831. Ч. IV).

И не следует удивляться, что при первом же столкновении с папою Наполеон, уже император французов, показал свое настоящее отношение к Риму.

Конкордат был опубликован 18 апреля 1802 года, и одновременно, но уже без всякого соглашения с Римом, были обнародованы «органические статьи».

«Эти правила, как старые галликанские правила, касались проверки актов курии и постановлений иностранных синодов и даже постановлений общих соборов, подлежащих *placet*. Восстанавливалось со стороны императора запрещение епископам собираться в пределах Франции на соборы без разрешения правительства, а равно выезжать из пределов епархии, а равно право апелляции путем обращения к Государственному совету.

Всего этого во время переговоров папа не признавал» (*Лавис и Рамбо*. История XIX века. Т. I).

При вступлении на престол Наполеон уничтожил духовные ордена и восстановил старые законы, направленные против религиозных орденов, требующих пожизненного обета.

При этом католическая религия была объявлена религией «преобладающего большинства французской нации», и публичное отправление культа гарантировано, то есть то, что сделала и польская конституция.

Согласно ст. 13 конкордата, папа «ради сохранения мира» заявляет, **что ни он, ни его преемники никаким образом не потревожат тех, в чье владение перешли отчужденные церковные имущества**, и что, следовательно, право собственности на эти имущества остается бесспорным как за ними, так и за их наследниками.

2 декабря 1804 года папа Пий VII короновал Наполеона в Париже, от принятия причастия Наполеон отказался, во время коронавания вырвал из рук папы корону и сам на себя ее возложил, папа лишь совершил миропомазание. Такого коронавания не было со времени Пипина

Короткого. Кроме того, 26 мая 1805 года Наполеон короновался в Милане железной короной.

Эти уступки папы нужно объяснить общим политическим положением и тем, что все же конкордат 1802 года был первым после конкордата 1516 года.

Затем начались осложнения. Поведение Наполеона как бы служит примером подражания для Муссолини.

Под предлогом, что папская область может быть занята враждебными войсками, Наполеон 13 февраля 1803 г. писал папе: «Вы владыка Рима, я же император; мои враги должны быть Вашими». В результате генерал Миолли вступил в Рим 1 февраля 1808 года. Рим оказался оккупированным. После 14 месяцев оккупации, в течение какого времени папа жил пленником в Квиринале, не имея возможности сноситься с кардиналами, из которых 24 были сосланы, декретом из Вены от 17 мая 1809 года, Наполеон объявил папские владения присоединенными к французской империи, а Рим «свободным имперским городом». Таким образом, светская власть папы упразднилась; Наполеон взял назад у св. престола дар Карла Великого, «своего славного предшественника». Наполеон мечтал о водворении папы в Париже.

10 июня папа издал буллу об отлучении Наполеона. Наполеон напечатал в мониторе, что, согласно принципам галликанской церкви, папа не вправе отлучать французского государя.

В ночь с 5 на 6-е июля жандармский генерал Родэ окружил Квиринал и потребовал отречения папы от светской власти, грозя увести из Рима. Папа не подчинился и был увезен вместе со статс-секретарем кардиналом Пакка.

«Больше никакой пощады», — пишет Наполеон Мюрату.

Через Флоренцию, Турин, Гренобль папу отвозят в Савонну (20 августа 1809 года), разлучив со статс-секретарем. Папа отклонил предложение поселиться в Париже с содержанием в 2 миллиона франков.

Император велит отправить всех кардиналов и папскую канцелярию в Париж, туда же думает переселить и папу, чтобы иметь его под рукою в полной власти. Впоследствии перевозят его и заточают в Фонтенебло, где заставляю подписать второй конкордат с отречением от мирской власти 25 января 1813 года. Папа от этого конкордата вскоре отказывается. В Фонтенебло он живет под надзором жандармского офицера. С 1810 г. отняты у него секретарь, все бумаги, даже чернила и перья. Но он остается тверд: «Дело идет о нашей совести, и тут от нас ничего не получают, если бы даже с нас содрали кожу».

Папа выигрывает борьбу. Наполеон чувствовал, что весь мир его осуждает. Популярность Пия VII росла. Наполеон все свалил на Мюрата. (Сведения взяты из трудов Д.Мережковского и «Истории» Лависа и Рамбо).

Наполеон пал, и в Париже появился освободитель Европы, русский Император Александр I.

Союзники, под главенством Императора Александра I, восстановили папу в его светских владениях, а папа восстановил у себя все то, чего не нужно было восстанавливать. Католическая реакция охватила папскую область, Испанию, Португалию, отдельные области Италии. Однако, Австрия и Франция сохранили свое господство над церковью, сохранили свободу веры. В Австрии продолжал господствовать иоси-

финизм, во Франции продолжал действовать конкордат Наполеона. Папа осудил хартию, данную Франции восстановленными Бурбонами.

После столь бурной и тревожной событиями жизни папа Пий VII получил заслуженный отдых, прожил еще несколько лет и умер 20 августа 1823 года.

Наступили более спокойные времена папы Льва XII и Пия VIII. Правда, конец понтификата последнего был захвачен июльской революцией 1830 года, эхом отразившейся по всей Европе и вызвавшей, между прочим, польское восстание 1831 года.

Положение папского престола снова усложнилось.

Пия VIII сменил Григорий XVI (1830–1846 гг.). Он пытался также бороться с духом времени, осудил бельгийскую конституцию потому, что она принимала свободу вероисповедания, осудил французских либеральных католиков.

Французский историк иезуит Буду так обрисовывает эту эпоху.

«Наследник Пия VIII папа Григорий XVI застал Европу в разгаре кризиса. От июльских дней шла гроза, возбуждающая людей, рушащая троны; все, что было искусственного и временного в здании, построенном в Вене (Венский конгресс 1814 года), грозило падением. Якобинизм, полный анархического чувства, часто скрывается под формой либерализма... Ирландия, Испания, Бельгия, Польша, Италия кипели в огне восстания... Часть папских провинций бунтует, а у папы нет войска, и он вынужден, использовав мирные средства, обратиться за помощью к непопулярной Австрии... Григорий XVI остался владыкой, который царствовал, но не управлял... Скорее теолог, чем правитель, он предоставил власть государственному секретарю Ламбускини, генуэзцу, стороннику абсолютизма». К этому мнению присоединяется Буду (*Ks. A. Boudou, Stolica wikta a Rosja. Krakuw, 1928. T. I. S. 188—189*).

Григорий XVI осудил польское восстание 1831 года. Осудил потому, как говорит Буду, «что революция была вызвана людьми безразлично или даже враждебно относящимися к католичеству, которые после совершения решительных шагов хотели привлечь к себе массы через духовенство». И таким образом, поясняет далее историк, «нет ничего удивительного, что новый папа видел в польском движении скорее революцию, чем крестовый поход, а революции, начиная с польской 1830 года, были враждебны религии». А потому папа писал польским епископам 15 февраля 1831 года: «Церковь ненавидит шум оружия и бунты; все, что нарушает покой государства, строго воспрещено Божиим слугам, ибо Бог Творец вселенной и явился, чтобы принести на землю мир» (*Буду. Цит. соч. С. 197, 198*).

Такое отношение вызвало в Польше угнетенное настроение, а во Франции аббат Ламене пламенно протестовал, однако ничего не изменилось.

К этим общим явлениям прибавилось событие, долго зревшее и наконец разразившееся воссоединением униатов, что тот же иезуит Буду назвал «катастрофой 1839 года».

12 февраля 1839 года в Полоцке состоялся акт соборного соединения униатской иерархии и народа с Православной Церковью. Против «катастрофы» не заявляют протеста, и протест папы Григория XVI, весьма вялый и запоздалый, был заявлен в заседании консистории только 22 ноября 1839 года. Острые протеста было направлено не против

русского правительства, в котором папа не мог не видеть основы покоя и порядка в разволновавшейся революционной Европе, а против «тех представителей иерархии, которые разорвали свою связь с католичеством, вовлекая в новое отступничество значительную часть духовенства и народа, вверенного их попечению», тех, кои «несчастною и навсегда прискорбною изменою» свели на нет так называемую Брестскую унию.

На этом пока можно было поставить точку, и хотя новый государственный секретарь, глава ультрамонтанской партии кардинал Ламбускини на донесении о событии 1839 года написал: «Дело это исключительного значения. Необходимо быстро и серьезно им заняться», но в сущности заниматься было нечем, ибо так называемая уния, созданная на соборе в Бресте в 1596 году, к 1839 году совершенно себя изжила и являлась истлевшей шелухой на живом организме народа. Народ шелуху сбросил и вернулся к вере дедов — Православию. Заслуга митрополита Иосифа (Семашко) только в том, что он постиг потребности народа и помог этому естественному процессу.

Катастрофа 1839 года на некоторое время отвлекла внимание Рима от более серьезных вопросов, связанных с положением католической церкви в России. Выразив все то, что надлежало выразить по поводу «несчастной и навсегда прискорбной измены» Иосифа Семашко, Рим перешел к очередным делам, и в частности к попытке достижения своих постоянных целей в России.

Со времени Екатерины II накопилось много сложных вопросов, а главное, политическая мощь России, в особенности после наполеоновских войн и Венского конгресса 1814 г., на котором первую роль играл «освободитель» Европы русский Император Александр I, была очевидна всякому, а искусенному в политике Риму больше, чем кому-либо другому.

«Без помощи русского двора папа не может ничего надеяться и даже должен опасаться новых потерь», — писал кардинал Консальви во время Венского конгресса, и эти слова помнил кардинал Ламбускини.

Нужно было попытаться у нового Императора достигнуть того, чего не удалось достигнуть у Александра I и что так неожиданно оборвалось при Павле I.

Ставленник Екатерины II митрополит Сестренкевич, человек, умевший отделять интересы римо-католической церкви в России от интересов римской курии, был «противником утверждения духовно-политического самовластия Рима в России». Он думал, что, сохраняя духовную связь с Римом, можно в самой России, при терпимости народа и государей, сочетать интересы католической церкви с государственными интересами к большой выгоде католиков — русских подданных. Он был противником допущения папского нунция в Россию, и пока жива была Екатерина, можно было этого не опасаться.

Экспансивный Павел I, увлеченный всемирными задачами, принявший на себя заботу о Мальтийском ордене, смотрел на вещи иначе, и в 1797 году, без всяких условий, в Петербург прибыл папский нунций граф Литта, епископ Фивский. Пребывание, однако, продолжалось недолго. Граф Литта стал во все вмешиваться, настаивать на свободном оглашении папских булл, вооружил против себя Сестренкевича и, наконец, заявил протест против назначения Сероковского, избранного Императором на Каменецкую кафедру.

В результате 29 апреля 1799 года последовал именной, данный генералу от инфантерии Беклешову указ о «нечинении исполнения по папским буллам без Высочайшего утверждения». Указ весьма краткий и энергичный:

«Нашед ненужным всегдашнее пребывание Папского посла при Дворе нашем, еще менее правление его католическою церковью в Империи нашей, рассудили мы за благо: окончив нунциатуру архиепископа Фивского, повелеть ему оставить и владения наши, начальство же над духовенством католическим препоручить митрополиту Сестренкевичу, от коего во все епархии и послано будет о сем извещении. Вам через сие предписываю: впредь иметь наблюдение, дабы Папа, невзирая на изгнание его из престольного града и странствования по разным местам, не послал к епископам или другим начальникам духовных католических властей в приобретенных Польских губерниях булл, могущих произвесть недоумение и клонящихся на присвоение себе власти управлять оным краем. В таковых случаях подобные повеления Папские не допускать и не терпеть по ним никакого исполнения без предварительного утверждения нашего» (Полное собрание законов № 18949).

К этому надлежит добавить, что графу Литта было приказано оставить Петербург в 24 часа.

При вступлении на престол Императора Александра I, была сделана попытка прислать нунция в виде специального посла для принесения поздравлений. В суматохе новое правительство согласилось, потом спохватилось, но было уже поздно; назначенный послом Ареццо прибыл в Вену, но по совершенно случайной причине, по случаю выдачи папским правительством Наполеону I французского эмигранта Вернета, состоявшего на русской службе, поездка Ареццо в Петербург не состоялась.

На коронацию Николая I прибыл специальный посол папы, губернатор Рима монсиньор Бернетти. Однако его миссия никаких особых результатов не принесла. Бернетти, по-видимому, в обстановке не разобравшись и никакого плана действий не выработал.

Русское правительство всегда придавало серьезное значение вопросу положения римо-католической церкви в России, оно только не признавало, что папа — это церковь. В этом сущность всего вопроса. Не признавало по соображениям государственным, понимая, что свободная деятельность римской курии в России ни к чему хорошему не приведет, ибо Рим немедленно вступил бы в борьбу с господствующей Православной Церковью. Борьба эта не могла быть допущена. Рим интересовался не столько положением католиков в России, сколько своей собственной ролью. Рим не мог представить себе согласования интересов католичества и Православия, и потому тянулся вековой конфликт Рима и России, причина которого лежала в характере куриального устройства римской церкви.

В 1807 году, по поводу войны с Наполеоном, митрополит Сестренкевич писал духовенству: «Мы исповедуем веру свою в России без малейших стеснений и с такой свободой, как бы она была верою господствующей». **Несомненно, исповедание веры было совершенно свободно, деятельность же Рима была связана.** Любопытно отметить, что в то время, когда Александр I не трогал церковных имуществ, национальное польское правительство в Царстве Польском на-

чало их отбирать. Правильно заметил один наблюдатель, что, посмотрев на пышные здания костелов и на скромные здания православных церквей, никак нельзя было сказать, что католичество в России преследуемо.

Основное неудовольствие Рима сводилось к учреждению главного управления духовных дел в России.

«Чего же недоставало для ультрамонтанистов и чего им было нужно? — спрашивает историк римского католицизма в России. — Ни более, ни менее требовали они для Рима, как полного владычества, а для римской веры господства в России, разумеется, с угнетением всех остальных христианских исповеданий, прямого, бесконтрольного сношения всех римско-католиков с папою, учреждения в Петербурге постоянной нунциатуры, которая заведовала бы церковью и духовенством по указаниям римского двора и облагала бы его аннатами* в пользу папы; им желалось бы уничтожить все правительственные распоряжения по духовной части, сделать невозможным всякое на него влияние правительства — одним словом, превратить Россию в папскую область».

Далее тот же историк изображает положение вещей таким образом:

«Вся римская система основана на эгоизме: Спаситель и религия назади, а на первом плане папа и духовенство. Прошли времена, когда папы возводили и низводили королей, когда с оружием в руках отстаивали свое могущество, когда проклятиями и отлучениями от церкви заставляли трепетать и преклоняться пред собою народы. Силы прежней нет, потеряно значение, возможное только среди младенчающего человечества, но желание, стремление, то, что называется система действий, остались те же, ибо цель не переменилась: как тогда, так и теперь, Риму нужно владычество. Только для достижения его употребляются по необходимости иные средства. Иерархическое устройство управления церковью, придуманное римским двором, состоит в том, чтобы внушить духовенству, что все зависит от Рима, чтоб оно служило ему, а потом уже религии. На этом начале образованы все монашеские латинские ордена, по этим побуждениям изъяты они из всякой зависимости от местных епархиальных начальников, и составляют как бы папскую гвардию, — генералы их в Риме, одному Риму нужно им угождать, чтобы получить разные преимущества своим сословиям; все это, разумеется, привязывает их к папе и заставляет забывать о благе церкви, которое невозможно при безначалии. По тем же видам самим епископам Рим дает разные духовные власти, без коих им невозможно исполнять своих обязанностей, только на известное число лет или на определенные случаи; как скоро срок истекает, епископы снова должны обращаться в Рим с прошениями о продолжении и этих властей, таких властей, повторяю, которые вовсе не составляют какого-либо исключения из общего правила, но, напротив, необходимы для епископского звания, ибо без них это звание осталось бы одним пустым титулом... Римский двор изобрел этот порядок, чтобы каждый епископ всегда помнил, что судьба его в руках Рима, что служит он только Риму» (Толстой Д. Римский католицизм в России. СПб., 1837. Т. 2. С. 433).

Результат этой системы был таков, что в начале царствования Императора Николая «папа с прискорбием обязан был, наконец, сознаться

в жалком состоянии епархий, находящихся в России, в развращении нравов и ослаблении чувств веры среди латинской паствы» (Там же. С. 438).

И все же дело сводилось к установлению того порядка церковного управления, который Рим считает единственно возможным.

Этому должны были, казалось, послужить совершенно случайные обстоятельства.

Император Николай I, ввиду болезни Императрицы Александры Феодоровны, оказался в 1845 г. в Италии и выразил желание посетить папу. Встречено это было в Риме с нескрываемым удовольствием и с большими надеждами на достижение своих целей.

Император Николай I был в расцвете своих сил, монархом могущественнейшей страны, где еще не чувствовалось веяний революционного духа. Религиозный, прекрасно воспитанный, рыцарского характера, он импонировал не только своим друзьям.

Подавление восстания в 1831 г. с точки зрения Рима говорило скорее в его пользу, как защитника законности против революции, той революции, с которой папе так трудно было бороться в своих собственных владениях. Было кое-что, что легче всего можно было установить путем личных объяснений, и в том числе история знаменитой Макрины Мечиславской, которая будто бы подвергалась истязаниям в России за исповедание своей веры. «Несмотря на то, что вся эта история носила подозрительный характер, — говорит иезуит Буду, — ибо легко в ней установить целый ряд неправдоподобных историй, при этом абсолютное отсутствие доказательств и каких-либо свидетелей, подтверждающих рассказ матки Макрины, однако поверили ей просто на слово». В настоящее время установлено, что все рассказы Макрины были сплошной выдумкой, однако в свое время им очень верили, и история Макрины служила одним из главных доказательств преследования католиков в России.

Император Николай I прибыл в Рим 1–13 декабря 1845 года и пробыл до 5–17 декабря.

«Несмотря на то, что Император путешествовал инкогнито, римское население встречало высокого путешественника с таким энтузиазмом, которого невозможно описать», — говорит очевидец.

«В самый день приезда Император посетил папу, который вышел к нему навстречу окруженный всем своим духовным и светским двором в парадных платьях и ввел его в свой кабинет. Их беседа продолжалась более часа и отличалась в высокой степени взаимным прямотушием и благосклонностью. Это незабвенное свидание, единственное в летописях Ватикана, произвело сильное впечатление на присутствовавших, возбудило чрезвычайное внимание всего города и заняло важное место в истории... Император учтиво отклонил, в виду преклонного возраста, ответный визит папы». Так рассказывает историк этих событий А. Попов (Сношение с Римом с 1845 по 1850 г. // Журнал Министерства народного просвещения за 1870 год).

Иезуит Буду рассказывает:

«Папа вышел к нему навстречу, царь, дважды глубоко поклонившись, с уважением поцеловал руку у св. отца. Папа его сердечно обнял, в ответ его обнял также и Николай. В этот момент, сказал папа, взоры всей Европы обращены на нас обоих, которые встретились в этом месте».

В записке, поданной Григорием XVI императору, Папа вспомнил о бреве к епископам польским по поводу восстания 1831 г., равно об энциклике от 15 августа 1832 г. к епископам всего света, в которой призывал к повиновению монаршей власти, к исполнению обязанностей отдавать кесарю то, что есть кесарево.

Другое доказательство твердости, с какою папа при всяком случае поддерживал это католическое правило, состоит в том, что депутат от революционного польского правительства, тайно отправленный в Рим, чтобы испросить покровительство святого престола, был торжественно порицаем за дерзость явиться в Рим с подобным поручением и был выслан вон (*Попов А. ЖМНП. 1870. № 11. С. 303*).

Таким послом был граф Себастьян Бадени, делегат Сейма, который действительно прибыл в Рим с адресом польского революционного правительства, подписанным князем Михаилом Радзивиллом, графом Владиславом Островским и Малаховским, представил этот адрес 2 июля кардиналу Бернетти, но папой принят не был.

Поведение царя было иным: самодержец, обыкновенно, столь в себе уверенный и настойчивый, был предупредителен, добр, обворожителен и чарующий, таким, каким умел быть (*Буду. Цит. соч. Т. I. С. 448 и след.*).

Передавая при первом свидании мемориал, в коем было изложено 22 положения, папа заявил Императору, что он передает его «не в его руки, а в его сердце».

Подготавливая Императора к свиданию с папой, министр иностранных дел граф Нессельроде полагал, при обсуждении вопросов между Римом и Николаем I положить следующие начала: 1) оставить и забыть все взаимные пререкания, которые были после польского возмущения, 2) считать совершившимся фактом присоединение униатов к Православной Церкви и отобрание церковных имуществ и не возвращаться более к этим вопросам, и 3) признать что латинская церковь в империи будет управляться на основании своих канонических правил и постановлений (*Попов. Т. I. С. 51, 52*).

В своем мемориале папа в первую голову поставил два вопроса; он подтвердил настойчивое возражение против существования духовной коллегии в России и выдвинул требование к установлению непосредственных сношений Рима с епископами и верными в России. Не только не возбуждался униатский вопрос, но также был обойден молчанием и вопрос об устройстве нунциатуры в России. Папа выдвигал начало, что «в качестве Главы католической церкви папа не может считаться чужестранною властью для католиков, в какой бы стране земного шара они не обитали... Государи светские могут отменять или изменять свои законы, но святой престол не может изменять начал католической веры и произвольно отменять правила церковной дисциплины». Нужно отметить, что Григорий XVI вообще старался не подымать вопросов о Православной Церкви в России и о ее отношении к церкви католической. Он как бы признавал одинаковое значение Церквей.

Император сказал Папе: «Свое желание, насколько это может зависеть от меня, он (папа) может считать уже исполненным, но я не могу разрушить установлений государства, точно так, как папа не может разрушить католические законы», в связи с чем вопрос о пересмотре закона о крещении детей от смешанных браков по православному обря-

ду не подлежал обсуждению, ибо это один из основных государственных законов.

Словом, имелись вопросы церковные и политические. «Но обе стороны, и церковную и политическую, заключал в себе вопрос об униатах, — говорит исследователь А. Попов, — который поэтому и имел наибольшую важность как для нашего правительства, так, без сомнения, и Рима. Хотя присоединение униатов к Православной Церкви и было главным поводом к враждебным отношениям папского правительства к России и вызвало все его притязания и требования, однако же римский двор не решался возбуждать этот вопрос прямо и решительно, понимая, конечно, всю бесплодность спора по делу, уже окончательно совершившемуся, и помня недавние еще отзывы русского правительства. Но несмотря на то, не выражаясь явно во всей полноте, этот повод, так сказать, скрывался за всеми другими требованиями Рима, давал им направление, внушал его правительству странные страхи и подозрения и, наконец, выразился в некоторых, по-видимому незначительных требованиях, в отношении к немногим оставшимся в империи униатам. Эти требования, однако же, по существу своему представлялись в высшей степени важными как для Рима, так и для России. Риму хотелось, конечно, ухватиться, так сказать, за последние остатки, вновь воскресить и взять в свои руки исчезнувший вопрос об униии и постепенно развивать его на основании добытых уступок со стороны русского правительства и посредством постоянной пропаганды; русское правительство, без сомнения, должно было преградить всякую возможность к осуществлению подобных замыслов» (Попов А. Т. II. С. 342, 343).

После отъезда Императора граф Нессельроде оставался в Риме еще более месяца. Выяснилось, что переговоры потребуют более продолжительного времени и что необходима подготовка к ним обеих сторон. Во всяком случае, папа считал, что обстоятельства складываются благоприятно, и на собрании консистории 7–19 января 1846 г. сказал следующее:

«Я не могу, достопочтенные братия, не воспользоваться случаем сказать вам о событии столь важном и необычайном, как приезд в Рим Его Величества Императора Всероссийского и Короля Польского. Следуя по пути в Италию, посетив Палермо и Неаполь, он прибыл в Рим и благосклонно поспешил посетить меня, выразив знаки благорасположения и внимания, которые меня глубоко тронули. Приняв, со своей стороны, этого августейшего монарха с должным вниманием и учтивостью, мы обнялись с ним с чувством взаимной дружбы, и я выразил Его Величеству полное удовольствие, которое доставило мне его присутствие; я счел себя счастливым, что мог прямо и непосредственно поручить его покровительству и вниманию интересы Церкви, духовенства и его католических подданных. Августейший Император принял мои ходатайства с большим вниманием и благорасположением и выразил мне воззрения, которые внушают мне твердые надежды ко благу католической церкви. Я приглашаю вас, достопочтенные братия, соединиться со мною в молитвах ко Всевышнему, **чтобы исполнились эти надежды, дорогие для всего католического мира** (Попов А. Т. I. С. 69).

Надежды исполнились, хотя и не в полной мере, уже после смерти папы Григория XVI, который умер 31 мая 1846 г.

В начале октября 1846 г. в Рим прибыл уполномоченный русского правительства граф Дмитрий Николаевич Блудов, который вместе с

русским послом Бутеневым должен был вести переговоры по выработке конкордата. В римской курии также произошли перемены, и вновь избранный папа Пий IX заменил статс-секретаря Ламбрускини кардиналом Гици. 3 ноября 1846 г. Пий IX принял чрезвычайно любезно уполномоченного русского Императора графа Блудова.

На этом надлежит остановиться. Граф Д.Н. Блудов — это один из наиболее видных участников катастрофы 1839 г. Это ему приписывают наибольшее влияние на Императора, и он помог митрополиту Иосифу (Семашко) привести дело воссоединения униатов к благополучному окончанию. Очевидно, для папы Пия IX этот вопрос имел еще менее болезненное значение, чем для его предшественника, и, очевидно, Рим решил в униатском вопросе занять иную позицию. Было совершенно ясно, что этого вопроса изменить нельзя; с другой стороны, он давал повод для некоторых требований.

Основными же задачами папской политики являлось устранение духовной коллегии в России и установление свободных сношений Рима с католическим духовенством в России и свободное оглашение в России папских булл. Для успешного разрешения этих вопросов как раз надлежало не касаться вопроса униатского, и лишь в тех случаях, когда имелось в виду произвести давление на русское правительство, можно было эти вопросы выдвигать. Так папское правительство и поступало.

При первом свидании статс-секретарь Гици сказал Блудову: «Не следует заниматься прошедшим, но трудиться преимущественно для будущего». В письме к новому папе Николай I писал: «При достопамятном свидании с покойным папою я обещал сделать все в пользу латинской церкви, **что будет не противно коренным законам Империи, канонам господствующей Церкви и правам других исповеданий**». В этих словах была очерчена здоровая и рациональная программа.

Совещания начались 7 ноября 1846 г. и продолжались до 19 июня 1847 г.; всего было 25 заседаний. Уполномоченным папы оставался бывший статс-секретарь кардинал Ламбрускини.

На 9-м заседании кардинал Ламбрускини, «упирая на сомнения совести первосвященника в отношении к некоторым отдельным лицам униатского исповедания, которые остались ему верными **по обращению всего их духовенства и паствы в лоно Православной Церкви**, вдруг предложил, по случаю нового разграничения епархий, постановить некоторые правила, обеспечивающие как армянам-католикам, так и униатам отправление их духовных нужд согласно с их исповеданием». Правительство папы признавало, **что с Православием воссоединилось все униатское духовенство**.

Папские уполномоченные, ссылаясь на древние папские буллы, говорили, что переход греко-униатов в латинское исповедание положительно воспрещен и что латинское духовенство не может оказывать им духовных пособий без особого уполномочия со стороны святого престола; поэтому необходимо при настоящих переговорах постановить какие либо правила для успокоения совести и спасения душ тех, хотя бы и немногих униатов в России, которые остались верными своему исповеданию. Возможно было бы, по крайней мере, уполномочить латинское духовенство принять их под свою юрисдикцию, иначе дело разграничения епархий не будет закончено, пока будут оставаться

некоторые лица его паствы, лишенные на деле возможности исполнять свои духовные обязанности (Попов А. С. 5, 24 и след.).

Граф Блудов не считал возможным этот вопрос обсуждать. Он обратил внимание на то, что в 1794–1796 гг. было воссоединено с Православием более значительное число лиц, чем в 1839 году, и римский двор не протестовал.

«Нельзя возвращаться, говорил Блудов, к рассмотрению, хотя бы и косвенным способом, **великого народного добровольного дела** возвращения в лоно господствующей Церкви тех, которые принадлежали к ней с самого начала введения христианства, и отторгнуты от нее не более двух-трех столетий, вследствие несчастных войн и таких политических мер, сохраненных историей того времени, о которых упоминать теперь и показывать их значение, было бы и ненужно и неуместно» (Попов А. С. 5, 25).

Уполномоченные папы не настаивали на своем предложении и только объяснили, «что их цель состояла единственно в том, чтобы заявить об искренней и законной заботе святого престола о духовных пользах и нуждах **немногих семейств и лиц, остатков того стада, которые находились под пастырским начальством папы**».

После долгих разговоров уполномоченные папы заявили следующее: чтобы избежать усложнений настоящих переговоров, особыми условиями можно было бы дозволить императорскому посольству представить по принятому порядку папскому кабинету ноту или сообщение такого содержания, что если где-либо в России окажется несколько не оставивших унии, то святой престол может дать особое уполномочие римо-католическим епископам империи принять этих лиц под свою духовную юрисдикцию, как в том отношении, чтобы сообщать им духовные пособия и таинства, так и принимать их по их желанию прямо в латинскую церковь, что запрещено каноническими правилами без особого разрешения святого престола.

Уполномоченные добавили: «Вызываемое со стороны святого престола распоряжение не будет исключительно относиться к униатам, оставшимся после присоединения к господствующей в империи Церкви, но к униатам Царства Польского, или к случайно приезжающим в империю после 1839 года, и что только по необходимости это случайное распоряжение может быть распространено **и на незначительное число униатов**, оставшихся после присоединения, если бы таковые оказались. Но во всяком случае епископы обязаны узнавать, не переходили ли эти лица в господствующую Церковь или не принадлежали ли к ней постоянно» (Попов А. С. 26).

Поднятый вопрос об униатах и некоторые другие принципиальные вопросы создали такое положение, что переговоры были прерваны, в связи с чем папа Пий IX созвал комиссию кардиналов. Иезуит Буду так изображает ход дела в этом заседании.

«Пий IX лично председательствовал в комиссии кардиналов, которая собралась 3 июня 1847 года. В присутствии всех монсиньер Феррари при помощи монсиньера Карболи изложил течение переговоров, сделал их баланс и доложил подробности последних затруднений. Казалось, что возьмет верх план радикального разрешения вопроса. Полагали, что в тот момент, когда взоры и надежды всех католиков не только в России, но и во всем мире, обращены к Риму, не было возможности возобновить переговоры без разрешения основных воп-

росов и без установления гарантии оказания каким-либо способом духовной помощи греко-униатам. Представлялось, однако, неисполнимым, ввиду явно обнаруженной игры императора, который, не изменяя ни в чем своей системы преследования, стремился вызвать апостольскую столицу на торжественный акт и тем убедить, что в отношении ее достигнуто соглашение. В силу этого надлежало бы обратиться с нотой, в которой должно было бы быть ясно обозначено, что не может быть речи о возобновлении переговоров до тех пор, пока русское правительство не согласится на уступки, именно в тех принципиальных вопросах, в отношении которых ясно сказано, что император ни в каком случае не может их изменить. Однако такая постановка дела была бы равносильна разрыву и, может быть, усилила бы преследования, что было бы причиной поражения Церкви в Польше и России. В виду этого казалось лучшим положиться на провидение и избегать той уступчивости, которая огорчила бы целый мир» (*Буду*. Цит. соч. С. 572).

Ввиду этих соображений конкордат был подписан 22 июля 1847 года и, по словам графа Блудова, представлял собою хотя и не полное, но соглашение.

При прощальном свидании 30 июля папа Пий IX принял весьма сердечно графа Блудова, вручил запечатанное письмо на имя императора Николая I и заявил, что обращает внимание еще на 3 главных нерешенных вопроса: 1) о положении и духовных нуждах тех греко-униатов, которые, **может быть, хотя и в небольшом числе, остались привязанными к своим обрядам и вере**; 2) о распространении свободы в переписке р.-католических подданных императора с римским престолом и, наконец 3) **об имениях римо-католического духовенства взятых в управление казной**.

Как видим, не было ни одного слова сказано о той или иной ликвидации воссоединения униатов с Православной Церковью в 1839 году, и не было заявлено никаких претензий **в отношении того имущества, которое вместе с обращением униатов в Православие вышло из юрисдикции папы**.

Принимая письмо, граф Блудов заявил, что «касательно греко-униатов можно лишь повторить, что никто из них не был никогда приневоливаем к возвращению в Православие, чему служат доказательством, между прочим, находящиеся доселе, именно в двух губерниях Царства Польского, 200 или 230 тысяч униатов, которые имеют не только свои церкви и своих священников, но и епархиального епископа с суфраганом».

Во всяком случае, римский престол облегченно вздохнул, заключивши (хотя и не полный) конкордат.

3 июля 1848 года папа произнес аллокуцию, в которой заявил, что нарочно назначенными уполномоченными обеих сторон заключен договор, которым поставлена в лучшее положение католическая церковь в этих странах и облегчены заботы святого престола о спасении душ любезной ему паствы.

«Мы объявили, что утверждаем эти статьи, прежде нежели могущественный Государь Император Всероссийский и Царь Польский изъяснил свое согласие принять их, потому что, убедясь в добрых и благосклонных намерениях этого светлейшего государя, мы не могли сомневаться, что он утвердит их, что и последовало к великой нашей радости».

Далее папа говорит:

«Нас удручает еще безмерная забота о возлюбленных детях знаменитого народа русского (*patio ruthena*), которые (о, горе!) **несчастною и навсегда прискорбною изменою нескольких епископов жалким образом рассеяны в этих обширных странах**, находятся в положении плачевном и подвержены величайшим опасностям в отношении их спасения, потому что они не имеют епископов, кои управляли бы ими, руководя их к спасительным действиям, укрепляя их духовною помощью и предостерегая от лукавых сетей, расставленных для них лстивым врагом».

Таким образом, вопрос о воссоединении униатов с Православием был разрешен. К прошлому не было возврата, в отношении будущего были установлены положения, предусматривающие и санкционирующие новые факты.

Папа разрешил для себя и для своей совести вопрос об оставшихся **в ничтожном количестве** после общего воссоединения униатов тем, что в ст. 10 дополнительного протокола было внесено пожелание, чтобы духовную помощь оставшимся греко-униатам оказывали латинские епископы, которые, к слову сказать, от этого уклонились и приняли на себя эти обязанности только согласно XVIII ст. конкордата апостольской столицы с Польшей от 10 февраля 1925 года.

При таких обстоятельствах возникает вопрос, каким образом после столь длительных обсуждений этого большого вопроса в 1845–1847 гг., после заключения конкордата, в отношении которого папа выразил столько пышных слов, после достижения всего того, чего можно было достигнуть при заключении конкордата, польско-латинский епископат может в 1929 году подымать тот вопрос об униатах и их имуществе, который разрешен историей, пересматривать то воссоединение, которое, по словам папы Пия IX, было вызвано «прискорбною изменою нескольких епископов» и в закономерности какового присоединения, в его юридической и канонической обоснованности римский престол не выжал никаких сомнений.

Как видно из изложенного, на протяжении всех переговоров и лично папы Григория XVI, и Императора Николая I, и уполномоченных папского и русского правительств никогда не подымался вопрос о действительности совершившегося в 1839 году воссоединения униатов с Православной Церковью, а шел вопрос лишь об оказании духовной помощи тем оставшимся немногочисленным униатам, которые оказались без иерархии именно в силу «прискорбной измены» униатской иерархии.

Фальсифицировать историю, конечно, можно, можно истолковывать все бывшее с точки зрения чаяний текущего дня, но такое фальсифицирование истории может создать почву для временного заблуждения. Правда же всегда выявится, лишь бы только было желание ее отыскать.

Наша задача — именно отыскание правды в этом историческом происшествии, которым являлось воссоединение униатов.

В доказательство правильности наших соображений мы ниже приводим текст самого конкордата.

Здесь будет уместно добавить, что Николай I в память своего свидания с папой прислал в подарок две великолепные вазы, которые и до сих пор служат лучшим украшением Ватиканской библиотеки.

С некоторым смущением, будучи в Риме в 1919 году, мы слушали объяснения проводника, из каких объяснений выходило, что лучшие подарки папа получал от русских православных монархов, причем был показан ряд великолепных вещей, достойных имени России, в том числе и эти изумительные вазы.

Конкордат, насколько нам известно, опубликован не был. По крайней мере, мы не нашли его в Полном собрании законов.

В Полном собрании законов под № 22766 имеется Именной, данный Сенату Указ от 29 ноября 1848 года, опубликованный 29 декабря того же года: «О учреждении 7 Херсонской епархии по римско-католическому исповеданию».

Указ начинается так:

«Вследствие условий, уполномоченными Нашими Действительным Тайным Советником Графом Блудовым и Тайным Советником Бутеневым, с уполномоченными Папы Римского, подписанных и Нами утвержденных, Мы положили согласовать границы епархий Римского исповедания в Империи с настоящими границами западных губерний».

Далее излагаются изменения в границах епархий, согласно конкордату 1847 года, и только. В этом указе даже не обозначено время этого соглашения, то есть издания конкордата.

Книга первая, т. XI, ч. I Свода законов Российской Империи, трактующая «О управлении духовных дел христиан римско-католического и армяно-католического исповеданий», находящаяся в «Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных», в числе законодательных ссылок имеет именно указ от 29 ноября 1842 года № 22766 и никаких дальнейших ссылок на конкордат в себе не заключает.

И. д. профессора Императорской римо-католической духовной академии И.Белоголов предполагал издать этот акт, что следует из предисловия к его труду «Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католической церковью в России», т. I (1762–1825 гг.), Петроград, 1915. Вышел ли второй том этого издания, неизвестно.

Приводимый текст конкордата является переводом с польского, на каковом языке, в переводе с французского, он напечатан в очень содержательном, но апологетическом — в смысле оправдания папской политики — труде французского иезуита Адриана Буду.

Можно думать, что перевод на польский язык сделан правильно.

Текст Конкордата 22 июля (3 августа) 1847 года между Римским престолом и Россией

Нижеподписанные уполномоченные Св. Престола и Его Императорского Величества, Императора Всероссийского, Короля Польского, по обмену своими надлежащими полномочиями, рассматривали и исследовали на многих заседаниях различные вопросы, подлежащие их обсуждению. Пришли к соглашению во многих пунктах, много же иных пунктов ожидают еще соглашения, и в отношении их уполномоченные Его Императорского Величества принимают на себя обязанность обратиться вновь на них внимание своего правительства. Обе стороны согласились, чтобы остающиеся пункты были сформулированы в особом акте, который будет предметом разъяснений и переговоров между правительством Святого Престола и послом Его Императорского Величества в Риме, в настоящем же протоколе закрепить память достигну-

тых результатов, которые ожидают своего дополнения от дальнейших переговоров. Ввиду этого в заседаниях 19, 22 и 25 июня и 1 июля они были изложены в нижеследующих статьях.

Ст. 1. Число римско-католических епархий в Российской Империи определяется семью, одна архиепископия и шесть епископий, а именно:

1. Архиепископия Могилевская обнимает все части империи, которые не входят в нижеобозначенные епархии. В него входит также Великое княжество Финляндское.

2. Виленская епархия обнимает губернии Виленскую и Гродненскую в их настоящих границах.

3. Епархия Тельшевская или Жмудская обнимает губернии Курляндскую и Ковенскую в их настоящих границах.

4. Епархия Минская обнимает Минскую губернию в ее настоящих границах.

5. Епархия Луцкая и Ковельская состоит из губерний Киевской и Волынской в их настоящих границах.

6. Епархия Каменецкая обнимает Подольскую губернию в ее настоящих границах.

7. Новую епархию Херсонскую составляют Бессарабская область, губернии Херсонская, Екатеринославская, Саратовская, Таврическая и Астраханская и Кавказское генерал-губернаторство.

Ст. II. Учредительная булла установит пространство и границы епархий так, как это обозначено в предыдущей статье. Исполнительные декреты будут заключать в себе число и название приходо-каждой епархии; они будут представлены св. престолу на утверждение.

Ст. III. Число суфраганий, установленное буллой папы Пия VI в 1799 году в 6.б. епархиях, остается в силе.

Ст. IV. В Саратове будет суфрагания нового Херсонского епископа.

Ст. V. Епископ Херсонский будет получать содержание в сумме 4480 рублей серебром; его суфраган будет получать жалованье равное с епископами суфраганами в империи, то есть 2 000 рублей серебром.

Ст. VI. Херсонская Кафедральная капитула будет состоять из 9 членов, а именно: а) двух прелатов, препозита и архидиакона; б) четырех каноников, из которых трое будут исполнять обязанности теолога, пенитенциария и настоятеля; в) трех миссионеров.

Ст. VII. В новой Херсонской епархии будет епархиальная семинария; от 15 до 25 слушателей будут в ней содержаться на счет казны так же, как слушатели прочих семинарий.

Ст. VIII. Кроме того, будет назначен католический епископ армянского обряда, религиозные нужды армян-католиков, главным образом проживающих в Херсонской и Каменецкой епархиях, будут удовлетворены согласно ст. 9 собора Латеранского 1215 года.

Ст. IX. Епископы Каменецкий и Херсонский определяют число армянско-католических слушателей семинарий, которые на средства государства будут содержаться в надлежащих семинариях. В каждой из этих семинарий будет один армянско-католический священник для обучения воспитанников этого обряда богослужению.

Ст. X. Поскольку религиозные потребности католиков римского и армянского обряда новой Херсонской епархии будут того требовать, епископ независимо от средств, коими он для сей цели до сего времени пользовался, будет посылать священников в специальные объезды;

императорское правительство предоставит потребные суммы на их путевые расходы и содержание.

Ст. XI. Число епархий в Царстве Польском остается тем самым, которое было определено буллой папы Пия VII от 30 июня 1818 г. Ничего не будет изменено в отношении числа и названия суфраганий, существующих в указанных епархиях.

Ст. XII. Назначение епархиальных епископов и суфраганов в Российской Империи и Царстве Польском будет всегда производиться согласно предварительного соглашения между Императором и святым престолом. Канонические права будут им предоставляться Его Святейшеством в обычном порядке.

Ст. XIII. Епископ является единственным судьей и администратором в церковных делах своей епархии с соблюдением канонической зависимости от св. престола.

Ст. XIV. К числу дел, которые должны быть предварительно представлены на рассмотрение епархиальной консистории, надлежат.

1. Касающиеся духовных лиц в епархии:

а) вообще дисциплинарные дела (однако дела меньшего значения, влекущие наказание меньше чем деституция или продолжительный арест, разрешаются епископом без предварительного заключения консистории; однако епископ, если сочтет то за нужное, может истребовать заключение консистории в делах указанного рода так же, как и во всех иных).

б) судебные дела между духовными, касающиеся как движимой, так и недвижимой церковной собственности;

в) жалобы и заявления в отношении членов клира со стороны духовных или светских лиц об оскорблении, или убытках, или невыполнении бесспорных обязательств, если жалобщики выберут указанный путь для защиты своих интересов;

г) дела об уничтожении монашеских обетов; они будут рассматриваемы и судимы согласно буллы Бенедикта XIV «Si Antam».

2. Касающиеся лиц светских:

д) брачные дела, признание законности браков, актов рождения, крещения, смерти и т.д.;

3. Смешанные:

е) случаи, в которых необходимым является наложение церковной епитимии за проступки, связанные с нарушением закона, по коим состоялись решения гражданских судов.

4. Хозяйственные:

ж) определение бюджета на содержание клира, контроль расходов сумм, отчеты по тем суммам, дела, касающиеся ремонта или постройки новых костелов, каплиц и т.д.

Сверх того консистория обязана вести списки духовенства и прихожан епархии, рассылать циркуляры и иные объявления, которые не касаются дел управления епархией.

Ст. XV. Вышеперечисленные дела разрешает епископ по предварительном их рассмотрении в консистории, постановления которой носят совещательный характер.

Епископ не обязан мотивировать своего постановления даже в тех случаях, когда его решение не совпадает с мнением консистории.

Ст. XVI. Всякие иные административные, епархиальные дела, а равно те, в коих возникают вопросы совести, внешнего поведения и, как выше указано, такие дисциплинарные дела, которые влекут за собою легкие

наказания или пастырские воздействия, зависят исключительно от власти и свободного решения епископа.

Ст. XVII. Все члены консистории суть духовного звания. Их назначение и увольнение зависит от епископа. Назначение их совершается с согласия правительства. Если бы епископ по совести считал необходимым увольнение кого-либо из членов консистории, он немедленно назначает на его место заместителя по соглашению с правительством.

Ст. XVIII. Личный состав канцелярии консистории утверждается епископом по представлению секретаря консистории.

Ст. XIX. Секретарь епископа, которому поручается как официальная, так и частная корреспонденция епископа, назначается непосредственно епископом; он может быть, согласно его желанию, назначен из духовных.

Ст. XX. Обязанности членов консистории прекращаются с момента смерти или отставки епископа так же точно, как с момента прекращения управления *sede vacante*. Если епископ умрет или выйдет в отставку, то его преемник или кто-либо его заменяющий временно, будет ли это коадьютор *cum futura sucrestione* или капитула, выберет капитулярного викария в сроки, предписанные церковными канонами, организует на ново консисторию, как сказано выше, по соглашению с правительством.

Ст. XXI. Епископу принадлежит высшая власть в вопросах преподавания и дисциплины во всех епархиальных семинариях согласно правилам, установленным Тридентским собором (раздел 18, сессия 23).

Ст. XXII. Выбор ректоров, инспекторов и преподавателей епархиальных семинарий принадлежит епископу. Перед назначением он удостоверится в том, что с точки зрения гражданской выбор его не встретит возражений со стороны правительства. В том случае, если епископ признал бы необходимым удалить ректора, или инспектора, или профессоров, или учителей, немедленно назначить на их место заместителей вышеуказанным порядком. Ему предоставляется приостановление преподавания одного или нескольких предметов в его семинарии. В случае, если считал бы необходимым приостановить преподавание и отослать учеников к их родителям, то немедленно об этом уведомляет правительство.

Ст. XXIII. Архиепископ митрополит Могилевский обладает в отношении Духовной академии в Петербурге той самой властью, как и каждый из епископов в отношении своей епархиальной семинарии. Он является единственным ее начальником и высшим распорядителем; совет или дирекция академии имеет характер чисто совещательный.

Ст. XXIV. Выбор ректора, инспектора и профессоров академии зависит от архиепископа по представлению академического совета. Правила, обозначенные в ст. XXII, имеют применение также и к указанным выборам.

Ст. XXV. Профессора и доценты богословских наук всегда избираются из духовных. Иные преподаватели могут быть избираемы из светских, исповедующих римо-католическую религию, по преимуществу из тех, которые получили свое образование в высших учебных заведениях империи и обладают ученой степенью.

Ст. XXVI. Духовники учеников семинарий и академии ни в каком случае не будут принимать участия в административном управле-

нии учебного заведения; будут выбираемы и назначаемы епископом или архиепископом.

Ст. XXVII. После нового разграничения епархий архиепископ раз навсегда, по соглашению с епископами, установит число учеников, которые каждая епархия будет иметь возможность посылать в академию.

Ст. XXVIII. Программы преподавания в семинариях будут устанавливаемы епископами. В академии такие программы епископ установит по соглашению с советом академии.

Ст. XXIX. После того, когда в положении о Духовной академии в С.-Петербурге будут произведены изменения согласно с принципами, изложенными в вышеобозначенных параграфах, архиепископ Могилевский донесет св. престолу таким порядком, как это сделал епископ Варшавский Хороманский в связи с реорганизацией Духовной академии указанного города.

Ст. XXX. Везде, где нет права патроната или таковое временно приостановлено, настоятели приходов назначаются епископом по соглашению с правительством после предварительного экзамена и конкурса между кандидатами согласно правилам, установленным Тридентским собором.

Ст. XXXI. Ремонт римо-католических костелов производится беспрепятственно на средства общин или частных лиц, которые захотят на себя принять этот расход. В случае, если средств окажется недостаточным, они имеют возможность обратиться к императорскому правительству в целях получения необходимых средств. Будет приступлено к постройке новых костелов и увеличению числа приходов поскольку этого будет требовать увеличение населения или слишком обширные пространства существующих приходов и связанные с этим затруднения в способах передвижений.

Совершено в Риме 22 июля — 3 августа 1847 г.

Граф Д.Блудов.

А.Бутенев.

*Текст дополнительного протокола,
от 22 июля (3 августа) 1847 года*

Ввиду того, что во время переговоров, которые происходили в Риме между нижеподписавшимися уполномоченными святого престола и Е.И.В. Императора Всероссийского, осталось много вопросов, которые не могли быть окончательно разрешены и в отношении которых уполномоченный Е.И.В. принял на себя обязанность обратить внимание своего правительства, согласились, как это обозначено в протоколе от того же числа, изложить их в нижеследующих статьях.

Ст. 1. Кардинал, уполномоченный Его Святейшества, настаивал на необходимости предоставления католикам, поданным Е.И.В., действительной свободы сношений со святым престолом по делам совести и по иным духовным делам.

Уполномоченные Е.И.В. ответили, что существующий в настоящее время порядок сношения при посредстве правительства и императорского посольства всегда был сохраняем. Условия настоящего времени никаким образом не дают возможности императорскому правительству отказаться от указанных средств осторожности, даже в интересах

самых католических подданных, и это должно продолжаться так долго, пока возбуждение и злое настроение, вызванное восстанием в Польше в 1830 г., не достигнет успокоения настолько, чтобы можно было что-либо изменить в настоящем способе письменных сношений.

Ст. II. Уполномоченный папы протестовал против присутствия в епархиальных консисториях светского секретаря, назначаемого правительством и соединяющего в себе функции императорского прокурора.

Уполномоченные Е.И.В. ответили, что императорское правительство было бы согласно поставить назначение секретаря консистории в зависимость от предварительного согласия епископа, оставляя за собою право, в таком случае, образования при консистории должности прокурора. Императорское правительство, оставляя за собою назначение секретаря без участия епископа, отказывается от установления должности особого прокурора.

Уполномоченный папы заявил, что ни один из указанных способов не мог бы быть допущен св. престолом.

Ст. III. Уполномоченный Его Святейшества доказывал невозможность для католиков признания юрисдикции духовных судов господствующей Церкви и отсюда вытекающую необходимость предоставления им свободы обращения к католическому суду по брачным делам с лицами, принадлежащими к господствующей Церкви.

Уполномоченные Е.И.В. ответили, что если св. престол найдет для указанных случаев, встречающихся в практике весьма редко, какой-либо приемлемый выход, они готовы это обсудить и даже приложить старания о достижении какого-либо компромисса, не противоречащего с формами суда, установленными в империи.

Ст. IV. Дабы уменьшить случаи столкновений, возникающие для духовенства католического ввиду противоречий между законами церкви и законами Империи, относящимися к смешанным бракам, уполномоченный Его Святейшества предложил применение в Империи средства уже применяемого в Венгрии и иных странах, которое гарантирует действительность указанных браков, подтверждая вместе с тем неизменные начала церкви.

Уполномоченные Е.И.В. ответили, что они могли бы это предложение принять *ad referendum*.

Ст. V. Уполномоченные Е.И.В. приняли *ad referendum* протест против закона от 1832 года, не признающего действительности смешанных браков, пока они не будут совершены также священником господствующей Церкви.

Ст. VI. В целях урегулирования вопросов суда в брачных и церковных делах уполномоченные Е.И.В. заявили, что после создания двух первых инстанций согласно закона Бенедикта XIV «*Dei miseratione*», императорское правительство было бы склонно условиться со св. престолом относительно организации в Петербурге просинодального трибунала в качестве суда третьей инстанции для суждения о брачных делах в Империи с тем, однако, чтобы ему была предоставлена власть рассмотрения подобных дел, возникших в Царстве Польском, которые с этого момента были бы рассматриваемы во временной апостольской комиссии, организованной в Варшаве декретом папы Григория XVI в 1838 году в качестве лишь второй инстанции.

Со своей стороны уполномоченный Его Святейшества предложил нижеследующий проект:

1. Чтобы первые две инстанции были восстановлены согласно с законом Бенедикта XIV «*Dei miseratione*»;

2. Чтобы для дел, которые подлежали бы в первой инстанции рассмотрению архиепископа, была установлена вторая инстанция путем образования апостольской делегации из судей, *in partibus* назначенных на 5 лет.

3. Чтобы вышеуказанные судьи выполняли свои обязанности в делах архиепископских в качестве судей второй инстанции и в качестве третьей инстанции в делах епископских.

4. Чтобы оба архиепископа — Могилевский и Варшавский, наподобие архиепископов в Баварии, могли получать полномочия на 5 лет для взаимного рассмотрения, в качестве третьей инстанции, дел своих епархий таким образом, чтобы дела, рассмотренные одним из них в первой инстанции, были бы рассмотрены другим в качестве третьей инстанции.

5. По рассмотрении дел в третьей инстанции во всяком случае остается право апелляции в Рим.

6. Закон «*Dei miseratione*» был бы таким образом полностью соблюден во всем, что касается судопроизводства в делах брачных, участия и прав защитника брачного союза.

Уполномоченные Е.И.В. приняли все эти предложения *ad referendum*.

7. Уполномоченный папы возобновил протесты против законов, определяющих возраст лиц, принимающих монашеские обеты, уничтожающих преподавание в монастырях, разделяющих монастыри на штатные и нештатные и отменяющих должность провинциалов.

Уполномоченные Е.И.В. возразили, что императорское правительство не имеет намерения уничтожить даже те монастыри, которые являются нештатными. Если бы, благодаря малому числу монахов или ввиду какой-либо иной канонической причины, явилась необходимость закрытия монастыря, то было бы это предметом предварительного соглашения со св. престолом. Согласились на том, чтобы булла, определяющая новые границы епархий, заключала в себе точный список всех существующих монастырей.

Что касается провинциалов, то уполномоченные Е.И.В. заявили о возможности конфликтов между ними и епископами. Дабы этого избежать, уполномоченный папы предложил предоставление епископам обширной власти, в форме поручения папы в отношении внешней дисциплины монахов, оставляя провинциалам заботу о дисциплине внутренней. Предложил также предоставить епископам право председательствования в капитулах, избирающих провинциалов. К этому добавил, что провинциалы должны сноситься с подлежащими генералами, находящимися в Риме, таким точно образом, как епископы сносятся с папой.

Принимая во внимание, что императорское правительство едва ли могло бы выразить готовность принять предложенные условия, уполномоченные Е.И.В. удостоверили, что сделанные предложения могли бы служить предметом дальнейшего соглашения.

Ст. VIII. Уполномоченный папы выразил желание, чтобы новый Херсонский епископ имел викария в Тифлисе, кроме долженствующего пребывать в Саратове.

Уполномоченные Е.И.В. заявили, что в настоящее время не имеют полномочий на принятие указанного предложения.

Ст. IX. Уполномоченный папы настаивал на необходимости возвращения духовенству его имущества.

Уполномоченный Е.И.В. заявили, что не имеют никакой специальной инструкции касательно указанного вопроса; что императорское правительство передало в управление государственных имуществ Империи только населенные имения, принадлежащие католическому духовенству, что являлось общей мерой и было применено и в отношении духовенства других исповеданий, не исключая и господствующей Церкви; что доходы с этих имуществ предназначены на содержание католического духовенства и, имея в виду их недостаток, правительство добавляет к ним ежегодные субсидии, которые должны быть еще увеличены для будущего Херсонского епископа, что в распоряжении духовенства оставлены все остальные недвижимости с годовым доходом, превышающим 300 тысяч франков и что средства, какие принадлежали закрытым монастырям, были обращены на образование дополнительного капитала для надобностей духовенства и католических храмов, каковой капитал достигает 6 миллионов франков.

Ст. X. В целях предоставления греко-униатам, **которые еще остались в Империи**, свободного исповедания их веры, уполномоченный папы предложил, чтобы до тех пор, пока они не будут иметь епископа собственного обряда, могли ими управлять латинские епископы в том смысле, как это установлено для армян. Настаивал также на необходимости свободного возвращения в греко-униатское исповедание тем, которые при обстоятельствах последних лет, вопреки своей воле, приняли латинизм или господствующую веру.

Уполномоченные Е.И.В. ответили, что могут повторить только лишь заявление, деланное уже не раз, **что при воссоединении греко-униатов с господствующей Церковью, как в 1839 г., так и ранее того, в гг. 1794, 1795 и 1796**, никто не был принуждаем; что так как народ принадлежал к Восточной Церкви до конца XVI столетия, а отчасти до конца XVIII, то это обстоятельство в достаточной мере объясняет их массовое возвращение в религию их предков.

Уполномоченные Е.И.В. прибавили, что в отдельных частях Империи, а именно в Царстве Польском, существует греко-униатский епископ в Холме, а равно и викарий, и что если бы было удостоверено о существовании в Империи каких-либо отдельных лиц, принадлежащих к указанному обряду, и о необходимости найти средства для удовлетворения религиозных потребностей, правительство не замедлило бы это сделать по соглашению со св. престолом.

Ст. XI. Уполномоченный Его Святейшества протестовал против дальнейшего существования законов, называемых законами против прозелитизма, еще недавно включенных в Уголовное уложение 1845 года.

Уполномоченные Е.И.В. возразили, что уголовные законы против прозелитизма не могли быть отменены без нарушения прав господствующей Церкви, прав, в отношении которых Император сделал оговорку в самом начале настоящих переговоров; что в виду этих обстоятельств императорское правительство не может считать эти законы потерявшими силу, лишь смягчило их в новом Уголовном уложении и, кроме того, оставило за собою верховное право облегчения их в применении на практике до возможной границы терпимости без выражения своего безразличия в делах религии. В удостоверение

подобной снисходительности уполномоченные заявили, что невозможно сослаться хотя бы на один пример, чтобы духовное лицо католического, протестантского или иного исповедания было осуждено или даже привлечено к судебной ответственности за нарушение закона против прозелитизма; противное было бы невозможно в действительности в силу того, что каждый вновь обращенный всегда утверждает, что его обращение было вызвано собственным убеждением, а не посторонними внушениями.

Ст. XII. Исходя из тех самых законов, уполномоченный папы обратил внимание, что присяга на верность Императору и его законам без всякой оговорки нарушает свободу совести католиков постольку, поскольку они не могли бы выполнить ее, ибо, оставляя в стороне принуждения или насилия, католики никоим образом не могут нарушить евангельского завета: «*Euntes, docete omnes gentes*».

Уполномоченные Е.И.В. ответили, что присяга на верность была всегда приносима в России исповедующими все религии и принадлежащими ко всем сословиям, не вызывая никаких протестов или недоумений, и, конечно, правительство не имеет в виду возлагать на подданных Империи, католиков или иных, какой-либо обязанности, противоречащей нравственности или их религии.

Совершено в Риме 22 июля — 3 сентября 1847 года.
кардинал А.Ламбрускини. граф Д.Блудов.
А.Бутенев.

Даже беглое ознакомление с конкордатом говорит о том, что в 1847 году римский престол достиг значительных успехов и что дело организации и внутреннего развития католической церкви в России было поставлено на широкий путь свободы и независимости, при единственном условии уважения законов страны и ненарушения государственных интересов России. Если остановить свое внимание на дополнительном протоколе, где изложены желания Рима, на каковые даны ответы императорскими уполномоченными, деловые и полные достоинства, то практическое значение имело только два из них, а именно: право непосредственных сношений Рима с духовенством России и назначение секретаря консистории епископом.

Что касается последнего пожелания, то, имея в виду общее содержание конкордата, определяющего очень широко, в соответствии с каноническим правом католической церкви, границы самостоятельной деятельности епископа и, кроме того, то обстоятельство, что постановления консистории имели только совещательное значение и не связывали воли епископа, вопрос этот не мог представляться значительным.

Конкордат не ставил католического епископа в худшее положение, чем православного, так как и в православной консистории секретарь назначался не епископом, а обер-прокурором Св. Синода.

Что касается сношений Рима с католическим духовенством России через посла при папе и Министерства внутренних дел, то этот вопрос носил исключительно **политический** характер, имел он главное отношение к Царству Польскому и был связан с так называемым польским вопросом. Это обстоятельство мешало удовлетворению желаний Рима.

Правило это, конечно, осложняло задачи Рима и уменьшало шансы его влияния на католическое духовенство, но исключительно лишь в вопросах политических, на каковой почве, в связи с польским восстанием 1863 г., и получился разрыв России и Рима.

В вопросах чисто церковных порядок сношения не имел особого значения, что подтверждается между прочим тем обстоятельством, что в 1907 г. в России, с разрешения русского правительства, была опубликована булла «*Ne temere*», установившая недействительность тех смешанных браков, которые не были благословлены также и по обряду римо-католическому; то есть булла эта сводила на нет основное правило русских законов, что брак православного с инославным для обязательной своей силы должен быть заключен по обряду Православной Церкви, и дополнение брака обрядом по другому исповеданию ни в чем не укрепляло его значения.

Естественно, когда конкордат, который не был опубликован, стал все же известен представителям православной иерархии, то у последних он не вызвал особого восторга.

Такой мудрый и терпимый, по словам иезуита Буду, иерарх, как Московский митрополит Филарет, заметил в связи с конкордатом: «Мы вынуждены скорее обороняться против Рима, чем на него наступать».

Против конкордата высказался также весьма влиятельный и ученый архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий.

5 сентября 1849 года митрополит Иосиф (Семашко) писал обер-прокурору Св. Синода Протасову:

«При ободрительном направлении, которое в последние годы получили римо-католические дела в России, православному ведомству остается только защищаться» (*Буду*. Т. 2. С. 22. *Иосиф (Семашко)*. Записки. Т. 2. С. 392).

Конкордат просуществовал до 1865 года. Он был отменен указом следующего содержания:

«1866 г. ноября 22 дня (43879), именной данный Сенату, распубликованный того же ноября. О том, чтобы дела римского исповедания впредь ведались установленными для того в государстве властями и управлениями на основании коренных законов Империи и Царства Польского.

Действиями Римского Двора прерваны сношения оного с нашим правительством и вследствие того заключенные сим двором 22 июля — 3 августа 1847 г. условия и состоявшиеся в дополнение оных особые соглашения относительно управления дел римского исповедания в пределах Российской державы, утратили всякую обязательную силу и не могут более служить руководством по управлению означенными делами, а потому дела сии должны впредь вестись установленными для того в государстве властями и управлениями на основании коренных законов Империи и Царства Польского».

Причины этого обстоятельства были политические. Их прекрасно изложил иезуит Буду. Мы на них также кратко остановимся.

После польского восстания 1863 г. и в связи с Конвенцией России и Пруссии по польскому вопросу от 8 февраля 1863 г. Франция, тогда вторая империя Наполеона III, пыталась возбудить иностранные кабинеты против России, и действительно, 17 июля 1863 г. с предложением по польскому вопросу созыва международной конференции выступили Франция, Англия и Австрия.

После ответа канцлера Горчакова от 11 июля Англия, устами либерала Росселя, заявила: «Ни обязательства Англии, ни ее честь не требуют от нас объявления войны России по поводу Польши».

Неудачное выступление Франции вызвало разочарование у самих поляков. Еще в 1913 году один из авторов писал: «Франция не поддержала восстания, она только обольщала вождей для того, чтобы в последний момент их покинуть».

Таким же образом оценивал роль Франции А. Мицкевич в восстании 1831 г.

Любопытно отметить, что и Наполеон I, который из польского вопроса делал средство давления на Императора Александра I, никогда не относился серьезно к вопросу восстановления Польши.

Наиболее сомнительной во всей этой истории была роль Австрии, которая, хотя еще недавно, была разбита Францией при Сольферино, все же подстрекала Францию вмешаться в польский вопрос в России, гарантируя неприкосновенность своего собственного польского вопроса.

Для этой цели было оказано давление на Пия IX, который иначе смотрел на дело, чем Григорий XVI на восстание 1831 года.

В 1863 г. судьба папской области была в руках Франции, защищавшей ее и против Австрии, и против Савойского Дома.

Франция оказывала, какое могла, давление на Пия IX, требуя его выступления. Первоначально Пий IX, исходя из чисто церковных соображений, осудил всякое участие духовенства в борьбе. Однако папу уверили, что имеется только два выхода: или независимая Польша, или Польша станет жертвой схизмы — православной.

Папа, с одной стороны, писал примирительные письма русскому Императору, а в то же время принял адрес народного революционного правительства, подписанный князем Владиславом Чарторийским и доставленный Стефаном Любомирским. Папа благосклонно принял адрес, но в денежной помощи Польше отказал.

28 августа было в Риме торжественное моление за Польшу. Кроме того, папа продолжал оказывать влияние, уже по просьбе Франции, на австрийское правительство.

Против этого заявили протесты послы русский и прусский.

Выдвинутое предложение о созвании конференции восьми государств, подписавших Венский трактат 1815 г., установивший бытие Царства Польского, для какового конгресса, между прочим, 15 июля 1863 г. статс-секретарь кардинал Антонелли передал австрийскому и французскому правительствам мемориал, излагающий правовое и фактическое положение католичества в Империи и Царстве Польском, было категорически отвергнуто канцлером Горчаковым.

Австрийская помощь Польше также кончилась ничем.

«Уверения в чувствах симпатии, всяческие заявления по их адресу, неопределенные, не имеющие цены обещания — вот и весь результат этой дипломатической кампании», ибо различны были стремления Австрии и Франции, и создать на почве этих различных стремлений крестовый поход против России нельзя было (*Буду*. Т. II. С. 254–268).

Столь неумелая и неосторожная политика Пия IX, руководимая бездарным статс-секретарем кардиналом Антонелли, конечно, ни к чему иному, кроме разрыва с Россией, привести не могла. Политика эта не помогла Польше и причинила большой вред и католическому духовенству, и русским католикам. Вмешательство во внутренние дела России

со стороны папского престола создало такие сложные отношения, что только мудрому и глубокому политику Льву XIII в 1882 г. удалось до некоторой степени наладить отношения с Россией.

При вступлении на св. престол папа уведомил Императора о своем избрании письмом от 4 марта 1878 г. «Сожалея, как мы это делаем, — писал Лев XIII, — что взаимные отношения, существовавшие прежде между св. престолом и Вашим Величеством, не поддерживаются более, мы обращаемся к великодушью Вашего Императорского Величества, дабы исхлопотать покой и безопасность для многочисленных Ваших католических подданных. Они же не преминут, согласно с поучениями своей веры, выказать себя в духе повиновения, добросовестными и преданными Вашему Величеству. Полагаясь на Вашу царскую справедливость, мы просим Бога ниспослать Вам в изобилии небесное благословение и молим Его, дабы Он соединил Ваше Величество с нами самыми тесными узами христианского милосердия».

18 марта 1878 г. Государь послал папе ответ:

«Мы разделяем выраженное Вашим Святейшеством желание видеть хорошие отношения между нами вновь восстановленными. Религиозная терпимость является в России принципом, освященным политическими традициями и национальными обычаями. Вовсе не от нас зависит устранить могущие существовать затруднения, дабы католическая церковь оказалась в состоянии выполнять, на основании равенства с другими Церквями, существующими в нашем государстве под покровительством законов, свою миссию, являясь в то же время чуждой политическим влияниям. Ваше Святейшество, можете быть уверенными, что в нашей стране все средства покровительства, могущие согласоваться с Основными законами Государства, которые мы призваны защищать, будут применены к церкви, являющейся для них духовным руководителем, и что мы будем с величайшим усердием способствовать всем усилиям, имеющим в виду гарантировать религиозные интересы римо-католических подданных».

Вопрос униатский не нашел никакого отражения в конкордате, ибо этот вопрос считался окончательно разрешенным. Папа Пий IX, уже после подписания конкордата в связи с его исполнением, в последних числах ноября 1849 года имел весьма продолжительный разговор с послом Бутеневым по поводу кандидатуры Буткевича во епископы, каковую кандидатуру выдвигало русское правительство и категорически устранял папа. В качестве последнего аргумента и в виде особого доверия к послу Бутеневу папа сослался на секретную переписку, из которой было видно, что Буткевичу доверять нельзя, так как он, по словам папы, мог бы сыграть такую же роль в католической церкви, как Иосиф (Семашко) в церкви униатской.

«Дорого стоило мне, — заметил папа, — возбуждение хотя бы отдаленно этого волнующего дела, которое в настоящее время уже окончательно разрешено»; дело шло о воссоединении униатов (*Буду*. С. 11, 15).

Униатский вопрос был затронут лишь в дополнительном протоколе, а именно в ст. X. В статье этой изложены все пожелания Апостольского престола в отношении униатов. К чему же сводились эти пожелания?

Прежде всего необходимо отметить и сугубо подчеркнуть, что в этой статье решительно ничего не говорится о тех имуществах, которые вместе с воссоединением униатов вышли из юрисдикции Папы.

Это тем более обращает на себя внимание, что в предыдущей ст. IX выражено пожелание о возврате взятых в казну имуществ католического духовенства.

Очевидно, в 1847 г. даже такому человеку, крайнему по своим воззрениям, как кардинал Ламбускини, не приходило в голову подымавать вопрос о судьбе так называемых поуниатских имуществ и о чем-либо в этой области говорить. Ни одного слова не сказано и о бывших базилианских монастырях и хотя бы о таком значительном, как Почаевская лавра.

Вопрос шел не о тех униатах, которые воссоединены с Православием, а только о тех, **которые еще остались** в Империи, и ни о чем ином, как только об обслуживании их духовных потребностей. Был поднят еще вопрос о праве возвращаться в униатство тех отдельных лиц, которые в условиях последних лет приняли латинство или господствующую религию вопреки своей воле.

На эти пожелания, изложенные в ст. X дополнительного протокола, уполномоченные русского Императора ответили примирительно, хотя и твердо, объяснив и подтвердив историческую закономерность возвращения униатов в Православие, они заявили, что вопрос о духовной помощи оставшимся, в случае возникновения такого вопроса, будет разрешен по соглашению со св. престолом.

Никаких возражений против этого указания о закономерном и добровольном воссоединении униатов с Православием кардинал Ламбускини не сделал.

На чем же основаны современные требования польского католического епископата об отнятии от православного народа церковных святынь и имуществ, бывших когда-то по своему униатскому качеству в юрисдикции папы?

Во всяком случае, не на исторических правах, закрепленных за римской церковью папами. В Риме иногда поступают непредусмотрительно, часто несправедливо, но там очень редко делают просто глупости.

Простой глупостью было бы заявить в 1847 году требование об изъятии от воссоединившихся униатов их святынь и церковных имуществ только потому, что они находились перед тем в юрисдикции папы. Не было также никаких разумных оснований говорить о каком-либо насилии, имевшем место в 1839 г., ибо это время было еще на памяти папы Пия IX, и было бы странно, если бы римский двор, удостоверив словами его предшественника Григория XVI, что воссоединение результат «несчастной и навсегда прискорбной измены» униатской иерархии, стал говорить о каком-то насилии русского правительства в этом деле.

Можно подумать, что ни папа Григорий XVI, ни Пий IX, ни кардинал Ламбускини, Гици и др. в этом вопросе не разобрались. А вот почти сто лет спустя в этом вопросе разобрался Виленский митрополит Ялбржиковский, епископ Лозинский и др.

Нельзя с таким неуважением относиться к памяти римских первосвященников и нужно же позволить им делать историю по-своему и не переделывать таковую по усмотрению епископов отдельных церковных провинций.

Действительно, за время существования России, от 1847 г., Россия не выполнила правила ст. X дополнительного протокола, ибо в этом не было никакой надобности, так как никаких, даже отдельных, униатов в империи не оказалось.

При заключении конкордата с Польшей 10 февраля 1925 года это было восполнено и в интересах тех будущих униатов, каковые имели появиться на территории Польши вне Восточной Галиции, установлено правило XVIII ст., возлагающей обязанность духовных о них забот на католическое духовенство.

Не знаем, как эти новые обязанности выполнит католическое духовенство, если действительно вновь появятся униаты, но мы знаем, что в свое время от этой обязанности оно уклонилось.

На основании бреве *ubi inscrutabili*, оглашенного 3 июля 1848 г., Пий IX временно подчинил униатов юрисдикции латинских епископов, возлагая на них в горячих словах опеку над униатами. Слова папы остались мертвой буквой, ибо, как удостоверяет ксендз Лубенский, «они были оставлены сами себе, как при жизни, так и при смерти» (*Буду*. Т. 11. С. 117).

Обозревая историю возникновения конкордата 1847 г. и изучая его содержание в отношении униатов, надлежит прийти к выводу, что Рим в то время проявил большую мудрость и большое благоразумие в отношении русского правительства и Православной Церкви, чем в отношении последней в наше время католический епископат в Польше. Рим видел, куда приводят неосторожные вмешательства во внутренние дела чужого государства, Рим умел отделять важное от неважного, не подымал споров о безнадежном, и эти качества в особой мере выявил замечательный политик папа Лев XIII.

Положение Апостольского престола бывает иногда действительно безвыходным, ему приходится бороться не только со своими врагами, которые в лице коммунистов и фашистов столь угрожают, но и приходится терпеть от неумелых действий представителей духовенства отдельных церковных провинций, чему ярким свидетельством события в Испании.

Пусть же поймут, что борьба с Православием, которую католический епископат ведет на территории Польши, готовит новые осложнения Риму.

Наступают враги, угрожающие самой твердыне Рима, спасение его — единение всего христианского мира. Борьба же с Православием — это борьба с христианством, это помощь вражеским силам, наступающим на Рим.

И пусть мудрый пример лиц, заключивших конкордат с Императором Николаем I в 1847 г., возвратит сегодняшних церковных политиков в Польше на путь политического реализма.

Протоиерей
Иоанн Наумович

Пятидесятилетие воссоединения с Православной Церковью западно- русских униатов

В 1839 году, то есть 50 лет тому назад, совершилось в западнорусских областях великое и славное событие, известное под названием «*воссоединения униатов*» с прародительскою их восточно-православною Церковью. Воссоединение значит то, что издавна единое, а потом разорванное, опять соединилось. Со времени Крещения нашей Руси при равноапостольном князе Владимире, в 988 году, предки наши были православными, принявши христианскую веру от греков, и оставались такими на всем пространстве Русской земли, пока в 1596 году не разорвана была связь нашей церкви в западнорусских странах с восточно-православною церковью, разорвана незванными пришельцами с Запада, навязавшими нашим отцам *унию*, то есть соединение с западною, так называемою римско-католическою церковью. Но такую противную нашим праотцам унию они приняли, и то далеко не все, не добровольно, не по убеждению; напротив, они жертвовали всем, нередко даже своею жизнью, защищая прародительскую свою веру; приняли унию только те, которых одолевали насилем. Но заведенное лестью и насилем чужими людьми, заведенное не ради истины Христовой и спасения душ, а ради властолюбия римских пап и ради политических расчетов бывшей Польской республики, сейчас же стало падать после соединения литовско-русских областей Польши с Россией, сохранилось только в остатках и то только до тех пор, пока не явились во главе униатской церкви мужи, исполненные апостольским духом, открывшие глаза народу и призвавшие его к поголовному *воссоединению*, то есть возвращению детей одной матери церкви на ее святое лоно. Таким апостольским мужем был покойный епископ, а после митрополит Иосиф Семашко, со своими сподвижниками, трудами которых совершилось при покойном Государе Николае Павловиче *воссоединение* с древнею Православною Церковью всех западнорусских областей, до границы бывшего Царства Польского по реку Буг.

Празднуя радостную память *воссоединения*, мы должны знать подробно, что такое *уния*, как она началась, кто и почему навязал ее нашим предкам, принесла ли она нам добро или зло, как и почему она

прошла и более уже не существует на целом пространстве Русской Империи.

Уния — латинское слово, оно означает *единство*. Казалось бы, это дело хорошее, зачем же не дорожить им? Ведь сам Спаситель прежде отшествия Своего на вольную смерть молился об учениках Своих: *«да вси едино будут»*. И может кто-либо спросить: как же можно считать унию злом?

Да, дорогие братья, уния, то есть *единение* всех христиан, было действительно с первых веков в христианской церкви, оно продолжалось 800 лет с излишком; все христиане всех стран, всех народов были соединены одною верой и любовью. Один Бог во Троице, один Сын Божий Спаситель, одно крещение, одни все таинства, одно евангелие, одно учение соединяло все христианские народы всех языков и обрядов в одну святую, соборную и апостольскую Церковь, главою которой был Христос, а кроме Него, обещавшего быть с ними *до скончания века*, не могло быть другой главы и не было; Церковь же была соборная, в которой пребывал Дух Святый по словам Спасителя: *и Аз умолю Отца и иного Утешителя даст вам, да будет с вами во век, Дух истины, той вы научит всему»* (Иоанн. 14, 26). И так как обетованный Утешитель в день Пятидесятницы в Иерусалиме снишел на всех апостолов одинаково, в виде огненных языков, и они *все* исполнились Духа Святого, то так же действовал Дух Святый и в *соборной* Христовой Церкви, которую управляли вселенские соборы.

Вы слышите, дорогие братья, что в нашей восточной Православной Церкви почитается память и таких святых, которые были *папами римскими*. В нашей Церкви служится литургия Григория Двоеслова, *бывшего папой римским*, мы почитаем свв. Климента, Сильвестра, Льва, Григория Великого и других римских пап, хотя мы не признаем нынешних пап главами Церкви. Отчего это так? А вот оттого, что папы первых восьми веков жили в *соединении со всею Вселенскою Церковью*, они не были и не считали себя главами Вселенской Церкви, а только патриархами Запада, равными другим патриархам, которых всех было пять, именно: Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский, Константинопольский и Римский. Папы первых веков не только не думали о главенстве и господстве над другими церквами, но папа Григорий I Великий, живший в конце VI столетия, написал к Иоанну Постнику, патриарху Константинопольскому, что всякого патриарха, который звался бы вселенским и придумал бы возвысить свою власть над другими патриархами, нужно считать антихристом.

Тогда не было разницы между христианами, так как у всех была *одна вера и одно учение*, а только разница бывала в обрядах и обычаях, не мешающая единству веры во Вселенской Церкви. Тогда, если приехал христианин из Иерусалима или Антиохии, вообще с Востока в Рим, он встречал там братскую любовь. Если он был священником, он служил в римских храмах; если мирянин, он мог приобщаться тела и крови Христовой, не видя никакой разницы, так как тогда и в Риме приобщались и миряне святым тайнам *под двумя видами хлеба и вина*; а приехал римлянин на Восток, он находил там одну веру и одни любящие сердца всех христиан. Это была *уния* истинная, такая, какую заповедал Христос, но никто не называл себя униатом, не было разницы между католиками и православными, так как не было раздора. Каждый христианин был и православным, значит, сохраняющим чистую древ-

ною апостольскую веру, утвержденную вселенскими соборами; был и католиком, значит, принадлежащим к одной святой Вселенской Церкви, *общей* всем христианам.

Так было с начала и так продолжалось до половины девятого столетия. Тогда папа Николай I в грамоте к Цареградскому патриарху Фотию объявил новое, неслыханное в Церкви Христовой учение, что римская церковь, по преимуществу, полученному апостолом Петром, *есть глава всем другим церквам* и что каждый христианин во всем мире должен безусловно повиноваться ее определениям. Тогда осудил папа новоизбранного Константинопольского патриарха Фотия и написал к греческим епископам, чтобы они не допустили избрания Фотия.

Тем письмом папы Николая положено было начало раздора. До тех пор никогда еще не слышала Вселенская Церковь о главенстве *одной римской* церкви над всеми церквами.

На такое письмо не получил папа Николай никакого ответа. Вскоре папа возобновил свои притязания. Он прислал обратившемуся в христианство болгарскому царю Борису грамоту, в которой превозносил римскую веру и порицал *древние* уставы Вселенской Церкви и восточную обрядность. Трудно было патриарху Фотию оставлять без ответа такие дерзости и обиды. Он послал окружное послание к всем восточным епископам и созвал в Константинополе собор, на котором общим решением всех папа признан был недостойным епископского престола и общения с ним и предан анафеме.

Таково было начало раздора; чтобы описать дальнейший его ход, нужно написать толстую книгу. Но уже из этого может каждый из вас, любезные братья, понять, кто разорвал древнее единение церквей Восток ли, державшийся и до сих пор держащийся установлений Вселенской Церкви, или римский папа Николай I, провозгласивший *новое учение о главенстве римской церкви?* Но окончательный разрыв между двумя церквами, восточною и западною, не последовал так скоро. Восточная Церковь считала последний разрыв не с западною церковью, с которой соединяли ее узы давнего единения, а только с папой Николаем I, против которого выступили и западные иерархи, особенно Гинкмар Реймский, за отступление его от древнего православия. Только когда Николай I, желая утвердить свою власть над Вселенской Церковью, прибег к хитрости и сослался на подделанную книгу папских постановлений (Исидоровы декреталии) и обманул ею западных епископов, а преемники его продолжали начатое им дело утверждения своего главенства на основании тех же *ложных* декреталий, когда все попытки восточных патриархов и греческих императоров к примирению церквей в духе кротости и любви оказались тщетными и папы пожелали не *примирения*, а просто *подчинения и покорения*, состоялось совершенное и окончательное разделение церквей в XI веке при Константинопольском патриархе Михаиле Керуллари. С этого времени папы отделили Рим от Вселенской Церкви, отложились от ее духа кротости, любви и смирения и преобразовали западную церковь в церковь воинствующую мирскими силами, и сделались — папами царями с мирским владением, с несметными богатствами и роскошью, с войском и властью, дошедшею до того, что они раздавали царские венцы, а подданных непокорных им царей разрешали от присяги на верность. Не словом евангельским, а мечом и огнем они обращали в свою веру языческие народы, проливая кровь беспощадно. И было такое время, что цари по-

виновались папам во всем и платили им огромные подати. Это наконец надоело царям до того, что нашелся такой смелый император, Генрих IV, который отважился противиться папе Григорию VII. Но в тог­дашнее время народы Запада были погружены в такой мрак заблужде­ний, что не только не поддерживали своих государей, но восстали на них, и император Генрих IV должен был, как нищий, босиком, три дня ждать на дворе папского замка в Каноссе разрешения от анафемы.

Но гордым Бог противится. Тот же Григорий VII умер в изгна­нии. Не изгнана, однако, была гордость из римской церкви. В 1095 г. начались крестовые походы для покорения магометан, от которых в Святой земле очень много страдали христиане. Набралось несметные толпы людей всякого рода, больше всего разбойников, воров, вообще людей алчных, искавших легкой наживы, и толпы эти двинулись на Восток освобождать святые места. Папа Урбан II держал к ним в Пьяченце такую речь: «Вы, обидчики вдов и сирот, вы, хищники, убийцы и главные враги, которые находите наслаждение в кровопролитии; смот­рите: вот минута, когда вы можете показать, есть ли в вас мужество, воины ли вы или хищные звери, какими вы оказывались доселе...»

И такие-то голодные, хищные толпы под знаменем Христа налели на Греческую империю и начали свои подвиги грабежом мирных православных жителей, которым хуже было от этих христианских за­щитников, чем от самих турок. Папа Иннокентий III послал в Констан­тинополь своего патриарха Фому и множество латинских монахов и прелатов, предоставляя себе *десятину от всех плодов, пятнадцатую часть* всех недвижимых имений и право наследовать по завещанию имения от светских лиц. Кроме сего, папа предписал епископам, чтобы не признающих его главою церкви громили всеми ужасами, и еписко­пы употребляли самые жестокие средства для принуждения греческих поселян к принятию латинского вероисповедания. Легат папский Пеласг, окружив себя безмерною роскошью и облекшись в пурпуровую одежду, был непримиримым врагом восточной церкви и без милосер­дия гнал тех, которые отказывались принимать латинство. Греческие священники и монахи были предаваемы жесточайшим истязаниям и заключаемы в темницы, а церкви запирались. Так описывают это вре­мя сами латинские историки.

Папа Иннокентий III предал анафеме всю восточную Церковь и тем, которые будут сражаться *против греков*, торжественно обещал те самые индульгенции, которые давались за войну с сарацинами. Завла­дев Палестиной и Сирией, римские прелаты сейчас прогоняли право­славных епископов и священников, а не признающих над собою власти папства убивали, вешали, сожигали. В Архипелаге, в Антиохии и в Иерусалиме латинские прелаты лично присутствовали *при сожигании мучеников*.

Но не долго заставили себя ждать горькие плоды такого несоглас­ного с духом христианства владычества пап. Латинские завоевания на Востоке пали; явились в самой римской церкви реформаторы: Виклеф, Лютер. Разбилась римская церковь на разные ереси. Не помогли ни кровавые инквизиции, ни сожигания еретиков. Отпали от папства боль­шая часть Германии, Дания, Швеция, Англия, и в саму Польшу шло лютеранство и увлекало к себе и польское, и литовское дворянство. Папство, пораженное в своем дому, стало искать для себя новой по­чвы — на Востоке. Тогда возникла мысль о приведении в действие

церковной унии с Литвой и западной Русью, и об этом следует нам ввиду настоящего торжества пятидесятилетия воссоединения потолковать пространнее.

I Как произошла и каким образом введена была в западнорусских областях иезуитская уния?

Не легко было римскому престолу справиться с лютеранством. Уже знаменитый чешский проповедник Иван Гус указывал на восточную православную церковь как на неизменно стоящую при апостольских преданиях и высказывал к ней большое уважение. Все же реформаты, восстававшие против папства, доказывали, что в таком виде, в каком тогда представлялась римская церковь с царем-папой во главе, с ужасными ее злоупотреблениями при выжимании денег из народов разными индульгенциями, при ненасытимой ее гордости, не может быть представительницей древней, первоначальной апостольской церкви, тем более что уже в IX столетии она отделилась от восточной церкви, с которой была сначала соединенной. Это был тяжелый укор папству. Царство само в себе разделившееся стоять не может, а должно непременно пасть. Меч, которым папы обыкновенно спасали свою власть, не мог действовать, так как его не хотели поднимать за пап цари, бывшие прежде верными их слугами. Многие из них стояли уже именно во главе протестантства. Не могли уже действовать ни инквизиция, ни костры там, где вся масса народа насыщена была враждебным для папства духом. Папству остались верными только народы романской расы, именно: Италия, Испания и отчасти Франция. Верны им были и польские короли, не столько по убеждению религиозному, сколько по видам политическим своего государства. В Польше еще со времен литовского князя Ягайлы, женившегося на польской королевно Ядвиге и из Православия *вторично* крещенного в католичество, начала в литовско-русских землях действовать католическо-польская пропаганда, и католические ксендзы внушали королям и дворянству, что Польша только тогда может быть сильна, если православная Русь и Литва обращены будут в католицизм. С такой целью навязывала Польша Литве и Руси разные политические унии или соединения. Первая состоялась при Ягайле в 1386 году, вторая была в Городле в 1413 году, называемая Городельской, третья в Петрокове в 1499 году, а четвертая в Люблине в 1569 году. Все эти унии были политические, но они имели и церковное значение: открыт был путь в русско-православные области польско-католической шляхте и римской Пропаганде. Последняя, именно Люблинская уния, была уже смелым шагом к осуществлению католическо-польских намерений — совершенного окатоличения и ополячения литовско-русских земель. Недоставало еще церковной унии; явилась и она в 1596 году.

Еще раньше Люблинской унии, именно в 1564 году, пригласил ученый архиепископ Вармийский и кардинал римской церкви Гозий иезуитов для противодействия протестантству. Оттуда разбрелись они и по Литве и, притворившись безвинными агнцами, старались везде расположить к себе народ, прежде же всего высшие и богатые сословия. Притворяясь безвинными агнцами, они имели вид бескорыстных учителей и религиозных подвижников, неутомимых в труде, в молитве, в постах, в проповеди слова Божия. Лютеран, которые хорошо знали

их притворство и бранили их, они благословляли и молились за них, не воздающе сначала злом за зло, а терпяще всякую укоризну будто по-евангельски. Таким видом святости они обратили многих принявших протестантство опять в католицизм.

Разместившись по дворянским польским, а затем и русским православным домам, они старались изучить Православие, насколько оно сильно, и узнать о некоторых его недостатках и злоупотреблениях. Они узнали, что оно слилось с жизнью православных неразлучно и что переход от Православия в латинство крайне труден, особенно в низших слоях народа. Потому довольствовались они влиянием на молодежь дворянских родов, и особенно на женщин, которые должны были действовать на своих мужей. Так удалось им обольстить многих, и были в среде православного дворянства многие колеблющиеся, многие попали в их сети и пропали для Православия.

Принявшие латинство устраивали в своих комнатах часовни, в которых служили иезуиты — устроивши все преизящно и привлекательно, так что Православная Церковь со своим простым пением, с не всегда хорошо писанными иконами, со своим убожеством казалась ниже латинской не только для вельможей и их семейств, но и для их слуг, слышавших постоянно похвалы римской обрядности в разговорах и в неумимых проповедях иезуитов. Все малообразованные, а таких было много, видели в иезуитах людей высокообразованных, какими они бывали только на вид, которых образование заключалось в многоглаголании, в напыщенных изученных фразах и театральной декламации, способной вызывать в слабых людях слезы, в чем состояло именно главное их искусство. С сердечною, трогательною будто бы жалостью они относились к несчастным православным, души которых, говорили они, несмотря на праведную жизнь, будут гореть в неугасаемом огне в аду, потому что они вне церкви и отвергли ее главу. Описывать мучения ада составляет особое искусство иезуитских проповедников, при слушании которых женщины плачут навзрыд. Но когда уже до крайности растроганы сердца слушателей, иезуит с театральным искусством указывал путь, на котором единственно можно спастись, — путь в Рим к ключам апостола Петра, к его ключарю папе, который один имеет власть открыть двери в рай или закрыть их для не знавших его в жизни.

Снискавши такими способами доверие непросвещенного люда разных сословий, они начали подвергать осуждению восточную обрядность, представляя ее не только простою потому, что служение бывает на церковно-славянском языке, понятном каждому простому верующему, но и пагубною для душ христианских. Название крестьянина «быдлом», хамом, гудзом, мургой, мотузом и пр. только там существует еще до сих пор, где была или есть уния. Изобретателями таких прозвищ были именно иезуиты, никогда не обращавшие внимания на простой народ и всегда только действовавшие на высшие его сословия. По их соображениям, народ должен быть темный, чтобы всему верил и чтобы безусловно слушался панов; для народа не нужно учения, только палка. Поэтому из иезуитских воспитанников выходили жесточайшие мучители крестьян, бессовестные, бессердечные, каких нигде не было, кроме Польши. Некоторые паны-шляхтичи даже стреляли крестьян и жидов так себе, для шутки, уплачивая за убийство крестьянина 100 злотых то есть 15 рублей, а в позднейшие польские времена даже гораздо дешевле — до 3 рублей.

Утвердившись в домах православных дворян, они нашли способ действовать на умы самых твердых православных. Излюбленным для них предлогом речей была речь о Евхаристии, которую под двумя видами хлеба и вина принимать они считали неприятным, потому что из одной чаши причащаются и благородные, и простые крестьяне, хамы.

Это делали они нарочно, потому что православные, слышащие на литургии слова Спасителя: «пейте от нея (чаши) все», считали причащение верных под видом одного хлеба нарушением Божией заповеди. Так как иезуиты не могли устоять с доказательствами о правильности приобщения под *одним* видом хлеба, то они и пускали в ход разные хитрости.

Православную Церковь иезуиты представляли схизматическою, хулили православное богослужение, на православных епископов и духовных выдумывали всякие басни и пускали в ход в массу народа. Исповедь была для них учреждением полицейским. Они старались, особенно от слуг, узнать обо всем, что происходит в домах их господ, и пользовались этими сведениями для упрочения своего влияния на общество, которое удивлялось их пронизательности и боялось их. На чувствительные души, как уже сказано, они действовали ужасами ада. Можно себе представить, как тогда проповедовали иезуиты католицизм в православных странах под покровительством польских королей и польской шляхты, если в недавнее еще время, именно в 1863 году, их воспитанник из Рима, поставленный профессором догматического богословия в Львовском университете, осмелился своим слушателям, воспитанникам русской духовной семинарии, дословно читать следующее: «Ecclesia schismaticorum est synagoga diabolorum, in eucharistia schismaticorum sedet ipse diabolus» («Церковь схизматиков (православных) есть сборище диаволов, в евхаристии схизматиков сидит сам диавол»). Он же учил, что дети священнические — незаконные, так как священник должен быть безбрачен, хотя сам же он был сыном священника. Понятно, что в прежние века считали таких учителей премудрыми проповедниками истины и слушали их.

Так изучивши во второй половине XVI столетия нашу Православную Церковь, иезуиты пришли к убеждению, что ввиду распространяющегося в Польше протестантизма им невозможно сразу действовать на две стороны, обращать протестантов и приступать к совершенному окатоличению западнорусского народа. Вот и придумали они создать только мост, по которому православные не сразу, а лишь со временем должны были пройти от Востока к Западу, от Православия к настоящему латинству. Этим мостом была *уния*.

Но чтобы ее привести в дело, нужно было иметь людей из самих же православных, пользовавшихся благорасположением и уважением народа, а таких нужно было еще воспитать. Польский король Стефан Баторий очень благоволил к иезуитам. Он считал католицизм объединительным средством для своих подданных и снабжал иезуитов всевозможными средствами для этого дела. Их коллегию в Вильне он возвысил на степень академии; в ней-то и должна была подготавливаться русская православная молодежь для борьбы с Православием и для введения унии повсеместно.

Когда между королем польским Стефаном Баторием и русским царем Иваном Грозным вспыхнула война и приняла неблагоприятный оборот для Московского царства, Иван Грозный просил папу о посред-

ничестве. Папа воспользовался этим случаем и послал своего легата иезуита Антония Поссевина, надеясь, что Поссевину удастся склонить Ивана Грозного к принятию унии с Римом. Но царь отложил беседы о вере до заключения мира; когда же был заключен мир, Иван Грозный и слышать не хотел об унии, и даже стал обличать пап, зачем их носят на носилках, зачем у них кресты на туфлях, это оскорбительно для знамени христианства, так как не полагается носить креста ниже груди. Поссевин возвратился из Москвы ни с чем и написал, что, хотя дело унии не удалось в Москве, но оставлять его нельзя, надобно приложить все усилия, чтобы склонить к принятию ее западнорусских епископов. Разумеется, папа согласился и в таком направлении действовал и на короля Стефана Батория, который и сам мечтал о том, чтобы разрушить преграду, отделявшую Русь от Польши, — именно православную веру.

С этою целью начал король действовать уже более открыто и усердно. Иезуитам он отдал в городе Полоцке все православные монастыри и церкви и основал там иезуитскую коллегия, для содержания которой назначил богатые поместья. Такие коллегии были основаны тоже в Несвиже и в Ярославле (в Галиции). Вильна же со своею иезуитскою академией пользовалась самой большою славой и была действительно центром католической пропаганды на всю тогдашнюю Польшу. Кроме Виленской академии были еще разные училища для дворянских детей и семинарии, в которых иезуиты и их помощники отравляли сердца молодежи ядом ненависти к православной вере, представляя ее хлопской верой.

На одно только не обращали иезуиты внимания, именно на сельские народные школы, которые и тогда бывали у нас почти при каждой церкви, и это было счастьем для Православия. По иезуитскому пониманию, как выше сказано, народ — быдло. Никогда и нигде они не старались его просветить, не учреждали никаких народных школ, но только средние и высшие; по их правилам, толпа народа должна быть темной, слепо повинующейся привилегированным классам. На эти только классы они обращали все внимание и хлопотали у королей, чтобы эти классы снабжены были всевозможными привилегиями, стесняющими православных, особенно духовенство и простой народ. Иезуитство — учреждение аристократическое; презрение к массе народа — его отличительная черта. Иезуиты писали польскую историю, возвеличивающую польскую шляхту, они писали родословия, которыми возбуждали страсть к гербам польского шляхетства до того, что многие стыдились своих родовых русских фамилий и переименовывали их на польский шляхетский лад. Так Мельник переменял свою фамилию на Мельницкий, из Волка делался Вильчинский, из Сороки Срочинский и т. п.

В иезуитских школах не шляхтич не имел места, а если и попадал, то был предметом насмешек. Из таких школ выходили жестокие мучители простого народа, особенно если это был православный народ.

Действуя против Православия своею академиею и школами, иезуиты в тоже время содействовали увеличению силы и могущества шляхты разными привилегиями. Такою привилегией было между прочим так называемое право презентации (*jus patronandi et praesentandi*), которое до сих пор еще лежит тяжким бременем на униатском духовенстве в Галиции. В силу этого права священник зависел от воли помещика, в имении которого он желал быть поставлен духовным пастырем. Без согласия так называемого патрона епископ не мог поставить

приходского священника. Он должен был представить презенту (грамоту), что помещик ему дает приход под такими-то условиями. Очень часто нужно было такую презенту покупать за деньги при посредничестве еврейских факторов и пр., что до сих пор практикуется в Галиции. Хотя условия бывали иногда очень тягостные, священник должен был на все соглашаться. Только впоследствии времени начали помещики писать на презентационных грамотах обещание «ze z gruntzw do pomienionej parochii nalezaczych xiadz N. N. do pańszczyzny i innych danin pociaganym nie bedzie, Iasnie Wielmoznemu xiadzu biskupowi zageczam» («А что с земли, к помянутому приходу принадлежащей, священник Н. Н. к барщине и другим повинностям не будет принуждаем, Вашему Преосвященству ручаюсь»). Грамоты с такими оговорками встречаются еще теперь в Галиции у многих священников; но они доказывают, что только священник, *принявший унию*, свободен был от барщины, а как невыносимо было положение тогдашних *православных* священников, можно себе представить. Такие привилегии были весьма пригодны иезуитам в их антиправославной пропаганде. Легко ли мог тогда священник без образования, семейство которого должно было работать барщину и жило в крайней бедности, выступать на защиту Православия, везде и всеми гонимого и презираемого?

Поэтому неудивительно, что в числе воспитанников иезуитских из русского рода являлись многие со склонности к унии, в которой будто был выход из невыносимого положения. Тем более казалось измученным гонениями православным, что уния не дурное дело, что она будто не отнимет у народа дорогой его сердцу обрядности, а оставит ее в целости с тем только условием, чтобы заменить Цареградского патриарха римским папою. Но все-таки нельзя сказать, чтобы таких слабых верою было очень много. Как среди русско-литовского дворянства, так и среди духовенства любовь к прародительской вере тем более проявлялась, чем с большим усердием и нахальством действовали иезуиты. Понимали разумные люди русского рода всех сословий, что иезуиты не остановятся на унии и что цель их совершенно окатоличить и ополячить Литву и Западную Русь и уничтожить Русскую Православную Церковь с ее восточно-обрядностью, что уния есть только первый шаг к такому уничтожению. И опасения их были совершенно справедливы. Они видели, что как только иезуиты успевали пробраться в дворянские дома в качестве воспитателей молодежи и крепко уселись, то ни словом не упоминали уже об унии, а прямо предлагали своим воспитанникам принимать католичество и *латинскую обрядность* (*pobiliozem ritum*), то есть более благородную обрядность, уния же должна была только морочить низшее духовенство и народ, и то только до тех пор, пока вера в папу как наместника Христа и преемника апостола Петра не войдет в его кровь и мозги, а тогда уже уния сама поведет к латинству. Об этом знали православные, и вот почему немногие являлись отступники от древнего Православия и почему не так легко было иезуитам управиться с Православием. Приготавливая унию, они издавали множество книжек, исполненных фанатизма, и устраивали собеседования. Ловкие ораторы, обладающие искусством действовать на незрелые умы пустыми софизмами, а на чувства фарисейством, они приобретали последователей, и тем легче, что православные, защищающие свои догматы, хотя и отличались наукой, знанием Священного Писания и богослужебных книг, но редко обладали искусственным ораторством и

были совершенными неучами в притворстве. Иезуиты говорили смело и громко, за ними стояла власть — шляхта и король, им можно было никого и ничего не бояться; православные приступали к беседам со страхом, как гонимые, за ними стоял только темный народ, «быдло», не имевший тогда никакого голоса. Они, защищая Православие, должны были быть готовыми на всякого рода гонения и лишения насущного хлеба. Поэтому, видя невозможность убедить колеблющихся, они предпочитали не являться на такие беседы, и князь Курбский не советовал даже принимать в них участие, а если говорить, так не с крикунами, а только с учеными.

Изречение божественного Спасителя: «*Поражу пастыря, и разойдутся овцы стада*» — начало вскоре оправдываться на деле. Так как ни о чем тогда не говорили, как только об унии, то унией, так сказать, заражен был тогда самый воздух в Вильне, Полоцке, Бресте, Луцке, Холме.

Одно лишь обстоятельство заставило иезуитов призадуматься. В то время, в 1582 году, папа Григорий XIII ввел вместо старого никейского новый свой календарь, называемый теперь григорианским.

Иезуитам казалось, что это будет самым удобным случаем оторвать Литву и Русь от их связи с Востоком, именно с Цареградским патриархом и с восточною Россией. Календарь, хитро возглашали они, это еще не *вера*, это вещь совершенно невинная и всем желательная, чтобы все христиане всех вероисповеданий в одни дни работали и все вместе праздновали. Но православные иначе понимали объединение календаря. Они видели в этом первый шаг к унии, даже больше: шаг к настоящему католичеству. «У нас, — говорили они, — церковный календарь, установленный на тысячи лет, нам нужно бы совершенно перерабатывать наши книги; но самое главное: мы не хотим отступить от того, что оставили нам наши отцы. Если вы, — говорили православные католикам, — считаете это дело мало важным, так зачем же вам настаивать на нем; оставьте нас в покое». Но дело не кончилось на словах, а князь Константин Острожский написал письмо к патриарху Цареградскому, прося совета, что делать, и получил ответ, чтобы никак не принимать григорианского календаря, а держаться принятого Первым Вселенским собором.

Кто знает быт русского народа в тех краях, в которых он смешан с католиками и поляками, тот понимает, какую важность имеет для православных календарь. Народ привык называть все католическое польским, восточное — русским. Принять польский (по разумению народа) календарь — значит, отречься от своей веры и сделаться поляком. Поэтому, пока народ русский состоит в борьбе с латинством, он не может согласиться на такую перемену в настоящее время. Так, известно, что в Галиции все попытки австрийского правительства завести новый календарь встречали решительный отказ народа. Тем менее могли иезуиты с поляками думать, что им это удастся в XVI столетии, когда во главе православных стояли еще знатные княжеские роды, хорошо понимавшие, что всякое сближение с Западом вредно для Православия. Из отпора против нового календаря иезуиты вынесли урок, что навязать народу унию то есть *новшество*, не так легко, как они сначала предполагали, и что надобно действовать усердно и умело, чтобы не раздражить крестьян, которые готовы были ко всяким жертвам за прародительскую свою веру.

Тогда стало ясно иезуитам, что единственная их надежда на успех — в расположении к унии *высшего православного западнорусского духовенства*, именно митрополита и епископов. Прежде всего, думали они, нужно ослабить влияние и авторитет патриарха, представить, что он как подданный турецкого султана не имеет ни свободы, ни власти управлять Церковью, и указывали на папу как на независимого государя, никем не стесняемого, пользовавшегося полнейшею свободой и властью; он может всякому, кто бы он ни был, воздать полную справедливость. Поэтому гораздо лучше избрать главой церкви папу, пользующегося у всех христианских людей Запада высочайшим почетом и авторитетом, чем оставаться в повиновении у раба неверного султана. Суждения эти, очень ловко придуманные, встречали сочувствие, и таким способом подготовлялась официальная уния, для введения которой в жизнь находились уже подготовленные люди.

Хотя король Стефан Баторий, как выше сказано, сочувствовал унии, но он не осмелился действовать *насильственно*, а только такими орудиями, как иезуитская лесть и обман. Тем более он был нерешительным, что убеждался: масса народа и слышать не хочет о перемене старой веры; в числе защитников Православия находятся самые честнейшие и умнейшие люди из русского дворянства и духовенства, а на стороне унии такие люди, которые не были хорошими православными, а главным образом искали только почестей и беззаботной жизни. Когда же умер Стефан Баторий и на престол польский вступил Сигизмунд III, тогда возрадовались иезуиты. Он назначил своим духовником Петра Скаргу, ярого иезуита и опытного проповедника, который вместе с Посевином был первым затейщиком унии. Скарга убеждал короля, что он может достигнуть бессмертной славы на земле и венца на небесах, если поможет привести Русь в едино стадо с Польшей. Тогда бросились иезуиты с великим жаром на дело. Прежде всего они старались расположить к себе русское дворянство. Притворяясь самыми искренними доброжелателями русских дворян, они представляли им великие выгоды от унии, если она водворится в целом Польском царстве и вся Русь и Литва будут католическими, не лишаясь своих восточных обрядов. Польскому же королю и дворянству они в то же время внушали, что уния только *первый шаг* к совершенной латинизации и ополячению и что в Речи Посполитой добра не будет, пока в ней не будут *все* настоящими католиками. Нам надобно, говорили они, сломать силу Руси, а она тогда только будет *нашей*, перестанет быть *Русью* и будет настоящей Польшею, когда сделается католической.

К сожалению, тогда были такие обстоятельства, которые благоприятствовали планам иезуитов. Православная церковь не имела тогда достойных иерархов в Литовской Руси. Большая часть иерархии была уже заражена польским шляхетским духом. Киевским митрополитом был Онисифор Девочка, которого называли двоеженцем, потому что он до рукоположения в епископа был вдовцом по смерти второй жены. По канонам восточной церкви двоеженцы не могут быть епископами. Патриарх Константинопольский Иеремия, приехавший на Русь ради исправления беспорядков, в 1589 г. низложил его по просьбе западнорусских православных, которые были недовольными Онисифором и за то, что он был небрежный пастырь православного стада, как это видно из письма галицко-русских дворян, писанного к нему в 1585 г. из Варшавы: «Хотя вашу милость старшим своим имеем, однако ваша ми-

лость не заботился о том, чтобы словесных овец своих от *губительных волков* оборонять. Во время папства вашей милости довольно всего злого в нашем законе стало: насилия святыни, замыкание святых тайн, запечатание церквей, запрещение звонить, выволакивание от престола и от церквей Божиих попов, и как будто бы злодеев, сажают их в тюрьмы, а мирским людям запрещают в церквах Божиих молиться.... Но этого мало: *рубят кресты святые**, захватывают колокола в замок (крепость), отдают их в распоряжение жидам, и еще ваша милость листы (грамоты) свои открытые против церквей Божиих жидам на помосу даешь... *Из церквей делаются иезуитские костелы...* Но что еще хуже, ваша милость поставляешь одних епископов без свидетелей и без нас, братии твоей, что и правила запрещают, вследствие чего негодные люди становятся епископами», и прочее.

Не удивительно, что на такие злоупотребления епископской власти не мог равнодушно смотреть патриарх, и он, низложив митрополита Онисифора, низложил тоже и Супрасльского архимандрита Тимофея Злобу, обвиненного тоже в тяжких преступлениях.

Низложение Онисифора было, однако, на руку королю и иезуитам потому только, что им удалось на его место, столь важное, поставить Минского архимандрита Михаила Рогозу, человека слабого характера, который притворялся ревностным православным.

Патриарх, стараясь удалить от Церкви соблазны, заботился также утвердить Православие посредством церковных братств. В то время подтвердил он устав Львовского Ставропигийского братства. Это было для Червонной Руси очень важным делом. Можно сказать, что в Галиции Православная Церковь потому и была сильна, что во главе народа действовало славное Ставропигийское братство, прямо подчиненное самому патриарху. Это братство и раньше утверждения патриархом Иеремиею действовало во благо Церкви и народа по благословию Антиохийского патриарха Иоакима и было одним из самых крепких оплотов Православия во всей Западной Руси. Другим могущественным братством, устав которого тоже утвердил патриарх Иеремия, было Виленское православное братство. По образцу этих братств основались другие братства: в Холмской Руси, в Белоруссии, в Малороссии. Братства строго наблюдали за благочинием и нравственностью в своей среде, а главнейшие из них — и во всем православном обществе. Братства имели также право воспитывать юношество, которое обучали Священному Писанию, а также славянскому и греческому языкам; они получили наконец право печатать священные и церковные книги и учебники.

Западнорусские братства, поставившие себе целью защиту и утверждение Православия в таких странах, где оно имело много врагов, были великою силою, очень опасною даже для иезуитов. Многие из них сохранились в своих остатках и доныне в тех епархиях, где была уния, и многие из них должны быть восстановлены. Такое братство должно быть в каждом приходе. Оно должно бы стараться о благолепии Дома Божьего, способствовать школьному просвещению в духе Православия, распространять книги, наблюдать за посещением церквей и за нравственностью христиан, устранять соблазны, утверждать трезвость и всякие добродетели, помогать бедным, беспомощным.

* Как в настоящее время в Галиции

Патриарх понимал, какая сила таких братств, и потому утверждал их. От них он мог знать обо всем, что делалось на Руси, и легче устранять зло. На частных людей, отдельно поставленных, нельзя было полагаться, потому что частного человека легко было врагам перехитрить и переманить на свою сторону, а с братствами этого нельзя было сделать.

Но и братства не могли в то время спасти русскую церковь от унии. Иезуиты накинули на всю Русь и Литву католическую сеть, имея опору в самом короле и в шляхте, которая с каждым годом более и более переходила в латинство. Оставалось, правда, в Православии низшее духовенство, но оно было малообразованное, бедное, зависимое, гонимое и бессильное к борьбе с могущим врагом, за которым все стояло — от короля до последнего писаря. Духовенство нередко со связанными руками должно было смотреть, как тяжкие волки раздирали их паству. Епископы же, видя в патриархе строгого судью своих дел, иногда нехороших, и видя, что в римской церкви все безнаказанно проходит, стали подумывать, как бы избавиться себя от Константинопольского патриарха, чем ловко воспользовались иезуиты. Они говорили епископам: чем помогает вам патриарх? Он бессилен, он сам раб неверного султана, его никто не уважает, не слушает. Другое дело папа. Ему, как наместнику Христа и преемнику апостола Петра, повинуются и цари. Патриарх, говорили иезуиты епископам, поставил вас под надзор братств, которые следят за каждым вашим шагом, и вы не свободны; примите унию, тогда сбросите это иго, а папа не будет вмешиваться в ваши дела, будете себе жить, как душе угодно, и братства ничего не сделают вам своими доносами.

Не предотвратили унии и остававшиеся еще в Православии могущественные защитники его, во главе которых стоял богатый вельможа и светлый муж князь Константин Острожский. Не было им надлежащей опоры не только в их дворянской среде, но и в среде духовенства, потому что в то время поставляли в священство чаще всего в угождение ополченным панам их лакеев, экономов, поваров, мельников и пр. людей полуграмотных, а шляхта чаще и чаще перебегала в латинство, потому что презирала свое темное духовенство, и притом видела, что соращение в латинство открывало ей двери к получению высоких почестей в Польском государстве. Не лучше было и в монастырях, которые должны были быть крепостью Православия. В них редко бывали ученые люди, чаще же всего монахи думали только о том, как бы сохранить свое имущество от грабежа, и считали себя счастливыми, если их никто не трогал.

Так все обстоятельства сложились в пользу иезуитов, и мысль об унии овладела и черным и белым русским духовенством, не видевшим другого выхода из отчаянного своего положения.

В 1590 году митрополит Михаил Рогоза созвал в Брест-Литовске собор для совета, как бы улучшить все в Православной Церкви.

На собор явились Кирилл Терлецкий, епископ Луцкий, уже давно расползшийся к унии, Леонтий Пелчинский, епископ Пинский, Дионисий Збируйский, епископ Холмский, и Львовский Гедеон Балабан. Митрополит указал на тягостное положение Русской Церкви по причине ее зависимости от Константинопольского патриарха, турецкого подданного. Все епископы согласились с его мнением и высказали желание соединиться с западной церковью. С этим мнением согласился даже известный впоследствии своею ревностью к Православию Львовский

епископ Гедеон, — согласился потому, что он тогда был во вражде с Львовским братством. Тогда епископы составили грамоту, в которой объявили, что они, по долгу пастырей — спасти свои паствы от бедствий, готовы подчиниться римскому папе, если восточные их обряды будут им оставлены в целости вовеки. Митрополит по благоразумию не подписал этой грамоты, потому что это еще было преждевременно, а иезуиты, вероятно, так его наставили, что ему нужно было еще играть роль православного до той поры, пока дело уже будет готово. Но грамота была передана польскому королю Сигизмунду, который в 1592 г. в марте месяце, выразив благодарность епископам, обещал им разные преимущества и защиту от нападений. Между прочим, он обещал «*приумножение ласки, увеличение вольностей и свобод*» наравне с латинским духовенством и пр. Это были пустые слова!

Теперь-то начали иезуиты действовать решительно, по внушению Петра Скарги, который еще в 1577 г. издал сочинение об унии на польском языке. После пятилетних трудов иезуитов почва для унии была уже настолько подготовлена, что можно было сделать решительный шаг. Правда, и православные не бездействовали. Они еще раньше усилили свои заботы о просвещении. Тогда именно явился в западной России первый русский книгопечатник Иван Федоров. В 1580 г. издана была в Остроге заботами князя Константина Острожского первая печатная Библия на славянском языке; появились и другие книги в Остроге, Львове и Вильне. Религиозная жизнь пробудилась, как никогда прежде. Братства исправляли старые злоупотребления, которые под влиянием иезуитов и латинства вкрались в Православную Церковь, они ободряли народ к долготерпению и мужеству в борьбе за дражайшее наследство отцов — *родную церковь*.

Несмотря на грамоту короля, соизволявшего на унию, православные не думали принимать ее. Они считали предателями четырех епископов, подписавшихся на унию, и утешались твердостью остальных. Львовское братство, узнав о предательстве епископов, обратилось к патриарху с сердечной просьбой помочь делу и прислать экзарха в Литву.

Иезуиты, однако, делали свое. Они распустили нарочно, чтобы устрашить православных, молву, что уже и митрополит подписался на унию. В 1593 г. иезуитам прибыла новая сила. В этом году умер в Бресте епископ Мелетий Хрептович, и на его место назначен был Адам Поцей, сенатор и каштелян брестский, человек знатного рода и обширного образования. Он учился в Кракове; кончив науки, был на службе у князя Радзивилла, покровителя протестантов, и в то время принял протестантство. После того он был писарем у короля, судьей, сенатором и каштеляном брестским. Он был прежде женат на родственнице князя Константина Острожского и в близкой связи с ним. Для планов иезуитов не могло быть лучшего человека. Сам король написал грамоту митрополиту, чтобы он посвятил Поцея в епископы без всякого возражения. Поцей тогда уже отказался от протестантства и опять принял Православие. Сделавшись епископом, он сблизился с Кириллом Терлецким, который его высоко уважал и предоставил ему главное участие в деле унии. Терлецкий убеждал его, что нельзя дальше оставаться под управлением патриарха, который по простым доносам низлагает епископов, поставил над епископами братства вроде надзирателей, а этого всего, говорил он, не будет, когда мы присоединимся к папе. Тогда будем сидеть до смерти на наших епископствах и отыщем наши цер-

ковные имена. Но Поцея не надо было убеждать. Он уже был в душе униатом. Его не тронуло даже письмо такого мощного покровителя Православия, как князь Острожский, который не был врагом унии, то есть *соединения всех церквей*, о чем наша Церковь всегда молится. Князь Острожский писал Поцею, что он понимает унию только всех церквей вместе, и предлагал ему отправиться в Москву к патриарху, чтобы он и все патриархи Востока соединились, как это было в первые века христианства прежде раздора, происшедшего в IX столетии от гордости римских первосвятителей. Князь Острожский писал ему, что о таком деле, как соединение церквей, должны произнести суд прежде всего *греческие отцы*. На это Поцей ответил, что это трудное дело, что он и не думал об этом; не упоминал он об этом и на соборе, который созван был в 1593 году.

О том, что происходило теперь в западнорусской церкви, узнал патриарх в Константинополе от Львовского братства и написал на имя митрополита две грамоты: одну — с приказом низложить Львовского епископа Гедеона Балабана, а вторую — с выговором самому митрополиту, с временным запрещением за то, что он дурно управляет паствой, если не сумел в продолжение пяти лет (1589–1593) умиротворить ее. Митрополит Михаил, получив эти грамоты, созвал на 24 июня 1594 года собор в Бресте, на который приехали только Поцей и Терлецкий. Собор для отвода глаз осудил Гедеона, и митрополит отлучил его. Но удивительно! Когда об этом низложении шла речь, королевский примас, архиепископ Гнезненский, прислал митрополиту письмо, что собор *не допускается потому, что созван в отсутствие короля* (король уехал в Швецию), *когда по законам Польши не допускаются вообще никакие собрания*; в письме этом было выражено также *негодование латинян на митрополита за его содействие патриарху*. Письмо, очевидно, было написано с тем, чтобы лишить представителей братств права участвовать в этом соборе и предпринимать что-либо на защиту Православной Церкви.

Этим ловко воспользовался Кирилл Терлецкий. Он знал отлично, что если бы митрополит что-нибудь предпринял на соборе неблагоприятного для унии и иезуитов, то это не имело бы никакой силы. Но он воспользовался теперь удобным случаем вызвать митрополита на решительное заявление об унии. Он пошел к нему и спросил его тайно: что он думает об унии? Митрополит против всякого ожидания дал свое согласие принять унию, потому будто бы, что не видел другого выхода из своего трудного положения. Кирилл был в восторге от такого заявления митрополита и с искусством «райского змия» представил ему все счастье от соединения церквей, то есть от подчинения их церкви папе. Митрополит составил записку, в которой выражены были мысли об общем соединении церквей, и дал ее Кириллу для представления королю, только просил его держать это еще в тайне. Он еще не имел смелости выступить решительно, потому что боялся православного дворянства и братств. Но Кирилл давно уже порвал связи и с дворянством, и с братствами, не считал нужным скрываться и открыто выступил поборником унии. Он поехал в Краков, представился королю, выпросил себе у него грамоту на звание экзарха и привез похвальную грамоту Поцею за его заслуги для унии.

Вернувшись из Кракова, Терлецкий вместе с Поцеем убедили митрополита уполномочить их вести переговоры об унии. Митрополит

колебался, просил шесть недель на размышление, но затем было составлено соборное послание о принятии унии. Положение митрополита было весьма трудное при неустойчивости его характера. С боязнью оглядываясь на все стороны, он всех обманывал. Братства он уверял, что не подписал грамоты; уверял в том же и дворян, особенно князя Острожского, которому обещал твердо стоять за Православие. Он содействовал примирению Гедеоны с братством, после чего Гедедон написал протестацию против Поцей и Терлецкого, отказываясь от всякой унии. Митрополит даже написал Виленскому братству послание, опровергающее разнесшийся слух об его измене. Но братство имело в руках документы и переслало их князю Острожскому и Скумину — в доказательство лживости митрополита и единомысленных с ним епископов. Братство просило князей, чтобы они выхлопотали созвание собора, в котором участвовали бы и миряне. Но до собора не скоро еще дошло дело. Поцей и Терлецкий в том же 1595 г. поспешили в Краков. В Люблине Поцей встретился с князем Острожским, показал ему подлинные грамоты и на коленях слезно просил его принять участие в унии. Князь резко сказал, что решать дело об унии может только *собор*.

Оба епископа приехали в Краков, а оттуда *без разрешения митрополита* отправились в Рим. К этому они готовились уже дома, так как нужно было заложить церковные имения, чтобы добыть денег на дорогу. Выехав в сентябре 1595 г., они приехали в Рим в ноябре месяце. Митрополит, как только узнал об их отъезде, послал своего протонотария, чтобы их возвратить, но они не обратили внимания на приказание митрополита. Что для них тогда значил митрополит, когда они уже везли в Рим готовую унию с могущим папой — царем!

Сам король известил окружной грамотой всех своих подданных, что для приведения унии в действие отправились в Рим епископы Владимирский и Луцкий. Православные сильно возмутились, особенно князь К.Острожский и Скумин. В Вильне выступил известный проповедник Стефан Зизаний на защиту Православия. Народ роптал, за что начали его преследовать в имениях панов-латинян и в королевских имениях. Это предвещало великую бурю, которая и разразилась в близком будущем.

Епископов Поцей и Терлецкого папа принял в Риме очень сердечно. Им отведен был особый дворец и выдавалось много денег. Папа дал им аудиенцию 23 декабря, по особому церемониалу. Они прочитали грамоты, латинское исповедание веры и удостоены были облобызать крест на папском башмаке. Об унии составлен был папскими секретарями протокол, и для увековечения введения унии папа велел выбить медаль с надписью «*Ruthenis receptis*» (на память о присоединении русских). Оба епископа возведены были в звания прелатов и ассистентов римского престола, и им вручены были грамоты королю, митрополиту, епископам и князьям. Королю папа писал, чтобы он принял митрополита и епископов в число сенаторов; митрополиту поручено было созвать собор и представить затем папе его постановление.

По-видимому, все пошло благополучно. Но не так было на деле. Папа утвердил восточную обрядность, но не безусловно, а лишь настолько, *насколько она не противоречила латинству*, и хотя оставил православным Символ веры, но Поцей и Терлецкий уже читали латинское исповедание веры. Папа знал, что иезуиты довершат дело по своему, все переделают на латинский лад.

В марте 1596 года возвратились епископы Терлецкий и Поцей из Рима, ошастливленные почестями и достоинствами. Но на первых же шагах их встретила большая неприятность. Русские православные депутаты с князем Константином Острожским во главе, на Варшавском сейме подали королю просьбу, чтобы епископы, согласившиеся на унию, были лишены сана и на их места назначены другие. Поцей и Терлецкий позаботились выхлопотать у короля новые грамоты на эти епископства. Еще раньше этого король, соглашаясь на собор, заявил, что в нем не должны участвовать миряне, потому что он знал настроение православных мирян и боялся их. По желанию короля созван был такой собор в Новогрудке из одного духовенства, но он не решил дела унии, а занялся осуждением защитников Православия, особенно Стефана Зизания. Такой собор не мог удовлетворить ни православных, ни приверженцев унии. Православные желали выяснить и решить все дело на большом соборе, с участием представителей народа, который вместе с духовенством и составляет церковь, а приверженцы унии, хотя тоже желали покончить дело торжественно, но с поражением Православия. Они желали устроить такой собор, чтобы на нем также торжественно повторить то, что было в Риме, именно, чтобы вся Русская земля услышала, что без папы будто бы спасения быть не может, что вера предков, спасавшая их в продолжение шестисот лет со времен принятия Русью Крещения, не полная, что папу в Риме надобно считать альфой и омегой, началом и концом в христианской церкви.

С таким пониманием дела согласен был и король Сигизмунд III. Он издал 14 июня 1596 г. универсал, в котором заявил, что не только епископы, ездившие в Рим, но и он сам имел желание соединить церкви. Он говорил затем, что желает быть со своими подданными в *одной вере*, что такое единение *охраняет целостность республики*. О народе же выразился, что это только «толпа», и он не должен участвовать в соборе. Митрополит Михаил Рогоза издал со своей стороны подобный циркуляр. Но несмотря на все это, народ волновался, особенно в Вильне, так что митрополиту нужна была королевская защита. Народ волновался и в епархиях Поцея и Терлецкого, и везде. Вопль несчастных гонимых православных дошел и до восточных патриархов, которые утешали гонимых и хвалили их твердость в Православии. Патриарх Мелетий Александрийский прислал ученого Кирилла Лукариса, протосинкелла александрийской церкви, а Константинопольский патриарх прислал своего архиерея, высокоученого Никифора, в звании экзарха, которых православные приняли весьма сердечно. Они радовались, что на соборе будут иметь своих ученых защитников против таких славных проповедников лжи, каким был прославленный поляками иезуит Петр Скарга. Они радовались прибытию этих ученых мужей тем более, что слабела их надежда на победу. Большинство епископов, с митрополитом во главе уже были явными униатами, остались в Православии только два епископа: Михаил Копыстинский Перемышльский и Гедеон Балабан Львовский.

Знали и глубоко чувствовали православные, что истина Христова на их стороне, но сила, и притом не одна внешняя, но и сила лжи и обмана — на стороне врагов. Враги эти решились доказать пред лицом мира, что унию приняло законное представительство западнорусской церкви, и потому они заботливо приготавливались к назначенному в городе Бресте собору, чтобы одержать на нем победу над православными и Православием.

Делом провозглашения унии на Брестском соборе заправляли епископы Кирилл Терлецкий, Ипатий Поцей и иезуиты. Положение православных было тяжелое. От Брестского собора они не ожидали ничего хорошего, но не падали духом, уповая на милость Божию и на свою правду.

В октябре 1596 г. начался этот собор. «Никогда, — пишет ученый-историк М.О. Коялович, — не было собора в западнорусской церкви, который представлял бы собою такую торжественность и величие, как собор 1596 года в Бресте. На этот собор прибыли: Никифор, экзарх Константинопольского патриарха в Литве и во всем константинопольском патриархате, человек, известный своею ученостью и сильными связями в Константинополе; Кирилл Лукарис, экзарх Александрийского патриарха; западнорусский митрополит Михаил с семью епископами; множество архимандритов, игуменов, священников западнорусской церкви; дальше князь Острожский с многочисленной свитой, послы от всех областей и множество людей всякого чина и звания. Представителями латинян были: главнейшие двигатели унии — латинские епископы: Луцкий, Львовский с иезуитами, Холмский; потом гетман литовский князь Николай Радзивилл, канцлер литовский Лев Сапега и подскарбий литовский Димитрий Фалецкий, тоже со свитами. Все съехавшиеся на собор немедленно разделились на две половины. Латиняне соединились с будущими униатами, Поцеем и другими епископами, не отказавшимися от унии, и взяли почти под стражу Михаила Рогозу. Патриаршие экзархи и другие представители восточной церкви соединились с двумя западнорусскими епископами, Гедеоном Львовским и Михаилом Перемышльским, с князем Острожским, с послами областными; к ним присоединились почти все духовные и мирские представители православной западнорусской церкви. Обе половины представляли собою грозное ополчение; шатры и пушки покрывали окрестности Бреста; и когда обе стороны измерили взаимные силы, то перевес на стороне православных был так велик во всех отношениях, что привел в ужас униатскую половину, и она обратилась с тревожными вопросами к князю Острожскому. Но он уверил, что спокойствие не будет нарушено, и, вероятно, слово князя было выражением мыслей большинства православных. Они так были уверены в правоте своего дела и в сочувствии целого народа, что никак не думали обращаться к силе без прямого вызова противной стороны и, как увидим сейчас, даже совершенно пренебрегли тою силою. Собираясь около двух патриарших экзархов, двух своих епископов и всего духовенства, они выжидали, пока митрополит, согласно всегдашнему обычаю, назначит им место для собора; но тотчас оказалось, что их благородное обещание не нарушать спокойствия подало повод противной стороне устроить козни. Митрополита не пускали к ним и скрывали от всех поисков. Православные узнали, что его даже окружает военная сила. Мало того: они узнали, что Поцей, как местный епископ, приказал запереть все церкви, чтобы лишить православный собор приличного места и будущие его действия — церковного освящения. Связанные благородным словом князя, они не посмели употребить силу и решились избрать для собора частный дом, какой можно было найти в Бресте, более обширный. Такой дом предложили протестанты. Православные разделились на две половины — духовную и мирскую, установили порядок заседаний в обеих половинах и, освятив залу духовного собора приличным молит-

вословием, приступили к делу. Действия этого собора в обеих его половинах (духовной и мирской) поражают нас изумительно верным знанием церковных и гражданских литовско-польских законов и еще более изумительно строгим исполнением их. Все увидели теперь, что митрополит и окружавшие его епископы предадут латинянам свою церковь и, следовательно, подлежат суду. Суд этот православные считали вправе произвести над высшим своим иерархом и епископами теперь, потому что имели на своей стороне представителей восточных патриархов, уполномоченных произвести этот суд; следовательно, на стороне православных были судьи по власти выше митрополита и всех западнорусских епископов. Звание Никифора, патриаршего экзарха, не подлежало никакому сомнению, потому что сами православные просили патриарха прислать его в Литву. Имея на своей стороне каноническую законность власти, православные не колебались ни минуты верить этой власти суд над делами западнорусской церкви, и каждое действие этой канонически законной власти возвышало в них доверие к собору. Экзарх Никифор через послов позвал митрополита на суд, согласно с церковными правилами судить виновного лично. Посланные не находили его; собор продолжал посылать их для новых поисков. После нескольких таких посольств митрополита наконец нашли в кругу латинян и получили в ответ, что он не явится на собор православных. Собор теперь имел право судить виновного и заочно, также по церковным правилам. Выбранный от собора прочитал грамоты Никифора к митрополиту с убеждением не приставать к унии, писанные — одна до приезда на собор, другая в день самого приезда; затем прочитаны были все «позвы» митрополиту и последний его ответ. Виновность его и единомышленных с ним епископов не подлежала никакому сомнению. Но так как, осуждая митрополита и единомышленных с ним епископов, нужно было вместе с тем осудить и унию, то члены собора, оставив в стороне виновников ее, занялись решением вопроса об унии. Сделано было опровержение ее, и затем духовный собор обратился к мирской половине и требовал ее мнений. Съезд православных мирян прочитал посольские инструкции от всех областей и представил духовному собору единогласное мнение, что унии не желает весь литовско-русский народ. Тогда собор приступил к окончательному решению: виновные в унии митрополит и епископы осуждены на низложение с кафедр. Определение собора было послано к виновным, и все члены собора составили протест против унии и владык, принявших ее, и отправили к королю послов с просьбою назначить им новых иерархов».

«Страна униатская делала как бы подражание православному собору, но самое слабое и крайне неудачное, несмотря на святость места, в котором производила свои действия (в кафедральной церкви Св. Николая). Страха ради от православных будущие униаты окружили себя военною силою и, вопреки всем правилам церкви, допустили в качестве членов собора иноверцев, то есть латинян. Дальше, подобно православным, они считали нужным снестись с не принявшими унии; но сносились частным образом, не с собора и не чрез грамоту, а словесно, посредством иноверцев. На основании таких частных и канонически незаконных сношений они признали не участвовавших в унии виновными, руководствуясь не обличением их и высказанным ими ответом, а тем убеждением, что унии все упорно противятся. Еще дальше. Православный собор рассуждал об унии и опровергал ее. Униатскому

собору не нужно было рассуждать о ней и вести прение: уния давно была решена без собора и утверждена уже была папою, рассуждать было не о чем, и униатский собор ограничился чтением папской утвердительной грамоты на унию. Наконец, православный собор, следуя вполне соборным правилам, допустил совещательное участие мирян, потому что дело касалось всего народа и его гражданских отношений к церкви. Униатскому собору некого было спрашивать о мнении народа, потому что на нем не было ни одного земского посла. Поэтому униатский собор только объявил унию как дело решенное, представил от себя тоже протест королю против не принявших унию с просьбою низложить силою виновных епископов и *принять меры против народа*».

Таким образом, мы видим, что общий съезд разногласящих сторон, собравшийся для примирения их в делах веры, как предполагалось в универсале короля и в грамоте митрополита, вовсе не достиг этой цели; он разделился на две половины, православную и латинствующую, которые сделались еще более враждебными, и каждая по-своему решила дело унии: одна отвергла ее, другая приняла. Значит, произнести окончательный приговор о соборе и принять решение предоставлено было будущему времени».

Конечно, взаимные проклятия и отрешения не препятствовали как православным, так и униатам оставаться при своих местах и званиях. Но положение православных, оставшихся верными восточной церкви, было далеко более трудное. Епископов, подчинившихся папе, защищало правительство; православных оно преследовало. Тотчас после Брестского собора Сигизмунд III издал грамоту, в которой говорит: «Митрополит с епископами, со всем духовенством и многими людьми греческой русской веры, сошлись в соборной брестской церкви Св. Николы после молитвы, три дня разбирали дело, справляясь со Священным Писанием, с правилами св. отец, братски призывали к себе епископов Михаила и Гедеона с их товарищами; но они, хотя сначала сами добровольно приступали к унии и о том к нам писали, но теперь, по наущению упорных людей, оставили св. храм Божий, в котором во все время собора ни разу не были, пожелали соединиться с анабаптистами, арианами, богохульниками и с другими старыми еретиками, неприятелями и поругателями веры православной русской. Мало того: соединяясь с каким-то еретиком Никифором и другими греками, шпионами и изменниками нашими, засели в еретической *божнице*, где с окаменелым *фараоновым* сердцем, с упорством и злостью, осмелились решать дела, к ним не подлежащие, восстали против нас, своего Господаря, против Речи Посполитой и своих начальников, отлучились от церкви Божией, составили тайные протесты и заговоры, подписывали бланкеты и прикладывали печати, призывали к рукоприкладству людей, не принадлежащих к собору, насильно заставляя их подписываться, а потом на тех бланкетах что-то писали и по государству нашему рассылали». Дальше король извещал всех, что епископы Михаил и Гедеон прокляты, а потому запрещается почитать их епископами и входить с ними в какие-либо сношения, все же правительственные власти и должностные лица обязываются уважать постановление Брестского собора, в противниках же оного видеть *преступников*.

Таким образом, король признал униатов преданными престолу и отечеству и объявил, что на противников унии, то есть православных, смотрит как на нарушителей общественного спокойствия, как на от-

ступников от церкви Божией. Это было началом преследований, которое открыло широкое поле низкой зависти, фанатичным проискам.

Несправедливое решение дела унии не столько напугало, сколько озлобило православных. Еще 9 октября в Бресте православные избрали из среды своей двух светских депутатов, Малиновского и Древинского, и снабдили их инструкцией, как они должны действовать и чего требовать от короля и сейма. В инструкции говорится, что предки их, они сами более шестисот лет подчинялись Константинопольскому (Цариградскому) патриарху, что, составляя только часть восточной церкви, они одни не могут признать над собою власти папы. В конце просили короля низложить митрополита Михаила и епископов, принявших унию, и лишить их прав на церковные имущества. В 1598 году православные подали жалобу на митрополита и епископов, принявших унию; но рассмотрение жалобы было отложено. Между тем в 1600 г. умер митрополит Рогоза, не добившись осуществления заветной своей мысли засесть в сенате. Современники пишут, что совесть преследовала его и что в последнюю минуту он объявил желание умереть православным; но окружавшие ложе больного униаты не допустили до этого.

Королевскою грамотою 8 апреля 1600 г. назначен его преемником верный и надежный сподвижник иезуитов Ипатий Поцей. Тогда дело унии уже целиком предано было в руки иезуитов.

Так заведена была уния в западных краях Руси. Из иерархов этих краев не поддались иезуитским интригам только галицкие владыки, несмотря на немилость и угрозы короля и на преследования, которым подвержена была Православная Церковь в их отечестве. Не удивительно поэтому, что почти два столетия унии, принятой наконец и Галичанами под давлением преследований, не могли до сих пор искоренить в народе сочувствия к древней своей церкви, следы которой сохранились еще в их старых книгах и других памятниках и в живущем всегда предании.

Но преследование Православия и в тех краях, где уния заведена была на сто лет раньше, чем у галичан, не вышло на добро гонителям его. Начался ряд восстаний народных, потекла славянская братская кровь, явились герои, не жалевшие живота своего за веру, пока не явился Хмельницкий и не положил начала распадению Польского царства.

II

Плоды унии

Вам, любезные братья, надеюсь, теперь ясно, что брестская иезуитская уния была совсем не таким соединением христиан, которое завещал Спаситель, которого держалась вся христианская апостольская церковь целых восемь столетий и которое разорвали римские папы своею ненасытною жаждою господства над миром.

Вы убедились из нашего краткого, но верного изложения событий, совершившихся при введении искусственной унии с властолюбным папством в литовско-русских землях, что такой унии не желали наши предки, жившие мирно в праотческом православии, сохранившем единение с всею Православною Церковью, соблюдавшем установления апостольские и святых седми истинно Вселенских соборов. Вы знаете, что у нас на Востоке вводилось христианство мирным образом, христианским просвещением, а не мечом и огнем, как на Западе, так как Церковь наша смиренная и кроткая, желает всех просветить светом разума

святого Евангелия и гнушается насилия и кровопролития. Вы видите, что в русском нашем богоспасаемом государстве живут народы разных вероисповеданий: римские католики, протестанты, евреи, магометане, даже язычники, но никто не обращает их насильем, а только любовью и кротостью. Никогда не думали восточные патриархи, не думает и могущественная Россия высылать православных миссионеров в Германию или Францию, чтобы обращать жителей тех христианских стран в Православие: она оберегает только своих православных верных и защищает и проливает дражайшую свою кровь за православную братию; она, Православная Церковь, выстрадавшая в литовско-русских провинциях нашествие иезуитов, волков в овечьих кожах, как мать, любящая свои чада, старается просветить обманутых, обратить без своей вины заблудших; вот почему она уничтожает унию как остаток духовного рабства иноплеменников, которое укоренилось в темном народе лезтьем и обманом и в которое он попал насильем врагов, воевавших не истинною Божию слова, а обманом, мечом и огнем.

Какая была судьба православных после Брестской унии, об этом написали ученые люди много книг. Мы опишем это только вкратце. Православные, не принявшие унии, были гонимы до крови. Мало того, что они должны были слушать невероятные у христиан ругательства и насмешки над их верой, но им не позволяли в их тяжелых страданиях и Богу помолиться. Православные церкви или насильственно запечатывали, или их отдавала польская шляхта, как и корчмы, арендаторам-евреям, как это поется и в народных песнях. Родился у православного ребенок, он должен был уплатить деньги еврею, у которого были церковные ключи и веревки от колоколов; умер кто, еврей разрешал за деньги внести тело в церковь; на Пасху православному нельзя было печь себе пасхальный хлеб, а должен был он покупать его у еврея с его клеймом. Священник не смел при церкви освящать пасхальных хлебов, пока не придет еврей и не осмотрит, все ли хлебы с его клеймами. Еврей медлил, народ ждал иногда до позднего часа, пока его не дождался, и не мог без него разговеться, — вот и сложилась песнь, как народ радуется, что уже едет арендатор Зельман и разрешит попу посвятить хлебы, проверив клейма. Во всей Галиции и в настоящее время еще поет народ:

Еде, еде, Зельман,
Еде, еде, его брат,
Еде, еде, цела
Зельманова родина (семья).

Когда народ, доведенный до крайности, в отчаянии в Полоцке бросился на одного из главных виновников таких гонений, униатского архиепископа Иосафата, любимца иезуитов, фанатика, печатавшего православные церкви и предававшего несчастных православных на мучение в тюрьмы, и убил его, тогда написал папа Урбан VIII королю письмо, «чтобы не щадил огня и меча!» И не щадили. Православных убивали, жарили на огне, разрывали в куски, сажали на колы, снимали с них живых кожу, отнимали имущество, грабили, и текла братская славянская кровь, и русские православные девицы должны были вместо лошадей запрягаться в телеги и возить из деревни в деревню жирных иезуитов, ругающих святыни их отцов и вводящих новое богохульное учение.

С прискорбием и удивлением смотрел народ на такие безобразия. Более слабые духом сдавались, избегая гонений, лучшие люди все терпели, не отступая от веры отцов своих. Ужасно трудное было положение священников. За малейшее подозрение в преданности Православию их прогоняли, били и ввергали в тюрьмы, в которых многие померли в жестоких муках. Таких ужасов не испытали наши предки даже от татар, не преследовавших за веру.

Но не много лучше жилось и униатам. Их ненавидели все: ксендзы и поляки за то, что они имеют еще свои церкви и свои обряды, хотя искаженные, но все-таки *восточные*, а не сделались чистыми католиками. Православные их ненавидели как отступников от истинной соборной церкви, о них говорили с презрением, что *они бежали из Константинополя и не добежали до Рима*. И все их оставили: польские паны, так называемые патроны, не заботились об их церквях и духовенстве, и церкви униатские пришли в разрушение. По городам они стояли или среди отвратительных жидовских лачуг, бедные, низкие, грозящие падением, без оград, у стен их рыли свиньи, творили безобразия еврейские дети. По деревням они стояли иногда покрытые соломой, вызывали презрение, и, чтобы принадлежать к ним, нужно было большое самоотвержение, особенно ввиду католических костелов, великолепно построенных, иногда с высокими башнями и внутри славно приукрашенных на средства, добытые горьким трудом русского порабощенного народа. Так оказалось, что все обещание пап о почтении русской обрядности и сравнении в правах униатского духовенства с латинским совершенно ложны; так оказалось, что все грамоты пап, которыми униатам воспрещается принимать латинство, были только ловушкой, а на деле латинские ксендзы перетягивали в латинство *целые селения* и за это удостаивались наград, но никогда не получали упреков от папы и всей римской курии. Посмотрите даже теперь на окрестности Вильны, Полоцка, Холма — и увидите, какую цену имели такие папские грамоты. Все почти деревни вокруг этих городов совершенно олатинены и ополячены, и такое олатинение долго не прекращалось даже под русским правительством, пока оно не обратило на это своего внимания и не стало защищать униатов от латинян-поляков.

Таковы были плоды унии. Она основана была на лжи, ложью заведена, и потому ее постигла такая судьба, какая обыкновенно постигает ложь: то есть, ложь продолжается только до тех пор, пока не обнаружится, что она действительно ложь.

Уния была и главною причиной падения Польши. Глубоко оскорбленный в своих религиозных чувствах православный народ восстал против угнетателей и гонителей его древней церкви, явились герои, мстители за вопиющие обиды, смуты продолжались, кровь текла, горели города и села, резали христиан и свирепствовали друг против друга хуже диких зверей, пока не явился Богдан Зиновий Хмельницкий, и не убедилась вся Западная и Южная Русь, что в Польше для нее нет ни мира, ни спасения и что единственное средство осталось: идти *«под власть восточного царя православного»*.

Уния тогда погибла во всех областях, перешедших под власть России. Осталась она только в тех частях Западной России, где осталась власть Польши; но с половины прошедшего века уния и здесь стала колебаться, злоупотребления шляхты и ксендзов вызвали кровавые времена колиевщины, ужасно мстила Южная Русь свои обиды, и когда

последовали разделы Польши, то погибла и уния в большей части вновь присоединенных к России стран Малороссии и Белоруссии. С лишком три миллиона униатов перешло тогда в Православие. Уния осталась только в западных частях Белоруссии, Малороссии и в Холмской Руси. Русское правительство не трогало ее, пока сами униаты не стали убеждать в ее вреде и пока не выступили светлые униаты, которые стали доказывать, что униатские полулатинские обряды не имеют смысла, переполнены противоречиями и несообразностями, и пожелали исправить их. Уния завела «тихие мши» (обедни, от латинского слова *missa*), органы, всю литургию исковеркала, так что св. Василий Великий, Иоанн Златоуст и Григорий Двоеслов не могли бы призвать эти литургии за свои.

Что такое литургия? Это слово греческое, значит «*общее дело*», общая молитва народа под руководством священника. Как может общая молитва, в которой должен участвовать весь народ, быть тихой, шепотом произносимой? Что значит шепотом сказанное: «Миром Господу помолимся? Как может народ ответить: «Господи, помилуй» — на то, чего он не слышит? Какое значение имеют шепотом сказанные слова: «Премудрость, прости, *услышим* святого евангелия», — когда никто не услышит этого, разве один только прислуживающий священнику при алтаре услышит это? Какое значение имело в унии воздеяние рук при возгласах на «ныне и присно» пред Трисвятым и пред Херувимской песней? Не было ли это простым, рабским подражанием латинским ксендзам, воздевающим руки при словах «*Dominus vobiscum*»? Как могло быть в унии запрещено благословение народа при словах «Мир всем» или «И да будут милости великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами», и «Благодать Господа... со всеми вами»? А вот потому это благословение запрещено, что латинский ксендз только раз благословляет народ на литургии, поэтому и униат должен только раз благословлять. Униат должен во всем рабски подражать латинскому ксендзу. Носят латиняне на пасху изваянную фигуру воскресшего Христа — и униаты должны носить, хотя в восточной церкви не полагаются никакие изваянные фигуры. Празднует латинский ксендз «Божье тело» с крестным ходом — и униатский священник должен праздновать. Празднует латинский ксендз «Непокаяние поченцье» — и униат должен вводить неизвестный православным лжедогмат о «непорочном зачатии св. Анны». Словом, униатский священник должен считать римский обряд образцом и от него заимствовать все, что можно, чтобы этим приукрасить свой «грубый» церковный обряд, облагородить и поднять его. Униат должен праздновать память жесточайшего гонителя Православия Иосафата* и при всех молитвах упоминать его имя после святого чудотворца Николая? Это возможно было лишь до тех пор, пока среди униатов была тьма и они не знали истории введения унии в Полоцке. Униат должен и в жизни подражать ксендзам и католикам, ломать в сочельник оплатки (опресноки), говорить не иначе как польски и обзывать все русское низким и мужицким, чтобы заслужить «панску ласку», для получения из его рук презенты на приход. А хочет униат быть совершенным — должен высылать своих сынов в польские мятежи, отвоевывать Польшу, осчастливившую его такою униєю!

Далее, где богатства и имущества Русской земли? Где наше народное величие и народная честь? Наш цвет, наши православные княжеские и дворянские роды оставили народ, пошли к его врагам, сплотились

с ними и составляют с ними фалангу гонителей всего, что русское и униатское. Они настроили и обогатили множество костелов и кляшторов, шумели, бунтовались! Но Бог не дал им добра, как братоубийце Каину. Их сила падает трижды. На многих богатых поместьях жиреют немцы и жидава (в Галиции), а они служат чужим, потому что оставили свою веру и свой народ. Где наше мещанство и купечество? Иезуиты и поляки взяли его у нас и, чтобы Русь убить, весь промысел отдали жидам, которыми кишат в настоящее время большие города, где пред нашествием тех незваных проповедников унии были свои русские мещане и купцы, составляли русские православные братства, много послужившие для Православия, как львовское и виленское.

Минуло Царство Польское, и для унии не стало опоры в ее королях и шляхте. Еще до мятежа 1831 года начали лучшие и светлейшие люди среди самих униатов думать о воссоединении с Православной Церковью и спасении народа от совершенного его окатоличения и ополячения. Избранным к этому великому делу и неутомимым деятелем явился виленский епископ Иосиф Семашко, при котором в 1839 году совершилось воссоединение, 50-летний юбилей которого в нынешнем году радостно празднуем.

III Воссоединение

Мы говорили, Малороссия и восточная Белоруссия воспользовались присоединением к России и воссоединились с праотеческой церковью. В них были еще живые предания об исповедниках и мучениках за веру, и уния существовала там только в качестве необходимого зла, от которого нельзя было освободиться при Польше. Хуже было в западной части Малороссии (Волыни), в западной Белоруссии и в Забужье. Тут успела польско-римская Пропаганда пустить глубокие корни, и нашла, особенно среди более уступчивого белорусского племени, более удобную почву для своих целей. Число униатских, литовско-русских душ умалилось до полутора миллиона, зато более чем удвоилось число перехваченных в латинство. Целые селения отказывались от унии и ополячивались. Так пишет великий святитель митрополит Иосиф Семашко, что когда он в 1827 году был в Петербурге ассессором римско-католической коллегии по униатским делам, там разбиралось дело о переходе из унии в латинство 20000 душ, и такие переходы совершались обыкновенно тихо, без огласки, только коллегия принимала их к сведению. Знали об этом римские папы из докладов коллегии, но они не махнули ни разу пером в пользу унии, чтобы внушить польским ксендзам, что такое поголовное принятие униатов в католичество уничтожает всякие договоры, утвержденные папами в Риме 1595 года, и уничтожает самую унию, которая является не имеющей никаких прав, никакой защиты, а зависит от простого произвола, лжи и обмана. Такие соращения в латинство, напротив, приводили пап и их слуг в восторг, и совратители вознаграждались обильно. Спросим еще раз, какое значение имели слова римских пап в договоре с русскими епископами Поцеем и Терлецким? А слова папы Венедикта XIV, писавшего в булле («Allatae sunt»), что желание пап не то, чтобы все были латинянами, а только то, чтобы все были католиками, оказались ли когда-нибудь на деле? Нет, никогда! На деле оказалось совершенно противное. Но никто не вступался за униатов. В России от ве-

ков существовала свобода вероисповеданий; православные стеснялись вторгаться в дела униатов — людей, чуждых их матери — Православной Церкви, и нередко считали их хуже чистых католиков, почему иные из русских равнодушно смотрели на окатоличение их. Но пока униаты еще держали свои обряды, пока хотя одна литургия была у них еще на славянском языке, все-таки была связь их с православным Востоком; когда же они оставляли унию, они оказывались уже на другой стороне моста на пути в Рим и Варшаву, для чего и выдумана была униа.

Еще бы прошло несколько десятков лет, и все эти полтора миллиона литовско-русских униатов были бы совершенно окатоличены и ополячены. Но промысл Божий к концу первой четверти нынешнего столетия послал страдающей Своей церкви мужа глубокой веры, высоких христианских добродетелей, светлого ума и железного, ничем неустрашимого характера, который, как второй Моисей, видя свой народ послушным лжи и рабски покоряющимся дикому произволу иноплеменников, возгорел святою жаждой открыть ему глаза, освободить от царства лжи и обмана и привести на лоно любящей его матери — Православной Церкви. Этим Моисеем для литовско-русских униатов был вышеупомянутый архиепископ Иосиф Семашко.

Он родился в Киевской губернии. Липовецкого уезда, в деревне Павловке в 1798 году, в самый день Рождества Христова, 25 декабря. Его дед Тимофей Семашко был там униатским священником еще при польском владении и чуть-чуть не попал за приверженность к русским на виселицу. Отец и мать его были униатами, жили в нескольких шагах от православной церкви и, хотя сами не посещали ее, но молились при ней в саду; молодой же Иосиф в детстве посещал ее в каждое воскресенье и праздник и рассказывал родителям дома все, что слышал, апостолы и евангелия. Родители его были весьма благочестивые и высоко нравственные люди и воспитывали в благочестии и строгой нравственности всех своих детей.

В Малороссии была общей чертой народного характера ненависть к угнетателям крестьянина полякам, которых называли «негидными ляхами». Был то плод невыносимых гонений и мучений, которые должен был выстрадать народ, преданный произволу панов, на которых крестьянину не было возможности и жаловаться. Это нераположение к ляхам не могло не отразиться и в благородной душе молодого Иосифа, видевшего везде унижение и притеснение русского народа в его родной земле.

Отец Иосифа был хозяином на пятидесяти десятинах земли и занимался тоже чумачеством, то есть возил хлеб в Крым и оттуда соль или с Дону рыбу, пока в 1811 г. не был рукоположен в униатские священники. У отца Иосифа, что в то время бывало редко, была и небольшая библиотека хороших, особенно исторических книг, чтением которых молодой Семашко занимался в зимнее и вообще свободное от других занятий время. Он читал их очень прилежно, выучил римскую и английскую историю, прочитал всю Библию три раза и знал ее отлично. Как малоросс, он любил и пение, которое в Малороссии неразлучно со всякими семейными торжествами и со всякими домашними и полевыми занятиями. Особенно любил он церковное пение, в нем находил высокое духовное наслаждение.

Он в своих записках рассказывает о сне, который однажды видел его отец. Снилось его отцу, что он вел своего сына (Иосифа) за руку по

чистому безграничному полю, к какому-то уединенному огромному зданию. Перед ними открыли первую и вторую залы. С открытием третьих дверей показались пред ними в перспективе пышные палаты, одна другой великолепнее, наполненные людьми, чем далее, тем, по-видимому, более знаменитыми. Но в эти двери и далее пустили только его малютку, перед отцом же его двери закрылись. Когда отец Иосифа, после окончания им гимназии, отправлял его в университет, то вспомнил этот, по его мнению, пророческий сон. «Помнишь, мой сын, — сказал отец, — пустое безграничное поле. Это жизнь, которую ты получил от меня, двери в первый зал — это домашнее воспитание, второй зал — гимназическое учение; то и другое получил ты от меня; в третьи двери мне уже за тобой не следовать, — ступай с Богом, пусть Он тебя проведет по этим пышным палатам».

И предвещенное во сне сбылось. Молодой Иосиф, кончив гимназию в Немирове, по ходатайству брата его дяди по матери Кирилла Сероцинского (бывшего после епископом), был принят в главную семинарию в Вильне при университете в 1816 году, где было 34 римско-католических и 16 греко-униатских воспитанников. Живя в главной семинарии среди латинян, не мог он не поддаться влиянию товарищей и начальства, пропитанных насквозь польским и католическим духом. Но случайно попали там в его руки сочинения, изданные в Австрии под влиянием духа царствования императора Иосифа II, в которых много писано было против злоупотреблений папской власти. И профессор Клончевич, и итальянец Капелли смело поддерживали в своих преподаваниях авторов сих книг. Так случилось, что Иосиф вышел из семинарии без предубеждений против Православной Церкви и с сильными предубеждениями против римской.

Тогда было такое время, что Вильна и вообще Литва считались уже чисто польскими, и каждый поляк не хотел ничего и слышать о какой-нибудь русской книге или речи. Поляки в этом отношении очень строги и считают всякого униата, читающего русские книги, просто преступником. Когда Иосиф был еще в семинарии, товарищ его Антоний Зубко (после епископ) достал как-то номер старинного журнала «Улей». Они пересматривали его в ботаническом классе до прихода профессора. Какой сделался тогда шум среди светской молодежи? «Разве такие нам нужны священники!.. — кричали они, — которые забывают мать Польшу... которые сочувствуют России!». И они должны были скоро спрятать журналец. Нынче, слава Богу, иначе...

Кончивши университет, 22-летний Иосиф отправился из Вильны в Жидичин, в семи верстах от Луцка, где жил тогда его местный преосвященный Яков Мартусевич. Он рукоположил его, не женатого, немедленно в иподиакона, а вскоре в диакона, и сделал заседателем Луцкой консистории, где Иосиф хорошо познакомился с консисторскими делами, при официале Гачевском; но когда тот вскоре умер, то все консисторские дела должен был вести И.Семашко. На 23-м году жизни был он, с разрешения митрополита (по римским законам требуется 24-летний возраст), рукоположен епископом Яковом во иерея. Так как консистория вела переписку с гражданскими властями только по-русски, то это побудило Иосифа изучить русский литературный язык. Но еще большая польза вышла для И.Семашко от того, что он познакомился с нуждами и бедственным положением униатов между православною и латинскою церквями. Православные нападали на них, тесня их по раз-

ным делам, часто явно несправедливо; римляне же брали с них все под видом дружбы. Это заставляло Иосифа часто призадумываться и извинять больше православных, чем римлян. И сам преосвященный, человек предобрый и достойный во всех отношениях, но воспитанник иезуитов, против своей воли вооружал его против римлян, а не против православных, потому что преувеличивал свои понятия о папстве и Риме.

В 1822 г., на 24 году жизни, назначен был молодой иерей И. Семашко заседателем коллегии по римско-католическим и униатским делам в Петербурге на три года на место Кирилла Сероцинского. Там почувствовал он еще больше силу римского католицизма, потому что видел многие его злоупотребления. Особенно сильно подействовало на него дело о присоединении к римско-католической церкви 20000 униатов. Соображая такие печальные факты с лекциями своих виленских профессоров Клончевича и Капелли и с австрийскими иосифовскими изданиями, он убедился, что борьба с такою властью, как Рим с иезуитами, немислима, что Рим никогда не сдерживает принятых на себя обязанностей, имея на все коварные извинения, и что напрасно ожидать от него справедливости. В коллегии все удивлялись необыкновенно твердому его характеру. Тогда там все дела решались обыкновенно по предложениям римско-католических заседателей, он первый имел смелость противоречить во всем, что не сходно было с его убеждением, обставлял свои мнения пространными доказательствами и побеждал. Это очень огорчало польских прелатов, они ненавидели его и боялись его непобедимого характера и его способностей в защите правды.

Пребывая в Петербурге, он имел случай читать разные богословские и исторические книги и убедился в истине восточной Православной Церкви, яко апостольской и католической. Он часто посещал, переодетый в мирское платье, православные церкви, наслаждался чудным богослужением и пением и сравнивал это все со страшным запустением в униатской церкви. Еще на пути в Петербург, в Псковской губернии, он видел уже по деревням хорошие каменные церкви, жестью покрытые, с колокольнями, с хорошими оградами, и сравнивал их с разваливающимися униатскими церквами, о которых, есть ли они или нет, никто не заботится, да и разрушение их многим было желательно. И вот родилась у него мысль: зачем же нам, униатам, гонимым самими теми, которые завели унию, которая стоила столько крови, держаться гонителей, пламенно желающих нашего уничтожения? Где же древняя наша, некогда православная Русь, которая, пребывая в единении со всею апостольскою церковью, отличалась истинно христианским благочестием? Где храмы ее, в которых она спасалась? Они или разрушены в унии без следа и на их месте построены великолепные костелы, в которых проклинается вера наших отцов, или стоят еще, но почти в развалинах, потому что погибло их стадо. Или борется еще теперь, спрашивая себя: «Быть или не быть?» — и не находит человека, кто дал бы ему искренний совет. Сравнивая велелепие православного богослужения и чудный смысл его обрядности, он спрашивал себя: что же наша униа и зачем же нам распинаться за нее? Униатская обрядность дошла с своим приближением к латинству до нелепостей. Устранили царские врата, а поют «двери, двери», когда нет уже дверей. Переносят служебник с одной стороны на другую. Зачем? Да, потому, чтобы народ знал, что будет чтение Евангелия. В латинской мессе это допускается

потому, что там непонятный латинский язык и только таким знаком может народ узнать, что будет читаться Евангелие, а у нас священник или диакон возглашает громко: *услышим* святого Евангелия такого-то евангелиста. Но униаты переносят служебник потому, чтобы *рабски подражать латинскому ксендзу*. Что значит читанная шепотом обедня? Для кого она? Самое же возмутительное — это униатские праздники, так называемые «отпусты», на которые съезжается много священников «с мшами». Тогда одному или трем соборно назначается петь обедню (*спевати сумму*), а прочие читают «мши» при алтариках, часто и таких, на которых и антиминов нет, и униат этого и не спрашивает (антиминс, если есть, находится прикрыт скатертями или платками, и трудно и добраться до него, разве раскрыть весь алтарь); так часто служит униат и *без антимиinsa*, где-нибудь, где только перед иконой есть местечко и есть служебник, который по примеру латинского «missale» должен быть большого формата. Тогда в такие праздники в церкви невыразимый хаос. Одновременно служат четыре или больше обеден. При великом алтаре служат сумму, и дячки поют, каждый стараясь перекричать другого; при малых алтариках читают, здесь «премудрость прости» и читается Евангелие, тут «со страхом Божиим», и колокольники заглушают слова Евангелия, а третий благословляет народ: «Благословение Господне на вас» и пр. Никто не разберет, что это такое: богослужение ли это или насмешка над богослужением? Оттого и неудивительно, что православный, видя такой хаос, такое служение, не имеющее никакого смысла, не может терпеть унии и униатов за их безумие, что они могли принять такую бестолковщину от Рима, и неудивительно, что православные говорят униатам: вы считаете уже папу богом, не хотите отлучиться от него, пусть так; но, ради Бога, оставьте уже и православную обрядность, не делайте из нее предмета поругания и насмешек! Неудивительно, что и сам народ, видя такие безобразия, думает, что это все не так должно быть, и недоумевает, что делать с собой, куда обратиться? Отречься папы? Но за это, учат его иезуиты, *неизбежно попадешь в ад*. Так лучше уже отречься от униатского обряда. И отрицается. Какой же выход из такой унии? Да другого выхода нет, говорил о. Иосифу голос совести, как *возвратиться к источнику веры*, к Православной католической Церкви, к краеугольному ее камню и главе — Христу.

Такие мысли приходили Иосифу Семашке, когда он заседал в римско-католической коллегии, которая с униатами обращалась совершенно бесцеремонно. Его душа болела за свою церковь, за свой народ, преданный в рабство чужим пришельцам; но он поставлен униатским священником, он должен был при рукоположении читать присягу на верность римскому престолу, составленную папою Урбаном VIII, тем самым, который поощрял короля польского обратиться к огню и мечу, чтобы истреблять православных. Страшно ему было выступить с этими мыслями пред своими единоверцами и земляками, которые тогда в темноте своей не поняли бы его, возмутились бы, возбуждаемые поляками и самими униатами, воспитанниками иезуитов. Чтобы такое святое дело ввести в жизнь, нужна была большая осторожность, и знал это Иосиф Семашко превосходно. Потому хранил он те мысли в своем сердце, объявляя их только близким друзьям своим. Но Господь послал ему случай, которым он воспользовался, чтобы довести до сведения государственных властей истинное положение униатской церкви, поло-

жение совершенно безвыходное, грозившее общим совращением оставшегося еще при ней народа в латинство, и потерю его для Руси, так как униаты, принявшие уже раз латинство, делались тем самым и поляками, то есть врагами России. Вступивший тогда недавно на всероссийский престол незабвенный Император Николай Павлович глубоким своим умом и зорким глазом вникнул в суть униатства и душевно жалел, что пропадает в нем русский народ, предки которого так крепко защищали от вражиих наветов свою прародительскую Церковь. Зоркий глаз его усмотрел корень зла в том, что в униатское монашество вступали по хорошо обдуманному плану коварных иезуитов, с разрешения пап, люди римского вероисповедания дворянских польских родов, разумеется, не с намерением утверждать унию и беречь в ней папами утвержденные права восточной обрядности, а, напротив, с намерением извратить униатство так, чтобы народ сам бросал унию и поголовно переходил в латинство и увеличивал в русских землях число костелов и латинских душ во славу пап и Польши.

Император Николай Павлович проник это все своим глубоким умом и Высочайшим указом от 9 октября 1827 года воспретил принимать римлян в униатское монашество, велел учредить училища и семинарии для униатского духовного юношества, чего прежде униаты не могли добиться потому, что иезуиты старались нарочно удерживать униатское духовенство в крайнем невежестве, чтобы оно ничего не знало о прошлом Православной Церкви, о ее догматах, соборах и пр., а было только слепыми исполнителями их воли. Иезуиты старались о том, чтобы польские и ополяченные паны именно на самые влиятельные места, например по городам, давали епископам рукополагать своих обыкновенно плохой нравственности лакеев, поваров, конюхов и пр., которые обирали народ и безобразною жизнью были позором униатского духовенства, и тем содействовали переходу униатов в латинство. Разумеется, польские «шляхтичи», сделавшись монахами, а после епископами, были одного духа с панами и никогда не старались просвещать духовенство, наоборот, старались держать его в темноте, рабстве и зависимости.

Душевно возрадовался о. Иосиф изданию такого указа, и душа его желала разделить с кем-либо такую радость. К этому сам собою представился случай. Того же 1827 года в ноябре месяце пришел о. Иосиф, по поручению епископа Сероцинского, по частному его делу, к директору Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий Григорию Ивановичу Карташевскому. После частного дела Григорий Иванович, которому молодой о. Иосиф очень понравился, вступил с ним в разговор по делам униатской церкви. Сначала несмело, но после смелее высказал о. Иосиф ему все, что давило его сердце. Карташевский пожелал, чтобы о. Иосиф составил о сказанном ему записку. Возвратившись домой, он сел и в одну ночь составил пространную записку, начиная ее благодарением за Высочайший указ об устранении польской шляхты от униатского монашества, и притом изложил всю историю унии и все коварные поступки Рима и иезуитов, которыми они просто уничтожают униатскую церковь, указывая вместе с тем и средства, какими можно бы освободить униатское население от влияния его врагов.

Директор департамента Карташевский, получив эту знаменитую записку, представил ее министру Шишкову, а тот Государю Николаю

Павловичу. Какой восторг вызвало в Иосифе сообщение Карташевского, что Государь на его записку изволил обратить внимание и написать карандашом свое о том мнение, из которого остались в памяти о. Иосифа следующие драгоценные слова: *«Я с особенным удовольствием читал записку, представленную мне вами... я рад, что мы имеем такое орудие... объявите ему все это, и мое удовольствие...»* Об этих словах пишет о. Иосиф, что они доставили ему гораздо больше удовольствия, чем все после полученные награды. Но еще большее было утешение о. Иосифу, когда он два года спустя с митрополитом Булгаком и епископом Мартусевичем представлялся Государю в царском кабинете и был удивлен самым приятным образом, когда Государь Император, излагая им положение униатской церкви, почти слово в слово повторял целые места из его записки. И действительно, покойный Государь принимал к сердцу дело униатов и занимался им, как отец своего русского народа, без вины, а течением несчастной истории совращенного в униатство. Имея в самом Государе крепкую опору для своих святых намерений, о. Иосиф сделал задачей своей жизни воссоединение заблудших братьев и считал себя орудием Божиим, избранным на такой великий подвиг еще из детства.

Но несмотря на то, что Государь Император Николай Павлович так сочувственно относился к этому делу, очень важному для Церкви и государства, осуществление его было чрезвычайно трудно. Слишком глубоко вкоренилось зло и разрослось под кратким правлением Александра I, при котором под влиянием князя Чарторийского поляки успели хорошо обделать все свои дела и укрепились особенно в Литве, которая переполнена была учениками иезуитов; не лучше было и в Луцкой епархии. Достаточно упомянуть о факте, что в 1807–1808 годах совратилось 50 000 униатов в латинство, переходя в него *целыми громадными приходами*. Видя такой вред для государства, такое усиление польской народности на русской земле, правительство старалось прекратить такие переходы, но это было нелегкое дело, так как польская шляхта, научаемая иезуитами, делала все, чтобы поставить униатскую церковь просто в безвыходное положение. Во главе же униатской церкви стояли, после давно уже тогда почившего митрополита Ираклия Лисовского и его преемника на Плоцкой кафедре, епископа Иоанна Красовского, подведенного теперь униатскими монахами и латинянами под суд, архиереи слабых характеров или польско-католические фанатики.

В таком положении застал Иосиф Семашко униатскую церковь в начале своей многополезной деятельности. Скоро оказались последствия упомянутой его записки, которую читал Государь. Не только нельзя было уже принимать в римское католичество униатов и в униатские монастыри римских католиков, но последовали и другие важные меры в пользу униатской церкви, которые сильно встревожили иезуитов и поляков. Тщетными оказались их надежды окончательно завладеть униатской церковью.

Не помогли им и оставшиеся в униии епископы, вышедшие из их среды, для которых переход униатов в латинство не только не представлялся злом, напротив, желателен был их польскому сердцу, потому они и не противились таким громадным совращениям русских душ в латинство. Таким архиереем был тогдашний митрополит Иосафат Булгак, католик польской дворянской фамилии, а другие хотя и были сыновьями священников, но, по своему воспитанию, близки были к полякам.

Государь Николай Павлович, как мы видели, положил преграду окатоличению и ополячению запрещением принимать католиков-поляков в униатские монастыри. Этот указ был началом дальнейшего движения униатского дела и сильно опечалил Польшу и Рим, тем более что последствием записки о. Иосифа было то, что униаты, совращенные в латинство, должны были возвращаться в унию. Хотя в действительности только не большая часть их возвратилась, но все-таки ободрено было униатское духовенство к борьбе с латинянами, а латинские ксендзы, видя, что Государь защищает униатов, не поднимали уже так смело своих рук на похищение униатских душ. О. Иосиф Семашко, хотя был тогда только протоиереем, но не ослабевал в усердии спасать униатское стадо и часто боролся не только с врагами его, но и с податливостью доброго русского правительства, доказывая вред, происходящий от такой податливости.

Удивительная была деятельность протоиерея И. Семашки, можно сказать даже — невероятная, превосходящая по-видимому человеческие силы. Он пишет сам о себе, что во время двух лет — 1828 и 1829 — так исхудал при постоянном труде, что высматривал до того больным, что все видевшие его, когда он произведен был в епископы, говорили: «Напрасно его посвящают, ему жить недолго». Но в продолжении тех двух лет вышло из-под его пера и его неутомимыми заботами 20 распоряжений, очень полезных для несчастной, прежде всеми гонимой униатской церкви.

Заботами его исполнение всех таких распоряжений шло быстро, старый митрополит Булгак не мог противодействовать, душою возрождения унии к Православию в Петербурге был один протоиерей Иосиф. Епископ Мартусевич хитро маневрировал, но не успевал в противодействии. Белое духовенство ободрилось и загорелось ревностью, базилиане враждовали, но без успеха, некоторые переходили в латинство.

Между бумагами переведенного в Петербург митрополичьего архива найдена подлинная булла папы Климента VIII о принятии под свою власть униатов. Какие там были в ней обещания, а какая ужасная была действительность! От унии остались только развалины, ее поглотило ненасытимое папство. Булла вручена была министром Блудовым Государю.

В Риме находилась церковь св. Сергия и Ваха на глазах же римских пап, где пребывал прокуратор, то есть поверенный базилиан с несколькими монахами. По случаю смерти прокуратора должен был быть избран ему преемник, но протоиерей Семашко не допустил этого вредного для униатов замещения.

Он перевел сочинение митрополита Московского Филарета «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии греко-российской восточной церкви», которое произвело самое лучшее впечатление на униатское духовенство и народ. Но книжка та издана была не под его именем, чтобы не вызвала вражды, потому что протоиерей Семашко все-таки еще считался униатом.

В августе 1827 года умер архиепископ Красовский, а митрополит Булгак был уже семидесяти лет. Прочие епископы были тоже старые, слабого здоровья и мало способны. В 1829 г. назначил Государь Император протоиерея Иосифа Семашку викарным епископом и председателем консистории греко-униатской белорусской епархии с наименованием епископом Мстиславским и с правом присутствования в кол-

легии в Петербурге. Посвящение последовало 8 августа того же года митрополитом Булгаком, епископом Мартусевичем и католическим епископом Гедройцем в римско-католической церкви св. Екатерины. Это было для посвящаемого ужасно тягостно, зато он принес присягу верности папе с пропуском *несходных с его совестью* мест. После посвящения он представился с посвятившими его Государю, который пожаловал ему облачение по форме православных и митру такую же, как для митрополита. Иосиф завещал положить его в том облачении в гроб, что и исполнено. Ему пожаловал Государь, смотря на большие его заслуги, и несколько высоких орденов. Но не ради наград, которые он принимал с благодарностью, а по совести своей он продолжал свой полезный труд вместе с неусыпающею деятельностью, не отступая ни перед каким препятствием как со стороны врагов, так и со стороны своих русских, не понимавших всей важности его спасительных мероприятий и трудов.

В 1833 г. апреля 2 дня он назначен был Государем Императором литовским епископом. Тогда желал он присоединиться к Православной Церкви, писал просьбу об этом в Святейший Синод, но по важным причинам желание его не сбылось. Зато получил он уверение от министра Блудова, что есть полная надежда на лучшее устройство униатского дела.

Вскоре он отправился по Высочайшему повелению в Белоруссию для осмотра Литовской епархии, семинарий и училищ Литовской и Полоцкой епархий. Осмотр продолжался с июня месяца по октябрь и произвел на духовенство и народ самое плодотворное действие.

Епископ Иосиф желал обеспечить хотя медленное, но верное обращение униатов в Православие и задумал поставить униатское дело и коллегия под власть Святейшего Синода, но это тогда не нашло надлежащей поддержки. Решено было вместо того обновить высшую униатскую иерархию; назначены были, по указанию Иосифа, три епископа, именно: Василий Лужинский Белорусским, а Антоний Зубко и Жарский Литовскими викарными епископами. Посвящение их совершилось в 1834 г.; посвящали же их в Петербурге престарелый митрополит Булгак, еп. Иосиф Семашко и латинский епископ Павловский.

Тогда же все униатские епископы составили собор, и на нем, по предложению Иосифа, принята была очень важная мера для восстановления греко-восточной обрядности. Для этого прежде всего нужно было издать новый круг церковных книг. Но так как это требовало больших средств и много времени, то Иосиф предложил принять в руководство на первый раз служебник, книгу молебных пений и, где можно, приобрести Евангелие московской печати. В то же время он испросил по 5000 рублей пособия на каждую епархию для постройки иконостасов в беднейших приходах и вообще предложил заняться повсеместным их введением. Святейший Синод назначил для униатских церквей 1500 служебников и других книг.

В том же 1834 г. объехал еп. Иосиф опять униатские епархии и увидел, что все идет к лучшему. Духовенство начало уже действовать в хорошем направлении, оживилась любовь к православной обрядности, многие служили уже усердно по новым московским литургиконам и другим книгам, прежде строго запрещенным и огню предаваемым, оживилась и борьба с латинством. Все это доставило ему немало радости, но немало было и противодействия со стороны латинян. Были

недоразумения и со стороны православных. Многие предпочитали частное обращение общему присоединению. Воссоединение замедлялось и затруднялось.

Такое положение униатской церкви было для епископа Иосифа очень тяжелым. Затруднения на каждом шагу утомили его бодрый дух до того, что он решился сам присоединиться к Православной Церкви, а все прочее оставить Божьему промыслу. Он написал прошение в Святейший Синод о присоединении его. В то время обер-прокурором Святейшего Синода был граф Протасов. Он потребовал именем Государя изложения причин решимости епископа Иосифа отойти от дела, которые он изложил в записке. Записка имела полный успех. Дела униатской церкви вследствие Высочайшего указа перешли в ведение обер-прокурора Святейшего Синода, и с началом 1837 года эта важная мера совершилась.

Так приближалось дело к развязке.

Но самое трудное дело было в недостатке хороших священников. В прежнее время большинство их были люди необразованные; немало было и дурных.

Для устранения последних священников от дел епископ сократил маленькие приходы, священники которых причислены были за штат, зато большие приходы замещаемы были хорошими духовными. Из 800 приходов закрыто было больше 130. Таким же способом упразднил он и меньше монастыри и принимал в большие монахов из южнорусских губерний, у которых была и лучшая дисциплина, и русский православный дух, не так, как в Литве, где монастыри издавна кишели монахами из латинян. Южнорусские монахи принесли большую пользу и тем, что отлично понимали православную обрядность и были способны обучать ей других.

Как глубоко пала восточная обрядность в уни, видно из того, что в числе 800 церквей Литовской епархии было только 80 с иконостасами; значит, это все нужно было устроить до воссоединения. Дело пошло не без затруднений, но пошло, и постепенно все церкви снабжены были иконостасами. Тогдашнее униатское духовенство почти не знало восточной обрядности — до того было все искажено латинством. Когда разосланы были московские служебники, многие священники отказывались служить по ним, по большей части потому, что им еще нужно было учиться и вводить что-то новое. Преосвященный Иосиф при осмотре епархии поучал сам священников и поощрял к изучению истинного восточного Богослужения. Задача та была не легкая, так как епископ убедился, что некоторые униатские священники плохо читают славянскую грамоту, а о правильном произношении слов нечего и говорить.

Но все победила энергия святителя, и московские служебники пошли в ход повсеместно.

Удивлялись враги Православия, как преобразовалось духовенство из крайне фанатических, крайне невежественных по части обрядности униатов в таких, которые начинали уже понимать, где истина, где ложь, где порядок, где нестроение, где свет, где тьма. Епископ Иосиф умелым своим обращением с такими людьми и железною справедливостью во всех своих словах и делах вызывал любовь и высокое уважение — в одних, у других — страх. Он не любил несправедливых доносов, но каждый мог к нему обращаться, как к отцу. Строгий к не исполняющим своих должностей, он был кроток и доброжелателен ко всем своим

подчиненным, требующим у него совета или поддержки. Обладал он необычайным мужеством в самые трудные минуты своей жизни. Сам он взял на себя все бремя ненависти могущественных тогда поляков и не уступал ни на шаг, не входил с ними ни в какие сделки. Все удивлялись его смелости, с которой он разъезжал по епархии, когда нельзя было положиться и на иных священников, так как они проникнуты были польской враждой; но он везде являлся неустранимым и без всяких предосторожностей. Рассевались по Вильне слухи, что всех православных поляки перережут во время их праздников, но он не обращал на них даже внимания. Другой раз угрожали взорвать на воздух кафедральный собор при посвящении его. Все, даже жандармский генерал, со страхом шли в собор; но епископ Семашко спокойно совершил богослужение, как будто ничего не было. Так глубоко он верил в Божий Промысл, что без Его воли ничего ему неприятного сделаться не может, так как считал себя орудием в руках Божиего Промысла для совершения начатого святого дела. Иногда и темный народ с духовенством роптали и восставали на него, например, при устранении органов из церквей, но, несмотря на всякие препятствия, дело кончилось тем, что в 1836 г. не было уже в целой епархии ни одного органа. Вместо того заведено в Жировицах при семинарии училище для образования дьячков; в семинариях тоже усиленно обучение церковному пению. Он давал новопосвященным священникам грамоты не на польском или латинском языках, как прежде было, а на церковно-славянском, и принимал от них присягу не на верность папе, а на верность Государю. Все делопроизводство в консистории он устроил на русском языке, а в 1836 году приказано было вести на русском языке и метрические книги.

Сколько при всем этом было забот, какую массу дел приходилось писать, каким бдительным духом надобно было владеть, чтобы посеянное доброе семя не попало на камень или в терние, а прозябло и росло, — о том свидетельствуют записки покойного великого литовского святителя со всеми приложениями, возбуждающими в читающих их немалое удивление.

Дело униатской церкви укреплялось и возрастало. Старые священники обучались служить по московскому служебнику, молодые, выходявшие из семинарии, являлись уже хорошими деятелями в вертограде Господнем, церкви снабжались книгами, облачениями, перестраивались и строились новые уже по образцу восточному — словом, все было подготовлено, все дождалось решительного слова, к произнесению которого близилось время.

В 1838 г. умер в Петербурге митрополит Булгак на 80-м году жизни. Тело его похоронено недалеко от Петербурга в Сергиевской пустыни, а не на католическом кладбище. Погребение совершал пресв. Лужинский, бывший тогда в Петербурге. Скоро скончался и Иосафат Жарский, викарный Белорусский епископ, который пропитан был польщиной и латинством и после смерти которого найдена была на столе бумага, что он не причащен всем действиям по униатской церкви.

Так устранило само время два бывших препятствия к воссоединению. Остались надежные деятели Антоний Зубко и Василий Лужинский, преданные епископу Иосифу и делу Православия.

Латиняне предчувствовали приближающуюся для них катастрофу. Всеми силами лихорадочно они соврашали униатов, где и как могли,

и устраивали миссии, лова рыбу в мутной воде. Паны не жалели денег на постройку часовен и церквей, чтобы только обратить сердца народа к себе. Им помогали отпущенные из монастырей базилиане польского происхождения, которые дозволяли себе разные дерзости, и не щадили лжи. Так, управляющий Виленской епархией Микуцкий пустил письменную публикацию, что Государь повелел униатам, принявшим латинство, в нем оставаться. Против всего этого нужно было предпринимать действительные меры, и на святителя Иосифа свалилось огромное бремя труда и забот, подрывавшее его физические силы, и хотя в Петербурге была поддержка благим намерениям святителя, но успевали и враги пробираться туда с жалобами на притеснение совести униатов и с выражением по этому поводу опасений. Преосвященный Иосиф не замедлил пояснить все дело. Правительство наконец решилось кончить дело унии для пользы Церкви, Империи и униатского народа.

Настал 1839 год, приснопамятный, венчавший все труды великого святителя желанным успехом. 12 февраля, в неделю Православия, подписан в Полоцке акт воссоединения униатов с Православною Церковью, вместе с двумя просьбами на имя Государя Императора. Вот что писал тогда епископ Иосиф, от 26 февраля, обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову:

«Слава во вышних Богу! Благое дело довершается. В 12 день настоящего февраля месяца, в неделю Православия, подписан окончательно всеми греко-униатскими епископами и начальствующим духовенством соборный акт о восприсоединении униатов к Православной Греко-Восточной Кафолической Церкви. В сей день служил я торжественно в полоцком Софийском кафедральном соборе и причастил лично как наставников и воспитанников семинарии, так и довольно значительное число прихожан. Во время служения вместо папы поминал я всех Православных патриархов, митрополитов, архиепископов и епископов. После литургии отслужен мною, вместе с Преосвященными Василием и Антонием, благодарственный молебен о здравии и благоденствии Государя Императора и всей Августейшей Фамилии» (Записки Иосифа митрополита Литовского. Т. I. С. 117).

Государь повелел Святейшему Синоду положить сообразное с правилами св. Православной Церкви постановление. Постановление сделано Святейшим Синодом в 23 день марта, а в 25 день, в праздник Благовещения Господня, последовало Высочайшее оно утверждение словами: *«Благодарю Бога и принимаю»*. 30 марта преосвященный Иосиф возведен был в сан архиепископа, Святейшим Синодом вручена ему была особая Синодальная грамота воссоединенным епископам с паствою, дано братское лобзание всех синодальных членов и совершено в Синодальной церкви благодарственное молебствие, там же принесена Высокопреосвященным и архиепископская присяга.

В вечную память воссоединения униатов выбита была особая медаль. На одной стороне ее лик Спасителя на убрусе с надписью сверху: *«Такова имама первосвященника (Евр. VIII, 1)»*, а внизу: *«Отторженные насилем (1595), воссоединены любовью (1839)»*; на обратной стороне восьмиконечный крест в лучах с надписью сверху: *«Торжество Православия»* и внизу: *«25 марта 1839»*.

Вот и прошло с тех пор 50 лет. По милости Божией Православие утвердилось, и многие не по своей вине заблудшие обратились на путь истины.

Высокопреосвященный Иосиф, совершив такое великое дело, стывшее ему таких невероятных трудов и забот, просился на покой. Ему не нужно уже было больше заслуг, чем положенные им во славу Божию и Православия, он желал видеть на своем месте младшие, свежие еще силы, чтобы продолжать начатое им здание, сам же он мечтал о домике с садиком, где бы он беззаботно мог заниматься любимым своим занятием во время отдыха, своими книгами и святыми молитвами; но не пришлось ему отдохнуть. Дело совершенное было еще слишком свежее, враги не дремали, а усугубили свою деятельность. Много еще нужно было положить трудов, и только постепенно успокоились возмущенные умы и многие из заблудших возвратились с раскаянием.

Желание архиепископа жить на старости лет сельской жизнью исполнилось отчасти только в 1846 г. Ему отведен был бывший, 62 года уже закрытый, латинский монастырь тринитариев с прилежащими угодьями, занятыми казною. На постройку его назначено было двадцать четыре тысячи рублей, и Владыка великолепно все отстроил и украсил, и засадил сад, в котором было две тысячи одних плодовых деревьев. Наслаждаясь природой, он не забывал о своей пастве и устроил все так, чтобы православие было обеспечено от волков в овчих кожах и от всякого ветра лжеучения.

Празднуя пятидесятилетие воссоединения литовско-русского народа с праотеческою его церковью, нельзя не прославлять памяти сего великого святителя, тело которого почитает в Вильне в Св.-Духовском монастыре при мощах свв. виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия.

Молимся Богу, просветившему нас светом истинной апостольской православной веры, чтобы открыл этот свет и тем нашим братьям, которые пребывают еще в рабстве лжеучения и упорствуют в нем, слушаясь незваных пропагандистов, как это деется в некоторых еще приходах Подлясья, и дал бы крепость духа тем нашим братьям, которые живут за пределами нашей Империи униатами поневоле и пламенно желают увидеть день воссоединения, подобный дню 25 марта 1839 года, в пределах Русской земли на ее окраинах.

Слава во вышних Богу! Этими словами начал великий святитель Иосиф Семашко свой доклад о совершившемся уже приготвлении литовско-русского края к воссоединении униатов с восточно-православной церковью. Эти святые слова вырываются из глубины сердца каждого благочестивого русского человека по случаю настоящего праздника.

Вы, немногие старые люди, бывшие до 1839 года еще униатами, опутанными лезвием латинской пропаганды, и вы, дети и внуки воссоединившихся тогда ваших покойных уже большею частию отцов и матерей, восхвалите во вышних Бога и возблагодарите Его от всего сердца вашего, что послал вам святителя Иосифа, мужа светлого и праведного, снял с вас наложенное на вашу землю иго латинского рабства, под которым стонала ваша церковь, ограбленная и опозоренная, приведенная к крайнему унижению и нищете, служившая бессознательно только средством для возвеличения и укрепления зашедших на нашу родину иноплеменников, стремившихся к совершенному уничтожению нашей Русской Церкви.

И вы, отцы которых, прельщенные врагами истины, в темноте своей не знали, что делают, которые, отрицаясь родной своей матери, пошли

в службу чужой, гордой госпожи, прочтите все это, что здесь написано, и раздумайте: лучше ли быть вам врагами прародительской вашей церкви или верными ее детьми? Лучше ли вам служить рабами чужих, чем быть хозяевами в своем собственном доме? Лучше ли вам слушаться всякого ветра лжеучения нахальных лжеучителей, стремящихся к пагубным для вас политическим целям, или быть членами той самой святой апостольской церкви, в которую крестились ваши предки 900 лет тому назад при равноапостольном князе Владимире, и исповедовать веру, которую исповедует русский Царь вместе с 80 миллионами русских людей? Подумайте, не пора ли вам, теперь свободным от старого ига барщины, сбросить и духовное иго чужой веры и возвратиться к своим братьям, от которых отстали ваши предки, прельщенные или измученные гонениями? Возвращаясь к вере ваших отцов, за которую они страдали и даже кровь проливали, вы исполнили бы тем долг к их священной памяти и души их возрадовались бы, видя вас, плоть и кровь их, соединенными с ними верою и любовью. Пойдите на их могилы, на кладбища, на эти старые могилы, где почивают их кости, и помните, что они были православными, и в правой вере и благочестии спасались в животе своем, яко верные чада восточной истинно кафолической, то есть соборной, церкви, и помолитесь о них и скажите: не хотим служить лжи, не можем проклинать вас, как схизматиков, по учению тех, которые вас проклинают и злословят вашу память.

И должны вы знать, дорогие братья, что вера отцов ваших, православная, действительно правая вера, вера, насажденная апостолами и утвержденная святыми отцами первых семи Вселенских соборов. Это такая вера, которая была тогда, в первые века, единою везде, и на Востоке и на Западе, которую мы исповедуем в Символе веры. При ней остались мы, православные, не изменив ей ни в чем. Поэтому и исповедуем мы, что веруем «во едину святую, соборную и апостольскую церковь».

Но не так учили те, которые нам навязывали унию. По их учению истинною Христовою церковью есть только римская церковь. Она будто солнце, и от ней только, а не от Христа, Основателя и Главы ее, наш Восток должен получать свет и теплоту, как земля и луна от солнца.

Так ли учил Христос? Так ли учили апостолы? Так ли учили святые отцы? Написано ли в Евангелии, что Божественный Спаситель наш привязал спасение рода человеческого к одному городу Риму, к одному святителю этого города? Написано ли это в посланиях святых апостолов, и прежде всего в послании Апостола Павла к римлянам, что именно их город должен быть средоточием всего христианского мира и епископ его иметь власть над епископами всего мира? Нет! Об этом не написано ни слова. И после апостолов прошло восемь столетий, и церковь Христова собиралась на семи Вселенских соборах, и ни на одном из них не определили святые отцы, что только *один* патриарх западной римской церкви есть *Глава* ее и имеет власть над всеми другими патриархами и епископами. Они и не могли ничего подобного определить, потому что этого не установили апостолы в своих писаниях и правилах веры, и *главенства* римских епископов в первоначальной церкви Христовой никогда не было. Они, святые отцы, раз навсегда установили на Втором Вселенском соборе, что церковь святая апостольская есть *соборная*, которой управляют соборы, а патриархи и епископы суть только исполнители определений соборов. Если бы так не было, а дей-

ствительно первоначальная церковь признавала бы главенство римских пап, то святые отцы это учение непременно выразили бы в Символе веры, и непременно так: «во единую святую соборную и апостольскую церковь *под главенством римского папы*». Тогда не было бы никакого сомнения, никаких споров, все должны бы так, а не иначе верить. Но вы знаете, что в Символе ни о Риме, ни о римском папе, ни об его главенстве нет ни слова; значит святые отцы всех семи вселенских соборов не верили в главенство римского папы, не верила в него наша восточная церковь никогда, не верила даже и западная до половины девятого столетия, пока папа Николай I в гордости своей не навязал насилем западной церкви своего главенства, как нам навязали иезуиты и ополяченная наша «шляхта» унию; папа навязал это главенство для утверждения своей власти над церквями Запада, а иезуиты и шляхта навязали нашим отцам унию для утверждения в русско-литовских краях польского духа, чтобы упрочить бывшую польскую так называемую республику.

Но чтобы не ученым, а лишь верующим всему доказать главенство папы, неизвестное в старину, проповедники римской веры пустились на разные хитрости. Они так учили и учат.

1. В 10-й главе Евангелия Матвея, ст. 2, написано: «Дванадцатых же апостолов имена суть сии: первый Симон, иже нарицается Петр, и Андрей брат его, Иаков Заведеев» и пр. Вот, говорят они: евангелист назвал Петра *первым*, а так как Петр умер в Риме, то и преемник его, римский папа, есть *первый* между преемниками апостолов, то есть он старший над всеми епископами; следовательно, он имеет власть над другими епископами и над всею церковью.

На это мы отвечаем: ежели евангелист Матвей пишет имена всех двенадцати апостолов, то в его перечислении непременно должен был быть один первый и один последний. Мы почитаем апостола Петра *верховным* апостолом за его твердую веру и его заслуги для церкви Христовой, но церковь святая, почитающая его память, празднует ее *вместе с апостолом Павлом*, а не отдельно, потому что признает веру и заслуги Павла, не бывшего даже в числе двюнадесяти апостолов, *не менее великими*, как и Петра, и называет их двоицею и равную похвалу им воздает. О власти же Петра над другими апостолами нет и помину в Священном Писании, а Христос учил апостолов не только не искать власти, но напротив, когда ученики вопрошали его, кто есть больший в царстве небесном, Он поставил им в пример дитя и сказал, что тот, «*кто смирится яко отроча сие, той есть болий в царствии небесном*» (Матв. 18, 1–4). И апостол Петр во всю свою жизнь никогда не присвоил себе никакой власти над другими апостолами, не давал им никаких повелений, а напротив, принимал даже и укоризну от других апостолов в духе братской любви. Читайте его оба послания. Если бы он считал себя *главою апостолов* по повелению Господнему, он бы смело это написал, да это и нужно было бы, чтобы все христиане знали, что у него действительно самая большая власть, что он действительно глава церкви. Но об этом он ни одним словом не упоминает, а считает себя равным всем другим апостолам, да еще он и превозносит Павла, не бывшего, как уже выше сказано, в числе двюнадесяти апостолов и обратившегося из фарисейства уже позже. Вот так начинает апостол Петр свои послания.

Первое: «*Петр Апостол Иисус Христов, избранным пришельцам рассеяния Понта, Галатия, Каппадокии, Асии и Вифинии*».

Он не пишет, что он «первый», «старейший» всех, что он «глава»; он не пишет даже о Риме ни слова, а только к христианам, крестившимся в Азии из иудеев (пришельцев).

Второе послание: *«Симон Петр раб и посланник Иисус Христов, равночестную с нами получившим веру в правде Бога и Спаса Иисуса Христа»* и пр.

Опять ни слова о первенстве, главенстве и пр. А в конце 3-й главы (ст. 15,16) он превозносит премудрость возлюбленного брата Павла, указывая на его послания. Он не назначает себе преемника, хотя предсказывает свою близкую кончину. Апостол Петр не только не пользовался никакой властью над другими апостолами, но еще и повиновался им. Так, собранные в Иерусалиме апостолы, услышав, что в Самарии принимают Христово учение, послали туда Петра и Иоанна, помолвившись над ними *«яко да примут Духа Святого»* (Деяния 8, 14). Апостол Петр давал пред другими апостолами отчет о своих деяниях и оправдывался, как например в том, что он обращал не только иудеев, но и язычников, и с ними ел (Деяния 11, 3, 4). Он даже принимал укоризну от апостола Павла в Антиохии (Галат. 2, 11, 16); а этого быть не могло, если бы он был главою, повелителем и распорядителем, которому не могли бы другие апостолы давать распоряжений или наставлений, посылать его на проповедь и требовать от него отчета, делать об его действиях замечания. Следовательно, главенство папы не может быть доказано из Священного Писания, учение о нем не известно было христианам первых веков, а выдуманно позже, и от него вышло ужасное зло для церкви Христовой: оно стало причиной ненависти, гонений христиан христианами и соблазном для жидов и язычников.

2. Но самое главное, на чем основывают римские католики главенство папы, это текст из Евангелия от Матвея гл. 16, ст. 17–20. Этот текст мы разберем подробно и поясним его смысл, потому что он служит будто самым сильным оружием папистов.

Иисус Христос, пришедши с учениками в страну Кесарии Филипповой, спрашивал апостолов: *«кого мя глаголют человеци быти сына человеческого?»* Они сказали: *«Ови убо Иоанна Крестителя, инии же Илию, друзии же Иеремию или единого от пророк»*. Иисус спросил их: *«вы же кого мя глаголете быти?»* На это отвечал Петр: *«Ты еси Христос, Сын Бога живого»*. Иисус отвечал ему: *«Блажен еси Симоне вар Иона (сын Ионы), яко плоть и кровв не яви тебе (того что ты сказал, что Иисус есть Христос, Сын Бога живаго), но Отец Мой, иже на небесех. И аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей. И дам ти ключи царства небесного, и еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесех, и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех»*. Этот текст читали первые христиане, читали святые отцы Вселенских соборов, но не признавали они ни главенства папы, ни его власти над вселенскою церковью. А это потому, что они право понимали смысл этих слов, как понимает их до сих пор восточная православная церковь. Святые отцы знали, что эти слова сказаны Иисусом Петру за твердость его веры, выраженную словами: *«Ты еси Христос, Сын Бога живаго»*; Иисус за то назвал Симона Петром, то есть камнем, значит: камнем веры. Но такая вера была не только у Петра; она была и у других апостолов, потому Христос сказал такие же слова и всем апостолам, всем им сказал: *аминь бо глаголю вам, елика аще*

свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех». (Матв. 18, 18). Святые отцы объясняют, какой это камень, именно, что это тот камень веры, который Петр исповедал, то есть Сам Иисус Христос, что на Нем стоит церковь, или: на вере в Него, Спасителя нашего, а не на плоти и крови Петра, на которых не мог Христос строить церкви, в которой Он обещал быть *«до скончания века»*, которая по словам св. Апостола Павла, *«иного основания»* иметь не может, *«паче лежащего еже есть Иисус»* (1 Кор. 3, 11) и все апостолы, как мы и читаем в послании к ефесеям (2, 20), что верующие во Христа *«наздани — на основании Апостол и пророк, сущу краеугольну (камню) самому Иисусу Христу* (а не самому апостолу Петру и его преемникам в Риме). Если же были и такие святые отцы, которые слово «камень» относили к апостолу Петру, что же из этого следует? Ничто другое, кроме того, что пишет св. Амвросий, что *«на Петре так основана церковь, как и на других»*, а блаженный Иероним пишет: *«Ты говоришь, что на Петре основана церковь, но то же самое в другом месте говорится и о других апостолах: сей дом построен на основании Апостолов и пророков»*. Так и о «ключях» пишет блаженный Августин: *«Разве только Апостол Петр получил ключи, а Павел не получил? Петр получил, а Иаков, Иоанн и другие Апостолы не получили? Где же эти ключи? Не в церкви ли, где ежедневно отпускаются грехи?»*

Если бы было верно, что только один Петр и его преемники, римские папы, получили такую власть от Христа, то как могло бы случиться, что христианский мир не верил в эту власть в продолжение восьми веков, которую только в IX столетии присвоил себе папа Николай I, а за ним его преемники, и что спор этот продолжается до сих пор, и разрешить его так трудно? Если бы одни римские папы имели ключи *«вязати и решати»*, как могла бы существовать восточная церковь, не признавшая этой власти? А она существует! И если верно, что на римской церкви должны исполниться слова Спасителя, что *«врата адова не одолеют ей»*, зачем же нужно было столько орудий мучения, столько горящих костров, столько кровопролитных войн из-за папства, если оно неодолимо внутренней своей духовной силой? Как могло протестанство завладеть целыми большими державами, как могла сама Италия отнять у своего папы его мирское владение и привести его к такому печальному положению, что он считает себя в настоящее время *«узником»* итальянского, *им же самим проклятого* короля, и думает о том, не оставить ли ему Рима? Отчего же происходят эти все жалобы пап на притеснения — кем? Не врагами, а самими католиками.

Все Священное Писание и история церкви доказывают, что приведенные нами тексты другое имеют значение и что римские папы должны были пускать в ход другие средства, и весьма непохвальные, чтобы утвердиться в своей власти. Если бы те тексты были так ясны и неопровержимы, зачем бы папе Николаю I прибегать еще к *«ложным декреталиям Исидора»*, к книге несомненно подложной? А именно на эту книгу сослался папа и на ней основал свою власть, хотя самые папы не в состоянии доказать, что это была книга подлинная, а не сочиненная нарочно для обмана всего мира в такое время, когда наука доступна была только немногим.

3. Защитники всемирной власти пап ссылаются еще на другие тексты, но, кроме ложных выводов, ничего из них не выводят. Так, приво-

дят они слова Иисуса: «*Симоне Ионин, любиши ли Мя паче сих? Глагола ему: ей Господи, Ты веси яко люблю Тя. Глагола ему: паси агнцы моя. Глагола ему паки второе: Симоне Ионин, любиши ли Мя? Глагола ему: ей Господи, Ты веси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы моя. Глагола ему третье: Симоне Ионин, любиши ли Мя? Оскорбе же Петр, яко рече ему третье: любиши ли Мя, и глагола ему: Господи, Ты вся веси, Ты веси, яко люблю Тя. Глагола ему Иисус: паси овцы моя*». Из этого текста они выводят, что разница между агнцами и овцами в том состоит, что агнцы составляют стадо христианское, а овцы пастырей, епископов, над которыми поставлен Петр как верховный пастырь, то есть имеющий пасти и стадо пастырей. Но всякому легко понятно, что и агнцы и овцы составляют стадо, что под овцами Христос не мог разуместь пастырей-епископов и что между епископами и паствою немыслима такая разница, как между овцою и человеком! Это уже верх гордости, к которой не способен был ни Петр, ни другие апостолы, которые все, не исключая и Петра, не иначе себя звали, как рабами Иисус Христовыми, апостолами или посланниками, а верующих называли братиею, стадом, но нигде не называл апостол Петр других апостолов овцами *своего* стада, ни себя князем апостолов, как называют его паписты (*princeps apostolorum*).

К чему все такие мудрствования? Разве Иисус, если бы хотел дать Петру власть над всеми апостолами, не сказал бы ясно: тебе, Петр, должны покоряться все, и другим апостолам сказал бы: слушайте его все. Иисус же сказал всем апостолам вместе: «слушай вас, Мене слушает» (Лук. 10, 16), то есть вас всех вместе и каждого отдельно. Все вы равны.

Но зачем же, говорят паписты, Иисус трижды сказал Петру, что он должен пасти его агнцев и овец? На это дает ответ св. Иоанн Златоустый. «*Трижды, — говорит он, — вопрошает Господь Петра и трижды дает ту же заповедь, чтобы показать, как много должно заботиться о спасении овец*». Прекрасно поясняет эти слова св. Григорий Богослов к еретiku Новату: *не приемлешь того великого Петра, с которым случилось во время спасительной страсти нечто человеческое? Но принял его Сам Иисус с трикратным вопрошением и исповеданием не исцелился ли он от трикратного отречения?* Это естественно: после троекратного отречения, которое предсказал ему Иисус, идя на смерть, Петр пал духом, плакался горько, не смел даже быть при распятии Иисуса; после воскресения Иисуса нужны были эти вопросы Петру *восстановление Спасителем его апостольства*, но это никак не было признанием *якобы царской власти Петра в церкви*.

На таких и других подобных шатких основаниях построено было с IX столетия папство, благодаря темноте тогдашних времен и содействию мирской власти. В то самое время яснили на Востоке светлые звезды — патриарх Фотий в Царьграде и солунские братья — просветители славян Кирилл и Мефодий. Заботами первого проникнул свет Христа в пределы нашей Русской земли. Солунским братьям обязан весь славянский Восток своим духовным возрождением, которое окончательно совершилось и на Руси при равноапостольном князе Владимире. История Руси не упоминает ничего о кровавом введении у нас учения Спасителя. Летописи упоминают только о двух мучениках, Феодоре и Иоанне, тогда когда на Западе от имени римских пап действова-

ли военные католические ордена, обращавшие язычников в Пруссии и в прибалтийских странах мечом и огнем, истребляя еретиков истинно адскими мучениями. Христианство водворилось у нас мирно. Нельзя не удивляться, что такой многочисленный народ крестился без сопротивления; нельзя не верить, что действовала при том сила свыше. *Русь и восточная церковь сплотились в одно целое.* Вера русская прославилась своим духом мира, кротости и смирения. Ее уважали даже неверные, и в том числе и татары, покорившие нашу землю и грабившие ее. Они не дерзали обижать нашей Церкви и нашего духовенства, оставляя его в покое. Русь сбросила с Божией помощью татарское иго, но на западных ее окраинах со временем пришлось ей отражать *другое*, духовное иго. О том читали вы уже выше и узнали, какое опустошение осталось после введения церковной унии 1596 года. Древнерусские края превратились в польские многомятежные лагеря; русские церкви опустели и разрушились, чужина присвоила себе господство над умами и душами наших людей, и они, не разбирая, где истина, и где лесть, шли туда, где более блеска и шума!

Но всему есть свое время. Польша пала не столько от рук врагов, сколько от собственной неурядицы и вражды против всего, что было русского и православного. Зло, посеянное ею, осталось и дождалось рук, которые должны были его искоренить. Явился муж, великий святой Иосиф, положивший начало доброму делу возвращения прельщенных униатов на лоно родной их матери, Православной Церкви. Прошло пятьдесят лет, и видны уже богатые плоды его неутомимых трудов и в других странах. Уже и Холм воссоединился в 1875 году, а Червоная Русь дожидается дня свободы, когда скажет свое громкое слово, и не далеко уже то время, когда вся Русь восхвалит Бога едиными устами и единым сердцем!

Биографическая справка о протоиерее Иоанне Наумовиче

Историческое значение о. Иоанна Наумовича может быть надлежаще выяснено впоследствии только в тесной связи с историей и современным ему политическим и общественным положением его многострадальной родины — Галицкой Руси. Галицко-Володимирская Русь, после светлых времен Владимира, Ярослава, Романа, Даниила и других князей русских, со смертью последнего галицко-русского независимого князя Юрия Андреевича, последовавшей в 1336 году, вскоре утратила свою политическую независимость и подпала иноземному польскому владычеству. При первом разделе Польши, в 1772 году, она досталась Австрии. Под давлением папства и иезуитов русские галичане в 1700 году формально приняли унию. Века иноземного господства отторгли Галицкую Русь от общения с Россиею, поработили ее духовно и материально полякам и взлелеянным ими евреям. Высшие классы русского общества изменили своей народности, ополячились и окатоличились, и на Руси Галицкой остались только «поп» да «хлоп» — бедное и без образования духовенство и простой народ, угнетаемый тяжелым крепостным рабством у польских панов. История галицко-русского народа под вековым польским гнетом полна трагизма, и нужно удивляться, что он вновь воспрянул к жизни. Возрождение его относится не далее, как к 40-м годам нынешнего (XIX. — *Ред.*) столетия. 1848-й год, ознаменованный в Австрии пробуждением национального чувства среди населяющих ее народностей, имел важное значение и в жизни русских галичан. Они освободились тогда на некоторое время от польского гнета и, под непосредственным управлением немцев, пробудились от векового сна и стали приходить к сознанию своей национальной самобытности и отдельности от Польши. Во главе национального движения стало галицко-русское духовенство — естественные и единственные в то время образованные представители народа и его печальники.

Рукоположенный во священника в Городокский приход близ Львова в 1851 году, о. Иоанн Наумович вступил в общественную деятельность как раз в то время, когда на Руси Галицкой начало оживляться русское самосознание. Юные же годы его прошли среди великих лишений и вне благотельного влияния одушевляющей народной идеи. Сын бедного сельского учителя в местечке Бужске, он возрос в семье уже довольно ополяченной: мальчик ходил даже в польский костел прислуживать ксендзу при совершении мессы и твердил непонятные слова латинских молитв, бессмысленно искажая их, например: *себли барана смали* (*sed libera nos a malo* — «но избави нас от лукавого»), в школе учился тоже по-польски, в гимназии содержался уроками в

католических и даже еврейских семьях, проживал одно время для пропитания в семье польской графини католички (Мер) вместе с дворней, среди иезуитских влияний, испытал все виды лишений, пока не поступил в Львовскую духовную семинарию (1844 г.), но чрез четыре года должен был ее оставить, увлеченный польским революционным движением 1848 года вместе с другими семинаристами. К тому времени русское национальное сознание в Галиции было еще весьма слабо развито, польское воспитание и образование сказывалось сильно и на русской молодежи, и молодой Наумович естественно увлекся польскими возгласами о независимости «ойчизны» и свободе. Можно было опасаться, что из него выйдет «паныч»-рenegат или, в лучшем случае, полякующий русский, каких было много в то время, немало их и ныне, если бы обстоятельства не свели его ближе с русским народом и не отрезвило его ближайшее соприкосновение с русской народной жизнью. Сам о. Наумович впоследствии с благодарностью рассказывал, как вразумили его от привитых воспитанием польских увлечений простые малорусские крестьяне, когда он приехал летом на каникулы к своим родителям в Залещики, и внушительно объяснили ему, что Русь не Польша, сбросив с его головы польскую конфедератку, какие носили поляки во время революции 1848 года. Этот урок не прошел бесследно, а следующие за тем два года, проведенные им в деревне, в сельце Верхобужье, домашним учителем у местного сельского священника, сблизили его с простым русским народом, дали ему возможность хорошо изучить народный язык, которым он раньше пренебрегал, и наглядно убедиться, что Русь — не Польша. В своих воспоминаниях о. Наумович сообщает, что, живя здесь в семье сельского священника, одевшись в простую полотняшку, он «все свободное от учебных занятий время проводил среди народа, узнал народную жизнь и понял, какое это было безумие повторять вместе с польскими мечтателями, что Русь и Польша — одно и то же». Не без влияния на развитие в нем общерусского сознания было и случайное знакомство его в 1849 году с русскими войсками, проходившими чрез Верхобужье в Венгрию на усмирение мадьяр. Верхобужские крестьяне доставляли нашим офицерам и солдатам провиант в Сасово, где бывал и Наумович и, к удивлению своему, нашел, что москали не такие страшные пугала, какими изображали их поляки. «Они молились, постились, даже генералы, полковники и высшие офицеры соблюдали посты, чего мы никогда не видали между австрийским военным начальством, — замечает Наумович, — а по разговору с ними было видно, что они весьма добродушные и откровенные люди».

В 1850 году Наумович вновь был принят в семинарию для окончания курса, а в следующем 1851 году женился и был рукоположен во священника в приходе Городок близ Львова.

Двадцать лет неутомимой и примерной пастырской деятельности о. Иоанна в четырех последовательно приходах (Городок, Ляшки Королевские, Перемышляны и Стрельче) протекли, прежде чем он приступил к главному подвигу своей жизни — изданию популярного народного журнала «Наука», предпринятому им в 1871 году, в бытность его священником в Стрельче, и снискавшему ему почетное имя просветителя Галицкой Руси. Эти двадцать лет неустанного одушевленного труда на благо народа были не только временем самовоспитания, но и плодотворнейшего народного учительства. Близкое соприкосновение с

народом не оставило в нем и следов его школьных увлечений польскими мечтаниями. Весьма даровитый и впечатлительный от природы, о. Наумович на самых первых порах своей пастырской деятельности, в должности помощника настоятеля, поступил под благодетельное влияние опытного пастыря, своего настоятеля и благочинного, который, по отзыву о. Иоанна, был «муж больших дарований и священник в истинном значении этого слова, законоучитель и проповедник, каких мало, а сверх того великий русский народолюбец». Неизвестны нам подробности того пути, каким шло его нравственное внутреннее перерождение из полякующего паныча в стойкого и убежденного русского патриота. Не богаты эти двадцать лет и внешними событиями его жизни. Но богаты они неустанным трудом, горячею ревностью о благе народа, его просвещении и поднятии его бедственного материального быта. С глубоким вниманием относясь к своим пастырским обязанностям, он истово и неопустительно совершал богослужение строго по церковному чину, по богослужебным книгам Православной Церкви, отменяя все новшества, введенные в униатские требники. Глубокое изучение унии галицко-русской церкви раскрыло для него с очевидностью, что богослужебный греческий обряд униатской церкви, обеспеченный галицко-русскому народу условиями унии и папскими буллами, во многом был искажен произволом одних и насилием других, и в своей пастырской практике о. Иоанн с настойчивостью и последовательностью, невзирая на доносы и прещения униатской церковной власти, повсюду, где он священствовал, трудился над очищением обряда, устрняя из него мало-помалу все, что привнесла в православный обряд уния, чем далее, тем более сближавшая православный обряд с католическим. Вместе с другими деятелями возрождения своего народа о. Наумович пришел к убеждению и горячо его развивал и доказывал, что уния — это мост к олатинению Русской Церкви в Галичине, и всеми силами души своей ратовал за «святое Православие своих предков». Такие речи и действия отца Иоанна встречали повсюду, где он священствовал, весьма восприимчивую почву в народе, в котором жило и доселе еще живет, хотя и довольно смутное, сознание о том, что правая, истовая вера — восточная православная, что недалеко, за рубежом — в соседней великой России, на горах Почаева и Киева, она сияет и светит своим благодатным блеском и неискаженной, исконной чистотой и величием. Те же речи и те же действия, направленные к очищению униатского обряда от латинских примесей, вызывали вражду и гонение на него врагов Православия, польских иезуитов и их приспешников.

Глубоко верно понимал о. Иоанн, что галицко-русский народ, забитый и угнетенный в вековом рабстве, экономически порабощенный всевластному в Галичине еврейству, никогда не добьется равноправности с польским народом, меньшим по численности, но руководимым богатыми и образованными классами, хотя эта равноправность и существует с 1866 года на бумаге на основании конституции, — если простой народ будет коснеть в невежестве, без всякого образования, без всяких средств борьбы за свое самостоятельное народное существование. Если не поднять народ умственно и материально, то Галицкая Русь без образованного класса, бедная и нищая, в век господства капитализма и права сильного погибнет и сделается лишь этнографическим материалом, на котором господствующая народность будет восстанавливать и воскресит былую Польшу. Одно спасение — в подъеме русского

народного сознания и чувства путем оживления церковной жизни и просвещения на истинно народных началах, неустанного труда и, как первого шага к тому, — народного отрезвления. «Молился, трудился, учился, трезвися», — постоянно и неустанно твердил о. Иоанн народу и в церкви, и в школе, и дома, и в народных собраниях, и устно, и письменно, и это наставление избрал девизом своей знаменитой «Науки».

Благочестивый и набожный семьянин, он служил живым примером преданности и покорности воле Божией для своих прихожан и имел глубокое на них влияние, служа для них руководителем не только в их духовной жизни, но и в мирской, общественной. Облеченный народным доверием, он был избираем депутатом и во Львовский сейм, и в Венский парламент, где стойко защищал права народа, предоставленные ему на бумаге конституцией, но на практике постоянно попираемые и не признаваемые господствующею в крае польскою народностью.

Влияние о. Иоанна на прихожан было тем действеннее и неотразимее, что он служил для них живым образцом трудолюбия, умеренности, настойчивости в достижении цели. Благочестие, труд, грамотность, трезвость — поучал о. Иоанн — единственные якоря спасения для галицко-русского крестьянина, бесправного и угнетенного. Внушая с покорностью терпеть тяжелую долю и все невзгоды жизни, приходский пастырь горячо убеждал народ прежде всего бросить пьянство, освободиться от рабства еврейской корчмы, давать зарюки трезвоты с клятвою пред святым крестом и Евангелием, соединяться в общества трезвости, учиться грамоте и заводить народные читальни, улучшать свое хозяйство. Сам образцовый сельский хозяин, любитель природы, поэтизировавший жизнь сельского хозяина-«хлебороба» (земледельца), замечательный пасечник, знаток и любитель пчеловодства, в котором собственным многолетним опытом пришел к полезным усовершенствованиям и нововведениям, о. Иоанн входил в нужды крестьян, помогал им своими советами и опытными указаниями — как пахать и обрабатывать землю, осушать канавами болотистые места, засеивать поля лучшими кормовыми травами, заводить сады и огороды, разводить полезные овощи; снабжал их лучшими сортами семян, указывал, откуда приобретать лучшие земледельческие орудия, а грамотным давал читать книжки, где можно найти полезные сведения по сельскому хозяйству, а так как доступных и хороших книжек в то время на русском языке не было, то и сам составлял и издавал их. Он постоянно внушал народу, что только знание и усовершенствованный труд земледельца может поднять его благосостояние и поставить его на ноги, только этим путем неустанного труда над самоусовершенствованием может галицко-русский крестьянин добиться принадлежащих ему прав на родной земле. Этим постоянным руководством народа в сельскохозяйственной и экономической области опытный пастырь располагал его к себе и достигал того, что и пастырское его руководство в духовной жизни и в области гражданских и политических отношений (там народ участвует до некоторой степени и в политике, подавая голоса на выборах депутатов в областной сейм и парламент) воспринималось с полным доверием, и паства во всем шла за своим любимым пастырем. Об этом он сам говорит в повести «Отец Феодор» устами этого священника, в котором нельзя не узнать самого автора: «Природа сблизила меня и теснее связала с моими прихожанами; видя у меня все луч-

шее, они приходили просить моего совета, и я охотно советовал, отдавал им самые лучшие семена, готовые прививки, учил прививать, очковать, дружить (копулировать). Для меня не было большего утешения, как видеть везде плод моего учения и труда. Посмотрите только, сколько клевера уже сеют мои прихожане, а есть у них и люцерна, и эспарцет. Когда я назначен был сюда священником, в целом нашем приходе не было у крестьян ни одной хорошей штуки скотинки — все мелюзга, самой худшей породы. Посмотрите теперь... какая у нас порода скота! Тогда не было нигде ни одного фруктового дерева, теперь сплошь и рядом сады!.. Долго я боролся с невежеством и косностью прихожан, но со временем поборол все их суеверия и недоверчивость ко мне; теперь они мои — слушают меня во всем, как послушные дети... Я работал, промышлял, добывал из земли мой хлеб, но я и учил, непрестанно учил в церкви слову Божию и Христовой истине, указующей путь к вечному спасению, — и в поле, и на лугу, и везде я учил, как добыть и умножить насущный хлеб, не пьянствовать, не воровать, а жить в страхе Божиим, праведно, честно, благочестиво и разумно наслаждаться жизнью. А теперь они дают мне и за требы охотно, потому что имеют что дать... Прежде крестьяне неохотно шли в церковь, а теперь она битком набита. Пьянство прекратилось, они стали несравненно нравственнее, а по избам и в хозяйстве завели чистоту и порядок... Теперь немцы какую-то штунду завели, но посмотрел бы я, как бы они завели ее в моем приходе».

Все стороны пастырской деятельности были одинаково близки сердцу доброго пастыря: с равным вниманием и любовью о. Иоанн трудился неустанно над церковным и народным учительством, был исполнительнейшим требоисправителем и в то же время прекрасным сельским хозяином и образцовым семьянином. Обладая выдающимися дарованиями, душой отзывчивой и восприимчивой, способной к поэтическому творчеству, характером мягким и кротким, он совсем не был тем, что называют «человеком-практиком», и широко развитая им пастырская и впоследствии литературная деятельность, о которой будет речь ниже, может быть объяснена, кроме редких дарований, неустанным трудом умственным — и прежде всего над самообразованием и самовоспитанием. *Nulla dies sine linea* (ни дня без строчки. — *Ред.*) — было его девизом, которому остался верен о. Иоанн до своей кончины. Он неустанно и с редкою любовью предавался самому разнообразному чтению и был вполне образованным человеком. Ежедневное и обязательное чтение Библии было для него законом; особенно любимыми книгами его были Псалтирь, Притчи Соломоновы и Книга Иисуса сына Сирахова; близкое знакомство, можно сказать, духовное его родство с ними впоследствии ярко обнаружилось в многочисленных его писаниях для народа. Затем он глубоко изучил не умом только, но и сердцем исторические судьбы злополучной своей родины, историю Православия и унии в крае и с замечательною ясностью и живостью воссоздал в своем сознании идеал воссоединения галицкой ветви русского народа с Матерью-Русью православною, вне общения и единения с которою, по его глубокому убеждению, разделяемому и всеми лучшими людьми его родины, нет будущности для зарубежной Малой Руси... С большим запасом пастырского и житейского опыта, с высоким одушевлением послужить во благо не только своей паствы, но и всего галицко-русского народа, с глубоким убеждением, приобретенным горьким опытом, в

бесплодности каких-либо политических комбинаций для успешного развития русской народности в крае без предварительного подъема народа путем образования и воспитания в общерусском духе, о. Иоанн Наумович, ровно через двадцать лет пастырской деятельности и после нескольких литературных опытов*, в 1871 году предпринимает периодическое издание для народа под названием «Наука». Для того, кто знаком с «Наукой» Наумовича почти за 20 лет ее издания, одним этим названием уже все сказано: в ней «о. Иван», как называют его галичане, высказался весь, во всем объеме своих дарований и великих заслуг для своего народа, и этого знакомства с его любимым детищем было достаточно, чтобы узнать и оценить Наумовича. Но у вас, в России, очень мало людей, читавших «Науку», особенно за первые 12–15 лет, когда она, можно сказать, всецело составлялась единолично ее редактором-издателем. Издание «Науки» — лучшее и плодотворнейшее время жизни о. Иоанна, содержание ее — сокровищница его просвещенного ума и познаний, благородного, горячо бившегося за несчастную родину сердца и вдохновенного творчества его поэтической души.

Небольшие месячные книжки «Науки» начали появляться с 1871 года в уездном маленьком городе Коломые, в Восточной Галичине, когда о. Иоанн был приходским священником еще в селе Стрельче, а впоследствии во Львове. Они сразу привлекли к нему внимание всех друзей народа. Это было нечто необычайное и по содержанию, и по языку, и чем дальше, тем лучше. Все идеальное, что считал о. Иоанн нужным и полезным для народа, все, чему учил он в течение двадцати лет своего пастырства окружавших его поселян, все, чего не мог он словесно растолковать неграмотному народу, нашло здесь наилучшее выражение. Это была образцовая энциклопедия не только для образования, но главнейшее — для воспитания народа в тех понятиях, чувствах и направлении, какие вытекали из основ народного духа и исторических его судеб.

С внешней стороны — это был популярный журнал со многими разнообразными отделами, с нравственно-назидательным во главе, и со многими рисунками. Непременно в каждой книжке последовательно печатались по порядку книги Священного Писания на славянском языке, преимущественно учительные книги Ветхого и Нового Заветов, иногда с буквальным переводом и непременно с толкованиями. Эти толкования — высокий и трудноподражаемый образец изъяснения Писания *для народа*. Чуждые сухости и погони за педантической полнотой изъяснения каждого слова, каждой фразы, они представляют живую, связную беседу в последовательности священного текста, беседу простую, полную глубокой жизненной правды, знания человеческого сердца и того, что ему на потребу. С редким умением выделяя одну-две существенные мысли, толковник сильно и выразительно, то в образах и примерах, то в горячих воззваниях и прещениях, внедряет их властно в сознание читателя или слушателя. Ничего отвлеченного, отдаленного, искусственного — все прямо направлено к сердцу и чувству читателя, к его неперемennomu и неотразимому назиданию. И это слово назидания всегда выражено с такой сердечностью и искренностью, что легко западает в сердце и протеста, и просвещенного, и начитанного, и неуча. Тако-

* Еще в 1861 году он издал книжку рассказов и стихотворений под заглавием: «Повести и песни Ивана Наумовича».

вы же толкования богослужбных песнопений, священных действий, христианских праздников, житий святых. Уменье приспособляться к пониманию и потребностям читателя-селянина, едва грамотного — замечательное. Беседуя с народом о Писании, пастырь вместе и толкует, и толкуя беседует. Среди последовательного объяснения он не затрудняется обратиться в *вопрошающего*, и истолковательная речь беседника переходит в разговорную и обратно. Ничего нет предвзятого и однообразного. При этом все толкования — на основе православной, святоотеческой. Один из биографов о. Наумовича, почтенный православный пастырь, замечает, что «в этом отношении нравоучительные толкования “Науки” бесспорно могут занять видное место в нашей проповеднической *истолковательной богословской литературе*»*: так они основательны, при всех других неподражаемых их достоинствах.

Кроме истолкования Священного Писания, в «Науке» помещались краткие извлечения из святоотеческих творений, особенно из Иоанна Златоуста, статьи церковно-исторические, преимущественно по русской церковной истории, жития святых, поучения — все это под общим наименованием «Богочестия». Читая статьи этого рода, нельзя не удивляться уменье избирать из обширной области вероучения и нравоучения самое необходимое народу — младенцу в вере, и излагать с выразительностью краткостию и ясностию, живостию и образностию, которые неотразимо должны запечатлеться в уме хотя и непросвещенном, но склоненном в послушание веры. И в этом выборе предмета бесед, и в самом способе его раскрытия виден не только ревнующий о своих духовных чадах пастырь, но и писатель-художник, с тонким чувством меры и веса преподающий духовную пищу жаждущим духовного назидания.

«Все статьи духовно-нравственного и церковно-исторического содержания, направленные к утверждению в народе веры и благочестия, с замечательным искусством подбирались и излагались так, чтобы внушить народу, что его “русская вера” — исконная святая православная вера, что русский обряд униатской церкви — греческий православный обряд, общий со всем православным Востоком и колыбелью православия для Галицко-Володимирской Руси — Великою Россию, что некоторые отличия в обстановке храма, в порядке богослужбных действий произвольно и незаконно введены в практику униатской церкви под давлением католиков в тяжкие времена иноплеменного господства и что очищение униатского обряда, восстановление исконного на Галицкой Руси Православия в обряде, обеспеченного унией галицко-русской церкви, — дело святое и богоугодное. Такие мысли и речи были по душе народу, и он внимал им с тем с большим сочувствием, что крестьяне из Восточной Галиции сами имели возможность убеждаться из посещений недалекой Почаевской Лавры в справедливости слов “отца Ивана”».

Тем же направлением проникнуты и к той же цели сближения с Великою Россию устремлены и все статьи как общерусского исторического содержания, так и статьи по русской этнографии — о житье-бытье русских людей в разных краях необъятного русского мира: и в Великой, и в Белой, и Малой Руси, и в Галичине, и на Буковине, и в

* Священник И. Соловьев, в вышеуказанном его биографическом очерке прот. И. Наумовича.

Угорщине — один и тот же русский народ, одной и той же «русской веры» и русского языка, одних преданий, вышедший из одной купели крещения при святом Владимире и некогда живший одною общерусскою жизнью. Прикровенно и с большим искусством по разным поводам дается понять народу, что разделенные судьбою братья, дети одной Матери-Руси, Бог даст, соединятся, пройдут и для Галицкой Руси тяжкие времена неволи и несправия, и весь русский многомиллионный народ едиными устами и единым сердцем будет славить Господа, как это было в стародавние времена.

Особенно хорошо умел о. Иоанн объяснять и внушать народу всю несостоятельность и вздорность мечтаний той части галицко-русской интеллигенции, которая в новейшее время, отчасти под влиянием польским, отчасти внимая речам наших украинофильских агитаторов (Кулиша, Дрогоманова и др.) начала развивать сепаратистскую теорию об отдельном украинском (малорусском) 20-миллионном народе, к которому-де принадлежат все западные и южные губернии России до Северного Кавказа включительно, который с нашим великорусским народом, презрительно ими называемым «москалями» или «кацапами», ничего общего не имеет, что будущность Руси, сила и слава ее в грядущих веках принадлежит не великорусскому племени, а казацкому, украинскому, к которому-де принадлежит и вся Русь зарубежная. Вздорные и несбыточные мечтания эти, безопасные сами по себе, в Галицкой Руси могли иметь и имели то вредное действие, что украинофильская партия, не ограничиваясь, так сказать, академическими рассуждениями об особенностях малорусского наречия, которой нельзя отрицать, как и множество местных наречий и говоров у всех великих народов, стала проводить эти идеи и на практике, издавая книжки для народа от имени украинофильских литературных обществ «Просвета» и «Общества имени Шевченки» не на местном народном наречии, а на искусственно созданном галицкими народовцами-литераторами из смеси литературного малорусского языка Шевченко и других малорусских писателей в России и местных галицких говоров, и не только писать такие книжки — в этом не было бы большой беды, так как народ в Галиции этого искусственного языка не понимает и не любит, предпочитая церковно-славянские книги, — но и насильственно вводить особую азбуку, так называемую фонетическую, в школы не только средние, но и нижние, при ревностном содействии местного польского правительства, которому весьма сочувственно и желательно все, что разобщает галицких русских с Россией.

Но лучше и убедительнее всяких объяснений и рассуждений действовал на народ тот язык, которым писал сам о. Иоанн в «Науке» и в книжках для народа. Это был не язык простонародья, невзрачный и нелитературный, притом чрезвычайно разнообразный по своим говорам в разных местностях Прикарпатья, — в то же время это был и не искусственный язык украинофильских писателей, непонятный народу, и не великорусский чисто литературный язык. Близко изучив народ, его говоры, его быт и его сочувствия, он с чутьём глубокого наблюдателя заметил, что народ, приверженный к Церкви и ее «восточному обряду», воспитанный под сенью Церкви, с ее богослужением на церковном славянском языке, глубоко почитает возвышенную речь священников и песнопений, любит читать и слушать о божественном, и ко всякой грамоте, как и наш великорусский народ, относится с уважением, желая

и ожидая найти в ней всегда нечто высшее и идеальное в сравнении со своей будничной суетной жизнью, а потому и сама речь книжная, по народному пониманию, должна не унижаться до простонародного жаргона, не подделываться под народный говор, а возвышаться над ним строгою степенностью и чистотой стиля, в соответствии с тою высотой понятий и мыслей, какие народ жаждет усвоить из книги, которая должна поучать его чему-либо высшему и лучшему, чем он сам знает и понимает. Исходя из таких верных психологических соображений и наблюдений, о. Иоанн Наумович никогда не писал для народа местным говором, а так как литературный язык в Галицкой Руси не выработан, чисто великорусский же язык еще недоступен народу малограмотному и неначитанному, а на украинском наречии о. Иоанн и не мог писать по своим убеждениям, да и не знал его особенно в той искусственной его обработке, какая дана ему галицкими украинофилами, то он создал особый народно-литературный язык — и это замечательный, общепризнанный факт, свидетельствующий прежде всего о творческом, художественном даровании Наумовича. И нужно сказать — язык прекрасный, вполне понятный каждому галицкому крестьянину и в то же время в основе и построении своем более близкий к общерусскому литературному языку, чем к искусственному украинофильскому. Это плод духовного творчества на глубоких основах народного духа и быта. Читая галицко-русские повести, рассказы или назидательные статьи о. Иоанна и зная местные наречия, которыми говорят лемки, бойки и гуцулы Прикарпатья, удивляешься этому обширному лексическому запасу слов, этому уменью выбрать слово, которое, будучи местным в одном каком-либо из галицких говоров, в то же время встречается или в церковных книгах, или в общерусском языке, — этому мастерству рассказа совершенно в духе народной речи, но в то же время и высоко литературному. В каждой фразе, в каждом обороте речи виден художник слова, стоящий над народом, его учитель и просветитель, поучающий в уровень с пониманием народа, вполне ему понятный и доступный, но не спускающийся до раболопного подражания его грубой и необработанной речи, с ее бессвязностью и отрывочностью в построении и случайностью в выражении, что так неприятно действует в сочинительстве некоторых наших писателей-народников, механически воспроизводящих неграмотную речь заурядных баб и мужиков. Чуждый всякой фальши и подделки, народный язык Наумовича прост, естествен и степенен, понятен народу и любим им. Понятно важное и общенародное значение языка Наумовича — он много содействовал сближению искусственного галицко-русского литературного языка, образовавшегося под сильным влиянием польского, как с местным народным наречием, так в особенности с общерусским литературным языком. Язык Наумовича — это мост, перекинутый из зарубежной Руси в Русь Великую чрез искусственные политические преграды, подобно тому, как его церковные статьи — такой же мост к переходу из унии в Православие. И это одна из главных заслуг о. Иоанна не только для своей ближайшей родины, но и для второго его духовного отечества — России.

Да не подумает, однако, читатель, что язык Наумовича, как создание искусственное, его личное достояние, остался мертвым и не имеет будущности. В том и достоинство его, и значение, что, как творческое произведение на основах народного духа и его истории, он имеет все условия жизненности и истинной народности, что и удостоверено опы-

том. До Наумовича, можно сказать, в Галиции не было читателей из народа — он создал и читателей, и подражателей и продолжателей, хотя не столь выдающихся по таланту, но твердо идущих по возделанному пути. «Наука»* Наумовича проникла в самые захолустные уголки Прикарпатья. Ее читали и зачитывались ею не только мещанство, но и крестьянство. Приохотил же к чтению полезных книжек о. Иоанн больше всего своими назидательными повестями, печатавшимися как в его журнале, так и отдельно.

О повестях Наумовича следует сказать несколько подробнее. Лучшие из них имеются в переложении и на общелитературный язык, таковы: 1) «Четыре путеводителя доброй жизни: страх Божий, мудрость, трезвость, труд» (издано под названием «Живый в помощи Вышнего...»), 2) «Псалтырник», 3) «Сироты», 4) «Заветные три липы» — все эти повести, в переложении А. Давидовича, недавно вышли в общедоступном и весьма полезном издании для народа — «Приходская библиотека» под редакцией В. И. Шемякина отдельными книжками. Далее — 5) «О. Феодор — сельскохозяйственные беседы» (Киев, 1888), 6) «Заветные тополи» (там же), 7) «Степан Сторазумов» (у Иогансона в Киеве), 8) «Как в простоте люди живут» (у Тузова в С.-Петербурге); все эти книжки как нельзя более пригодны для народного чтения по их назидательности и занимательности.

Содержание всех повестей Наумовича заимствовано из галицко-русской жизни, прошлой и современной. Чуждый современного беллетристического реализма, автор по своим симпатиям и направлению пристраивает ближе к так называемой романтической школе в поэзии — отчасти и по времени, в которое начал он писать их — еще с 50-х годов, когда еще было господствующим это направление во всех славянских литературах, — отчасти, и главнейше, — по самым свойствам его души, от природы мягкой, чувствительной, склонной к созерцанию и впечатлительной. Элемент трогательный, чувствительный во всех повестях является преобладающим. Все его рассказы проникнуты глубоким

*«Наука» продолжает издаваться и ныне в Вене под редакцией бывшего постоянного сотрудника о. Наумовича — Д. М. Козарищука, в том же добром направлении и на языке еще более, чем при Наумовиче, сближенном с нашим литературным. Обаяние имени о. Иоанна поддерживает внимание и любовь народа к «Науке» и при новой ее редакции, свято чтущей память ее основателя и постоянно напоминающей народу о незабвенном его просветителе. Приступая к изданию «Науки» в 1892 году, по кончине о. Иоанна, редактор в обращении к своим читателям так трогательно и вместе признательно вспоминает о нем: «Не стало нам нашего просветителя отца Ивана, не пишет уже его золотое перо, сырая земля покрыла навеки его тленные останки, но его дух живет между нами, согревает нас к братней любви и неусыпному труду, и не забыты его заветные слова: «Молись, трудись, учись, трезвьись». Они суть и будут нам путеводною звездою як долго Всевышний подаст нам силы служити русскому народу... Неопытна и неумела наша рука и блекнет наше скромное слово перед чудными науками нашего просветителя, но мы будем писати так, як приказует вам наша совесть, наше русское сердце и добро той святой матери, которая дала нам гордое имя «Русский»!.. Помни русский народ всегда святые слова нашего просветителя Ивана, иди указанною ним дорогою, а твой труд будет наилучшим памятником на его могиле... В тех четырех словах заключается и вся программа «Науки». Двадцать лет она верно служит народу и мы останемся при нашем старом прапоре» («Наука», 1892 г., № 1, стр. 2-3). Из этой выдержки можно познакомиться и с языком нынешней «Науки».

сочувствием к меньшей братии, горячею любовью к народу, сочувствием к его вековым страданиям под иноземным гнетом, глубокою верою в Промысл Божий и окрыляющею надеждою на лучшие времена — свободы и независимости. Сюжеты его повестей всегда чрезвычайно занимательны, изображения действующих лиц — очерчены резкими и явственными чертами, завязки хотя несколько искусственны и случайны, а развязки — иногда столь же неожиданны, но всегда направлены к целям назидания и поучения. Поэзия Наумовича — дидактическая по преимуществу, и для простого народа, едва овладевшего грамотностью, она как нельзя более пригодна для проведения в его сознание идей добра и правды, любви к родине и ее благу, любви и привязанности к Церкви и доверчивого подчинения водительству ее пастырей, терпения невзгод во времена трудные, надежды на лучшее будущее. Форма повествовательная дает писателю широкий и удобный простор говорить с народом и о том, что по местным условиям и обстоятельствам галицко-русской общественно-политической жизни было бы неудобно или даже невозможно провести в народное сознание иным путем. В этом отношении все повести о. Наумовича, как говорят, тенденциозны, но в лучшем, благороднейшем смысле этого слова: его намерения (тенденции) — чисты и возвышенны, цели — открыты и благородны. Рассказывает ли он приключения из времен польских конфедераций, или крепостного права, гайдаматчины, польских восстаний — везде у него на первом плане русский народ, с его страданиями и бедствиями, руководимый своими пастырями и выходящий из затруднений лишь силою веры, надежды и любви христианской. Правда, желая как можно явственнее изобразить и впечатлительнее внушить простому народу его вековую отдельность от соседнего, злоупотребляющего правом сильного, народа польского, бытописатель не стесняется в своих рассказах из времен минувших изображать иногда яркими, мрачными красками разные виды жестокостей и насилий, поругания над народными русскими святынями, но эта правдивая историческая быль не смутит и не ожесточит народ, а только возгреет в нем чувство горячей любви к родине. В этом отношении исторические повести Наумовича — самые живые и назидательные уроки истории многострадального его народа, лучшее средство поддержания и возбуждения его патриотического духа. Повествовательною формою о. Иоанн пользуется и для наставления народа в добродетельной жизни, для научения его всему тому доброму и полезному в сельском быту, чему он учил свою паству живым словом и примером. «Повести» его открыли ему только несравненно более обширную аудиторию — весь галицко-русский народ — и дали ему возможность расширить свое просветительное влияние. Почти во всех повестях его во главе действующих лиц стоит священник, идеальный пастырь, живущий одною с народом жизнью, его пестун и руководитель, печальник и защитник. Устами пастырей автор поучает народ благочестию, трезвости, бережливости, рачительности в хозяйстве, домоводству, пчеловодству, садоводству, огородничеству, изображает трогательные и поучительные сцены доверчивости и преданности поселян к своим руководителям; мирную сельскую трудовую жизнь, с ее радостями и тревогами, вблизи к природе — с ее красотою и бодрящею свежестью, особенно хорошо и тепло умеет изображать автор, пользуясь каждым случаем, чтобы внушить народу привязанность к земле и благодатному земледельческому труду. Радости счастливой семейной жизни находят

в нем редкого по искренности повествователя. Особенно же любимая его среда — сельское духовенство — с его бытом, с его широким гостеприимством, тесными родственными связями до отдаленных степеней родства, с его радостями и печальями. Читатель, знакомый с бытом нашего духовенства, находит в повестях о. Наумовича нечто ему родное и близкое, знакомое, при всех разностях в быте, обусловленных воспитанием и чуждыми влияниями, и ниоткуда лучше не узнает он, как из этих повестей, житейско-бытия русских священников в Галиции, равно и быта крестьян. В этом отношении его повести имеют и важное этнографическое значение.

«Наука» представила для о. Наумовича, как мы сказали, удобнеее средство к распространению в народе трезвости, бережливости, сельскохозяйственных знаний: садоводства, огородничества и пчеловодства, улучшенного скотоводства и домоводства. Статьи по всем этим отделам большею частью составлялись самим о. Иоанном и читались народом с живейшим интересом и несомненною пользою, в которой он имел утешение лично убеждаться из обширной переписки, завязавшейся между издателем-редактором «Науки» и его земляками, большею частью крестьянами. Эта сторона литературной деятельности Наумовича также имеет весьма важное значение и оценивается на его родине даже выше всего, что им было писано для народа.

Кроме личного писательства, о. Наумович оказал галицко-русской литературе незабвенную услугу и тем, что вместе с другими патриотами положил основание просветительному Обществу имени М. Качковского, в основу деятельности которого положены те же начала, которыми руководился в своей пастырской и писательской деятельности о. Иоанн. Общество это усвоило в своих изданиях тот же литературный язык, каким писалась «Наука», хотя не с тем же талантом, и успешно развило и продолжает дело о. Иоанна, устраивая повсеместно читальни и общества трезвости, и распространяя в народе сотнями тысяч свои дешевые издания для народа. Ничего подобного этим изданиям наши книгоиздательские общества, к сожалению, не представляют.

Нельзя не удивляться плодовитости и неутомимости о. Наумовича в писательских трудах, особенно при тех трудных внешних условиях, в каких протекало его служение. В приходской жизни на каждом шагу ему поставляемы были затруднения и препятствия — и от местных польских помещиков, которым и доселе принадлежит средневековое право «презенты» (поставления священника на приход в их поместьях), и от арендаторов, и шинкарей-евреев, и от низших полицейских агентов, и даже от своих духовных униатских властей, из малодушия и раболепства пред польской влиятельной шляхтой и иезуитами боявшихся взять под свою защиту и покровительство учительного пастыря. Клевета, доносы, подозрения преследовали его повсюду, и недаром пришлось ему переменить пять приходов, каждый раз вновь обзаводиться хозяйством, начинать дело снова и воспитывать своих прихожан. Только в последнем месте своей пастырской деятельности, в Скалате, он имел очень хороший приход, расположенный поблизости к нашей границе, в весьма плодородной местности, где народ живет в сравнительном довольстве и отличается преданностью Церкви и подъемом русского духа. Здесь о. Иоанн нашел некоторое отдохновение от постоянных перекочетов и соединенного с ними беспокойства, еще с большим рвением занялся сельским хозяйством и усиленными литературными трудами.

Но здесь положен был неожиданно и конец его просветительным трудам на пользу родины. Осенью 1881 года, по доносам следивших за каждым его шагом польских иезуитов и своих изменников-ренегатов, он привлечен был вместе со всеми выдающимися галицко-русскими патриотами к суду по обвинению в мнимой государственной измене. Чудовищный политический процесс окончился летом 1882 года присуждением Наумовича судом присяжных из поляков и евреев к 8-месячному тюремному заключению, сверх 6-месячного предварительного заключения во время следствия и процесса. Поводом к этому злостному процессу, лежащему мрачным пятном на австрийско-польском правосудии, послужил переход из унии в Православие крестьян из деревни Малые Гнилички, неподалеку от Скалата... Этого было довольно, чтобы взвести на Наумовича обвинение в заговоре, направленном не только к соращению всей Галицкой Руси из унии в Православие, но и к насильственному отторжению Галиции от Австрии и присоединению ее к России.

Пишущему эти строки привелось быть в Галиции как раз в ту осень 1881 года, когда воздвигнуто было гонение на о. Иоанна, лично с ним познакомиться в г. Львове во время годового собрания Общества имени Качковского в русском Народном доме и видеть воочию то обаяние, каким пользовался отец Иоанн у простого народа. Особенно поразила меня тогда внешняя величаяя его фигура: седовласый, высокого роста, с умным и добрым лицом, благодушный маститый старец — священник, к удивлению моему, единственный из всех виденных мною русских униатских священников, обыкновенно бритых, носил бороду и рясу с широкими рукавами и тем производил впечатление совершенно православного священника. Эта борода и ряса и многое другое, что сближало его и его приходской храм со «схизматиками», то есть православными, были бельмом на глазу у врагов русского народа и зачтены были ему в вину наряду с разными доносами о каких-то неосторожных его отзывах о папстве и унии, католицизме и Православии. «Тяготение» к России в мыслях и чувствах — вот главная его вина, за которую ему пришлось так жестоко пострадать.

Последующие обстоятельства жизни о. Иоанна более или менее известны. Отлученный папою Львом XIII от Церкви за приверженность к схизме, несмотря на основательную и горячую «апелляцию», лишенный сана и прихода, преследуемый польско-иезуитскими кознями, И.Г. Наумович решил искать душевного мира в лоне Церкви Православной. Будучи в душе уже давно православным, о. Иоанн 6 октября 1885 г. присоединен был к Православию во львовской православной церкви и с тем вместе принужден был положить предел своим многолетним трудам на своей родине, так как оставаться ему в Галиции было уже немислимо.

Переселившись с семейством навсегда в Россию и принятый у нас с любовью и почтением к его славным заслугам для своей родины и косвенно для всего русского народа, обласканный всеми, кто умел ценить его многоплодное и вместе тернистое прошлое, возведенный в сан протоиерея Киевским владыкою, митрополитом Платоном, знавшим и любившим маститого пастыря, о. Иоанн, на старости лет должен был приспособляться к новым условиям жизни и быта, войти в новую непривычную колею жизни, что нелегко достается и заурядным людям и не в таком уже почтенном возрасте, когда естественнее было бы

желать и ожидать после стольких злоключений мира и покоя от трудов праведных. И видно было, что такое приспособление было нелегко для почтенного труженика на закате дней его. Не находил он полного себе удовлетворения ни в деятельности киевского епархиального миссионера, ни в трудах приходского пастыря в селе Борщаговке под Киевом, ни в широком просторе писательства для всего великого народа русского. Правда, его опытное перо дало и здесь ряд новых и высокополезных трудов: им составлен «Православный народный календарь» на 1890 и 1891 годы, изданный при Синодальных «Церковных ведомостях», прекрасная «Книга для чтения о сельском хозяйстве», ряд общепользных статей в тех же «Церковных ведомостях» — и этими изданиями он принес немалую пользу своему новому отечеству. Но для тех, кто знаком с его «Наукой» и галицкими его изданиями, видно было, что, оторванный от родной почвы, создавшей его писательский талант, он не чувствовал уже в себе прежней силы творчества, что ему гораздо труднее было и требовало напряжения и усилий писать на общерусском литературном языке для нашего народа — и с иными запросами жизни и с иной подготовкой. Видимо, его художественный высокий дар требовал соответственного выражения — обычной ему речи и формы, в которые так прекрасно отливались его задушевные мысли в галицко-русских повестях и рассказах, местный колорит которых так много утрачивал в своих тонах и штрихах даже в самом лучшем переложении их на общерусский литературный язык. Неудивительно поэтому, что как истинный художник слова, он не удовлетворялся своими позднейшими писаниями на русском литературном языке, хотя и владел им в достаточной степени — но уже не для художественной прозы или поэзии. Тем не менее нельзя не скорбеть, что слишком недолгое время имели мы в своей среде этого неутомимого работника и заботника о пользах и нуждах народных. Много было у него намечено планов и предположений насчет дальнейших трудов литературных, но не суждено было им осуществиться.

И в новом своем отечестве о. протоиерей Наумович не переставал заботиться и живо интересоваться галицко-русскими делами, продолжал писать в «Науке» и «Галицкой Руси» до последних дней своей жизни. По замечанию одного из близко знавших его лиц (А.С. Будиловича), «в его голове возникали все новые и новые проекты, его манили к себе новые горизонты благодатного юга, снился Крым, грезились галицкие колонии под Кавказом и еще многое другое, отрадное и для Галича, и для России, и для всего славянства», пока неожиданная кончина его, последовавшая 4 августа 1891 г. в г. Новороссийске, на обратном пути из поездки на Кавказ по делу той же колонизации его земляков, не прервала нить его 65-летней жизни, всецело посвященной трудам и заботам на благо дорогой родины.

Высокодаровитый народный писатель, пастырь добрый, образец для верных *словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою* (1 Тим. 4, 12), образцовый семьянин и домохозяин, самоотверженный патриот и изгнанник правды ради, воистину «просветитель Галицкой Руси», отец Иоанн Наумович снискал себе многотрудную и многоплодную жизнь свою вечную о себе признательную память в потомстве. Не суждено было ему узреть лучших дней для своей многострадальной родины, и Бог весть когда они наступят, но мы верим и надеемся, что посеянное им семя добра и правды в народе возрастит великий плод, — плоды

эти уже зреют и спеют, и когда настанет время жатвы, когда воссияет солнце свободы над бедными хижинами русского Прикарпатья, просветленный и наученный «отцом Иваном» галицко-русский народ со слезами благодарности вспомнит своего просветителя и с молитвою о нем сознательно скажет:

Вем твои дела и любовь
И службу, и веру, и терпение
Твоё, и дела твои, —

и не зарастет тропа народная к его памятнику на Аскольдовой могиле.

И. СОКОЛОВ

Оглавление

Архимандрит Киприан (Керн)

Предисловие 6

К.Н. Николаев

Восточный обряд. От автора 11

Глава первая

Католическая Церковь и Власть в России 13

1. Католическая Церковь в России при императорской власти. Попытка Рима договориться с императором Петром I. Политика Екатерины II. Митрополит Могилевский и всех католических церквей в России Станислав Систренцевич. Посольство И.Чемоданова в Венецию в 1656 году и отношение к этому Курии. 2. Рим и польский вопрос в России. Влияние польского духовенства на положение католичества в России. Русский язык и польское духовенство. 3. Восстание поляков в 1831 году. Ликвидация. Унии в 1839 году. Посещение Императором Николаем I Рима в 1845 году. Подлог мученичества Макрины Мечиславской. История этого обмана, рассказанная иезуитом Яном Урбаном в 1923 году. Конкордат Рима с Россией 22 июля — 3 августа 1847 года. 4. Попытка создания папской нунциатуры в России. Император Павел I и нунций граф Литта. Его высылка. Выдача папским правительством Наполеону I французского эмигранта Вернета, состоявшего на русской службе и возвращение по этому поводу распоряжением русского правительства римского посольства из Вены. Польское восстание 1863 года и прекращение действия конкордата 1847 года (22 ноября 1866 года). Покушение поляка Березовского на Александра II в Париже 6 июня 1867 года и отношение к этому Ватикана. Переписка Льва XIII и Императора Александра II. Отношение Папы к убийству Императора Александра II. Папа Лев XIII и Император Александр III. Восстановление отношений между Папским престолом и Россией.

Глава вторая

Борьба папства за светскую власть и со светской властью 35

1. Папа Григорий VII и борьба за инвентитуру. Церковно-политические взгляды блаженного Августина. Церковно-государственные идеи папы Григория VII. Народ, как средство борьбы с императорской властью, не признающей примата папы. 2. Ватикан и Франция при Наполеоне I. Конкордат 15 июля 1801 года. Коронация Наполеона I Папой 2 декабря 1804 года. Борьба папы Пия VII и Наполеона I. Папа — узник в Фонтенебло. 3. Ватиканский Собор 1871 года и догмат непогрешимости. Энциклика папы Льва XIII «*Regum Nowarum*». Борьба французских и немецких влияний в Ватикане. Папа Пий X. Соревнование Мерри дель Валля и кардинала Рамполло. Смерть папы Пия X. 4. Победа союзников в Первой мировой войне и папский престол. Папа Бенедикт XV. Папа Пий XI и Латеранский договор Ватикана с Италией 11 февраля 1929 года. Осложнения между Ватиканом и Муссолини в 1931 году. Революция в Испании и разгром католической церкви. Роль иезуитов и духовенства в истории Испании. Высылка папского нунция из Литвы 7 июня 1931 года. Новое обращение взоров Рима на восток.

1. Католическая иерархия в России и советская власть. Процесс католического духовенства в Москве 21–25 марта 1923 года. Начало русского католицизма и участие в этом польского духовенства, а равно профессуры императорской Петербургской Духовной римско-католической Академии. Тайная миссия иезуитов в Петербурге. Усиление работы после указа о веротерпимости 1905 года. Предвоенная работа русских католиков. Диодор Колпинский и его судьба. 2. «Патриарх» русского католицизма — Алексей Зерчанинов и его судьба. Церковные службы по Восточному обряду в Мальтийском костеле при Пажеском горпусе в Петербурге, под охраной настоятеля костела каноника С.Лозинского. Свящ. Глеб Верховский. 3. Русский католицизм в Москве. Деятельность о. Евстафия Сусалева и Николая Толстого, принимавшего участие в обращении в католичество Вл.Соловьева. Русский католицизм и старообрядчество. Анна Абрикосова, в монашестве Екатерина? и ее история. Владимир Абрикосов. 4. Синод «Греко-католической церкви в России» под председательством митрополита А.Шептицкого в Петербурге с 29 по 31 мая 1917 года. Постановления Синода. Образование экзархата. Экзарх Леонид Федоров, его история. 5. Лояльность католического духовенства к советской власти. Продолжение работы русских католиков. История обращения в унию населения православного прихода села Богдановки Старобельского уезда Харьковской губернии. Организация этого дела о. Потапием Емельяновым. Судьба последнего. Рассказ об этом кн. Петра Волконского. Пояснения В.Заикина. Ликвидация русского католицизма большевиками.

1. Ахилл Ратти, как апостолический визитатор в Варшаве в 1918 году. Прошлое Ахилла Ратти. Назначение его визитатором на Россию. Желание ехать в Россию и пострадать. Отказ Папы Бенедикта XV. Положение Православной церкви в Польше во время немецкой и австрийской оккупации. Отношение католического духовенства к оккупационной власти и к православному населению. Ликвидация православных храмов. Продолжение этой же политики при образовании самостоятельного польского государства. Знакомство А.Ратти с прошлым унии на Подляшье. Восстановление Подляшской епархии. 2. Польско-советская война и договор в Риге в 1921 году. Ахилл Ратти как папский нунций в Польше. Польская конституция 17 марта 1921 года. Юридическое положение римско-католической и Православной церкви. Назначение А.Ратти архиепископом Милана с возведением в сан кардинала в 1921 году. Он покидает Польшу. Русский вопрос при Бенедикте XV. Отношение Ватикана к советской власти. Миссия Ватикана в России в 1922 году для оказания помощи. Генуэзская конференция, отношение к ней Ватикана и Русской Православной Церкви за границей в лице митрополита Антония (Храповицкого). 3. Иезуиты и Россия. Посольство А.Поссевина в Москву при Иване Грозном. Попытка соблазнить Ивана Грозного унией. Неуспех миссии А.Поссевина. Мысль последнего о создании унии в Польше. Иезуиты и Восточный обряд. Борьба за Восточный обряд на протяжении 376 лет. Полная победа. Предоставление ордену иезуитов образования Восточной ветви. Награждение кардинала А.Ратти польским

орденом Белого Орла (13 января 1922 г.). Смерть папы Бенедикта XV. Избрание кардинала Ратти папою 6 февраля 1922 года. Папа принимает имя Пий XI.

Глава пятая

Старые пути и новые средства 74

1. Программа Ватикана в отношении России: соглашение с большевиками и Восточный обряд. Заявление Подляшского епископа Пшездецкого о том, что форма галицийской унии не может быть применена на Подляшье. Необходимо воспользоваться русским синодальным обрядом. 2. Восточный обряд католической церкви в настоящее время. Флорентийская уния и ее последствия для Рима — переход центра Православия в Россию. Брестская уния и отношение к ней католического духовенства в Польше. Уния и национальный вопрос. 3. Восточный обряд — это Россия. История отношения Рима к Восточному обряду. Преимущество латинского обряда над греческим. Отношение к Восточному обряду вселенского патриарха. Национальная польская церковь западного обряда в составе Православной Церкви в Польше, в 1926 году. Неудача этого опыта. Признание Римом равноценности обрядов. Уния «снизу» ввиду невозможности осуществить унию «сверху». Взгляд папы Пия XI на объединение католиков и православных и проповедь этого объединения. Выражение чувства любви и уважения к востоку. Инструкция 10 декабря 1923 года для ведения унийной работы в Польше. Организация Восточной ветви ордена иезуитов в Польше в Альбертине. Появление восточных ветвей других монашеских орденов. Редemptористы. Капуцины. Кармелиты и другие. 4. Уния на Подляшье. Нахождение бывшего митрополита Могилевского и всех католических церквей в России барона Роппа в Варшаве и отношение его к Восточному обряду. Его викарий А.ОколоКулак издает специальный журнал «Китеж». Основание Миссионерского Института в Люблине. Оставление о. Д.Колпинским Польши в 1929 году. Разочарование русских католиков в успехе под влиянием политики римо-католического духовенства.

Глава шестая

Римская поэзия и польская проза 94

1. Консигорская речь папы Пия, 24 марта 1924 года. Образование при конгрегации Восточных Церквей комиссии «Pro Russia». Появление на первом плане иезуита Михаила Д'Эрбиньи. История конгрегации по греческим делам и конгрегации — Пропаганда в отношении к Православию. Задачи комиссии «Pro Russia». Передача Папского Восточного Института иезуитам. Издание журнала «Orientalia Christiana». 2. Миссия д'Эрбиньи в России. Взгляд Ватикана на роль польского духовенства в России. Прибытие д'Эрбиньи в Москву в сентябре 1925 года. Его оценка положения церкви. Встреча с иерархами обновленчества. Его заключительные размышления перед отъездом из Москвы. 3. Конкордат Рима с Польшей 10 февраля 1925 года и преимущества, полученные католической церковью. Забота об образовании клира Восточного обряда. Латинское духовенство должно поддерживать Восточный обряд. Предоставление особых полномочий в отношении Восточного отряда католической иерархии. Съезд католических епископов по вопросу Восточного обряда в 1925 г. 4. Съезд католических епископов 9 ноября 1926 года в Вильно и выработка методов работы в отношении совращения православ-

ных. Начало разложения Православной Церкви в Польше при помощи Восточного обряда.

Глава седьмая

Разрушительная любовь 107

1. Иезуиты в Польше утверждают за собой право заботиться о тех, кто находится вне католической церкви. Апостольство на Востоке — одна из важнейших забот Церкви. Возражение против этого «апостольства» со стороны польских политиков. «Перелеты» — «кадры апостольства». 2. Судьба «перелета» прот. Марка Ячиновского. История Евгения Слезко. Переход архимандрита Филиппа Морозова в Восточный обряд. Судьба Ф. Морозова и расхождение с католическим духовенством. Возвращение Ф. Морозова в православие 9 января по ст. стилю 1927 года. Борьба с православием в Вильно. Обращение по этому поводу к католическим властям арх. Ф. Морозова. История Ружицкого, Федора Чистовского, Гапановича. Осложнения в Гродненской епархии и на Холмшине. «Апостол» единения Вл. Леснобродский, лишенный сана. Борьба из-за церкви в селе Старый Бубель на Подляшье. История «перелета» Алексея Филипченко. Переход бывшего ректора Кременецкой Духовной Семинарии прот. Петра Табинского в Восточный обряд. Смущение в украинских кругах. 3. Трагическая история церкви села Костомолоты на Подляшье. Насилия ксендза И. Бороздзича. Униатский священник Василий Грош и его история. Трагическая судьба православных в Жабче на Воьльни. Борьба из-за церкви летом 1928 года. Сопrotивление православного населения при отобрании церкви и последующий суд. Сопrotивление при отобрании церкви для Восточного обряда в с. Курашеве Вельского уезда Гродненской епархии и судебный процесс.

Глава восьмая

Удар 1929 года 127

1. Продолжение пропаганды объединения православных с католиками в Риме. Обращение папы к профессорам и студентам Восточного Института 24 марта 1927 года. Заявление папы от 19 октября 1927 года. Энциклика «Mortalium animus». Энциклика «Regum orientalium» по Восточному вопросу от 8 сентября 1928 года. Программа церковной работы в направлении утверждения Восточного обряда. Закладка русской коллегии «Russicum» 11 февраля 1929 года. Освящение при ней церкви во имя св. Антония. В этой Коллегии проживает епископ для хиротоний в византийском обряде А. Евреинов. Создание особой комиссии для кодификации канонического права Восточной Церкви под председательством кардинала Гаспари. 2. Неудача новоуниатского движения в Польше. Миссия Православной Церкви среди католиков и униатов на Лемковщине и в Галиции, ее успехи. Прямое действие католической иерархии против Православной Церкви. Предъявление к епархиальным властям Православной Церкви 724 исков об отобрании святынь и церковного имущества приходов, которые в свое время находились в унии. Возбуждение польского общественного мнения. Оправдания католической иерархии. Папа через нунция Мармаджи становится на сторону католической иерархии. К ним присоединяется голос митрополита Могилевского Роппа. Возражения против исков и возможности судебной борьбы со стороны митрополита А. Шептицкого. Участие польской и заграничной печати. Судебная борьба. Победа православных. 20 ноября 1933 года наи-

высший суд в Варшаве признает, что споры между исповеданий не подлежат компетенции суда.

Глава девятая

Разрыв 143

1. Послание папы Пия XI от 2 февраля 1930 года, осуждающее церковную политику большевиков. Моление в связи с гонениями на церковь в Советской России 19 марта в Базилике св. Петра, в присутствии папы. Такие же молебны католической церкви во всех странах. Молебствия 16 февраля в Вестминстерском аббатстве. Осложнение в православной церкви в Польше в связи с отказом служить одновременно молебны. Благодарность митрополита Дионисия папе и ответ статс-секретаря Пачелли от 25 ноября 1930 года. 2. Споры в католической церкви по поводу Восточного обряда. Утверждение что католичество и Православие не стороны в историческом процессе. Выступление епископа д'Эрбиньи против большевиков в Риме в 1932 году. Осложнение по поводу комиссии «Pro Russia». Возражения против этой комиссии поляков. Участие в комиссии литовского националиста епископа Петра Бучиса. В комиссии «Pro Russia» нет представителя Польши. В России поляков устранили от посвящения в католические епископы. Папа Пий XI, несмотря на это, выражает свои симпатии Польше. 3. Назначение в Польшу визитатором галичанина редemptориста Николая Чарнецкого и хиротония последнего во епископы в Риме 8 февраля 1931 года. Возражение против этого польских политиков. Неудовольствие митрополита А.Шептицкого по поводу устранения униатского галицийского духовенства от участия в работе Восточного обряда. Папская семинария Восточного обряда в Дубно. 4. Неуспех Восточного обряда и созыв «Конференции священников по делу церковной унии» по инициативе иезуитов. Конференции собирались в Пинске. Первая — 23–24 апреля 1930 года, вторая — в 1932 г., третья — в 1933 г., четвертая — в 1934 г. И последняя, седьмая, — в 1939 г. Характер и состав этих конференций. Споры между иезуитами, католическим духовенством и униатами по поводу самого характера работы. Смерть епископа С.Лозинского 26 марта 1932 года. Продолжение споров о принципах работы Восточного обряда. Начало выхода двухнедельного журнала «Oriens», посвященного религиозным вопросам. Издание «Восточной Миссии о.о. иезуитов в Польше». Редактор — о. Я.Урбан. Выходил с января 1933 года в Кракове, а с 1 декабря 1935 года — в Варшаве. 5. Образование монастыря бенедиктинцев Восточного обряда в Амей в Бельгии. Осложнения в работе деятелей из Амея. Ограничения деятельности Амей только одной Россией. В Польше — господство иезуитов. Ликвидация монастыря Амей. 6. Возражения против Восточного обряда со стороны польского и украинского общественного мнения. Защита со стороны д'Эрбиньи. Литературная полемика. Появление книги графа Лубенского «Дорога Рима на Восток». Запрещение этой книги архиепископом Варшавским А.Каковским. Полемика вокруг книги. 7. Совещание епископов Восточных епархий в Польше в Риме в октябре 1933 года. Прием совещания папой Пием XI. Съезд в Риме в октябре (25–28) русских священников Восточного обряда в доме иезуитов. Удаление епископа д'Эрбиньи. Его место занимает секретарь конгрегации для особо важных дел Гардини. П.Бучис командирован в Америку. Книга о. кн. Александра Волконского «Католичество и священное предание Востока». Конеч комиссии «Pro Russia».

8. Русское католичество в Манджу-ди-го. История развития. Назначение Абрантовича. Деятельность сестер урсулинок. Отношение к Восточному обряду православного духовенства в Харбине. Участие монашеских орденов. Восточный обряд в Америке. Освящение первого храма в Лос-Анджелесе в 1936 году. Заявление по этому поводу митрополита Феофила.

Глава десятая

Будни Восточного обряда 172

1. Споры среди католиков в Польше по поводу Восточного обряда. Для чего он назначен. Католики в Польше не понимают равноценности обрядов. История кражи документов у епископа д'Эрбиньи его секретарем свящ. Александром Дейбнером. Разъяснения последнего. Письмо А. Дейбнера и отношение к нему иезуитов. 2. Рим сдает позиции. Комиссия «Pro Russia» изменяет свое назначение и будет обслуживать католиков только в России. Дело передается Конгрегации для Восточной церкви. Секретарем этой Конгрегации назначается Е. Тиссеран. Новая инструкция для ведения унийной работы 27 мая 1937 года. Обязанности епархиальных католических епископов и клира поддерживать Восточный обряд. Инструкция эта назначена для католических епархий в Польше, за исключением Галиции. Восточный обряд и Конкордат. Развитие инструкции в распоряжении от 25 марта 1937 года «О Юрисдикции Св. Конгрегации для Восточной церкви». 3. Продолжение мер по развитию Восточного обряда. Присутствие на Велиградском конгрессе епископа Леонтия, и осложнения в связи с этим. Восточные недели в Италии. История Восточных богослужений в соборе св. Петра и в других храмах Рима. Международный конгресс «Pro Oriente Christiano» в Риме в мае 1937 года. Итоги развития русского католицизма в Европе после войны. Канонизация папой Пием XI иезуита А. Боболы в 1937 году.

Глава одиннадцатая

Накануне катастрофы 192

1. Отношение польского правительства к Православной Церкви до времени разделов Польши. Пинская Конгрегация 1791 года. Продолжение традиционной политики в отношении Православия польского правительства после 1918 года. Попытка созвать Собор Православной Церкви в Польше. Возражения правительства. Компромисс. Правительство берет дело в свои руки. Образование предсоборного собрания. Выступления украинцев. Демонстрация в Почаевской Лавре против митрополита Дионисия 10 сентября 1933 года. Передача Волынской епархии из ведения митрополита Дионисия архиепископу Александру. 2. Смерть Иосифа Пилсудского. Наступление на Православие украинцев. Образование комиссии 25 ноября 1934 года для перевода богослужебных книг на польский язык. 11 ноября 1936 года митрополит Дионисий служит молебен по-польски. Поляки считают полонизацию Православной Церкви «сумасшествием». Полонизация духовных православных школ в Польше. Хиротония военных священников Шретера и Семашко во епископы. Выражение печали православной иерархии по поводу смерти И. Пилсудского и включение его имени в диптихи церквей и монастырей. Протесты по поводу гонения в Америке. 3. Положение униатской церкви. Борьба против западных обычаев. Саботаж в Галиции и требование правительства, дабы униатская церковь его осудила. Униатская иерархия уклони-

лась. Переход униатов Галиции в Православие. 5 августа 1934 года с Православием воссоединяется княжеский город Галич. Юбилей 300-летия со дня смерти униатского митрополита В.Рутского. Униатский съезд во Львове. Расхождения на этом съезде. Открытие украинского Католического Института Церковного Единения во Львове, 17 февраля 1939 года. 4. Генеральный Синод католических иерархов в Польше. Визит митрополита Дионисия румынскому патриарху Мирону. Удостоверение благополучного наложения Православной Церкви. Насильственное обращение крестьян села Гринки Волынской губернии в католичество. Продолжение таких действий в селах, пограничных с Советской Россией. Вмешательство иерархии и Сейма. Правительство отказалось признать принуждение. К обращению в католичество предназначено 350 тысяч человек. 5. Попытка ввести новый стиль в Польше и неудача. Вопрос о пополнении святцев Восточного обряда именами западных святых. Приглашение старообрядца изографа Пимена Сафронова в Рим для руководства школой живописи для надобности Восточного обряда. Хиротония А.Евреинова в епископы Восточного обряда, для эмиграции. Следование мощей нового святого иезуита А.Боболы в Польшу. Заявление иезуитов, что католицизм есть воюющая церковь и будет бороться с тем, что считает сопротивлением Христовой воле. 6. Ликвидация православных храмов в Холмшине. Ответный визит румынского патриарха Мирона митрополиту Дионисию. Выражение признательности польскому правительству за внимание к Православной Церкви. Дальнейшие разрушения храмов. Обращение Собора епископов. Обращение митрополита А.Шептицкого. Послания конфискованы. На Волини полиция обращает православных в католичество. Иезуиты растеряны. Освящение в Гродно фундамента будущего храма для «православных поляков». Православная иерархия принимает все законы, одобренные правительством и благодарит. Свидание епископа Петра Бучиса с экзархом Московской патриархии митрополитом Елеферием в Ковно по вопросу объединения. Свидание безрезультатно.

Глава двенадцатая

Катастрофа 214

1. Смерть Пия XI. Статс-секретарь Пачелли — папа Пий XII. Папа Пий XII не проявляет интереса к Восточному обряду. 950-летний юбилей Крещения Руси в Риме. Служба по Восточному обряду у св. Петра 21 мая 1939 года. Ответ Рима Собору епископов в Америке о том, что Св. Престол выражает сожаление по поводу событий в Польше. Прием папой русских эмигрантов 6 июня. Увольнение должностного секретаря Синода Ю.Г. Рошицкого. Смерть Подляшского епископа Пшездецкого. Юбилей митрополита А.Шептицкого при отсутствии католического духовенства. Закон об урегулировании имущественного положения Православной Церкви в Польше. Захваченное имущество не возвращено. Седьмая конференция — продолжение Пинских конференций в Вильно. Она связана с 500-летием Флорентийской унии и 100-летием воссоединения униатов с Православием. Борьба с Восточным обрядом в Греции. Польское правительство в законе о правовом положении православной церкви запрещает вводить какой-либо новый порядок. Итоги Восточного обряда.

Заключение

После катастрофы 220

1. Немецко-польская война. Положение униатской церкви в Восточной Галиции. Возрождение идеи украинской независимости. Активность галичан. 2. Православная Церковь в Варшавском Генерал-Губернаторстве. Расхождение между митрополитом Дионисием и митрополитом Серафимом. Образование новой иерархии. Попытка митрополита Дионисия распространить свое влияние за пределы Генерал-Губернаторства. Автономная украинская церковь. Хиротония автокефальных епископов в Пинске. Борьба автономной и автокефальной украинских церквей. Убийство митрополита Алексея 7 мая 1943 года. Убийство автономного епископа Мануила. Отрицательное отношение к признанию автокефальной украинской церкви со стороны Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей. Конец церковной деятельности митрополита Дионисия. Смерть митрополита А.Шептицкого 1 ноября 1944 года. Уния в Восточной Галиции и ее ликвидация. Собор 8 марта 1946 года во Львове. 4. Украинская униатская церковь за океаном. Усиление униатской иерархии в Канаде. Отдельная Православная украинская церковь в Канаде. Выступление митрополита Иллариона в Канаде. Вопрос о соединении двух вероисповеданий в униатской публицистике. Продолжение старой политики Рима в Восточном обряде. Будущее католичества и Православия.

Примечания 239

Источники

К.Н. Николаев

На ложном пути 252

К.Н. Николаев

Воссоединение униатов с Православной Церковью в 1839 году и Конкордат Рима с Россией в 1847 году 265

Протоиерей Иоанн Наумович

Пятидесятилетие воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов 294

И.Соколов

Биографическая справка о протоиерее Иоанне Наумовиче 337

Оглавление 352

Возникновению, историческому развитию и отношению разных слоев христианского мира к «восточному обряду» и посвящена настоящая книга К.Н. Николаева. Книга эта заслуживает самого внимательного отношения. Ее надо не только прочитать, но и хорошо запомнить содержащиеся в ней уроки. Автор по своему прошлому и своему положению имел возможность наблюдать очень многое и составить себе ясное представление о работе римокатолических миссионеров в Польше и России. Юрисконсулт Варшавской митрополии в течение ряда лет, близкий наблюдатель всего совершившегося в пределах Польши, свидетель разрушения многих десятков православных храмов (о чем, кстати, не принято вспоминать и неловко говорить в наше время компромиссов с разными видами зла), борец за гонимое Православие в той же Польше и благодаря всему этому прекрасный знаток всего дела, К.Н. Николаев зорко следил и за развитием любвеобильной попечительности римских апостолов в среде отколовшихся от Рима «схизматиков»...

Книгу К.Н. Николаева надо признать очень удачной и ценной именно как напоминание всем нам о непрекращающейся опасности римокатолических обращений всех растерявшихся, всех малодушных, всех малосведущих людей. Надо помнить, что за словами о любви Римского первосвященника скрывается желание подчинить себе; что за желанием «взаимного ознакомления» и «сближения» стоит единая цель — обращение в католицизм; что так называемый «восточный обряд» вовсе не есть какая-то незначительная внешняя ритуальная подробность. Здесь не может быть «все равно» или «это совсем не важно», «это только внешнее». «восточный обряд» — большая и реальная опасность для наших детей, наших простецов, наших малоцерковных людей. Опасность и потому, что он покоится на неискренности.

Профессор архимандрит КИПРИАН (КЕРН)